

ОДЕСЬКИЙ ЛІТЕРАТУРНИЙ МУЗЕЙ

**ДОМ
КНЯЗЯ ҐАґАРИНА**

Збірник наукових статей і публікацій

Випуск 9

Одеса • 2020

УДК 069.02:82(477.74-21)
ББК 83.3(4Ук-4Оде-2Оде)Л6
Д 66

*Збірник видано за сприяння
Почесного громадянина м. Одеси та Одеської області
С.Р. Гринецького*

Редакційна колегія:

Липтуга Тетяна Іванівна, директор ОЛМ

Семикіна Галина Георгіївна, провідний науковець

Яворська Олена Леонідівна, завідувача відділом науково-дослідницької та експозиційної роботи ОЛМ

Д 66 **Дім князя Гагаріна** : Збірник наукових статей і публікацій / Одеський літературний музей. — Вип. 9. — Одеса : ФОРМ Бондаренко М.О., 2020. — 488 с. : ілюстр.

ISBN 978-617-7829-58-3

У збірнику представлені роботи з історії літературного життя Одеси: перші публікації рукописів українських та російських письменників XIX–XX ст., матеріали до біографій діячів культури, опис раритетних експонатів з фондів Одеського літературного музею.

В сборнике представлены работы по истории литературной жизни Одессы: первые публикации рукописей украинских и русских писателей XIX–XX вв., материалы к биографиям деятелей культуры, описание раритетных экспонатов из фондов Одесского литературного музея.

УДК 069.02:82(477.74-21)

ББК 83.3(4Ук-4Оде-2Оде)Л6

ISBN 978-617-7829-58-3

© Одеський літературний музей, 2020

*А дом князя Гагарина!
Тот дом, в котором открыл
свою деятельность одесский
Литературно-художественный клуб!*

А. М. Дерибас

Содержание / Зміст

Гриневецький С.Р. Вітання	3
Рутківський В.Г. Передмова.....	7

Статті

Закінна Г.В. Фольклор про Чорноморських козаків та інформація про Одесу в першому українському журналі «Основа» (1861–1862).....	13
Семькина Г.Г. «...стараясь журналу дать форму, приличную нашим намерениям» Рукописный журнал одесских лицейстов «Ареопаг» (Одесса, 1829. – Ч. IV. – № 1–3).....	21
Пеший А. И. Михаил Лукич Озмидов – архитектор, издатель, благотворитель (1836–1897).....	125
Панасенко Н.Н. Одесское окружение К. Чуковского: В.Ф. Лазурский	171
Закінна Г.В. Дивна птаха з монастирського саду (Лідія Березіна)	183
Левченко В.В. В начале творческого пути: одесский период жизни Л.П. Гроссмана	188
Божко А.И. «Не дай мне, Боже, умереть в чужой земле...». <i>Рукописи А.М. Федорова в фондах ОЛМ</i>	204
Ярмолинец Вадим (США). Семейные воспоминания Вадима Викторовича Федорова	231
Шаргородский С.М. «Я такая невинная...». Юрий Олеша и Эдуард Багрицкий: Две заметки о двух одесских поэтах осенью 1915 года	244
Ергеєва Е.И. Рукописи Юрия Олеша в фондах ОЛМ.....	254
Тименчик Роман (Израиль). Стиховая одессика между акмеизмом и футуризмом. Одесса в поэзии 1910-х гг.	265
Голубовский Е.М. Нас ждет Цувамма	286
Каменский В.В. «Цувамма». Репринт книги	290
Яворська О.Л. Михайло Жук про Михайла Коцюбинського. Спогади з фондів ОЛМ.....	301
Нестерчук Д.В. «...Листи гинуть серед космічних просторів...» Листи Михайла Жука до Павла Тичини: 1925-1962 рр. <i>Із фондів ЛММК</i> П.Г. Тичини в м. Києві та ЦДАМЛМ України	363
Козаченко О.М. Польські поети в перекладах Михайла Жука. <i>З фондів ОЛМ</i>	375
Яворская А.Л. «Контрреволюция не спит: все заговор за заговором...» «Дело подпольной белогвардейской организации» и повесть В. Катаева «Уже написан Вертер». По материалам Галузевого архива СБУ	385
Рыбникова Т. Г. Документ из «времени больших ожиданий».....	414
Свирская Е. А. Новые поступления в фонды ОЛМ. <i>Рукописи и фотографии</i> Семена Кирсанова.....	420
Горбатьок В.І. Літо після вирію. Панько Педа: творчість і доля	428
Донцова Т.Е. К истории одной охранной доски, или На что нам памятные знаки?	450
Седлецкий Михал (Польша). Одесса в стихах Петра Скрийка: Между мифом, музыкой и историей.....	458

Публикации

Рукописный журнал одесских лицейстов «Ареопаг» (Одесса, 1829. – Ч. IV. – № 1–3).....	36
А.М. Федоров. Стихи 1920-1947	222
В.В. Федоров. Воспоминания.....	232
Ю.К.Олеша. Письма, записки, рецензии	254
В.В. Каменский. Цувамма	290
М.І. Жук. Спогади про Михайла Коцюбинського	312
М.І. Жук. Листи до П.Г. Тичини. 1925-1962.....	365
М.І. Жук. Переклади	375
В.П. Катаєв. Тюремні стихи.....	385
Коротко об авторах	465
Издания Одесского литературного музея и при участии музея	467
Именной указатель / Іменний покажчик.....	474
Список сокращений	487

Шановні друзі!

Сьогодні музеї Європи починають активно збирати матеріали і документи періоду пандемії COVID-19 для збереження історичних свідчень та створення літопису подій.

Тож новий випуск наукової збірки «Дом князя Гагарина» має усі шанси претендувати на роль раритету, оскільки побачить світ саме у ці незвичайні часи. Дев'ятий випуск безумовно стане артефактом часу, свідченням того, що життя та наукову думку неможливо зупинити, так як не вдалося зупинити і команду проекту «Дом князей Гагариных». Він продовжує своє життя, як кажуть «за будь-якої погоди».

Цікаво, що автори представлених у збірці статей під час досліджень виявили себе не лише як літературознавці і краєзнавці, а й як культурологи і навіть політологи, аналізуючи події епохи, на тлі яких розвиваються ті чи інші літературознавчі процеси.

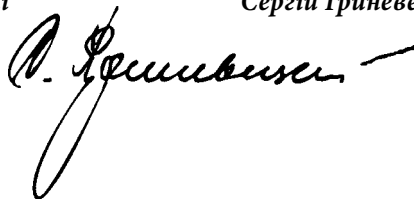
Вражає широта діапазону досліджень, всеохопність різних напрямів, а також невичерпність тем і вміння дослідників відшукати нові наукові "родзинки" там, де здавалось би вже все достеменно вивчено, наприклад творчість Паустовського, Катаєва, Кірсанова тощо.

Я щиро пишаюсь тим, що сьогодні ми продовжуємо цю шляхетну традицію збереження своєї культурної історії.

Отже, можемо сміливо стверджувати: наука та просвітництво – проти COVID 19!

**Почесний громадянин
м. Одеси та Одеської області**

Сергій Гриневецький

ПЕРЕДМОВА

Вперше з Одеським літературним музеєм мене пов'язав випадок, датований 1981 роком. Тоді в московському видавництві «Детская література» мала вийти моя казкова повість «Бухтик з тихого затону». Але раптом редактори телефонують мені і просять негайно приїхати в Москву. Виявляється, саме на той час між дитячими авторами – «реалістами» та «казкарями» – зчинилася чергова сварка за вплив на видавництво. Перемогли «реалісти», і заступник головного редактора, який тягнув за них руку, відмовився візувати мій рукопис. Всі намагання переконати його виявилися марними. То, може, мені це вдасться?

Заходжу до кабінету заступника головного. Маленький лисий дідусь простягає мені верстку, геть сіру від олівцевих креслень і каже: книжку можна врятувати при умові, що автор врахує всі зауваження за два дні, в чому особисто він сумнівається. «А ви звідкіля?» – раптом цікавиться дідусь. Відказую, що з Одеси. «А Ланжеронівську знаєте?» «Так. Тільки вона зараз вулицею Ласточкина називається». «А Градоначальницьку? Я на ній народився.» «Зараз це вулиця Перекопської перемоги. Я неподалік від неї живу». «То ми, виявляється, не тільки земляки, а ще й сусіди! – посміхається дідусь. – А про альманах «Потоки Октября» чули?» Відказую, що чув і навіть читав. Дідусь безмежно щасливий. «Ми його «Потьоками Октября» називали. А як вам ваш літературний музей?» Відказую, що я там свій і дружу з директором та його заступником. «Ох, і дівчата ж там! – мрійно каже дідусь. – Куди до них нашим москвичкам! Уявляєте, нещодавно до мене приїхало трійко з проханням передати щось для одеського музею. І так вже обкрутили мене, що я й не зчувся, як віддав їм не тільки матеріали про «Потоки...», а й майже весь свій архів. Правда, в останню мить мені стало шкода набутого за стільки років, то ж я сказав, що вони можуть забрати стільки, скільки винесуть за один раз. А там була така купа, що й трьом здоров'ям не під силу. То поки одна з них вдячно розцілювала мої щоки, двійко інших навіть клаптика не лишили!» Дідусь втирає розчулену сльозу, ставить на титульній сторінці розгонистий підпис і каже: «Передайте дівчатам, щоб стерли всі зауваження і здавали до друку»... Тож я й до сьогодні вдячний працівникам Одеського літературного музею за, бодай і мимовільне, врятування моєї повісті.

Оскільки автори передмов до наукового збірника «Дом князя Гагарина» зазвичай розглядають тексти з огляду на свою професію, то я теж розглядатиму їх з письменницької площини зору.

Природно, що збірник відкриває розвідка Г.В. Закіпної «Фольклор про Чорноморських козаків та інформація про Одесу в першому українському журналі «Основа» (1861-1862)». Адже саме чорноморські козаки першими

увірвалися в Хаджибей, і стали мешканцями новоствореної Одеси та її околиць. Тож маємо лише дякувати авторів, яка з допомогою «Основ» знайомить читацький загал з їхнім побутом та звичаями. Я багато писав на козацьку тематику, але визнаю, що деякими подробицями з їхнього життя з радістю скористався б і зараз. І, мабуть, не лише я один.

Публікацією Г.Г Семикіної «...стараясь журналу дати форму, приличную нашим намерениям» Рукописный журнал одесских лицейств «Ареопаг» (Одесса, 1829. – Ч. IV. – № 1–3)» закінчується огляд рукописного журналу лицейств Рішельєвського лицю «Ареопаг». Автор характеризує рівень історичних, географічних та економічних наук пушкінського часу та відзначає неабиякий обсяг інтересів юних редакторів та упорядників. І, звісно ж, подає велику підбірку віршів юних поетів, та їхні переклади творів зарубіжних класиків, заради чого, власне, і створювався «Ареопаг». І хоча закид автора на деяку вторинність і недосконалість їхніх текстів має право на існування, все ж, на мою думку, варто було б їх порівнювати не з кращими взірцями того часу а, скажімо, з творами сучасних початківців. І тут порівняння, безперечно, буде не на нашу користь.

О.І.Пеший.«Озмидов – архитектор, издатель, благотворитель (1836-1897)» Де Рибас, дук Рішельє, Маразлі, Новосельський – це вершини, які відомі кожному одеситу. А ким були ті, хто своєю працею творив їм реноме? Тож маємо тільки дякувати О. І. Пешому, який досліджує життя і трудовий шлях одного з них – архітектора, видавця, благодійника Михайла Лукича(Павловича) Озмидова. Під його керівництвом Одеса робила перші кроки в своєму благоустрої. Він приймав безпосередню участь в проектах, пов'язаних з прокладенням водоводу, газовим освітленням, колекторами, впорядкуванням порту, наведенням порядку на залізниці. А вийшовши на пенсію, стає редактором-видавцем збанкрутілої газети «Одеський телеграф», яка невдовзі стає такою ж популярною, як у наші часи – «Вечірня Одеса», редагована Б.Ф. Дерев'янком. Від принципової позиції Озмидова потерпали лихварі, нечисті на руку чиновники та зажерливі забудовники; на нього скаржилися, його залякували і навіть арештовували. Але він якщо й звертався до суду, то лише з проханням про відтермінування арешту на час, який потрібен для вичитки і підпису газети до друку. Вважаю, що Озмидов – це той герой, якого довго й безуспішно шукає наша література.

Н.Н.Панасенко в дослідженні «Одесское окружение К. Чуковского» згадує В.Ф Лазурського, якого наш знаменитий земляк називав «Матуся Володимир Федорович» і зізнавався, що без підтримки цієї чудової людини він пропав би під час свого перебування у Лондоні. То хто ж він насправді, цей Володимир Федорович, якому Чуковський звирявся у найпотаємніших деталях свого особистого життя? Автор наводить безліч цікавезних деталей

їхнього спілкування, переказувати які тут немає можливості. Залишаю цю приємність читачеві.

Г.В. Закіпна у ще одній статті « Дивна птаха з монастирського саду» приголомшила фразою «Наткнувшись (в густому саду одеського жіночого монастиря- В.Р.) по дорозі на великого будяка, діти уявили собі, що попали до страшного дракона, поставали навколішки й до вечора стояли так перед будяком...» Признаюся, до цього часу ім'я Дніпрової чайки – однієї з тих дівчаток – було мені хоча й відомим, але якимось віддаленим. Але ця деталь ніби зріднила мене з нею.

Херсонські літератори часто закидають нам, що у них це ім'я на слуху у всіх школярів, іменем Дніпрової Чайки називають бібліотеки та вулиці, а в Одесі її практично не знають, хоча тут вона провела найкращі роки свого життя. І дуже хочеться, щоб і для одеситів це ім'я стало таким же близьким, як скажімо, Катаєва чи Олеші. А дослідження Г.В.Закіпної стало прикладом того, як біобібліографічні розвідки переходять у практичну площину.

Літературознавець і письменник Л. П. Гросман увійшов в історію російської літератури як серйозний дослідник творчості Пушкіна та Достоевського. Проте деякі деталі його творчого шляху до сьогодні були невідомі. Тож маємо лише дякувати В.В.Левченку за його дослідження «В начале творческого пути: одесский период жизни Л. П. Гросмана».

Стаття А.І Божко «Не дай мне, Боже, умереть в чужой земле» є результатом ґрунтового дослідження рукописів відомого в дореволюційній Одесі письменника О.М.Федорова. Перед нами постає образ непересічної особистості, талановитого поета і вихователя цілого літературного покоління, гостинного одесита, навідуватися до якого вважали за честь Бунін та Купрін, де вони, між іншим, і познайомилися.. Власне, на ньому трималося літературне життя тогочасної Одеси, яке після його від'їзду розпалося на безліч «Потеков Октября». Сьогодні, наголошує А.І. Божко, це ім'я, на жаль, відоме лише спеціалістам літератури. То чом би нам не взятися всім разом та й створити бібліотечку «Літературна спадщина»? Адже Одеса нині є одним з світових центрів літератури і повинна щороку підтримувати своє реноме. І така бібліотечка може сприяти цьому. А кого видавати... Та хоча б цього ж Федорова, Віру Інбер, Семена Кірсанова, Дніпрову Чайку... Бо хто їх сьогодні знає, крім того, що вони поети?

Дослідник із США В. Ярмолинець, продовжучи розповідь про О.М. Федорова, пропонує спогади його онука – В. В. Федорова «Семейные воспоминания Вадима Викторовича Федорова». Щоправда, в передмові він зауважує, що ці записи становлять суто сімейну цінність, – але тим-то вони й цікаві, бо ж позбавлені зайвої патетики і спроб надмірного звеличування своїх покійних родаків у суспільному житті. Як на мій погляд, ці спогади є чудовим доповненням до статті А.І Божко.

Досить суперечлива розвідка С.М Шаргородського «Я такая невинна...» В першій її частині автор цитує ще по юнацькому незрілий вірш «Кларимонда» Ю. Олеші і припускає, що він написаний під враженням новели «Лунный свет» забутого нині письменника Б. Ніконова.

В другій частині С.М. Шаргородський розповідає про юну поетесу Ніну Воскресенську, якій дісталось на горіхи від одеських критиків за кілька віршів, і особливо за вірш «Я такая невинная». Та виявляється, дісталось незаслужено, бо такої поетеси, як Н. Воскресенська, в природі не існує – вона є витвором лукавої витівки Едуарда Багрицького. Можна тільки уявити, як реготав Багрицький спостерігаючи за тим, як від бідної поетеси летіли пух та пір'я! Автор статті прагне довести, що це не самостійний розіграш Багрицького, – а наслідування Гумільову чи Брюсову.

На жаль (чи на щастя) в фондах музею документа, який би засвідчував залежність Ю.Олеші від Б.Ніконова, немає. В усякому разі К.І. Єргеєва у своїй статті «Рукописи Юрия Олеші в фондах ОЛМ» про це не згадує. Втім, автора цікавить інше – вона детально аналізує матеріали, що їх надали музею друзі письменника Ф.Гопп та С.Бондарін. Серед них є чимало свідчень, які доповнюють уже сформований портрет відомого письменника.

Ґрунтовним дослідженням «Стиховая одессика между акмеизмом и футуризмом» професор Р.Тименчик (Ізраїль) зводить в оригінальному поетичному герці кращих (і не дуже кращих) представників цих поетичних напрямків за першість в оспівуванні Одеського порту. Ця тема – не лише видима частина айсбергу, за якою криються глибинні процеси епохи Срібного віку російської літератури. Це ще й своєрідне намагання через призму Одеського порту розглянути феномен Одеси. І можна лише вітати натяк автора на те, що акмеїсти з футуристами свою справу зробили і тепер черга за крає- та літературознавцями, справа честі яких – створити поетичну антологію про Одесу.

Схиляюся перед вмінням Є.М. Голубовського переконувати читача у своїй правоті. Навіть тоді, коли він сам у неї не дуже вірить. Не є виключенням і його розвідка «Нас ждет Цувамма», присвячена основоположникам футуризму В. Маяковському, Д. Бурлюку, В.Каменському. Автор статті чесно попереджає, що останній і досі знаходиться в тіні своїх більш успішних товаришів. А от читаєш в його викладі біографію Каменського і складається враження, що він у цій трійці далеко не третій. Недарма ж сучасники називають його – авіатора, чоловіка стійкого і непоступливого – мамою футуристів. Уявляю, скільки дружніх кпинів отримав він через цей титул, бо свого часу теж побував у його становищі. Тоді одеські поети перекладали вірші дагестанських побратимів по перу для спільної книги. Я запізнився на роздачу, тож мені дісталися вірші поетеси Фазу Алієвої, після чого мій друг і товариш поет Валентин Мороз представляв мене не інакше, як: «Оно пішла наша дорога Фазу Алієва».

В альманасі також вміщено репринтне видання поеми «Нас ждет Цувам-ма» Василя Каменського.

Неординарна розвідка О.Л. Яворської «Михайло Жук про Михайла Коцюбинського (з фондів Одеського літературного музею)» приводить до роздумів про нелегкі долі талановитих людей. Класик української літератури Михайло Коцюбинського та його учень, блискучий художник і письменник Михайло Жук були майже невідомі серед своїх земляків. Коли мешканці Чернігова дізналися, що сам Максим Горький високо цінує творчість Михайла Коцюбинського, вони запитували один одного: «а це не той Коцюбинський, що працює в статистичному бюро? Він що, теж пише?» Одесити також не кращі. Михайла Жука я хоча й не бачив, бо він тоді вже був прикутий до ліжка, але від старших письменників чував, що це потоптана життям людина, яка живе лише своїм минулим. Борис Нечерда, який бачив Жука і навіть розмовляв з ним, схилився до думки, що Жук геть списався і тримається лише на тому, що гріється в променях слави Коцюбинського та Тичини і навіть має нахабство називати останнього своїм учнем. Тож маємо лише дякувати фундаментальним працям С.З. Лущика та О.Л. Яворської, які повернули чесне ім'я Михайла Жука – поета, філософа, прозаїка, художника-модерніста, кераміка, професора – практично з небуття. В запропонованому дослідженні Михайло Жук постає ще й як біограф першої руки. І треба віддати належне О.Л. Яворській – вона настільки увійшла в сутність поетового життя, настільки прониклася інтонацією його письма, що її коментарі важко відрізнити від тексту самого Жука. А це – ознака професіоналізму найвищої проби.

Д.В.Нестерчук в статті «...Листи гинуть серед космічних просторів...» (Листи Михайла Жука до Павла Тичини: 1925-1962 рр.) зазначає, що серед плеяди видатних людей, котрі оточували на життєвому і творчому шляху Павла Тичину, М.І. Жук заслуговує на особливу увагу. Та й сам Тичина цього не приховував. «А коли я перейшов без іспиту в 1-й клас духовної семінарії, на той час Михайло Жук уже викладав предмет малювання і в семінарії, ну мені тоді зовсім пощастило», – згадував він. І листи засвідчують що цю взаємну приязнь та повагу автор збережуть протягом всього життя.

Цей своєрідний триптих завершує розвідка О.М. Козаченко «Польські поети в перекладах Михайла Жука». Цікавість М.Жука до них не випадкова – адже він закінчив Краківську академію мистецтв і під час навчання заприятелював з багатьма польськими та українськими письменниками, зокрема Богданом Лепким (що став йому близьким другом), Марією Конопницькою, Владиславом Реймонтом, Казимежем Тетмаером тощо.

О. Л. Яворська. «Контрреволюция не спит: все заговор за заговором...» («Дело подпольной белогавдейской организации» и повесть В. Катаева «Уже написан Вертер». По материалам Галузевого архива СБУ) Це чи не наймото-рошніші сторінки збірника. Йдеться про розгул чекістського терору в Одесі

в 1920 році, до якого були причетні і одеські поети. З одного боку – керівник одеського ЮгРОСТА поет В.Нарбут, що оспівував злодіяння одеської ЧК, а з іншого – його добрий знайомий і колега по перу Валентин Катаєв, що вісім місяців провів у застінках цього самого ЧК. Заодно О. Яворська досліджує, як цей трагічний випадок з життя визнаного класика російської літератури В. П. Катаєва відбився на його подальшій творчості.

К.О. Свирська. «Новые поступления в фонды ОЛМ – рукописи Семена Кирсанова». Автор коротко інформує про дитячі та юнацькі кроки поета і робить детальний огляд надходжень, пов'язаних з його іменем, зокрема, з віршами, написаними в різні періоди життя і творчості С. Кірсанова.

В.І.Горбатюк. «Літо після вирую. Панько Педа: творчість і доля». Цікава розповідь хмельницького письменника про життя і творчість свого земляка Панька Педи, в якій автор особливо наголошує на його одеському періоді. Зокрема, він розповідає про історію пошуків творчої спадщини розстріляного поета, в якій активну участь приймала юна одеська студентка (згодом відома вчений-психолог) І.О. Мороз.

Т.Є. Донцова. «К истории одной доски, Или на что нам памятные знаки? (доска В. М. Инбер)». Це майже детективна історія з добрячим присмаком чортівщини. На одному з будинків провулку Віри Інбер висіла табличка, яка сповіщала, що відома поетеса мешкала саме тут. І все було б гаразд, якби дослідниця, за прикладом своєї тезки по прізвищу, не поцікавилася, чи справді це так. Почалися наполегливі пошуки, супроводжені карколомними пригодами, які закінчилися тим, що меморіальна табличка щезла невідомо куди. Ну прямісінько як грамота у Гоголя! Публіка аплодує і вимагає продовження пошуків, аби з'ясувати, чому вона щезла і хто до цього приклав руку.

Статтю польського дослідника М. Седлецького «Одесса в стихах. Петра Скрийка. Между мифом, музыкой и историей» можна характеризувати кількома словами: гоголівська містифікація продовжується. Письменник українського походження Петро Скрийка, що нині мешкає в Польщі, у 2016 році видав збірку віршів «Крута дорога до Одеси». В ній автор з симпатією ставлячись до нашого міста, все ж порівнює його з Вавилонським стовпоторінням, в якому все перемішалося: Венера, махнувши рукою на грецьку піну, воліє за краще народжуватися в бокалі одеського вина; слов'янський бог Перун в боротьбі за володіння Одесою стявся з єврейським Мойсеєм, з одеського оперного театру визирає кремлівський папуга, а сама Одеса нагадує вітрильник, викинутий на мілководдя глобального світу.

Що ж, дякуємо польському землякові за таке бачення нашого міста і його історії. Але, як пише згадуваний тут Павло Григорович, «нам своє робить» – збирати розкидане по всьому світі каміння літературних пам'яток і, огранивши його від патини буднів, повертати Вічності.

*Володимир Рутківський
член Спілки письменників України, лауреат Шевченківської премії*

Фольклор про Чорноморських козаків та інформація про Одесу в першому українському журналі «Основа» (1861–1862)

Мершу сотню експонатів основного фонду Одеського літературного музею прикрашає повний комплект журналу «Основа» за 1861–1862 рр¹. Це був перший український громадсько-політичний і літературно-мистецький щомісячний журнал, незначна частина матеріалів публікувалася російською мовою. Видавався він в Петербурзі. Редактором «Основи» був В.М. Білозерський, колишній учасник Кирило-Мефодіївського братства.

Журнал «Основа» уславився передусім Шевченківською тематикою – першими публікаціями багатьох творів Т.Г. Шевченка, першими публікаціями щодо біографії поета. Саме в «Основі» з'явилися унікальні для подальшого вивчення його життєпису свідчення очевидців про останні часи життя митця. Свідки давали інформацію відразу після трагічної події, коли в пам'яті ще були закарбовані найменші дрібниці. Сам поет встиг побачити лише перший номер «Основи», який вийшов 12 січня 1861 року. Загалом в журналі надруковано понад 70 творів Шевченка. Вперше надруковано його «Щоденник» і деякі листи поета – до Яківа Кухаренка, Михайла Щепкіна, Семена Гулака-Артемівського та ін.

Втім цей журнал досить цікавий і для дослідження інших тем. Значну цікавість являють фольклорні тексти щодо життя і побуту Чорноморського козацтва. В «Основі» за лютий 1862 року Василь Тищенко під рубрикою «З народних уст» публікує чотири фольклорні оповідки:

- I. Як спалили чорноморці Очжибей, що тепер Одесом зветься.
- II. Простота чорноморської аристократії.
- III. Як пропившихся козаків знаряжають: конем, муницею і всім, що треба в поход.
- IV. Домашній побит чорноморських козаків.

Розвідка має назву «Чорноморські козаки». Василь Тищенко дає таку передмову:

Записано слово в слово от херсонського купця Гната Степановича Рябоконея. З п'ятнадцяти літ зачав він ходити на морських лотках; та й промикався по Чорному і Азовському морях, почитай, літ до шістдесяти. «Де вже я не виходив!» – казав не раз мені повістwowатель. «Був я в 38-му і 39-му годах в Румелії, був в Анадомії, був і на Капказі. Приходилося бачити багато доброго й лихого». Гнат Степанович живий ще й досі. Нехай йому легенько згадається. Більш усього любе він розказувати про Чорноморців. Бо той народ йому якось дуже по душі прийшовся. І не диво ж то: звісно – своє.

Після передмови Василя Тищенка йде оповідь самого Гната Степановича Рябоконея:

Тепер, що живуть в Чорноморії козаки, то все то покоління тих Запорозців, що колись жили в Січі. Звичай у них однакова. Сказано, яблужко від яблунки недалеко відкотиться. В 38-му году я своїм судном перевозив із Тамні на Капказ: в армію, сіно, овес, гармати і всякі военні снаряди. Нас херсонських судовиків було багато; возили ми по контракту з казною; бачите, помісячно договорювались. От, знаєте, інший час – козаки тільки жінок одних позоставляють дома; а самі підуть до берега грузити суда; якже покінчують роботи, – повертаються до дому – аж дома ні скотинки; – де що у кого було, все Черкеси поугонять. Що ж би ви думали, зажуряться вони? Як би не так. А що, хлопці, кажуть, збулись худобки; дітям молока нема; а ну лишень на роздобутки. Посідали зараз на коней, та за Кубань; а Кубань од них недалеко тече. Ото, гляди в ночі, аж земля гуде: – женуть скотини вдвоє більш як було. Той час і поділять, – і кутю таку зададуть, що держись.

І. Як спалили чорноморці Очжибей, що тепер Одесом зветься.

У мене був товариств; з ним ми мали в товаристві судно. От, того товаришта жінки дід служив ще при Потьомкіну та при Суворові в Чорноморії козаком; то він було часто нам розказує, як спалили Очжибей, теперішній Одес, – він перш Очжибеєм звався. Суворов, каже, послав Донців, щоб ті спалили непременно Очжибей. Там у Турка було багато заготовано: сіна, хліба, пороху і всякої-всячені. От Донці й пішли; та ба, – побоялись Турка; не зробили нічого. Як його, мовляли, запалить? Турка там сила. Днем на явну

смерть – не підеш; а вночі цеп обляже округи, – тоже страшно; – застукають, – там і капут; понюхали, понюхали, та с чим пішли, с тим і вернулися. Суворов розсердився; – послав їх вдруге, – вони і в третє вернулись нічого не заподіявши. Тоді Суворов убачивши, що не Донцям утнуть се діло, нарядив Чорноморців. От Чорноморці, вибравши таку ніч, що ні зги – темнена, хоч око виколи – підійшли поближче, та й послали, стільки там чоловік, розвідать, де що і як що обстоїть; а самі давай збирать помацки сухой бур'ян, щоб ге звісно було, де хто находиться, давали кресивом примітку. Де який кресне, то й видно. Тобто задля того, щоб не дуже розбродились, та щоб голосу один другому не подавали. От як узнали від тих, що посилали розвідувать, в яким місці можна цеп пройти; – кого ставили стерегти коней, а хто в оберемок сухого бур'яну – та в Очжібей; – як же туди пробрались, попідтикали під яку тільки було можна стріху сухого бадилля, та як запалили зо всіх кінців, то на вдаку, чи в самому пеклі так клекотитить, як там заклекотіло. Все до тла вигоріло; – а Чорноморці живісенькі всі до одного повтікали. Оттоді Суворов і каже «Ай да рабятя, вот маладцы, не Данцам чета. Спасиба, удружили» і Потьомкіну сказав: «эта народ маладцы». «Правда, що молодці, – замітив розказчик, – все народ видний, крепкий, глянеш на старого – йому буду літ під сімдесят, а дай ще трьох наших молодих, то каналья буду, коли не справиться. А пани у їх – не то що наші: бідний чоловік і підступить боїться; а там – любо та гарно поглядіть.

II. Простота Чорноморської аристократії.

Коло Тамані у Чорноморців є свої соляні озера. Опріч козаків, казна нікому не одпускає. Не знаю, чи і тепер так? А тоді так було. Ото диви, – валки ідуть набирать сіль; а коло жадної валки і хазяїн. Подивисся було, та й думаєш, що то хазяїни так собі, прості козаки: одежина на їх незаможня, тільки що не в одних сорочках – а в каптанках; як же розпитаєсся, то гляди – той сотник, той хорунжий, або ще й вище. От понабиравши, поросплачуються в канцелярії і одправляють хлопців продавать сіль; – а ні, то який і сам за валкою піде; які ж позостаються дома, – то це в празник і понаїздять в Тамань; та вже не в простих каптанах, а в каптанах Ангелянського сукна дорогого з вільотами; попідперезувані гарними поясами в смушевих набекрень шапках і шаблі з боку; – у другого груди так і усипані всі

кавалерією, аж горить; – інчий сивий як лунь, а молодцем таким дивиться – і Господи. Ото поприходять перш до берега, де інчий час і в празничний день іде така робота, що й дихнуть ніколи. Звісно, воєнне діло. Тоді сама гаряча робота йшла з Черкесом... Постановляться в ряд і гукнуть до своїх козаків: «Здорові були, хлопці!» – «Здріві желаєм» – ті обізвуться, аж земля дрогне. «А що, чи сіно душите?» (Козаки тоді в'язали в кіпи і полукіпи сіно, в кіпу вбивали по 12 пуд, а в полукіпу по 6). – «Душимо, ваші високоблагородія». – «Душіть, душіть та глядіть, як підете під Черкеса, то і його здушіть так, щоб аж не писнув». – «Як біг поможе, то не вивернеться з наших рук». Дадуть одвіт молодці, та зараз і вдеруть такої пісні, – що слухаєш, та й не наслухаєся... Я багато їх пісень знав – та на лихо позабував усі. Тільки і остався в пам'яті кінець однієї.

Ой, полети, галко, ой, полети чорна, та на Дін рибу їсти,

Ой, принеси, галко, ой, принеси, чорна, від кошового вісті;

Ой уже гальці, ой уже чорній та із Дону не вертатися...

Ой уже нам братці, славне Запорож'є, та з кошовим не видатися.

Цей варіант, в Записках о Южной Руси Куліша, в пісні об Швачці; – записан інче. Я читав її моному повістwowателю, щоб то довідать, чи не преінчив він його часом. «Так ні, – каже, – слова ці дуже врзались в моєї пам'яті, якби то я їх тільки вчора чув. Чого вже не знаю, або що забув, об тім і спорить не буду; а це вже що так, то вірно». Закінчив він, та й став розказувать далі:

«Ото, знаєте, постоїть, постоїть було те панство; побалакають з хлопцями та попрощавшись – всі гай до Дончика. Дончик був купець; мав він у Тамані бакалійну лавку і різні іностранні вина; та як заберуться туди, то не скоро вийдуть; зададуть там такий бенкет, що аж чортам душно стане. Що мені любо, так те, що не жаден із їхніх панів перед найбільшим пики в гору не задерє; с посліднім козаком, мовляли, розговориться, дасть йому совіт, як в воєннім, так і в домашнім ділі. Проте ж на службі – ані чичирк, – а ні, то нагаїв покуштує».

III. Як пропившихся козаків знаряжають: конем, муницею і всім, що треба в поход.

Інчий козак сірома догуляється до того, що поприває одєжину, коня і збрую; – а тут поход на носі висить. Що йому бідоласі робить? А таких там інчий раз чимало знайдеться. Начальство ж зна їх

удаль, от і велить пописувати, у кого чого не достає. І дадуть той спис старшому. Старший звелить накупить усього по тому спису, – не знаю, за чий вже гроші, мабуть за общественні, – а далі, перед тим, як виступать, постановлять в один ряд коней, накуплених по спису, розкладуть муницю; а в другім ряду, на зустріч, постановлять горемик, що попропивались; то це по спису й викликають: Грицько Тараня, або Дем'ян Куля, а ке лишень сюди! То визваний і виходить; «отце, – каже старший, – тобі кінь, оце збруя, а оце муниця; щоб же ти умів шанувать своє добро, та не забув мого наказу, то дай-те йому, хлопці, на пам'ятку п'ятдесят там, або сто нагаїв; то він пам'ятуватиме лучче». Як же хлопці зачнуть піжить, – то аж пір'я летить. Бо за таку проштранність козаки б'ють не жалкуючи. От, як одбуде неборака своє, то встане та ще й поклониться старшому і подякує за науку; старший же прочитає ще йому довгу ратацію. – Тоді за другого; та так переберуть до остатнього; як же розправу і розділ учинять, тоді помоляться Богу, посідають на коней, гаркнуть добру пісню – і марш у поход.

IV. Домашній побит чорноморських козаків.

Жили Чорноморські козаки тоді не дуже-то заможні. Та коли їм сердегам було що й придбать? Хіба тепер, як с черкесом война утихомирилась, то може й поопірились трохи; тоді ж, як я бував в їх містах, то їм ніколи було свого доглядать... Яким черза, ті ідуть на Кавказ воювать, зносить крепості, копать канали, земляні стіни видвигать – як гори. Робота була зазвонна – нічого сказать. Ті ж, котрі оставались дома, тож на печі не лежали. На березі по всяк час було діло. За хазяйством гляділи одні жінки. Степу ж у їх було доволі. От, як підійде робоча пора, то неділі за дві, або й більш, понаходять в Чорноморію на заробітки Анапці. В Анапі було багато разного, забредшого зо всіх кінців, люду, – та все біднота. Оце ж, поприходивши в Чорноморію, по договорюються з жінками убраться їх хліб – чи, там, за плату, чи з копиці; то поки прийде робоча пора, то вони їм і хати пооправляють і по хазяйству дадуть всякий порядок; а там поскошуют і хлібець, і сіно, хто скільки спромігся засіяти. Коли ж повертаються козаки до дому, то звісно, – де вже видержать, щоб не курнути! – не така натура. То жінки їх і лають: «А чорти б убив вашого батька, та з вашими козаками! Коли б не Анапці, то хати і досі б були по-вкривані вітром». А їм чорт ма й гадки; аби горілка була².

Подані до «Основи» фольклорні оповідки Василя Тищенка приваблюють своєю автентичністю, простотою і безпосередністю. В них знаходимо цікавий варіант легенди про заснування Одеси, а деталі з життя і побуту чорноморського козацтва взагалі становлять неабияку цінність для дослідників.

В травні 1862 року «Основа» публікує «Оповідання про те, як Запорожці пішли із Січі до Турка», подане до журналу Вс. Коховським. Головні герої цієї історичної легенди – українські козаки, граф Рум'янцев та Катерина II. За сюжетом легенди Катерина II відібрала в козаків їхні землі, занапастила «славне запорожецьке військо» через наклеп Рум'янцева, що буцім-то козаки нехрещені. Козаки довели свою християнську віру, але землі цариця їм не повернула, хоча й визнала, що повірила наклепу і повинилась: «А вже ж землю оддала панам, а їх насідало тут... от як самі бачите. А земля се була Запорожецька»³.

Продовжила історичну тему виходу козаків за Дунай історична пісня «Ой жалуються хлопці...»⁴, вміщена в «Основі» за листопад 1862 року.

Читачів журналу «Основа» інформували не тільки про минуле Одеси та її жителів, але й про тодішнє життя городян, про події й новини у житті південного міста. В жовтні 1861 року «Основа» публікує повідомлення про ініційований Миколою Івановичем Пироговим конкурс на кращу розвідку за темою «Історія Київського університету та ліцеїв – Ніжинського та Одеського»⁵. На той час М.І. Пирогов був попечителем Одеського навчального округу. Серед багатьох корисних речей, зроблених Пироговим в освітянській галузі Одеси і краю, першорядною було реорганізація найстаршого навчального закладу міста – Рішельєвського ліцею в Новоросійській університет. «Основа» за березень 1862 рік повідомляє про цю визначну для краю подію⁶.

В «Основі» за жовтень 1861 року опубліковано статтю М.Н. Дарагана «После поездки на юг», в якій автор описує Одесу як грандіозний промисловий центр. М.Н. Дараган пише про особливості праці в Новоросійському краї:

...в обширных степях Херсонской и Екатеринославской губерний, в большом числе кочуют, удобно скрываясь от полиции, так называемые бурлаки, т.е. беглые помещичьи крестьяне или солдаты. Эти люди, нисколько не опасаясь быть захваченными, всегда к услугам желающего пользуются их трудом. Паспортов ни у кого не спрашивают, и наниматель может не знать, кто у него рабо-

тает, а если и знает, что такие-то из нанятых – бродяги, то при всем желании продать их в руки надлежащей власти, не решится этого сделать, опасаясь товарищей пойманного, которые жестоко отомстили бы за такой поступок. Цены на труд в Новороссийском крае уже несколько лет держатся довольно высокие...⁷

Відомий факт, що серед перших жителів Одеси було чимало біглих кріпаків, тільки що відвойовані землі потребували робочих рук, і влада була не особливо прискіплива – чи це вільні люди прийшли ставати до роботи, чи це чиїсь кріпаки-втікачі, всім знаходилась певна робота на нових землях. Але цікаво, що ця тенденція збереглась впродовж всіх літ існування кріпацтва, і навіть по відміні його, як бачимо з дати публікації.

В липні 1861 року в «Основи» дають повідомлення про діяльність Одеської публічної бібліотеки⁸, і в цьому ж номері наводять список механічних закладів в Одесі⁹, такий різнобічний добір інформації дозволяє дати картину розмаїтості життя південного міста. Не забувають в «Основи» і про сільське господарство на Одещині, в своїх замітках «Степні листи» дописувач М.М. Левченко повідомляє: «Прошлый год замечателен еще введением новой отрасли в нашем хозяйстве, а именно: верблюдов»¹⁰.

Така добірка інформацій з Одеси і про Одесу, про минуле й сучасне життя міста свідчить про бажання видавців «Основи» донести до читача якомога більше звісток про Одесу і дозволяє залучити перше українське періодичне видання до автентичних інформаційних джерел про історію Одеси ХІХ сторіччя. Фольклорні джерела, видрукувані в «Основи», дають можливість дослідити непересічний підхід народу до створення легенд про заснування Одеси та життя й побут чорноморського козацтва.

Втім щонайбільша інтрига полягає в самому факті заснування в Петербурзі – імперській столиці – першого українського періодичного видання. Видання, в якому активно публікувались ще донедавна «люди поза законом», а саме – учасники Кирило-Мефодіївського товариства Микола Костомаров і Пантелеймон Куліш, про публікацію Шевченкового доробку вже було сказано вище.

1862 року журнал припинив свою діяльність, а вже наступного 1863 року виходить славнозвісний Валуєвський указ, що свідчить про різку зміну імперської політики щодо українського народу. Микола Зеров зазначав у 1928 році в своїх знаменитих лекціях: «Дволітня історія «Основи» ще не досить відома, хоч нема потреби говорити, наскільки цікаво б

знати обставини, в яких виходив і припинився цей перший український журнал»¹¹. Це зауваження видатного історика літератури не втратило своєї актуальності та закликає до пильного вивчення надбання української культури.

-
- ¹ Основа: Южно-русский литературно-ученый вестник. – СПб.: Тип. П.А. Кулиша. 1861-1862. – ОЛМ, фонди, СК 842-851.
 - ² Тищенко В. З народних уст: Чорноморські козаки // Основа. – 1862. – Лютий. – С. 54-60.
 - ³ Коховський Вс. Пам'ять про старовину Михайла Колесника // Основа. – 1862. – Травень. – С. 100-104.
 - ⁴ Замечательные варианты украинских исторических песен // Основа. – 1862. – Листопад. – С. 2-3.
 - ⁵ Учреждение премии за сочинение «История Киевского университета и лицеев – Нежинского и Одесского» // Основа. – 1861. – Октябрь. – С. 151-155.
 - ⁶ Современная южно-русская летопись // Основа. – 1862. – Березень. – С. 125.
 - ⁷ Дараган М.Н. «После поездки на юг» // Основа. – Октябрь. – С. 109-110.
 - ⁸ Общественные библиотеки на юге // Основа. – 1861. – Июль. – С. 140-142.
 - ⁹ Список механических заведений в Одессе // Основа. – 1861. – Июль. – С. 117-118, 120-121.
 - ¹⁰ Левченко М.М. Степные письма // Основа. – 1861. – Окт.-дек. – С. 1-9.
 - ¹¹ Зеров М.К. Историко-літературні та літературознавчі праці // Твори в двох томах. – Т. 2. – К., 1990. – С. 213.

Г.Г. Семькина

**«...стараясь журналу дать форму,
приличную нашим намерениям»**

*Рукописный журнал одесских лицейстов «Ареопаг»
(Одесса, 1829. - Ч. IV. - № 1-3)*

Мы завершаем публикацию рукописного журнала «Ареопаг» (из фондов ОЛМ), выходявшего в одесском Ришельевском лицее¹. Журнал «Ареопаг» за 1829 год² представляет собой тетрадь в темно-зеленом переплете с тканевым корешком зеленого цвета. На фронтисписе портрет профессора Харьковского университета Белен де Баллю, выполненный черными орешковыми чернилами. В тетради содержатся три номера лицейского рукописного журнала (Ч. IV, №1-3). Нумерация страниц сплошная. Текст журнала написан черными чернилами, разными почерками. В конце тетради в качестве приложения вклеены рукописные рисунки и карта.

Титульный лист рукописного журнала «Ареопаг» за 1829 год. Фронтиспис журнала с портретом профессора Харьковского университета Я.Я. Белен де Баллю

Первый, январский номер журнала начинается с редакторского предисловия, в котором сообщается, что, начиная с марта 1828 года, было уже выпущено «восемь книжек» журнала ежемесячно. В новом, 1829 году читателям предлагается новый формат журнала и новая тематическая разбивка номеров.

В предисловии особо подчеркивается намерение редакторов журнала – «кроме статей, относящихся до богословия, истории, статистики и проч., помещать все, относящееся до политической экономии». Политическая экономия преподавалась на философском отделении Ришельевского лицея и в дополнительном училище правоведения и политической экономии, куда после окончания пятого класса собирались поступать некоторые лицеисты. Этот предмет учености был очень популярен в дворянском обществе 1820-х годов. Политической экономией занимались декабристы (Н.И. Тургенев, Н.М. Муравьев, П.И. Пестель и др.), искавшие пути прогрессивного развития отечества; серьезные статьи публиковали столичные журналы: «Московский телеграф», «Вестник Европы», «Сын отечества» и др. Это увлечение проникло и в художественную литературу. Напомним, что «глубоким экономом» был пушкинский Евгений Онегин, читавший Адама Смита. С «экономическим трактатом» в стихах обещал познакомить своих читателей Дж.-Г. Байрон в поэме «Паломничество Чайльд Гарольда» и т.д.

Редакторское предисловие завершается перечнем имен авторов, призвавших свои сочинения для публикации в журнале.

В первом номере журнала («Ареопаг», 1829, №1, январь), как и декларировали редакторы, были помещены материалы по истории, географии, политической экономии. Это переводные статьи, заимствованные из иностранных книг и журналов: «Картина Английских колоний на землях Австралии», соч. Перона; «Considerations etc. Рассуждение о нынешнем состоянии Индии в отношении политическом и проч.», соч. Александра Фрасер-Тайтлера; «Введение во всеобщую историю Швейцарских республик», соч. Эдуарда Гиббона.

Эта часть «Ареопага» отражает уровень исторической, географической и экономических наук пушкинского времени, просветительские стремления редакторов «Ареопага» и степень мастерства лицеистов-переводчиков. Вместе с тем нельзя не отметить серьезность интересов юных редакторов и составителей журнала.

Следующий, второй номер лицейского журнала («Ареопаг», 1829, №2, февраль) полностью посвящен поэзии. Здесь в разделе «Стихотворения» были опубликованы стихи лицейстов, произведения взрослых авторов, приславших свои сочинения в лицей (вернее, раздобытые энергичными лицейскими журналистами), а также переводы произведений зарубежных поэтов-классиков.

Темы лицейских стихов традиционны – это романтические дружеские и любовные послания, элегии, стансы; стихи, посвященные южному городу и морю; сочинения, в основу которых легли фольклорные мотивы и т.д. В этом номере «Ареопага» стихи лицейстов в основном вторичны, подражательны и соответствуют уровню сочинений романтических юношей данного возраста. Авторы – уже известные нам А. Магденко, В. Золотницкий, А. Ушаков, а также другие лицейсты, пожелавшие остаться неизвестными. В лицейских стихах вновь звучат мотивы поэзии В.А. Жуковского, В.И. Туманского и других современных поэтов; пушкинские образы узнаваемы в «одесском стихотворении» Андрея Магденко «Южный вечер» и в стихотворении Алексея Ушакова «Залог».

Большая часть стихотворного раздела заполнена сочинениями на тему востока.

В первой трети XIX века восточная тема в стихах и прозе была очень актуальна. На этом цветистом фоне нередко разворачивались сюжеты сочинений писателей-романтиков. К восточной теме обращались знаменитые поэты: Байрон, Пушкин, Жуковский, Лермонтов и др., большой популярностью пользовались повести О.И. Сенковского, написанные после путешествия по Турции, Сирии и Египту. Интерес к востоку поддерживала и последняя русско-турецкая война 1828–1829 гг.

Подлинным открытием в поэтической части «Ареопага» являются отрывки из восточных сочинений забытого поэта пушкинского времени Михаила Дохтурова (в «Ареопаге» – М. Дохторов. – Г.С.). Публикуются фрагменты из поэмы без названия: «Отрывки из пролога к поэме М.Д.», «Отрывки из второй песни поэмы М.Д.», «Байрам» (из третьей песни поэмы М.Д.), «Гарем» (из третьей песни поэмы М.Д.), «Отрывок из четвертой песни». В этом же номере помещены «Отрывки из трагедии «Отступник, или Янычарский бунт» М. Дохтурова («Встреча Сераскера с Агою Янычар Арсланом Оглу»; «Монолог Арслана Оглу»).

Действие поэтических сочинений М. Дохтурова происходит в Стамбуле и его предместьях в 1820-е годы. Стихи насыщены звучными вос-

точными терминами – турецкими и арабскими – и обнаруживают незаурядное знание автором истории и современности Турции, а также придворного, воинского, народного быта.

Рукописи М.А. Дохтурова поступили в лицей ранее, еще во второй половине 1828 года. В седьмом номере «Ареопага» за 1828 год был опубликован восторженный отклик лицеистов на отрывки из трагедии М. Дохтурова «Отступник, или Янычарский бунт»:

В 8ом № «Ареопага» мы поместим отрывок из трагедии «Отступник, или Янычарский бунт». Она особенно любопытна, потому что в ней действуют современные нам лица: султан Махмут, Гуссейн-Паши³ и другие.

Действующие лица в сей трагедии представляют живую картину турецких нравов, их предрассудки, обычаи, разговоры; поступки кипят и обозначены яркими красками. Всякое лицо, всякий характер верно начертаны с природы, происшествие чрезвычайно занимательно, внезапные и трогательные сцены, сильные борения сердца и души изображены смело и с большим искусством; развязка разительна и изумляет нас нечаянностью.

Главное действующее лицо Арслан-Оглу, янычарский Ага, привлекает с самого начала все наше внимание; великодушные поступки, любовь к свободе, неустрашимость и пламенное желание вдохнуть в янычар то же чувство, которым он одушевлен, которым он живет – чувство свободы и благородного самолюбия – составляют отличительную черту его характера.

И хотя лицеисты были вынуждены признать, что некоторые стихи в трагедии написаны «с какою-то небрежностью», но все же, по их мнению, «это не может затмить изящного как в целой трагедии, так и в отрывках». И далее уверенно заявляют:

Желательно, чтобы сия трагедия была напечатана теперь, когда мысли всех обращены на Турцию. Не слепое пристрастие к автору, но истинное достоинство трагедии заставило нас говорить так. Читавшие его трагедию в рукописи, громкими кликами вызывали ее на сцену⁴.

Отрывки из трагедии были опубликованы в лицейском журнале лишь в феврале 1829 года (см. публикацию ниже). В этом же номере помещено стихотворение Дохтурова «Смерть Марко Боццари», посвященное одному из храбрейших предводителей греков в борьбе против турецкого ига.

Автор сочинений – Михаил Афанасьевич Дохтуров (1800– ок.1849) – личность загадочная, яркая и романтическая. Он был вечным искателем приключений, путешественником, поэтом, чьи стихи при жизни не публиковались, художником (сохранились его акварельные рисунки и карикатуры), талантливым врачом (штабс-лекарь и хирург), обучавшимся медицине в Дерптском университете. Он также изучал восточную словесность в Петербургском университете и знал множество языков⁵.

О Дохтурове оставил любопытные записи в своем дневнике В.К. Кюхельбекер, находившийся после восстания декабристов на поселении в Акшинской крепости в Забайкалье. Вильгельм Карлович писал с удивлением и восхищением (запись от 22 июня 1840 г.):

Провел неделю, в которой отстал от всех своих занятий; зато познакомился с очень милым человеком, М.А. Дохтуровым. Это тот самый маленький русский доктор, the little russian doctor, о котором говорит Байрон; знакомец милорда-стихотворца, Трелавня⁶, и теперь мой; он перебивал в университетах Дерптском, Берлинском, Гейдельбергском, в плену в Истамбуле, лекарем в Одессе, в Петербурге, наконец, в Нерчинских заводах, – сын он графини Толстой⁷, племянник известного генерала⁸, был когда-то адъютантом Закревского⁹, знает по-немецки, итальянски, французски, восточные языки, латинский, новогреческий, пишет стихи, рисует, стреляет метко из пистолета, фигурка маленькая, черномазенькая; сыплет анекдотами, либеральничает немножечко и философствует, умен, любезен, вспыльчив, благороден, скуп – словом, Европеец. – Лицом он немножечко похож на покойного А.А. Шишкова¹⁰.*

Вот стихи, которые написал я ему на память:

*Так, знаю: в радужные дни
Утех и радостей, в кружение света
Не вспомнишь ты изгнанника поэта;
Хоть в непогоду друга помяни!
Молюсь, чтобы страданья и печали
Летели и тебя в полете миновали;
Но не был никому дарован век
Всегда безоблачный и ясный;
Холоп судьбы суровой человек:*

* маленький «русский доктор» (англ.).

*Когда нависнет мрак ненастный
И над твоею головой,
Пусть об руку с Надеждою и Верой,
Как просвет среди мглы взволнованной и серой,
Тебе предстанет образ мой.*

Дохтуров также отвечал Кюхельбекеру в стихотворной форме. Вильгельм Карлович напишет в дневнике (запись от 26 июня 1840 г.):

Вот стихи, которые Дохтуров написал мне на память:

*Уж я опять, опять на тризне
На безотрадной, роковой
По призраках минувшей жизни,
По грезах жизни молодой.*

За эту строфою следует несколько, которые просто ни на что не похожи; а потом две – одна истинно прекрасная, другая, если она внушена только искренностью, должна меня очень и очень утешать:

*Минута жизни, но удалой
Отрадней многих тяжких лет;
И лучше гибнуть, но со славой,
Чем прозябать без бурь и бед.*

*О не жалея же о свободе,
Ни о былом, знакомец мой,
Ты вечен в памяти народа,
А я все в гроб возьму с собой¹¹.*

Первый биограф М.А. Дохтурова – историк, краевед Е.Д. Петряев упоминал о том, что личностью этого человека живо интересовались известные литературоведы Ю.Н. Тынянов и М.К. Азадовский, но, видимо, их поиски не дали результатов. Сам Петряев нашел в архивах Забайкалья, Москвы и Ленинграда некоторые документы и служебные письма Дохтурова, а также альбом забайкальского штабс-лекаря А.И. Орлова, друга декабристов, где рядом с записями Н. Бестужева, П. Борисова, Д. Завалишина и др. сделал запись и Дохтуров – «на еврейском, турецком, немецком, французском и русском языках»¹².

Что нового, благодаря одесским находкам, можно добавить к биографии М.А. Дохтурова?

В одесском лицейском журнале «Ареопаг» за 1828¹³ и 1829 годы были помещены отрывки из поэтических сочинений Дохтурова.

Газета «Одесский вестник» в 1834 году в трех номерах напечатала «Отрывок из путешествия по Греции, Турции и Египту Михаила Дохтурова»¹⁴. В кратком редакторском предисловии к очерку сообщалось: «Г. Дохтуров, проживши несколько лет в Турции и обладая знанием турецкого и арабского языков, описывает в «Путешествии» своим многие любопытные и доселе бывшие неизвестными черты турецких нравов до янычарского мятежа и сообщает разные подробности о внутреннем составе Турецкой Империи». В отрывках, опубликованных в «Одесском вестнике», содержится живописное описание предместья Стамбула – Топхане («Одесский вестник», 1834, №53, 54); далее пересказывается занимательный турецкий «Драматический рассказ, или Карагез» («Одесский вестник», 1834, №54, 55).

В Одессе Михаил Афанасьевич занимался врачебной практикой, жил в доме Почтовой конторы, затем «в доме г. Рипе» (Люсьен Рипе – французский литератор, автор первого перевода на французский язык поэмы А.С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан», в начале 1830-х годов – издатель газеты «Journal d'Odessa»¹⁵). Имя Дохтурова и его одесские адреса упоминаются в «Новороссийском календаре» на 1836, 1837, 1838 годы в разделе «Список врачей, находящихся в Одессе»¹⁶.

В 1837 году М.А. Дохтуров, ординатор Одесской городской больницы, был представлен М.С. Воронцовым к награде как «усердный и полезный чиновник»¹⁷, но уже в мае 1838 года он («по прошению») получает назначение в Забайкалье, в Нерчинский Завод.

Публикации поэтических произведений М.А. Дохтурова в периодике пушкинских времен неизвестны. Тем ценнее дошедшие до нас отрывки из его сочинений, помещенные в одесском «Ареопаге» за 1828 и 1829 годы.

Полагаем, это далеко не все, что можно найти в Одессе – поиски необходимо продолжить.

Далее в лицейском журнале следует не менее интересная поэтическая подборка. Здесь помещены переводы из сочинений немецких поэтов Иоганна Вольфганга Гете («Элегия /Из Гете/», «Ночная песнь странника» /Из Гете/) и Франца Зонненберга («Оправдание», «Последний час», «Песнь отверженного»), выполненные белыми стихами П.К. Зеленецким.

Переводчик стихов – д. ст. сов. Петр Константинович Зеленецкий (1777–1828) в начале 1828 года числился старшим медиком в одесской городской больнице¹⁸. Судя по имени, он был отцом воспитанника ли-

цея – Константина Петровича Зеленецкого (1812–1858) (в будущем – профессора Ришельевского лицея, известного одесского журналиста и литератора).

Можно с уверенностью сказать, что стихи Гете (среди них любимая поэтами-переводчиками «Ночная песнь странника») и стихи Зонненберга, помещенные в «Ареопаге» в 1829 году, были впервые переведены на русский язык¹⁹, а честь первооткрывателя принадлежит одесскому автору – Петру Константиновичу Зеленецкому. Любопытный факт: пройдет ровно 10 лет и сын П.К. Зеленецкого – Константин Петрович – опубликует в «Одесском альманахе на 1839 год» (Одесса, 1839, с.336) свой вариант перевода «Элегии» Гете под названием «Памяти Клейста» – стихотворения, впервые переведенного на русский язык его отцом и опубликованного в «Ареопаге».

В конторе «Ареопага», как сообщали редакторы, находились и другие переводы П.К. Зеленецкого из Гете, Шиллера и прочих немецких поэтов, а также «прекрасное сочинение покойного П. Зеленецкого «Материалы для составления Южной Флоры»». Эти сочинения нам неизвестны: возможно, они не были опубликованы, либо не все номера лицейского журнала сохранились.

Истинным раритетом в «Ареопаге» является вклеенный между страниц журнала листок с автографом немецкого поэта Зонненберга. Франц Антон Иосиф Игнац Мария барон фон Зонненберг (1779–1805) был в свое время известен мрачными эпическими поэмами, апокалиптическим мышлением и трагическим финалом своей короткой жизни.

Завершает номер стихотворение немецкого поэта Юстинуса Кернера (1786–1862), написанное на языке оригинала.

В заключение редакция с достоинством сообщает, что лицейскому журналу «обещаны от неизвестной особы» и другие рукописи именитых немецких литераторов.

* * *

В третьем номере журнала («Ареопаг», 1829, №3, март) в разделе «Смесь», помещены материалы, разнообразные по содержанию и жанрам.

В заметке «Общество della Misericordia» /Из письма профес. Пиктета/ сообщается история благотворительного общества, основанного во Флоренции в XIII веке. Члены общества – носильщики и ремесленники – организовали одну из первых в Европе скорую медицинскую помощь, а

также бескорыстно и самоотверженно помогли своим соотечественникам во время эпидемий, уносящих десятки тысяч человеческих жизней.

Далее следует «Краткое известие о двух найденных медалях», обнаруженных при раскопках на месте древнего города Мезембрия во Фракии (автор – итальянский нумизмат Доменико Сестини). К этому сообщению приложены в конце журнала мастерски выполненные рисунки старинных медалей и карта. Статья адресуется коллекционерам и любителям нумизматики.

В разделе «Биография» содержится биографический комментарий к портрету профессора Харьковского университета, члена Французской академии, писателя, переводчика Якова Яковлевича Белен де Баллю (1753–1815) (в «Ареопаге» – Яков, Николай Беллен де Баллю. – Г.С.) – его рисованный портрет помещен на фронтисписе «Ареопага». В заметке есть ссылки на неопубликованные работы писателя. К слову сказать, в лицее учились его сыновья – Николай и Иосиф. Вероятно, старший из них, Николай – впоследствии преподаватель гимназии при Ришельевском лицее – и является автором этой краткой биографии²⁰.

«Нельзя не подивиться, с какой быстротою издаются и раскупаются книги в Англии», – так начинается в разделе «Библиография» заметка об успешном книгоиздателе Муррае и изданных им книгах Бенджамина (Вениамина) Франклина (1706–1790), известного американского политика, дипломата, ученого, писателя.

В краткой заметке «Венецианский вал» описывается рукотворный каменный вал, оберегающий Венецию и ее каналы от «свирепости моря». Строительство защитного сооружения было закончено во время Французской революции, о чем свидетельствует изречение Наполеона, приведенное на валу.

Большинство перечисленных заметок в «Ареопаге» являются, на наш взгляд, перепечатками либо кратким изложением переводных материалов из иностранных газет и журналов.

Несколько прозаических отрывков в данном разделе, судя по содержанию и стилю изложения, принадлежат перу лицеистов. Это очерки «Приходской учитель» и «Одесские качели».

Очерк «Приходской учитель» содержит признаки фельетона (в более позднем значении этого термина) и физиологического очерка. Жанр физиологического очерка, зародившийся во Франции и Англии, обрел популярность в России лишь в 1840-е годы. «Приходской учитель» был

написан и опубликован в 1829 г. – это еще раз говорит о доступности европейской литературы и периодики в портовом городе Одесса и перимчивости юных одесситов. Очерк грубоват и не без претензии на карикатурность. Школяр, изображающий бедного малограмотного учителя, порой к нему беспощаден и несправедлив. Но эта карикатурность в описании также является одним из характерных признаков данных жанров.

В юношеском сочинении любопытны чисто одесские детали: упоминание певца итальянской оперы баритона Антонио Дезиро, столь любимого одесситами; мальчишеский спор о том, кто поймал самую крупную саранчу и т.д.

Подлинной жемчужиной в лицейском журнале является очерк «Одесские качели», написанный неизвестным автором (предположительно, Н.Г. Тройницким, одним из редакторов журнала), – живая зарисовка пасхальных дней в Одессе. В очерке живописно переданы своеобразие и колорит южного многонационального города, а также занятные подробности жизни одесситов. Это одно из первых известных нам описаний пасхальных дней в Одессе в первой трети XIX века.

Народные гулянья в дни Светлой Недели в пушкинские времена назывались «гуляньями под качелями». В эти дни празднично одетые горожане выходили на площади или отправлялись за город, где для них были приготовлены всевозможные развлечения, в том числе и пользующиеся большой популярностью в народе качели.

О том, как в Одессе традиционно проходили пасхальные гуляния, узнаем уже из первых строк очерка.

В нынешнем году гулянье под качелями было довольно блистательное, хоть самые качели не отличались таким разнообразием, как в прошлые годы. Теперь мы не заметили ни вертящихся полов, ни замысловатых немецких качелей с зубчатыми колесами, ни греческих плясок, ни песней русских девушек и т.п. Даже нищие не играли на своих лирах, и не было ни одного менестреля ни с торбою, ни с бандурую. Мы помним, несколько лет тому назад на Св. Неделе в толпе народа сидел старец-нищий и за несколько грошей распевал о бедном Лазаре, аккомпанируя себе на визгливой лире; в другом месте несколько молдаванок плясали под завывание козы, а там греки, одетые в живописное албанское платье, забавляли зрителей народными плясками. Все это придавало более веселости празднику и разнообразило гулянье.

В сем году ничего этого не было, при том же на Светлой Неделе погода была довольно мрачная... На первой день шел дождь и слышен был гром, как кажется, первый в сем году. <...> На последний день стечение народа было многочисленное. Важные турки в своих красных мантиях, в чалмах и фесках медленно прохаживались по площади.

Турки на одесских улицах в очерке появились не случайно. 1829 год – это год окончания очередной русско-турецкой войны, и в лицейский журнал попали отголоски драматических событий.

В толпе гуляющих горожан, – пишет автор очерка, – можно было увидеть «гордого Юсуфа, пашу Серезского, который со своим сыном сидел в коляске с поджатыми ногами».

Не сразу удалось выяснить, кто такой «паша Серезский», на которого «с любопытством и вместе с лукавством» посматривал простой народ, а гренадеры «бросали сверкающие взоры». Поиски были вознаграждены любопытнейшей историей периода завершения русско-турецкой войны 1828–1829 гг.

Паша Серезский, чье имя в конце 1820-х годов было знакомо каждому одесситу, а ныне совершенно позабыто, – исторический персонаж. Он был командующим албанскими частями гарнизона в крепости Варна, осажденной русскими войсками, и, трезво оценив обстановку, одним из первых сдался на милость победителя вместе со своими подчиненными. Условием для добровольной сдачи крепости было требование Юсуфа-паши добиться у турецкого правительства освобождения его семьи – детей и гарема, оставшихся в личном имении в Серезе.

После долгих русско-турецких переговоров гарем и семейство Юсуфа-паши Серезского были обменены на двух плененных пашей из крепости Варна. Причем султан, выполняя требование русских, ворчливо заметил, что «никогда еще не оказывалось подобного снисхождения государственному изменнику»²¹.

За этой историей с интересом следили читатели отечественных газет и журналов. О том, что Юсуф-паша после сдачи крепости прибыл в Одессу, сообщали «Московские ведомости» (1828, №86, 27 октября): «Юсуф-Паша, один из начальников, командовавших в Варне, прибыл в Одессу на фрегате «Рафаиле» и остановился в доме, для него назначенном».

Газета «Северная Пчела» (1829, Прибавления к № 9) комментировала: «...Трудно было ожидать выполнения сего условия после чрезмерного

гнева султана против Юсуфа-Паши, после торжественного предания его проклятию и отобрания всего имения в казну; тем не менее, однако, обещание было соблюдено: в исходе прошлого декабря Верховный Визирь уведомил генерала Рота, что гарем и имущество Юсуфа-Паши привезены на Камчик для выдачи нашему посланному, и с тем вместе просил его возвратить оставшиеся у нас залого (т.е. плененных пашей. – Г.С.); обмен сделан был в точности, возвращенный гарем Юсуфа-Паши с имуществом его отправлен к нему в Одессу».

Очерк «Одесские качели» заканчивается яркой лирической сценкой: выступлением молодых цыган с исполнением «простонародных любовных баллад» на польском языке и плясками «что-то вроде козачка» перед толпой одесситов в виду моря. Напевы цыганки «чрезвычайно согласовались с игрою скрипки, и она напоминала собою что-то таинственное в романах Вальтера Скотта». «Мы были свидетелями прекраснейшего зрелища», – с удовольствием отмечает автор очерка. И с этим трудно не согласиться.

Завершается третий номер журнала традиционно «Модными обычаями». Но даже в этот раздел попали рассуждения чисто одесские, наставительные – о необходимости «сметливости» и «новизны» для сбыта качественных отечественных товаров.

В конце журнала помещено приложение с рукописными рисунками и картой. К сожалению, один из рисунков – «Ночное шествие братьев милосердия» (иллюстрация к заметке «Общество della Misericordia») – не сохранился.

Следует отметить, что, по сравнению с предыдущими номерами журнала, где эпиграфом было утверждение «Разнообразие – наш девиз», новые структурные изменения сделали ученический журнал серьезнее и содержательнее. Издатели и авторы журнала постепенно выходят на новый профессиональный уровень – с оригинальными публикациями сочинений и переводов известных авторов и собственными живыми репортажами. И все же нельзя не сожалеть, что стремление создать журнал по взрослым образцам отчасти лишило его элемента школьного озорства и импровизации.

Выпуск «Ареопага» продолжался до 1830 года включительно. Затем издание прекратилось – редакторы и сочинители закончили обучение в основных классах, а затем и на дополнительных отделениях. После окончания лицея судьба разбросала многих из них по местам службы в разных городах. Рукописи «Ареопага» (6 переплетенных

тетрадей) долгие годы хранились в Москве у одного из редакторов – Алексея Ушакова. После смерти Ушакова рукописные тетради были возвращены другому лицейскому редактору – Н.Г. Тройницкому. Он впоследствии передал «Ареопаг» в Одесскую Публичную библиотеку²².

Очень немногие авторы журнала в дальнейшем связали свою жизнь с литературой и журналистикой. Поэт В. Золотницкий в 1833–1834 гг. опубликовал несколько стихотворений в одесских «Литературных листках» и удостоился похвалы критика Н.И. Надеждина, дальнейшие его публикации нам неизвестны²³. Андрей Магденко издал в 1837 году свой первый поэтический сборник, однако потерпел фиаско на литературном поприще²⁴. И только Николай Григорьевич Тройницкий (1819–1898) стал известным в городе журналистом: публиковал свои сочинения в «Одесском вестнике», «Литературных листках» и «Одесском альманахе». Он был близко знаком с Н.В. Гоголем, Л.С. Пушкиным, Я.П. Полонским (последний посвятил ему стихотворение); его перу принадлежит один из самых эмоциональных некрологов А.С. Пушкину²⁵.

Большинство лицейстов, авторов и читателей «Ареопага», заняли свое место в обществе на военной и дипломатической службе, в штате чиновников, преподавателей, врачей и т.д. – и верой и правдой служили своему делу. Можно с уверенностью утверждать, что это были люди образованные и просвещенные.

Орфография и пунктуация публикуемых текстов приближены к современным, с сохранением наиболее ярких орфографических и синтаксических особенностей правописания пушкинского времени.

Сохраняется также авторское написание исторических, географических названий и имен.

¹ Начало см.: Семькина Г.Г. «Замечательно, что одесские домашние дилетанты поэзии завелись преимущественно в лицее...». Рукописный журнал одесских лицейстов «Ареопаг» (Одесса, 1828. – Ч. 1. – № 1) // Дом князя Гагарина: Сборник научных статей и публикаций / Одесский литературный музей. – Вып. 4. – Одесса, 2007. Семькина Г.Г. «Разнообразность – наш девиз». Рукописный журнал одесских лицейстов «Ареопаг» (Одесса, 1828. – Ч. 1. – № 2–3) // Дом князя Гагарина: Сборник научных статей и публикаций / Одесский литературный музей. – Вып. 6. – Ч.1. – Одесса, 2011.

- ² ОЛМ, фонды. КП-19835, Р-1939.
- ³ Имена османского султана Махмуда II (1785–1839) и предводителя турецких войск Гуссейна-паши часто встречаются на страницах газеты «Одесский вестник» в сообщениях о ходе военных действий («Одесский вестник», 1829, 3 апреля; 6 апреля; 1 июня. Прибавление к «Одесскому вестнику» №18 и т.д.).
- ⁴ Ареопаг. – 1828. – №7. – Сентябрь. – С. 104–106. – Одесская национальная библиотека, отдел редких изданий и рукописей, РКП 17/14, ед. хр. №451.
- ⁵ О Дохтурове М.А. см.: Петряев Евг. Впереди – огни: Очерк культурного прошлого Забайкалья. – Восточно-сибирское книжное издательство, 1968. – С. 56–57. Петряев Е.Д. Краеведы и литераторы Забайкалья. – Чита, 1965. – С. 28; Дневник В.К. Кюхельбекера. Материалы к истории русской литературной и общественной жизни 10–40 годов XIX века / Предисл. Ю.Н. Тынянова, ред., введ. и примеч. В.Н. Орлова и С.И. Хмельницкого. – [Л.]: Прибой, 1929. – С. 256–258. Алексеев М.П. Русско-английские литературные связи (XVII век – первая половина XIX века) // Литературное наследство. – Т. 96. – М., 1982. – С. 449–450, 467–468.
- ⁶ Трелавней (Трелоуни) Эдуард Джон (1792–1881) – английский литератор, друг Байрона.
- ⁷ Толстая Варвара Федоровна (Дохтурова) (1758/1760–1838), графиня.
- ⁸ Дохтуров Дмитрий Сергеевич (1756–1816) – русский военачальник, генерал от инфантерии, участник Отечественной войны 1812 года.
- ⁹ Закревский Арсений Андреевич (1783–1865) – граф, генерал-адъютант, финляндский генерал-губернатор (1823–1831), министр внутренних дел (1828–1831).
- ¹⁰ Шишков Александр Ардалионович (1799–1832) – русский поэт, писатель и переводчик.
- ¹¹ Вильгельм Карлович Кюхельбекер. Путешествие. Дневник. Статьи. – Ленинград: Наука. Ленингр. отделение, 1979 (АН СССР. Литературные памятники). – С. 383–384.
- ¹² Петряев Евг. Впереди – огни: Очерк культурного прошлого Забайкалья. – Восточно-Сибирское книжное издательство, 1968. – С. 56.
- ¹³ В 1828 г. в журнале «Ареопаг» были опубликованы следующие произведения М.А. Дохтурова: «Смерть Марко Боцари» (1 вариант. – Г.С.) // Ареопаг. – 1828. – №7. – Сентябрь. – С. 53; «Отрывки из послания к ...» // Ареопаг. – 1828. – №8. – Октябрь. – С. 141. В №8 – редакторское замечание о переносе публикации трагедии «Отступник, или Янычарский бунт» на более поздний срок // Ареопаг. – 1828. – №8. – Октябрь. – С. 171. – Одесская национальная библиотека, отдел редких изданий и рукописей, РКП 17/14, ед. хр. №451.
- ¹⁴ Одесский вестник. – 1834. – №53, 4 июля; №54, 7 июля; №55, 11 июля.
- ¹⁵ Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. Изд.2-е, допол. и перераб. – Л.: Наука, 1988. – С. 371. Имя Рипе (Репе) упоминается в статье Н.И. Надеждина «Литературная летопись Одессы». – См.: Одесский альманах на 1840 год. – Одесса, 1839. – С. 27.
- ¹⁶ Новороссийский календарь на 1836 год. – Одесса: В Городской типографии, 1835. – С. 119. Новороссийский календарь, издаваемый П. Морозовым. 1837 год. Часть 1. – Одесса: В Городской типографии, 1836. – С. 135. Новороссийский календарь, издаваемый П. Яхневичем. 1838 год. – Одесса: В Городской типографии, 1837. – С. 111.
- ¹⁷ Архив князя Воронцова. – Кн. 39. – М., 1839. – С. 150.

- ¹⁸ См. о П.К. Зеленецком: «Коллежский советник Петр Константинович Зеленецкий. Род. в Нижнем Новгороде 1777 г. Сконч. 1828 окт. 5 дня» – В кн.: Первые кладбища Одессы: Одесские некрополи / В.И. Смирнов. История Первого городского кладбища / О.И. Губарь; сост. М.Б. Пойзнер – Одесса, 2012. – С. 55.
В «Списке должностных лиц Херсонской губернии на 1829 год» в рубрике «Заведения Приказа общественного призрения» (по состоянию по 30 декабря 1828 года) в одесской Городской больнице числится старший медик Петр Константинович Зеленецкий. – В кн.: Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1829: [В 2-х ч.]. – СПб.: Имп. Академия наук, 1829. Ч. 2: [Местные правления]. – 1829. – [2], XIII. – С. 226.
- ¹⁹ См., например: Бухштаб Б. Русские переводы из Гете. Библиографический указатель // Литературное наследство (И.В. Гете). Т. 4-6. – М., 1932. – С. 961-993. Жирмунский В. Гете в русской поэзии. – Там же. – С. 505-650.
- ²⁰ См.: «Список студентов Ришельевского лицея» в кн.: Михневич И. Исторический обзор сорокалетия Ришельевского лицея. – Одесса, 1857. – С. 153. См. также: «Николай Николаевич Бален-де-Баллю» в кн.: Первые кладбища Одессы: Одесские некрополи / В.И. Смирнов. История Первого городского кладбища / О.И. Губарь; сост. М.Б. Пойзнер – Одесса, 2012. – С. 402.
- ²¹ Ботьянов И.В., д. ст. сов. Пребывание императора Николая Павловича на Черноморском флоте в 1828 году // Морской сборник. – 1869. – №8. – Август. – С. 25.
- ²² Из воспоминаний Н.Г. Тройницкого // Ришельевский лицей и Императорский Новороссийский университет: Сборник, издаваемый бывшими воспитанниками лицея и университета. – Одесса, 1898. – Ч. 1. – С. 84 (примечание).
В Одесский литературный музей экспонаты – (2 тетради): «Ареопаг». Журнал литературы, критики, наук и художеств, издаваемый от пятого класса» (Одесса, 1828. – Ч. 1. – № 1-3; Одесса, 1829. – Ч. IV. – № 1-3) – поступили в 1987 году согласно Постановлению о передаче музея А.С. Пушкина Одесскому литературному музею (Одесский государственный историко-краеведческий музей. Акт передачи от 17.06.1987 г. Одесский государственный литературный музей. Акт приема № 2035 от 20.08.1987 г.).
- ²³ В 1860 г. некто Золотницкий сотрудничал в газете «Вологодские губернские ведомости». – См.: Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. – М., 1960. – Т. 4. – С. 198.
- ²⁴ Газета «Северная пчела» в 1837 году иронично сообщала: «Г-н Грен издал десять стихотворений г. Андрея Магденки, отличающихся своей краткостью. Это большое достоинство в произведениях, не отличающихся ничем другим». – Северная пчела. – 1837. – №123. – 4 июня, пятница (Смесь). – С. 472.
- ²⁵ Был ли автором лицейского журнала еще один известный одесский культурный деятель К.П. Зеленецкий (окончил лицей в 1833 году), установить не удалось. В «Ареопаге» многие сочинители публиковались анонимно.

Ареопаг

Часть IV^я

Одесса

В Ришельевском Лицее

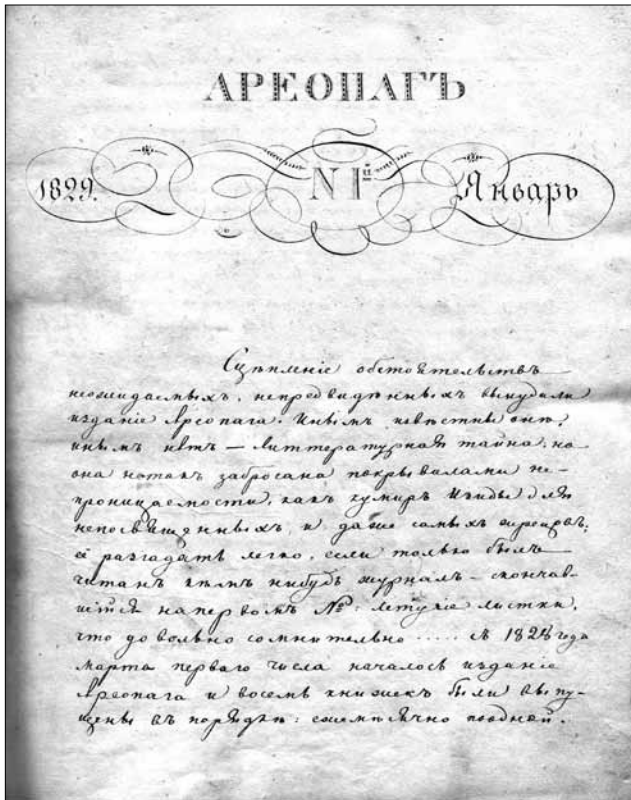
1829

Ареопаг

1829

№1^я

Январь

Начало первого номера рукописного журнала «Ареопаг» с редакторским предисловием. Январь 1829 г.

Сцепление обстоятельств неожиданных, непредвиденных, вынудили издание «Ареопага». Иным известны они, иным нет – литературная тайна; но она не так заброшена покрывалами непроницаемости, как кумир Изиды¹ для непосвященных, и даже самых жрецов ее разгадать легко, если только был читан кем-нибудь журнал, скончавшийся на первом №: «Летучие Листки»², что довольно сомнительно... С 1828 года марта первого числа началось издание «Ареопага», и восемь книжек были выпущены в порядке ежемесячно по одной.

Имея занятия важные, Р.Д.К.³ «Ареопага» извинилась перед Благосклонной Публикой в замедлении издания последних книжек – наконец заблагорассудили отложить и начать с нового 1829 года.

Читатели заметили небольшие перемены в составе «Ареопага» еще в 1828 году. На 1829, стараясь журналу дать форму, приличную нашим намерениям, мы предприняли выпускать «Ареопаг» частями. Каждая часть будет разделена на 3 №№. В первом № кроме статей, относящихся до богословия, истории, статистики и проч., мы обещаем помещать все относящееся до политической экономии. «В этот век, – говорит Перон⁴, – когда все сжали в тесных границах разума, чтобы вырвать из недр самой природу тайну, нужную общему эгоизму, все умы отчасти сосредоточились в п. экономии и в круге других знаний, прикладных к оной и зависящих, и соединенных между собою». Вот наш ответ – для чего мы преимущественно намерены занимать читателей политической экономией.

Во втором № будут помещаться стихотворения: отрывки из трагедий, поэм и проч.

Третий № – смесь: биография, библиография, некрология, повести и проч. и проч.

Благодарить гг. Авторы, участвовавших в издании «Ареопага», почитаем ненужным. Мы просим их не оставлять своего к нам внимания и в этом году – Публика будет благодарна, и ее лестное внимание оценит заслуги каждого беспристрастно. Мы только можем похвалиться материалами для составления «Ареопага» на 1829 год. Поэты М. Дохторов⁵, А. Магденко⁶, Е. З.⁷ и проч. прислали нам многие из прекрасных своих произведений. Оставшиеся переводы творений Шиллера, Гете и других немецких поэтов, также и собственные стихотворения покойного П. Зеленецкого⁸ находятся в конторе «Ареопага». Прозаические статьи и переводы Бутлера⁹, М. М... ча¹⁰, П. Зеленецкого и других доставлены к нам. Благодаря г. Авторам, мы просим всех присылать все любопытное,

полезное, изящное, все, что только может быть сообразно с целию и назначением «Ареопага».

Кстати упомянуть здесь о прекрасном сочинении покойного П. Зеленецкого: «Материалы для составления Южной Флоры», которое, надемся, будет помещено в следующей части.

Намерения нашего (думаем) не осудят. Исполнение ... каждому предоставлено судить. Мы начинаем.

Картина Английских колоний на землях Австралии соч. Перона¹¹

Правление

С того времени как англичане в первый раз 1788 года приплыли завести колонии в Новой Голландии¹² и одиннадцать кораблей различной величины высадили на берег 1030 человек, народонаселение возросло так скоро, что в течение 1802 года по следствию ревизии оказалось следующее счисление:

Свободных, не бывших ссыльными, причисляя к тому чиновников военных и гражданских	300
Женского пола	70
Освобожденных, но бывших в ссылке вместе с женским полом.....	3170
Ссылных	4832
Женского пола	940
Детей, род. в колонии	
муж. пола	1100
жен. пола	963
Число народонаселения в Новой Галии	840
На острове Норфольк	980
Итого:	13195

По основании колонии жители без сомнения были разделены на два класса: свободных и ссыльных (convicts).

К первому классу причислялись чиновники гражданские и военные – первые владельцы поместий. Второй класс находился в рабстве и был разделен между Правительством и первым классом, из которого каждый гражданин владел известным числом акр земли, а на каждое

^{*} 1804 года в одном городе Сидней жителей было 2600 душ и около 5000 1811 года. См. путеш. by John Turnbull¹³, стр. 77

поместье назначалось по несколько ссыльных рабов; разные сельские орудия были разделены между ними, и почти в то же самое время леса рухнули под секирой плотника, земля открыла свои недра под плугом земледельца, и сельское искусство водворилось в хижинах или домах, наскоро построенных на берегах, бывших долгое время дикими.

Жизненные припасы, привезенные на кораблях и складенные в городских магазинах, поровну раздали владельцам земель, их семействам и рабам. Материи для одежды и сельские орудия без оплаты отдали новым колониям, и в скором времени почти повсюду вспаханная земля способствовала к заведению первых плантаций. Все семена, свойственные нашей Европе, многие Африке, Америке и Азии, посеянные в одно время; фруктовые деревья: персики, яблони, вишни, земляника, смородина и малина, свойственные суровой температуре равноденственных земель, имели, к удивлению, хороший успех на сих берегах более умеренных. Салат различных сортов, капуста, словом, все Европейские овощи и хлеб в поле не замедлили исполнить последнюю надежду. Из недр земли, еще не совсем вспаханной, как бы возродилась обильная жатва пшеницы и ржи. Кукуруза в местах самых жарких и земляные яблока были будто бы землей присвоены с такой легкостью, что не осталось ни малейшего сомнения.

Вспоможение Правительства уменьшилось. В продолжение года все получили по полной части жизненных припасов, но в исходе оно объявило колониям: «Ваши поля в хорошем состоянии. Мною было вам дано необходимое вспомоществование, чтоб достигнуть сей цели. Вы уже наслаждаетесь плодами своих трудов и моих пожертвований. Вы не имеете более половины жизненных припасов для каждого. Дабы поддержать существование и ваше спокойствие, я не мину еще моей помощи вас в продолжение 18^{ти} месяцев; но спешите, удвойте деятельность и благородную ревность, ибо вы будете оставлены собственным средствам и впредь будете сами заботиться о необходимом для ваших и для себя».

Уже 30^{ти} месяцев прошло. Вспаханная земля простирается на довольноное расстояние вокруг каждого жилища. Железо и огонь искоренили древние леса, хранимые до сих пор временем. Смирная трава растет на обломках могущественных *Eucalyptus* – деревьев-исполинов лесов Австралии. Семейства обеспечены в своем существовании; Правительство счастливит их, и теперь еще продолжает доставлять им одежду и разные орудия, в чем они могут иметь нужду. Эти последние вспоможения Правительство делает на счет отцов семейства, но, благородный заимодавец, – оно им

отдает за дешевую цену необходимые вещи, и только в будущем потребует отплатить еще так, что должник легко может расплатиться. В течение 7^{ми} лет Правительство оказывало свое благодеяние и милость колонии, не требуя ничего, кроме хорошего поведения и трудов. Но через 7^{ми} лет произведения почвы земли, совершенствуясь, увеличились столь скоро, что засеянные поля дали первые самые изобильные жатвы, и колония имела не только все нужное, но даже превышающее нужду.

Видя, в каком состоянии колонии, Правительство объявило: «Довольство, коим вы теперь, наслаждаясь, благоденствуете, обязаны моему покровительству, моим пожертвованиям. До сегодня от меня все вам: земля, жилище, семена, орудие, слуги, домашние животные, одежда и пища. До сего дня ничего не было мною требуемо за таковые благодеяния, но уже вы имеете излишнее. От сих пор легкая дань должна быть посвящена мне, дабы вы мало-помалу освободились от всех обязательств, вами заключенных».

После умеренного налога, который разделили на довольное число партий, более или менее имущих, и как каждая должна была уплатить оный в назначенное время, то счета между Правительством и владельцами решительно кончились.

Но, несмотря на сии первые обязательства Правительства, и которые суть в некотором случае индивидуальные, есть еще другие, более общие, более ощутительные, они зависят от собственности земель. Нужно заметить, что эта собственность принадлежит по праву Правительству, которое делало все издержки для завладения местом, пускалось в опасности, отделенное от своих владений, чтобы утвердить их независимость силою оружия и хорошими договорами. Это право неограниченной собственности всей земли – следовательно, и поземельных учреждений, образованных под его покровительством, необходимо производить по естественному праву подобные постановления. Довольно известно, что оно находится еще, в некотором случае поддерживаемое, на Мысе Доброй Надежды Голландской компанией. Но Английское Правительство, рассудя, что право собственности будет вредить его выгодам, остереглось дать оное своим колониям в Новой Голландии.

Тогда как земли были в самом хорошем состоянии, т.е. в исходе семилетия, Правительство объявило владельцам поместий: «Земли, коими вы владеете, мною вверены вам. Никакая полюбовная сделка не отнимет моей собственности, и это только нарочитый договор, который должно было мне заключить, отдавая вам во владения. Теперь же, когда ваши

поля хорошо возделаны, вы не воспротивитесь. Мною вам оставлены все мои права, мною оне упрочены для вас и ваших наследников, с условием уплатить легкую общую дань, наложенную на каждую акру земли, дань, которую вы будете мне уплачивать до того времени, когда второй полюбовной сделкой между нами я вам оную возвращу».

В то самое время, как разные установления производились с владельцами земель, новая подать была им приготовлена – это контрибуция. В первый раз от эпохи своего прибытия услышали они слово контрибуция, бывши свободными от налогов подобного рода. Правительство узнало, что колония была в состоянии отплатить должное, и отцы семейства едва приметили новую подать – она увеличивалась каждый год, но нечувствительно, до того как не достигла довольной суммы, наложенной на всякую акру земли; и тогда бы контрибуция по-настоящему должна остаться непременною, но еще она не была значительна, а произведения так умножались и меновая торговля делалась от дня на день столь быстрою, что колонисты не чувствовали никакой существенной тягости. Английское Правительство справедливо заключило, дабы воспротивиться переезду честных граждан на оконечность Земного Шара, должно, умножая для них выгоды всякого рода, возвратить когда-нибудь с избытком плоды своих пожертвований.

Труд и постоянство всегда имеют цену, похожую на требование. При приближении эпохи взыскивания налогов комиссарам от Правительства поручено было осмотреть заведения владетелей. Все поместья тщательно были объезжены, осмотрели жилища, сады, поля, луга, пастбища и стада. Если бы порядок был виден везде; если бы поместья имели хорошо обработанную землю и приносили прибыль, если жатва была бы тщательно присматриваема и изобиловала произведениями; если бы более всего за стадами с успехом и умением смотрели, тогда Правительство нашло б себя обязанным в отношении владетелей – дать им безденежно новые орудия, стада, рабов, таким образом продлить изъятие всех долгов и освободить от всех налогов на время более или менее продолжительное. Если бы напротив, поля и стада нашлись в нерадении, то Правительству должно б было предостеречь неспособных и нерадивых, и после многих таковых предостережений, не произведших никакого счастливого действия, необходимо неотменяемым предписанием отнять поместья от первых владетелей и вверить другим, более способным соделать оные полезными Правительству и себе самим.

Между тем как благодетельные законы утверждались таким образом и утверждали выгоды владетелей, подобный дух правосудия замечали

относительно преступников. Из сих последних иные оставались в рабском состоянии на остальные дни своей жизни – этих малое число. Другие в исходе известного времени были освобождены с предписанием не оставлять колонию или по произволу оставить после означенной отсрочки. Наконец, третьим по освобождении давалось полное право или остаться, или оставить колонию.

Дабы удержать в своих границах и улучшить сие народонаселение, в колонии употребляют два верные средства: страх и надежду. С одной стороны: воины, беспрестанно вооруженные, виселицы, темницы, ямы, находящиеся во многих местах, кандалы и оковы, деятельная полиция, ужасные наказания за малейшие проступки, наконец, смертная казнь за преступления более важные; с другой стороны: надежда освободиться, уменьшение времени рабства или совершенное уничтожение оногo, уверенность хорошим поведением войти в милость и приобрести поместья, быть в свою очередь властелином других ссыльных, мирно наслаждаться всеми удовольствиями сельской жизни, даже приобрести хорошее состояние, почтение и, наконец, право возвратиться в Европу, чтобы наслаждаться своей тщательностью и своими трудами. Вот что Правительство Английское учредило между несчастными, перевозимыми на эти отдаленные берега.

Примеры строгости самой ужасной имели свое действие, и страх законов впервые, может быть, проник в бесчувственные сердца. С сего времени счастливый переворот начался, и следствие оногo было так благоуспешно, что в продолжение пятимесячного нашего пребывания в Джексонской¹⁴ пристани мы не слышали ни об одном убийстве, даже ни об одном воровстве, и уже более двух лет как никто не был приговорен к смерти.

Ссылные, сжатые, так сказать, страхом и надеждой, без сомнения, переходят на сторону более выгодную. На ту, которая, надеются, одна может доставить им счастье, ибо хорошее поведение всегда достойно оценивают. Если ссыльный трудолюбив, способен, честен, если сделал что-нибудь замечательное или какое-нибудь полезное открытие для колонии, то начальник имеет право оказать милость и объявить его вольным, иногда просто уменьшить лета рабства. Во всех случаях, когда пора наказания миновала, ссыльные бывают возвращаемы обществу и им дается все необходимое: поместья, рабы для возделывания оных, орудия, жизненные припасы, словом, – они пользуются всем и всеми выгодами, принадлежащими имени владельца поместий.

Наученные продолжительными бедствиями, что неправда и преступление получают возмездие и что одна честность может соделать человека счастливым; довольно уверенные, что не избегнут наказания в случае новых преступлений, между тем как счастье и почтение должны быть ценою хорошего поведения, сии люди, таким образом освободясь своего рабства, почти всегда бывают честными и рассудительными; а привычка к работе, которая должна быть их стихией по причине долгого рабства, дает им большее преимущество перед людьми, которые приезжают свободными в колонии. Они орут поля обыкновенно с большею методой и умением. Есть из них и такие, которые занимаются искусствами и торговлею, почти с успехом, и я не страшусь уверить, что менее нежели в тридцать лет много из богатства колонии будет в руках ссыльных; тогда предрассудки, еще их окружающие, рассеются и они насладутся почтением, обыкновенно доставляемым богатствами. Но уже теперь предрассудки сии так ослаблены, что некоторые из ссыльных имеют право быть в благородных компаниях. Я знал иных, которые по окончании срока назначения были возвращены обществу и вели себя с таким благоразумием, были так деятельны, что и теперь уже имели значительное богатство, у некоторых превышающее 30.000 франков.

/Продолжение будет/

Considerations etc. Рассуждение о нынешнем состоянии Индии в отношении политическом и проч.

Соч. Александра Фрасер-Тайтлера¹⁵

Бенгал¹⁶ со всех сторон открыт, местами горист. Почва его земли более глиниста и смешана с кремнистым песком. Южные и восточные части, подверженные разлитию рек, плодороднее. Произведения их: сарац¹⁷, пшено, индиго, сахарный тростник и шелк. В остальном Бенгале растет хлопчатая бумага, табак, опиум, рожь и ячмень. Жители вообще пронырливы, остры и превосходят европейцев во многих механических искусствах.

Богатства сей страны в руках земиндаров (помещиков), немногих богатых купцов, отдавателей имений на срок, деловых всех департаментов, управителей больших поместий и некоторых мелких негоциантов. Большая часть народа в чрезвычайно бедном состоянии, и эта-то часть народонаселения развращена до крайности.

Основываясь на г. Керевруке¹⁸, Ворде¹⁹ и сире Виллиаме Джонсе²⁰, можно положить число жителей в Бенгале около 18.000.000. Каждый из

них обрабатывает, как полагают, четыре акры. Если же они будут всегда занимаемы работами, то вспашут всю землю, до сих пор совершенно не обработанную, и, по мере удобрения земли, поведение райстов (земледельцев) будет совершенствоваться, тогда кончатся и все разбои.

Народ бенгальский состоит из индийцев и мусульман. Последние – потомки моголов, персов и афганасов, бывших завоевателями сей страны, по большей части тамошние уроженцы, и наружностью очень мало отличаются от первых. Но между ними, как и между мусульманами, приметны все цветы тела, начиная от бледно-смуглого, до совершенно черного цвета поселян.

Индийцы разделены на четыре касты, которые имеют многие свои подразделения. Сии касты суть брамины, кегатройасы, весасы и суодрасы. Они подчинены одне другим. В первых двух кастах пороки более распространены, и мы преимущественно займемся рассмотрением оных.

В восточных и южных сторонах Бенгала число мусульман равно числу индийцев. В средних менее четверти, и масса сия уменьшается по мере приближения к западу. Мусульмане пылки и предприимчивы. Индийцы боязливы и лукавы, вместе те и другие без всякой нравственности, одежда их очень проста, пища последних сарац, пшено, горох и соль, иногда рыба и овощи, но это почитается уже роскошью и бывает за столом богатых. Мусульмане изредка употребляют говядину.

Разбойники или вору-промышленники довольствуются всем. Употребление различного мяса и спиртовых напитков им привычно, и теперь покажется неудивительным, отчего простой народ принимается за ремесло, занимаясь которым, живет в изобилии. Если бы доставить подобное избыточество простым земледельцам, то они б всегда вели жизнь честную. Между буддеасами и дав-беарерсами употребление свиного мяса обыкновенно. Ночью, при свете факелов, они травят диких кабанов. Подобные занятия, как и религиозные празднества, называемые «Пронсагсы», часто служат сборищем для разбойников.

Жилища бенгальцев очень бедны, достопримечательнее, что в южных краях, где торговля, можно сказать, кипит, они еще беднее. Деревенские жилища не довольно обеспечены от разбойнических нападений, их строят из легкого бамбука и покрывают тростником другого рода. Пол обыкновенно поднят кирпичным помостом на один или два фута от земли. Разбойники подрывают помост или пробивают дыры меж бамбуком и таким образом пробиваются в хижину. Индийцы часто закапывают свое

золото, в таком случае докуаты (разб.) бывают уведомляемы слугами. Есть много примеров, что у земиндаров они вынуждали пытками, где скрыто их богатство. Жестокость докуатов отвращает бенгальцев от всякой бережливости. Они предпочитают издерживать на свящ. праздники все, что могут приобрести, и это самое обыкновение индийцев велось до тех пор, пока закон и пример англичан переобразовали их и в сем отношении.

Есть каста, называемая магасимсы, она обязана давать бедным крестьянам деньги и хлеб, что исполняет с успехом и надлежащею точностию; но она редко оказывает подобные услуги хлебопашцам, непредусмотрительность которых являет ужасную крайность, так что от малейшей невозможности работать они могут пропасть с голода. Найти средство дать индийцам, в особенности крестьянам, более независимости, а след. сделать их счастливее, – цель истинной политики. Вот как говорит об этом доктор Джонсон²¹: «Если народ развращен, то нельзя оказать ему большей услуги, как только, умягчая и исправляя его нравы, подвергнуть всех власти законов, соделать необходимым наказание для него и его семейств и приучить к честной работе – единственному средству дать независимость, которую совершенно не в состоянии доставить нам беспорядочная и порочная жизнь, хотя бы от нее зависели необыкновенные выгоды...»

Бенгальские деревни рассеяны на большом расстоянии одна от другой, и обработаны только окружающие их поля. Богатым земиндарам должно ободрять откупщиков, давая им на долгое время договорные записки, уменьшая цену откупа и делая другие удобства, ибо вспахивание земли соединено с большими трудностями и даже иногда бывает невозможно.

Деревни в Бенгале разделены на многие ведомства, и всякая каста на свой клуб или ложу. Невозможно вообразить тот ужас, какой чувствует индеец при одной мысли быть выключенным из клуба, правда, это соединено с несколько неприятными обстоятельствами. Выгнанный из клуба не может быть за столом своих родителей, ему запрещается присутствовать при религиозных обрядах, и никто не должен оказывать ему ни малейшего пособия. Богатый подарок брамину и пир всему клубу – единственные средства получить прежнее право. Если несчастный изгнанник не может жертвовать на подобные расходы, то принужден бывает или присоединиться к касте самой презрительной, или быть еще презрительнее – разбойником. Таким образом молодые люди, которые могли бы соделаться полезными членами общества, приходят в ужасное

состояние. Каждый клуб имеет своего брамина – он заведует и распоряжается обыкновенными обрядами, след. имеет большое влияние и может быть полезным орудием для Правительства.

.....

Докуаты исправляют свое ремесло с давнего времени. Они грабят преимущественно ночью многочисленными шайками. Пойманных из них вешают; деревня, к которой они принадлежали, подвергается денежной пени, а дети их делаются рабами правительства.

Вот каким образом докуаты начинают разбой: сирдар или атаман соединяет их вместе. Переодевшись и закрыв лицо так, чтобы только видны были глаза, они вооружаются копьями, мечами и крепким бамбуком, запасаются огнестрельным оружием, которым стреляют на воздух, если делают нападение врасплох на деревню; этот выстрел есть сигнал их прихода. Все жители робко оставляют своих жен и детей жестокости разбойников; так делается во всем Бенгале. Докуаты с зажженными факелами входят в дома и уносят серебро, золото и всю скудель. Если они думают, что скрыты деньги, схватывают одного из жителей и подвергают пытке. Редко убивая без нужды, они стараются отомстить тем, которые им изменяют, и стараются устрашить крестьян, хотя сами не так смелы, а первых трудно принудить сделать сильное сопротивление...

Буддеасы – одна из последних каст, вся состоит из воров, также много их между кастами серебрянников, кастелянов, выделывателей корзин и проч. Есть шайка воров, называемая бумбутсас, которые промышляют на реках. Они нанимаются корабельщиками к владетелям иностранных судов, иногда бывают посылаемы на ботиках перевозить товары, выбирают благоприятную минуту, пробивают дно корабля и пользуются суматохой при кораблекрушении, чтобы воровать товары, согласясь прежде с сообщниками в минуте исполнения. Мошенники и подделыватели монет также исправляют свое ремесло в Индии, но они там не так многочисленны, как в Европе.

Последние касты индийцев: домаы, буддеасы, горес, мурдафуриси, ломбаге и мигтеры. В домах, где они служат, обременяют их самыми отвратительными работами. Шайки докуатов дополняются из сил низших каст.

Нам кстати здесь припомнить читателям, что дела Индии зависят от общества купцов или индийской кампании, и что контрольная палата установлена правительством, общий начальник живет в Бенгале и заседает в совете с двумя членами из городских чиновников. Бамбай и Мадрай²² –

место жительства частных правителей, которые также имеют свой совет. Внешнее правление зависит от разных судилищ, именно: палаты внутренних дел, военной палаты и уголовной палаты. Деловые департаменты или палаты, кроме военных, иногда переходят из одного судебного места в другое. Они часто бывают отправляемы резидентами к начальникам Индии.

Все палаты находятся в Калкуте²³, а политическое правление Индии вверено главному правителю, который ведет непосредственную переписку с другими правителями. Перед тем как англичане завладели верховной властью, правители Индии пользовались ею со всей строгостью и несправедливостью. Скорые и жестокие их приговоры, соединяя с преступлением мысль о наказании, поддерживали общее спокойствие. Земиндары имели право сажать в тюрьму; для розыска и присмотра за уличенными в преступлении употребляли чернь. Сборщики оброков, которые всегда разъезжали по делам, были искусными сыщиками полиции.

Если взять во внимание обширность земли и различие характера индийцев и англичан, то неудивительно, что до сих пор европейская система правосудия или верховной власти еще не достигла желаемой твердости и что все меры на уменьшение преступлений не исполнили ожидаемого...

Следующие причины могут быть приняты как самые действительные, от которых умножились преступления в Бенгале:

I.

Развращенные нравы браминов и всех каст, также худые начала религиозной нравственности.

II.

Крайняя бедность большей части народа.

III.

Нерадение чиновников.

IV.

Трудность работ для слабых преступников.

V.

Одинаковые мнения стражи и преступников.

VI.

Худая плата за арестование прес[тупников].

VII.

Легкость, с какою обвиненные оправдываются перед судилищем.

VIII.

Худое устройство тюрем.

IX.

Надежда избегнуть наказания или от худых распоряжений полиции, или от нерадения начальников.

X.

Терпимость питейных домов.

XI.

Продолжительное обременение делами, которые препятствуют необходимой тщательности.

XII.

Худая постройка домов, что также очень много способствует воровству.

Нас долго занимали невинностию, тихостью индийцев и несправедливостию европейцев в отношении к ним. Об этом так много говорили, так увеличивали, и мнения были так сторонни, что и теперь трудно доискаться истины. Несмотря на то, я надеюсь показать, что странно заблуждались, судя о настоящем характере индийцев. Судейская палата представляет много важных розысков относительно к роду преступлений самых обыкновенных, свидетельствами и всеми открытиями, какие только могут быть в судопроизводстве, чтобы объяснить народный характер. Тяжебные показания представляют тысячу суждений многих, тысячу случаев наблюдать худые начала, вкоренившиеся в нравственности индийцев, также и их отвращение от истины.

В религии индийцев должно искать причину общего развращения. У всех народов, даже самых диких, есть понятие о Высочайшем существе и желание Блаженства! Попечение о вероисповедании всегда вверяют людям, заслужившим общую доверенность и известных их мудростию и их непорочностию. Влияние этого класса в обществе по необходимости велико, и уже в сердце человека привычность владеть над духовным ведет также к случаю владеть вещественным. Наблюдения сии относятся более всего к индийским браминам. С помощью священных книг – произведения хитрых людей, которые не старались просветить, но поработить граждан, – и им удалось завладеть мнениями и делами индийцев до такой степени, что даже с трудом вероятно это самим наблюдателям.

Хотя пышность и роскошь, чем обыкновенно окружены индийские начальники, кажутся явлением деспотической власти тех, которые теперь просто только орудия честолюбивых и могущественных браминов. Можно себе представить, сколько зла должно произойти от присутствия во всех деревнях, и даже в ином случае во всех домах, человека, который

самовластно повелевает именем Бога, называясь равным Ему, и который, несмотря на законы, почитает себя независимым.

Пример браминов мало-помалу заразил пороками все касты – и по мере как священники делались хуже, толпа народа больше и больше развращалась. Индийцы разделяют свою историю на четыре века или Йоаги, а Скастерами (свящ. книгами) удостоверяется, что народ развращался постепенно. В первом веке все было невинность и непорочность. Поклонение Божеству занимало людей, и общее блаженство царствовало на земле. Во втором веке грех явился в мире, в третьем начал распространяться, наконец, в четвертом все соделалось грех. Описание четвертого века дает верное понятие о настоящем и о теперешних нравах индийцев. Покорность браминам – одна черта лучше сохранившаяся древнего характера индийцев; она основана на свящ. книгах их:

«...Власть браминов зависит только от них самих; она более власти царей, от которых зависят все люди».

«Брамин, выучивший наизусть Риг-Веди, спасется, хотя б он умертвил жителей трех миров».

«Брамин может хулить Богов, но только чтобы хулил достойно, т.е. по известным постановлениям»

«Если кто осмелится укорять или порицать брамина, или даже поучать, то ему должно в наказание лить горячее масло в уши или с силою закласть в рот раскаленное железо десяти дюймов». Вот правила Божественного законодателя Мену!..

.....

Брамины могут быть женатыми, но не должны иметь привязанности к женам; оттого они их часто оставляют, проживши вместе месяц или несколько дней, и за это им нет никакой ответственности. Любовные сплетни (связи? – Г.С.) жен браминов пагубны и обыкновенно бывают с чернью низших каст; следствие сего всегда отвратительные преступления. Чаще всего случаются странные смертоубийства: отцы убивают сыновей, а матери своих дочерей, если откроют их любовные связи, что наносит срам всему семейству. По священным законам индийцев брамин не может быть казнен, если он обкрадет соодера, денежная пеня – единственное для него наказание. Напротив, соодер, обворовавший брамина, сожигается немедленно.

Индийцы могут быть освобождены от своих грехов, платя Гуру²⁴ (брамину семейств) за мунтеры²⁵, т.е. за св[ященные] слова, которые доставят им вечное блаженство, также как и благополучие в сем мире.

В св. книгах, называемых Тунтри-Сгастер, есть мунтеры на все ремесла, все звания и все дела.

Воры и разбойники имеют свои мунтеры и предписанные обряды для освящения орудия, ими употребляемого.

В отчете, данном г. Вордом²⁶ об обрядах жертвоприношения Богине Кали²⁷, покровительнице воров, находятся описания орудий, которыми разбойники подкапываются в дома; также молитвы и богослужения Богине перед начатием воровства.

Тунтри-Сгастеры (говорят брамины) ниспослали Боги, сожалея о смерти людей. Сими последними книгами утверждают, что Веды²⁸ и Пуранны²⁹ слишком строги правилами, и что только через них можно найти человеку путь на небо менее трудный. Основание вероисповедания Тунтри-Сгастеры состоит в том, что твердая надежда на Гуру и его мунтеры освобождает от всех грехов и ведет на небо. Когда Гуру живет в деревне, каждый должен посещать его два раза, и раз в день, если от него отдалены расстоянием трех миль. Индиец, встретивший Гуру, должен пасть перед ним, и если Гуру желает войти в хижину, хозяин должен омыть его ноги и немедленно выпить воду, которой омывал, но более всего обременять подарками.

(Сокр.)

М. М...ча

Введение во всеобщую историю Швейцарских республик

Соч. Эдуарда Гиббона³⁰

Глава I

Состояние Германии и Швейцарии. – Австрийский Дом. – Дворянство. – Духовенство. – Вольные города. – Три народные кантона. – Честолюбие Альберта I^о. – Тиранство его наместников. – Заговор. – Восстание Швейцарии. – Смерть Альберта I. – Генрих VII. – Фридерих Австрийский и Людовик Баварский. – Сражение Моргартенское. – Вечный союз трех кантонов. – Основание Гельветического союза.

Швейцария лежит посреди Европы, между Франциею, Италиею и Германиею. Ширина ее от Баля до горы Сент-Бернарда простирается

до 42 лье, а самое большое пространство от Женевы до Констанского озера не превышает 70 лье. Вся южная и восточная часть сей провинции покрыта огромною массою Альпов и составляет верхушку сей цепи гор, простирающуюся от Адриатического моря до Средиземного. В недрах сих-то гор небесные воды изрыли тысячи неисчерпаемых хранилищ, из которых текут обильные источники до самых оконечностей Европы; с одной стороны Рейн, вытекающий из подошвы горы Сент-Готарда, обнимает в изгибах своего спокойного течения большую часть Швейцарии, которую он теперь отделяет от Германии. Вытекая из Констанского озера, он получает дань от Лары, Рейса и Лиммы, которые, омывши внутренние земли, соединяются. Наконец он поворачивает к северу и теряется в песках Голландии.

На юге Рона с яростию низвергается с той же самой горы и, протекая чрез Женевское озеро, соединяет у стен Лиона свои быстрые воды с тихими водами Соны. Альпы, неприметно понижаясь, образуют отлогости менее бесплодные, обрабатываемые свободными и искусными руками. Наконец сии горы, снова возвышаясь, образуют ту цепь гор, которая под именем Юры простирается от Роны до Рейна и служит Швейцарии оплотом против Бургундии.

В конце тринадцатого века Швейцария еще принадлежала Немецкой империи. Сие огромное государство освободилось от анархии, и его политическое учреждение приняло с того самого времени ту самую форму, которую оно сохранило до наших времен. Императорская власть была жертвою возмущения, с давнего времени приготовленного происшествиями. Фридрих II³¹ был достоин другого века и участи более счастливой, но он сражался с большей твердостью, нежели счастьем, против гордости вельмож, фанатизма народного и политики римского Двора. Италианские города, разбогатевшие от своей торговли и возгордившись своими богатствами, с жаром принимали сторону Первосвященников, которые были для них то же, что свобода.

В то время, когда Император преследовал в Италии призрак могущества, который всегда от него убегал, немецкие князья разорвали слабые узы, привязывавшие их к своему повелителю, похитили его права, владения и доходы и присвоили себе независимую и наследственную власть. Смерть Фридриха усилила общественные беспорядки; и государство, казалось, было погружено в то естественное положение, в котором всякий, свободный от бразды законов, есть враг подобного себе.

(1272). После двадцатипятилетнего междуцарствия, избиратели* с неудовольствием уступили народному крику, требовавшему от них начальника. Наконец, они собрались в Франкфорте, и Родольф, граф Габсбургский³³, согласил мнения сего собрания, которого уважение он заслужил и в котором никогда не возбуждал зависти. Его добродетели оправдали их выбор. Его правление, кроткое и вместе строгое, вскоре возвратило Империи мир, а законам – силу. Он не обольщал себя ложным честолюбием доставить Италии права Римской Империи, уже более не существовавшей. Он всегда уважал права и даже грабительства князей и мудро предпочитал спокойствие свое и своего Отечества честолюбивым требованиям знатности, которая, может быть, перешла бы в другие руки. Он ограничил все сии намерения учреждением своего дома. Императоры сохраняли еще право жаловать поместья, в том случае, когда сии последние принадлежали Империи. Бедствия сего века представляли Родольфу самые счастливые случаи, чтобы употребить сие право в пользу своих детей.

Утвердивши власть свою десятилетнею счастливою войною, он собрал на Аугсбургском сейме все государственные сословия; пред глазами сего собрания его сыновья Алберт и Родольф** получили от своего отца герцогства Австрийское и Швабское, две провинции, не имевшие начальника от смерти Фридриха и Конрадина³⁴, которых несчастная судьба повлекла в Неаполь, чтобы там погибнуть на плахе. Сии законные князья были последние отрасли древних домов Швабского и Австрийского.

Герцогство Австрийское было одно из прекраснейших поместий Империи. Его плодородные равнины были населены многочисленным народом, привыкшим к оружию продолжительными войнами, выдерживаемы им против венгров и богемцев. Щедрота Фридриха Барбарусы (рыжебородого)³⁵ не освободила правителей Австрийских от всех тягостных обязанностей члена Империи, между тем как они сохранили и честь свою, и выгоды.

Герцогство Швабское было обширно, потому что оно заключало земли, в которых жили древние немцы, окружность Швабии, Эльзас и

* Императоры в древности были избираемы всем немецким дворянством. Около сего времени семь сановников Императорского Двора, имевших значительней голос в избираниях, начали требовать на сие исключительного права; их требование имело успех и было подтверждено золотою буллою³².

** Герцог Родольф умер прежде своего отца.

большую часть Швейцарии. Его герцоги давали Императорскую корону и сами носили ее более века. Император Филипп Швабский³⁶ приобрел верность вассалов ценою своих прав и владений, которыми он изобиловал. Фридрих II увидел себя окруженным толпою врагов, которые хотели заслужить небо, раздирая отчизну тирана, отверженного церковью. Часть первосвященников почитали себя вправе все от него отнять; друзья его довольствовались требованием от него – всего. Междуцарствие уничтожило и остатки власти герцогов Швабских; и пока сыновья Родольфа были обличены в сие ложное титуло, они получили владение, которым с трудом могли управлять, и власть, которую они не узнавали. При стечении Лары и Рейса возвышался древний замок, построенный на развалинах Вендонтских, еще древнейших.

Посредством слабого мерцания, освещающего сии мрачные времена, можно открыть предков Родольфа в начале одиннадцатого века и следовать непрерывно за успехами дворянства, доказавшего оное турнирами, крестовыми походами, грабежами и благочестивыми учреждениями.

К имуществу своих отцов^{**} Родольф присоединил богатое наследство своей матери, единственной дочери последнего из древних графов Кибургских.

Владение, лежащее на одном из прекраснейших мест Швейцарии, близ Императорского достоинства, и счастливое стечение обстоятельств позволяли ему надеяться, что законы Австрийского дома будут признаны

* Довольно незначительное пространство заключает в себе памятники всех веков. Можно начертить развалины Вендонина, римского города, разрушенного в четвертом веке немцами, против которых он служил оплотом. Он был местопребыванием двадцать первого легиона и первых епископов Ко[н]станских. Несколько далее темница Габсбургская представляет нам картину феодального тиранства и колыбель императоров. Остатки аббатства Конибирельдского, еще более замечательные, показывают нам трофеи низверженного суверена. Наконец маленький город Брюк, оканчивающий ландшафт, представляет нам свою промышленность и опрятность предмет, легко подходящий к веку, в котором мы живем.

** Родольф обладал пятью прекраснейшими графствами в Верхней Германии, т.е. – Габсбургским, Кибургским, Ленцбургским, Баденским и Фробургским; с городами Бремгартемом, Мелингеном и Семпаком; также Доффингемом, Арау[?] и Брюком в Арге; городами Винтертуром, Фровенфельдом и Диссенгофеном в Турговии, с землями Гастерн и Цуг, и многими другими городами и поместьями. Графство Баденское и Кантон Цуг навсегда сохранили свои древние рубежи; Аргев и Туровия довольно известны. Трудно с точностию означить прочие области, поглощенные в кантонах Цурихе и Люцерне.

от озера Констанского до Женевского*. Тридцатилетние перевороты и сражения раскрыли ему то нестройное разнообразие нравов, выгод и предрассудков, которое можно найти только между народами свободными, и научили его приводить их к одной цели, которой он никогда не терял из виду.

На престоле Императорском он сохранил первоначальную свою простоту. Повелевая умами, он их покорял и любовью, и страхом; и его хитрое честолюбие было тем опаснее, что оно выказывалось под личиною чистосердечия и умеренности. Важное завоевание, которое он замышлял, могло быть плодом одного только времени и терпения (1291).

Император Родольф трудился не без успеха, но смерть принудила, наконец, его оставить сыну своему Альберту свои несвершенные предприятия, свой пример и свои правила. Но политика менее зависит от разума, нежели от характера. Альберт наследовал от своего отца только честолюбие и мужество. Природная суровость и свирепость, раскрывшиеся в нем в самом нежном возрасте, ужаснули избирателей и заставили их предпочесть его соперника Адольфа, графа Нассаусского³⁹, но неблагоприятное поведение нового Императора принудило их сожалеть об этом выборе. Альберт умел воспользоваться всеобщим неудовольствием, чтобы возмутить всю Германию против презираемого им князя. Междоусобная война решила их права, и несчастный Адольф погиб от руки Австрийского герцога, который был признан всею Империею законным Государем. Но он принес на престол гордость победителя и все страсти начальника какой-нибудь шайки, и его поведение часто терпело от влияния сих страстей.

Многочисленное и независимое дворянство представило первую преграду честолюбивым намерениям Родольфа и его сына. Пятьдесят графов, сто пятьдесят баронов и около тысячи мелких дворян угнета-

* Немцы и бургундцы еще от пятого века разделяли Швейцарию на две довольно неравные части, которые всегда отличались законами и наречием, Рейн[?], а потом Лора[?] назначали их границы. Аллемания всегда составляла часть государства Австрийского, а потом Империи. Бургундия Трансюранская[?] (так она называлась), покоренная французами, имела впоследствии своих особенных царей, из которых последний завещал ее Императору Конраду Салическому³⁷ в 1032. Герцоги Церингенские управляли ею долгое время под именем Империи (1218). Во время анархии, последовавшей за смертью Берхтольда V³⁸, последнего герцога Церингенского, сии разделения Швейцарии начали мало-помалу смешиваться.

ли землю, носившую их, тяжестью своих замков, и гордились тем, что их могущество зависело от собственной власти и меча. Легче хвалить, нежели унижать гордость сего воинственного народа, угнетенного рабством, соперника своих Государей, но всегдашнего врага народа, законов и свободы*. Герцоги Австрийские часто собирали его на блестящих турнирах, чтобы умягчить его нравы и открыть путь к сражениям и победе.** Наделенные почестями и богатствами, сии гордые дворяне наконец возвращались в свои поместья; приверженные к их благодетелю и исполненные негодования к своей жалкой независимости, которой выгоды поддерживались на счет всеобщих бедствий.

Замки служили притоном неправосудия, и торговля пресекалась постыдными разбоями. Родольф и его сын вскоре прекратили сей беспорядок разорением многих виновных крепостей. Вся империя радовалась их наказанию, и власть Австрийских герцогов соединилась с властью законов. Всё преклонялось под их иго, признавая себя вассалом Габсбургского дома, выключая малого числа графов, между которыми мы должны наименовать графов Савойских, которые, соделавшись обладателями земли Во, в тишине созидали будущее свое величие.

Духовенство более приобрело политикою, нежели сколько дворянство исторгло жестокостию. Епископы Баля и Констанса стояли наряду с знатнейшими князьями; многие аббаты не уступали им, и Швейцария была наполнена молитвенными домами, над которыми святая щедрость правоверных изливала блага земли. Сии священнослужители презирали искусства, которым их предшественники были обязаны всем своим величием; и народ не иначе отличал их от прочих мирян, как превосходством роскоши и гордыни. Однако же опасно было лишать их сих имуществ, освященных суеверием, ежели бы они сами не опасались уступить их

* Теперь я должен буду говорить о редком и, может быть, единственном исключении из сего всеобщего правила.

** С своей колыбели Австрийский Дом принял правило тиранов: держать сторону военных и презирать народ. Вернер, Епископ Страсбургский⁴⁰ в 1026 году дал своему брату Ратботу довольно значительную сумму для построения Габсбургского замка. Посетивши его чрез несколько времени, Вернер не был доволен своим братом. «Подождите, – сказал ему Ратбот, – до завтра». В следующее утро Епископ с ужасом увидел многочисленное и вооруженное войско, которое сооружало замок. «Сие войско, – сказал ему брат его, – составлено из всего окружного дворянства, которое мои богатства привлекли к нашему дому. Вот укрепления, которых вы желали. Знаете ли лучшие?»

Австрийским Герцогам*. Епископ Бальский, Аббат Сент-Галльский и Аббатиса Цюрихская имели присутствие духа, чтобы противиться угрозам и наущениям Родольфа и его сына.

Ежели церковь обладала бесчисленными богатствами, то история, судящая людей без приязни и злости, должна признаться, что их источник не всегда был нечистым, и употребление оных часто было полезно человечеству. В то время, когда суровое дворянство предавалось разрушительным трудам войны и охоты, священный пламенный искусств сохранялся только в руках священнослужителей. Значительные земли и даже целые провинции одолжены им признательностию за их благочестивые искусства, кои по большей части состояли в иссушивании болот, в расчищении лесов и в обрабатывании пустынь. Земля в скором времени изменила свой вид, тысячи рабов убежали со всех сторон от мучительства своих повелителей и укрывались у подножия алтарей, посвящая себя и свое потомство на служение святому, покровителю церкви. Около сих церквей образовались многочисленные общества. Явились граждане, законы и оплоты. Большая часть германских и швейцарских городов имели подобное происхождение. Человеколюбие или политика их повелителей в скором времени освободили их от рабства, на которое они были осуждены, и промышленность, следующая за свободою, доставила им средства избавиться от самых тягостных повинностей. Однако их привилегии не были одни и те же. Одни украшались блистательным титулом императорских городов и, казалось, были свободными и самовластными. Другие почти во всем зависели от своего епископа или аббата; но все они имели один совет, исправляющий судейские должности, и одно знамя, сзывающее граждан для вооружения. Убежденные в выгодах своего положения, многие из сих обществ условились, чтобы их Государь никогда не передавал бы оные другим монархам, но сие условие не помешало Аббату Мюрбакскому продать Императору Алберту⁴³ город Муцерн, и Игуменя Секингенская, презируя его клятвы, приняла сего Государя и его потомков за вечных покровителей Клариса; Баль, Цирих, Солерн, Сент-Галль, Шафгаузен и другие города Швейцарии

* Чтоб составить себе понятие о причинах величия и упадка духовенства, я осмеливаюсь указать моим читателям на диссертацию ученого Мюратори⁴¹ о древностях итальянских. Там они найдут глубокие познания, здравую критику и мудрую смелость. Он писал для Италии, но его высокие начала и даже большая часть его описаний общи всем землям, составлявшим Империю Карла Великого⁴². Кажется, что в сии варварские века вместе царствовали две противоположные страсти: одна все отдавать церкви, а другая – все от нее отнимать. Один и тот же человек часто испытывал их обеих в одно время, и старость занималась только возвращением святотатств юности.

не подпали под то же иго. Они были спасены или собственными своими силами, или верностью Прелатов, ими управляющих.

(1179) Два города, Берн и Фрибург, наслаждались еще полною свободою, которая происходила от своего основателя Бертольда V^{го} Герцога Церингенского⁴⁴ (1191). Сей Государь, желая себя оградить от дворянства собственных владений, дал сим городам выгодное положение, неограниченные привилегии и совершенно воинское учреждение. Он умер, завещая им любить друг друга и никогда не прощать тем баронам, которые погубили дом их благодетеля. Фрибург, менее могущественный из двух городов, вскоре позабыл столь опасный совет и искал покоя и безопасности в покорении себя Австрийскому дому. Берн поддерживал себя и свою независимость с большею твердостью: он несколько раз выбирал покровителей, но никогда не хотел иметь повелителя, отличался воинскими и политическими добродетелями, одерживал победы над окружающими его государями, осмелился противиться даже императору Родольфу и видел у подошвы своих укреплений исчезнувшее счастье сего монарха.

Все сии города были медленным плодом времени и трудов человеческих, но в глубине Альпов существовали мрачные общества, которых мощная и крепкая свобода, казалось, была произведением одной только природы. Три кантона: Ури, Швейц и Ультервальден образовали землю, простирающуюся на шестнадцать льё от севера к югу, а в ширину от востока к западу на двенадцать льё. Из горы Сент-Готард, южной границы сей области, кроме других вод, разливающихся по всей Европе, низвергается поток, протекающий под именем Рейса длинную и узкую долину Ури и наконец впадающей в озеро, которое отделяет кантон Швейц от Ультервальдена и Луцерна. Все сии земли покрыты горами, коих вершины представляют взору только отвесные скалы и пихтовые леса, согбенные под тяжестью вечных снегов. Но летом их отлоги покрыты изобильною пищею для стад, составляющих богатство земледельца, и довольно прибыточную ветвь грубой его торговли. Промышленность дошла до того, что начали сеять пшеницу в долинах менее бесплодных, но слабый и ненадежный урожай часто обманывал надежды земледельца и принуждал его просить помощи у других.

* Освальд Микониус Луцернский⁴⁵ предлагает нам в начале шестнадцатого века очень полезные замечания на весьма плохую поэму своего друга Генриха Клореануса⁴⁶. Он восхищается огромною торговлею масла и сыра, делаемыми его соотечественниками в Бургундии, Швабии и Италии. По его расчету, стадо, состоящее из двадцати коров, приносит своему обладателю ежегодно чистого дохода сто эку. Это происшествие слишком невероятно для шестнадцатого века.

Чистый воздух, бесплодная земля, суровая жизнь образовали характер сего народа. Он обязан им крепким телом, буйными страстями, грубыми, но пламенными желаниями, простыми и добродетельными нравами.

Швейцарец любит свое семейство и своих товарищей, уважает религию и законы, ненавидит труд, презирает смерть и страшится только бесславия.

Свобода ему мила, и сия независимость, рожденная от равенства состояний и от сознания собственных сил, есть первая пружина его души. Правление трех кантонов согласовалось с природою, и сие правление продолжалось до наших времен. Законодательная власть сохранилась в собрании граждан; там были собраны все сословия, все голоса были равны и сей народ-Государь, завидующий собственному достоинству, поверял своим годовым магистратам только необходимую власть для соблюдения законов и порядка. Дворянин и земледелец, смешанные в их собраниях, научались почитать взаимно друг друга и привыкали думать, что главное достоинство между людьми заключается в способностях, полезных обществу.

Я прощаю швейцарским историкам те басни, которыми они думали украсить историю первых времен своего народа. Но в наш философский век я не должен упоминать о гуннах и готах, между которыми они ищут своих предков (1714). Только в XII веке я примечаю кантоны Ури, Швейц и Унтервальден, признанные за три общества, свободные, союзные и независимые, но подвластные Империи и своему начальнику, который несколько раз присылал им судей для окончательного решения уголовных преступлений. Приговор Императора Конрада III⁴⁷ (1144) показался им несправедливостию, которой они не хотели снесть, и отвечали ему публичною декларациею, «что они из доброй воли находятся под покровительством Империи, что они заслужили сие покровительство постоянными трудами, и что они навсегда отказываются от оногo как для себя, так и для своего потомства». Более столетия они упорно держались сего мнения, торжествовавшего над Императорскою властью. Наконец Оттон IV⁴⁸ и Фридрих II⁴⁹ убедили их принять судей и дворянских предводителей, которых Императоры присылали от себя (1249).

В сие-то время они получили достопамятный диплом, признавший их независимость, согласившийся на их добровольную клятву в верности, и обещавший никогда не отделять их от Империи.

Во время великого междуцарствия они признали Родольфа Габсбургского⁵⁰ своим защитником, и сей Государь, по восшествии на Импера-

торский престол, продолжал свое к ним покровительство и никогда не посягал на их права.

Усилие Швейцарских кантонов восстановить свою свободу было причиною появления многих великих решительных характеров и высоких добродетелей.

В предлагаемом здесь извлечении из сочинения Эдуарда Гиббона не упущено, кажется, ни одного происшествия, хотя сколько-нибудь способствовавшего к восстановлению сей свободы, и ни одного значительного лица, действовавшего в сии минуты, решительные для Швейцарской республики. Статья, помещенная в сей части «Ареопага», – «История Швейцарских республик» – может служить как бы введением для следующих. Потом мы поместим отрывки из превосходного сочинения Гара Гайлора: «Политическая и военная история Германии, от времени отплытия Густава Адольфа на берега Померании до заключения Вестфальского мира (1630–1648)». Автор выбрал самую яркую картину из истории Тридцатилетней войны (1618–1648). В сей войне, до 1630 года, наше внимание преимущественно обращено на одно лицо, и хотя другие лица также выказываются в этой патетической картине, но неизъяснимый характер и чудные подвиги героя – Валленштейна⁵¹ затмевают их. Наконец, по прошествии двенадцати лет от начала сей войны (1630), Густав Адольф⁵² является знаменитым соперником гордого Валленштейна. Юный король Шведский переплыл со своими войсками Балтийское море и вступил на враждебную землю, с которой он уже более не возвращался. Характеры и борьба сих героев, смерть Густава Адольфа в сражении Мотценском (1632), низкий заговор против Валленштейна, убийство сего неразгаданного человека, следствия его смерти и, наконец, достопамятный Вестфальский мир описаны автором верно, сильно и с большими подробностями. Даже можно упрекнуть его в непрерывных частностях, наполняющих сие сочинение, и более приличных автору какого-нибудь романа, нежели историку.

Гар Гайлор держится того мнения, что Валленштейн имел сношения с Франциею и Швециею и хотел захватить Богемский предел; но сие мнение, как говорят в наши времена, удачно опровергается вновь найденными бумагами Валленштейна, из которых видно, что он имел совершенно противные – благороднейшие намерения. Тем лучше! Да спадет укоризна с деяний благороднейшего человека, омрачающая сии деяния!

- ¹ Изиды – главная и наиболее популярная древнеегипетская богиня.
- ² «Летучие Листки» – журнал одесских лицеистов (не сохранился). О нем упоминается в первом номере «Ареопага» за 1828 г.: «Летучие листки, изданные г. А. и г. П., забавляли чернь, рассказывая анекдоты, современные происшествия. Это журнал текущей литературы...». – См. в кн.: Дом князя Гагарина: Сборник научных статей и публикаций / Одесский литературный музей. – Вып. 4. – Одесса, 2007. – С. 38–39.
- ³ Р.Д.К. – здесь: редакция.
- ⁴ Перон Франсуа (1772–1810) – французский зоолог и путешественник; главная работа: *Voyage de découvertes aux terres Australes* (П., 1807–10, 2 т.; 2 е изд. в 4 т., 1824–25). См. также примечание №11.
- ⁵ М. Дохторов – Дохтуров – фамилия в «Ареопаге» варьируется. О нем см. во вступительной статье.
- ⁶ А. Магденко – лицеист Андрей Магденко, закончивший курс 5 класса в 1828 году. Он был автором стихов «в роде дифирамба» по случаю окончания курса. – См.: Одесский вестник. – 1828. – 14 января. – №4.
- ⁷ Е. З. – не удалось расшифровать инициалы
- ⁸ Петр Константинович Зеленецкий (1877–1828). «Коллежский советник Петр Константинович Зеленецкий. Род. в Нижнем Новгороде 1777 г. Сконч. 1828 окт. 5 дня» – В кн.: Первые кладбища Одессы: Одесские некрополи / В. И. Смирнов. История Первого городского кладбища / О. И. Губарь; сост. М.Б. Пойзнер. – Одесса, 2012. – С. 55.
В Списке должностных лиц Херсонской губернии на 1829 год в рубрике «Заведения Приказа общественного призрения» (по состоянию по 30 декабря 1828 года) в одесской Городской больнице числился старший медик Петр Константинович Зеленецкий. – См. кн.: Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1829: [В 2-х ч.]. – СПб.: Имп. Академия наук, 1829. Ч. 2: [Местные правления]. – 1829. – [2], XIII, 548 – С. 226.
- ⁹ Бутлер – не удалось установить автора. (Предположительно: Батлер Джозеф / Joseph Butler / (1692–1752) – английский философ-моралист, христианский писатель, епископ).
- ¹⁰ М. М...ч – возможно, М.А. Максимович (1804–1873) – украинский и русский учёный, историк, ботаник, этнограф, филолог.
- ¹¹ Перевод с французского отрывков из кн.: *Voyage de découvertes aux terres Australes, fait par ordre du gouvernement, sur les corvettes le Géographe, le Naturaliste, et la goélette le Casuarina, pendant les années 1800, 1801, 1803, 1803 et 1804; historique rédigé par Péron, et continué par M. Louis de Freycinet. seconde Edition, Tome Second.* – Paris, 1824. – С. 460–474. См. также примечание №4.
- ¹² Новая Голландия – историческое название Австралии.
- ¹³ Turnbull John. A voyage round the world, in the years 1800, 1801, 1802, 1803, and 1804: in which the author visited Madeira, the Brazils, Cape of Good Hope, the English settlements of Botany Bay and Norfolk Island; and the principal islands in the Pacific Ocean. With a Continuation of their History to the Present Period, 2nd ed. London: A. Maxwell, 1813.
- ¹⁴ Порт-Джэксон (англ. *Port Jackson*) — трёхрукавный залив в юго-восточной части побережья Австралии. Залив послужил местом основания первой европейской колонии в Австралии.

- ¹⁵ Вольный, сокращенный перевод с английского отрывков из кн.: Considerations on the present political state of India; embracing observations on the character of the natives, on the civil and criminal courts, the administration of justice, the state of the land-tenure, the condition of the peasantry, and the internal police of our eastern dominions; intended chiefly as a manual of instruction in their duties, for the younger servants of the company; by Alexander Fraser Tytler (second edition). – London, 1816. – vol. 1. – P. 92 и далее.
Фрейзер Тайтлер Александр (1747–1813) – профессор истории в Эдинбургском университете, автор исторических сочинений.
Многие термины в названиях каст, религиозных праздников, географических названий переведены произвольно.
- ¹⁶ Бенгал – Бенгалия – исторический регион в северо-восточной части Южной Азии. В настоящее время Бенгалия разделена между Индией (Западная Бенгалия – штат на востоке Индии) и государством Бангладеш (Восточная Бенгалия).
- ¹⁷ Сарац (нем.) – рис.
- ¹⁸ Колбрук Генри Томас (Colebrooke Henry Thomas) (1765–1837) – английский востоковед и математик, директор Королевского азиатского общества.
- ¹⁹ Ворд Уильям (1769–1823) – английский баптистский миссионер, сочинитель, издатель и переводчик. Основал типографию и распространял священные книги в Индии.
- ²⁰ Джонс Уильям (1746–1794) – британский (валлийский) филолог, востоковед (индолог) и переводчик, основатель и президент Азиатского общества.
- ²¹ Вероятно, Самюэль Джонсон (Samuel Johnson) (1709–1784), которого современники называли Dr. Johnson – английский писатель, драматург, эссеист, моралист, литературный критик, редактор, лексикограф.
- ²² Бамбай и Мадрай – Бомбей и Мадрас.
в Калькутте.
- ²⁴ Гуру (санскр.) – в индуизме и буддизме – духовный наставник, учитель.
- ²⁵ Мунтеры – мантры (санскр.) – слогги, слова, фразы, имеющие священный смысл.
- ²⁶ г. Вордом – см. примечание №19.
- ²⁷ Богиня Кали – богиня-мать, символ разрушения.
- ²⁸ Веды (санскр.) – сборник самых древних священных писаний индуизма на санскрите.
- ²⁹ Пуранны (санскр.) – книги священных преданий.
- ³⁰ Источник перевода данной статьи найти не удалось. Гиббон Эдвард (1737–1794) – английский историк, автор многотомного сочинения «История упадка и разрушения Римской империи». В библиотеке Ришельевского лицея на 1828 год числилась книга Histoire de la décadence et de la chute de l'Empire Romaine par Gibbon, traduite par Guizot. Paris. 1812. (не сохранилась). – См. в ст: Полевщикова Е.В. Библиотека Ришельевского лицея в 1817–1828 гг. (по материалам Гос. архива Одесской области) / Е.В. Полевщикова // Вісн. Одес. ун-ту. – 2007. – Т. 12. Вип. 4. Бібліотекознавство, бібліографія, книгознавство. – С. 71. Ныне в фондах научной библиотеки ОГУ им. Мечникова хранится книга с печатью библиотеки Ришельевского лицея: История упадка и крушения Римской империи Э. Гиббона. – М., 1824 (первый сокращенный перевод на русский язык).
- ³¹ Фридрих II (1194–1250) – король Германии (с 1212 года), император Священной Римской империи (с 1220 года), король Сицилии (под именем Фридрих I, в 1197–1212 годах и с 1217 года).

- ³² Булла (от лат. *bullā*) – основной средневековый папский документ со свинцовой (при особых случаях – золотой) печатью.
- ³³ Рудольф II (ок. 1168–1232) – граф Габсбург, представитель дома Габсбургов.
- ³⁴ Конрадин (1252–1268) – король Иерусалима под именем Конрад III (с 1254 г.), король Сицилии под именем Конрад II (1254–1258 гг.), герцог Швабии под именем Конрад IV (с 1254 г.). Последний законный отпрыск императорского дома Гогенштауфенов, сын Конрада IV и Елизаветы фон Виттельсбах, дочери Оттона II Сиятельного, герцога Баварии, внук императора Фридриха II.
- ³⁵ Фридрих I Гогенштауфен (кон.1122–1190) – король Германии с 1152 года, император Священной Римской империи с 1155 года, герцог Швабии в 1147–1152 гг. под именем Фридрих III.
Прозвище Барбаросса получил в Италии из-за своей рыжеватой бороды.
- ³⁶ Филипп Швабский (1177–1208) – епископ Вюрцбурга (1190–1191), маркграф Тосканы (1195–1197), герцог Швабии (1196–1208), король Германии (1198–1208).
- ³⁷ Конрад II (около 990–1039) – король Германии (1024–1039), первый император Священной Римской империи из Салической династии.
- ³⁸ Бертольд V (ок. 1160–1218) – герцог Церингенский с 1186 года; последний герцог фон Церинген. Основатель города Берн.
- ³⁹ Адольф Нассауский (прибл. 1255–1298) – граф Нассау с 1276 года, король Германии с 1292 года.
- ⁴⁰ Вернер I (между 978 и 980–1028) – епископ Страсбурга (1001–1028), начавший строительство Страсбургского собора.
- ⁴¹ Муратори Лудовико Антонио (1672–1750) – священник, крупнейший историограф своего времени, автор многочисленных трудов по церковной истории.
- ⁴² Карл I Великий (742/747 или 748–814) – король франков с 768 года (в южной части с 771 года), король лангобардов с 774 года, герцог Баварии с 788 года, император Запада с 800 года.
- ⁴³ Альберт, император (1397–1439) – король Богемии, Венгрии и Хорватии (1437–1439), император Священной Римской империи.
- ⁴⁴ См. примечание №38.
- ⁴⁵ Освальд Миконий (1488–1552) – швейцарский протестантский теолог и протестантский реформатор.
- ⁴⁶ Глареан (Glareanus; настоящее имя и фам. – Генрих Лорис) (1488–1563) – швейцарский поэт, географ, историк, музыкальный теоретик и педагог.
- ⁴⁷ Конрад III (1093–1152) – первый король Германии (1138–1152) из династии Гогенштауфенов, герцог Франконии (1116–1138).
- ⁴⁸ Оттон IV Брауншвейгский (1175/1176–1218) – король Германии (с 1198 г.), император Священной Римской империи (1209–1215).
- ⁴⁹ Фридрих II (1194–1250) – король Германии (с 1212 г.), император Священной Римской империи (с 1220 года), король Сицилии (под именем Фридрих I, в 1197–1212 годах и с 1217 года).
- ⁵⁰ См. примечание №33.
- ⁵¹ Альбрехт Венцель Эусебиус фон Валленштейн/Валленштайн (1583–1634) – имперский генералиссимус и адмирал флота (1628), выдающийся полководец Тридцатилетней войны.
- ⁵² Густав II Адольф (1594–1632) – король Швеции (1611–1632). Во время Тридцатилетней войны сражался против лучших полководцев того времени. Был убит в битве при Лютцене.

Ареопаг

1829

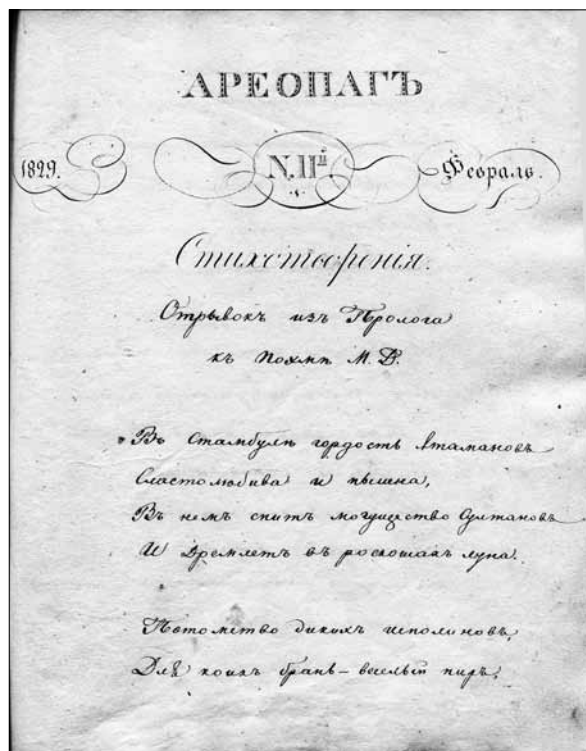
№II

Февраль

Стихотворения

Отрывок из пролога к поэме М. Д.

В Стамбуле гордость атаманов
Сластолюбива и пышна,
В нем спит могущество Султанов¹
И дремлет в роскоши луна.

Раздел «Стихотворения». Февраль 1829 г.

Потомство диких исполинов,
 Для коих брань – веселый пир,
 Восстав на троне Константинов,
 Оставило в покое мир;
 Уже не страшен сын Ислама,
 Кровавый меч его забыт,
 Как бурный вихрь, как молний пламя,
 Уже на брань он не летит.
 Среди красавиц чернооких,
 В палатах сумрачно-высоких,
 Он в сладострастной тишине,
 Забыв о славе и войне,
 Заботы и нужды не знает,
 В спокойной неге утопает
 И, поручив Эджелю² свет,
 Курит табак и пьет шарбет³.
 Над побежденными рабами
 Он самовластный Господин,
 Им страшен взор его один.
 Богат их потом и трудами,
 О чем заботиться ему?
 Текут сокровища реками
 От всех сторон в его казну.
 Аравы – масти дорогие,
 Индийцы – золото несут,
 Кавказки, девы молодые,
 К нему из заморя плывут.
 Не зная вьюги и мороза,
 В садах его алеет роза,
 Лимоны, лавр и мирт цветут,
 Кристалловидные бьют воды
 И громко соловьи поют.
 Дарами счастья и природы
 Украшен правоверный град,
 Цветет, как пышный вертоград
 С своими райскими садами,
 Восстав между двумя морями
 На горы, доли и поля;
 В нем воздух, море и земля

Какой-то тайной негой дышут.
 Все чувства, ум и сердце движут,
 Пленяя яркой красотой;
 Необозримую раскинувшись грядой,
 Блестя златыми булавами,
 Висят сарай⁴ над водой;
 Меж кипарисными лесами
 Громады мрамора...

 Кто изобразит
 Стамбул! тебя с твоей красою,
 С твоим величием, пестротой
 Палат, садов, долин, морей
 С зарею света, неизвестной
 В угрюмом севере моем,
 С твоею ночью прелестной
 И лучезарным твоим днем?
 С каким восторгом я, бывало,
 На грозной Чамладже⁵ сидя,
 Смотрел, волшебник, на тебя –
 Когда на западе пылала
 И с темной синевою сливала
 Свой пурпур алая заря!..

 Пред мной вдали сребрилась Ида⁶,
 Играли в отблеске лучей
 Эвксин⁷, Босфор и Пропонтида⁸
 С разнообразностью своей.
 Румяным сумраком одеты
 Сады, дворцы и минареты
 Казались раем для очей,
 Творением очарованья,
 Жилищем мира и утех,
 Где неизвестна скорбь, страданья,
 Болезнь, печали, смерть и грех;
 Когда же звездную порфиру
 Набрасывала ночь твоя

И по чистейшему эфиру
Плыла задумчиво луна,
Сребристые струились воды,
И общий тихий сон природы,
Незапно мноезинов лик⁹
Протяжной песней прерывая,
Взывал, трикратно повторяя:
Аллаг един! Аллаг велик! –
Священный трепет разливался
Тогда по сердцу моему,
Я верил – и не сомневался,

Что есть благой Отец всему.
И ныне в скучном заточенье
На бессарабском берегу
В часы мечты и вдохновенья
Стремится мысль моя к тебе!
Великолепие твое
И ныне дух мой утешает,
Печальны думы развлекает,
Врачует горести мои
Забвением сладостным тоски...
.....
.....

Байрам¹⁰

(из третьей песни поэмы М. Д.)

Но слышен гром от Кыш-Сарая,
Пылает весь Стамбул в огне;
Багряное поднявши знамя,
Ракеты мечет Топхане¹¹.
Босфор кипит под каюками¹²;
Как бурные потоки вод,
По стогнам¹³ шумными толпами
Течет ликующий народ.
Джами¹⁴ отверсты, там Имами¹⁵
Под разноцветными огнями,
Колена преклонив, поют:
«Хвала Аллагу и пророку!
Свершился рамазана¹⁶ труд!
Без нужды слабости пороку,
Дарует милосердый нам

Отдохновенье и Байрам.
Хвала Аллагу и пророку!»
Меж тем гремят на площадях
Литавры, бубны и кларнеты,
Сребром и золотом одеты,
На изукрашенных конях –
Готовые для игр Джерида¹⁷
Младые рыщут Биниджи¹⁸;
Стоят в порядке Бостанджи¹⁹
И ждут Махмуда ибн Хамида²⁰ –
Султана и царя царей.
В молчаньи у золотых дверей
Визирь²¹, муфти²², Паши²³ седые
Стоят и ждут.....
.....

Гарем

(из третьей песни М. Д.)

В покое внутреннем гарема,
Где в пышной скуке дремлет время
И с ленью обитает страх,
Сидит на парчевом диване,

Задумчив, грозный Падишах.
Блестят алмазы на тюбране,
Горят рубины на ноже,
В восточном вкусе на кафтане

Сияет яхонт в жемчуге.
 Вокруг Султана дорогие
 Фарфоры, полные цветов,
 На стенах рдеют дххи[?] златые
 Для звучных Ель-Курана²⁴ слов,
 И с тихим ропотом живые
 Среди покоя воды бьют,
 Но тщетен весь искусства труд!
 Предметы роскоши отрадной
 И неги сладостно-прохладной
 Взор Падишаха не влекут.

Сидит, потеряв в тяжелой думе,
 Чело и взор его угрюмы,
 Рука тесбих²⁵ не шевелит.
 Чубук янтарный – позабыт.
 Дюбека²⁶ запах ароматный,
 Шарбет, на вкус и вид приятный,
 Тревожных чувств его не льстит;
 Так, внутренно огнем снедаем,
 Большой, со смертию борясь,
 Вперяя взор в последний час,
 Не видит тех, кем окружаем
 Он...

Раздался топот близ дворца,
 Сверкают ружья у крыльца,
 Дверь с шумом настезь раство-
 рилась,
 И входит Гусейн-Паша.
 С могучих плеч его струилась
 Степных арабов епанча²⁷,
 Вокруг широкого чела
 Багряная чалма извилась,
 Кривая сабля при бедре
 В златых ножнах своих звучала,
 Улыбка злобная играла на
 Смугло-сумрачном лице.
 Он тихо важными шагами,
 Приблизясь к грозному царю,
 Сел, гордо преклонил главу
 И, лютыми сверкнув очами,
 Разглядел черные усы.

Султан

Паша, готово ль наше дело?

Гусейн-Паша

Готово, Царь!

.....

Отрывок из четвертой песни

Видали ль вы когда младую
 Турчанку, полную красоты?
 Как, сняв чалму она златую
 И черны распустив влася,
 В Султана бани поспешая,
 Чрез пышные сады сарая,
 Газелью легкою бежит?
 Как быстрый взор ее горит!
 Как грудь роскошно воздымает!
 Как гордо держит стан она!
 Как легко по траве порхает
 Ее прелестная нога!

В ней все парит! в ней все пленяет!
 Случалось ли кому узреть,
 Когда в гамам²⁸ уединенный,
 Сребром и золотом испещренный,
 Она, с невольницей вошед,
 Хырку²⁹ прозрачную снимает,
 Красы молодые обнажает –
 И белою рукой своей
 Очарование очей
 Лелеет, нежит, орошает!

Сквозь стекла купола лиясь
Над девой, сонной и прекрасной,
Мерцает сумрак сладострастный;
Приятной негой утомясь,
На мягкий одр она ложится,
Небрежно разметав себя,
И одр как будто веселится,
Такое время полюбя.
Лежит турчанка, отдыхает,
Но как опасен сей покой!

Как Этна, кровь ее пылает,
Грудь бурной движется волной,
Сквозь долги черные ресницы
Огнем любви горят зеницы.
Как роза, пышные уста
Улыбкой милою играют,
Без слов «люблю тебя!» вещают
И поцелуй к себе манят.
.....
.....

К

Ты снова хочешь пробудить
Мои бывалые мечтанья
И жадной славой заменить
Прошедших лет очарованья.
Нет – не поет любви певец
Под говор бури заунывной,
Молчит в раздумии пловец,
На берег брошенный пустынный...
.....
О друг, не смейся надо мной,
Не говори мне: «Ты мечтатель!»
Веселый гость, на пир земной
Я шел, земного обожатель.
Прошедшее пред мной было
Летучим призраком мечтанья,
И настоящее светло,
И в будущем одни желанья,
Одни надежды. Я взирал
На мир с невинною улыбкой,
Не верил злу, порок считал
Ума минутною ошибкой.
Я верил дружбе, я любил
И не предвидел в них измену;

Но верный опыт мне открыл
Неверным наслажденьям цену.
Я свет узнал, людей узнал
И разлюбил пир жизни шумной,
И хладным, и угрюмым стал
В беседах юности безумной:
Мне все в них чуждо, их мечты,
Огонь их беглых разговоров
И блеск удачной остроты
В пылу недальновидных споров.
Так в первом цветке василек,
Примятый легкою ногою,
Между цветов один цветок –
Поникнет томно головою.
Но там, где я живу мечтой
Под небом благосклонным Юга,
Я б ожил хладною душой
От мрачного ее недуга.
Там вдохновенья б сочетал
С ослабленным оттенком дара,
И с верным именем гусара –
Венок и дружеский фиал.

А. Магденко

Венок

Я плел венок из майских роз,
Его с невинною улыбкой
Я надевал, и блеском слез
Живил сердечную ошибку.
Ах! я не знал еще тогда,
Зачем их юноши сплетали
И в шумной круге иногда
Счастливица резвого венчали.
Я видел, с горестью немой
Иной глядел на них, вздыхая,
И с ними не был он душой,
Их радостей не разделяя.
Но тайну грусти я узнал,
Я разгадал, как сердцу больно,
Когда я в первый раз невольно
Венок счастливица надевал!

В. Золотницкий

Южный вечер

Простите, нега и любовь,
Дни наслажденья лени праздной
И круг веселых шалунов,
И шум пиров однообразный.
Я вас бегу – я променял
Пирь и буйные забавы
На говор волн, на цепи скал
И тень прибрежных дубравы.
Нет – не хочу утратить я
За чашей годы молодые,
Я вас бегу – зовут меня
Природы красоты живые,
Прохлада южных вечеров
И небо в пурпуре захода,
И песни звонкие гребцов,
И волн веселая свобода.

Здесь дышит все – все говорит
Души возвышенной мечтами,
И здесь люблю я над водами
День умирающий следить...

.....
Над влагой ясною зыбей
Пылает солнце без лучей
И на закате, потопленном
В разливе гаснущего дня,
Горит – и тонет, как ладья,
На горизонте отдаленном.
Вот закатилось, вот погас
Как бы забытый ненароком
Последний луч – уже высоко
Звезда вечерняя блестит,
Так пред иконою горит
Огонь лампы одинокой.
.....

О, вечер юга! жадно пью
Твое прохладное дыханье,
Ты в душу томную мою
Навевал вновь очарованье.
Воскресла память прежних дней
И к песням тайное влечение,
И небо голубых очей,
И сладкое любви мученье...
В те дни восторгов, думы пылкой
Меня мой Гений навещал,
Он мой тростник одушевлял
И с одобрительной улыбкой
Уроки первые давал.
Пришла пора – пошел и я
На пир земной без размышлений,
Страстям отдался, и меня
Покинул благодатный Гений;
И долго дар дремал во мне,
И песни в памяти мертвели,
Так гаснет огонь в холодной мгле,
Так умирает звук свирели;
Но верный опыт не дремал
В пирах за чашей наслажденья

Он был со мною – он сорвал
С меня повязку заблужденья.
Я все увидел – на глазах
Слеза раскаянья блеснула,
И радость вновь к душе спорхнула,
И Гений мой ожил в струнах.
.....
О вечер юга! жадно пью
Твое последнее дыханье,
Ты в душу томную мою
Навевал вновь очарованье.
Но гаснешь ты в туманной мгле,
Луна плывет над облаками,
Над мною небо, как во огне, –
Зажглось вечными звездами.
И ты погас – дождусь ли вновь
С закатом новым вдохновенья
И гармонических стихов,
И дум возвышенных стремленья.
Я жду тебя – тебя молю:
Не измени моим желаньям
И в душу томную мою
Навей опять очарованья.

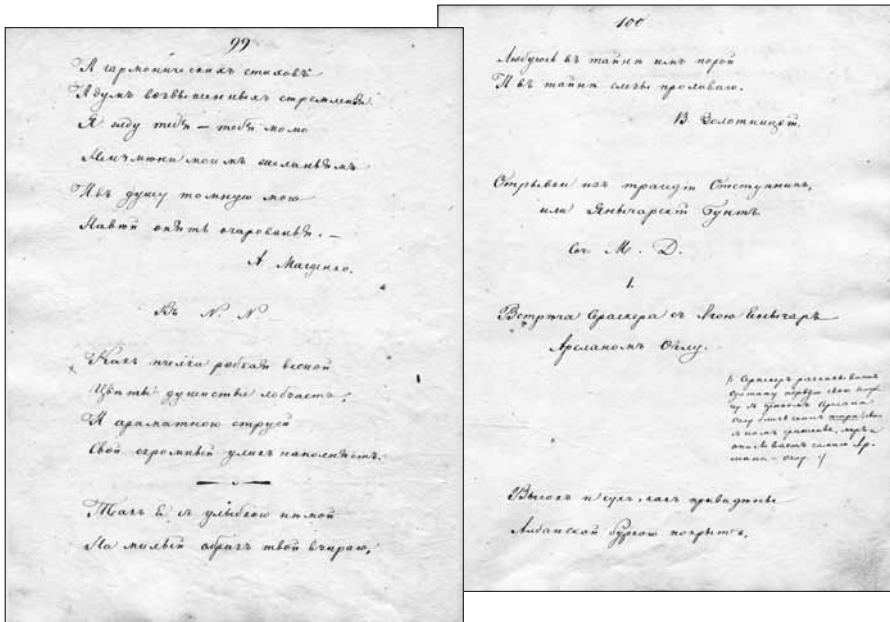
А. Магденко

К N. N.

Как пчелка робкая весной
Цветы душистые лобзает
И ароматную струей
Свой скромный улик наполняет,

Так я с улыбкою немой
На милый образ твой взираю,
Любуюсь втайне им порой
И втайне слезы проливаю.

В. Золотницкий

Страницы рукописного журнала «Ареопаг»

Отрывки из трагедии «Отступник, или Янычарский бунт»

Соч. М. Д.

1.

Встреча Сераскера³⁰ с Агою³¹ янычар³² Арсланом Оглу

(Сераскер рассказывает Султану первую свою встречу с бригам Арслана Оглу близ скал Тари[?], свое с ним сражение, мир, и описывает самого Арслана-Оглу).

Высок и сух, как привиденье,
Албанской курткою покрыт,
Суров и дик – но сановит,
Приблизься твердыми шагами,
И в душу зрящими очами
Окинув медленно всех нас,
Сей непонятный незнакомец
В молчаньи сел, не поклоняясь...

В лице угрюмом примечались
Оттенки бывшей красоты,
И резко на челе являлись
Страстей и бедствия следы.
В устах являлась, исчезала
Улыбки горестной игра;
Угрюмость вида умножала
Всколоченная борода,

Нависшая густая бровь
И вновь запекаясь кровью
На бурке белой и косматой
И на поле его богатой.
Он, долго в думу погружен
И чем-то сильно возмущен,
Сидел, храня молчанье,
И с ним молчало все собранье;
Но вдруг, как будто пробудясь
И взоры устремив на нас,
Окровавленную рукою
Кинжал с воткнутой головою,
Под буркой скрытые, поднял
И страшным голосом вскричал:
«Смотрите, вот мои трофеи,
Пусть так погибнут все злодеи!
Сия коварная глава
Была душе моей мила,
Мне другом, братом называлась
И мне сокровищем казалась.
Но друг мой мне коварно льстил
И невозвратно погубил
Мою надежду и отраду.
Вы видите его награду?
Пусть я такую ж получу,
Когда вас обольстить хочу!
Хотите ль мне друзьями быть?
.....
Я научу вас быть царями,
Не допущу, чтобы цепями
Обременял вас кто-нибудь;
Рука за руку, грудь за грудь!
Тогда не будет в мире рати,
Могущей вас преодолеть.
.....
Прельстил он речью янычар,
Воинский возбудил в них жар,
Внушил к себе любовь, почтенье
И самое повиненье;

Потом Пророка власть признал
И веру нашу восприял.
Во всех сраженьях предводитель,
Неумолимейший губитель,
Он замок Псары штурмом взял,
Сражался с хитрым Одиссеем,
С непобедимым Майны Беем,
И Гуру лютого разбил.
И, чудный, храбростью своею
Меня он также покорил
И овладел моей душою.
Я браком с дочерью моею
Его в Стамбуле сочетал
.....
И от него всей славы ждал,
Но тщетно я надеждой льстился –
В Стамбуле весь он изменился!
И книги из неверных стран,
И разговоры с дервишами³³
Соделались его делами.
Забыл он Бога и Куран!
Наружно только мюслиман³⁴,
Остался ж внутренне неверным,
О том единственно мечтал,
О том старался, то желал,
Чтоб сообщить и правоверным
Своих безбожных правил яд,
И вскоре янычар отряд
Как бы каким очарованьем
Он приковал к себе...
Он им внушил, что жить в свободе,
Не ограниченной ничем,
Повиноваться лишь природе,
Не трепетать ни перед кем,
Забыть, как детское мечтанье,
Ислам, Аллага и Куран
И возлагать все упованье
На твердый дух и ятаган, –

Есть долг прямого человека!
Ждать рай от будущего века,
Страдая в жизни до конца,
Назвал он участью глупца!
И словом, адским сим ученьем
Он так очаровал умы,
(2 строчки стихотворения стер-
ты. – Г.С.)

Что самых франков ослепленьем
Далеко превзошли они.
Его я часто увещаньем
Старался к вере обратить;

Грозил суровым наказаньем,
Дабы в нем совесть пробудить;
Но он, советам не внимая
И все угрозы презирая,
Как будто не слыхав, молчал
И жизнь свою не изменял.

Вот с кем иметь мы будем дело!
Возможно ль время нам терять
И безмятежно ожидать,
Чтоб к нашей гибели созрело
Сокрытое намеренье его?

Султан
Не допущу я до того!..

II

*Театр представляет кофейный дом, снаружи коего на лавках
и турецких стульях сидят янычары; иные курят табак и пьют кофе,
другие играют в кости.*

*Накылджи-Осман входит, со всеми знаками неудовольствия садится
на ближайший стул и курит табак в молчании, смотря сурово на других,
разглаживает усы.*

Саргош Мустафа
/обращается к Осману/
Осман, да расскажи, брат, нам
Что приключилося с тобою?
Смотря по взору и усам,
Мне кажется, что ты с судьбою
Не в лад!..

Осман
Ах, грустно, больно, брат!

Мустафа
/с любопытством/
Да что ж?

Осман
Мне сердце гложет злоба,
Но нечем пособить!
И, видно, суждено до гроба
Мне не отомстить
Злодею моему!..

Мустафа
Кому и почему?

Осман
/обращается ко всем/
Вот потому, что между нами,
Скажу я правду вам, друзья,
Но не сердитесь на меня!
Весь свет ругается над вами –
Исчез уж в янычарах дух
Свободы и геройства!
Недаром есть в народе слух,
Что скоро всех нас для устройства
Преобразят в солдат.

Янычары все вместе
*/вскакивают с видом злобы
и удивления/*
В солдат? нет! прежде в самый ад!

Один из янычар

А с нами вместе вся Держава
И вся Али Османа слава.

Мустафа

Не вдруг, не вдруг, друзья мои!
/обращаясь к Осману/
Осман, ты шутишь, брат, над нами,
Что все ругаются над нами,
Но не открыто, а в глуши.
И я согласен в том с тобою,
Но чтоб какой-нибудь судьбой
Султан бы или кто другой
Задумал нас поставить в строй –
Сынов Ислама правоверных –
И обучать стал как неверных,
Тому, Осман, не верю я!
И в том ни ты, никто меня
Отнюдь уверить не возможен,
А ты, брат, лучше б рассказал,
Что сильно так тебя тревожит,
И по-пустому б не искал
В нас рвение умножить.

Осман

Умножить рвенье в вас, Аллаг!
Да где оно? в одних словах –
На деле ж занят всяк собою
И о самом себе рачит³⁵,
Об общем деле не радит³⁶
И нож не видит над главою.

Мустафа

/усмехаясь/
Ты в самом деле нас пугаешь?
Осман! Для шутки лишь одной –
Ты слишком дерзко поступаешь.
А если знаешь умысл злой,
Зачем от нас его скрываешь?

Осман

Пусть я шучу, – Паша не шутит,
Друзья, он скоро вас разбудит!

Многие из янычар

Как, что, скажи, скажи скорей!

Другие также все вместе

Скажи, который из Пашей
Забыл так скоро смерть Селима³⁷,
Смерть Мустафы³⁸ и тех людей,
Которые, как он, хотели
Над нами подшутить?..

Мустафа

/к прочим/
Друзья, вы слишком зашумели.
Позвольте мне его спросить.
/К Осману/
Хотя я, брат, не понимаю,
Зачем от нас ты скрытен стал,
Но ты уж много насказал;
И потому я объявляю –
Ты должен все открыть,
Что только может нам грозить
Какой бы ни было бедою...

Осман

Пожалуй, я вам все открою,
Да что вам пользы будет в том,
Когда уж нет в вас прежней силы,
Когда вы сами нас сгубили?

Мустафа

Ты не заботься, брат, о том,
Посмотрим, что тебя тревожит,
А там увидим, что начать;
Аллах керим!³⁹ он нам поможет!

Осман

Пусть так, но знайте же, что рать
Паша Гусейн⁴⁰ собирает...

Мустафа

Так это-то страшит тебя?
 Напрасно, брат, твое сомнение!
 Поверь, все это ополчение
 Созвал не он, а сам Султан
 Противу гордых россиян.

Осман

Послушай же, имей терпенье;
 Я сам, брат, думал точно так,
 Как ты, как все нас уверяют,
 Что рать затем лишь собирают,
 Чтоб не вредил нам внешний враг.
 Но вот как я узнал случайно...

.....

Монолог Арслана Оглу

*/Действие происходит вне города. Действие первое, явление четвертое.
 Театр представляет кипарисную рощу и турецкое кладбище на скате горы
 Чамладжа, вдали виден Константинополь и море/*

Арслан Оглу

*/приходя час от часу в большую за-
 думчивость/*

Кто я? И зачем в сей мир,
 Беззащитен, наг и сир,
 Провидением, судьбою
 Иль случайностью слепую
 Против воли брошен был?
 Для чего доселе жил?
 Для чего страдал, томился?
 За обманчивой мечтой
 Как дитя, на что стремился?
 Гордый ум, полуслепой,
 Мне ответа дать не в силах,
 Тело, чувствую, живет,
 Кровь пылает в моих жилах,
 Но душа уж не цветет!..
 Сердце скоро отказалось
 От надежды прежних лет –
 Быстрокрылая умчалась,
 И среди пустыни – бед
 Мне тоска одна осталась!

*/по некотором молчании с сильным
 чувством/*

Ах! толпа приятных снов,
 Счастье, дружба и любовь,

Все, что только сердцу льстило,
 Все мне, все мне изменило!
 Ты одна, бесценный друг,
 Ты, природа, услаждаешь
 Иногда страдальца дух,
 Ты еще не оставляешь
 Удрученного судьбой,
 Овдовевшего душой!

*/по новом молчании с тихой горе-
 стию/*

О! если б в детстве я остался
 В объятиях любви твоей!
 И с доброй, пламенной душой
 В пучину зол не погружался –
 Необходимых средь людей;
 Я б камней, мелей жизни сей
 Теперь не знал, не опасался;
 Я б пристань тщетно не искал;
 Мой утлый челн бы не блуждал
 По волнам страсти разъяренным.
 В углу безвестном и презренном
 С тобой я б век острейн[?] вёл,
 И столь безвременно б не зрел
 Могилы счастья и надежды!

/с твердостью и жаром/

Меня все извергом зовут
Все ненавидят, все клянут
Льстецы, злодеи и невежды –
И строгой чести верный друг,
Не испытанный в жизни мук
И бедствий, мною перенесенных,
Все ужасаются меня,
Как зол, на гибель сотворенных,
Как язвы, глада и огня!..

Но совесть мне не упрекает,
Мой дух стремится навсегда
К добру и совершенству;
И добровольно никогда
Не был врагом блаженству,
Свободе и правам людей!

Но он карал неблагодарных
Врагов, изменников коварных;
Законы рабства не любил
И лицемеров не щадил!
Вот почему я всем кажуся
Злодеем, ужасом людей,
Но жизнью бурною моей
Я внутренно горжуся!
.....
Так, так! Но верю: изменить,
Родного брата умертвить,
Врагом родного быть закона,
Преступной страстью распалиться:
Родительские просьбы, гнев
И самое проклятие презрев,
К закону варваров склониться
Простительно ль?
О горе! горе мне!..

Грусть

В любви я грусть узнал впервые,
Но то была не грусть – мечта;
Мне снились очи голубые,
Ланиты, кудри и уста.

О! я любил, страстями пылая,
Небес прекрасный идеал...
Она мечталась, неземная,
Я о земной грустил, мечтал.

Теперь душой не разгадаю,
Как непорочное дитя,
О чем грущу? о чем мечтаю?
Где край другого бытия?

А. Ушаков

Моя любовь

I.

Она пройдет, моя любовь.
Так думал я – и совершилось.
Она прошла, и стал я вновь
Спокоен, сердце оживилось,
И дума мрачная моя,
Сперва бунтуя, как волна,
Спокойно к берегу покатилась.

II.

Но для чего ж тогда заря
Недолго на небе сияла?
Зачем угрюмая волна
Ручей спокойный взбунтовала?

III.

Как краток сон – с потоком жизни
Мечта воскреснет – сон пройдет.
И что ж сон сладкий принесет?
Увы! лишь сердцу укоризны...

IV.

Она пройдет, моя любовь,
Так думал я – и совершилось;
Она прошла, но сердце вновь
Сильнее прежнего забилось...

V. З.

Мои

/отрывок/

I.

Три девы есть... они мои,
Они в сей жизни неразлучны.
Они верны моей любви,
Они, как свет, как блеск прилучный
Неотуманенной луны,
Пленяют голубые очи.
Они, как сладостные сны,
Как призраки волшебной ночи,
Чаруют чем-то неземным.

II.

Три девы – тайны привидений –
Манят меня в страну забвений,
В тот дальний край, где ни живым,
Ни мертвым – сладость упоенья,
Где все знакомое страстям,
Где все привычное людям,
Где все мирское – обновленья
Отчуждено, удалено...

III.

Они манят... а мне не видеть
Далекий свет, прекрасный мир –
То их насмешка – хохот адский
Над бедным. – В мире им не мир!
Но я!.. любовью я невольно
Узнал трех дев! в них рай и ад
Сдружились тайной своевольной,
В них бешенства миров кипят!

IV.

Как тень мечты, очарованья –
Из дев – пленительна одна,
И непонятна, и скромна:
При ней безумные желанья
И страшные души мечтанья,
И цепи тяжкие страстей
Разгульных, юношеских дней
Во мне, но как обманы сна,
Как призраки воображенья,
Как яд порочного томленья,
Как мрачный идеал любви!

V.

О! желчь кипит в моей крови!
Я весь в огне!.. и страшно! страш-
но!
Ее уж нет! ее уж нет!
И без нее судьбе ужасной
Моей судьбе – простор... где след
Той девы – тайной и чудесной?..
Преступный свет, ужасный свет
Давно отринул неземную...
Она не здесь! она – там... там...
Нашла свою страну родную,
А я! – я вверился людям, –

VI.

Но помню, жил в той неизвестной
И лобызал уста прелестной,
И чувствовал какой-то страх,
И был не свой в своих мечтах,
И был без рабства, без свободы,
Не знал ни дружбу, ни любовь.
Но адски волновалась кровь
И утихала; так шумят
Порою в реве непогоды
И утихают, и молчат
Перед грозой Байкала воды.

VII.

Земля и небо, рай и ад,
Ничтожество и обновление,
Добро и зло, и мир отрад,
Свет радостей и тьма мученья
В очах второй мелькнули мне,
Как блеска лунного волненье,
Как тень предметов в детском сне.

VIII.

Я был всегда с ней – и над нею
Звезда горела вдалеке...
Я часто с девою моею
Один на ветхом челноке
Пускался в море. Мы очами
Друг другу изъясняли все,
Гребли веслом, и меж волнами,
Забыв бессилие свое,
Ныряли... жадно я руками
Сжимал волшебницу страстей,
Она смотрела – улыбалась...
.....
О! мне не знать, о чем мечталось...
Тогда я жил без лет, без дней,
Ничто и все было со мною...
.....

[IX.]

Стихию бытия – мечты
В безумьи диком всей душою
Я полюбил, и пустоты
Во всем земном алкал, как рая;
Но дева, странница земная,
На очи томные мои
Накинула покрыва тьмы,
Свободу рабством заковала
И, удаляясь, напевала
Мелодию своих духов.

X.

Отвергнул грустно я земное,
Взглянул... уж поздно! все былое
Неслось, скрывалось и, как тень,
Исчезло... тайной сердце сжалось,
И тьма и свет, и ночь и день
В ужасном – будущем смешалось...
.....

XI.

Тоска на душу налегла –
Явилась дева отверженья!
Она ужасная была –
Была как смерти привиденье!
К себе с проклятием звала,
Следила страшными очами,
Грозила мне, алкала зла,
Играла гибелью страстями...
.....

XII.

Тогда меня в объятьях грех
Сковал тяжелыми цепями...
Я убегал, дичился всех;
Но люди горькими мольбами
Назло принудили меня
Начать сей жизни пир, – и я
Запировал, к беде, с друзьями.

XIII.

И долог был, и шумен был
Наш пир, и мы до полуночи
Сном не смыкали наши очи.

XIV.

Я пламень сердца потушил,
И все, казалось, прояснело,
Но вдруг нежданная ко мне...
И кровь на сердце закипела
И разорвать хотела грудь.

XV.

Шумели гости молодые,
Но мне было не до гостей!
Они налили круговые,
И мне налили кубок: «Пей!»

XVI.

Я кубок не допил заздравный,
Она прощальный поднесла,
Юродиво захохотала
И за собою повела.

XVII.

Томленье, бешеная лень
В меня вонзили когти ада,
До капли высосали кровь
И в жилы полный кубок яда
По капле влили.

XVIII.

Все в очах
Вдруг потемнело, тайных сила
Меня сковала, – я во прах,
Меня объял и холод, и страх –
И вот у ног моих могила.

XIX.

Там с светом сталкивались тени,
Боролись ангелы стихий,
И тьма таинственных видений
Носилась в дикой тишине.

XX.

Я забывался в адском сне,
Я кости разгребал руками,
Я грыз их... Мертвых смрад
Глотал – и тлением с червями
Делился; миллионы гад
В добыче спорили со мною

XXI.

О! на костях был мрачен пир,
Он сходен был с моей душою,
Я им нарушил мертвых мир
И черепы их под рукою
Зашевелились. –

XXII.

В вышине
Могильных сводов зазвучала
Песнь мертвых. С адским смехом мне
Ее там дева повторяла.

XXIII.

О! да хранит неоткровенье
Неоткровенное людям!..
.....
.....

К* **КОВ

Судьба

И я искал под небом счастья,
И мой челн по морю летал,
И кормчий юный испытал
Час радости и час ненастья.

Но день потух, и ночи мглой
Покрылось небо голубое.
И челн счастливою волной
Умчало на море другое.

Повесть жизни

Видал ли ты, как синий вал Пенясь у берега, бунтует, Как на вершине диких скал Луна задумчиво рисует Свои поблекшие цветы? Скажи, мой друг, видал ли ты?	Видал ли ты, как два цветка, Весны питомцы молодые, Сплетясь, растут у ручейка, И стебельки их, как родные, Срослись в объятиях любви. Скажи, мой друг, видал ли ты?
Видал ли ты, как в небесах Звезда вечерняя мелькает; Как в черно-огненных очах С земной улыбкою играет Огонь небесной красоты? Скажи, мой друг, видал ли ты?	Видал ли ты, как борзый конь, Гордясь, под всадником играет, И юноша с улыбкой – он Еще на родину взирает, И медлит горькое «прости»? Скажи, мой друг, видал ли ты?

Видал ли ты?.. Но нет, земного
Ты, юноша, не испытал,
Еще ты радостей не знал,
Не знал ты счастья молодого
Ни прелесть сладостной мечты!
Скажи ж, мой друг, что видел ты?

В. З. – 1828.

Булат

От деда скромное наследство –
Ты не остер, не светел ты!
Давным-давно в углу смиренно
Стоишь без лишней суеты,
Как памятник бывалого священный...
Я отдал ржавчине тебя,
И, защищая и храня,
Паук, сосед уединенный,
Там сетью вмиг заткал тебя!

От деда скромное наследство –
Ты не остер, не светел ты,
Но дорог мне; я помню детство
И детские мои мечты,
Когда в раздумьи непонятном
Всмотрюсь в тебя. Пора придет –
Она близка! о, мне понятно!
Я наточу и ты блеснешь –
Мое прекрасное наследство,
А может быть, спокойно перейдешь
Как есть, к моим детям в наследство.

Цыганка

Она очами страшно водит,
На руку, страшная, глядит
И, озираясь, тихо ходит
И что-то тихо говорит.
Ее ужасные проклятья,
Хула на рай, хула на ад...
Как холодны ее объятья!
А поцелуи... о! горят. –
«Не обнимай! твои лобзанья
Не для меня!..» – «Не для тебя!
Пусть медленно кинжал страданья
Язвит тебя как яд – земля!
Не для тебя!.. Пусть кости тают
И тает плоть твоя, как снег!
Пусть духи адские смущают –
Пусть тяготит тебя злой грех!
Запятое святыней привиденье,
Безжизненный гробов скелет,
Пусть за тобой, как преступленье!
О! он костями обоймет...

Воды, воды мне непочатой!
Заворожу наутро я...
Мои лобзанья и объятья
Не для тебя! не для тебя!
Смотри, луна над облаками,
Она, прекрасная, зайдет,
Опять засеребрит лучами,
Тебя же холод обольет.
Тебе не видеть свет прекрасный –
Уже сочла я дни твои;
Они недолги, но ужасны,
Как преступления любви!
Воды, воды мне непочатой!
Заворожу наутро я...
Мои лобзанья и объятья
Не для тебя! не для тебя!»
Она очами страшно водит,
На руку, страшная, глядит
И, озираясь, тихо ходит
И что-то тихо говорит.

А. У.

Откровение

Так, совершилось! Я узнал
И тайну бытия, и брэнную ничтожность;
И узы смерти я с презреньем разорвал,
И разгадал я истину и ложность.
Я презрел мир, я сверг с себя
Земного тягостное бремя,
Их навсегда отвергся я! –
И дух свободный уж не внемлет
Призывам гибельных страстей;
Я новый мир создал в душе моей.
Тот мир невидимый, нетленный,
Как таинство, неоткровенный –
Сокрытый мрачной пеленой
От взоров тленности земной;
Но он со мной, земного чуждый,
Там самобытный гений мой,
Расторгнув тягостные узы,
Парит над мрачной пустотой.
Он жребием судьбы играет,
Он алчет вечности богов –
И в горней области духов
Он жизнь и славу презирает!

В. З.

Два Рая

В раю Пророка – пир страстям!
Там Гурии⁴¹, там наслажденья,
Там все – торжественный Байрам⁴²
И чудные обвороженья.

*

В раю Одина⁴³ блеск пиров
Ужасен дикой красотой!
Фиал из черепа врагов
Там вечно ходит чередою.

А. У.

Судный день

Уж меркнет свет, а смерть одна,
Одно и с жизнью разлученье,
И мрачен сон, как ночь мрачна,
Та ночь пред утром обновленья.
Но тьма пройдет, и свет иной,
Невидимый, нам воссияет,
И над искупленной землей
Звезда надежд уже мелькает.
Так! совершится, – Бог изрек,
И, гласу Вышнего покорный,
Восстанет падший человек,
Не раб страстей, а дух свободный.
Тот близок час, тогда падут
Оковы тягостного тленья –
И духи чистые взойдут
В жилище вечных наслаждений.

Воспоминание

/К/

Видал ли ты, как легкий след,
Несясь за быстрою кормою,
Теряется при блеске звезд,
Сливаясь с шумною волною?
Так пламя вспыхнет, и мечта
Живит прекрасное созданье,
Но сон пройдет. Что ж после сна?
Одно, мой друг, воспоминанье.

В. З.

Залог

Задумчиво смотрю на перстень золотой.
Он от нее! он мой! и в стороне я дальней,
Там днем и в темноте ночной –
Все светоч грезится венчальный.
Задумчиво смотрю на перстень золотой,
И слышится мне звук ее речей прощальный.
И тускло в сумраке порой –
Мелькает факел погребальный.
О! я храню тебя, мой перстень золотой,
Ты талисман любви, ты талисман желанья, –
И не расстаться мне с тобой –
Залогом райского свиданья.

А. У.

Две жизни

Как ясен день! Как ночь мрачна!
Как юнен день! Как ночь ветха!
Тот день цветит, тот день живит;
Та ночь мрачит, та ночь мертвит.
И день – тот день, как свет Богов,
Взойдет, блеснет – и тьма пройдет;
А ночь – та ночь, как мрак духов,
Сойдет, пройдет, и свет уйдет.
Две жизни есть; одна вечна,
Яснее дня – то жизнь небес.
Другая жизнь – как ночь, мрачна –
Та с нами жизнь, пока мы здесь.

В. З.

Юноша

/В. З/

Не разгадать его мне думы –
Он их хранит в душе своей!
Непостоянный и угрюмый,
Он чужд себя! он чужд страстей!

О! поцелуй любви преступной
Не осквернял его уста,
Не тяготил залог подкупный
Его, как страшная мечта.
Лелея розу и мечтая,
Невольно надевал венок;
Но друг и дева молодая
Не были с ним... Он их далек!
Один блуждает в мраках ночи
И шепчет тайные слова –
На небо он возводит очи,
Они блестят, в них вся душа.
В них вся поэзия, все думы.
Но думы те не для людей...

Он их хранит в душе, угрюмый,
И чужд себя, и чужд страстей.
Смотрите, он в толпе безумной
Душой невинен, как дитя –
Ее насмешки, хохот шумный
Давно не трогают его.
Душой таинственной, высокой,
Не в тленном мире он, не здесь –
Далеко он, далеко...
Он в океане звуков весь –
Он говорит: «Я не мечтаю!
О! неразгаданное мной
За дальней светится звездой.
И скоро, скоро разгадаю!..»
*

Оставьте юношу, все думы
Его души не для людей...
Непостижимый и угрюмый,
Он чужд себя! он чужд страстей!

А. У.

Ответ А. У.

Не благодарности, а дружбе
 Фиал я в жертву приносил,
 Я чужд был славы, чужд был лести,
 Я мир невидимый любил!
 Но друга тайное признание
 Мне было радостней похвал.
 Меня манило упование –
 Ты разгадал мой идеал;
 Ты сдернул смелою рукою
 Завесу мрачную с меня.
 Я не постиг еще себя,
 Чужой постигнутый душою.

В. З.

Бывалое

Всегда наперекор поэты!
 У них бывалое в душе –
 К нему их милые приветы
 Во вдохновительном их сне;
 Но небывалое прекрасно,
 А будущее их манит –
 И там звездой прилучной, ясной
 Оно горит, оно блеснит.

А. У.

Не спас тебя дух благородный
 Твоей возвышенной души;
 И прежде, сердцу непокорный,
 Ты стал поклонником любви;
 Ты нечувствительный и холодный
 К приманкам хитрым красоты,
 Узнал их страсть, изведал ты
 Порывы страсти беспощадной...

О! не стыдись своих цепей!
 Они прекраснее свободы,
 Лови любовь, отдайся ей,
 Отдай ей молодые годы!
 Что без нее? – За днями дни
 Текут уныло и протяжно.
 Что заменит часы любви
 И поцелуев пламень влажный?

К ...

И я был холоден, как ты,
 И до поры самопонятья
 Одни знал детские мечты
 И дружбы детские объятья.
 Теперь я верую любви.
 Закон мне – очи голубые;
 О годы, годы молодые!
 Куда меня вы завлекли?..
 Но мне ль роптать? – с ней ожил я,
 Она мне душу воскресила;
 Так одинокая могила,
 С возвратом громким соловья,
 Зазеленеет, зацветет,
 И там, где зимние метели
 И бушевали, и шумели,
 Любовник розы запоет...
 Поверь же сердцу – позабудь
 Рассудка злые укоризны!
 И в вихре света, в вихре жизни
 Люби и вечно молод будь!

Стансы

Куда меня влечете вы,
Мои безумные желанья?
Мне ль ждать за чувства – похвалы
И за восторги – воздаянья?
Любимец муз, певец свободный,
Я ль буду раб слепых страстей
И оценку дар благородный
Судом бессмысленных судей?
Нет, не ищу я славы шумной
За думы грешные мои,
Но взгляд приветливой любви
И поцелуй подружки юной.

Пускай другой восторги тратит
Для честолюбья, для венка,
Пусть современников рука
Ему за песни им оплатит!
Я не завидую счастливцу,
Я не пойду за ним вослед;
Пусть никогда не знает свет
Про неизвестную цевницу.
Пускай погибнут навсегда
Честолюбивые надежды!
И сохрани, Господь, тогда
Меня от судии невежды
И злоречивого врага.

А. Магденко

Стансы

/К Н. Т..му/

О! утешай меня, несчастный,
И раздели мою печаль!
Я позабыл тот край прекрасный?
Ту романтическую даль?
Ты облегчи мои страданья
Заботой дружбы и любви!
Ты возврати все упования –
Все дни счастливые мои!

Отчаянье и отверженье
Мне в душу врезались клеймом.
Мое придет ли избавленье?
Иль не мечтать не о неземном?
О! утешай меня, несчастный,
И раздели мою печаль!
Я позабыл тот край прекрасный!
Ту романтическую даль!

Упование

Привычные ожесточенья
Бесчувственных рабов земли
Не страшны мне! я выше глениа,
Я вижу светлый мир вдали.
Он там горит в лучах звездами.
Он в блесках там блестит луной –
Ее небесными лучами
Я полон ... Я к нему душой.
И люди клятвами безумья
Не вырвут из души моей

Мечту об нем – мечту раздумья,
Любовь прекрасная при ней.
Людей ничтожность достоянье!
Над мной Всевышнего рука,
И мне с землей обетованья
Минута вечности близка!..
Пусть на меня врагов кинжалы!
Я силен силой неземной –
И притупятся змиев жалы,
И враг падет передо мной!

Колдуньям

Вам, странные и чудные создания,
Вам, бабушки, я верю всей душой!
Все ваши таинства, все ваши заклинанья
И колдовства, постигнутые мной,
Мне памятны, как давние мечтанья
От детских, безмятежных лет.
Дивлюсь я вам, когда девиц страданья
И глаз худой, и злой людей навет
Вы вдруг ничтожите, или кропя водою,
Иль шепотом, иль взглядом колдовским,
И чертите круги костистою рукою
С благоговением святым.

Я понял, понял вас! вам верю всей душою.
О! неразлучные с почтенной стариной –
Колдуньи-бабушки! И вам дивлюсь порою
Я с суеверною толпой...

А. У.

Элегия

/Из Гете/

Мрачно, уныло стелется тень по полям,
Томно, уныло воют осенние ветры
В печальных полях Кунерсдорфа⁴⁴.
Глухо вторятся в скалах отдаленных
Шумные, страшные говоры дикого леса.
Медленно, тихо струится в кровавой долине
Угрюмый, печальный источник осенний слезы,
Он плачет, рыдает и стонет,
И слезы его серебрятся в отблесках луны;
Он плачет – и веки проплачет,
Пока не иссохнет от грусти;
Он плачет о Клейсте⁴⁵, и храбром, и нежном,
О Клейсте, любимом весеннем певце!

1816 год

П. Зеленецкий

Смерть Марко Боццари⁴⁶

Не плачь, о девица, о смерти моей.
Я жил и любил, и сражался;
Свободен был в жизни, как вихрь среди полей,
И верен до гроба остался
Законам и чести, свободе, любви –
И в битве кончаю свободные дни.

*

Как черная туча, нагрянул тиран
С несметною силой неверных;
Широко, далеко раскинул свой стан,
Мечтая о гибели верных;
Но, гордый, надеясь на множество сил,
Лишь смертью своею победу купил.

*

Все было спокойно во стане врагов,
Дремали леса и долины,
Заснул и тиран среди сонма врагов –
Туманом покрылись равнины;
Лишь изредка месяц сквозь тучи мелькал
И как бы украдкой на землю взирал.

*

Но только последний крик стражи умолк,
Во стан я пустился с дружиной;
Как, гладом гонимый, бросается волк –
Свободный сын дебри пустынной,
На стадо, на стражу, на пастыря, псов,
Так бросился Марко на лютых врагов.

*

Нас было немного – они ж без числа.
Но Марко врагов не считает:
«Была бы со мною лишь сабля моя,
Опасность меня ободряет:
В бездействии горько мне счастье и мир,
Мне кровь и сражение – забава и пир».

*

Еще погружен был в покое весь стан,
А кровь уж лилася рекою.

Но вдруг пробудился сам гордый тиран,
За нож ухватился рукою
И слушает стоны, журчащую кровь,
Свист сабли, незримо разящих врагов...

*

От страху, от злобы, не помня себя,
Стремится он стана в средину,
Где турки, как море средь бури кипя,
Терзают свою же дружину;
Не знают, бежать ли вперед ли, назад?
Не видят, ни слышал, друг друга разят.

*

Как сладко мне было лить гордую кровь,
С бесчисленной биться толпою!
Как в сердце пылала к свободе любовь!
Как дух веселился средь боя!
А с саблей моею летал, как стрела,
И сабля до Бея меня довела.

*

Повергнув тирана одною рукой
На трупов кровавых громаду,
Широкую саблю занес я другой,
Готовясь пить мести отраду;
Но враг устрешенный стенал и просил
О жизни, пощаде, смиренно молил:

*

«Ах! сжался над мною, над братом твоим!
За что ты озлоблен без меры?
Жестоку быть должно к неверным одним –
Мы дети единыя веры;
Имею супруг я, имею детей,
Ты сжался над бедной семьею моею!»

*

Смягчил он мне сердце, не знал я, разить
Гонителя веры, свободы
Иль лучше для бедных детей пощадить,
Послушаться гласа природы;
Но, вспомнивши долг мой, я тотчас решил –
И саблю глубоко в грудь Бея вонзил.

*

«Жестокий! – вопил он, – жестокий злодей!
Ты Бога, пророка не знаешь!»
«Из рук, – отвечал я, – Эллады сынов
Ты мзду лишь свою принимаешь. –
Я Марко! враг рабства! до жизни конца
За вольность не дрогну убить и отца!

*

«Аллах! – издыхая, вскричал он тогда, –
Спаси, защити своих верных,
Друзья, ободритесь, спешите сюда,
Разите, разите неверных!..»
И тысячи турок сбежались вдруг,
Мечи заблестали над мною вокруг.

*

Надеялись турки нас всех истребить,
Но, твердой стоявши стеною,
Не прежде престал я рабов сих разить,
Как путь растворился пред мною –
И кровью означил свои я следы,
Сквозь варваров злобных густые ряды.

*

Уж стан я оставил, уж подвиг свершил,
И весел, доволен собою,
К друзьям возвратиться с победой спешил.
Товарищи славы – со мною...
Вдруг свистнула пуля – сраженный я пал –
И час мой последний – час смерти настал.

*

Скрывается мир сей от взоров моих,
И кровь уже в жилах хладеет,
Но жив и бессмертен в деяньях своих,
Пред гробом мой дух не робеет;
Исчезну во прахе, в ничтожности я,
Но будет свободна отчизна моя!

*

Не плачь же, девица, о смерти моей,
Я жил и любил, и сражался.

Свободен был в жизни, как вихрь средь полей –
И верен до гроба остался
Законам и чести, отчизне, любви –
И в битве кончаю свободные дни!

Прим. Сей роман был нами помещен в 7-м № «Ареопага». 1828 год.
Г. сочинителем М. Д. были сделаны маленькие поправки, что застави-
ло нас снова поместить на 1829 год в 2-м №.

..... Изд.⁴⁷

Ночная песнь странника

/из Гете/⁴⁸

Умолкли вершины
Деревьев и гор...
Умолкли и птички в лесу.
Погоди – о! скоро
Умолкнешь и ты!

П. 3.

(Следующий лист, видимо, испорченный или с иллюстрацией, вырезан, нумерация соблюдена.– Г.С.)

Оправдание

/Из Зонненберга/

Трудхен! Трудхен!	Как милы они! как добры они!
Как люблю я тебя...	И полны, полны сладострастья...
Лизьхен! Лизьхен!	Нет, не сердись на меня!..
Извини ты меня:	Она волшебница –
Глазки ее, как звезды, блещут –	Я не люблю ее, я ей обворожен!
Томные, нежные –	Я твой, я твой, вовек до гроба.
Кого не прельстят?	Но суди ты сама,
А груди ее? – с чем их сравнить?	Как мне не влюбиться в нее,
Они неземные –	Я молод и пылок, и нежен –
Две зрелые, нежные розы	Вот оправданье мое!
Висят по бокам их –	

Последний час

/Из Зонненберга/

Час роковой – приближаешься ты!
Я слышу призывы твои,
Они сладостны мне,
Как старому узнику вечный покой.

*

Одно утешенье имел я в сей жизни...
Исчезло оно – потухли взоры ее.
Исчезла и радость, и страсти во мне –
Я умер – что человек без страстей?

*

Как любил я ее! Как любил я ее!
Она не со мною – час роковой
Ждет, дожидает меня.
Час роковой, наступи ты скорей,
Съедини меня с ней!..

1814

П. З.

Песнь отверженного

Все отвергли меня –
И цари, и народы,
Даже мать и отец
Отреклись от меня!

Одинок, как отверженный проклятый ангел,
Я, злосчастный, брожу на земле.
И приют меж людей мне не скоро найти!
Но дичусь я людей – и их взора страшусь –
Он страшнее гиены, ужаснее льва...

Уж давно, уж давно
Меня проклял отец, – и давно
Пред иконою Девы Пречистой
Родимая мать отеклась от меня.

Все отвергли меня!.. Лотхен одна меня любит...
Но где же она?.. далеко, далеко от тебя –
Бедный добрый Долерман.
Там за синим горизонтом расцветает она,
Как райская роза в земном цветнике.

Нет пристанища мне
Ни в лесах, ни в скалах!
Меня звери бегут, –
Я бегу от людей...

Я заснул, и во сне тайный глас мне твердит:
«Долерман! Долерман!
Твой кинжал при тебе,
Он разлучит тебя и с землей, и с людьми.
Твой булат соединит тебя с милой!..
Там Шарлотта твоя
Ожидает тебя...
Там спокойствие вам!..

П. З.

Отчаяние

Люблю я очи голубые,
Но очи томно вниз глядят
И прежней страстью не горят...
Люблю я груди молодые,
Но груди скрылись под фатой,
И нет в них сладости земной...
Люблю уста, люблю ланиты,
Но и ланиты, и уста
Скрывает Дева-красота
От ядовитого лобзанья...
А я томлюсь, а я люблю,
Люблю проказницу мою
Отчаянно, без упованья!
Мне не смотреть! не обнимать!
Уста к устам не прижимать!

А. У.

Отвага

«Зажги мне лучину – я ковш отыщу,
Скорее, скорее, вина я хочу!..
Подай мне, налей мне, голубчик ты мой;
Подай, поднеси мне мой ковш дорогой.

В ковше том отвага – люблю я его,
Налей мне скорее вина из него.
Смотри ж, не разбей! – когда молод я был,
Я с ним, он со мной, из него всегда пил.
И в гроб понесу! – То-то ковш дорогой!
Как напьюсь из него, я опять молодой!»

Так дедушка внуку-малютке твердил,
Чтоб ковш ему подал, чтоб ковш не разбил.
И мальчик ручонками рот зажимал,
Глядел, улыбался, головкой качал!
А дедушка пьет, остановится... врет,
Все выпил – и мальчику ковш отдает.
И чудная храбрость запала в него,
Он весь пересоздан. Веселье текло
Широкой струею в его голове;
Морщины пропали на светлом челе, –
Он дряхлой ногой выступает, бежит
И внуку-голубчику громко кричит:
«Зажги мне лучину, я меч отыщу,
На турок, как сокол, как снег налечу!
Копьем и мечом исколю, изрублю,
Иль сам пропаду, или всех изрублю,
Иль сам пропаду, или всех перебью...
Несметные силы пускай подойдут,
Я знаю, до хаты они не дойдут!
Через хату мою, через кровлю мою, через
плетень густой,
Через деревья, кусты я могучей рукой
Их подброшу высоко, заброшу далеко
И трупами землю покрою широко!
.....
Не надо лучины, пускай не горит,
Мне в очи предивное что-то блестит!»
И дедушка пляшет, и дедушка скачет,
Руками по хате, как крыльями, машет.
Уж было за полночь, и месяц пропал,
Но он не унялся – все пел и плясал.

(Н)...й (Г)...й

(Начальные инициалы дописаны карандашом. – Г.С.)

Три звездочки

/Подражание Кёрнеру/

(Подзаголовок – цитата на немецком языке, нрзб. – Г.С.)

Три звездочки ясней небесных звезд блестят,
Те звездочки: вино и песни, и любовь.

*

Когда до широких краев
Чаши нагорским шипят –
Песни звучат, песни гремят,
И в песнях прекрасных – любовь.

*

Когда голос песни звучит,
Так сердце и тонет в любви!
Так пеной и блещет Аи!
Так и кипит! так и шумит!

*

Когда луч любви западет
К нам в душу волшебной мечтой,
Залейте, залейте струей,
И в песнях пусть он оживет!

*

Три звездочки мои не скоро отблестят,
Те звездочки – вино и песни, и любовь.

С. И.

А. У.

Признание

*

Так, сладкий дым очарованья
Я разогнал. Оставил я
Красавицу – и нет страданья,
Нет ревности любовного огня.
Ее тоскливые мечтанья,
Ее привет – не для меня,
Как чародейки заклинанья,
Как радость в грезах бытия.

В разлуке с милой я Харитой,
Но сердце? горе мне! оно
Любви сосуд полуразбитый,
В нем яд страстей кипит давно.
Когда ж иссякнет?.. даль туманно
Не разгадать и не узнать;
Я жду дождусь, настанет тайный
Блаженный час... Мне ожидать...

— . —

К Т. П.....ой

О, я люблю мою Тавриду!
Прекрасный край, волшебная страна,
Там весело нагую Пиериду⁴⁹
Лелеет светлая волна,
Там небеса, как очи девы Юга,
Там все горит, как зорево небес,
Там часто мне в часы досуга,
Когда молчит струя и лес,
И вторится приятно звук свирели,
Хариты о восторгах пели;
Но как их песни передать!
Как их слова пересказать!

1828

Е. 3.

Потерянное

На что мне жизнь? на что мне слезы?
Не выплакать уже мне горя своего!
Они прошли, прошли те грезы,
Теснившись в душе в дни счастья моего!
Она была – о дева рая!
Она цвела как утро мая!
И как мучителен был миг,
Когда я милую постиг!
Как метеор, она блеснула
И вечным, вечным сном уснула!
Как призрак ночи, как мечта,
Она сокрылась навсегда!

*

И эта дева неземная,
И эта страсть ко мне святая
Не оживут!..
Не оживут в земле страданья,
В земле, где жалкие созданья
Бесчувственны к страстям Богов!
Живут в объятиях оков
Обмана, глупости, притворства
И ложных дум самодовольства!
Безумные! не понимают

Тех дум прекрасных, дум святых.
И бедные! они не знают,
Как им отстать от чувств земных!

*

Их страсти – торг, их чувства – сор,
Они коснеют в заблужденьях,
В них дремлет совести укор,
И жизнь проходит в преступленьях!

*

И в этом мире я живу,
Ищу ее без упования!
Когда ж умру? когда ж найду
Я цель прекрасного созданья?

*

О, скоро юность отцветет,
Но не пройдут мои мечтанья!
Но Ангел мой не оживет,
Не оживет в земле страданья!

*

На что ж мне жизнь, на что мне слезы?
Не выплакать уже мне горя своего!
Они прошли, прошли те грезы,
Теснившись в душе в дни счастья моего!

й....й

Отрывки из второй песни поэмы, соч. М. Дохторова

Вдали от пышного двора
Махмуда Бен-Хамида⁵⁰
В глухом заливе острова
Скрывает Пропонтида⁵¹;
Один из них угрюм и дик –
Покрыт столетними дубами;
На нем святой Стефан воздвиг
Обитель меж скалами.
Полуразрушена, мрачна,
Пустынна бедная обитель;
В ней нет ни злата, ни серебра
И редок щедрый посетитель.

В ней чернецы видны одни,
Как привиденья гробовые;
В ней слышен только стон совы,
Унылы гимны хоровые
И рев дробящейся волны...

*

В сей нелюдимой пустоте,
В жилище мрачном и угрюмом –
Все служит поводом душе
К богоугодным думам.
Здесь все способствует уму,
К презрению бренности телесной

И к жизни строгой и небесной.
Все назидательно ему:
И неба звездная пучина,
И вод ревущая пустыня,
И самый под ногами прах.
Не персть⁵² ли раб и Падишах?
Не так ли все здесь изменяет,
Как бурная пучина вод?
Не так ли вечность нам мерцает,
Как вечно-тихий неба свод?

*

Чуть брезжит в келье слабый свет
От закоптившейся лампы,
Иконы Божией в ней нет,
Лишь пыльные лежат громады
Давно заброшенных бумаг.
Висит оружие на стенах
И книга на столе раскрыта.
Убогая постель покрыта
Сухими листьями, травой,
И близ нее стоит разбитый
Кувшин со свежей водой...

.....
.....
Но кто сей старец?.. Для чего,
Живя в святом уединеньи,
Проводит время не в моленьи –
В беседах с турком молодым?..
.....
Он не чернец; никто не знает
Откуда? что? зачем он здесь?
Как привиденье страшных грез,
Над бездной мрачной обитает?

Всегда безмолвен, одинок,
Задумчив, мрачен и жесток.
Он мирных братий презирает.
В лесу, по берегу, по скалам.
В глуши, как привиденье, бродит;
Но редко входит в Божий храм,
Когда ж войдет, на всех наводит
Неизъяснимый некий страх.
Когда мы тайны совершаем
И в гимнах небо прославляем,
Молчит он, в сумрачных глазах
Огонь осуждения сверкает,
Улыбка горькая играет
На сжатых тайною устах,
И зрится резкими чертами
На бледно-сумрачном лице
Борьба страстей в его душе;
Он Ангел мрака между нами!

*

Давно уж: ночь была темна,
Ревела бурная волна,
Слезился дождь, сквозь туч луна
Украдкою сверкала,
Вдруг к берегу привалил челнок,
Им управлял сей старец чудный;
Зачем он ночью, одинок,
Пустился в путь сей многотрудный,
То никому он не открыл,
Землянку здесь себе изрыл
И в ней живет уединенно...
.....

Нам обещаны от неизвестной особы и другие рукописи, как то: Кернера⁵³, Бюргера⁵⁴, Козегартена⁵⁵, Тидге⁵⁶ и других.

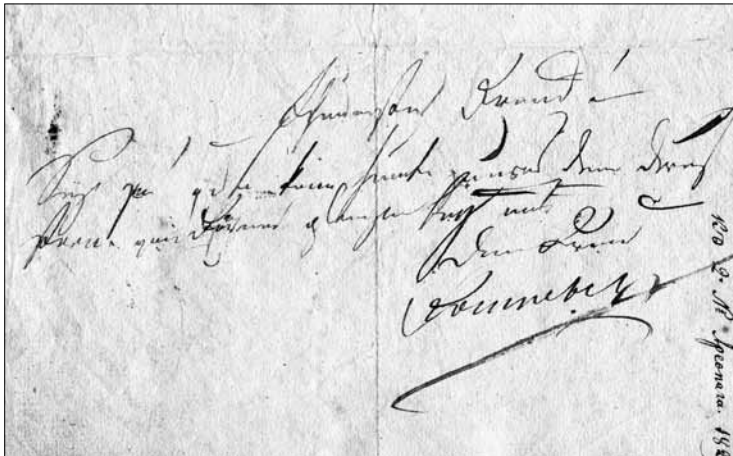
Вот буквальный перевод первой, помещенной во втором номере «Ареопага»:

«Любезный приятель!

Сделай милость, приезжай сегодня к нам – «Три звездочки» Кернера блестят у нас.

Твой друг –

Зоненнберг

Лист с автографом немецкого поэта Ф. Зоненберга

Стихи Кернера:

Stimmen Kerners:
Der Sonn' Natur
Es blüht die Sonn' im tiefen Thale

193.
Im Thale, im Thale der Sonne,
Die Natur, die Natur so herrlich,
Von frischem Lichte und Wein
— o —
Es lüthet in der Wälder im Thale
Die Sonne mildfühlend so,
Im Thale sojüngst hat die Sonne,
Im Thale sojüngst hat die Sonne.
— o —
Der Wein ist der Wälder im Thale
Im Thale der Wälder so,
Und nicht ist die Wälder im Thale
Im Thale der Wälder so.
— o —
Der Wälder mit frischem Wein
Die Sonne, die Sonne so,
Im Thale in der Wälder im Thale
Im Thale der Wälder so.
— o —
Der Wälder, die Sonne so,
Im Thale der Wälder im Thale
Im Thale der Wälder im Thale
Im Thale der Wälder im Thale.
— o —
Der Wälder, die Sonne so,
Im Thale der Wälder im Thale
Im Thale der Wälder im Thale
Im Thale der Wälder im Thale.

- ¹ Султан (араб.) — титул правителя в исламских государствах. В Коране словом «султан» обозначается отвлечённое понятие власти.
- ² Эджель (крым.-тат.) – смертный час.
- ³ Шарбет (шербет) (араб.) – сладкий ароматизированный напиток.
- ⁴ Сарай (тюрк.) – строение, дом, дворец.
- ⁵ Чамлыджа (Çamlıca) – холм, расположенный над древнейшей частью Стамбула – районом Ускюдар.
- ⁶ Ида – высочайшая гора острова Крит.
- ⁷ Эвксин (Понт Эвксинский) (др. греч.) – Черное море.
- ⁸ Пропонтида (др. греч.) – Мраморное море.
- ⁹ Мноезинов лик (муэдзинов лик). Муэдзин (араб.) – в исламе служитель мечети, призывающий мусульман на обязательную молитву (намаз).
- ¹⁰ Байрам (тюрк.) – часть тюркского названия главных исламских праздников.
- ¹¹ Топхане – 1. Предместье Стамбула. См.: «Отрывок из путешествия по Греции, Турции и Египту Михаила Дохтурова» (Одесский вестник. – 1834. – №55. – 11 июля): «Топхане – предместье Истамбула, населенное топчами, или пушкарями». 2. Общественный фонтан в Стамбуле, возведённый в XVIII веке во время правления османского султана Махмуда I в архитектурном стиле османское рококо.
- ¹² Какюк (тур.) – грузовое одномачтовое парусно-гребное судно.
- ¹³ Стогны (поэтич, устаревш.) – широкие улицы, площади
- ¹⁴ Джамии (араб.) – мечеть с минбаром (кафедра, предназначенная для чтения Корана и проповедей) и минаретами.
- ¹⁵ Имам (араб.) – в исламе духовное лицо, которое заведует мечетью, совершает требы.
- ¹⁶ Рамазан (араб., тур., перс.) – священный месяц обязательного поста в исламе.
- ¹⁷ Джерид (араб.) – короткое метательное копьё. Народности Ближнего Востока под понятием *джерид* также понимали джигитовку всадника с копьём. – См. в кн.: Базили «Очерки Константинополя» (Ч.1 – СПб, 1835. – С. 185-187): «Эта игра была всегда любимым развлечением Оттоманской молодежи, и в особенности Двора; был при Дворе особенный класс удалых наездников Джинды, которые разделялись на две партии, Бамяяджи и Лаханаджи, и представляли на Атмейдане живописные битвы».
- ¹⁸ Биниджы (тур.) – наездник.
- ¹⁹ Бостанджы (тур.)– корпус телохранителей в Турции. Происходит от слова «садовник». Первоначально воины были садовниками и стражами при дворце турецкого султана.
- ²⁰ Махмуд ибн Хамид – Махмуд II (1785–1839) – 30-й османский султан в 1808–1839 гг. В 1820-30-х провел ряд прогрессивных реформ, в том числе уничтожение янычарского корпуса и др.
- ²¹ Визирь (араб.) – в мусульманских странах титул министров и высших сановников.
- ²² Муфти (муфтий) (араб.) – высшее духовное лицо у мусульман.
- ²³ Паша (от перс.) – титул высших военных и гражданских сановников в бывшей султанской Турции, Египте и некоторых мусульманских странах.
- ²⁴ Ель-Куран – Коран /на арабском произносится как «аль-куран»/ — священная книга мусульман.

- ²⁵ Тесбих (араб.) – мусульманские четки.
- ²⁶ Дюбек – табак высшего сорта.
- ²⁷ Епанча – широкий, безрукавный круглый плащ с капюшоном у мужчин.
- ²⁸ Гамам (араб.) – общественная баня в Турции.
- ²⁹ Хырка – одеяние, рубашка.
- ³⁰ Сераскер (тур.) – главнокомандующий турецкими войсками, военный губернатор области.
- ³¹ Ага (тюрк.) – в султанской Турции титул военачальников; с 1826 г. – чин младшего и среднего офицерского состава в турецкой армии, а также лицо, имеющее этот титул.
- ³² Янычары (тур.) – регулярная пехота вооружённых сил Османской империи в 1365–1826 годах. В 1826 г. корпус янычар был упразднен указом султаном Махмуда II.
- ³³ Дервиш (перс.) – мусульманский аналог монаха, аскета.
- ³⁴ Мюслиман – *здесь*: мусульманин.
- ³⁵ Рачить – быть старательным, усердным, заботливым.
- ³⁶ Радеть – заботиться
- ³⁷ Селим II (1524–1574) – одиннадцатый султан Османской империи, сын султана Сулеймана Великолепного (1494–1566). Правил в период с 1566 до 1574 гг.
- ³⁸ Мустафа (1515–1553) – сын султана Сулеймана Великолепного, брат Селима II. Был казнен как мятежник.
- ³⁹ Аллах керим (аль-Карим) – одно из Имен Аллаха, упомянутых в Коране. В переводе на русский язык означает «Великодушный», «Щедрейший», «Добрый», «Премного Воздающий». См. в кн.: Базили «Очерки Константинополя» (Ч.1 – СПб, 1835. – С. 10): «Паша, как глубокомысленный мусульманский политик, владея наукою Востока оканчивать общими местами разговоры, в коих опасается уронить свою важность или лишнее слово, повторил несколько раз «машаллах», «иншаллах», «аллах-керим», «аллаха-манет», и тому подобные фразы, которые заставили нас заключить, что слово Аллах служит основанием турецкого языка».
- ⁴⁰ Паша Гусейн – предводитель турецких войск, зять османского султана Махмуда II.
- ⁴¹ Гурии (араб.) – в Коране – райские девы, которые будут супругами праведников в раю.
- ⁴² Байрам – см. примечание №10.
- ⁴³ Один, или Воган – верховный бог в германо-скандинавской мифологии.
- ⁴⁴ Кунерсдорф (Kunersdorf) – деревня вблизи Франкфурга-на-Одере. Во время Семилетней войны 1756–63 гг. русские и австрийские войска под командованием генерала П.С. Салтыкова 1(12) августа 1759 при Кунерсдорфе разгромили армию прусского короля Фридриха II. Пруссия оказалась на грани катастрофы.
- ⁴⁵ Клейст Эвальд Христиан (1715–1759) – немецкий поэт, участвовал в походах Фридриха II; умер от раны, полученной в битве при Кунерсдорфе. Большой популярностью пользовалось его стихотворение «Весна».
- ⁴⁶ Марко Боццари – /Маркос (Марк) Боцарис/ (ок. 1790–1823) – один из первых предводителей греческого восстания за независимость; греческий военачальник, герой Освободительной войны Греции 1821–1829 годов, знакомый Байрона. Погиб в бою при защите Миссолонги.

- ⁴⁷ Исправления в стихотворении незначительные, стилистические.
- ⁴⁸ «Ночная песнь странника» написана в 1780 г., опубликована в 1815 г. под названием «Другая». В «Ареопаге» помещен первый известный нам перевод стихотворения Гете на русский язык.
- ⁴⁹ Пиерида – муза.
- ⁵⁰ Махмуд ибн-Хамид – см. примечание №20.
- ⁵¹ Пропонтида – см. примечание №8.
- ⁵² Персть – устар., высок. – земной прах, пыль; плоть.
- ⁵³ Кернер Юстинус (1786–1862) – немецкий поэт и медицинский писатель.
- ⁵⁴ Бюргер Готфрид Август (1747–1794) – немецкий поэт, известный главным образом своей балладой «Ленора» (1773). Баллада переведена В.А. Жуковским («Светлана») и положила начало нового периода литературы – романтизма.
- ⁵⁵ Козегартен Людвиг (1758–1818) – немецкий поэт и прозаик, автор популярных сентиментальных романов.
- ⁵⁶ Тидге Кристоф (Христоф) Август (1752–1841) – немецкий поэт.

Ареопаг

1829

№ III^й

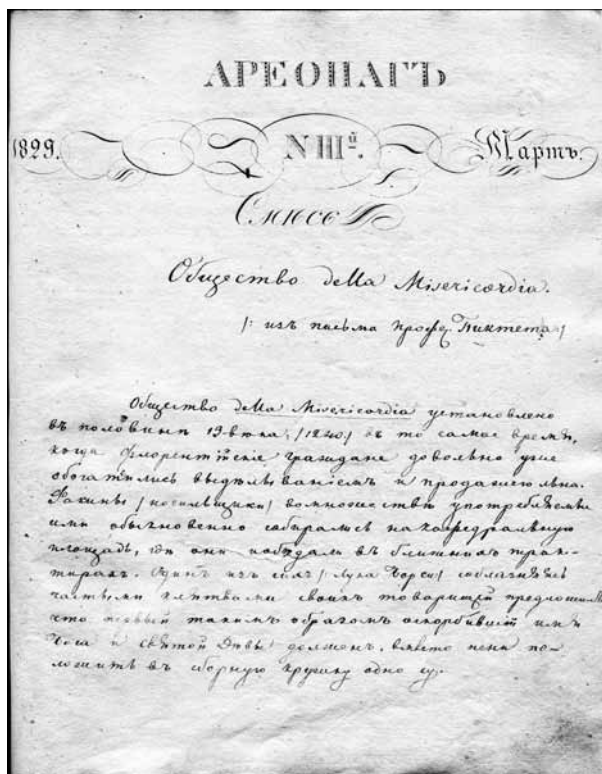
Март

Смесь

Общество della Misericordia¹

/Из письма профес. Пиктета²/

Общество *della Misericordia* установлено в половине 13 века (1240), в то самое время, когда Флорентийские граждане довольно уже обогатились выделыванием и продажей льна. Факины (носильщики), во множестве употребляемые ими, обыкновенно собрались на кафедральную

Раздел «Смесь». Март 1829 г.

площадь, где они и обедали в ближних трактирах. Один из сих (Лука Борси³), соблазняясь частыми клятвами своих товарищей, предложил, что первый, таким образом оскорбивший имя Бога и Святой Девы, должен вместо пени положить в сборную кружку одно су.

Мало-помалу сборная кружка наполнилась, и тогда один из вкладчиков – Пиетро ди Лука предложил употребить всю накопившуюся сумму на постройку шести носилок, которые находились бы в шести разных местах и служили для перенесения в лазарет больных или жертв несчастных случаев. Его предложение было принято, факины разделили между собою обязанности и за каждый перенос платили из сборной кружки по одному джулио с человека. Польза этого учреждения заслужила общую благосклонность, соревнование увеличилось, и касса умножилась до того, что на вкладные деньги можно было нанять две комнаты для потребностей общества.

Ремесленники захотели в этом деле участвовать, но факины их не приняли; (тогда первые – *зачеркнуто*. – Г.С.) ремесленники учредили общество под именем *della Misericordia*. В 1423 году два общества соединились, а в 1478 начали употреблять *каталлето* – род носилок, покрытых налащенным полотном, и одежду носильщиков такую же, какую употребляют и теперь (см. рисунок II, приложенный к 3 № «Ареопага»⁴)

Не пройдет дня (говорит Пиктет – *зачеркнуто*, *исправление неразборчиво*. – Г.С.), чтобы не встретили во Флоренции этих благодетелей человечества. Они идут в молчании, никто не может их узнать под черным сямарром⁵ и капишонами, сквозь которые видны одни только глаза.

Тому несколько дней, как я следовал за ними, любопытствуя узнать, где и как окончат свою работу. Быстро пройдя с ними более трех четвертей города, я увидел, как они положили носилки перед дверьми довольно красивого дома и подняли налощенное полотно, а двое из них вошли в дом и через несколько минут воротились, ведя бледную и сухую, но довольно еще стройную женщину, которая едва могла идти. Ее положили на каталлето, вмиг закрыли и опять все пошли мерно и медленно. Я провожал их до больницы, где они сняли свою (священную – *зачеркнуто*. – Г.С.) ношу с самой заботливою осторожностью. Но возвратимся к истории (сего – *зачеркнуто*. – Г.С.) сословия.

Оно геройски поступало в четырнадцатом и пятнадцатом столетиях (именно – *зачеркнуто*. – Г.С.) в 1328, 1340, 1347 году, когда умирало от

моровой язвы в день до 1200 чел., и Флоренция лишилась 60000 жителей; наконец 1383, 1400 и 1417 год, когда ежедневно умирало (22 – *зачеркнуто*. – Г.С.) 28, 36, 49 и (95 – *зачеркнуто*. – Г.С.) 100 душ мужского и столько же женского пола.

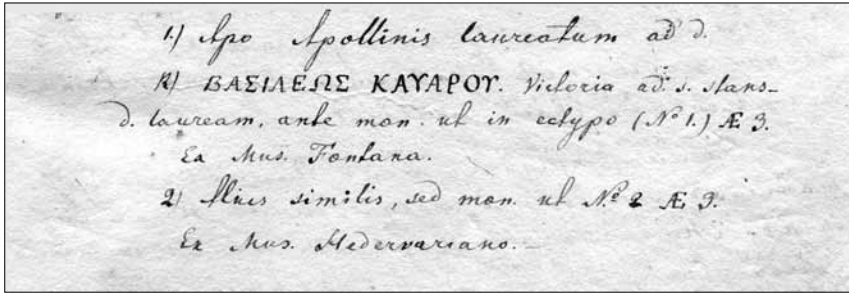
Общество улучшилось существенными переменами. Они находятся в (Предписаниях – *зачеркнуто*. – Г.С.) Положениях, которые я имею перед собою. В Обществе отличают три степени викариев *Capì di guardia* – в числе 72; *Giornanti* в числе 105, из которых 15 по очереди каждый день сторожат с четырьмя своими начальниками. Наконец, последняя степень состоит из 120 младших братьев, называемых *Stracciafogli*. Часть (Отряд – *зачеркнуто*. – Г.С.) их всегда находится на Кафедральной (купольной) площади, перед той самою колокольнею, которую Карл V⁶ хотел поставить под железный цилиндр. Один из колоколов, весом в 57 центнеров, служит, смотря на то, как в него звонить, для уведомления о случаях, не терпящих замедления. Братья поспешно отправляются с носилками в место назначения и переносят больных в госпиталь или в квартиру, им означенную.

Носильщики могут получать в награду только стакан воды, в том доме, где они исполняют свою должность; но им не воспрещается (чем они нередко пользуются) оставлять денежное пособие бедным семействам, к которым часто призывает их должность, и строгая скрытность сих благодетелей оставляет всегда в неизвестности и имена – их достоинство. Говорят, что многие благородные флорентийцы принадлежат теперь к сему почтенному, я могу сказать, и удивительному сословию *della Misericordia*.

Краткое известие о двух найденных медалях

Летом протекшего года откопана была гробница на месте древнего города Мезембрия⁷ во Фракии⁸ (см. р. II. Карта, приложенная к 3 № «Ареопага»), и там найдены были бронзовые медали одного из последних царей упомянутой провинции. Доктор Вургард, пребывающий в Пера, предместьи Константинополя, имел их и подарил Гедерварийскому и Фонтанскому музеям. Граф Вицай и Карл д'Оттавио, обладатели сих музеев, получивши оные, сообщили мне (господину Сестини⁹) как описание, так и самые медали, прося известить всех об открытых медалях, если я почту это способным к возбуждению любопытства и внимания занимающихся мунизматикою.

Две медали, о которых говорим, одинаковой величины и различаются только надписью. Вот описание их (смотри рисунок III, приложенный к 3 № «Ареопага»)

Первый обладатель сих медалей, конечно, узнал, что они медали царя Ковара, но он не мог тогда же заключить, что Ковар¹⁰ был царем Одризов, ибо как далее увидим, по смерти его сии народы опять провозгласили властителем над собой одного из соотечественников.

Славный Кари, как известно, писал историю царей Фракии, употребляя в своих исследованиях те медали, которые напоминают о некоторых из них; но так как в его время многое не было открыто, многое не было известно, то он и не мог сообразить по сим двум древним медалям историю Ковара.

Спустя несколько времени после ужасных злодеяний Птоломея Сорита¹¹, которыми он открыл путь к престолам Македонскому и Фракийскому, галлы (279 л. до Р. Х.) под предводительством Бренна¹² делали частые набеги на многие провинции Европы, Азии и покоряли их своей власти.

Беллий¹³, предводитель галлов, опустошавших Македонию, предложил Птоломею мир. Македонский царь отвечал на такое дерзкое предложение гордо и смело, и великодушно ожидал неприятеля, полагаясь как на самого себя, так и на свои войска, но, несмотря на все это, он был побежден и, смертельно раненный, попался в плен неприятелям, которые, отрубив ему голову, выставили оную на оконечности копья на посмеяние победивших войск. Серетрий¹⁴, другой предводитель сих народов, разбил некоторые фракийские полки, и в то же время Леонарий и Лутарий¹⁵ – начальники, подвластные Бренну, воспламенивши бунт в Фракии, с частью своих войск ворвались и покорили ее совершенно, овладев Византиею и окрестными городами: Лизимакиею и Херсонесом.

После сего они намеревались перейти в Азию; но распря между сими двумя полководцами была причиною того, что Леонарий остался в Византии, а Лутарий удалился в Азию.

Византийцы, покоренные и разграбленные галлами, решились просить помощи у Накомида¹⁶, царя Вифинии¹⁷, который успел привлечь на свою сторону Леонария. Таким образом, освобожденные византийцы не приметили, что подпали под власть и угнетение нового притеснителя.

Команторий¹⁸, спасшийся после сражения при Дельфах, где погиб Бренн, приблизился к Гелеспонту, предводительствуя отрядом галлов, и, не надеясь в Азии найти землю плодороднее той, которую видел, остановился в окрестностях Византии и, наложив дань на жителей, удалился в Тула¹⁹, город, находящийся на горе Хме, где и утвердил свое пребывание.

Антигон Гоната²⁰ освободил фракийцев, соседних Македонии, от войск, оставленных Бренном, и, разбив оные, возвратился в Македонию. После этого галлы не старались опустошать сию страну, но служили царям македонским как наемные войска, один Команторий остался в Тула, где и наименовал себя царем.

Теперь следует сказать и о Коваре, последнем царе галлов, при котором были наши медали. Он царствовал за 219 лет перед Р. Х. Весьма сильный и почитаемый своими соседями, Ковар был причиною прекращения войны, возникшей между Горузием²¹, царем Вифинии, византийцами и родианами. Народы сии избрали его посредником для заключения мира, о котором упоминает Поливей (Pol. esbr. L. 8). Весьма благосклонный к византийцам, он обеспечил торговлю их и на Черном море.

Ковар, обладавший всеми благородными качествами великого царя, был сам причиною своего падения, ибо много полагался на слова льстецов, его окружавших. Фракийцы, ему подвластные, взбунтовались и низвергнули его с престола. После сего остризы, народ Фракии, не опасаясь более ничего со стороны галлов, избрали на престол князей из своего племени; итак, Ковар был последним владетелем Галлии.

По изображению на сих медалях видно, что сей царь всегда побеждал и был непобедим, если не будем полагать, что медали Ковара подобны в этом отношении медалям Филиппа и Александра Македонского.

Наконец, остается нам надежда найти какой-нибудь памятник, который удостоверил бы нас, что Команторий был еще тогда царем.

В Боварском музее хранится новая медаль другого царя Фракии, но нельзя хорошо разобрать надпись, ибо некоторые буквы стерты. Мы

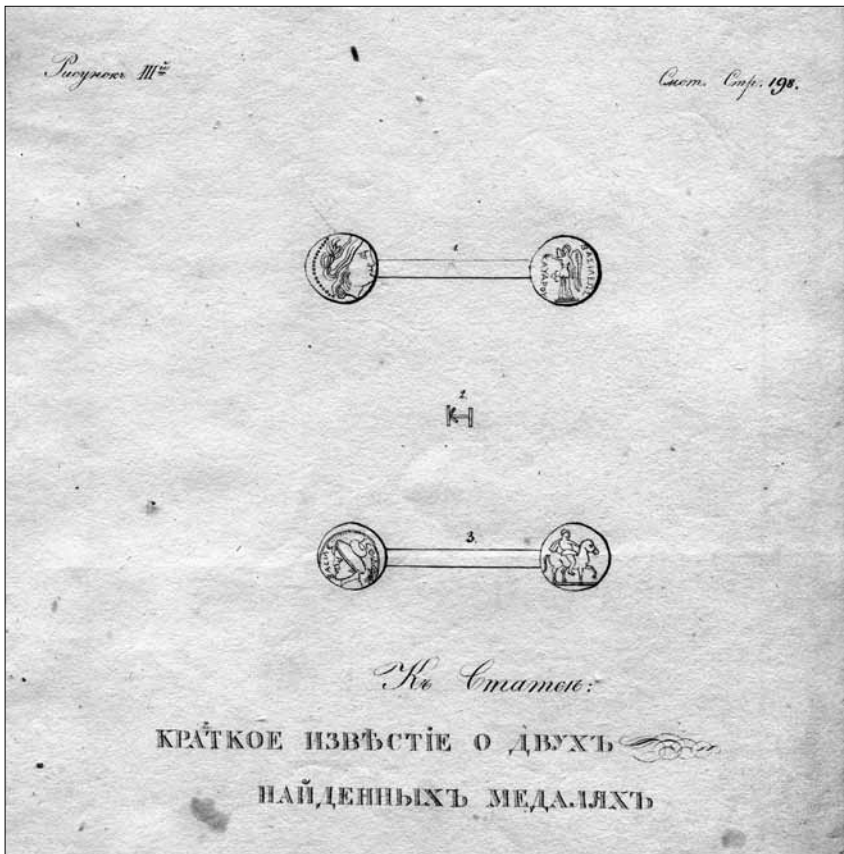
почти нужным изобразить ее (говорит г. Сестина) под №3 – вместе с другими, дабы г. директора музеев могли сличить с нею в случае открытия новых медалей.

Вот надпись, находящаяся на медали №3:

ΒΑΣΙΛΕΥΣΘΙΔΟ

(Сообщено)

Приложение. Рисунки медалей и карты к статье «Краткое известие о двух найденных медалях».

Биография

Яков, Николай Беллен де Баллю²², член бывшей Французской Академии и Московского общества естественной истории, родился в 1751 году в Париже, откуда, по приглашению Императора Александра I^{го}, приехал в Россию.

В Харьковском университете он занимал кафедру эллино-греческой и французской словесности и издал греческую, латинскую и французскую хрестоматии. В последней он напечатал свою речь о пользе и красотах французского языка; другая речь: о преимуществе общественного воспитания пред частным, напечатана вместе с русским переводом.

Беллен де Баллю известен переводом Лукиана²³ на франц. язык и за сей перевод был принят в члены Французской Академии на 32^м году, не в пример другим²⁴. Издал «Историю красноречия греков и римлян» и в пре-

* Его портрет приложен при сей части «Ареопага»

** Обыкновенно принимали не моложе 40 лет

дисловию обещал издать «Историю древней поэзии», но сие сочинение не находится в рукописях автора. «История красноречия греков и римлян» есть начало обширного, предполагаемого им сочинения: «Критическая библиотека творений, расположенных по хронологическому порядку всех древних греческих писателей». Кроме сих сочинений он написал еще три романа: «Священник», «Эмигрант» и «Невидимая женщина». В рукописях автора находятся несколько неоконченных сочинений, между которыми замечательнее прочих: «Всеобщая история», «Курс литературы» и перевод шести песен поэмы Оппиана²⁴ «Рыбная ловля».

Из Харьковского университета Беллен де Баллю перешел в бывший С.-Петербургский педагогический институт, в котором и умер в должности профессора эллино-греческой и французской словесности на 63^м году своей жизни 1814 года 14 июня.

Библиография

Нельзя не подивиться, с какой быстротою издаются и раскупаются книги в Англии: например, по статистическим обозрениям Муррая (Murray)²⁵ из его книжной лавки выпускают до 5.000 томов в месяц, полагая самое малое число, кроме экземпляров трехмесячного обозрения (Quarterly Review), журнала, издаваемого деспотом сотрудников (The chief of the collaborators – прозвание Муррая), и обращение книг бывает так быстро, любопытство так ненасытно, что, истощая новизну, издатели находятся принужденными прибегать к обыкновенным своим уловкам, т.е. старые материалы, освященные или занимательностию, или раболепным почтением, снова издавать со всевозможной пышностию, – и это, в случае литературного неурожая, обыкновенная и очень искусная увертка Муррая. Не знаем достоверно, отчего он печатает вновь, но, кажется, и не нужно знать нам – довольно того, что творения Франклина печатаются им.

Первое собрание сочинений доктора Веньямина Франклина²⁶ появилось в 1751 году, за 40 лет до его смерти – это было продолжение писем об электричестве. 1752, 1754 и 1756 г. оное собрание вновь издали с нужными дополнениями к другим философским статьям. В 1779 году вышли новые творения Франклина под названием: «Сочинения политические, смешанные и философские (Political, miscellaneous and philosophical pieces), 1784 года «Записки философские и смешанные» (Philosophical and miscellaneous papers), а в 1795 году «Записки о жизни доктора Веньямина Франклина» и «Опыты гуморические, нравствен-

ные и литературные» в двух томах in 8°. («Essay humorous, moral and littererary»). Наконец, появилось собрание под названием: «Полные творения. Записки о жизни Франклина и неизданная и тайная переписка др. В. Франклина, уполномоченного министра Соединенных Штатов в Америке» («The private correspondens of Benjamin Franklin» – etc. London) составили другую часть сего полного собрания, изданного 1817 года внуком В. Франклина (смот. «Critical Review»).

Все сии издания имел в виду редактор. Материалы богатые, но эгоистическое *мне* и политическое *другим* также можно назвать единственным правилом самовластного Муррая.

Нравы

Приходской учитель

Наши русские учителя ни в чем не уступают иностранным доминусам²⁷, хотя сии последние пользуются большею известностию и славою, нежели наши приходские философы.

Не только в иностранных, но даже и в тысяче русских комедий и повестей выставлены заморские педагоги, с своими утомительными, приевшимися причудами; между тем как разнообразные и единственные привычки наших учителей остаются в совершенном забвении.

Странности чужеземных учителей слишком однообразны и не имеют уже для нас никакой привлекательности и новизны; между тем в России что учитель, то и странность, и самая неожиданная, самая яркая, которой бы никогда не выдумать восточнейшему воображению!

Где же отыскать причину такого перевеса иностранных воспитателей пред отечественными? В общем заблуждении ссылаюсь на приходских учителей.

Круг их познаний так же обширен и вместе сжат, как и круг их действий и разговоров; и в сем последнем отношении они гораздо превосходят иностранных. Все важные вопросы, относящиеся до политики, политической экономии, истории, явлений природы, человеческого сердца и проч. решаются светлыми умами учителей.

Подобно древнему изречению: «Aristoteles dixit»²⁸, прекращавшему споры ученых мужей, могущее слово учителя успокаивает волнение умов его прихода. Он говорит обо всем или, по крайней мере, о многом, но решает уже наверно все, и притом с уверенностию, в которой его никто не может разуверить, что справедливость на его стороне. Он счастлив, ему

все известно, и непроницаемый покров природы пред ним снят. Систему комет он вам изъяснит с такою же легкостью и, ежели угодно, с такою же ясностью, с какою он изъясняет составление складов и речений. Всё ему покоряется, всё пред ним трепещет! Он важен, горд, ходит в плисовых штанах, в демикотоновом полукафтани, в красном ситцевом жилете с медными пуговицами и в суконной шапке с блестящим позументом. Движения его мерны, походка султанская, и взгляд всегда обращен к небу, отчего учитель иногда спотыкается и даже падает. Я расскажу один только пример учительского падения.

В субботу, в этот прилив физического благосостояния учителей, один из них выходил из своего святилища наук, окруженный питомцами, которым он заповедывал не приходить после обеда и хорошенько читать зады в разбивку. После сильного дождя по улицам бежали темные струйки воды; было мокро, грязно, скользко, словом, все способствовало падению учителя. На нем было демикотоновое полукафтани и, к несчастью, новые полосатые панталоны.

Уже он приближался к цели своего шествия, т.е. к своему дому, окруженному палисадом, в котором росли капуста, салат, васильки и огромные чернобривцы, известные там под именем шапочек, но пагубный взор к небу все переменял. Подле учительского дома была довольно глубокая яма, которая во время дождя обыкновенно наполнялась водою. Всезнающий наставник шел медленным шагом, смотрел на небо и, верно, не думая о земле, не мог узнать того, что, ежели проходя мимо ямы, он не будет на нее смотреть, может упасть; вдруг ... что-то мистическое было в его падении. Поскользнувшись, он плотно сел в грязную яму, и холодная вода тихо пробиралась под его полукафтанием. Боже мой! какие мрачные мысли волновали высокую душу учителя, когда он сидел в сей влажной стихии? Мир для него не существовал! Он даже сомневался, точно ли упал в яму? Так это его одурило! Ему казалось, что ужасные слова гремят над его головою: «Учитель! учитель! где твоя премудрость? где твоя слава? Они поглощены мутною водою! Око и свет всего околотка потоплены в грязной луже!»

К счастью, около него не было никого, чего очень опасался невинный страдалец. Что бы подумал родитель какого-нибудь питомца, увидевши учителя в луже? Так рассуждал он, сидя в яме, однако же не выходил из нее. И, верно бы, долго бы там размышлял, если бы мальчик, не подозревая, что в луже хранится такое сокровище, не бросил в нее камень,

который, упавши, произвел в ней ужасное волнение, и брызги полетели в светлое чело учителя. Это его образумило, и он кое-как выбрался из ямы. Как с кровли стекают дождевые капли, так с демикотонового полукафтанья бежали грязные потоки воды, и выглянувшее солнце отражалось на спине и на полах учителя. Конечно, мать не с таким состраданием смотрит на свое больное дитя, с каким учитель смотрел на свои полосатые панталоны, и долго, долго отзывалось в душе его сие несчастное падение.

Теперь взглянем на главную эпоху многотрудной жизни учителя, на его пребывание в училище. Со стола, за которым он восседает, сметается пыль услужливым платком какого-нибудь воспитанника. За рядами скамеек жужжат питомцы, вникая в сокровенные начала азбуки. Учитель также сидит, и по временам является улыбка на его устах. Это нечто неземное, изумляющее и научающее людей. Она так самобытна, так неподражаема, так таинственна, что, не выдавши ее, а по одному только описанию можно иметь об ней точно такое понятие, какое мы имеем о прекрасном переводе прекрасной поэмы. Добродушие, откровенность, самодовольство, поучение – все соединено в сей улыбке: в ней заключается целый мир учительской души, и она есть проявление его ума.

В училище тишина, вдруг растворяются двери, и взоры всех обращены туда.

– Кто там? – вопрошает учитель.

– Пришел какой-то человек; кто-то пришел; дожидается кто-то, – отвечало разом несколько голосов.

Учитель встает, берет свой платок, а шапку и табакерку оставляет на столе. Он удалился, – и все изменилось за скамейками. Начались рассказы о том, кто сколько поймал саранчей, какой они величины: одни были с паука, другие с мизинец, а иные с воробья, но это очень редко.

Между тем несколько любопытных приблизились к столу, чтобы рассмотреть изображение знаменитого героя, нарисованного на желтой крышке табакерки учителя; и горе тому, кого он поймает: власть его не ограничена!

Но что делается с наставником детства? Важно, торжественно вышел он из дверей училища. Так Дезиро²⁹, переодетый в принца в известной опере *Cenerentola*³⁰, влетает в комнату одураченного барона. За дверьми очень, очень умягчились грозные взгляды учителя. Пред ним стоял босой человек в соломенной шапке грубой работы и в смурой изношенной свитке. В руках он держал коротенькую веревку, к которой был привязан тучный баран. Учителю был отвешен низкий поклон.

– А, это ты. Кузьма, – сказал он умильно, – что скажешь?

– Да вот, Степан Афанасьевич приказали кланяться и прислали баранчика, да просили сегодня пожаловать в гости.

Без сомнения, учитель все расслышал, но его взоры, как бы могущим дыханием змия, были прикованы к жирному барану, у которого при малейшем движении звенел привязанный к шее колокольчик, что еще более привязывало учителя к милому животному.

– Хорошо, – отвечал он, – да отчего же Вася не приходил сегодня в училище?

– Ведь Степан Афанасьевич нынче именинники.

– А! понимаю, кланяйся Степану Афанасьевичу и Агафье Андреевне и скажи, что непременно буду, а баранчика привяжи вот здесь к столбику.

Баранчик привязан, и как нежно рука учителя дотрагивается до его мягкой шерсти; какими глазами он смотрит на свое сокровище; и баранчик также смотрит на него, и колокольчик звенит, и учитель в восторге!

Такой подарок часто достается вести питомцу, но на сей раз учитель сам его повел. В левой руке находились: «Азбука», изданная в 179.. году, палка и листок «С. Петербургских ведомостей», вышедший пред сим ровно за шесть лет; а баран повиновался влечению правой. Тихо и осторожно вел его учитель сквозь узкие улицы городка, и, хотя звон колокольчика заставлял добрых граждан высовываться из окон, но это зрелище их не удивляло, так же как и не смущало учителя. Первые привыкли к оному, часто видевши учителя, идущего не только с бараном, но даже и с теленком; а другой нимало не смущался взорами любопытных по той же самой причине, что он водил не одних баранов, но и телят.

Подобные сцены нередко случаются в училище. Там же трактуется о плате учителю за воспитание, которая обыкновенно состоит в 7^н или 12^н рублях в год; другие вознаграждают его несколькими аршинами ситцу или полотна; иные же договариваются доставлять ему во время грязи лошадь, а на Светлую Неделю и несколько пасх и яиц. Вообще все сии платы так не разнообразны, однако же много походят одна на другую.

Очень любопытны бывают сии трактаты, но, боясь наскучить нашим читателям, мы не станем их описывать, а взглянем мимоходом на действия учителя в кругу общественном.

Общество, в котором находится русский учитель, претворяется, так сказать, в парламент, в котором все мнения и голоса обращаются около него, как планеты около солнца. Ему предназначается почетнейшее место в доме, которое он всегда уступает священнику или его супруге.

Иногда кажется, что духовные отцы являются опасными соперниками учителя в обширности познаний. Но быстрые рассказы, решительный тон и уездные истины, которые он создал в самом себе, опять выказывают его во всем величии.

Разговор кипит, чудесные остроты наставника возбуждают всеобщее удивление, и все вокруг него обращено в слух. Между тем говор становится сильнее и сильнее; учитель кричит, встает, с своего места и подходит так близко к разговаривающей с ним особе, что ноги ее находятся в опасности быть раздавленными загнутыми вверх носками учительских сапог.

Долго, шумно проявляются все сведения учителя, пока он, утомленный, выбивается из сил и в изнеможении садится подле своего соседа; а вместе с ним затихает и общество. Все молчат!

И в это время какой-нибудь старичок, до сих пор хранивший молчание, вдруг, как отголосок дальнего грома после сильной бури, начнет тихим голосом рассказывать про давние были, случившиеся с ним в его детстве; но вялый и медленный его рассказ не возбуждает никакого участия.

Главная пружина ослабела, и весь механизм в расстройстве. Изредка только на восклицание старичка: «Вообразите себе!» – учитель, понизив голову, глухо и невнятно произносит себе под нос: «Воображаю!».

Но пусть кто-нибудь заспорит с старичком, пусть к ним присоединится другой, третий, и в их мнениях заронится несогласие – учитель вспыхнет, как пень, в который ударила громовая стрела; силы его зажгутся; он вспрыгнет, нашумит, накричит и разом вам докажет, что ежели бы такой-то не умер, то он остался б в живых.

По мере возвышения учительского голоса, соперники его ослабевают, и он, как бурный поток, низвергающий вековые камни, ворочает всеми мнениями, и противуречия разлетаются от его могучих слов.

Высокое звание учителя и всезакрывающая улыбка вырывают усиленный смех и в груди изумленных слушателей, в то время как он рассыпается в остротах, повторенных тысячу восемьсот двадцать девять раз после Р. Х.

Ярко обнаруживается присутствие учителя в каком-нибудь доме! Но отчего иногда в самом разливе его восторга вдруг появляется на его устах сладкая улыбка, а в глазах разливается томное мерцание луны? Сие дивное изменение в целом составе учителя случается тогда, когда кто-нибудь из присутствующих начнет с ним поговаривать о плате за

воспитание своего детища. Это единственный случай, который может укротить стремительность учительских речей.

Не ручаемся, чтобы сия отдельная картина была всеобщей формулой для действий учителя в обществе. Все учителя вообще более или менее сходны между собой; но их поступки в частности так разнообразны, что во всяком месте, при всех случаях они являются в отдельных формах. Даже мнения, при всем своем сходстве, чрезвычайно изменяются от самых незначущих причин. Например, учитель совершенно не так думает на стуле, как на скамье, и чем скамья выше, тем его мысли небеснее. Одним словом – мысли, чувства и поступки русского учителя есть самое разнообразное однообразие.

⊕.

Венецианский вал

Большой каменный вал лежит на 16 миль к югу от Венеции. На одной из его лицевых сторон написано, что он служит защитой Венеции от свирепости моря. Этот колоссальный оплот длиною в одно лье, и простирается между заливами, на западе острова Chiusa, облегая остров Murassi; а к востоку на твердой земле кончается стеною в 10 фут. вышины и 4 ширины.

Стоя над морем, видишь сию огромную массу, которая опускается правильным скатом в глубину, и величина здания невольно поражает. На 50 футах вышины вала находятся две террасы. Квадратные куски мрамора, образующие эту поверхность, очень огромны и связаны между собою цементом из Везувского Пуццалона³¹. На каменной массе огромные куски мрамора также расположены, дабы противостать силе волн; но сомнительно, чтобы сие было лучше, ибо в бурное время, когда взволновавшееся море потрясает самый вал, оторванные куски поднимаются волнами и вместе с ними взлетают даже на валанг³² вала, который охраняет Венецианские каналы от свирепости моря, одолевающего все с ужасом, и без сей предосторожности Венеция, может быть, была бы им поглощена.

Работу вала поддерживали тщательно и кончили оную во время французской революции. Наполеон удивлялся обширности и крепкой связи массы, и его подпись «Ausu Romano, aere Veneto» – памятник Римской дерзости и Венецианского богатства – еще сохранилась как священная скрижаль, завещанная непостоянству адриатической стихии.

Страницы рукописного журнала «Ареопаг»

Одесские качели

В нынешнем году гулянье под качелями было довольно блистательное, хотя самые качели не отличались таким разнообразием, как в прошлые годы. Теперь мы не заметили ни вертящихся полов, ни замысловатых немецких качелей с зубчатыми колесами, ни греческих плясок, ни песней русских девушек и т. п. Даже нищие не играли на своих лирах, и не было ни одного менестреля ни с торбою, ни с бандурою. Мы помним, несколько лет тому назад на Св. Неделе в толпе народа сидел старец-нищий и за несколько грошей распевал о бедном Лазаре, аккомпанируя себе на визгливой лире; в другом месте несколько молдаванок плясали под завывание козы³³, а там греки, одетые в живописное албанское пла-

тье, забавляли зрителей народными плясками. Все это придавало более веселости празднику и разнообразило гулянье.

В сем году ничего этого не было, при том же на светлой неделе погода была довольно мрачная. На первой день шел дождь и слышен был гром, как кажется, первый в сем году. С четверга на пятницу и в пятницу проливной дождь сопровождался сильным ветром, но на последний день стечение народа было многочисленное.

Важные турки в своих красных мантиях, в чалмах и фесках медленно прохаживались по площади. Простой народ с любопытством и вместе с лукавством смотрел на гордого Юсуфа, Пашу Серезского³⁴, который с своим сыном сидел в коляске с поджатыми ногами. Несколько русских гренадеров, коих почернелые лица, кажется, были обожжены недавним порохом, бросали сверкающие взоры, проходя мимо коляски Юсуфа. Надобно заметить, что Паша Серезский уже умер, по словам гг. издателей «*Journal des débats*», и его смерть описана с большими подробностями!

На четвертый день Пасхи мы были свидетелями прекраснейшего зрелища. В восточной части гульбища, обращенной к морю, двое цыган, брат с сестрою, пели на польском языке простонародные любовные баллады; первому было не более 9^{-ти} лет, а последней около 18^{-ти}. Собравши несколько денег, они начали плясать что-то вроде козачка, припевая и сопровождая свою пляску разными картинными телодвижениями. По окончании каждой пляски они снова собирали деньги. Между тем их музыкант настраивал свою скрипку. На нем был изношенный коричневый кафтан и остроконечная шапка, а во рту торчала трубка на роговом искривленном чубуке и (пропуск? – Г.С) дребезжала на заветных струнах. Его впалые глаза, длинные усы и густые сросшиеся брови придавали ему какую-то дикость и важность.

Скрыпка готова. Вот цыганка обошла кругом, обратилась к морю, где больше стояло зрителей, и положила руку на сердце. Глаза ее загорелись, она размахнула руками и начала резким, но приятным голосом свою песню:

Słuchajcie panowie
Co wam będę mówić!..³⁵

Все взоры были обращены на нее. Она ходила торжественно, ее лицо было спокойно, и только в глазах отсвечивались слова баллады. Нечувствительно собиралось зрителей более и более; иные влезли на повозки, другие сидели на лошадях, чтобы получше рассмотреть цыганку. Никто

не улыбался. Но в то время, когда она пропела, что в бурное время, для переправы своего милого чрез бурную реку, она

Pościła się w Niedziele,
Pościła się w Piątek...³⁶

у некоторых появилась легкая усмешка. Дикие ее напевы чрезвычайно согласовались с игрою скрипки, и она напоминала собою что-то таинственное в романах Вальтера Скотта.

Сие зрелище произвело всеобщее удовольствие.

Модные обычаи

Платки. Модисты. Гении

Русские промышленники мануфактурной выставкой будут, можно сказать, подняты, чего, кажется, все благонамеренные давно и очень давно ожидали. Благодарность просвещенному Правительству: оно даст теперь более пищи для деятельности народной.

Жели бы у нас все богатство, все кругообращение промышленности зависело от гражданства, а не от Правительства – дело другое. Но у нашего народа еще нет прав политических, хотя есть самобытные, творческие стремления. Это самое только нужно поддерживать, а будущность раскроет успех. В одном можно упрекнуть русских промышленников: они не имеют сметливости, или лучше, не пользуются оной, как зарейнские гости. В мануфактурных произведениях необходимо требуется не только прочности, красоты, но и новизны. Докажем примером: прочные, недорогие и красивые перчатки быстро сбывали с рук все торговые люди; из законодательной столицы новизны выпускают перчатки *a la Giraffe*, русский купец закупает оные; негоциант теснит изображение на старых перчатках и пускает в торг. Первые неподдельные, вторые напротив; выигрывает за дешевизну и обман сметливый, проигрывает последней – простодушный, но всегда честный.

Мы, правда, можем гордиться бескорыстием и правотою наших промышленников, но эти самые добродетели разоряют их в наш не слишком добродетельный век, и вот почти главная причина, отчего правительство должно возвышать их пред другими сословиями и перед иностранными собратиями.

На днях привезены в Одессу носовые хорошие платки русского изделия и заграничные, шелковые, с литографированными портретами

девицы Зонтаг³⁷, султана Махмута³⁸ и проч., которые уже знакомятся с носами всякого калибра, а первые, напротив, не имеют сбыта. Желающие могут за 6 р. познакомиться и с своим или просто, по крайней мере, посмотреть на диковинку в магазинах г. Шалля, Рубо, Беренштейна; г-жи Стот, Сток, Гейдеман и других.

Вполне должно удивляться русскому характеру и сметливости иностранных продавцов. Наши промышленники во всем идут прямо, а изобретательный гений французов и англичан бросается во все крайности, а особливо когда они нужны для промышленности, или, по их выражению, «pour faire fortune. To mavre fortune».

От производителей один шаг до потребителей, хоть школьных кстати, модисты налицо. Белый носовой платок, перерезанный навкрест каемочками нежного цвета сирени, полотняные сорочки с длинными манжетированными рукавами, которые при конце, в том месте, где застегивает пуговка, слегка округлены; это Гетевские рубашки, а рукава называются *les ailes d'amour*, щегольские сапожки, обыкновенно без каблучков, с тупыми носками, легкие серо-дикого[?] цвета демикотоновые полукафтаныя нараспашку *alanglaise*, панталоны той же материи, суженные внизу; простенькое колечко на левой руке; прическа без локонов, иногда завитые бакенбарды. Вот все приметы модистов, которые, можно сказать, появляются, чтобы смеяться над модным светом.

Теперь несколько коснемся других потребителей, т.е. совершенно бесполезных, так называемых «гениев». Они амбициозны, всегда заняты наружностью, пошлые остроты редко не вертятся на их неумолкающем языке, стихи бедных русских поэтов, исковерканные до невозможности, замыкают их обдуманые, но все еще довольно бестолковые фразы, которыми они щеголяют так же, как и своими прикрасами, дерзко забавляя мелким жеманством и флюгерным волокитством.

В другой раз подробнее нужно будет поговорить об них и совершенно разочаровать самонадеяние и честолюбие, не простирающееся далее водяных мадригалов, едва слепленных акростихов, пустых басенок и стихшков к Д....., кн.ъ.

Je tâche d'y tourner le vice en
ridicule,
Ne pouvant l'attaquer avec
des bras d'Hercule³⁹.

Оглавление IV части

«Ареопага»

№I

	Стран.
I. Картина Английских колоний на землях Австралии (соч. Перона.....	4
II. Considerations etc. Рассуждение о нынешнем состоянии Индии в от- ношении политическом и проч. (соч. Александра Фрасер-Тайтлера ..	22
III. Введение во всеобщую историю Швейцарских республик. Гл. 1 ^a (соч. Гиббона)	45

№II

IV. Стихотворения.

1. Отрывок из пролога к поэме М. Дохторова	74
2. Байрам (из третьей песни поэмы М. Дохторова)	81
3. Гарем (из третьей песни поэмы М. Дохторова)	83
4. Отрывок из четвертой песни поэмы М. Дохтурова (<i>так!</i>)	84
5. К	90
6. Венок (соч. В. Золотницкого)	93
7. Южный вечер (соч. А. Магденко)	94
8. К N. N. (соч. В. З.)	99
9. Встреча Сераскера с Агою Янычар Арсланом Оглу (из трагедии М. Дохторова)	100
10. Отрывок II ^{ой} из трагедии «Янычарский бунт» (соч. М. Дохторова)	108
11. Монолог Арслана Оглу (из трагедии М. Дохторова)	114
12. Грусть (соч. А. Ушакова)	122
13. Моя любовь (соч. В. З.)	123
14. Мои (отрывок)	124
15. Судьба (соч. В. З.)	136
16. Повесть жизни (соч. В. З.)	137
17. Булат (соч. А. У.)	139
18. Цыганка (соч. А. У.)	140
19. Откровение (соч. В. З.)	144
20. Два Рая (соч. А. У.)	145
21. Судный день (соч. В. З.)	146
22. Воспоминание (соч. В. З.)	147
23. Залог (соч. А. У.)	148
24. Две жизни (соч. В. З.)	149
25. Юноша (соч. А. У.)	150

26. Ответ А. У. (соч. В. З.)	152
27. Бывалое (соч. А. У.)	153
28. К (соч. А. М.)	154
29. Стансы (соч. А. М.)	156
30. Стансы (соч. А. У.)	158
31. Упование (соч. А. У.)	159
32. Колдуньям (соч. А. У.)	161
33. Элегия из Гете (пер. П. Зеленецкого)	162
34. Смерть Марко Боццари (М. Д.)	163
35. Ночная песнь странника из Гете (пер. П. З.)	171
36. Оправдание (из Зонненберга, пер. П. З.)	172
37. Последний час (из Зонненберга, пер. П. З.)	173
38. Песнь отверженного (соч. П. З.)	174
39. Отчаяние (соч. А. У.)	176
40. Отвага (соч. й – й)	178
41. Три звездочки (подр. Кернеру, А. У.)	180
42. Признание (соч. –.–)	182
43. К Т. П.....ой (соч. Е. З.)	184
44. Потерянное (соч. й – й)	–
45. Отрывки из второй песни поэмы Михаила Дохторова	187

№ III

V. Смесь

1. Общество della Misericordia (отрывок из письма профес. Пиктета).....	194
2. Краткое известие о двух найденных медалях	197
3. Биография	203
4. Библиография	205
5. Нравы: Приходской учитель	209
6. Венецианский Вал	226
7. Одесские качели	229
8. Модные обычаи	234

Примечание. При сей части «Ареопага» приложены: при первом номере «Ареопага» – портрет Якова Николая Белен де Баллю; при втором – собственноручная записка поэта Зонненберга; при третьем – картина: «Ночное шествие братьев милосердия», новооткрытые медали и карта к оным.

- ¹ Della Misericordia – Общество милосердия (итал.).
- ² Пиктет – Пикте Адольф (фр. *Pictet Adolphe*; 1799–1875) – швейцарский лингвист, философ, писатель. За широкий круг своих интересов получил прозвище *L'Universel* (с фр. – «разносторонний», «вселенский», «всемирный»).
- ³ Пьетро ди Лука Борси, грузчик из артели шерстянщиков, по одной из версий основатель «Della Misericordia».
- ⁴ Рисунок не сохранился.
- ⁵ Симара (итал.) – 1. верхняя мужская одежда с расширенными книзу рукавами. 2. богослужбное одеяние англиканских епископов и докторов богословия в виде мантии без рукавов из шёлка или атласа.
- ⁶ Карл V Габсбург (1500–1558) – король Испании (с 1516 г.), король Германии (1519–1556 г.), император Священной Римской империи (с 1519 г.).
- ⁷ Мезембрия – древнее фракийское поселение, существовавшее с начала первого тысячелетия до н. э. В 510 г. до н. э. оно было превращено в греческую колонию. Ныне на месте поселения – болгарский город Несебыр (Несебр).
- ⁸ Фракия – провинция Римской империи с центром в Перинфе, занимавшая территорию современной Болгарии, Сербии, Греции и Турции.
- ⁹ Сестини Доменико (1750–1832) – итальянский нумизмат; объездил большую часть Европы и Левант, оставил описание путешествий. В конце жизни – профессор в Пизе, с 1826 года – почетный член Петербургской Академии наук.
- ¹⁰ Кавар, сын Ариофарна – царь галлов в Тилисе (235–218 до н. э.).
- ¹¹ Птолемей Керавн (Молния) (ок. 319 – 279 гг. до н. э.) – царь Македонии в 281–279 годах до н. э., сын египетского Птолемея I Сотера. Античные авторы видели в Керавне предателя и вероломного убийцу.
- ¹² Бренн – предводитель галлов в Пеонии (до 281–279 до н. э.).
- ¹³ Возможно, Болг (Бельгий) – предводитель галлов в Македонии и Иллирии (до 281–279 до н. э.); погиб в битве при Фермопилах.
- ¹⁴ Цертерий (Сертерий) – возглавлял часть войска галлов, направленную Бренном против Фракии.
- ¹⁵ Лиутар и Леоннар – предводители галатского переселения в Малую Азию, вожди вольков-тектосагов (ок. 278 до н. э.).
- ¹⁶ Никомед I Филэллин (ок. 300 – ок. 255 до н. э.) – царь Вифинии, правивший примерно в 278–250 годах до н. э.
- ¹⁷ Вифиния – историческая область, древнее государство и римская провинция на северо-западе Анатолии (Малой Азии) между проливом Босфор и рекой Сангарис. Крупнейшими городами Вифинии считались Никомедия и Никея.
- ¹⁸ Коммотор (Коммоторий) – царь галлов в Тилисе (278–250 до н. э.).
- ¹⁹ Часть галлов во главе с Коммотором осталась во Фракии, основав царство в Тилисе (современный Тулово в Болгарии).
- ²⁰ Антигон II Гонат (319–239 до н. э.) – царь Македонии из династии Антигонидов. Правил в 277–239 годах до н. э.
- ²¹ Прусий I (Прусий I Хромой) – царь Вифинии, правивший в 230–182 гг. до н. э.
- ²² Белен де Баллю [Беллен де Баллю, Бален де Баллю, Белен-де-Баллю ...] Яков Яковлевич (фр. *Jacques Nicolas Belin de Ballu*) (1753–1815) – филолог, писатель, переводчик, профессор Харьковского университета и С.-Петербургского педагогического

- института. (Годы жизни Я.Я. Белен-де-Баллю, указанные в заметке «Ареопага», не совпадают с общеизвестными).
- ²³ Лукиан из Самосаты, также Лукиан Самосатский (ок. 120 – после 180 гг. н. э.) – древнегреческий писатель, автор сатирических сочинений.
- ²⁴ Оппиан – греческий поэт, живший во второй половине II ст. н. э. Автор дидактических поэм, написанных гекзаметром. Поэма Оппиана «О рыбной ловле», посвящена римскому императору Марку Аврелию и его сыну Коммоду.
- ²⁵ Вероятно, книгоиздатель Джон Мюррей (р.?– ум.?) – сын известного английского книгоиздателя, которого также звали Джон Мюррей (1745–1793). Джон Мюррей (сын) был другом многих ведущих писателей своего времени. В 1809 году Джон Мюррей начал вести «Квартальный обзор».
- ²⁶ Франклин (Franklin) Бенджамин (Вениамин) (1706–1790) – американский просветитель, государственный деятель, ученый.
- ²⁷ Dominus (лат.) – господин, сударь, повелитель и т.д. (многозначный термин).
- ²⁸ «Aristoteles dixit» (лат.) – «Аристотель сказал».
- ²⁹ Дезиро Антонио – оперный певец, баритон, фаворит одесских театралов. Выступал в Одессе во 2-й пол.1820-х гг. в составе итальянских групп. См.: Варварцев М.М. Італійці в Україні. (XIX ст.): Біографічний словник діячів культури. – К., 1994. – С. 70. Бацак Костянтин. Італійська оперна антреприза О. Сарато й Д. Марінковича в Одесі 1838–1844 рр. на сцені та за лаштунками // Вісник Прикарпатського університету. Мистецтвознавство. Вип.32. – Івано-Франківськ, 2015. – С. 189.
- ³⁰ Опера «Cenerentola» (итал.) – «Золушка».
- ³¹ Пуццолан (итал. pozzolana, от названия города Поццуоли) – смесь вулканического пепла, пемзы, туфа.
- ³² Валанг – valanga (итал.) – масса, груды.
- ³³ Коза – украинское и польское название волынки, духового музыкального инструмента.
- ³⁴ Юсуф, паша Серезский – командующий албанскими войсками в крепости Варна во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. О нем подробно: Пребывание императора Николая Павловича на Черноморском флоте в 1828 году // Морской сборник. – 1869. – № 8.
- ³⁵ «Слушайте, господа,
Что я вам скажу!..». (Пер. с польск. Е. Хоменко)
- ³⁶ «Постилась в воскресенье, Постилась в пятницу...». (Пер. с польск. Е. Хоменко)
- ³⁷ Зонтаг Генриетта Гертруда Вальбургис (1806–1854) – немецкая оперная певица (колоратурное сопрано). Первая певица двора Его Величества Короля Прусского и первая певица при Королевской итальянской опере в Париже.
- ³⁸ Турецкий султан Махмуд II (1785–1839).
- ³⁹ Цитата из басни Жана де Лафонтена «Дровосек и Меркурий» («Le Bûcheron et Mercure»).

А. И. Пеший

Михаил Лукич Озмидов – архитектор, издатель, благотворитель

(1836-1897)

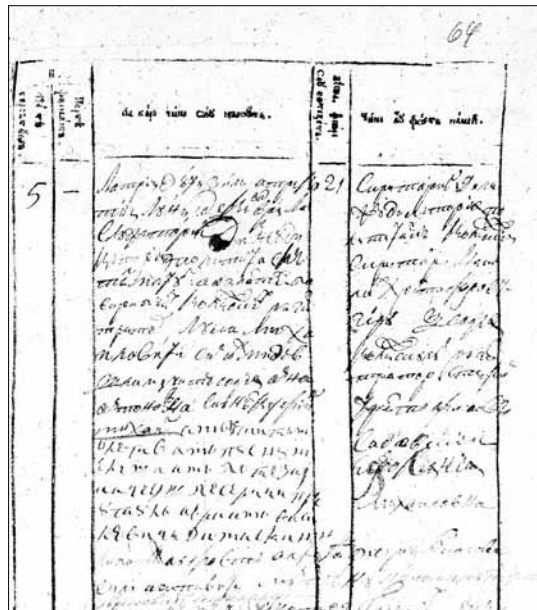
К 180-летию со дня рождения

Михаил Лукич (Павлович)¹ Озмидов (30.12.1836, Кишинёв – 24.01.1897, Пирей, Греция). Похоронен на 2-м Христианском кладбище в г. Одессе.

Крещён 21 января 1837 года в Харлампиевской церкви г. Кишинёва. Таинство крещения совершил священник Авраамий Домаскин с дьячком Василием Мунтян. Восприемники при крещении: служащий в Бессарабском гражданском суде коллежский секретарь Николай Христофорович

М.Л. Озмидов. 1880-е гг.
(«Новороссийский телеграф»
26 января 1897 г. ОННБ)

Метрическая запись о рождении Михаила Лукича Озмидова из метрической книги Харлампиевской церкви города Кишинева на 1837 год. НАРМ

Геро и жена коллежского регистратора Стефана Христофоровича Садовского Евфросиния Михайловна².

Из потомственных дворян Бессарабской губернии. Сын Луки Михайловича Озмидова (1815–1851³), коллежского регистратора, служащего в Бессарабском гражданском суде, позднее Оргеевского уездного прокурора и Анны Антоновны (урождённой Вирановской⁴ / 1802–1848⁵).

Внук Михаила Семёновича Озмидова (1782–1826), надворного советника, Бессарабского областного землемера и архитектора⁶ и Александры Фёдоровны (урождённой Башота⁷ / рум. *Vaşota* / род. 1797⁸), представительницы известного молдавского боярского рода.

Род Озмидовых определен Правительствующим Сенатом от 11 апреля 1861 года был утверждён в потомственном дворянском достоинстве по чину коллежского асессора Михаила Семёновича Озмидова⁹.

Детство и учёба

По воспоминаниям современников, в раннем детстве оставшись сиротой, воспитывался в кишинёвской мужской гимназии на средства преподавателя математики и физики гимназии Кириллы Петровича Яновского, который, вспоминая о своих учениках, писал:

Из бывших моих учеников по кишинёвской гимназии моим особенным расположением пользовались следующие: Стратонов, Кошчук, Издебский, Штейнберг, Семашко, Матиас, Горяев, Озмидов Михаил, Кошевский, Шмидты Владимир и Карл, Соколовский, Филатов, Навроцкий, Виноградский 1-й, Дуброва, Варавва 1-й и многие другие. Сверх того, к числу близких мне питомцев принадлежали мои квартиранты-пансионеры, воспитание которых лежало на мне ... Моими пансионерами были: Косинский, Эржиу, Расевич, Микулин, Ангел, Леонарды Кириак и Николай, Кречунеско, князь Кантакузен Павел и Бантыш. <...> Озмидов Михаил (в 1853 г.) был добрый и бойкий мальчик. В течение целого года, находясь в V классе, он составлял, по собственному желанию, записки по физике, с помощью Зозулина Василия (очень кроткого, доброго и способного ученика), на основании моих объяснений, и потом, по составлении каждого урока, приносил их мне для просмотра и исправления. Такого рода занятия Озмидова, я убежден, были для него весьма полезны и даже полезнее сочинений ... Такие занятия развивали в Озмидове умение ясно и четко выражать свои мысли и, таким образом, вероятно, немало способствовало к образованию в нем решимости издавать газету «Новороссийский теле-

графь», приобретшую значительную известность и распространение, особенно в южной России. По окончании учебного года тетка его (я незнаком был с нею; фамилия ее, кажется, Соколова¹⁰) просила меня подготовить ее племянника в строительное училище, куда в то время принимали по экзамену в подготовительный класс, и для поступления в которое требовалось знание курса пяти классов гимназии. Любя мальчика и будучи тогда во время вакаций свободным, я исполнил ее просьбу и был очень рад, узнав, что он успешно выдержал требуемый экзамен и принят в заведение¹¹.

По окончании курса наук в кишинёвской гимназии (1853), Михаил Лукич «в следствие предложения г. военного Бессарабского губернатора [Павла Ивановича Федорова] от 15 мая 1853 года за № 6004 обучавшийся в 5 классе Кишиневской гимназии Михаил Озмидов подвергался испытанию для поступления во 2-й класс Строительного училища Главного управления путей сообщения и публичных зданий»¹².

Государственная служба

По окончании курса наук в Строительном училище Главного управления путей сообщения и публичных зданий (позднее институт гражданских инженеров Императора Николая I) Высочайшим приказом по Корпусу произведён в коллежские секретари с определением на службу (с 9 июня 1860 г.). Назначен архитекторским помощником в Одесский строительный комитет для производства работ (с 15 июня 1860 г.). Назначен производителем работ в Ковенскую губернскую строительную и дорожную комиссию (с 4 июня 1864 г.). Назначен производителем работ в Черниговскую губернскую строительную и дорожную комиссию (с 18 июня 1864 г.). Титулярный советник (с 10 августа 1864 г., со старшинством с 9 июня 1863 г.). Со времени назначения в Черниговскую комиссию на службу не явился, а по распоряжению штаба корпуса путей сообщения командирован к дирекции по сооружению железных дорог на Юге России (с 9 октября 1864 г.), для производства работ под руководством барона Карла Карловича Унгерн-Штернберга, строившего Одесско-Кременчугскую железную дорогу. Командирован по делам железной дороги за границу в Австрию, Германию, Францию и Англию сроком на два месяца „для осмотра некоторых заводов” (1867). С упразднением Черниговской строительной и дорожной комиссии, оставлен за штатом. Коллежский асессор (с 26 апреля 1868 г., со старшинством с 9 июня 1866 г.). Признан в звании инженер-архитектора (с 8 августа 1868 г.)¹³. По отзыву главного дирек-

тора по сооружению южных железных дорог тайного советника барона К.К. Унгерн-Штернберга временное прикомандирование окончилось (с 1 декабря 1870 г.). Приказом по IV отделению Собственной Его Императорского Величества канцелярии определён архитектором при Одесском институте благородных девиц (с 24 марта 1873 г.). Надворный советник (с 9 июня 1874 г., со старшинством с 24 марта 1873 г.). Согласно прошению уволен от службы (с 11 февраля 1878 г.)¹⁴.

Состоя в должности архитекторского помощника при Одесском строительном комитете (1860–1862 / 1863–1864 архитектор), а позднее техником при хозяйственно-строительном отделении Одесской городской распорядительной думы (май 1869 – 10 августа 1871)¹⁵, Михаил Лукич принимал участие в разработке и осуществлении городских проектов, связанных с благоустройством города: водостоки, шоссе, водопровод, гранитные мостовые, коллекторы, газовое освещение, скотобойни, железные дороги, очистка порта и др.

Дело Одесской городской распорядительной думы о деньгах, израсходованных гг. членом Ханджери и техником Озмидовым на исправление канавы у Нарышкинского спуска. ГАОО

В начале 1860-х годов занимался осуществлением главных улиц бассейна Водяной балки города¹⁶.

В мае 1869 года исправляющим должность одесского городского головы действительным статским советником Н.А. Новосельским Михаил Лукич был назначен техником в комитет для сооружения мостовых города Одессы. В отношении председателя комитета А. Бродского о назначении указывалось: «Комитет в присутствии Господина Городского Головы в заседании своем 2-го сего мая имел суждение о том, что по нерациональности существующего порядка производства ремонта городского шоссе, независимо от работ по замощению города гранитом и устройства в нем водостоков, а потому полагал бы полезным просить Господина Городского Голову командировать Инженер Архитектора Озмидова, заведывающего ремонтом

шоссированных улиц в комитет. Командирование это, в настоящее время, когда деятельность комитета усиливается, имело бы и то значение, что технические силы онаго увеличились бы еще одним техником»¹⁷.

В 1870 году занимался исправлением «хозяйственным образом» канавы у Нарышкинского спуска¹⁸.

При выполнении своих служебных обязанностей в июле 1871 года обращался к Одесскому городскому голове Н.А. Новосельскому с предложениями:

Считаю своей обязанностью донести Вашему Превосходительству, что гг. домовладельцы при сооружении построек весьма часто захватывают городские места без всякого разрешения думы, и что гг. техники при градоначальнике мало обращают внимание на эти захваты. Так в настоящее время по Карантинной балке г. Вургофт строит дворовый флигель и занимает часть городской земли нужной городу для сооружения коллекторов и прокладки там будущей мостовой. Г. Янченко производя у себя во дворе постройку дома всю землю и мусор оставшиеся от построек сваливает в балку уширяя насыпью свое дворовое место на счет городской земли. Позволяю себе обратить внимание Вашего Превосходительства на совершенное отсутствие надзора именно со стороны отвода земли для построек, так как гг. техники при градоначальнике смотрят только за правильностью построек, а не отмежеванием земли. По моему мнению необходимо безотлагательно ходатайствовать у г. градоначальника о понуждении его техников не дозволять постройку домов не по плану Высочайше утвержденному, а городскому землемеру Крылову теперь же поручить обозначить большими вехами направление и ширину Карантинной балки от Сикардова моста до Карантинной площади, чтобы гг. домовладельцы знали линию своих дворовых границ. По закону если в продолжении 6-ти месяцев не сделается известным суду или полиции о незаконной постройке дома, то владелец получает право законного владения поэтому необходимо ускорить означенным мною ходатайством и распоряжением.

Вместе с сим имею честь покорнейше просить приказания мне остановить работы на балке и начать иск против занятия балки¹⁹.

Работы, производимые городским техником М.Л. Озмидовым в августе 1871 года:

- участие в трудах санитарной комиссии и составление правил очистки отхожих мест и их сооружения;
- наблюдение за наружным благоустройством города;
- заведывание работами ремонта шоссированных улиц; назначение количества щебня для подвозки; сооружение поперечных канав и проч.;
- окончание работ по планировке обочин грунтовых дорог с целью превращения их в выпуклые;
- окончание работ по съёмке грязи с обочин шоссированных улиц и указание количества этой съёмки;
- участие в бетонной комиссии;
- участие в проекте коллекторов;
- рассмотрение предложения об асфальте;
- наблюдение за работами мощения гранитными осколками;
- работы по замощению Ланжероновского переулка к воротам конторы Русского Общества Пароходства и Торговли;
- указание всем домовладельцам, как сооружать тротуары и боковые водосточные канавы;
- необходимо являться на все вызовы мировых судей в качестве городского эксперта для указаний как проводить нечистоты со двора, как и где устроить помойные ямы и проч.;
- наблюдение за городскими ночными сторожами по всему городу – по чистоте и запрещению свалки мусора не в назначенных местах;
- составление всех технических докладов по поручению отделения и городского головы;
- определение убытков от пожара в городском доме, где помещается канцелярия градоначальника²⁰.

По воспоминаниям современников:

Состоя техникум строительного отделения Одесской городской управы (городским техникум) Михаил Лукич руководил первыми шагами старой Одессы по благоустройству. Мостовые, канализация, водопровод, газовое освещение Одессы – все это возникло при непосредственном и энергичном участии Озмидова. Для изучения различных вопросов по городскому благоустройству ... совершил заграничное путешествие. <...> Был инициатором многих живых и полезных предприятий в городском благоустройстве Одессы. Устройством шестиклассных училищ, выкупом водопровода, проектом городского ломбарда – город в значительной степени обязан

Озмидову. Этот деятель, сумевший сплотить вокруг себя горсть преданных городскому делу людей и всегда поддерживавший истинные нужды населения наперекор всем веяниям и течениям, неутомимый поборник правды, честный, независимый человек, всегда боролся с явлениями бесхозяйственности и небрежного отношения к городским интересам²¹.

После отставки

После увольнения от должности городского техника Михаил Лукич занимался частной практикой, в связи с чем в «Одесском вестнике» разместил объявление:

Инженер-архитектор Озмидов. Оставив службу свою в городском управлении и снова начиная заниматься частными работами, сим заявляю, что принимаю на себя: составление планов и смет для постройки новых домов, наблюдение за работами, производство работ на подрядных основаниях и др. подобные занятия, относящиеся к моей специальности. Жительство имею на Преображенской улице в доме Сокальского, против ворот полиции, где принимаю всех ежедневно от 10 до 1 часу утра, и от 4 до 7 часов вечера²².

В 1872 году Михаил Лукич стоял у истоков зарождения Одесского городского кредитного общества, в связи с чем в „Одесском вестнике” было размещено объявление:

Кантора архитектора Озмидова сим доводит до сведения гг. домовладельцев, желающих заложить свои дома в городском кредитном обществе, что они принимают на себя составление планов, требующихся § 27 устава кредитного общества, за ¼ % с суммы испрашиваемой ссуды. Кантора помещается на Преображенской улице, в доме Сокальского, против ворот полиции, в квартире г. Озмидова. Прием ежедневно от 12 до 2 часов²³.

В 1872 году в качестве подрядчика занимался «выемкой и свозкой излишней земли с обочин и тротуаров улиц, замощенных гранитом»²⁴.

В 1873 году Михаил Лукич приобрёл у Русского страхового от огня общества за 12 тысяч 150 рублей серебром «на снос, все после пожарные остатки от главного корпуса Одесского театра, с предоставлением в распоряжение г. Озмидова, на время разломки этого здания, всей той части театральной площади, которая ныне обнесена досчатым забором

<...> разборки стен строения <...> свозки штучного камня от этих стен <...>, очистить всю местность в округе театра не только от материалов, но и от мусора, а углубление под зданием театра и ямы от имеющих быть вынутыми фундаментом, засыпать мусором в уровень с поверхностью земли на театральной площади»²⁵.

В 1874 году Михаил Лукич занимался земляными работами на Биржевой площади²⁶ и обращался в городскую управу с прошением: «намереваюсь приступить к свозке земли с Биржевой площади, где я произвожу земляные работы над гранитными мостовыми, покорнейше прошу Управу разрешить мне свозить землю в яму оставшуюся от развалин бывшего театра»²⁷.

В „Одесском вестнике“ Михаил Лукич публиковал статьи, в которых поднимал проблемы городского хозяйства. Первые его публикации (в 1863–1865 гг.) выходили под псевдонимом Техник²⁸.

Некоторые из публикаций Михаила Лукича в «Одесском вестнике» под псевдонимом Техник: «По поводу вызова комитетом по сооружению в Одессе мостовых техника из-за границы» (1863. 15 января); Ответ г. Ротману. (По поводу проекта об Одесских мостовых / 1863. 12 февраля); [По поводу Одесско-Днестровского водопровода] (1863. 18 июня); Несколько слов по поводу последних распоряжений комитета о мостовых (1863. 4 июня); «Критический обзор предположений об улучшении Одесского порта» (1864. 21 января); Ответ г. Августиновичу (По поводу статьи об улучшении Одесского порта / 1864. 23 февраля); «По поводу двух вопросов, предложенных г. Сурмиевичем о шоссировании улиц» (1865. 4 ноября).

Наиболее существенные публикаций Михаила Лукича в «Одесском вестнике»: «Несколько технических указаний по вопросу об улучшении очистки городских нечистот» (1864. 2 мая); «Проект преобразования способа содержания мостовых, шоссе и вообще улучшения городского очищения» (1865. 10 января); «Способы уничтожения сырости в зданиях» (1865. 5 февраля); «О мостовых» (1865. 30 июля); «Проект преобразования способа ремонта Одесского городского шоссе» (1865. 20 ноября); «Критический обзор общественной технической деятельности в Одессе» (1867. 22, 25, 27 апреля; 2 мая); «Об устройстве водосточных канав и мостовых в Одессе» (1868. 1 сентября); «Проект водоснабжения Одессы» (1869. 22, 23, 25 марта); «Один из важнейших городских вопросов по санитарной части» (1871. 28 августа); «Проект одесских коллекторов» (1871. 29, 30 сентября; 5, 6, 7 октября) и др.

Иногда на страницах «Одесского вестника» разворачивались целые баталии по острым и насущным вопросам. Так в 1862 году в «Одесском вестник» была опубликована статья «Одесско-Днестровский водопровод»²⁹, автор которой подписавшийся как одесский житель А. В-въ, на которую Михаил Лукич в последующих номерах опубликовал «Ответ одесскому жителю А. В-ву на статью его „Одесско-Днестровский водопровод»³⁰, на который одесский житель А. В-въ в свою очередь опубликовал «Ответ г. архитектору Озмидову»³¹, на который Михаил Лукич, в свою очередь, опубликовал «Ответ на ответ одесского жителя г-на А. В-въ»³².

Домовладения

В 1863 году Михаил Лукич приобрёл на публичных торгах земельный участок в 4-й части города (на Слободке Воронцовке) в III-м квартале под № 16-м в размере 142 ½ кв. саженей по 1 руб. 63 коп. серебром за каждую кв. сажень (всего за 232 руб. 27 ½ коп. серебром), который в 1864 году был переуступлен купцу Ивану Ансельму³³, и переуступил купцу Мойсею Лерману и купеческому сыну Леви Фишману пустопорожнее место в Одессе, состоящее за Тираспольскою таможеню в VIII квартале под № 87-м мерою в 250 кв. саженей, также доставшееся ему с публичных торгов³⁴.

В Одессе Михаил Лукич владел двумя домами:

Домом на улице Петропавловской 19, построенным им в 1873–1874 годах. Этот дом в 1875 году был сдан внаём Одесской городской управе для размещения двух стрелковых рот Люблинского пехотного полка сроком на три года (с 1-го октября 1875 по 1-е октября 1878 года за 2300 руб. серебром в год)³⁵.

В связи со сдачей квартир внаём в доме Михаила Лукича на Петропавловской улице в «Новороссийском телеграфе» были размещены следующие объявления:

На Молдаванке на Петропавловской ул., в доме Озмидова отдаются в наем две квартиры по 3 комнаты с кухней. О цене спросить у дворника³⁶.

Отдается с 1 октября в аренду дом на Молдаванке, на Петропавловской улице (мощенной и освещенной) возле Петропавловской церкви. Во всех строениях до 30 комнат в 1, 2, 3 и 4 комнаты. Двор просторный – 40 саж. длины. Конюшни на 40 лошадей, сараи, погреб и мины. Добывание камня – из колодца. Может быть приспособлен для фабрики или завода. Дохода может приносить более

4000 руб. Об условиях узнать у владельца г. Озмидова, живущего в Сабанском переулке в собств. доме³⁷.

Отдается в аренду дом на Петропавловской улице, возле Новоконной площади, с 30 квартирами от 1 до 4 комнат, со службами и конюшнями на 30 лошадей. Об условиях узнать у владельца г. Озмидова, живущего в Сабанском переулке в собственном доме, ежедневно от 12 до 4 часов³⁸.

Отдается в наем подвал с миною для разливки пива или вина, пекарня, кузница, лавка, конюшня на 16 лошадей и квартиры от 1-й до 3-х комнат со службами, на Петропавловской улице, дом Озмидова, № 19. О цене узнать у управляющего домом³⁹.

Подвал для склада товаров, конюшни и квартиры по умеренным ценам. Петропавловская ул., д. № 19, Озмидова. Об условиях спросить у управляющего⁴⁰.

В доме Михаила Лукича на Петропавловской улице размещалось народное училище (1891)⁴¹.

Второй дом, также построенный Михаилом Лукичом в 1875 году, располагался в Сабанском переулке № 2, угол улицы Новой (ныне Марзлиевская)⁴².

Установить точный год постройки этого дома удалось благодаря двум объявлениям, размещённым в «Новороссийском телеграфе» за 1875 год. Первое гласило:

*М.П. Озмидов переехал на квартиру в дом В. Дубецкого на Новой улице, рядом с вновь строящимся собственным домом*⁴³. Второе: *„М.П. Озмидов переехал в собственный дом на углу Новой улицы и Сабанского переулка; принимает лиц, имеющих к нему надобность, утром от 11 до 12 час. и вечером от 6 до 7 час. Кроме того в конторе редакции на Преображенской в доме Папудова ежедневно от 1 до 4 час.*⁴⁴.

Занимаясь строительством дома и благоустройством прилегающей территории, в июне 1876 году вместе с домовладельцами Новой улицы Михаил Лукич обращался в городскую управу с прошением в котором указывалось: «Для урвнения Новой улицы против дома Анатра необходимо прибавить около трех саженой из ширины улицы к местам занимаемым нашими домами». На что от члена управы С. Яхненко был получен ответ: «Ходатайство не может быть удовлетворено, так как по этой улице с окончательным устройством Александровского парка будет довольно сильное движение»⁴⁵.

В 1877 году Михаил Лукич обращался в городскую управу с жалобой по поводу проводимых на Новой улице работ по съёмке земли, предостерегая, «что во время осенних дождей, вся вода идущая со всей покато́й местности Александровского парка устремится в подвалы домов Новой улицы, потому что земля снимается ниже уровня прилегающих мостовой и тротуаров»⁴⁶.

Дом Озмидова в Сабанском переулке был оборудован новейшими техническими средствами своего времени.

В связи со сдачей квартир внаём в этом доме в газете «Новороссийский телеграфъ» давались многочисленные объявления, некоторые из них:

В новом доме Озмидова на Новой улице, против вновь сооружаемого Александровского парка отдаются в наём квартиры об 1, 2, 3, 4, 5, 6, 8 и 13 комнатах со всеми службами, ценою от 120 до 2000 руб. в год.

*Квартиры снабжены всеми хозяйственными удобствами; имеются особые ватерклозеты, днестровская вода проведена во все этажи; спуск помойных нечистот устроен в городской водосток. В доме имеются две конюшни, сараи для экипажей, погреб, ледник и прачешная. В последнюю проведена днестровская вода и устроен сток нечистой воды прямо в водосток. К квартире о 13 комнатах принадлежат две башни с террасами, откуда вид на море и на весь город. Оклейка комнат обоями может быть произведена по желанию нанимателей*⁴⁷.

*Квартира о 5 комнатах отдается в наем в доме Озмидова на Новой улице, против Александровского парка, со всеми удобствами: ватерклозетом, водою, проведенною во внутрь квартиры, погребом и ледником, с двумя ходами. Квартира отдается за 600 рублей в год. Других условий не принимается*⁴⁸.

*Квартира о 7 комнатах в доме Озмидова, на Новой улице, против Александровского парка с 20 апреля отдается в наем; с двумя ходами (лестницами) освещенными газом, с водою проведенной во внутрь квартиры, с ватерклозетами и всеми службами. Удобноделима на две квартиры в 4 и 3 комнаты. Отдается на год – за 1200 руб. Других условий не принимается*⁴⁹.

Отдается квартира под лавку или пивную, в доме Озмидова, Сабанский переулок. Под лавку бакалейными товарами – 400 руб.

в год. Под пивную 500 руб. В помещении две комнаты и кухня; при квартире имеется погреб⁵⁰.

Отдается квартира о 6-ти и 3-х комнатах с передней, кухней и со всеми удобствами: парадной лестницей, каретным сараем и конюшней, в доме Озмидова, на Новой улице, № 2⁵¹.

Отдаются квартиры о 2-х и 5-ти комнатах, против Александровского парка, в доме Озмидова. Об условиях спросить у дворника Мирона⁵².

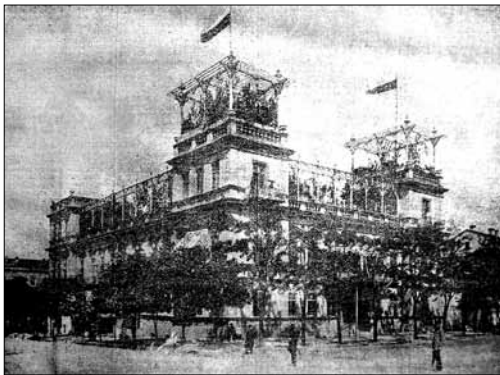
Квартира о 2-х комнатах, с мебелью и без оной, со всеми удобствами, сдается в наем в доме Озмидова, в Сабанском переулке. Спросить у дворника Ильи⁵³.

Квартира в наем – в бель-этаже о трех комнатах, с балконом, со всеми необходимыми службами. Сабанский пер. дом Озмидова. Спросить у дворника⁵⁴.

Отдается в наем Барская квартира о десяти комнатах с балконами, службами, всеми удобствами и каретным сараем. Новая улица (угол Сабанского переулка) дом № 2⁵⁵.

Современник Михаила Лукича Николай Николаевич Лендер⁵⁶, бывавший в этом доме, вспоминал о нём так:

Этот причудливый дом с четырьмя башнями на крыше и с устроенными в них цветниками хорошо помнят одесситы. В нижнем этаже дома помещалась типография Озмидова, в полуподвальном помещении стояли машины, верхний этаж занимали редакция и квартира Озмидова. Последняя своими окнами и чудесным большим

Дом М. Л. Озмидова по Сабанскому переулку 2, угол улицы Новой. «Новороссийский телеграф», 19 января 1891 г. ОННБ

балконом, густо окутанным диким виноградом, выходила к Александровскому парку – к главным аллеям⁵⁷.

Оба дома, принадлежавшие Михаилу Лукичу Озмидову, не сохранились до наших дней, но в газете «Новороссийский телеграф» за 1891 и 1894 годы сохранились фотографии с видом дома, располагавшегося в Сабанском переулке, 2⁵⁸.

Издательская деятельность

В 1874 году Михаил Лукич приобретает обанкротившуюся частную газету «Новороссийский телеграф», основанную Константином Вонифатьевичем Картамышевым в 1869 году, у редактора-издателя Александра Степановича Серебренникова, последний номер которой вышел 30 января 1873 года. Вдохнув в это предприятие новую жизнь и подняв газету на совершенно новый высокий уровень, Михаил Лукич начинает вновь выпуск газеты с января 1875 года. Став издателем (1875–1879), а впоследствии редактором-издателем (1879⁵⁹–1897) газеты «Новороссийский телеграф» Михаил Лукич осуществлял её выпуск на протяжении 21 года, а также выпускал газету „Новороссийский листок объявлений” (1881–1883).

Иллюстрация №3

С выходом первых номеров газета «Новороссийский телеграф» столкнулась с проявлениями недобросовестной конкуренции, которая проявилась в том, что редакция «Одесского вестника» отказалась «разослать при своей газете первые три №№ „Новороссийского телеграфа”, то редакция, распорядившись отпечатать первые три №№ по 10.000 экземпляров, выдает в своей конторе бесплатно эти №№ всем желающим познакомиться с новой газетой. Иногородним первые три №№ нашей газеты будут высылаются немедленно, по востребованию, бесплатно⁶⁰.

В первые же годы „Новороссийский телеграф” становится одной из популярных газет в регионе с резко возрастающим тиражом, так тираж в 1877 году составил: в марте 3.950 тыс. экземпляров ежедневно, в мае 4.900 тыс. экземпляров, с 1-го июня 5.000, с 16-го июня 5.200, с 22-го июня 5.350, в августе того же года 5.700 тыс. экземпляров ежедневно⁶¹.

Первый номер газеты «Новороссийский телеграф», выпущенный М.Л. Озмидовым. 1875 г. ОННБ)

телеграфа», в связи с улучшением приложения, разместила следующее объявление: «Желая улучшить и увеличить отдел карикатур в премиях „Нов. Тел.“, редакция приглашает художников для постоянных занятий по заведыванию отделом карикатур»⁶⁴.

С 1881 года приложение стало выходить дважды в месяц, о чём сообщалось в следующем объявлении:

Бесплатные премии два раза в месяц. Редакция в 1881 г. всем подписчикам «Нов. Тел.» будет выдавать два раза в месяц бесплатные премии, состоящие из статей преимущественно беллетристического содержания с карикатурами. Премии эти будут объемом не менее печатного листа большого формата, сложенного в ¼ долю, и будут вмещать, кроме романов, переводных статей, рассказов и т.п. не менее 4-х карикатур»⁶⁵.

Позднее в приложении на первой странице печатали изображения современных событий и красивые портреты современных государственных и общественных деятелей.

В 1884 году «Новороссийский телеграфъ», для более широкого распространения печатающихся объявлений, лист с объявлениями стал распространять на железнодорожных станциях:

Для сведения подавателей объявлений. Желая еще более увеличить распространенность объявлений, печатающихся в «Нов. Телеграфе», редакция предприняла следующие меры: 4-я страница газеты ежедневно расклеивается на следующих главных станциях юго-западной железной дороги: Одесса, Киев, Кишинев, Елисаветград, Балта, Ольвиополь, Тирасполь, Бендеры, Волочиск, Казатин, Белосток, Граево, Жмеренка, Фастов, Бердичев, Винница, Бирзула, Унгены, Раздельная и др.; всего на 32 станциях, имеющих протяжения до 2, 500 верст и обнимающих район семи южных и юго-западных губ.»⁶⁶.

В 1886 году газета стала распространяться в различных районах города и в местах, удобных для читателей:

Для удобства публики открыта розничная продажа «Новорос. Телеграфа». На Большом Фонтане – в буфете при станции трамвая; на Среднем Фонтане – в буфете минеральных вод; при станции № 6; в буфете минеральных вод напротив лагеря (дача Хартуляри); на Малом Фонтане в буфете при станции трамвая около дачи Дунина, и на Хаджибейском лимане – в буфете при лечебном заведении»⁶⁷.

А с 1-го мая 1887 года газета стала доставляться на дачи подписчиков, о чём сообщалось в объявлении:

Контора «Нов. Телеграфа» доводит до сведения своих подписчиков, что с 1-го мая газета доставляется им на дачи в районе Большого, Малого и Среднего Фонтанов, Бель-Вю и прилегающих к ним местностей, без доплаты к подписной цене ⁶⁸.

Об уровне выпускаемой Михаилом Лукичем Озмидовым газеты «Новороссийский телеграфъ» можно судить из следующего объявления:

Открыта подписка на 1887 год на «Новороссийский телергафъ», газету политическую, экономическую и литературную. (Год восемнадцатый). С 1886 года «Новороссийский телеграфъ», по примеру больших столичных газет, выходит ежедневно, не исключая понедельников и дней после праздничных (350 №№ в год).

Наша двадцати-летняя редакторская деятельность позволяет нам, не прибегая к обычным рекламам и обещаниям, ограничиться указанием на ежегодное улучшение издания по всем отделам. Достаточно указать, что в будущем году состав редакции остается без изменения и что в числе постоянных сотрудников газеты состоят: из столичных литературных деятелей – гг. И.Ф. Василевский (Буква), А.С. Степанов (передовые статьи – бывший сотрудник «Голоса»), П.П. Гнедич, а из местных литературных сил М.В. Неручев, П.П. Сокальский, П.А. Сергеенко (Бедный Иорик), П.И. Компан (Нетто), Аякс (псевдоним), Наблюдатель (псевдоним) и др. Такого состава редакции не имеет ни одна провинциальная газета в России. <...> Подписка принимается в Одессе, в конторе редакции, на Преображенской улице, дом Ралли, против Херсонской улицы, и в отделении газеты при типографии: Новая улица, дом Озмидова.

Кроме того, подписка принимается в Кишиневе, в библиотеках: А.Т. Гришенко (угол Губернской и Госпитальной ул.), А.П. Дромашко (близ женской гимназии, соб. дом), в книжном магазине Вейса (Александровская ул., против городской управы). В Херсоне: в книжном магазине г. Шаха. В Николаеве: в книжном магазине Шаха. В Бендерах: в библиотеке г. Муслина. В Батуме: в типографии П.А. Лобко ⁶⁹.

Газета состояла из основных отделов: политического, литературного, коммерческого, земского, отдела сведений по сельскому хозяйству и технике, отдела за и против (статьи различных авторов, в которых они

выражали своё мнение по различным вопросам, не всегда совпадающее с мнением газеты), смесь (новости разного рода), объявления (частные и казённые).

В январе 1882 года газета была расширена новым отделом «Юридическая хроника», который изначально выходил

в виде отдельного приложения (прибавления) под названием «Юридическая хроника Новороссийского телеграфа», выходившее еженедельно. Заведующим «Юридической хроникой» был председатель Одесского юридического общества, доктор государственного права, профессор Новороссийского университета Ф.И. Леонтович.

Однако отдельно изданное приложение «Юридической хроники» выходило недолго, было выпущено всего 4 номера, и так как хроника представляла интерес для узкого круга читателей, то с февраля 1882 года была включена в общую программу «Новороссийского телеграфа»⁷⁰.

Редакция и типография газеты «Новороссийский телеграф» располагались в собственном доме Михаила Лукича, в Сабанском переулке, № 2, угол улицы Новой (ныне Маразлиевская), а конторы газеты располагались: на Соборной площади в доме Папудова (1879); на углу Почтовой и Екатерининской улиц в доме Залужного (1881); по ул. Преображенской, 22, в доме Ралли (1885); по улице Преображенской, 23, в доме Либмана (1895); по ул. Дерибасовской угол Екатерининской в доме Маврокордата (1897).

Отделения редакции находились: в Петербурге – Михайловская ул., при конторе журнала «Стрекоза»; в Москве – на Арбате, дом Киндякова (рядом с молочной Н. Озмидова); в Киеве – на Крещатике, при конторе Г.К. Чиприани (1880).

По мнению современников, публикации «Новороссийского телеграфа»: «Неизменно отличались своей живостью и содержательностью – горячие,

Первый номер «Юридической хроники Новороссийского телеграфа» 3 (15) января 1882 г. ОННБ

резкие и искренние статьи Михаила Лукича придавали газете ее главную окраску честного охранительного органа печати»⁷¹, что нередко вызывало претензии к Михаилу Лукичу и его авторскому коллективу и приводило к многочисленным судебным разбирательствам, некоторые из них:

В № 3228 «Новороссийского телеграфа» от 13 декабря 1885 года была напечатана заметка «Городские скотобойни» следующего содержания:

Нам сообщают, что в городских скотобойнях и скотском рынке, один из служащих, Валих, возбуждает всеобщее неудовольствие как служащих, так и публики. Надев на шею цепь с гербом г. Одессы (бедная Одесса!), этот Валих воображает себя каким-то исправником старых времен, говорит всем дерзости, кричит на всех, а главное, ходят слухи о вымогательствах. ... Кроме того, нам сообщают, что Валих болен какой-то скверной болезнью, о которой знают все служащие ...».

Находя эту заметку для себя оскорбительной, мещанин Григорий Валих возбудил против редактора «Новороссийского телеграфа» М. Озмидова уголовное преследование. Одесский окружной суд, рассмотрев дело, признал М. Озмидова оправданным по суду. На что Григорий Валих подал апелляцию в Одесскую судебную палату, по приговору которой Михаил Лукич был признан виновным в клевете и приговорён к 10 суткам ареста на гауптвахте. После оставления без последствий поданной жалобы в уголовно-кассационный департамент Правительствующего Сената, Михаил Лукич обратился с прошением в Одесскую судебную палату следующего содержания:

Получив из Петербурга от моего защитника, присяжного поверенного Андреевского, уведомление, что жалоба моя на решение одесской судебной палаты по делу с мещанином Валиком оставлена без последствий, покорнейше прошу палату дозволить мне ныне же выполнить приговор палаты, отсидев на гауптвахте десять дней в течении Страстной недели и праздников св. Пасхи, как время более удобное для редактора газеты, которая, по случаю праздников, не будет выходить три дня⁷².

20 февраля 1886 года в распорядительном департаменте 2-го отделения Одесского окружного суда рассматривалось дело, суть которого заключалась в следующем: вдова генерал-майора фон-Эйхен купила в семенном магазине Скокана, (на Преображенской улице, против собора, дом Си-

нищина), два пуда семян для посева травы (рейграс) по 8 рублей за пуд. Семена эти оказались недоброкачественными: пустыми и тухлыми, так что трава не взошла. Чтобы узнать причины невыхода травы, г-жа Эйхен купила несколько фунтов семян у садовника Дюффена, засеяла ими одну клумбу, и через неделю трава взошла прекрасным густым ковром. Убедившись таким образом в негодности семян, купленных у О. Скокана, г-жа Эйхен отправилась в магазин, заявив о продаже ей недоброкачественных семян и просила или дать ей новых семян, или возратить 16 рублей денег. Приказчики в магазине Скокана очень грубо ответили г-же Эйхен – отказом в её требовании. Г-жа Эйхен дала объявление в № 3033 «Новороссийского телеграфа» от 12 апреля 1885 года⁷³ следующего содержания:

Предостерегаю публику покупать семена в магазине Скокана по Преображенской улице, против собора. Недавно я в этом магазине купила 2 пуда семян для травы (рейграс) по 8 руб. за пуд и получила тухлые, пустые семена. Посеянные травы не взошли. На требование мое возратить деньги Скокан отказал. По поводу возражения Скокана достаточно указать, что он отрицает мое заявление, не бывши у меня на даче и не видевши клумб посеянной травы. Вдова генерал-майора Э.

Учитель немецкого языка в Ришельевской гимназии австрийско-подданный Оскар Эдуардович Скокан, он же торговец семян в магазине в доме Синицины на Преображенской улице (угол Дерibasовской), начал после этого судебное преследование как против редактора «Новороссийского телеграфа» М. Озмидова, так и против подавательницы объявления г-жи Эйхен, считая, что помещённое в газете объявление предупреждает покупателей, что в его магазине «семена тухлы и негодны, есть клевета, подорвавшая его торговые обороты». Рассмотрев дело, суд оправдал М. Озмидова и г-жу Эйхен. О. Скокан подал апелляцию, которая была рассмотрена Одесской судебной палатой, которая также вынесла оправдательный приговор. На что О. Скокан подал кассационную жалобу. Рассмотрев дело 7 мая 1887 года, суд приговорил М. Озмидова и г-жу Эйхен к штрафу в размере 100 рублей каждого. Приговор Михаил Лукич планировал обжаловать⁷⁴.

В изложенной ситуации газета «Новороссийский телеграф» ещё в те годы выступила в качестве органа, осуществляющего защиту прав потребителей, поднимая проблемы, которые и в наши дни остаются актуальными.

В ноябре 1886 года Одесской судебной палатой рассматривалось дело, в связи с публикацией в №№ 3040 и 3054 «Новороссийского телеграфа» от 20 апреля и 8 мая 1885 года двух корреспонденции из города Бендер, в которых А. Шербань обвинил Бендерского городского голову г-на Гнилокишкова в различных преступлениях по должности, как-то: в произвольном увеличении таксы на мясо, в допущении в лавках торговли без надлежащих торговых документов и т.п. Г-н Гнилокишков нашёл, что эти корреспонденции могут навредить его чести, достоинству и доброму имени, как должностного лица, и обратился к прокурору судебной палаты, прося его возбудить уголовное преследование против редактора газеты и автора корреспонденции. Товарищ прокурора Одесской судебной палаты Н.Ф. Джибелли, в виду предоставленных письменных доказательств в справедливости напечатанного в «Новороссийском телеграфе», и справедливости заявления о предании г-на Гнилокишкова суду, отказался от обвинения. Суд, на котором М. Озмидов и А. Шербань осуществляли свою защиту самостоятельно, вынес оправдательный приговор⁷⁵.

3 ноября 1890 года в уголовном департаменте судебной палаты слушалось дело по обвинению редактора-издателя «Новороссийского телеграфа» М. Озмидова и корреспондента Н. Попова. Обстоятельства дела заключались в следующем: в № 4491 „Новороссийского телеграфа” от 28 июля 1889 года помещена была корреспонденция из Кишинёва, в которой, между прочим, было сказано, что:

Пребывание всех частей 14 дивизии в городе, надо полагать, подняло «дух» в стоящих постоянно здесь полках, что выразилось в бульварных скандалах офицеров. Вчера, в начале сумерек, некий офицер Минского полка на бульваре аттаковал даму порядочного общества низким предложением; как передают, снаряжено следствие. Заступившейся за свою жену муж получил оскорбление действием со стороны группы офицеров, в изступлении обнаживших шапки и при появлении полиции скрывшихся.

Заступающий место командира полка прислал опровержение, которое было помещено в № 4497 «Новороссийского телеграфа» от 3 августа, а затем командир полка, полковник Н.Ф. Нандельштедт, подал жалобу прокурору Одесской судебной палаты о возбуждении против редактора-издателя «Новороссийского телеграфа» М. Озмидова и автора корреспонденции Н. Попова, обвиняя их в диффамации (т.е. в публикации

М.П. Озмидов. 1880-е гг.
«Новороссийский телеграфъ»,
№ 7032, 26 января (7 февраля) 1897 г.

сведений, порочащих честь и достоинство). Суд, рассмотрев дело, признал М. Озмидова и Н. Попова оправданными по суду⁷⁶.

Принципиальность и непримиримость с необъективностью проявлялась у Михаила Лукича не только в издательской деятельности, но и в повседневной жизни. Так в 1887 году в Одессе произошёл конфликт между Михаилом Лукичем Озмидовым и редактором-издателем «Одесского листка» Василием Васильевичем Навроцким, случай, который взбудоражил весь город и о котором сообщали не только одесские, но и столичные газеты:

Вчера, 28-го июля, у мирового судьи 3 участка г. Фатуровского рассматривалось дело по обвинению полицией по 38 статье устава о наказаниях, гг. редактора-издателя «Новороссийского телеграфа» М.Л. Озмидова и редактора-издателя «Одесского листка» В.В. Навроцкого за нарушение общественной тишины и спокойствия в публичном месте, именно, в саду Благородного собрания, в день бенефиса Невского, в 12 часов ночи, когда кафе-шантанное отделение сада было буквально переполнено публикою. Слушание этого, в высшей степени скандального, какого в России до сих пор еще не было, дела, началось в 10 ½ часа утра, но уже к 8 часам утра, не смотря на раннюю пору и на то, что дверь камеры была заперта, публика толпилась на тротуаре, нетерпеливо поджидая начала «кафе-шантанной истории двух редакторов». К 10 часам небольшая камера была буквально переполнена. Коридор, канцелярия, место за перегородкой, отделяющей кафедру судьи от публики, были переполнены «отборными» слушателями: адвокатами, референтами всех местных газет, корреспондентами столичных газет и прочими любопытными лицами. Не поместившаяся в камере публика толпилась у входа с улицы и на тротуаре, у окон камеры. В качестве поверенных явились: со стороны г. Навроцкого присяжный поверенный киевского округа г. Куперник, со стороны

г. Озмидова присяжный поверенный г. Анастасьев. Представителем обвинения явился помощник пристава бульварного участка г. Пославский. В качестве свидетелей со стороны обвинения явились: антрепренер городского театра И.И. Черепенников, старшина клуба Благородного собрания г. Рогалев, помощник пристава херсонского полицейского участка г. Кисляковский, околоточный надзиратель того же участка г. Воронин, г. Руссов и г. Подкаминер. Судья предложил свидетелям удалиться в свидетельскую комнату и приступил к чтению полицейского протокола, который, между прочим, гласил следующее. В 12 часов ночи, в то время, когда г. Озмидов стоял у решетки летнего отделения клуба Благородного собрания, смежного с садом кафе-шантанного отделения, и, опершись о перегородку, отделяющую членов от остальной публики, беседовал с г. Черепенниковым, к ним приблизился г. Навроцкий и, поздоровавшись с г. Черепенниковым, на приветливую улыбку г. Озмидова сказал: «ты подлец, мерзавец, лабазник, шантажник, взяточник ...». Не отрицая факта произнесенных по адресу г. Озмидова вышеприведенных бранных слов, г. Навроцкий объяснил, что и Озмидов в свою очередь также бранил его называя мерзавцем, подлецом и проч., причем сказал: «если ты, подлец, не оставишь меня в покое, то я в тебя буду стрелять!» ... На это г. Навроцкий, открыв борт сюртука и подставляя грудь, вскрикнул: «на, стреляй!» и тут же снова набросился на г. Озмидова с усиленною бранью говоря: «Я тебе палкой разобью голову». Затем Навроцкий удалился в кафе-шантан, а Озмидов скрылся в глубь садика, в котором члены играли в карты.

Рассмотрев дело, судья постановил считать гг. Навроцкого и Озмидова по суду оправданными⁷⁷.

После произошедшего Михаил Лукич обратился в суд с обвинением В.В. Навроцкого в клевете:

Вчера, 7 августа, у мирового судьи 3 участка г. Фатуровского, рассматривалось дело по обвинению редактора-издателя газеты «Одесский листок» Василия Васильевича Навроцкого редактором-издателем газеты «Новороссийский телеграф» Михаилом Лукичем Озмидовым, в клевете в публичном месте.

Рассмотрев дело, суд признал В.В. Навроцкого в оклеветании г. Озмидова и приговорил его к аресту при полиции на десять дней⁷⁸.

Несмотря на этот инцидент, в будущем редакторы остались в товарищеских и деловых отношениях и в 1895 году «редакторы двух одесских газет гг. Озмидов и Навроцкий представили благодарственный адрес Государю Императору по случаю назначения 50 000 рублей в помощь ученым и литераторам». На что в ответ была получена следующая телеграмма министра Императорского Двора: «Его Величество Государь Император выразил удовольствие, что мог придти на помощь нуждающимся деятелям прессы»⁷⁹.

Кроме «Новороссийского телеграфа» Михаил Лукич также выпускал газету «Новороссийский листок объявлений» (1881–1883). О выпуске новой газеты «Новороссийский телеграфъ» сообщал: «Новороссийский Листок Объявлений, самая дешевая ежедневная газета, будет выпускаться с 1 ноября 1881 года. ...». Основными отделами газеты были: телеграммы о внутренних событиях; правительственные распоряжения; городская хроника; смесь, состоящая из статей и заметок общепользующего содержания; коммерческая хроника; справочный отдел и объявления. Газета «будет выходить к 5 часам вечера ежедневно, за исключением после-праздничных дней». В розничной продаже стоимость газеты будет составлять по 3 копейки за номер. Первые 5 номеров предполагалось выпустить тиражом в 20 000 экземпляров, а последующие 4 номера тиражом по 10 000 экземпляров. Для казённых, земских, городских, волостных и сельских учреждений редакция допускала подписку в кредит⁸⁰.

Общественная и благотворительная деятельность

Михаил Лукич избирался гласным Одесской городской думы (избирался три раза на четырёхлетия: 1885–1889; 1889–1893; 1893–1897 гг.).

В Одесской городской думе Михаил Лукич входил в состав исполнительской по постройке лиманно-лечебного заведения комиссии (избирался в заседании городской думы 27 января 1886 года)⁸¹, в которой принимал деятельное участие по постройке лечебного заведения на Куяльницком лимане. В 1889 году обращался к комиссии с заявлением о выходе из её состава, однако комиссия постановила: «просить г. Озмидова продолжать участвовать в занятиях комиссии в виду той пользы, которую он может принести своими специальными познаниями делу постройки лечебного заведения на Куяльницком лимане»⁸².

Также был членом комиссий: коллекторной (1886)⁸³, по найму ночных сторожей (1888–1896), комиссии по замощению и канализации города (1887–1889, 1897), которой в 1888 году был представлен доклад Одесской

городской думе „По вопросу о работах по замощению и канализации в будущем 1889 году”⁸⁴.

Избирался в подготовительные комиссии: для разработки условий для отдачи в аренду электрической станции „Эдисонъ и К^о” и для разработки смет и проекта на окончание здания крытых рынков (1894)⁸⁵.

Будучи гласным Одесской городской думы и сталкиваясь с проявлениями беззакония и бесхозяйственности, видя, что:

Общественное дело находилось в хаотичном состоянии, обнаруживались грандиозные злоупотребления, которые прикрывались партийными комбинациями. Озмидов негодовал: „Злоупотреблений хоть отбавляй, – говорил он. – С городских построек сносит новые крыши, полы городских зданий проваливаются, капитальные стены городских учреждений оказываются наполненными мусором, как это вышло с городской психиатрической больницей. Строительные, угольные, больничные, психиатрические безобразия – нет конца! Это позорные страницы прежней думы. Всем известно, кто виновен, но виновные продолжают сидеть на своих местах, как ни в чем не бывало, городские партии им покровительствуют. Чтобы замазать старое, делают новые передержки ... Страшно за Одессу, она запутана по горло. А побывайте у нас в думе, – продолжал Михаил Павлович, – изумительная картина: самые животрепеющие вопросы обходятся молчанием, или гласные говорят друг другу комплименты. Чуть что укажешь – сердятся”⁸⁶.

Назначался присяжным заседателем от города Одессы (1873, 1881, 1883, 1885, 1887, 1895)⁸⁷.

В 1895 году „Судебная газета” сообщала о курьезном случае:

В одесском окружном суде произошел своеобразный инцидент. В числе присяжных находился издатель местной газеты г. Озмидов; при открытии заседания он обратился к председателю суда с вопросом – отчего в течение пяти дней суд ни одного раза не открыл заседания в 10 часов, как это требуется правилами, и присяжные, отбывая вообще чувствительную для них повинность, ежедневно просиживают по полтора или по два часа лишних, в ожидании этого открытия? Председатель ответил, что он сам сознает неудобным такое положение присяжных, но для опаздывания были уважительные причины”⁸⁸.

Избирался гласным Херсонского губернского земского собрания (избирался от города Одессы в 1885 г.)⁸⁹.

Являлся попечителем народного училища (1886–1889)⁹⁰.

Избирался почётным смотрителем одесского городского 6-ти классного училища (1891–1894)⁹¹.

Михаил Лукич стоял у истоков ряда одесских обществ: один из членов-учредителей Одесского благородного собрания (1861)⁹².

Один из членов-учредителей и секретарь одного из первых в России Одесского общества инженеров и архитекторов (1864)⁹³. В связи с образованием общества «Одесский вестник» сообщал:

В небольшом кругу наших молодых архитекторов и инженеров родилась, в последнее время, мысль об образовании в Одессе общества инженеров и архитекторов. Одесса, в строительном отношении, находясь теперь в таком положении, в каком может находиться только большой европейский город, много способствует к осуществлению этой мысли; в самом деле у нас теперь производятся работы по устройству железной дороги, гранитных мостовых, по очистке нашего порта; чрез год приступят к устройству газового освещения, к удлинению карантинного молла; наконец, мы недалеко и от устройства водопровода. Все это естественно делает Одессу городом, где общество техников значительно увеличивается. Потребность собираться, обмениваться мыслями, и вообще способствовать друг другу в возможности рационального изучения того или другого вопроса делается слишком очевидно⁹⁴.

В обществе Михаил Лукич выступал с публичными лекциями, одна из которых: „О рациональном городском очищении” (1865)⁹⁵. Общество позднее было преобразовано в Одесское отделение Императорского Русского технического общества, одним из членов-учредителей которого также являлся Михаил Лукич⁹⁶, и впоследствии был действительным членом Строительного отделения этого общества⁹⁷.

Один из членов-учредителей Общества изящных искусств в Одессе (1864)⁹⁸ и впоследствии действительный член общества⁹⁹.

Член Одесского (Английского) клуба (1886)¹⁰⁰.

Один из членов-учредителей ряда благотворительных обществ: временного приюта для подкидышей и беднейших родильниц в Одессе (1864)¹⁰¹; Одесского общества исправительных приютов (1886)¹⁰² и Одесского общества отбывшим наказаня и безприютным (1887)¹⁰³.

Один из членов-учредителей и секретарь Одесского общества для вспомоществования евреям, принявшим православную веру (1894), первое общее собрание которого, состоялось 27-го сентября 1894 года в покоях Его Высокопреосвященства Архиепископа Иустина¹⁰⁴.

Являлся действительным членом обществ: Императорского общества сельского хозяйства южной России (баллотирован и избран в заседании общества 23 декабря 1863 г.)¹⁰⁵; общества вспомоществования бедным Архангело-Михайловского прихода при женской обители в Одессе (1882)¹⁰⁶.

Председатель правления (1886) и действительный член Федоровского общества взаимного вспоможения служащим в типографиях, литографиях и т.п. заведениях города Одессы¹⁰⁷.

Член-соревнователь Одесского местного управления Российского общества Красного Креста (1890)¹⁰⁸.

Действительный член Одесского общества вспомоществования литераторам и учёным (1890)¹⁰⁹ и Одесского общества для борьбы с пьянством (1896)¹¹⁰.

Михаил Лукич принимал участие в ряде благотворительных мероприятий, проходивших в Одессе:

Выпустил для бесплатной раздачи прихожанам одесских церквей:

Речь Высокопреосвященного Архиепископа Платона по случаю покусения 19 ноября 1879 года; Храмовой праздник Одесской духовной семинарии с речью епископа Израила и ректора семинарии протоиерея М. Чемены; Слово С.-Петербургского протоиерея М. Архангельского о злобе дня; Слово Высокопреосвященного Архиепископа Платона о том, какие меры нужно принять против внутренних врагов отечества нашего, сказанное 25 декабря 1879 года.

Каждый из этих выпусков состоял из 2 тысяч экземпляров¹¹¹.

18 июля 1882 года в Одессе проходило гуляние¹¹² в пользу общества для помощи бедным города Одессы и Касперовского отдела сестёр Красного Креста, для которого Михаил Лукич напечатал предварительные объявления, афиши, программы, билеты и т.п. (на сумму 107 рублей)¹¹³.

Бесплатное объявление в пользу общества для помощи бедным города Одессы и Касперовского отдела сестёр Красного Креста. «Новороссийский телеграф», 18 июля 1882 г. ОННБ

29 декабря 1883 года в Биржевом зале был устроен бал для усиления средств центрального комитета общества для помощи бедным г. Одессы, на котором одним из жертвователей был Михаил Лукич, и для которого им безвозмездно были напечатаны афиши, билеты и преискуранты (всего на сумму 35 рублей)¹¹⁴.

Напечатал бесплатно билеты и афиши для семейного вечера, данного 15 февраля 1884 года в Биржевом зале, в пользу недостаточных студентов Императорского Новороссийского университета¹¹⁵.

19 марта 1884 года состоялся спектакль в зале «Гармония», данный членами общества изящных искусств в пользу детских столовых города Одессы, для которого Михаил Лукич *«принял на себя безвозмездно напечатание в „Новорос. телеграфе“ объявлений о спектакле»*¹¹⁶.

Напечатал бесплатно афиши, программы и билеты для музыкально-литературного вечера, устроенного 30 марта 1884 года в Биржевом зале, в пользу учреждающегося в Одессе исправительного приюта для малолетних преступников¹¹⁷.

Один из жертвователей на пасхальный стол для бедных (1884)¹¹⁸.

Участник благотворительного спектакля в пользу училища г. Левицкого для приготовления к испытанию на звание домашних учительниц (1884)¹¹⁹.

Пожертвовал афиши, пригласительные письма к пожертвованию, конверты, квитанции и билеты (всего на сумму 82 рубля) для детского праздника с елкой и семейного вечера в пользу общества для помощи бедным г. Одессы, состоявшихся 27 декабря 1884 года в Биржевом зале¹²⁰.

Напечатал бесплатно афиши и билеты для спектакля и семейного вечера, данным 28 января 1885 года в Новом театре, в пользу недостаточных студентов Императорского Новороссийского университета¹²¹.

10 февраля 1887 года Михаил Лукич был одним из участников благотворительного танцевального вечера, проходившего в залах Р.О.П. и Т., в пользу убежища «Всех скорбящих радость»¹²².

16 марта 1887 года в Мариинском театре состоялся спектакль, данный в пользу Федоровского общества взаимного вспоможения служащих в типографиях, литографиях и т.п. заведениях г. Одессы, на котором Михаил Лукич был одним из жертвователей¹²³.

23 ноября 1887 года Михаил Лукич принимал участие в благотворительном спектакле, данном в Городском театре в пользу одесского общества европейского народного училища с ремесленным отделением¹²⁴.

Один из жертвователей на сооружение в Одессе дома трудолюбия (октябрь 1895)¹²⁵.

Входил в Покровский приходской комитет для сбора пожертвований на переустройство Одесского Кафедрального собора (1895)¹²⁶.

Был одним из жертвователей на снаряжение русского отряда Красного Креста в Абиссинию (март 1896)¹²⁷.

Один из участников концерта и литературного вечера, данным 13 августа 1896 года в театре «Ланжеронь», в пользу Феодоровского общества взаимного вспоможения служащих в типографиях, литографиях и т.п. заведениях города Одессы, в связи с чем Михаилу Лукичу, наряду с другими участниками, «*благодаря которым получился такой результат*», правлением общества была выражена благодарность¹²⁸.

Один из участников семейного вечера с концертным отделением для усиления средств попечительства о недостаточных студентах Императорского Новороссийского университета, бывшего 7 декабря 1896 года в Биржевом зале¹²⁹.

Прощание

24 января 1897 года из Греции, куда Михаил Лукич отправился на лечение, пришло печальное известие о его смерти. Михаил Лукич умер в городе Афинах, отпевание было совершено архимандритом Сергием при хоре певчих посольской церкви 25 января 1897 года. Затем его тело было перевезено, при участии греческого духовенства, в церковь в Пирее, где оставалось до перенесения на пароход Российского общества пароходства и торговли «Царь», на котором и было перевезено в Одессу¹³⁰.

«Новороссийский телеграфъ», освещая это печальное событие, сообщил:

1 февраля к пароходу, стоящему в Карантинной гавани стали стекаться родные, друзья, знакомые и почитатели покойного и еще до прибытия духовенства палуба парохода и набережная были переполнены народом.

Среди прибывших была депутация от ремесленников, возложившая на гроб Михаила Лукича роскошный венок с лентами. Один из членов депутации г-н Аникеев обратился к вдове Михаила Лукича Зинаиде Константиновне со следующими словами: «Вы потеряли знаменитого мужа, а мы незаменимого защитника наших интересов, человека, который стоял за нас словом и делом, помогал нам в наших нуждах. Примите же этот венок на гроб почившего, как слабую дань благодарных сердец».

<...> Вчера состоялось погребение редактора-издателя «Новороссийского телеграфа» М.П. Озмидова. К 10 часам утра к пароходу Р.О.П. и Т. «Царь», стоящему в Карантинной гавани, стали стекаться родные, друзья, знакомые и почитатели покойного; и еще до прибытия духовенства палуба парохода и набережная были переполнены народом. Депутация от русских ремесленников возложила на гроб М.П. Озмидова роскошный венок с лентами, при чем один из членов депутации г. Аникеев обратился к З.К. Озмидовой со следующими словами: «Вы потеряли знаменитого мужа, а мы незаменимого защитника наших интересов, человека, который стоял за нас словом и делом, помогал нам в наших нуждах. Примите же этот венок на гроб почившего, как слабую дань благородных сердец». <...> Вскоре причтом Покровской церкви при пении хора архиерейских певчих отслужена была краткая лития по почившем Михаиле Петровиче, а затем русские ремесленники на руках перенесли гроб с останками М.П. Озмидова на катафалк, который был увешан многочисленными венками – от родных, друзей, знакомых, редакций газет и обществ, членом которых состоял покойный. С гавани печальная процессия, сопровождаемая толпами народа, направилась по Польскому спуску, Полицейской, Екатерининской и Дерибасовской улицам. По дороге толпа, шедшая за гробом, все увеличивалась, а Строгановский мост был положительно запружен народом. Подле канторы «Новороссийского телеграфа», вход в которую был задрапирован траурными материями, была снова отслужена лития. Затем процессия, свернув на Дерибасовскую улицу, направилась в Кафедральный собор, где была отслужена соборно духовенством Покровской и Успенской церквей и Собора панихида, по окончании которой священник Дориомедов сказал прочувствованное слово¹³¹. Из собора процессия, устроенная г. Грабяжем и отличавшаяся большой пышностью, растянувшись на несколько кварталов, направилась по Преображенской улице к Новому кладбищу. На погребении присутствовали: Одесский градоначальник П.А. Зеленой, городской голова В.Н. Лигин, члены управы, гласные думы, редакция «Одесского листка» в полном составе, директор Р.О.П. и Т. С.И. Полушкин, Г.Г. Маразли, отдельный цензор О.И. Ламкерт, губернский предводитель дворянства Н.Ф. Сухомлинов, врачебный инспектор А.В. Коши, начальник жандармского управления В.М. Пирамидов, инспектор типографий С.И. Плаксин,

некоторые профессора Новороссийского университета, старшина купеческого сословия Д.И. Котляревский, – мещанского сословия Г.В. Добровольский, – ремесленного общества С.Ф. Сутягин, друзья, знакомые и множество народа, который сопровождал траурный кортеж до кладбища ...¹³².

Петербургская газета „Новое время” по поводу похорон М.П. Озмидова писала:

... Одесса не помнит таких похорон. Гроб перевезен из порта в Одесский Кафедральный собор, который был переполнен. Толпы стояли на улице; гроб утонул в венках; кроме венков от города, от журналистов, от ремесленников, от приказчиков-христиан, от единомышленников покойного и друзей, были венки из других городов. Градоначальник, бывшие и нынешние общественные деятели явились почтить покойного. Русское общество Одессы показало, что оно умеет чтить своих лучших деятелей. Сильное впечатление произвела проповедь, в которой покойный Озмидов назван истинным поборником правды и чести, достойным деятелем Одессы. По всему длинному пути похоронной процессии стояли шпалерами толпы народа ..., Одесса проводила Озмидова самым трогательным образом¹³³.

Надгробие М. Л. Озмидова на 2-м Христианском кладбище в Одессе. 2017 г.

Михаил Лукич Озмидов, кавалер ордена Святого Станислава 3-й степени, был похоронен 1 февраля 1897 года Новом (2-м) христианском кладбище. Захоронение расположено с левой стороны от центральной аллеи (участок № 14). При входе в старинную ограду на калитке сверху сохранились три буквы „М”, „И” и „Д”, некогда составлявших единую надпись – „ОЗМИДОВЪ”. На надгробной плите из чёрного мрамора надпись: „Михаилъ Павловичъ Озмидовъ 1837–1897”¹³⁴, над которой высечен крест. Надгробию решением Одесского обласполкома был присвоен статус памятника искусства¹³⁵.

Семья

Михаил Лукич был женат дважды. Первым браком, на **Елене Митрофановне Синицыной**, дочери одесского 3-й гильдии купца Митрофана Родионовича Синицына (род. 1804) и Александры Степановны (урожденной Кочатовой (род. 1824).

Венчание состоялось 4 ноября 1862 года в Кафедральном Преображенском соборе города Одессы. Таинство венчания совершил кафедральный протоиерей Иоанн Знаменский с протодиаконем Василием Здетовецким. Поручителями при бракосочетании были: губернский секретарь Михаил Михайлович Андрушевичи, одесский брант-майор Николай Садиков, потомственный почётный гражданин Константин Матвеевич Милованов и коллежский регистратор Лука Гаврилович Павленко¹³⁶.

Елена Митрофановна родилась 16 января 1842 года и была крещена 19 января, того же года, в Кафедральном Преображенском соборе города Одессы. Таинство крещения совершил священник Фока Михайлов с причетником Петром Максимовым. Восприемниками при крещении были: одесский мещанин Василий Тихонов и одесского 3-й гильдии купца Иосифа Леонтьевича Балюхова дочь девица Мария¹³⁷.

Умерла Елена Митрофановна 22 сентября 1863 года от родов и была похоронена на Старом городском кладбище¹³⁸.

В браке Михаила Лукича и Елены Митрофановны 16 сентября 1863 года родилась дочь **Вера**, которая была крещена 18 сентября, того же года, в Кафедральном Преображенском соборе города Одессы. Таинство крещения совершил священник Алексей Тихомиров с причетником Евлампием Сикорским. Восприемниками при крещении были: почётный гражданин Константин Матвеевич Милованов и 2-й гильдии купца Похова жена Надежда Матвеевна¹³⁹.

Овдовев в первом браке, Михаил Лукич женился во второй раз на **Зинаиде Константиновне Неволиной** (1851–1899), дочери известного профессора юриспруденции, ректора Императорского Киевского университета Святого Владимира, а позднее проректора и декана юридического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета Константина Алексеевича Неволина (1806–1855).

Венчание состоялось 12 января 1872 года в Рождество-Богородичной, что на Новой Слободке, церкви города Одессы. Таинство бракосочетания совершил священник Афанасий Лохвицкий с дьячком Андреем Вильков-

ским и пономарём Василием Якубовским. Поручителями (свидетелями) при бракосочетании были: дворянин Николай Антонович Родеус, почётный гражданин Григорий Иванович Амвросио, коллежский асессор Пётр Петрович Сокольский и надворный советник Николай Садыков¹⁴⁰.

Зинаида Константиновна родилась 26 февраля 1851 года в Санкт-Петербурге.

Крещена 25 марта 1851 года в церкви Владимирской иконы Божией Матери, что в Придворных слободах Санкт-Петербурга. Таинство крещения совершил священник Иоанн Гратинский с дьячком Стефаном Сахаровым. Восприемники при крещении: статский советник Николай Иванович Надеждин и вдова генерал-майорша София Ивановна Нилус [урождённая Курис / бабушка]¹⁴¹.

Образование получила в Императорском воспитательном обществе благородных девиц (Смольном институте благородных девиц / выпуск 1868 г.)¹⁴².

Имя Зинаиды Константиновны Озмидовой было широко известно в нашем городе в своё время: известная благотворительница, автор романов, повестей, рассказов и сказок, а также второй редактор газеты «Новороссийский телеграф».

Зинаида Константиновна была членом ряда благотворительных обществ: член общества вспомоществования бедным Архангело-Михайловского прихода при женской обители в Одессе (1882)¹⁴³, для

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ					О РОДИВШИХСЯ.		
Счетъ родовища.	Мѣсяцъ и день.		Имя родовища.	Знаки, вѣкъ, отчество и фамиля родителей и каково въроисшество.	Знаки, вѣкъ, отчество и фамиля восприимчивыхъ.	Кто совершилъ Таинство Крещенія?	Городъ
Мѣсяцъ и день.	Родилась.	Крещена.					
98	Февраль 26	Мартъ 25	Зинаида Константиновна	Сретенской Профессоръ въ Императорскомъ Смирновскомъ Университетѣ, Смирновскій Николай Ивановичъ Коноваловъ сынъ Николаевичъ въ рождѣніи сына изъ Аристы Федоровича, сынъ Профессора Императорскаго, сынъ Губернскаго въ вѣкъ вѣковъ - Владиміръ и в рождѣніи Владиміръ при Крещеніи сынъ Федора	Степанъ Владиміръ Николаевичъ Коноваловъ и Федора Захаровна Владиміра Стефанъ Владиміръ Коноваловъ	Св. священникъ Франкъ при приобщеніи съ Дьячкомъ Стефаномъ Нилусъ Сестрица св. Николая	Одесса
86	Мартъ 25	Апрѣль 1	Алексей Владиміровичъ	Дьячекъ Пресвѣщеннаго Пастора, сынъ Архимандрита въ Св. Синодѣ Владиміръ Владиміровичъ Коноваловъ	Алексей Владиміровичъ Коноваловъ	Св. священникъ Владиміръ Коноваловъ	Одесса

Фрагмент метрической записи о рождении З. К. Неволиной из метрической книги церкви Владимирской иконы Божией Матери, что в Придворных слободах в Санкт-Петербурге за 1851 год. ЦГИА СПб.

которого была одной из жертвовательниц на разговены детей к празднику Святой Пасхи 1-й детской столовой, устроенной обществом (1884)¹⁴⁴; член дамского комитета общества изящных искусств в Одессе (1884)¹⁴⁵; член-жертвователь Одесского общества для призрения младенцев и родильниц (1884)¹⁴⁶; действительный член Одесского общества вспомоществования литераторам и учёным (1889)¹⁴⁷; действительный член Крымского горного клуба (с 18 ноября 1890)¹⁴⁸ и одна из дам-членов Одесского женского благотворительного общества (1894)¹⁴⁹.

В 1894 году предоставила из своего собрания живописи на V-ю выставку Товарищества южно-русских художников работу одесского художника Т.Я. Дворникова «Тихий уголок»¹⁵⁰.

Зинаида Константиновна принимала участие в благотворительных мероприятиях: одна из дам-распорядительниц детского вечера с ёлкой в пользу бедных г. Одессы, бывшего 27 декабря 1880 года¹⁵¹; одна из распорядительниц бала, устроенного в пользу учреждённого при Красном Кресте комитета помощи в общественных бедствиях, бывшем 7 февраля 1881 года в залах Биржи¹⁵²; одна из дам-распорядительниц детского вечера с ёлкой, данного 3 января 1882 года в Биржевом зале в пользу бедных города Одессы¹⁵³; одна из участниц гуляния в пользу общества для помощи бедным города Одессы и Касперовского отдела сестёр Красного Креста, состоявшегося 18 июля 1882 года на даче г. Дунина¹⁵⁴; бала, устроенного в Биржевом зале 29 декабря 1883 года, на усиление средств центрального комитета общества для помощи бедным г. Одессы на котором ею, совместно с другими участницами бала был устроен буфет¹⁵⁵; спектакля, данного 2 февраля 1884 года в зале «Гармония» студентами-любителями драматического искусства в пользу недостаточных студентов Новороссийского университета – на котором была одной из дам-распорядительниц¹⁵⁶; одна из дам-распорядительниц семейного вечера, данного 15 февраля 1884 года в Биржевом зале в пользу недостаточных студентов Императорского Новороссийского университета¹⁵⁷; в феврале этого же, 1884 года, одна из участниц „лоттерей-аллегри“, сбор с которой предназначался на увеличение капитала для строящегося здания школы общества изящных искусств в Одессе¹⁵⁸; одна из участниц благотворительного детского праздника с ёлкой и семейного вечера в пользу общества для помощи бедным г. Одессы, состоявшихся 27 декабря 1884 года в Биржевом зале¹⁵⁹; одна из дам-распорядительниц спектакля с семейным вечером, данным 28 января 1885 года в Новом театре в пользу

недостаточных студентов Императорского Новороссийского университета¹⁶⁰; участница драматическо-литературного музыкального вечера, устроенного 6 марта 1885 года в Новом театре в пользу Мариинского и Александровского одесских детских приютов ведомства Императрицы Марии¹⁶¹; спектакля и семейного вечера, данного в Новом театре 21 ноября 1886 года в пользу детских дневных приютов, на котором Зинаида Константиновна была одной из дам-распорядительниц¹⁶².

Зинаида Константиновна Озмидова была писательницей, и её произведения печатались в «Новороссийском телеграфе» под псевдонимом *Zéo*¹⁶³.

Её перу принадлежат отдельно изданные произведения: «Свыше сил». Роман (Одесса, 1885); «Первая жена». Роман (Одесса, 1889); Рассказы: «В расцвете жизни», «Из жизни благотворительной дамы», «Ветка черемухи», «В Адольфовой аллее», «Семейный рай», «Momento doloroso», «Говор волн», «Сувенир», «Непредвиденный случай», «Тетя Рая», «Случайный брак», «Отрывки из дневника институтки» (Одесса, 1889); «Для досуга». Рассказы: «Талисман», «Празднование юбилея в Смольном монастыре в 1823 году», «Ландыши», «Из будуарных сцен», «Тайны сердца», «Рождественская сказка» (Одесса, 1890); «Три соперницы». Роман (Одесса, 1890); «Из жизни»: «По монастырям», «Букет, бутон и роза», «В конце Нового года», «Яд и противоядие», «Лучше смерть», «Ссора бабушки с дедушкой», «Маленькое недоразумение» (Одесса, 1891); Сказки: «Фиалка», «Царевна-золотая-рыбка», «Ссора на птичьем дворе», «Колюшка-забияка», «Вместо ёлки», «Бабушкин картофель» (Одесса, 1891); Новые рассказы: «Нина», «Сюрприз», «Мимолетное счастье», «Диссонанс», «Бал в пользу голодающих» (Одесса, 1893); «Свыше сил». Драма в 5-ти действиях (Посвящается артистке Эвелине Федоровне Днепровой / Одесса, 1895); «Три брака». Сценки в 3-х действиях (Одесса, 1895).

Титульный лист книги
З.К. Озмидовой (Зео) «Три
брака». Одесса, 1895 г. ОННБ

Отдельно изданные произведения Зинаиды Константиновны издавались в типографии газеты «Новороссийский телеграф».

Её перу также принадлежат произведения, изданные в газете «Новороссийский телеграф»: «Семейные реформы». Сценки (1895).

29 марта); «Маленькие новеллы». Из Петrarки (1895. 1 мая); «Женщина с венком. Из мира загадочных явлений» (1895. 10, 21, 31 июля, 2, 9 августа); «В тот же час. наброски карандашом» (1895. 20 августа); «Устроились». Сценки (1895. 4 сентября); «Тётка». Очерк (1895. 12, 25 сентября); «Тайна графини». Повесть (1895. 9, 13, 20, 24, 26, 30 ноября; 4, 6, 12, 15, 21, 30 декабря; 1896. 12, 18, 24 января; 1, 9, 26 февраля; 8, 14, 22 марта; 6 апреля); «Спасенный». Рассказ (1895. Второй лист к № 6662); «Флирт». Новелла (1896. 26 ноября); «Ведьма». Очерк (1896. 6 декабря); «Пострижение». Новелла (1896. 13 декабря); «Кира». Повесть (1896. 18, 19, 22, 28 декабря; 1897. 6, 13, января; 13 февраля; 5, 9, 14, 18 марта; 3 апреля); «Зуб» (1896. 30 декабря); Памяти М.П. Озмидова (1897. 5 февраля); «Размолвка». Очерк (1897. 7 февраля); «Как они ставили самовар». Сценка (1897. 27 апреля); Маленькие новеллы: «Очень просто»; «Старуха»; «Сирень»; «Русский язык»; «Rendez-vous» (1897. 9, 21 мая); «Пророческие сны. Из мира неразгаданных явлений» (1897. 12 мая).

Некоторые её рассказы были переведены на французский язык и печатались в Париже в «Soirées Littéraires» (Литературных вечерах)¹⁶⁴.

3 апреля 1895 года Зинаида Константиновна отмечала 10-летие литературной деятельности, на праздновании которого ей от редакции «Новороссийского телеграфа» преподнесли в подарок «роскошный альбом в красном, тисненном золотом переплете, с 60 офортами Шишкина»¹⁶⁵.

После смерти Михаила Лукича Озмидова Зинаида Константиновна продолжала выпускать газету «Новороссийский телеграф», являясь её редактором (1897).

В 1897 году Зинаида Константиновна с детьми переехала в Санкт-Петербург, где умерла 19 октября 1899 года и была похоронена на Никольском кладбище Александро-Невской лавры¹⁶⁶.

В браке Михаила Лукича и Зинаиды Константиновны родились сын Константин и дочь Елена.

Константин родился 2 февраля 1873 года в Одессе и был крещён 8 марта того же года в Рождество-Богородичной, что на Новой Слободке, церкви города Одессы. Таинство крещения совершил священник Афанасий Лохвицкий с пономарём Василием Якубовским. Восприемниками при крещении были: коллежский асессор Григорий Дмитриевич Ханджери и вдова, жена ротмистра, Вера Богдановна Бутенко [урождённая Нилус / двоюродная бабушка]¹⁶⁷.

Выпускник Ришельевской гимназии. Студент юридического факультета Императорского Новороссийского университета (июль 1894)¹⁶⁸.

После смерти отца, вместе с матерью Зинаидой Константиновной, продолжал выпускать газету «Новороссийский телеграф», являясь её издателем (1897).

Елена родилась 27 июня 1879 года в Одессе и была крещена 8 ноября того же года в Михайло-Архангельской, что при женской обители, церкви города Одессы. Таинство крещения совершил священник Феодор Туровский с дьячком Кириллом Карлашевым. Восприемники при крещении были: дворянин Херсонской губернии Иван Филиппович Бутенко [двоюродный дядя] и жена потомственного почётного гражданина города Киева Николы Терещенко Пелагия Георгиевна заочно, а за неё баронесса Мария Фёдоровна Унгерн-Штернберг¹⁶⁹.

Елена была сестрой милосердия Петербургского попечительного комитета о сестрах милосердия Красного Креста (1904–1906)¹⁷⁰.

После смерти Михаила Лукича Озмидова Зинаида Константиновна с сыном Константином продолжали издавать его основное детище – газету «Новороссийский телеграф», однако после их отъезда в Санкт-Петербург в 1897 году газета была продана одесскому педагогу Г.А. Липинскому¹⁷¹. Последний номер «Новороссийского телеграфа», вышедший под редакцией Зинаиды Константиновны и Константина Михайловича Озмидовых, был выпущен 7 сентября 1897 года, в котором сообщалось, что *«завтра выйдет первый № „Новороссийского телеграфа” под новым редакторством»*¹⁷². Под новым редакторством «Новороссийский телеграф» просуществовал относительно недолго и в 1900 году прекратил своё существование.

В завершение хотелось бы привести слова Михаила Лукича Озмидова: *«Бороться с общественным злом наша обязанность. Во все времена люди, искренно любившие то общество, к которому они принадлежали, указывали его недостатки»*¹⁷³.

Автор выражает искреннюю признательность Виктору Ефимовичу Парфентьеву (г. Кишинёв) и Вадиму Николаевичу Швыданенко (г. Александрия) за оказанную помощь при работе над статьёй.

¹ После выхода в отставку с 1878 года, в различных документах и публикациях **Михаила Лукича Озмидова**, стали указывать как Михаила **Павловича** Озмидова, вероятно, это было связано с его издательской деятельностью, так как до отставки

- с государственной службы т.е. до 1878 года, во всех официальных документах он фигурирует как Михаил **Лукич** Озмидов.
- ² Метрическая книга Харлампиевской церкви города Кишинева на 1837 год // НАРМ. – Ф. 211. – Оп. 3. – Д. 17. – Л. 64. – [Запись сделана на молдавском языке]; Свидетельство /копия/ о рождении М.Л. Озмидова в деле о дворянстве рода Озмидовых // РГИА. – Ф. 1343. – Оп. 26. – Д. 3305. – Л. 6.
 - ³ *Лука Михайлович Озмидов* – родился 3 ноября 1815 года и был крещён в Соборной Вознесенской церкви г. Кишинёва, приемником был Фёдор Абаджер; умер 2 сентября 1851 года и был похоронен на городском кладбище г. Оргеева // РГИА. – Ф. 1343. – Оп. 26. – Д. 3304. – Л. 31; НАРМ. – Ф. 211. – Оп. 5. – Д. 136. – Л. 83 об.-84.
 - ⁴ Формулярный список о службе чиновников, служащих в Бессарабском областном гражданском суде, достаиваемых за выслугу узаконенных лет к награждению следующими чинами [кол. рег. Л.М. Озмидова]. Учinen: сентября 18 дня 1837 года // НАРМ. – Ф. 6. – Оп. 2. – Д. 1176. – Л. 241 об.-242.
 - ⁵ *Анна Антоновна Озмидова* умерла 23 июля 1848 года в возрасте 46 лет от холеры в г. Оргеева, погребена на городском кладбище г. Оргеева. – Метрическая книга Соборной Димитриевской церкви г. Оргеева на 1848 год // НАРМ. – Ф. 211. – Оп. 5. – Д. 124. – Л. 34 об.-35.
 - ⁶ *Михаил Семёнович Озмидов* (1782-1826) из дворян; по окончании в Киевском главном народном училище курса наук вступил в службу в Киевскую городскую полицию к городовому архитектору учеником (1799); киевский городской архитекторский помощник (1802); от должности уволен (1811); определён в штат правительствующего в диванах княжеств Молдавии и Валахии в Яссах городовым архитектором (1811); по снятии плана городу Яссам определён членом в строительную о мостовых в городе Яссах контору (1811); Бессарабский губернский архитектор и землемер (1812); „в должностях сих продолжая службу и за понесенные труды по чумной части устройением в области карантин, сочинении проектов и смет на построение неприменных карантин и таможен с их заставами и снятием ситуационных планов в пунктах на сей предмет было предложенных” удостоен Высочайшего благоволения (1816); по образовании Бессарабской области определён областным землемером и членом в межевую контору (1818); исправлял должность кишинёвского городского архитектора (1818); уволен „по слабости здоровья” от должности в чине надворного советника (1825); умер 27 декабря 1826 г. // РГИА. – Ф. 1343. – Оп. 26. – Д. 3304. – Л. 9-13; 29-30.
 - ⁷ Список о службе умершего надворного советника Озмидова. [Составлен] июля 2 дня 1827 года в деле по отношению г-на управляющего министерством внутренних дел Ангеля о назначении пособий надвор. совет. Озмидовой // НАРМ. – Ф. 22. – Оп. 1. – Д. 186. – Л. 14.
 - ⁸ Список семейству умершего надворного советника Озмидова. [Составлен] июля 2 дня 1827 года в деле по отношению г-на управляющего министерством внутренних дел Ангеля о назначении пособий надвор. совет. Озмидовой // НАРМ. – Ф. 22. – Оп. 1. – Д. 186. – Л. 17.
 - ⁹ Прошение М.Л. Озмидова о признании в потомственном дворянском достоинстве в деле о дворянстве рода Озмидовых // РГИА. – Ф. 1343. – Оп. 26. – Д. 3305. – Л. 1.
 - ¹⁰ *Мария Михайловна Соколова*, жена штаб-капитана (род. ок. 1817 г. / урождённая Озмидова), сестра Луки Михайловича Озмидова, после смерти которого, была назначена опекуницей над его детьми и имением, в том числе и племянника **Михаила**

- // НАРМ. – Ф. 37. – Оп. 4. – Д. 222. – (Дело об имении умершего титулярного советника Луки Озмидова).
- ¹¹ Воспоминания и мысли К.П. Яновского // Русский вестник. – 1902. – Т. 281. – Сентябрь. – С. 185, 191.
- ¹² Дело Кишинёвской первой гимназии с протоколами Совета гимназии за 1853 год // НАРМ. – Ф. 1862. – Оп. 25. – Д. 75. – Л. 22 об.
- ¹³ На основании Высочайше утверждённых правил, объявленных в приказе по ведомству Путей сообщения 27 июня 1859 года о возведении в звании инженер-архитекторов тех из воспитанников Строительного училища, выпущенных на службу архитекторскими помощниками и гражданских техников, которые окажут отличные способности в строительном искусстве, примененном к путям сообщения, городским и общественным сооружениям / Подробнее см.: Журнал главного управления путей сообщения и публичных зданий. – 1859. – Книжка четвертая. – Т. XXX. – (Часть официальная). – С. V-VIII; Дело канцелярии Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора об архитекторе М.Л. Озмидове // ГАОО. – Ф. 1. – Оп. 140 (1867). – Д. 169. – Л. 1-4.
- ¹⁴ Формулярный список /копия/ о службе прикомандированного к дирекции по сооружению правительственных железных дорог на Юге России, коллежского ассессора Озмидова (1870) в деле канцелярии Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора об архитекторе Озмидове // ГАОО. – Ф. 1. – Оп. 140 (1867). – Д. 169. – Л. 29-33; Аттестат М.Л. Озмидова от 23 июня 1878 г. в деле о дворянстве рода Озмидовых // РГИА. – Ф. 1343. – Оп. 26. – Д. 3305. – Л. 5 об.-6.
- ¹⁵ Дело Одесской городской распорядительной думы о назначении инженер-архитектора Озмидова в комитет о мостовых для занятий // ГАОО. – Ф. 4. – Оп. 45. – Д. 394; Дело хозяйственно-строительного отделения Одесской распорядительной думы о расторжении контракта, заключенного с инженер-архитектором Озмидовым на службу при отделении, и увольнении его от должности городского техника // ГАОО. – Ф. 4. – Оп. 47. – Д. 381.
- ¹⁶ Одесса 1794–1894 / Изд. Городского Общественного Управления к столетию города. – Одесса, 1895. – С. 301.
- ¹⁷ Дело Одесской городской распорядительной думы о назначении инженер-архитектора Озмидова в комитет о мостовых для занятий // ГАОО. – Ф. 4. – Оп. 45. – Д. 394.
- ¹⁸ Дело Одесской городской распорядительной думы о деньгах, израсходованных гг. членом Ханджери и техником Озмидовым на исправление канавы у Нарышкинского спуска // ГАОО. – Ф. 4. – Оп. 46. – Д. 515.
- ¹⁹ Дело Одесской распорядительной думы по отношению городского техника Озмидова о наблюдении при постройках частными лицами, дабы они не захватывали городские земли // ГАОО. – Ф. 4. – Оп. 47. – Д. 180.
- ²⁰ Дело хозяйственно-строительного отделения Одесской распорядительной думы о расторжении контракта, заключенного с инженер-архитектором Озмидовым на службу при отделении, и увольнении его от должности городского техника // ГАОО. – Ф. 4. – Оп. 47. – Д. 381. – Л. 13-14.
- ²¹ Строитель. – 1897. – №1-2. – С. 54-55. [Некролог]; † М.П. Озмидов // Новороссийский телеграф. – 1897. – 26 января (7 февраля). – № 7032.
- ²² Одесский вестник. – 1871. – 20 августа. – № 182.
- ²³ Одесский вестник. – 1872. – 4 марта. – № 50.

- ²⁴ Дело Одесской городской управы о выемке и свозке излишней земли с обочин и тротуаров улиц, замощенных гранитом чрез подрядчика купца инженер-архитектора Озмидова // ГАОО. – Ф. 4. – Оп. 48. – Д. 465. – (1872 / утрачено).
- ²⁵ Дело Одесской городской думы об отсрочке одесскому купцу архитектору Озмидову очистки места на театральной площади от сложенного на нем камня и других материалов // ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 49. – Д. 519.
- ²⁶ Ныне Думская площадь, мощение которое в недалёком прошлом было варварски уничтожено.
- ²⁷ Дело Одесской городской думы об отсрочке одесскому купцу архитектору Озмидову очистки места на театральной площади от сложенного на нем камня и других материалов // ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 49. – Д. 519. – Л. 28.
- ²⁸ Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, учёных и общественных деятелей. – М., 1956. – Т. 3. – С. 167; Т. 4. – С. 347.
- ²⁹ Одесский житель А. В-в. Одесско-Днестровский водопровод // Одесский вестник. – 1862. – 13 сентября. – № 99.
- ³⁰ Архитектор Озмидов. Ответ одесскому жителю А. В-ву на статью его „Одесско-Днестровский водопровод”, помещенную в № 99 Од. В. // Одесский вестник. – 1862. – Особое приложение к № 105.
- ³¹ Одесский житель А. В-в. Ответ г. архитектору Озмидову // Одесский вестник. – 1862. – Особое приложение к № 110.
- ³² Архитектор Озмидов. Ответ на ответ одесского жителя г-на А. В-в. Помещенный в особом прибавлении к № 110-му Од. Вестн. // Одесский вестник. – 1862. – (Между № 115 от 25 октября и № 116 от 27 октября).
- ³³ Дело Одесской городской думы по прошению одесского мещанина Петра Похаренка, унтер-офицера Владимира Иванова и одесской мещанки Степаниды Себилевой об отводе им с публичных торгов пустопорозжих мест, состоящих в 4 части на Слободке Романовке в ХСIV кв. под № 4 и 11 и на Слободке Воронцовке в 3 кв. под № 16; об утверждении места за Скопиковым, а также о месте архитектора Озмидова, переуступленном купцу Ансельму // ГАОО. – Ф. 4. – Оп. 39. – Д. 149. – Л. 10, 18-19, 26-28, 29, 30-31 об.
- ³⁴ Дело Одесской городской распорядительной думы о месте, переуступленном архитектором Озмидовым купцу Мойсею Лерману и купеческому сыну Леви Фишману // ГАОО. – Ф. 4. – Оп. 41. – Д. 273.
- ³⁵ Дело распорядительного отделения Одесской городской управы о найме дома Озмидова для двух рот Люблинского пехотного полка // ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 54. – Д. 262.
- ³⁶ Новороссийский телеграф. – 1877. – 14 (26) апреля. – № 650.
- ³⁷ Новороссийский телеграф. – 1878. – 30 августа (11 сентября). – № 1054.
- ³⁸ Новороссийский телеграф. – 1879. – 19 (31) июля. – № 1309.
- ³⁹ Новороссийский телеграф. – 1881. – 14 (26) января. – № 1794.
- ⁴⁰ Новороссийский телеграф. – 1881. – 3 (15) ноября. – № 2034.
- ⁴¹ Ведомости Одесского городского общественного управления. – 1891. – 18 декабря. – № 92.
- ⁴² Позднее, в начале XX столетия на месте дома М.Л. Озмидова был построен дом по проекту архитектора А.О. Бернардацци, снесённый в 1980-х годах. В 1997 году на этом месте был построен современный жилой дом.
- ⁴³ Новороссийский телеграф. – 1875. – 28 мая. – № 115.

- ⁴⁴ Новороссийский телеграф. – 1875. – 2 декабря. – № 263.
- ⁴⁵ Дело Одесской городской управы по заявлению домовладельцев Новой улицы: Вассал, Хоржевского, Озмидова, Дубецкого, Тройницкого, Крылова и Гальяно о прибавке земли к их дворам // ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 52. – Д. 645.
- ⁴⁶ Дело строительного отделения Одесской городской управы по жалобе домовладельца Озмидова о неправильной съемке земли с полотна Новой улицы // ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 53. – Д. 276.
- ⁴⁷ Новороссийский телеграф. – 1876. – 21 мая. – № 394.
- ⁴⁸ Новороссийский телеграф. – 1879. – 4 (16) марта. – № 1199.
- ⁴⁹ Новороссийский телеграф. – 1879. – 1 (13) апреля. – № 1223.
- ⁵⁰ Новороссийский телеграф. – 1879. – 24 мая (4 июня). – № 1262.
- ⁵¹ Новороссийский телеграф. – 1881. – 12 (24) сентября. – № 1992.
- ⁵² Новороссийский телеграф. – 1884. – 30 мая (11 июня). – № 2783.
- ⁵³ Новороссийский телеграф. – 1885. – 3 (15) ноября. – № 3196.
- ⁵⁴ Новороссийский телеграф. – 1886. – 5 (17) мая. – № 3360.
- ⁵⁵ Новороссийский телеграф. – 1897. – 15 (27) июля. – № 7190.
- ⁵⁶ Николай Николаевич Лендер (Путник), настоящая фамилия Рейхельт, журналист, сотрудник газеты «Новое время».
- ⁵⁷ Н.Н. Лендер (Путник). Михаил Павлович Озмидов. (К десятилетию смерти – 1897–1907 гг.) // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. – 1907. – Декабрь. – С. 939–940.
- ⁵⁸ См.: Новороссийский телеграф за 1891 год от 19 (31) января, юбилейный № 5000 и за 1894 год от 1 (13) января, № 5994.
- ⁵⁹ Михаил Лукич Озмидов стал редактором-издателем газеты «Новороссийский телеграф» с 24 октября 1879 года. До этого времени редактором газеты был Василий Андреевич Золотов, статский советник, попечитель по педагогической части Михайло-Семёновского сиротского дома.
- ⁶⁰ Новороссийский телеграф. – 1875. – 3 января. – № 2.
- ⁶¹ Новороссийский телеграф. – 1877. – 25 марта (6 апреля). – № 638; 29 мая (10 июня). – № 688; 1 (13) июня. – № 690; 16 (28) июня. – № 703; 22 июня (4 июля). – № 708; 6 (18) августа. – № 744.
- ⁶² Новороссийский телеграф. – 1879. – 29 марта (10 апреля). – № 1220.
- ⁶³ Новороссийский телеграф. – 1880. – 1 (13) января. – № 1442.
- ⁶⁴ Новороссийский телеграф. – 1880. – 20 сентября (2 октября). – № 1687.
- ⁶⁵ Новороссийский телеграф. – 1880. – 10 (22) ноября. – № 1737.
- ⁶⁶ Новороссийский телеграф. – 1884. – 6 (18) января. – № 2670.
- ⁶⁷ Новороссийский телеграф. – 1886. – 20 июня (2 июля). – № 3404.
- ⁶⁸ Новороссийский телеграф. – 1887. – 16 (28) мая. – № 3721.
- ⁶⁹ Новороссийский телеграф. – 1886. – 16 (28) ноября. – № 3549.
- ⁷⁰ Новороссийский телеграф. – 1882. – 28 января (9 февраля). – № 2103.
- ⁷¹ †М.П. Озмидов // Исторический вестник. – 1897. – Смесь. – С. 1156–1157.
- ⁷² Дело уголовного кассационного департамента Сената об отмене приговора по делу редактора-издателя газеты «Новороссийский телеграф» М. Озмидова, осужденного за напечатание статьи «Городские скотобойни» // РГИА. – Ф. 1363. – Оп. 7. – Д. 1861; Судебная газета. – 1887. – 29 марта. – № 13; 5 апреля. – № 14.
- ⁷³ Вдова генерал-майора фон Эйхен разместила указанное объявление в №№ 3033, 3034, 3035, 3036, 3040, 3042, 3044, 3046 и 3049 «Новороссийского телеграфа» за 1885 год.

- ⁷⁴ Дело по обвинению Оскаром Скоканом редактора «Новороссийского телеграфа» М. Озмидова и вдовы генерал-майора фон-Эйхен // Новороссийский телеграф. – 1887. – 8 (20) мая. – № 3714; 10 (22) мая. – № 3716; 23 мая (4 июня). – № 3728; Судебная газета. – 1887. – 17 мая. – № 20.
- ⁷⁵ Дело по обвинению бывшим Бендерским городским головою Гнилокишковым редактора «Новороссийского телеграфа» М. Озмидова и корреспондента А. Шербаня по 1039 ст. улож. о нак. // Новороссийский телеграф. – 1886. – 12 (24) ноября. – № 3545.
- ⁷⁶ Новороссийский телеграф. – 1890. – 4 (16) ноября. – № 4930.
- ⁷⁷ Одесский вестник. – 1887. – 29 июля (10 августа). – № 203; Судебная газета. – 1887. – 9 августа. – № 32.
- ⁷⁸ Дело по обвинению редактором «Новороссийского телеграфа» г. Озмидовым редактора «Одесского листка» В.В. Навроцкого в клевете // Новороссийский телеграф. – 1887. – 8 (20) августа. – № 3803; 14 (26) августа. – № 3809; 29 августа (10 сентября). – № 3823; Одесский вестник. – 1887. – 8 (20) августа. – № 212; 14 (26) августа. – № 218; 29 августа (10 сентября). – № 232; Извлечение из мотивированного приговора мирового судьи 3-го участка, по обвинению г. Озмидовым – г. Навроцкого в клевете // Новороссийский телеграф. – 1887. – 12 (24) сентября. – № 3836.
- ⁷⁹ Неделя. – 1895. – 29 января. – № 5.
- ⁸⁰ Новороссийский телеграф. – 1881. – 15 (27) октября. – № 2018; 23 октября (4 ноября). – № 2025.
- ⁸¹ В заседании Одесской городской думы 27 января 1886 года обсуждался вопрос об устройстве лиманно-лечебного заведения на Куяльницком лимане, которая постановила создать для этой цели исполнительную комиссию из гласных городской думы: К.К. Де-Азарта, Н.А. Лишина, О.О. Мочутковского, барона Ф.А. Масса, М.Л. Озмидова и Л.М. Шорштейна.
- ⁸² Ведомости Одесского городского общественного управления. – 1889. – 17 июня. – № 44.
- ⁸³ Ведомости Одесского городского общественного управления. – 1886. – 15 марта. – № 21.
- ⁸⁴ Ведомости Одесского городского общественного управления. – 1888. – 17 декабря. – Прибавление к № 93.
- ⁸⁵ Журнал Одесской городской думы. Очередное собрание 21, 22 и 23 марта 1894 года. Заседание 23 марта // Ведомости Одесского городского общественного управления. – 1894. – 25 августа. – № 32.
- ⁸⁶ Н.Н. Лендер (Путник). Михаил Павлович Озмидов. (К десятилетию смерти – 1897–1907 гг.) // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. – 1907. – Декабрь. – С. 946–947.
- ⁸⁷ Список очередным присяжным заседателям по г. Одессе и Одесскому уезду составленный комиссией, образованной соединенным Собранием Одесской Городской Общей Думы и Одесского уездного Земского Собрания на 1873 год // ОННБ. – Одесский вестник. – 1872. – [В конце подшивки]; Список очередным и запасным присяжным заседателям по г. Одессе и Одесскому уезду на 1881 год // Ведомости Одесского городского общественного управления. – 1881. – 1 февраля. – Прибавление к № 9; Список очередным и запасным присяжным заседателям по г. Одессе и Одесскому уезду на 1883 год // Ведомости Одесского городского общественного управления. – 1883. – 16 марта. – Прибавление к № 20; Список очередным и запасным присяжным заседателям по г. Одессе и Одесскому уезду на 1885 год // Ведомости Одесского городского общественного управления. – 1884. – 24 декабря. – Прибавление к № 98; Список очередным и запасным присяжным заседателям по г. Одессе

- и Одесскому уезду на 1887 год // Ведомости Одесского городского общественного управления. – 1886. – 13 декабря. – Прибавление к № 90.
- ⁸⁸ Судебная газета. – 1895. – 1 апреля. – № 14.
- ⁸⁹ Исторический очерк деятельности Херсонского губернского земства за 1865-1899 гг. / Изд. Херсонской губернской земской управы. – Херсон, 1904. – Вып. I. – С. 311.
- ⁹⁰ Список лицам, изъявившим желание принять на себя звание попечителей одесских народных и городского девичьего училищ // Ведомости Одесского городского общественного управления. – 1886. – 11 июня. – № 42.
- ⁹¹ Адрес-календарь Одесского градоначальства на 1892 год. – Одесса, 1891. – С. 187; Адрес-календарь Одесского градоначальства на 1893 год. – Одесса, 1892. – С. 191; Адрес-календарь Одесского градоначальства на 1894 год. – Одесса, 1894. – С. 205.
- ⁹² Шуманский Е.А. Одесское благородное собрание. Исторический очерк. – Одесса, 1914. – С. 61.
- ⁹³ Барановский Г.В. Юбилейный сборник сведений о деятельности бывших воспитанников Института Гражданских Инженеров (Строительного Училища) 1842-1892 / Изд. Института Гражданских Инженеров. – СПб., 1893. – С. 254.
- ⁹⁴ Одесский вестник. – 1864. – 9 апреля. – № 78.
- ⁹⁵ Одесский вестник. – 1865. – 5 мая. – № 95; 7 мая. – № 97.
- ⁹⁶ Очерк деятельности Одесского отделения Императорского русского технического общества за 25 лет // Новороссийский телеграф. – 1896. – 31 декабря (12 января). – № 7008.
- ⁹⁷ Общий список членов отделения к 1 марта 1888 года // Записки Одесского отделения Императорского Русского технического общества. – 1888. – Январь-март. – С. 23.
- ⁹⁸ Учреждение Общества Изящных искусств в Одессе и его Устав. – Одесса, 1865. – С. 8.
- ⁹⁹ Историческая записка Одесского общества изящных искусств с 28-го февраля 1865 по 28-е февраля 1875 года; Список членов Общества изящных искусств в Одессе за первое десятилетие его существования, с обозначением количества внесенных ими денег // Отчёт Одесского общества изящных искусств за первое десятилетие (1865-1875). – Одесса, 1875. – С. 5, 12.
- ¹⁰⁰ Новороссийский телеграф. – 1886. – 1 (13) января. – № 3241. – (В Одесском (Английском) клубе пожертвовали вместо праздничных визитов).
- ¹⁰¹ Список лиц, принявших на себя звание членов-основателей временного приюта для подкидышей и беднейших родильниц // Одесский вестник. – 1864. – 14 июля. – № 153.
- ¹⁰² Устав Одесского общества исправительных приютов и список учредителей. – Одесса, 1886. – С. 15.
- ¹⁰³ Отчёт комитета Одесского общества покровительства отбывшим наказания и безприютным. С октября 1887 по февраль 1888 г. – Одесса, 1888. – С. 30.
- ¹⁰⁴ Херсонские епархиальные ведомости. (Прибавления). – 1894. – 15 октября. – № 20. – С. 490-491.
- ¹⁰⁵ Извлечение из протоколов собраний общества сельского хозяйства южной России за 1863 год. Заседание 23 декабря // Записки Императорского общества сельского хозяйства южной России. – 1863. – С. 572.
- ¹⁰⁶ Список членов общества для помощи бедным г. Одессы по Архангело-Михайловскому комитету // Отчёт о деятельности комитета общества вспомо-

- ществования бедным Архангело-Михайловского прихода при женской обители в Одессе с 1-го сентября 1882 по 1-е сентября 1883 года. – Одесса, 1883. – С. 36.
- ¹⁰⁷Новороссийский телеграф. – 1886. – 13 (25) апреля. – № 3340. – (От председателя правления Федоровского общества); Отчёт правления Федоровского общества взаимного вспоможения служащим в типографиях, литографиях и т.п. заведениях г. Одессы за 1895 год. – Одесса, 1895. – С. 23.
- ¹⁰⁸Список членов Российского общества Красного Креста по Одесскому местному управлению // Отчёт о деятельности Одесского местного управления Российского общества Красного Креста за 1890 год. – Одесса, 1891. – С. 35.
- ¹⁰⁹Отчёт о деятельности Одесского общества вспомоществования литераторам и учёным за 1889 год. – Одесса, 1890. – С. 7.
- ¹¹⁰Список членов Одесского общества для борьбы с пьянством к 1-му апреля 1896 г. // Отчёт о действиях совета Одесского общества для борьбы с пьянством за 1895 год. – Одесса, 1896. – С. 6.
- ¹¹¹Об издаваемых в Одессе «Воскресных и Праздничных Листках» религиозно-нравственного содержания и проповедей «Одесской Церковной кафедры» // Херсонские епархиальные ведомости. (Прибавления). – 1880. – 1 апреля. – № 9. – С. 243.
- ¹¹²Гуляниями в Одессе называли благотворительные мероприятия на которых производился сбор средств для помощи нуждающимся.
- ¹¹³Отчёт бывшего 18-го июля 1882 года в пользу общества для помощи бедным города Одессы и Касперовского отдела сестёр Красного Креста гулянья // ОННБ. – Новороссийский телеграф. – 1882. – Между № 2262. – 15 (27) августа и № 2263. – 17 (29) августа.
- ¹¹⁴Рооп М. Отчёт о бале, устроенном в Биржевом зале 29 декабря 1883 года, на усиление средств центрального комитета общества для помощи бедным г. Одессы // Новороссийский телеграф. – 1884. – 11 (23) января. – № 2673.
- ¹¹⁵Новороссийский телеграф. – 1884. – 14 (26) февраля. – № 2701; Отчёт по семейному вечеру 15 февраля 1884 г. в пользу недостаточных студентов Новороссийского университета // Новороссийский телеграф. – 1884. – 11 (23) марта. – № 2722.
- ¹¹⁶Рооп М. Из отчёта по спектаклю 19 марта 1884 года в зале «Гармония», данному членами общества изящных искусств в пользу детских столовых гор. Одессы // Новороссийский телеграф. – 1884. – 3 (15) апреля. – № 2741.
- ¹¹⁷Рооп М. Отчёт музыкально-литературного вечера, устроенного 30 марта в Биржевом зале, в пользу учреждающегося в Одессе исправительного приюта для малолетних преступников // Новороссийский телеграф. – 1884. – 14 (26) апреля. – № 2748.
- ¹¹⁸Новороссийский телеграф. – 1884. – 4 (16) апреля. – № 2742.
- ¹¹⁹Отчёт о благотворительном спектакле в пользу училища г. Левицкого для приготовления к испытанию на звание домашних учительниц // Новороссийский телеграф. – 1884. – 19 апреля (1 мая). – № 2752.
- ¹²⁰[Отчёт по устройству 27 декабря 1884 года в Биржевом зале детского праздника с ёлкой и семейного вечера в пользу Общества для помощи бедным г. Одессы, состоящего под Высочайшим покровительством Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны] // ОННБ. – Одесский листок. – 1885. – Между № 28. – 2 (14) февраля и № 29. – 5 (17) февраля.
- ¹²¹Отчёт по спектаклю и семейному вечеру 28 января [1885 г.], данным в пользу недостаточных студентов Императорского Новороссийского университета // Новороссийский телеграф. – 1885. – 12 (24) февраля. – № 2987.

- ¹²²Зеленая Наталья. Отчёт. Результат танцевального вечера, данного 10 февраля 1887 г. в залах р. о. п. и т., в пользу убежища «Всех скорбящих радость» // Новороссийский телеграф. – 1887. – 19 февраля (3 марта). – № 3639.
- ¹²³Отчёт по спектаклю, данному в пользу Федоровского общества взаимного вспомоществования служащих в типографиях, литографиях и т.п. заведениях г. Одессы, 16 марта 1887 г., в Мариинском театре // Новороссийский телеграф. – 1887. – 11 (23) апреля. – № 3687.
- ¹²⁴Отчёт по спектаклю, данному 23 ноября 1887 года в Городском театре в пользу одесского общества европейского народного училища с ремесленным отделением // Новороссийский телеграф. – 1887. – 18 (30) декабря. – № 3930.
- ¹²⁵Новороссийский телеграф. – 1895. – 24 октября (5 ноября). – № 6603.
- ¹²⁶Новороссийский телеграф. – 1895. – 16 (28) декабря. – № 6653.
- ¹²⁷Новороссийский телеграф. – 1896. – 4 (16) марта. – № 6726.
- ¹²⁸Отчёт по концерту и литературному вечеру, данным 13 августа [1896 г.] в театре «Ланжеронъ», в пользу Феодоровского общества взаимного вспоможения служащих в типографиях, литографиях и т. п. заведениях гор. Одессы // Новороссийский телеграф. – 1896. – 20 сентября (2 октября). – № 6912.
- ¹²⁹Отчёт по устройству семейного вечера с концертным отделением для усиления средств попечительства о недостаточных студентах Императорского Новороссийского университета, 7 декабря 1896 года в Биржевом зале // Новороссийский телеграф. – 1896. – 25 декабря (6 января). – № 7004.
- ¹³⁰Метрическая книга [Св. Живоначальной Троицы] Православной Русской церкви при Императорском Российском посольстве в Афинах на 1897 г. // ЦГИА СПб. – Ф. 19. – Оп. 126. – Д. 1554. – Л. 60 об.-61; Озмидова З.К. Памяти М.П. Озмидова // Новороссийский телеграф. – 1897. – 5 (17) февраля. – № 7041.
- ¹³¹Речь, произнесённую священником И. Дориомедовым см.: Прибавления к Херсонским епархиальным ведомостям. – 1897. – 15 февраля. – С. 121-124.
- ¹³²Новороссийский телеграф. – 1897. – 2 (14) февраля. – № 7039. – (Погребение редактора-издателя «Новороссийского телеграфа» М.П. Озмидова / Ежедневная хроника).
- ¹³³Новое время. – 1897. – 2 (14) февраля. – № 7520. – (Корреспонденция «Нового времени»).
- ¹³⁴Даты на надгробиях могут расходиться с официальными датами рождения и смерти, так в данном случае год рождения Михаила Лукича 1836 указан как 1837, т.е. неверно.
- ¹³⁵Арутюнова И.В., Головань В.И., Панасенко Н.А., Перлов Т.И., Шувалов Р.А. Список памятников истории и искусства (могил) на 2-ом городском кладбище, включённых в реестр памятников решениями Одесского облисполкома за №№ 381 от 27.07.71 г., 652 от 25.12.84 г., 23 от 08.91 г. – Одесса, 2008. – С. 22.
- ¹³⁶Метрическая книга Кафедрального Преображенского собора г. Одессы на 1862 год // ГАОО. – Ф. 37. – Оп. 4. – Д. 175. – Л. 125 об.-126.
- ¹³⁷Метрическая книга Кафедрального Преображенского собора г. Одессы на 1842 год // ГАОО. – Ф. 37. – Оп. 4. – Д. 99. – Л. 29 об.-30.
- ¹³⁸Метрическая книга Кафедрального Преображенского собора г. Одессы на 1863 год // ГАОО. – Ф. 37. – Оп. 3а. – Д. 26. – Л. 136 об.-137.
- ¹³⁹Метрическая книга Кафедрального Преображенского собора г. Одессы на 1863 год // ГАОО. – Ф. 37. – Оп. 3а. – Д. 26. – Л. 46 об.-47.

- ¹⁴⁰Метрическая книга Рождество-Богородичной (Новослободской) церкви г. Одессы на 1872 год // ГАОО. – Ф. 37. – Оп. 3а. – Д. 109. – Л. 41об.-42.
- ¹⁴¹Метрическая книга церкви Владимирской иконы Божией Матери, что в Придворных слободах Санкт-Петербурга на 1851 год // ЦГИА СПб. – Ф. 19. – Оп. 124. – Д. 732. – Л. 62 об.-63.
- ¹⁴²Черепнин Н.П. Императорское воспитательное общество благородных девиц. Исторический очерк. 1764-1914. – Петроград, 1915. – Том третий. – С. 582.
- ¹⁴³Список членов общества для помощи бедным г. Одессы по Архангело-Михайловскому комитету // Отчёт о деятельности комитета общества вспомоществования бедным Архангело-Михайловского прихода при женской обители в Одессе с 1-го сентября 1882 по 1-е сентября 1883 года. – Одесса, 1883. – С. 36.
- ¹⁴⁴Отчёт о деятельности 1-й детской столовой, устроенной обществом вспомоществования бедным Архангело-Михайловского прихода [за март-апрель 1884 года] // Новороссийский телеграф. – 1884. – 5 (17) мая. – № 2766.
- ¹⁴⁵Новороссийский телеграф. – 1884. – 21 января (2 февраля). – № 2682.
- ¹⁴⁶Отчёт Одесского общества для призрения младенцев и родильниц за 1883-1884 год. – Одесса, 1884. – С. 17.
- ¹⁴⁷Отчёт о деятельности Одесского общества вспомоществования литераторам и учёным за 1889 год. – Одесса, 1890. – С. 7.
- ¹⁴⁸Записки Крымского горного клуба. – 1891. – Вып. 1. – С. 30.
- ¹⁴⁹Отчёт о деятельности Одесского женского благотворительного общества за 1894 год. – Одесса, 1895. – С. 87.
- ¹⁵⁰Иллюстрированный каталог пятой выставки Товарищества южно-русских художников в Одессе. – [Одесса, 1894]. – С. 3.
- ¹⁵¹[Отчёт по детскому вечеру, устроенному 27 декабря 1880 года, в пользу общества для помощи бедным г. Одессы] // Новороссийский телеграф. – 1881. – 12 (24) февраля. – № 1819.
- ¹⁵²Новороссийский телеграф. – 1881. – 29 января (10 февраля). – № 1807; Отчёт по устройству 7 февраля 1881 года бала в пользу учреждённого при Красном Кресте комитета помощи в общественных бедствиях // Новороссийский телеграф. – 1881. – 8 (20) марта. – № 1839.
- ¹⁵³Новороссийский телеграф. – 1882. – 3 (15) января. – № 2083; [Отчёт по детскому вечеру, данному в пользу общества для помощи бедным, 3 января 1882 года] // Новороссийский телеграф. – 1882. – 25 марта (6 апреля). – № 2148.
- ¹⁵⁴Отчёт бывшего 18-го июля 1882 года в пользу общества для помощи бедным города Одессы и Касперовского отдела сестёр Красного Креста гулянья // ОННБ. – Новороссийский телеграф. – 1882. – Между № 2262. – 15 (27) августа и № 2263. – 17 (29) августа.
- ¹⁵⁵Рооп М. Отчёт о бале, устроенном в Биржевом зале 29 декабря 1883 года, на усиление средств центрального комитета общества для помощи бедным г. Одессы // Новороссийский телеграф. – 1884. – 11 (23) января. – № 2673.
- ¹⁵⁶Отчёт сбора по спектаклю, данному 2-го февраля в зале „Гармония” студентами драматического искусства в пользу недостаточных студентов Императорского Новороссийского университета // Новороссийский телеграф. – 1884. – 28 февраля (11 марта). – № 2712.
- ¹⁵⁷Новороссийский телеграф. – 1884. – 14 (26) февраля. – № 2701; Отчёт по семейному вечеру 15 февраля 1884 г. в пользу недостаточных студентов Новороссийского университета // Новороссийский телеграф. – 1884. – 11 (23) марта. – № 2722.

- ¹⁵⁸ Новороссийский телеграф. – 1884. – 21 января (2 февраля). – № 2682.
- ¹⁵⁹ [Отчёт по устройству 27 декабря 1884 года в Биржевом зале детского праздника с ёлкой и семейного вечера в пользу Общества для помощи бедным г. Одессы, состоящего под Высочайшим покровительством Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны] // ОННБ. – Одесский листок. – 1885. – Между № 28. – 2 (14) февраля и № 29. – 5 (17) февраля.
- ¹⁶⁰ Одесский листок. – 1885. – 25 января (6 февраля). – № 21; Отчёт по спектаклю и семейному вечеру 28 января [1885 г.], данным в пользу недостаточных студентов Императорского Новороссийского университета // Новороссийский телеграф. – 1885. – 12 (24) февраля. – № 2987.
- ¹⁶¹ Рооп М. Отчёт драматическо-литературно-музыкального вечера, устроенного 6 марта [1885 г.], в Новом театре, в пользу одесских детских приютов ведомства Императрицы Марии, а именно Государыни Императрицы, Мариинского и Александровского // Новороссийский телеграф. – 1885. – 23 марта (4 апреля). – № 3019.
- ¹⁶² Отчёт по спектаклю и семейному вечеру, данным в Новом театре 21 ноября [1886 г.], в пользу детских дневных приютов // Новороссийский телеграф. – 1887. – 8 (20) января. – № 3597.
- ¹⁶³ Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, учёных и общественных деятелей. – М., 1956. – Т. 1. – С. 393; Т. 4. – С. 347.
- ¹⁶⁴ Маленький литературный юбилей // Новороссийский телеграф. – 1895. – 31 марта (12 апреля). – № 6413.
- ¹⁶⁵ К юбилею Зéo. (З.К. Озмидовой) // Новороссийский телеграф. – 1895. 5 (17) апреля. – № 6416.
- ¹⁶⁶ Новое время. – 1899. – 20 октября (1 ноября). – № 8494; 22 октября (3 ноября). – № 8496. – [Траурные рамки]; Петербургский некрополь. – СПб., 1912. – Т. 3. – С. 300.
- ¹⁶⁷ Свидетельство /копия/ о рождении К.М. Озмидова в деле о дворянстве рода Озмидовых // РГИА. – Ф. 1343. – Оп. 26. – Д. 3305. – Л. 5.
- ¹⁶⁸ Список студентов и посторонних слушателей Императорского Новороссийского университета в весеннем полугодии 1895-96 учебного года по юридическому факультету. – Одесса, 1896. – С. 26-27.
- ¹⁶⁹ Метрическая книга Михайло-Архангельской, что при женской обители церкви г. Одессы на 1879 год // ГАОО. – Ф. 37. – Оп. 12. – Д. 16. – Л. 217 об.-218.
- ¹⁷⁰ Дело Петербургского попечительного комитета о сестрах милосердия Красного Креста о службе сестры милосердия Елены Михайловны Озмидовой // ЦГИА СПб. – Ф. 202. – Оп. 2. – Д. 976.
- ¹⁷¹ Н.Н. Лендер (Путник). Михаил Павлович Озмидов. (К десятилетию смерти – 1897–1907 гг.) // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. – 1907. – Декабрь. – С. 953.
- ¹⁷² Новороссийский телеграф. – 1897. – 7 (19) сентября. – № 7240.
- ¹⁷³ Н.Н. Лендер (Путник). Михаил Павлович Озмидов. (К десятилетию смерти – 1897–1907 гг.) // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. – 1907. – Декабрь. – С. 938.

Н.Н. Панасенко

Одесское окружение К. Чуковского: В.Ф. Лазурский

Строго говоря, Лазурский – больше лондонское окружение Чуковского. К одесскому его можно отнести потому, что оба они были одесситами в командировке. Но после её окончания одессит Чуковский переехал в Петербург, а Лазурский (в 1902 г. приглашенный в ИНУ из Московского университета), наоборот, навсегда остался в Одессе.

Они познакомились в 1903 г. в библиотеке Британского музея¹: Чуковский, корреспондент «Одесских новостей», и Лазурский, приват-доцент Императорского Новороссийского университета, работавший над диссертацией «Сатирико-нравоучительные журналы Стиля и Адиссона».

К. Чуковский. Лондон. 1904 г.

*В.Ф. Лазурский.
Одесса. 1910-е гг.*

Из истории английской журналистики XVII века». (Эту работу переиздали в 2007 г. в серии «Классика журналистики».)

Общительный Корней Иванович завел в Лондоне много знакомств, в том числе с корреспондентом «Вестника Европы» С. Раппопортом, журналистом И. Шкловским (Дионео), бывшим политическим ссыльным, с историком П. Милюковым, будущим лидером кадетской партии... Но с Лазурским они сошлись так близко, что Чуковский рассказал ему о своей незаконнорожденности и назвал фамилию отца – случай небывалый. Чуковский записывает в дневнике: «Лазурский добр и внимателен ко мне, как родной. Без него я пропал бы. Это такой хороший, деликатный человек»². Одно из писем к уехавшему в Кембридж товарищу Корней Иванович начинает обращением: «Мамочка Владимир Федорович»³.

Тот действительно всячески опекал Чуковского: водил к дантисту, ссужал деньгами... Они вместе ходили в цирк, вместе горевали о смерти Чехова⁴...

Финансовое положение Чуковского в Лондоне временами доходило до бедственного. Он с трудом отправил домой беременную жену, но у самого денег на обратную дорогу не было. Лазурский сумел «через богатую англо-русскую семью Смитов устроить ему бесплатное возвращение в Одессу на грузовом судне»⁵. В дневнике Чуковского подробно описан визит к Смитам, но без воспоминаний Лазурского «История моей жизни» было непонятно, кто они, и зачем он к ним ходил.

Та же книга проливает свет на один «художественный прием» Корнея Ивановича.

Чуковский был больше литератор, чем корреспондент, – писал Лазурский. – Искусство интересовало его гораздо больше, чем экономика и политика. Когда началась японско-русская война, он плохо справлялся с ролью лондонского корреспондента большой газеты, и в редакции им были недовольны. Чтобы поднять интерес к своим корреспонденциям, Чуковский придумал свой разговор с японским консулом. <...> Когда я прочел эту корреспонденцию в «Одесских новостях», лживость Корнея Ивановича так меня возмутила, что я набросился на него с упреками. А он, как ни в чем ни бывало, посмотрел на меня и сказал: «Вишь, как рассердился! Даже лысина покраснела»⁶.

Похожая ситуация была со статьей о постановке горьковской пьесы «На дне».

Это объясняет и фразу в заметке Чуковского о Верещагине: «Я знал его лично»⁷. Попытки установить обстоятельства знакомства к желае-

тому не привели. Напротив, все говорило о том, что познакомиться они не могли. Но для читателя заметка о погибшем на днях знаменитом художнике, написанная его знакомым, конечно же, была куда интереснее, чем сообщение постороннего газетчика.

Из дневника Чуковского.

1904 г., 30 авг. <...> Эрманс мне даже не ответил на мое письмо – не по-джентльменски это. Посмотрим, как подействует на него письмо Лазурского. Лазурский своим лапидарным карамзинским стилем известил Эрманса: “Я очень люблю Чуковского, ценю его литературный талант и постараюсь добыть ему такое место, на которое он имеет все права и которого не добивается только по мягкости своего характера.”⁸

Кое-что, во исполнение своего намерения, Лазурский к тому времени уже предпринял.

Чуковский вспоминал, что тогда величайшим поэтом считал В. Брюсова и, узнав от Лазурского, «что Валерий Брюсов <...> недавно начал редактировать журнал под странным названием “Весы”, <...> тотчас же послал в этот журнал небольшую статейку и получил от Брюсова любезный ответ»⁹. Но насчет любезного ответа он из благодарности приврал. В дневнике 27 мая 1904 г. записано: «Сегодня утром Лазурский получил от Валерия Брюсова письмо, где очень холодно извещается, что моя статейка об Уотсе пойдет»¹⁰. И в письме к Брюсову от 30 июля он пишет: «Только что узнал я от В.Ф. Лазурского, что заметка моя о Уотсе принята Вами для “Весов”»¹¹.

Раз о том, что статья пойдет, Брюсов сообщил Лазурскому, значит, именно он, Владимир Федорович, предложил ее для публикации. «Журнал “Весы” был первым журналом, где я, двадцатидвухлетний, стал печататься, – писал Чуковский. – Брюсов выволок меня из газетной трясины, <...> приобщил к большой литературе <...>»¹².

Разумеется, Чуковский и без Лазурского не заваялся бы, но все же хорошо, когда в начале кто-то одобрит и поможет.

* * *

Лазурский вернулся в Одессу в конце августа 1904 г. после годичного отсутствия.

В стране назревала революция. Через несколько месяцев до предела активизировались все, от школьников – до профессоров. Владимир

Федорович с удивлением смотрел на ученых, которые теперь читали только газеты и могли говорить только на политические темы, «кипели в политическом азарте».

В своей книге Лазурский не раз говорил о неумении приспособиться к моменту, об отсутствии интереса к политико-экономическим вопросам. Но в той обстановке нельзя было полностью отгородиться от происходящего, тем более, что университет был «штабом» городской оппозиции.

Я всю жизнь чувствовал отвращение к партийной дисциплине и ко всякого рода длинным собраниям, на которых вырабатываются разного рода уставы, программы и проекты. Но гражданский долг требовал участия в политическом переустройстве, и так как я не мог подогнать своих взглядов ни к одной из существующих и известных мне партий, то я записался около декабря 1905 г. в конституционно-демократическую партию. Впрочем, должен сознаться, что собраний партии я почти не посещал¹³.

Внутри университета преподаватели разделились на два противостоящих лагеря. Проправительственные числили Лазурского активным смутьяном и письменно докладывали об этом по начальству.

«История моей жизни» написана в 30-х годах. Тогда в интересах автора было бы подчеркнуть свою революционность, тем более что она подтверждалась, благодаря этим донесениям, документально. Но он отрицает свое активное участие в «университетской смуте».

На одной сходке младших преподавателей, совершенно для меня неожиданно, меня выбрали председателем сходки <...>. Вероятно, отсюда пошел слух среди правой профессуры, что я председатель Союза младших преподавателей, <...> между тем, как я не был председателем даже нашей историко-филологической секции, а состоял только членом бюро Союза¹⁴.

С подавлением революции отпала необходимость участвовать в политическом движении. Тем более что жизнь продолжалась: в 1908 г. Лазурский женился, в 1909-м родился сын¹⁵, тяжело заболела жена... Потом начались «неприятности, связанные с диссертацией»¹⁶. Плюс, Владимир Федорович участвовал в работе нескольких культурно-просветительных обществ¹⁷.

Но обвинения его в левизне продолжались¹⁸. И если преувеличение его революционности правым университетским начальством можно

объяснить внутренними интригами, то переписка о Библиографическом обществе ясно показывает, что власть просто боялась каждого неподконтрольного слова.

25 октября 1913 г. в ежемесячном рапорте градоначальнику о настроении населения г. Одессы полицмейстер доносил, что в связи с оживлением из-за дела Бейлиса

...обращает на себя внимание деятельность библиографического Общества при Императорском Новороссийском университете. Общество это не оставляет сомнения в нежелательном политическом направлении большинства своих членов и [отличается], благодаря свобод[е] доступа в таковое, пестротой последних. В выборе тем для докладов обращает на себя внимание стремление общества от чисто академического характера деятельности перейти к разбору социальных и волнующих население вопросов, так уже в отчете за 1912 год обращает на себя внимание целый ряд тем, совершенно неподходящих к задачам общества, так, например, доклады: И.А. Линниченко¹⁹ о Василии Осиповиче Ключевском по случаю его смерти <...>, В.Ф. Лазурского – к библиографии Л.Н. Толстого (по личному воспоминанию). Вообще, по моему мнению, общество это является готовым очагом на случай политического движения вообще и учащейся молодежи в частности²⁰.

17 декабря 1913 г. Лазурский писал находящемуся в отъезде председателю Библиографического о-ва И.А. Линниченко:

<...> 9 декабря прислан запрос от градоначальника на имя ректора такого содержания: В заседаниях О.Б. Общества, куда по имеющимся у градоначальника сведениям допускаются иногда в значительном числе посторонние лица, выслушиваются и обсуждаются сообщения такого рода: “Памяти проф. Фойницкого²¹”, “Философия воззрения Дидро”, “Мои встречи с Толстым”, “Попытки создания народного университета в Одессе” и т.д.

Градоначальник спрашивает заключения ректора: “должны ли быть относимы указанные и подобные им сообщения к числу тех, кои могут быть выслушиваемы и обсуждаемы на очередных собраниях общества, или же тех, при чтении коих должны быть соблюдаемы существующие узаконения о публичных чтениях?”

*Ректор препроводил этот запрос градоначальника на Ваше имя.
<...>*

Посоветовавшись с А.М. Де-Рибасом²², мы решили, что лучше всего ему отправиться к Кишенскому²³ для личного объяснения. Вчера Александр Михайлович был принят ректором очень любезно, и они долго беседовали о Б[иблиографическом] общ[естве].

Кишенский выказал опасение, как бы, в виду большого количества у нас членов, не выскочил какой-нибудь оратор, которого нельзя будет вовремя остановить, и который вызовет меры против Общества. Сам Кишенский против Общества ничего не имеет, напротив, от Меликова²⁴ он слышал хорошие отзывы. Де-Рибас спросил его, считает ли он нужным, чтобы мы представили свои объяснения градоначальнику сейчас же, или же это дело не спешное, и можно подождать возвращения председателя. Решили на последнем. Лучше всего будет, если Вы лично съездите к градоначальнику²⁵.

* * *

Лазурский – один из немногих знакомых Чуковского, не имевший ни малейшей склонности к политике. Даже в периоды максимального обострения общественно-экономических отношений в стране, когда, хотя бы временно, интерес всех сосредотачивается на главных проблемах общества, Лазурского больше всего занимает литература. Ну, еще театр и музыка. То есть не то, чтоб он не знал и отказывался знать, что происходит. При том, что душа его просила поэзии, а не фронтовых сводок, за началом русско-японской войны он следил по нескольким английским газетам разных направлений, о чем оставил очень интересные заметки: «По мнению англичан, русские вели политику захвата того, что плохо лежит <...>. Термин “московская политика” употребляли как синоним изворотливости, скрытности и лжи»²⁶.

Лазурский, человек с собственными представлениями о мире и обществе, не способен был ни менять свои интересы и убеждения в соответствии с обстоятельствами, ни маскировать их.

Половину письма от 11 августа 1917 г. объемом в две машинописные страницы, занимает рассказ о создании в Козельце Литературно-Артистического общества и чтении лекций. «Текущему моменту» посвящено два предложения²⁷.

В то время, когда принято было ругать английский империализм, он написал:

Народ, создавший удивительный Британский музей и библиотеку в нем с пятью миллионами книг, доступных общему пользованию, такой народ не может быть назван узкоэгоистическим. Кто пользовался этой библиотекой, кто убедился в превосходной технике ее работы, во внимательном отношении ее администрации к иностранцам, тот в оценке английского народа будет делать обобщения по его лучшим, а не по худшим представителям. Я верю, что в будущем Европа станет Соединенными Европейскими Штатами²⁸.

Казалось бы, для кого мог представлять опасность этот тихий профессор, в числе научных работ которого «Вопрос об упрощении орфографии у англичан, французов и немцев», «Происхождение слова Romantic», «Романтизм Жуковского», «Смоллетт»...²⁹

Не просто интеллигент, а еще и выросший в семье очень небогатого провинциального священника, воспитанный в строгих правилах. Соблюдение норм христианской морали для него было так же естественно, как сгибание коленей при ходьбе.

Однако он оказывался нежелательным элементом не только при царе. Его арестовывали (ненадолго) в 1922 г.³⁰

С 1925 г. Лазурский регулярно попадал в сводки ГПУ.

Характеристика профессуры. 1925 г.

<...> Лазурский Владимир Федорович, профессор ИНО³¹ и ИЗО³². По убеждениям – монархист, контр-революционно настроен (в прошлом). При добровольцах в 1919 г. принимал участие в Отделе пропаганды в печатных изданиях “Русская культура”. Правый украинец (по сведениям). Большой консерватор. Религиозен. Научный багаж имеется, особой ценности как профессор в настоящих условиях и методах преподавания не имеет<...>³³

«Спецсводка ГПУ о полит.-эконом. положении за 1926 г.

<...> 9/X в Доме ученых состоялось чествование 25 л. научной деятельности проф. Лазурского (преп. ОСХИ³⁴, ИНО, Муздрамин³⁵ и пр.). В докладе о личности юбиляра, между прочим, было отмечено, что “он один из немногих, которые не продали шпагу свою”. Были многочисленные приветствия от бывш. студенчества, от

пролет. студенчества и пр. В ответном слове юбиляр, между прочим, просил прощения у своих земляков-украинцев за то, что он “мало зробив для неньки-України” (родной Украины). Юбилей вышел мещански-торжественным³⁶.

Характеристика профессуры од. ВУЗов 19 апр. 1927 г.

<...> Лазурский Владимир Федорович, ИНО, ИЗО; идейный противник Сов. власти и Компартии, активный поборник белогвардейщины. Являлся первым ненавистником новых методов преподавания. <...>³⁷

«Докладная записка о экономич.-м, академ.-м и полит.-м состоянии Од. ин-та нар. обр. в теч. 1928/29 уч.г.

(по данным Од. Округдела ГПУ по I/IV -29 г.)

<...> Старая профессура ИНО, выковавшая своё миросозерцание применительно к требованиям “императорских университетов”, будучи в большинстве своем философскими идеалистами (Лазурский, Готалов, Породко, Тимченко, Приблуда и др.), в лучшем случае, эклектиками (Варнеке, Слабченко, Добролюбский и др.), всем своим существом противясь восторжествовавшему у нас и наступающему по всему идеологическому фронту диалектическому материализму, под давлением необходимости, формально “восприняв” марксизм, перекрасившись в материалистов, одновременно будучи совершенно бесконтрольными в этой области, пичкает студенчество на своих лекциях невероятной мешаниной всех существующих буржуазных теорий, прикрашивая их марксистской и материалистической фразой и этим еще хуже усугубляют опасность идеологического перевоспитания нашей молодежи, которая, благодаря вот этим самым марксистским фразам, принимает все сказанное на веру, без критики. <...>

Как правило, идеологическая консервативность и реакционность старой профессуры ИНО находится в тесной зависимости с их антисоветской и контрреволюционной политфизиономиями.

Широкую известность в этом отношении приобрели профессора Лазурский и Варнеке, которые на своих лекциях по искусству занимаются почти что открыто пропагандой буржуазных взглядов, выдавая студентам чуждую и враждебную нам идеологию. Лазурский, например, дал на одной из своих лекций следующую фило-

софскую установку: “Никогда целно и полно не удастся ни одному человеческому разуму окинуть взором первопричину всех причин (познать бога) и это хорошо, и непревзойденно целесообразно, ибо стимулирует бытие и человеческий прогресс”³⁸.

* * *

Последняя встреча Чуковского с Лазурским описана сыном Владимира Федоровича, Вадимом.

Летом 1946 г. я, только что демобилизованный из армии, приехал в Одессу повидаться с родителями после пятилетней разлуки. Вся семья сидела за обеденным столом, когда на пороге неожиданно появилась высокая фигура Чуковского. Приехав в Одессу по делам, Корней Иванович навел справки о папе и, узнав, что он жив, захотел повидаться с ним³⁹.

Вот только внучка Чуковского, Елена Цезаревна, утверждала, что Корней Иванович после войны в Одессу не ездил. Война – очень серьезный ориентир. Но, возможно, ко времени написания книги, в памяти Вадима Владимировича склеились эпизоды знакомства с Чуковским в 1933 г. в Москве, куда он вернулся после службы в армии, реальная их встреча в доме Лазурских и приезд в Одессу после войны. Во всяком случае, других свидетельств приезда Чуковского в Одессу в 1946 г. не обнаружено.

В отделе рукописей Российской государственной библиотеки хранится записка В.Ф. Лазурского, написанная на листочке, вырванном из блокнота.

К.И. Чуковскому.

Дорогой Корней Иванович!

Узнал на Радио-Станции Ваш адрес и хотел бы очень Вас видеть. Если Вы свободны сегодня вечером, загляните к нам (угол бывш. Княжеской и Ольгиевской ул. совр. назв. ул. Т. Самуэли, д.17 кв.25). Моя жена и сын также присоединяются к моей просьбе. Им хочется познакомиться с Вами.

Ваш В. Лазурский⁴⁰

(Речь о младшем сыне, Александре.)

Ольгиевская улица носила имя Тибора Самуэли с 1925 по 1944 гг.⁴¹ Таким образом, уточнение в записке названия улицы говорит о доверенном приглашении.

Чуковский приезжал в Одессу в 1936 и 1937 годах. Документально установить, когда именно он встретился с Лазурским, пока не удастся, но более вероятен 1937 год.

В 1936 г. дневниковая запись о пребывании в Одессе датирована 7 сентября и начинается словами «вчера приехали»; а после двухстраничного описания: «Сижу на мосту “Аджаристана”. Выходим из Севастополя»⁴². А дальше – Крым. То есть в Одессе Чуковский с женой, похоже, были проездом.

А в 1937 г. он приехал «под опекой ЦК комсомола», пробыл не меньше восьми дней; ему была приготовлена гостиница («Красная») и, видимо, организовано выступление на радио⁴³.

* * *

Во время оккупации Одессы Лазурский читал лекции в открытом румынами университете, за что в 1944 г. был арестован⁴⁴. Его освобождение удалось выхлопотать. Он даже восстановился в университете и поработал в Публичной библиотеке.

Когда 1 мая 1947 г. он умер, в газетах не появилось ни одного некролога.

¹ Чуковский К.И. Письма Валерия Брюсова // Чуковский К.И. Из воспоминаний. – М., 1959. – С. 431.

² Чуковский К.И. Собрание сочинений в 15 т. – Т. 11. – М., 2006. – С. 83.

³ Чуковский К.И. Собрание сочинений в 15 т. – Т. 14. – М., 2008. – С. 59.

⁴ «В июле [1904] <...> года я сидел в круглом зале Британского музея и занимался. Подошел Чуковский, молча бросил газетный лист на мой стол и сел рядом, закрыв лицо руками. Он плакал. Я заглянул в газету и все понял. Это был иллюстрированный номер «Русского слова» с портретом Чехова в траурной рамке.

Чехов умер в Германии. <...> Когда я пришел в пансион к обеду, меня спрашивали, что случилось с мистером Чуковским: слышали, как он метался в своей спальне и рыдал. <...> А вечером мы с Корнеем Ивановичем ушли в Green Park, сели под старыми вязами, подальше от людей, и предались воспоминаниям о России, о Чехове». (Лазурский В.Ф. История моей жизни. – Одесса, 2012. – С. 216)

⁵ Лазурский В.Ф. История моей жизни. – Одесса, 2012. – С. 217.

⁶ Там же. – С. 215.

⁷ Чуковский К.И. Собрание сочинений в 15 т. – Т. 11. – М., 2006. – С. 482.

⁸ Там же. – С. 90.

⁹ Чуковский К.И. Письма Валерия Брюсова // Чуковский К.И. Из воспоминаний. – М., 1959. – С. 431.

- ¹⁰ Чуковский К.И. Собрание сочинений в 15 т. – Т. 11. – М., 2006. – С. 78.
- ¹¹ Чуковский К.И. Собрание сочинений в 15 т. – Т. 14. – М., 2008. – С. 57.
- ¹² Чуковский К.И. Письма Валерия Брюсова // Чуковский К.И. Из воспоминаний. – М., 1959. – С. 431.
- ¹³ Лазурский В.Ф. История моей жизни. – Одесса, 2012. – С. 232.
- ¹⁴ Там же. – С. 231.
- ¹⁵ Одной из крестных Вадима стала М.К. Заньковецкая. (Государственный архив Одесской области (далее ГАОО). – Ф. 37. – Оп. 13. – Д. 778. – Л. 42об.-43.)
- ¹⁶ Лазурский В.Ф. История моей жизни. – Одесса, 2012. – С. 267.
- ¹⁷ Общества тружеников музыкального дела, Литературно-артистического общества, Библиографического общества при ИНУ.
- ¹⁸ «23 окт. 1910 г. Ректор ИНУ – Попечителю Одесского учебного округа <...> Лазурский в 1905–1907 годах был одним из самых деятельных членов так называемого союза младших преподавателей и принимал живейшее участие в противоакадемической и противогосударственной агитации этого союза, а также во всех нападках и злостных инсинуациях последнего против профессоров, отстаивавших тогда устранение из Ун-та политики и добивавшихся мало помалу восстановления в Новороссийском университете академической жизни, почему вступление Лазурского именно в Совет Новороссийского ун-та представляется крайне нежелательным и во всяком случае будет способствовать расстройству только что урегулированной университетской жизни, тем более, что приват-доцент Лазурский до сего времени поддерживает в Одессе тесные сношения с политическими партиями, стремящимися превратить Университет в революционный очаг, как показывает между прочим помещение Лазурским своих печатных трудов исключительно в органах упомянутых партий, какими являются в Одессе /нрзб./ Южное обозрение и Одесские Новости». (ГАОО. – Ф. 45. – Оп. 12. – Д. 1058. – Л. 35.)
- ¹⁹ Линниченко Иван Андреевич (1857–1926) – историк, профессор ИНУ.
- ²⁰ ГАОО. – Ф. 314. – Оп. 1. – Д. 339. – Л. 122, 136.
- ²¹ Видимо, речь о криминологе Иване Яковлевиче Фойницком (1847–1913).
- ²² Дерибас Александр Михайлович (1856–1936) – внучатый племянник Иосифа Дерибаса, журналист, краевед, товарищ председателя Библиографического о-ва.
- ²³ Кишенский Дмитрий Павлович (1858–1933) – патологоанатом, профессор, в 1913–1917 гг. – ректор ИНУ.
- ²⁴ Меликов (Меликашвили) Петр Григорьевич (1850–1927) – химик, приват-доцент ИНУ до 1916 г., член-корреспондент АН СССР (1927).
- ²⁵ ГАОО. – Ф. 153. – Оп. 1. – Д. 339. – Л. 14-15 об.
- ²⁶ Лазурский В.Ф. История моей жизни. – Одесса, 2012. – С. 207.
- ²⁷ ГАОО. – Ф. 153. – оп. 1. – Д. 339. – Л. 8-19 об.
- «Мы с женой образовали в Козельце литературно-артистическое общество имени М.К. Заньковецкой. Случилось это таким образом. Приехав с Московского академического съезда, я узнал, что в Козельце собираются земством учительские курсы по украинизации школы. Председатель местной земской управы Глуздовский обратился с просьбой ко мне и к проф. Айналову прочесть на этом съезде

несколько лекций. Мы читали на русском языке бесплатно, и потому нам было предоставлено выбирать какие угодно темы.

Айналов прочел 3 лекции о Киевской старине, 1 лекцию о старине Черниговской. Я прочел три лекции о Л.Н. Толстом, одну о романе Елизаветы и Алексея Разумовского, одну – на боевую тему: о взаимоотношении обще-литератур русского и украинского языка. Таким образом, у нас установились близкие отношения с учителями, учительницами и вообще с Козелецкой молодежью. Здесь существуют любительские кружки, которые очень недурно ставят малорусские спектакли с хорами, но у них нет организации. Мы с женой собрали 6 членов-учредителей, в числе их Глуздовского, личных друзей Марии Константиновны, сочинили устав литературно-художественного общества ее имени и уже действуем. Особенность устава та, что он допускает спектакли, декламацию, пение, лекции не только на украинском, но и на русском яз. Здесь существует рада, ведущая линию Грушевского и Винниченко, но она успеха не имеет. Читая ежедневно киевские газеты, я убеждаюсь, ч. Киевская рада – это наш большевизм со всеми его приемами захватного права. Сейчас готовлюсь к лекциям по украинскому театру, которые буду читать для членов кружка на русском языке. Вчера прочел публичную лекцию в пользу библиотеки, организуемой Козелецкой еврейской молодежью: “Л.Н. Толстой и его отношение к войне”. Зал был полон, и евреи жали мне руку и очень благодарили.

В Одессе буду 1-го сентября по долгу службы, хотя и сомневаюсь, чтобы можно было начать занятия с этого времени.

Жена и бабушка вам кланяются. Жена, конечно, ставит украинский спектакль и очень не хочет ехать в Одессу».

²⁸ Лазурский В.Ф. История моей жизни. – Одесса, 2012. – С. 206.

²⁹ ГАОО. – Ф. 45. – Оп. 19. – Д. 111. – Л. 45-45 об.

³⁰ Б. Шайкевич. Убежденный толстовец // Вестник региона. – 1998. – 3 окт.

³¹ ИНО – Институт народного образования – Коминтерна (Дворянская), 2.

³² ИЗО – политехникум изобразительных искусств – Троцкого (Преображенская), 14.

³³ ГАОО. – Ф. П-7. – Оп. 1. – Д. 165. – Л. 231.

³⁴ ОСХИ – сельскохозяйственный институт – Свердлова (Канатная), 99.

³⁵ Муздрамин – музыкально-драматический институт – Островидова (Новосельская), 63.

³⁶ ГАОО. – Ф. П-7. – Оп. 1. – Д. 409. – Л. 210.

³⁷ ГАОО. – Ф. П-7. – Оп. 1. – Д. 2033. – Л. 169.

³⁸ Там же. – Л.193.

³⁹ Лазурский В. Путь к книге. – М., 1998. – С. 11.

⁴⁰ РГБ, ОР. – Ф. 620. – К-66. – Ед. хр. 68. – Л. 3-3 об.

⁴¹ Майстровой Я.Я. История Одессы в названиях улиц. – Одесса, 2012. – С. 41.

⁴² Чуковский К.И. Собрание сочинений в 15 т. – Т. 13. – М., 2007. – С. 30, 32.

⁴³ Там же. – С. 36.

⁴⁴ Смирнов В. Арест профессора Владимира Лазурского // Смирнов В. Реквием XX века. – Ч. I. – Одесса, 2001. – С. 189-198.

Дивна птаха з монастирського саду

Людмила Олексіївна Березіна, znana в українській класичній літературі під псевдонімом Дніпрова Чайка, народилася 20 жовтня 1861 року в селі Карлівка Херсонської губернії (тепер село Зелений Яр на Миколаївщині). Батько її був священиком, сільським священиком був і його рідний брат Петро Березин. Походженням брати-священики були з Володимирської губернії. Мати Дніпрової Чайки – Наталя була українка й вела свою родословну від старовинного козацького роду Угріновичів, що ніби походив із Угорщини й за давніх часів оселився на Херсонщині.

Маленькою дівчинкою привезли батьки майбутню письменницю в Одесу до жіночого монастиря і лишили під опікою матушки Філарети. За традицією священицьких родин того часу батьки хотіли, щоб їх дитина віддала своє життя служінню Богові.

Донька Дніпрової Чайки Оксана Іванова згадувала оповідку з дитинства своєї матері, яку та часто їй розповідала:

Одного разу, перебуваючи в монастирі, мала дівчинка разом із своєю подругою залізла в гущавину монастирського саду. Наткнувшись по дорозі на великого будяка, діти уявили собі, що попали до страшного дракона, поставали навколішки й до вечора стояли так перед будяком, аж доки їх не знайшли дорослі. Це свідчить за те, що дитина мала буйну фантазію, підсилена до того ж родинним і монастирським вихованням у дусі релігійної містики¹.

Згодом Людмила Березіна виходить з-під монастирської опіки, відмовляється продовжувати своє навчання в епархіальній школі і вступає десь на 10-11 році сво-

Л. Березіна. Одеса.
1860-ті рр. ОЛМ

го життя до приватної Одеської семикласної школи I розряду О.В. Піллер. Всі роки навчання в Одесі Людмила проживає у черниці Філарети.

Закінчивши гімназію, Людмила Березіна подає заяву до Управління Одеським учбовим округом про своє бажання стати домашньою вчителькою. 11 червня 1879 року таке право їй було надане. У посвідченні, виданому їй Управлінням Одеського учбового округу зазначено, що на іспитах вона виявила:

в русском языке и истории отличные сведения и, сверх сего, в присутствии испытателей, с успехом дала пробные уроки: по русскому языку «о местоимении», а по истории «о русской образованности в XVIII веке». А потому ей, Березиной, дозволено принять на себя звание домашней учительницы, с правом преподавать вышеупомянутые предметы.²

За збігом обставин на той час в Одесі вчителювали видатні представники української культури. Славетний поет і композитор Петро Іванович Ніщинський викладав в одеських гімназіях грецьку мову і писав підручники для викладачів. Опанував грецьку мову Ніщинський в Афінах, де пройшли його юнацькі роки, він отримав в Афінському університеті ступінь бакалавра. На ті часи припадають і роки вчителювання в 2-й чоловічій гімназії в Кишиневі видатного українського письменника Івана Семеновича Нечуя-Левицького. Згодом він написав про цей період свого життя автобіографічну повість «Над Чорним морем», в якій добрим словом згадував часи, коли в Одеському учбовому окрузі панував «ліберальний дух звісного славного Пирогова».

До такої славної когорти одеських освітян приєдналась і Дніпрова Чайка, отримавши на початку 1880-х років місце в приватній гімназії Карпової. В автобіографії письменниця так згадувала той час:

Тут і почалася моя молодість, моя вільна дорога юність! Скільки перечитано, скільки перечуто, передумано! І скільки гарних людей на світі! Ще дужче захотілось писати та писати не по-руськи, як змалку писалося, а тією найлюбішою, наймузикальнішою мовою, до якої перше тягло і острах брав, що не до ладу скажу, спогану мову. Правда казок та пісень я ще з дитинства знала безліч, а співами навіть тітку й сестер утихомирювала. Голос у мене був невеликий, але ніжний, симпатичний, гнучкий, а слух на диво хороший. Казали про мене тоді, що я і як балакаю, то співаю³.

Писати дівчина почала ще під час навчання у гімназії, писала вірші російською мовою. Першим видрукованим твором став вірш «На смерть Тургенева», опублікований 1883 року в газеті «Одесский вестник». Та все частіше поетичними рядками складались українські слова, а щоденнику майбутня письменниця довірила свою мрію: «Виростуть і в Дніпрвої чайки колись крильця – та ще які: паперові!»⁴

Мрія збулася. 1885 року в культурному житті української громади Одеси відбулася значна подія – вийшов перший український альманах «Нива», в якому було вміщено вірші «Пісня» й «Вісточка» і оповідання «Знахарка», підписані псевдонімом Дніпрова Чайка. Так відбулося знайомство українського читача з новою письменницею. Того ж року оповідання «Знахарка» вийшло в Одесі окремим виданням.

Письменниці було чим пишатися: на вихід альманаху «Нива» миттєво відгукнувся Іван Якович Франко детальною рецензією в журналі «Зоря», де похвалив «молоду, початкуючу руку» і порадив «придивлятися пильно живому життю і живим людям...»⁵

Того ж таки 1885 року Людмила Березіна виходить заміж за українського літератора і публіциста Феофана Олександровича Василевського (літ. псевд. Софрон Круть) та виїздить з ним з Одеси до Херсона.

Ім'я Дніпрової Чайки все частіше з'являється на сторінках альманахів та часописів. Вона пише вірші, оповідання, лібрето дитячих опер. Вона збагатила українську поезію прекрасними зразками пейзажної морської лірики. Ритмізація і музичальність прийшли в українську літературу з народної творчості. Одним з проявів цього явища стала ритмізована, чи поетична, проза, яка здобула в літературі назву «поезія в прозі». Це невеликі за розміром прозові і художні твори, що своїм звучанням близькі до поезії, завдяки їх великій емоційності, ліризму і підкресленій мовній

Л. Березіна. Одеса. 1870-ті рр. ОЛМ

ритмічності. Продовживши і поглибивши традиційні форми і мовні засоби творення української поетичної мариністики, Дніпрова Чайка розвинула їх у циклі ритмізованих поезій в прозі «Морські малюнки».

Дніпрова Чайка про поезії в прозі «Морські малюнки» писала в автобіографії: «В окрему книжку їх складено через їх особистий римований склад, більш усього чується там гекзаметр моря»⁶.

У творах Дніпрової Чайки людина і природа настільки тісно пов'язані, психологічні переживання людини так переплітаються з її враженнями від спостереження картин природи, що кожна річ, кожне явище легко набирає глибини і перетворюється у яскраву метафору, символ чи алегорію. Авторка, не вагаючись перетворює людину на скелю, птаха, що носить над морськими хвилями, тополю, що розмовляє над криницею.

Дніпрова Чайка напрочуд вміло працювала з дітьми, вважаючи ранній вік найбільш вдалим для творчого розвою дитини. Створивши в Херсоні такий дитячий гурток вона поставила разом з юними виконавцями дитячі опери «Проводи Сніговика-Снігуровича», «Пан Коцький», «Коза-дереза», «Весна-красна», «Зима й весна, або Снігова краля». Музику до опер створив Микола Віталійович Лисенко, а лібрето написала Дніпрова Чайка.

Час спливав. Паперові крильця Дніпрової Чайки, про які мріяла ще в дівочих щоденниках, дедалі дужчали. Ім'я письменниці стало знаменитим, твори її друкувалися по часописах всієї України, виходили окремими виданнями. А в душі назавжди лишився теплий спогад дитячих літ про зачудований монастирський сад в Одесі, фантастичні примари та морські фантазії, що зрештою вивели на шлях творчої майстерності.

В фондах Одеського літературного музею зберігаються фотографії Дніпрової Чайки, де вона зображена зовсім дівчатком, в той час коли проживала в жіночому монастирі, і маленькою гімназисткою. Зберігається фрагмент рукопису оповідання Дніпрової Чайки останніх років її життя, написаного старечою тремтячою рукою.

Найбільш повне (двохтомне) видання творів Дніпрової Чайки було здійснене 1931 року на основі архіву письменниці, який вона передала досліднику Роману Шевченку. Він написав детальну передмову з щедрими цитатами з автобіографії Дніпрової Чайки, так досі і неопублікованої, оскільки Роман Шевченко був репресований, а укладений ним двотомник вилучений з бібліотек і знищений. Зник і архів письменниці. Збереглося це видання в дуже невеликій кількості екземплярів.

В 1970-х роках творчістю Дніпрової Чайки зацікавився літературознавець Володимир Григорович Пінчук. Він власне і повернув її з небуття, написавши книгу про письменницю.

Згодом 1993 року у видавництві «Веселка» вийшла книга Дніпрової Чайки «Проводи Сніговика-Снігуровича» впорядкована і з передмовою Володимира Пінчука. В роботі над цими виданнями і численними статтями в періодиці Володимир Григорович послуговувався репринтним виданням двотомника 1931 року, виготовленим для своєї дослідницької роботи.

Немалу втіху отримав Пінчук від появи в Одеському літературному музеї вітрини Дніпрової Чайки. Окрім рукопису Дніпрової Чайки, подарованому літературознавцем Олегом Володимировичем Килимником, всі інші експонати, що стосуються її життя та творчості – це дарунок музею від Володимира Григоровича Пінчука.

На вічне зберігання.

¹ Дніпрова Чайка. Твори. – Харків, 1931. – Т. 1. – С. 6-7.

² Там же – С. 8.

³ Там же – С. 10.

⁴ Там же – С. 307.

⁵ Франко І.Я. Зібрання творів у п'ятдесяти томах. – Київ, 1980. – Т. 26 – С. 378.

⁶ Дніпрова Чайка. Вибрані твори. – Київ, 1987. – С. 47-48.

В. В. Левченко

В начале творческого пути: одесский период жизни Л.П. Гроссмана

Правду сказать, мы знаем жизнь только по литературе. Разумеется, за исключением тех, кто не знает литературы.

Станислав Ежи Лец¹

История литературоведения богата и яркими творческими личностями ее исследователей. Особое место в этом ряду занимает историк литературы и театра, литературовед, писатель, доктор филологических наук, профессор Леонид Петрович Гроссман (1888–1965), который в своем творчестве выгранил совершенные и непревзойденные формы проявления в истории литературы. Личность самого Гроссмана на протяжении многих лет, несмотря на наличие незначительного

*Л.П. Гроссман. Одесса, 1910 г.
ГАОО*

количества статей справочного характера², не становилась объектом внимания историков и литературоведов в контексте изучения его биографии и творческого становления. Многие факты и детали его жизни до сегодняшнего дня остаются неизвестными и неизученными. Поэтому в основу данной статьи об одесском периоде жизни Л.П. Гроссмана легли ранее не введенные в научный оборот исторические источники (нормативные правовые акты, материалы личного происхождения, периодические издания и т. п.).

Л.П. Гроссман родился 12 (24) января 1888 г. в Одессе в семье врача Петра Михайловича Гроссмана³. В восемнадцатилетнем возрасте после окончания Ришельевской гимназии и получения аттестата зрелости,

выписанного 1 июня 1906 г., Л. П. Гроссман подал прошение о зачислении в студенты юридического факультета Императорского Новороссийского университета.

После взноса платы за слушание лекций 25 октября 1906 г. он был принят на первый курс. Впоследствии был отчислен из числа студентов юридического факультета – за невзнос платы за обучение. Дабы не терять учебный год, Л.П. Гроссман уехал во Францию, где на протяжении 1906/07 учебного года слушал лекции на факультете права в Парижском университете (Сорбонне). Сдав все экзамены за первый курс в одном из ведущих европейских вузов в 1907 г., он повторно подал прошение о принятии в число студентов юридического факультета Императорского Новороссийского университета. Но администрация российского вуза не приняла во внимание прохождение обучения в иностранном государстве, и осенью 1907 г. во второй раз он был зачислен на первый курс юридического факультета Императорского Новороссийского университета, на котором и учился вплоть до 1911 г.⁴

Л.П. Гроссман. Одесса, 1910 г.
ГАОО

Во время обучения на юридическом факультете Императорского Новороссийского университета Л.П. Гроссман слушал лекции ведущих российских ученых-гуманитариев: К.М. Смирнова (история римского права), А.Я. Шпакова (история русского права), Н.Е. Чижова (энциклопедия права, история философии права), В.А. Косинского (политэкономия), А.Ф. Федорова (статистика, торговое право), В.Н. Ренненкампа (государственное право), В.Н. Твердохлебова (финансовое право), В.И. Адамовича (догма римского права), С.П. Никонова (гражданское право), М.М. Михайлова (уголовное право), Э.Я. Немировского

Билет студента Новороссийского университета Л.П. Гроссмана. 1910. ГАОО

(уголовное право), А.И. Алмазова (церковное право), В.М. Грибовского (полицейское право), В.И. Курдиновского (гражданский процесс), В.М. Палаузова (уголовный процесс), П.Е. Казанского (международное право) и др.⁵

По неустановленным на сегодня причинам, Л.П. Гроссман по окончании полного курса обучения на юридическом факультете не стал сдавать выпускные экзамены в испытательной комиссии Императорского Новороссийского университета. 1 апреля 1911 г. он забрал документы и для получения выпускного (зачетного) свидетельства перевелся в Императорский университет св. Владимира (Киевский университет)⁶.

В 1911 г., в двадцатитрехлетнем возрасте, Л.П. Гроссман стал дипломированным специалистом в области юриспруденции, сдав экзамены в юридической испытательной комиссии Императорского университета св. Владимира, и получил диплом второй степени, выписанный 28 мая 1911 г.⁷

Таким образом, Л.П. Гроссман стал выпускником Киевского университета, а не Новороссийского (Одесского) университета, о чем ранее ошибочно сообщалось в биографических публикациях разных жанров⁸.

Обучение в университете позволило Л.П. Гроссману получить классическое высшее образование в сфере юриспруденции, хотя в дальнейшем он ни одного дня не работал по профилю выбранной профессии. Выбор юридического профиля для получения высшего образования был сделан Л.П. Гроссманом (с ранних лет увлекавшегося литературой и историей литературы), скорее всего потому, что специ-

Временное свидетельство Л.П.Гроссмана об окончании Киевского университета. 1911. ГАОО

альности в области юриспруденции давали возможность евреям, имевшим в Российской империи до февраля 1917 г. ограничения во многих правах⁹, получить финансовое благополучие и повысить личный статус в социальной иерархии имперского сословного общества.

Получив диплом профессионального юриста, Л.П. Гроссман не стал размениваться на занятия юриспруденцией, а продолжил заниматься тем ремеслом, которому посвятил себя с юных лет – литературной деятельностью. В пятнадцать лет, в 1903 г., он опубликовал рецензию на спектакль по пьесе М. Метерлинка «Жуазель»¹⁰ – в газете «Одесский листок». Начиная с этого года и на протяжении 1910-х гг., Л.П. Гроссман активно работал в области литературоведения и художественной критики в популярных периодических изданиях – «Одесский листок», «Одесские новости», «Вестник Европы», «Русская мысль» и других журналах и газетах. Он выступал как поэт, автор критических статей и работ на историко-литературные темы. Подтверждением этого служат выявленные нами на газетных полосах «Одесских новостей» стихотворение «Ледолом»¹¹, статьи «От Принцессы Мален к Синей Птице»¹² и «Пинкертон критики»¹³. В статьях он выступил с критическим анализом философии драматургии М. Метерлинка и публицистического творчества К.И. Чуковского. Следовательно, свою профессиональную литературную деятельность Л.П. Гроссман начал как литературный критик и поэт.

В середине 1910-х гг. Л.П. Гроссман увлекся историей Одессы, следствием стала газетная статья¹⁴, посвященная музею Одессы при Одесской городской публичной библиотеке (музей размещался в одном из залов библиотеки, названного в честь известного одесского общественного деятеля, коллекционера, мецената и многолетнего попечителя библиотеки графа М.М. Толстого).

Плодотворная исследовательская деятельность Л.П. Гроссмана в некоторой степени была прервана революционными событиями 1917 г., когда общественно-политические, социально-экономические и культурные трансформации повлияли на все сферы жизни населения Российской империи. Начиная с февраля 1917 г., с каждым месяцем редакторы многотиражных газет, имевшие финансовую возможность выплатить гонорар авторам публикаций, все меньше уделяли внимания размещению статей по вопросам культурной жизни общества, в частности литературе.

Оказавшись в сложной материальной ситуации, Л. П. Гроссман решил расширить спектр интеллектуальной деятельности – сочетая литературу

с юриспруденцией. В связи с этим 7 декабря 1917 г., после поданного прошения, согласно постановлению юридического факультета и утверждению Совета Новороссийского университета, двадцатидевятилетний Л.П. Гроссман вместе с Д.Ф. Блюменфельдом¹⁵ был оставлен для подготовки к профессорскому званию по кафедре энциклопедии права и истории¹⁶. Выплата стипендий аспирантам не предусматривалась, но после сдачи магистерского экзамена они имели шанс быть избранными в приват-доценты и войти в преподавательский состав любого вуза, что давало возможность на получение материального вознаграждения.

Документальные материалы, касающиеся научной деятельности профессорского стипендиата Л.П. Гроссмана на стези правоведения, нами на сегодня не выявлены, но мы располагаем архивными данными, свидетельствующими о его участии в работе высшей школы Одессы в других областях гуманитаристики.

Так, 11–12 июня 1919 г. Совет комиссаров высших учебных заведений Одессы (СКВУЗ¹⁷) на своем заседании постановил организовать ряд общедоступных лекций «на жизненно-интересные темы» с целью привлечения трудящихся масс в высшую школу. В связи с этим 21 июня того же года СКВУЗ разослал преподавателям высшей школы письма о необходимости предварительного освещения преподаваемых в ней дисциплин и просил к 23 июня сообщить избранные ними темы лекций и тезисы к ним. Лекции планировалось провести на платной основе. Как и многие коллеги по высшей школе, Л.П. Гроссман 25 июня также подал в СКВУЗ записку, в тот же день принятую к рассмотрению, в которой указал три темы для лекций: «Писатели-декабристы (К.Ф. Рылев – А.И. Одоевский – А.А. Бестужев (Марлинский) – В.К. Кюхельбекер)», «Достоевский как создатель социального романа в России» и «Поэзия Н.А. Некрасова»¹⁸. Таким образом, пребывая в структуре высшей школы Одессы в статусе профессорского стипендиата по юридическому факультету, основной линией научных изысканий Л.П. Гроссмана оставались различные аспекты русской литературы XIX в.

Любовь Л.П. Гроссмана к литературе победила юриспруденцию и подтолкнула молодого ученого к изменению специализации в аспирантуре. 16 сентября 1919 г., находясь в статусе оставленного для подготовки к профессорскому званию по юридическому факультету, он подал прошение на имя ректора Новороссийского университета А.Д. Билимовича с просьбой на основании печатных работ, представленных в историко-

филологический факультет, допустить его к экзаменам на степень магистра русского языка и словесности.

18 сентября 1919 г. ректор направил прошение на рассмотрение декана историко-филологического факультета А.П. Доброклонского, который в свою очередь вынес его на рассмотрение на заседании факультета¹⁹. 23 октября (5 ноября) 1919 г., после заслушания на заседании историко-филологического факультета «благоприятных отзывов» ординарных профессоров В.Н. Мочульского²⁰ (отзыв не выявлен), С.Г. Вилинского²¹ (см. прил.) и доцента П.О. Потапова (отзыв не выявлен) о печатных научных трудах Л.П. Гроссмана, молодой ученый был допущен к испытаниям на получение ученой степени магистра русского языка и словесности²².

Были ли сданы Л.П. Гроссманом магистерские экзамены, нам на сегодня не удалось установить. Исходя из того, что в период с 24 октября 1919 г. до 19 апреля 1920 г. в журналах заседаний историко-филологического факультета Новороссийского университета об этом нет упоминаний²³, а 11 апреля 1920 г. Одесским губернским отделом народного образования было принято решение о закрытии с 1 мая 1920 г. историко-филологического факультета Новороссийского университета²⁴, позволим себе предположить, что он вообще не сдавал магистерские экзамены.

Однозначно, что в июле 1920 г. в тридцатидвухлетнем возрасте Л.П. Гроссман начал свою педагогическую деятельность в высшей школе. С этого времени он являлся преподавателем кафедры русского языка и литературы (его коллегами по кафедре были профессора Ю.Г. Оксман, Р.М. Волков и доцент П.О. Потапов) идейно-литературного отделения Одесского гуманитарно-общественного института. Этот институт был новым вузом высшей школы Одессы, появившийся вследствие реорганизации системы высшего образования советской властью. Одесский гуманитарно-общественный институт был образован в июне 1920 г. путем слияния историко-филологических и юридических факультетов Новороссийского университета и Одесских высших женских курсов, с присоединением Одесского высшего международного института и экономического факультета Одесского политехнического института. В июне 1921 г. было принято решение о реорганизации института, а с 1 сентября 1921 г. он официально прекратил свое существование²⁵.

К этому времени Л.П. Гроссман, несмотря на свой невысокий статус в системе высшей школы Одессы, уже успел серьезно заявить о своих литературных исследованиях в научных кругах. По состоянию на 1920 г. он

являлся автором сборника стихотворений «Плеяда. Цикл сонетов»²⁶, книг и статей по истории русской литературы, среди которых «Вторник у Каролины Павловой. Сцены из жизни московских литературных салонов 40-х годов»²⁷, «Портрет Манон Леско. Два этюда о Тургеневе»²⁸, «Библиотека Достоевского по неизданным материалам с приложением каталога»²⁹ и др.

Получение Л.П. Гроссманом штатной должности в высшей школе Одессы также, безусловно, было связано с его лояльным отношением к действующему политическому режиму большевиков, что дает нам основание отнести его к представителям «конформистской» ветви «позднеимперской» генерации ученых-гуманитариев³⁰, первичная социализация которых зарождалась в условиях либерализации и модернизации Российской империи в конце XIX – начале XX вв. В дореволюционное время он не воспринимал идеологию большевиков, а установление советской власти заставило принять ее идеи, за что власть отблагодарила писателя востребованностью и популярностью.

Начатая в Одессе Л.П. Гроссманом педагогическая деятельность длилась всего один учебный год – 1920/21. В 1921 г. он переехал в Москву, где жил (с небольшими перерывами) до конца своей жизни и продолжил активную преподавательскую деятельность в других вузах – Высшем литературно-художественном институте имени В.Я. Брюсова, Московском педагогическом институте и Свердловском государственном университете.

В Одессе Л.П. Гроссман не только начал литературную, литературоведческую и преподавательскую деятельности, но и очень активно занимался научными исследованиями в области истории русской литературы и биографистики. Именно в одесский период жизни ученого были заложены основы разноаспектных и скрупулезных исследований жизни и творчества А.С. Пушкина и Ф.М. Достоевского, которые на протяжении более полувека стали магистральными темами его исследовательской деятельности.

В 1919 г. в Одессе Л.П. Гроссман подготовил большую вступительную статью к одноименному изданию произведений А.С. Пушкина, что послужило отправной точкой к появлению в 1920-х гг. целой серии его исследовательских работ, занявших видное место в пушкиноведении и принесших успех молодому ученому. Безусловным успехом пользовались его книги – «Пушкин в театральных креслах. Картины русской сцены 1817–1820 годов»³² и «От Пушкина до Блока. Этюды и портреты...»³³. В первой из них был широко и оригинально подан документирован-

ный портрет Пушкина-театрала на фоне развития театральных зрелищ в петербургский период его жизни (до ссылки). Со второй половины 1920-х гг. Л.П. Гроссман начал подробно изучать биографию А.С. Пушкина, собирать опубликованные и неопубликованные исторические источники для его жизнеописания. Ученого интересовали отдельные эпизоды биографии А.С. Пушкина, судьбы людей, с которыми ему приходилось встречаться. Так возникла, например, книга «Письма женщин к Пушкину...», в которой он собрал и отредактировал документы личного происхождения современниц поэта³⁴.

Л.П. Гроссман. Письма женщин к Пушкину. Москва, 1928

Особое внимание Л.П. Гроссман уделял изучению последних лет жизни А.С. Пушкина, его дуэли и гибели. Об этих моментах биографии поэта он в 1929 г. в журнале «Красная нива» опубликовал статью «Женитьба Дантеса. Новые материалы в дуэли Пушкина»³⁵. Новые собранные им данные о Дантесе после событий 1837 г. легли в основу историко-биографического эссе «Карьера д'Антеса»³⁶. В последней работе Л.П. Гроссман впервые в историографии на основании первоисточников изучил политическую биографию Дантеса. Эти и другие труды ученого, посвященные исследованиям в области биографии и творчества поэта, стали подготовкой для написания итогового обобщающего труда.

В 1939 г. в серии «Жизнь замечательных людей» вышло первое издание полной биографии поэта – «Пушкин»³⁷. По оценкам рецензентов, эта книга написана настоящим мастером биографического жанра и заинтересовала как достоверностью изложенных в ней фактов, так и легкостью языка перевода. Критика встретила ее единодушными похвалами как одну из лучших биографий А.С. Пушкина³⁸. Доказательством этого успеха может служить то, что она была переиздана еще дважды большими тиражами. Изучение жизни и творчества А.С. Пушкина ученый не прекращал до конца своей жизни. В качестве признания достижений Л.П. Гроссмана в этой области исследований в 1936 г. он был избран членом Пушкинской комиссии Института русской литературы АН СССР и впоследствии принимал деятельное участие в ее работе.

Второй ведущей темой научных исследований Л.П. Гроссмана являлось изучение жизни и творчества Ф.М. Достоевского, книги и статьи о котором по своей численности и научному значению уступали только

трудам, посвященным А.С. Пушкину. Изыскания по этой теме ученый также начал в одесский период своей жизни (см. прил.). В 1919 г. он подготовил доклад на тему «Достоевский как создатель социального романа в России» и выпустил книгу «Библиотека Достоевского по неизданным материалам с приложением каталога» (об этом см. выше). Книга содержала исследование библиотеки Ф.М. Достоевского, источников и принципов ее комплектования на основе неизданных документов писателя и личных разговоров Л.П. Гроссмана с его женой А.Г. Достоевской. Изучение материалов воспоминаний о Ф.М. Достоевском ученый активно проводил в одесских документохранилищах. Так, 27 июля 1921 г. он подал в библиотеку Высшей школы Одессы записку, в которой удостоверял, что его подопечная Ф.Д. Семяницкая работает по составлению библиографии воспоминаний о Ф.М. Достоевском³⁹, а сам анализировал связь «предсказателей свободы» с литературными кругами XIX в., следствием чего стало его исследование «Декабристы и Ф.М. Достоевский»⁴⁰.

В первые годы пребывания в Москве Л.П. Гроссман развил тему изучения жизни и творчества Ф.М. Достоевского и на протяжении первой половины 1920-х гг. по ней опубликовал ряд работ⁴¹. Результатом этих изысканий ученого, наряду с многочисленными научными работами, явилась увлекательно написанная творческая биография «Достоевский», дважды изданная в серии «Жизнь замечательных людей»⁴².

В целом труды Л.П. Гроссмана (всего около 400 названий, среди которых почти 30 книг отдельным изданием) посвящены различным вопросам истории и теории литературы, поэтики, стилистики, стиховедения, а также творчества почти всех крупных русских писателей XIX в. Изучая индивидуальный стиль писателей, он уделял большое внимание фактам биографии, психологическим особенностям личности, мировоззрения писателя и его зависимости от культурных, социальных и политических обстоятельств.

Характеризуя творческую личность Л.П. Гроссмана, стоит упомянуть о его коммуникативных связях с коллегами, добрые отношения с которыми у него зародились и проявились в одесский период жизни. В качестве адресанта Л.П. Гроссман известен письмами ко многим деятелям культуры, в частности к тем, с которыми познакомился и общался в Одессе – Я.З. Берман⁴³, С.И.-Я. Боровой⁴⁴, И.А. Бунин⁴⁵, Б.В. Варнеке⁴⁶, Ю.Г. Оксман⁴⁷, К.И. Чуковский⁴⁸ и др. Представленное в столь значительном объеме эпистолярное наследие Л.П. Гроссмана является существенным историческим источником, дающим возможность на

историческом фоне эпохи изучать его письма в контексте исследования сведений биографического характера, личности и творчества, в которых зарождаются и проявляются особенности стиля и художественной манеры, рассмотреть контуры его внутреннего мира, расширить наше представление о круге общения, о его впечатлениях от переживаемых событий и некоторых моментов повседневной жизни.

В наследии Л.П. Гроссмана эпистолярный жанр занимал важное место не только как средство коммуникативной связи, но и как объект его научных исследований. Известны его публикации эпистолий в контексте изучения жизни известных литераторов – «Письма Тургенева к Людвигу Пичу»⁴⁹ и «Письма женщин к Пушкину...»⁵⁰. В этих произведениях Л.П. Гроссман знакомит читателей с самым эмоциональным и, быть может, самым интересным документом любой эпохи – восхитительными образцами эпистолярного жанра XIX в.

Одесский период жизни Л.П. Гроссмана, составляющий с незначительными пропусками 33 года (1888–1921), почти половину всей его жизни, – является началом его творческого пути, создания романтических стихов, поиска себя как публициста, историка русской литературы и театра, литературоведа, биографиста, педагога, литератора, поиска своего стиля в разных жанрах – поэзии, прозе, критике.

За одесским последовал московский период жизни – самый успешный и плодотворный в творчестве Л.П. Гроссмана, когда он получил заслуженное признание в научных кругах. В это время он создал большие художественные полотна, которые стали составляющей целой эпохи в развитии истории русской литературы и, в частности, осмысления истории русской литературы XIX в.

Приложение⁵¹

Отзыв о научных трудах Л.П. Гроссмана ординарного профессора историко-филологического факультета Новороссийского университета С.Г. Вилинского от 22 октября 1919 г.⁵²

В историко-филологический факультет
Новороссийского университета

ординарного профессора
Сергея Григорьевича Вилинского

Отзыв
о научных трудах Л.П. Гроссмана

В дополнение к пространному отзыву заслуж[енного] профессора В.Н. Мочульского о работах г[осподина] Гроссмана, я, соглашаясь в общих чертах с основными положениями отзыва проф[ессора] Мочульского, имею честь представить факультету свое общее заключение о трудах г[осподина] Гроссмана, ходатайствующего о допущении его к магистерскому экзамену по кафедре русского языка и словесности.

В представленных (числом около 12-ти) в факультет своих научных работах и в многочисленных своих газетных статьях г[осподин] Гроссман обнаруживает прежде всего ярко выраженную любовь к русской литературе, своего рода любовное отношение, которое выражается и в тоне его статей, и в тщательной, до скрупулезности, работы, и в стремлении к глубокому, сознательному пониманию литературных явлений. Другим, также ярко-заметным внешним признаком работ г[осподина] Гроссмана является присущее ему чувство изящного: оно сказывается и в художественных этюдах его, и в стихотворениях его, и в преимущественном внимании, отдаваемом им художественному творчеству, и в тонкости анализа именно художественной формы произведений (напр[имер], в этюде о Тургеневе).

Но есть и другая сторона работ г[осподина] Гроссмана: он подходит к своему материалу не только как эстетик, но и вообще, как ученый, и обнаруживает как серьезный научный интерес к литературе, так и правильное понимание приемов научной разработки новой русской литературы.

Об этом больше всего свидетельствуют работы г[осподина] Гроссмана по изучению творчества Достоевского, особенно 22 и 23 тома Достоевского: из старых журналов и других изданий и из рукописей Д[остоевск]ого г[осподин] Гроссман извлек варианты к произведениям Д[остоевск]ого, дающие возможность проследить историю творчества отдельных произведений Д[остоевск]ого (напр[имер], история текста «Двойника» доказывает, что автор первоначально имеет в виду выразить идею самозванства и лишь впоследствии сосредоточить свое внимание на идеи нарастающего безумия). Давая результаты изучения истории текста «Бедных людей», «Двойника», «Неточки Незвановой» и пр[очих], автор связывает отрывки текста Д[остоевск]ого своими историко-литературными комментариями, свидетельствующими о том, что он, г[осподин] Гроссман, хорошо изучил не одного только Достоевского,

но и вообще целый ряд произведений, характеризующих литературно-публицистические отношения второй половины XIX века. В этом отношении эрудиция автора может быть признана образцовой.

Отличительной особенностью работ г[осподина] Гроссмана о Достоевском следует признать и то ценное их качество, что они в большинстве случаев составлены по первоисточникам: «Библиотека Д[остоевск]ого», «Даты жизни Д[остоевск]ого», 22 и 23-й тома собрания сочинений Д[остоевск]ого – все это основано на первоисточниках, а это одно уже свидетельствует о хорошем вкусе автора и о правильном понимании им своих задач.

Однако, изложив главнейшие положительные качества работ г[осподина] Гроссмана, нельзя оставить без внимания и то, что может быть поставлено ему в упрек: это – крайняя ограниченность периода его изучения. Ведь интересы его ограничены только рамками новейшей русской литературы, приблизительно – от начала второй половины XIX века. Конечно, если бы мы в данном случае имели дело с квалификацией его работ, как вообще ученых трудов, то такая узкая специализация скорее должна была бы быть признана положительным качеством. Но, когда приходится по работам лица, получившего специальное юридическое образование, судить о возможности допустить его к магист[ерскому] экзамену по истории русской литературы, то невольно хотелось бы знать, что еще интересует аспиранта кроме тесного круга предметов его статей.

Далее, в работах г[осподина] Гроссмана не чувствуется специальная подготовка и особенно влияние того, что называется «школою»: видна некоторая неустойчивость, даже расплывчатость метода; ученый в его лице часто сливается с публицистом и даже поэтом. Может быть, последнее обстоятельство делает честь и гражданскому и эстетическому чувству Л.П. Гроссмана, но в иных случаях желательно было бы видеть более строгое научное изложение без диверсий в сторону, напр[имер], лирики.

Тем не менее я отнюдь не хочу последними замечаниями сколько-нибудь опорочить труды г[осподина] Гроссмана, которые я считаю весьма почтенными. А то обстоятельство, что г[осподин] Гроссман, выйдя из специальных занятий творчеством Достоевского, стал понемногу расширять круг своего изучения (Толстой, Тютчев, Чехов, Григорьев, Тургенев), дает полную надежду, что, если не без научных изысканий, то, по крайней мере, без университетских лекций он обратится к изучению литературы и более ранней эпохи, чем середина XIX века.

В конечном итоге, я полагал бы, что факультету надлежит удовлетворить ходатайство г[осподина] Гроссмана о разрешении ему магистрантского экзамена и тем прочнее связать этого талантливую и усердного работника с изучением истории русской литературы, где он уже успел сделать не мало.

Вместе с тем, имея в виду как круг специальных интересов г[осподина] Гроссмана (новая литература), так и отсутствие у него специальной филологической подготовки, я полагал бы необходимым, в интересах и самого г[осподина] Гроссмана и пользы дела, теперь же определить и размер тех экзаменных требований, которые могут быть ему предъявлены, дабы предотвратить возможные неожиданности на экзамене (в смысле размера требований), которые могли бы поставить в неловкое положение и экзаменуемого и экзаменуемого.

Он не боялся смелых экспериментов в жизни и творчестве, но вместе с тем он сформировался как мастер, благодаря вытачиванию своего мастерства, что свидетельствует о его амбициозности, творческом поиске, желании о себе заявить.

Одесса

22/X-1919 [год]

Проф[ессор] С. Вилинский [автограф]

¹ Душенко К.В. Большая книга афоризмов. Изд. 7-е, исправленное. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – С. 385.

² См.: Алексеев М.П. Л.П. Гроссман: [Некролог] // Временник Пушкинской комиссии, 1964. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1967. – С. 64–68; Френкель М. Леонид Петрович Гроссман // Гроссман Л. Записки д'Аршиака, Пушкин в театральные креслах, Карьера д'Антеса. – Москва: Художественная литература, 1990. – С. 460–461; Левченко В.В. Гроссман Леонид Петрович // Одеські історики. Енциклопедичне видання. Том 1 (початок XIX – середина XX ст.). – Одеса: Друкарський дім, 2009. – С. 111–113 и др.

³ Государственный архив Одесской области (ГАОО). – Ф. 45. – Оп. 4. – Д. 1224. – Л. 36.

⁴ ГАОО. – Ф. 45. – Оп. 5. – Д. 3814. – Л. 1–4.

⁵ ГАОО. – Ф. 45. – Оп. 5. – Д. 3814. – Л. 7–15.

⁶ ГАОО. – Ф. 45. – Оп. 5. – Д. 3814. – Л. 1.

⁷ ГАОО. – Ф. 45. – Оп. 4. – Д. 1224. – л. 3а.

⁸ См.: Алексеев М.П. Л.П. Гроссман: [Некролог] // Временник Пушкинской комиссии, 1964. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1967. – С. 64; Френкель М. Леонид Петрович Гроссман // Гроссман Л. Записки д'Аршиака, Пушкин в театральные креслах, Карьера д'Антеса. – Москва: Художественная литература, 1990. – С. 460; Левченко В.В. Гроссман Леонид Петрович // Одеські історики. Енциклопедичне видання. Том 1 (початок XIX – середина XX ст.). – Одеса: Друкарський дім, 2009. – С. 111 и др.

- ⁹ См.: Раскин Д.И. «Еврейский вопрос» в документах высших государственных учреждений Российской империи XIX – начала XX в. // История евреев в России. Проблемы источниковедения и историографии. – СПб., 1993. – С. 60–77; Бэкон Г. Положение евреев в России после разделов Польши // Главы из истории и культуры евреев Восточной Европы. – Тель-Авив, 1995. – С. 248–253; Гончаров В. В. Правовое положение еврейского меньшинства в Украине к. XIX – н. XX вв. // Етнічна історія народів Європи: Національні меншини. Етноархеологія. – К., 1999. – С. 19–23 и др.
- ¹⁰ Френкель М. Леонид Петрович Гроссман // Гроссман Л. Записки д'Аршиака, Пушкин в театральных краях, Карьера д'Антеса. – Москва: Художественная литература, 1990. – С. 460.
- ¹¹ Гроссман Л. Ледолом // Одесские новости. – 1909. – 1 (14) января.
- ¹² Гроссман Л. От Принцессы Мален к Синей Птице // Одесские новости. – 1909. – 12 апреля.
- ¹³ Гроссман Л. Пинкертон критики // Одесские новости. – 1909. – 6 (19) мая.
- ¹⁴ Гроссман Л. Исторический музей Одессы // Одесский листок. Прибавление к № 70. – 1916. – 13 марта.
- ¹⁵ Блюменфельд Давид Файтелевич (1892–1938) – историк, правовед. Родился в Херсоне. Среднее образование получил в 1-й Херсонской мужской гимназии. В 1911–1916 гг. учился на историко-филологическом и юридическом факультетах Императорского Новороссийского университета. В 1917–1918 гг. аспирант кафедры энциклопедии права и истории юридического факультета, в 1918–1920 гг. – кафедры гражданского права и судопроизводства того же факультета. В 1920/21 учебном году аспирант кафедры гражданского права социально-правового отделения Одесского гуманитарно-общественного института. В 1921 г. аспирант кафедры гражданского права и советского строительства Одесского института народного хозяйства. В дальнейшем работал юрисконсультом советских представительств за рубежом. В 1930-е гг. – ревизор валютного отдела НКФ СССР. 23 ноября 1937 г. арестован. 8 апреля 1938 г. расстрелян. Реабилитирован 26 сентября 1956 г.
- ¹⁶ ГАОО. – Ф. 45. – Оп. 4. – Д. 1224. – Л. 4, 7 об.
- ¹⁷ Совет комиссаров высших учебных заведений Одессы (СКВУЗ) – имел право самостоятельно выносить постановления по делам высшей школы, которые имели местный характер, а решения по принципиальным вопросам передавались на рассмотрение НКП УССР. См.: Некрасов П. А. Из історії Одеського університету (1917–1920) // Праці Одеського державного університету. Серія суспільних наук. – 1957. – Т. 147. Вип. 2. – 1957. – С. 297.
- ¹⁸ ГАОО. – Ф. Р-1359. – Оп. 1. – Д. 14. – Л. 1, 18.
- ¹⁹ ГАОО. – Ф. 45. – Оп. 1. – Д. 301. – Л. 1.
- ²⁰ Мочульский Василий Николаевич (1856–1920) – филолог-славист, историк литературы. Выпускник и ординарный профессор Императорского Новороссийского университета. Удостоен степени магистра за диссертацию «Историко-литературный анализ стиха о Голубиной книге» (1889), степени доктора за диссертацию «Следы народной Библии в славянской и в древнерусской письменности» (1893).
- ²¹ Вилинский Сергей Григорьевич (1876–1950) – филолог-славист, историк литературы. Выпускник и ординарный профессор Императорского Новороссийского университета. Удостоен степени магистра за диссертацию «Послания старца Артемия

- (XVI в.)» (1907), степени доктора за диссертацию «Житие св. Василия Нового в русской литературе» (1914).
- ²² ГАОО. – Ф. 45. – Оп. 4. – Д. 2560. – Л. 88, 90 об.–91.
- ²³ ГАОО. – Ф. 45. – Оп. 4. – Д. 2560. – Л. 93–131.
- ²⁴ См.: Левченко В.В. Історія Одеського інституту народної освіти (1920–1930 рр.): позитивний досвід невдалого експерименту / Відп. ред. В. М. Хмарський; наук. ред. Т. М. Попова. – Одеса: ТЕС, 2010. – С. 69–70.
- ²⁵ См.: Левченко В.В. Одеський гуманітарно-суспільний інститут (1920–1921): до питання спадкоємності традицій університетської освіти // Записки історичного факультету. – Вип. 19. – Одеса, 2008. – С. 208–209, 214.
- ²⁶ Пляда: Цикл сонетов Леоніда Гроссмана. – Одеса: Фіаметта, 1919. – 23, [8] с.
- ²⁷ Гроссман Л.П. Вторник у Каролины Павловой. Сцены из жизни московских литературных салонов 40-х годов. – Одесса, 1919. – 55 с.
- ²⁸ Гроссман Л.П. Портрет Манон Леско. Два этюда о Тургеневе. – Одесса, 1919. – 69 с.
- ²⁹ Гроссман Л. Библиотека Достоевского по неизданным материалам с приложением каталога. – Одесса: Книгоиздательство А. А. Ивасенко, 1919. – 168 с.
- ³⁰ См.: Левченко В.В. Наукове співтовариство одеських істориків першої половини ХХ століття крізь призму генераційних процесів: теоретичний аспект // Позитивізм: рефлексії щодо класичної моделі історіописання: матеріали круглого столу (Харків, 29 листоп. 2016 р.). – Харків: Апостроф, 2016. – С. 220–230; *Его же*. Генерації одеських вчених-істориків першої половини ХХ століття: періодизація, термінологія, історія // Вісник Одеського історико-краєзнавчого музею. – № 15. – 2016. – С. 220–223 и др.
- ³¹ Боровой С. Воспоминания. – М.-Иерусалим, 1993. – С. 173.
- ³² Гроссман Л.П. Пушкин в театральных креслах. Картины русской сцены 1817–1820 годов. – Л. Издательство Брокгауз-Ефрон, 1926. – 182 с.
- ³³ Гроссман Л.П. От Пушкина до Блока: этюды и портреты: Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Толстой, Достоевский, Тургенев, Чехов, Брюсов, Блок. – М.: Современные Проблемы, 1926. – 358 с.
- ³⁴ Письма женщин к Пушкину. С приложением воспоминаний о Пушкине М.Н. Волконской, Н.А. Дуровой, А.П. Керн, А.М. Каратыгиной-Колосовой, А.О. Смирновой, В.А. Нащокиной, цыганки Тани, А.А. Фукс / Ред. Л. Гроссман. – Москва: Современные проблемы, 1928. – 250 с.
- ³⁵ Гроссман Л.П. Женигба Дантеса. Новые материалы о дуэли Пушкина // Красная нива. – 1929. – № 24. – С. 10–12.
- ³⁶ Гроссман Л. Карьера д'Антеса. – М.: Журнально-газетное объединение, 1935. – 44 с.
- ³⁷ Пушкин. – М.: Молодая гвардия. – Серия: Жизнь замечательных людей. – 1939. – 648 с. (2-е изд. 1958. – 528 с.; 3-е изд. 1960. – 528 с.).
- ³⁸ Алексеев М.П. Л.П. Гроссман: [Некролог] // Временник Пушкинской комиссии, 1964. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1967. – С. 68.
- ³⁹ ГАОО. – Ф. Р-1724. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 148.
- ⁴⁰ Латиш Ю.В. Дослідження декабристського руху в південному регіоні України // Наукові праці: Науково-методичний журнал. – Т. 32. Вип. 19. Історичні науки. – Миколаїв, 2004. – С. 125.
- ⁴¹ Гроссман Л.П. Семинарий по Достоевскому: Материалы, библиография и комментарии. – М.–Пг.: Государственное издательство, 1922. – 117 [2] с.; Гроссман Л.П. Из воспоминаний А.Г. Достоевской // Искусство. – 1923. – № 1. – С. 342–355; Гроссман

- Л.П. А.Г. Достоевская и ее «Воспоминания» // А.Г. Достоевская. Воспоминания. – М.–Л, 1925. – С. 7–18 и др.
- ⁴² Достоевский. – М.: Молодая гвардия – Серия: Жизнь замечательных людей; выпуск 357. 1962. – 543 с. (2-е изд., испр. и доп. 1965. – 608 с.).
- ⁴³ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). – Ф. 1386. – Оп. 1. Д. 51. – 3 л.
- ⁴⁴ См.: Соколянский М. «Радость многолетнего общения» (Письма С.Я. Борового Л.П. Гроссману) // Дерибасовская-Ришельевская: Одесский альманах. – 2003. – № 13. – С. 250–270; Левченко В.В. «Очень тронули меня ваши теплые строки...»: эпистоли Л.П. Гроссмана С.И.-Я. Боровому // Вісник Одеського національного університету. Серія: Бібліотекознавство, бібліографознавство, книгознавство. – 2019. – Т. 24, вип. 1 (21). – С. 70–91.
- ⁴⁵ РГАЛИ. – Ф. 44. – Оп. 1. – Д. 94. – 1 л.
- ⁴⁶ РГАЛИ. – Ф. 1041. – Оп. 4. – Д. 563. – 2 л.
- ⁴⁷ РГАЛИ. – Ф. 2567. – Оп. 1. – Д. 446. – 64 л.
- ⁴⁸ «...Ваша благородная, изящная, светлая личность». Л.П. Гроссман и К.И. Чуковский: из переписки 1909–1963 годов / Вступительная статья, публикация и комментарии Е. Литвин // Вопросы литературы. – 2008. – № 1. – С. 330–349.
- ⁴⁹ Письма Тургенева к Людвигу Пичу. 1864–1883. С рисунками Людвиг Пича. Перевод Н. Тролля. Редакция, вступительная статья и примечания Леонида Гроссмана. – Москва: Изд-во Л. Д. Френкель, 1924. – 254 с.
- ⁵⁰ Письма женщин к Пушкину. С приложением воспоминаний о Пушкине М.Н. Волконской, Н.А. Дуровой, А.П. Керн, А.М. Каратыгиной-Колосовой, А.О. Смирновой, В.А. Нащокиной, цыганки Тани, А.А. Фукс / Ред. Л. Гроссман. – Москва: Современные проблемы, 1928. – 250 с.
- ⁵¹ Документ публикуется на языке оригинала с приведением в соответствии с правилами орфографии и пунктуации современного русского языка. Материал представляет собой рукописный оригинал с собственноручной подписью автора. Встречающиеся в тексте документа подчеркивания сделаны автором, сокращения слов расшифрованы в квадратных скобках.
- ⁵² ГАОО. – Ф. 45. – Оп. 4. – Д. 2714. – Л. 40–45.

«Не дай мне, Боже, умереть в чужой земле...»

Рукописи А.М. Федорова в фондах ОЛМ

*Ж*ил в свое время в нашем городе литератор – Александр Митрофанович Федоров, известный сегодня, пожалуй, только специалистам литературы, но при жизни пользовавшийся большой популярностью. Федоров был известным в России поэтом, прозаиком, драматургом, переводчиком. Пьесы Федорова шли на сценах столичных театров, а стихи и проза публиковались на страницах московских и петербургских периодических изданий. В одном из писем А.П. Чехов писал ему так: «Вы талантливый человек, и это уже не должно подлежать ни малейшему сомнению»¹.

*А.М. Федоров. Одесса,
1900-е гг. ОЛМ*

*Дом творчества писателей.
(Дача А.М. Федорова). 1960-е гг.
Собрание С.З.Лущика*

Федоров не был одесситом, он родился в 1868 г. в Саратове и в Одессу приехал только в 1896 г. Одесский дом Федорова – а понятие это очень неоднозначное, поскольку собственный дом в Одессе появился у четы Федоровых только в 1912 г. – является собирательным образом, соединившим в себе «много дач и квартир» (С.З. Лущик). Но все эти дома и дачи всегда были открыты для друзей, для писателей: И. Бунина, А. Куприна, для художников южно-русской школы: П. Нилуса, Е. Буковецкого, В. Заузе и др.

Именно благодаря Федорову познакомились два больших русских писателя – Иван Бунин и Александр Куприн.

«...с радостью услышал однажды, гостя у писателя Федорова в Люстдорфе, под Одессой, что к нашим сожителям по даче Карышевым приехал писатель Куприн, и немедля пошел с Федоровым знакомиться с ним»², – вспоминал о встрече 1897 г. И. Бунин.

А о самом А.М. Федорове А.И. Куприн писал А.П. Чехову в письме от 6 декабря

1902 г.: «Он такой милый, искренний и пылкий человек, и славный товарищ»³.

Вторит ему и К. Чуковский:

В Одессе его очень любили, там была у него приморская дача, в которой каждый столичный гость, принадлежавший к литературному или театральному цеху, находил радушный прием и пристанище⁴.

Шутливое стихотворение «Напутствие А.И. Куприну, летящему на шаре», которое пишет А.М. Федоров в сентябре 1909 г., очень хорошо передает характер отношений с Куприным – близких, ироничных и очень теплых.

В.А. Федоров. Портрет А.И. Куприна. 1920-е гг. ОЛМ

Прощай! С тобой в ином увижусь мире.
О, повстречаемся, Куприн!
Исчезнешь ты от нас в эфире,
Причем исчезнешь не один.
Коль твой полет не будет пухом,
Ты вознесешься, как Илья,
С пилотом нашим Вандершкруфом,
Увы, в нездешние края.
Воздушный шар, надутый газом,
Тебя, что цвел, как олеандр,
Тебя, утратившего разум,
Умчит, Куприн. О, Александр!
Как из-за туч, превыше гор,

Твоя обширная фигура
Падет, как некий метеор.
Падет на землю, иль на море,
Тебя убудет все равно –
Велико будет наше горе,
Как превратишься ты в...бревно.
Восплачут все земные твари.
Но горше будет плач и стон
О том, что не погиб на шаре
С тобой Юшкевич Симеон.
О том, что в форме неудобной
Твой тезка, Федоров, поэт
Изгадит камень твой надгробный
И проживет сто двадцать лет⁵.

Именно благодаря Федорову сближается с кругом Южнорусских художников гостивший в его доме Иван Бунин, и Е. Буковецкий, П. Нилус, В. Заузе становятся близкими друзьями писателя.

В сентябре 1898 г. был заключен брак И. Бунина и А. Цакни. Шафером на свадьбе Бунина был Александр Федоров. По воспоминаниям В.Н. Муромцевой-Буниной, знакомство с Анной Цакни произошло следующим образом: «Однажды к Федоровым приехали в гости их друзья, греческая чета Цакни»⁶. А вскоре издатель и редактор «Южного обозрения» Николай Цакни пригласил молодых писателей к себе на дачу на Седьмой станции Большого Фонтана, где и увидел молодой Бунин красавицу-гречанку, дочь от первого брака, Анну.

В феврале 1901 г. в вестибюле гостиницы «Лондон» А. Федоров, встретившись с А. Чеховым, представил ему начинающего писателя А. Куприна. После этой встречи Чехов и Куприн тепло, дружески общались.

Именно Федоровым увлеклась пятнадцатилетняя Аня Горенко (будущая великая поэтесса Анна Ахматова), когда приехала с матерью в 1904 г. в Одессу. Встреча произошла, скорее всего, в Люстдорфе, где Аня с матерью гостили на даче у тетки – Аспазии Антоновны Арнольд.

Анна Горенко пишет стихотворение, посвященное Александру Митрофановичу:

А. М. Федорову

Над черною бездной с тобою я шла,
Мерцая, зарницы сверкали.
В тот вечер я клад неоценный нашла
В загадочно-трепетной дали.
И песня любви нашей чистой была,
Прозрачнее лунного света,
А черная бездна, проснувшись, ждала
В молчании страсти обета.
Ты нежно-тревожно меня целовал,
Сверкающей грезой полный,
Над бездною ветер, шумя, завывал...
И крест над могилой забытой стоял,
Белея, как призрак безмолвный.

24 июля 1904⁷

Стихотворение, безусловно, юношеское, но оно передает искреннее чувство девочки-подростка.

Для Ахматовой встреча с писателем была лишь эпизодом, но для другого молодого литератора – Валентина Катаева – во многом определила жизнь.

В автобиографическом романе «Трава забвения» Катаев рассказывает о своих учителях – И.А. Бунине и А.М. Федорове. И если Бунин для него – «мэтр», который имеет непререкаемый авторитет, то Федоров, скорее, – старший собрат по перу, обладающий дружелюбным нравом, умеющий даже с молодым начинающим писателем держать себя на равных.

Запомнилась Катаеву выразительная внешность Федорова, его небольшая красивая голова «с точеным, слегка горбатым носом и совсем маленькой серебристой бородкой».

Катаев называет его утонченным, изысканно-простым, подлинно интеллигентным человеком.

*Я... стал страшным почитателем и учеником Федорова, который вскоре привык ко мне и не без томности говорил знакомым:
– Это Валя. Мой талантливый ученик. Мы читаем друг другу стихи.⁸*

В «Траве забвения» Катаев приводит высказывание журналиста Петра Титовича Герцо-Виноградского (Лоэнгрин) о Федорове:

*– У нас в Одессе, – сказал он, – живет один настоящий писатель ... Александр Митрофанович Федоров. Вы, наверное, о нем слышали?
– Не слышал.
– Чехову нравилось его стихотворение: «Шарманка за окном на улице поет, мое окно открыто, вечереет». – Он снял пенсне и вытер платком слезы. – Вот видите. А еще хотите быть писателем. Надо знать! А. Федоров. О нем даже есть в энциклопедическом словаре.⁹*

О Федорове чаще говорят как о гостеприимном хозяине, добром и искреннем человеке, и намного меньше – о его творчестве.

Он был плодовитым писателем. Еще до приезда в Одессу, в 1892 г. Федоров публикует свои стихотворения «Деревенские пожары» и «Зимняя дорога» в одесском сборнике «Отклик», вышедшем в пользу пострадавших от голода после неурожайного 1891 г.

«Наконец в 96-97 гг. я переехал в Одессу, где лет пять писал фельетоны чуть ли не ежедневно...»¹⁰, – рассказывает писатель в своей автобиографии.

Сотрудничество Федорова в одесской прессе началось с «Одесских новостей». В заметке под названием «Принцесса Греза», опубликованной

в газете «Одесские новости» от 22 мая 1896 г., шла речь о том, что сотрудником этой газеты А.М. Федоровым переведена в стихах пьеса Ростана.

В 1898 г. Александр Михайлович, уже окончательно переселившийся в Одессу, издает книгу «Стихотворения», куда наряду с оригинальными произведениями вошли переводы Лонгфелло, Бернса, Шенье и др.

В этом же году Федоров публикует в «Южно-русском альманахе», выходявшем под редакцией В. Дорошевича, свои стихи и прозу.

А.М. Федоров – автор более двух десятков книг. Среди них романы, сборники стихов, переводы, пьесы, путевые заметки.

В 1907 г. вышел сборник «Сонеты» (1907), отмеченный влиянием И. Бунина.

В 1911 г. Федоров приобрел собственную дачу, позднее именно здесь разместился Дом творчества писателей (здание не сохранилось).

С 1911 по 1913 в Москве вышло восемь книг из «Собрания сочинений» Фёдорова, в письме к И. Бунину в 1909 он писал о 20 томах.

Среди произведений А. Федорова романы «Наследство» (1898), «Камни» (1907), «Его глаза» (из жизни художников, 1913), сборники рассказов «Буруны», «Королева» (оба – 1910), «Бадера» (1913), «Осенняя паутина» (1917) пьесы «Катастрофа» (1899, в сотрудничестве с А.Н. Будищевым), «Старый дом» (1902), «Обыкновенная женщина» (1904) и мн. др. В 1903 г. в Петербурге вышла книга пьес Федорова, в которую вошли «Бурелом», «Старый дом», «Стихия», «Обыкновенная женщина», которые были в свое время поставлены на сцене Одесского городского театра.

Велико и наследие Федорова-переводчика: стихи А. Теннисона, Дж. Кардуччи, А. Негри, драмы Э. Ростана «Сирано де Бержерак» и «Принцесса Грёза». Он перевел «Троила и Крессида», поэмы «Венера и Адонис», «Лукреция» и ряд сонетов Шекспира для издания под редакцией С.А. Венгерова.

К этому следует добавить и творческое наследие эмигрантского периода. Имя А.М. Федорова, уехавшего из России, долго оставалось забытым.

В 1917 г. А. Федоров принимал активное участие в спасении Г. Котовского от смертной казни, по воспоминаниям старожиллов, Котовский скрывался на даче Федорова.

25 декабря 1919 г. Вера Николаевна Бунина записала в своем дневнике: «Вчера отбыли в Болгарию Нилус, Федоров, Тухолка, Оболенский»¹¹. По словам самого А.М. Федорова, его предупредили, что он приговорен к

расстрелу, но убьют «случайной шрапнелью», чтобы смерть не произвела нежелательного впечатления. Пришлось поторопиться и немедленно покинуть Одессу¹². И Федоров вместе со своим другом, художником и писателем Петром Александровичем Нилусом, скрылся в толпе беженцев на пароходике «Витязь». Отъезду Федорова из России предшествовал разрыв с женой Лидией Карловной, которая осталась в Одессе вместе с сыном Виктором.

После Турции и Румынии А.М. Федоров попал в Болгарию, которая стала его второй родиной.

Один из ближайших друзей Федорова – болгарский писатель Стилиан Чилингиров написал о беженцах из России:

*...Эти люди жили одним желанием – выговориться. Они думали, что в разговорах заглушат тоску по покинутой Родине, а в песнях утопят вздохи отчаяния. Море муки, горы скорби несли они в своих душах!*¹³

Первоначально Федоров не рассчитывал надолго задерживаться в Болгарии и намеревался перебраться в Париж, куда в марте 1920 г. приехал Бунин с женой. Однако в Болгарии он прожил тридцать лет до самой своей кончины в 1949 г.

Невена Желязова. София, 1905 г.
ОЛМ

По словам приемной дочери поэта Лиляны Шульц, выдающийся болгарский писатель Иван Вазов убедил Федорова не торопиться с отъездом во Францию, отметив традиционный интерес болгар к русской литературе, сходство двух славянских языков.

По приезду в Софию Федоров был расквартирован в частном доме семьи полковника болгарской армии Г. Желязова. Хозяйкой гостеприимного дома была красавица-болгарка Невена Желязова, после смерти ее мужа писатель стал жить с ней и двумя ее детьми одной семьей. Более того, для ее дочери Лиляны он стал духовным отцом: он познакомил ее с русским языком, русской культурой. Лиляна Шульц написала вос-

поминания о Федорове, которые помогают создать более полное представление о жизни писателя в Болгарии.

Весь 1920 год А.М. Федоров как бы вписывался в новую жизнь. Он стал заметен в культурной среде болгарской столицы, был не только обращавшим на себя внимание поэтом, но и интересным собеседником, талантливым рассказчиком, который близко знал многих знаменитых современников: Чехова, Толстого, Короленко, Горького, Бунина, Вас.Ив. Немировича-Данченко, Бальмонта, Блока, Брюсова, Белого и других. К тому же он много повидал в жизни: был полон впечатлений о странах Ближнего Востока, Индии, Китае, Японии, Америке, блистал знаниями о мире и оригинальной жизненной философией.¹⁴

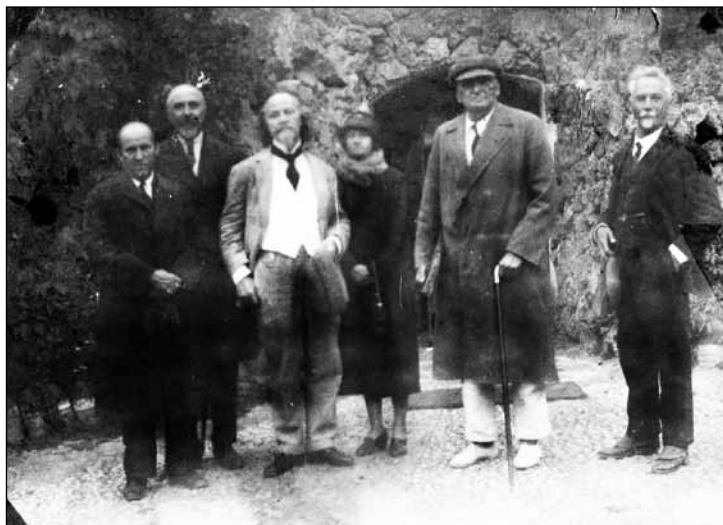
Так писала о первом годе жизни в эмиграции болгарская исследовательница творчества А.М. Федорова Маргарита Каназирска.

Нуждаясь в средствах на жизнь, Федоров стал преподавать русский язык в Третьей мужской гимназии Софии, читал лекции по русской литературе в Высшей кооперативной школе, в Военном училище.

Но, несмотря на внешний успех, горечь эмигрантской жизни жгла писателя изнутри, а Федоров мог делиться ею только со старыми сердечными друзьями. Судя по ответам И. Бунина, П. Нилуса, А. Куприна, Е. Чирикова, К. Бальмонта, письма Федорова были полны неутраченной боли и неодолимой неприязни к нарушенному ритму привычной жизни, когда он должен заниматься преподаванием, а не писательством.

Вместе с писателем Евгением Чириковым Федоров регулярно совершает поездки по Болгарии, выступая с литературно-художественной программой, за что друзья в шутку прозвали их Кирилл и Мефодий. Путешествия были продиктованы не столько стремлением добыть кусок хлеба, сколько пониманием особой миссии русской культуры в славянских странах¹⁵. Поездки двух писателей стали наглядным примером сближения двух культур – русской и болгарской, что вполне отвечало задачам, поставленным Русско-болгарским культурно-благотворительным комитетом.

На первом же литературном чтении сильное впечатление произвела на публику маленькая поэма «Балканы», написанная Федоровым 26 января 1920 г., спустя месяц после прибытия в Болгарию. Поэма прозвучала и по-русски, и по-болгарски в переводе, который спешно был сделан поэтом С. Чилингировым по просьбе доктора Николы С. Бобчева, редактора журнала «Славянски глас». Эта поэма стала визитной кар-

*А. Федоров (крайний справа), С. Заимов, К. Бальмонт с женой и неизвестные.
София. 1920-е гг. ОЛМ*

точкой русского писателя, она не раз печаталась в русских и болгарских изданиях, в юбилейных сборниках.

Имя Федорова все чаще и чаще появлялось в болгарской литературной и театральной печати. Стихи, рассказы, воспоминания – все это печаталось в журналах («Взход», «Слънце», «Духовна култура», «Трудовак» и др.) альманахах («Славянски календар» и др.)¹⁶, еженедельниках и газетах («Сила», «Развигор», «Театрален преглед», «България», «Мир», «Ден» и др.) на русском языке и очень часто в переводе на болгарский язык. В большинстве случаев Федоров специально готовил свои материалы для указанных изданий.

Можно сказать, что с середины 20-х годов жизнь А. Федорова вошла в определенную колею. Он интенсивно печатался в болгарских газетах и журналах, в местной эмигрантской печати («Россия», «Свободная речь», «Балканский журнал», «Русское дело» и др.), за границей («Общее дело», «Возрождение», «Русская мысль», «Руль», «Сегодня», «Русские записки» и т. д.).

Все более тесными становились и контакты с болгарской культурой. Федоров составил «Антологию болгарской поэзии» в своих переводах, изданную Министерством народного просвещения и великолепно

оформленную его сыном-художником. Подготовка такого издания требовала основательного знания болгарской поэзии – и классической, и современной. Интерес к ней возник у Федорова еще в 1922 г. Тогда в журнале «Русская мысль» (Прага) в его переводе была напечатана большая подборка стихов известных болгарских поэтов И. Вазова, П.П. Славейкова, П. Яворова, К. Христова, С. Чилингирова, Д. Габе и др. Вероятно, тогда и возникла идея антологии. За год-полтора Федоров отобрал и перевел на русский язык 140 стихотворений 35 поэтов. Многие из них впервые прозвучали на иностранном языке.

Последние годы жизни писателя были омрачены установлением после 1944 года новых общественных порядков, не предполагавших облегчения жизни для эмигрантов из России. Напротив, к бывшим «белогвардейцам» относились с подозрением.

После окончания Второй мировой войны у писателя появилась надежда, что имя его не будет забыто на родине, что в Советском Союзе будут опубликованы его литературные воспоминания. Его дом в то время часто посещали представители Советской армии и члены делегаций советских писателей. Но этому не суждено было сбыться, нетрудно предположить, что здесь не последнюю роль сыграли политические мотивы.

Кроме того, что сам Федоров был эмигрантом, в 1937 г. была репрессирована бывшая жена писателя, которая погибла в лагере, а в 1945 г. был арестован СМЕРШем и отправлен в сибирский лагерь его сын Виктор. Из лагеря ему так же, как и матери, было не суждено вернуться.хлопоты отца, страстно желавшего узнать хоть что-либо о сыне, дали ничтожный результат: невестка Федорова за все время получила в Бухаресте одноединственное письмо.

Что касается Виктора Федорова, то хотелось бы процитировать литературоведа Вадима Ярмолинца:

В семье царил настоящий культ Виктора Александровича. Выполненные карандашом и маслом автопортреты ухоженного красавца украшают дома американских и швейцарских Федоровых. На фотографиях он предстает спокойным, сосредоточенным, полным достоинства. У него черные, аккуратно зачесанные назад волосы и модные костюмы. Он позирует для камеры в фотостудии, в театральной мастерской, с молодой подружкой на яхте. Бесспорная красота подчер-

А.М. Федоров за мольбертом
(пишет портрет жены).
София, 1930-е гг. ОЛМ

А.М. Федоров и Лилияна Шульц.
София, 1940-е гг. ОЛМ

А.М. Федоров с внуком друга.
София, 1945 г. ОЛМ

Невена Желязова. София, 1970-е гг. ОЛМ

квивает трагичность его судьбы. Но из передающейся из поколения в поколение семейной истории явно следует, что мученик не безгрешен. Объективный наблюдатель не может пройти мимо того факта, что в начале биографии Виктора Федорова лежит предательство. Нет, не предательство родины – в Гражданскую его побег был объясним и оправдан – он спасал жизнь. Но, бежав из погибающей от голода и тифа Одессы, Виктор бросил на произвол судьбы жену и двух сыновей-погодков, стареющую мать. В этом он повторил поступок отца, бежавшего за границу годом раньше. Как это могло произойти? Вопрос о брошенной матери первым задал Катаев – в «Вертере». «Она оберегала его от превратностей революции, а он тем временем уплывал на лодке вместе с какими-то будто бы хорошо ей знакомыми людьми через Днестр, где в предрассветном тумане темнели густые прибрежные камыши и слабо маячили фигуры румынских пограничников. Теперь он был уже в полной безопасности, но навсегда потерян для нее, и это было невыносимо тяжело. Почему же он бросил ее одну, не взял с собой?»¹⁷ Действительно, почему? И не была ли вся его последующая жизнь расплатой за предательство?¹⁸

Одно из стихотворений А.М. Федорова отражает горькие мысли русского поэта-эмигранта:

Не дай мне, Боже, догореть
Углем в золе.
Не дай мне, Боже, умереть
В чужой земле¹⁹

Могила А.М. Федорова на Софийском кладбище, 1970-е гг. ОЛМ

Но писателю было суждено умереть именно на чужбине. Немолодой человек, изнуренный переживаниями о судьбе сына и отрывом от родины, длительной работой над автобиографическим романом, не выдержал всех волнений. 20 апреля 1949 г. у него случился инсульт, и через неделю Александр Митрофанович скончался.

Похороны были более чем скромными. Русская община побоялась показаться в кладбищенской церкви, и хоронили писателя только самые близкие друзья, среди которых была семья писателя и поэта Стилиана Чилингирова. Чилингиров произнес прощальное слово о незабвенном товарище и писателе, с которым его связывало многолетнее прекрасное творческое и дружеское общение. В скорбные дни после ухода А.М. Федорова Чилингиров написал стихи, посвященные другу:

В храма мрак и вощеници в мрака –
Под тяхното сияние мъртвец.
До гроба чужденец смирено чак
С поднесен от поклонници венец.
Догдето словото безсмъртно иде
От твоите творения до нас
Ала ще бъдем с тебе всеки час²⁰.

После эмиграции книги Александра Федорова в Советском Союзе не издавались, лишь в 1981 году в Уфе был переиздан роман Федорова “Степь сказала”.

Стихи Федорова, написанные в эмиграции, полны тоски по покинутой родине:

Уезжать – умирать почти,
Хоронить то, где жил, любя.
Хоронить там и часть себя,
Прожитому сказать: прости.²¹

Пронизаны философскими размышлениями о смысле жизни, иногда – тревогой за судьбу единственного сына Виктора:

Где ты, мой мальчик, где ты?
Мне сердце бьет озноб.
У сердца молю ответа,
Но и вещее сердце поэта,
Оно молчит, как гроб.²²

Прослеживаются в них также и размышления о судьбе оставленной родины:

Что знаем мы? Куда нас тянет
Над вечной пропастью стезя?
Покуда гром с небес не грянет,
Проведать как всегда нельзя.

И не напрасно враг надменный
Грозой обрушился на Русь.
Он расковал в ней гений пленный.
Родной мне мощью я горжусь.²³

Сохранился эмигрантский архив Федорова, переданный со временем его падчерицей Лилианой Шульц Фонду культуры в Москве. В 1989 и 1999 гг., во время приездов в Одессу, она передала часть рукописей и фотографий писателя в Одесский литературный музей.

Есть среди рукописей, подаренных ОЛМ, и стихи о любви, посвященные той, кого так страстно полюбил Александр Федоров в Болгарии – Невене Желязовой, ставшей его женой:

Птичка моя милая, травка моя нежная,
Облачко вечернее, солнышко мое.
Пред тобой раскрылася власть моя мятежная,
Страсть моя безбрежная. – Полюби ее.²⁴

Всего в фонды ОЛМ Лиляной Шульц было передано 72 рукописи стихотворений Александра Федорова и 5 стихотворений, записанных ею по памяти. Мы публикуем здесь не все стихотворения поэта, а те из них, которые, по нашему мнению, наиболее интересны и наиболее отражают мысли и настроения Федорова в трагический период его жизни – эмиграции и отрыва от родины.

В 2018 одесский писатель и литературовед Вадим Ярмолинец, ныне живущий в США, опубликовал наиболее информативную на сегодняшний день статью «На грани забвения» (реконструкция семейной биографии писателя А.М. Федорова)²⁵.

¹ Литературное наследство. – Т. 68. – М., 1960 – С. 635.

² Бунин И.А. Собр. соч. в 9 т. – Т. 8. – М, 1967. – С. 394.

³ Литературное наследство. – Т. 68. – М, 1960. – С. 387.

⁴ Чуковский К.И. Две королевы // Литературная Россия. – М, 1967. – № 36. – С. 18-19.

⁵ ИЗЛИ. Собрание Бурцева А.Е. – Поступл. 1934 г. Архив А.И. Куприна, ф. 242, оп. 1, № 203. – ИРЛИ, Архив А.И. Куприна, ф. 242 оп. 1, № 203.

⁶ Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. – М., 1989. – С. 171-172.

⁷ Ахматова А.А. Собр. соч. в 6 т. – Т. 1. – М., 1998. <http://flibusta.is/b/355016>

⁸ Катаев В.П. Собр. соч. в 10 т. – Т. 6. – М., 1984. – С. 258.

⁹ Там же. – С. 256.

- ¹⁰ Федоров А.М. Автобиография. Цит. по: Фидлер Ф. Первые литературные шаги. – М., 1911. – С. 106.
- ¹¹ Устами Буниных. – Т. 1. – Frankfurt/Main. Possev-Verlag. 1977. – С. 328.
- ¹² Федоров А. Как посрещнах Новата година в България // Мир. XXX. – 1926. – 31 декември. – № 7950. – С. 3. Цит. по: Каназирска М. Вдали от берегов // Новый журнал. – 2011. – № 265. <http://magazines.russ.ru/nj/2011/265/ka9.html>
- ¹³ Петкова М. Возвращение // Софийские новости. – 1989. – 1-7 март. Цит. по: Каназирска М. Вдали от берегов // Новый журнал. – 2011. – № 265. <http://magazines.russ.ru/nj/2011/265/ka9.html>
- ¹⁴ Каназирска М. Вдали от берегов. // Новый журнал. – 2011. – № 265. <http://magazines.russ.ru/nj/2011/265/ka9.html>
- ¹⁵ Русское дело. (Хроника). – 1921. – № 1. – 3 августа. – С. 4. Цит. по: Каназирска М. Вдали от берегов...
- ¹⁶ Федоров А. А.С. Пушкин // Славянски календар. – София, 1920. – С. 51-61. Цит. по: Каназирска М. Вдали от берегов...
- ¹⁷ Катаев В. Избранное. Уже написан Вертер. – М: Худ. лит. – С. 64.
- ¹⁸ Ярмолинец В. На грани забвения // Волга. – 2019. – № 1. <https://magazines.gorky.media/volga/2019/1/na-grani-zabveniya.html>
- ¹⁹ Федоров А. Не дай мне, Боже. – Цит. по: Каназирска М. Вдали от берегов...
- ²⁰ ЦДА. – Ф. 108. – К. Оп. 2. – А. е. 1555.– Л. 223.
Подстрочный перевод:
В храме мрак и свечи в мраке
Под их сиянием мертвец,
У могилы чужеземец смиренно ждет
С привезенным поклонниками венком. <...>
Покуда слово бессмертное струится
Из твоих творений к нам
Мы будем с тобою каждый час.
Цит. по: Каназирска М. Вдали от берегов...
- ²¹ Федоров А. Уезжать – умирать почти. – ОЛМ. Р-2033, КП-22176/ 14.
- ²² Федоров А. Где ты, мой мальчик, где ты? – ОЛМ. Р-2027, КП-22176/8.
- ²³ Федоров А. Неопалимая купина. – ОЛМ. Р-2028, КП-22176/ 9.
- ²⁴ Федоров А. Птичка моя милая... – ОЛМ. Р-2026, КП-22176/ 7.
- ²⁵ Ярмолинец В. На грани забвения // Волга. – 2019. – № 1. <https://magazines.gorky.media/volga/2019/1/na-grani-zabveniya.html>

Рукописи А.М. Федорова в фондах ОЛМ

1. Постучалась мне ночью в окно... 08.07.1920.
1 лист. Р-2067, КП-22553.
2. Ушедшие. 23.04.1939.
1 л. Р-2021, КП-22176/2.
3. Есть где-то какие-то страны... 22.06.1939.
1 л. Р-1989, КП-22 177/1.
4. Улыбка, благородство лба... 30.07.1939.
1 л. Р-2030, КП-22176/11. .
5. Отшельник. Ок. 1940.
1 л. Р-1990, КП-22177/ 2.
6. У волн, огня, ветров, дождя... 25.12.1941.
1 л. Р-2071, КП-22738.
7. *Suum quique*. 1941.
1 л. Р-2037, КП-22176/18.
8. Заброшенный приморский городок... 28.04.1942.
1 л. Р-2022, КП-22176/ 3.
9. Мне нынче четко снилось... 28.06.1942.
1 л. Р-1994, КП-22177/ 6.
10. Есть вещи, о которых наяву... 26.09.1942.
1 л. Р-2072, КП-22739.
11. Не тебе, о Боже, нужны... 15.11.1942.
1 л. Р-2044, КП-22176/25.
12. Когда окровавленный Апель... 29.11.1942.
1 л. Р-2073, КП-22740.
13. Я боюсь, что из мира уйду... 23.12.1942.
1 л. Р-1992, КП-22177/4.
14. Без утешенья, без участия... 23.12.1942.
1 л. Р-2034, КП-22176/ 15.
15. О, милый друг... 26.12.1942.
1 л. Р-1993, КП-22177/5.
16. Тоскою онемелой. 1942.
1 л. Р-2031, КП-22176/ 12.
17. Любовь. 01.01.1943.
1 л. Р-2007, КП-22177/19.
18. Лик заревой. 02.01.1943.
1 л. Р-2006, КП-22177/18.
19. На песке, на побережье морском... 03.01.1943.
1 л. Р-1996, КП-22177/8.

20. Тайна. 10.01.1943.
1 л. Р-2000, КП-22 177/ 12.
21. Разочарование. 10.01.1943.
1 л. Р-2039, КП-22176/20.
22. Плотно окна я закрыл и двери... 28.01.1943.
1 л. Р-1997, КП-22177/9.
23. Они друг друга не знали... 09.02.1943.
1 л. Р-2008, КП-22177/20.
24. Уж семена в земле прозябли... 11.02.1943.
1 л. Р-2010, КП-22177/22.
25. Кровь смирилась и утихла ярость... 28.02.1943.
1 л. Р-1996, КП-22177/7.
26. Там за горами дали... 08.05.1943.
1 л. Р-2075, КП-22742.
27. Есть странные звуки в ночи... 20.05.1943.
1 л. Р-1998, КП-22177/10.
28. Страшно, когда любимый умирает... 25.05.1943.
1 л. Р-2005, КП-22177/ 16.
29. Дубы. 05.06.1943.
1 л. Р-2005, КП-22177/17.
30. Не всяк весел, кто поет... 10.06.1943.
1 л. Р-2074, КП-22741.
31. О, сколько лжи совсем невольной... 18.06.1943.
1 л. Р-1999, КП-22177/ 11.
32. Вьются, в прятки играют тропиночки... 05.07.1943.
1 л. Р-2024, КП-22176/5.
33. Сожженные стихи. 08.07.1943.
1 л. Р-2001, КП-22177/ 13.
34. Так вот с неба и тянутся... 08.07.1943.
1 л. Р-2076, КП-22743.
35. Полдень дышит и не дышит... 12.07.1943.
1 л. Р-2003, КП-22177/15.
36. Уж ты давно в земле истлела... 25.07.1943.
1 л. Р-2035, КП-22176/16.
37. Неживая вода. Калище, 07.10.1943.
1 л. Р-2025, КП-22176/6.
38. Всю ночь лежать без сна...10.11.1943.
1 л. Р-2009, КП-22177/21.
39. Сомнение. 02.12.1943.
1 л. Р-2032, КП-22 176/ 13.

40. Из колокольной бронзы... 27.12.1943.
1 л. Р-2079, КП-22746.
41. Голос наших детей. 1943.
1 л. Р-2038, КП-22176/19.
42. Вся наша жизнь – неизбежность... 1943.
1 л. Р-2011, КП-22177/ 23.
43. Вглубь вечернего неба... 1943.
1 л. Р-2012, КП-22177/ 24.
44. Погасли среди крови и злобы огни...10.02.1944.
1 л. Р-2041, КП-22176/22.
45. В белоснежных прибрежных горах... 11.02.1944.
1 л. Р-2013, КП-22177/ 25.
46. Дождь прошел и перестал... 29.06.1944.
1 л. Р-2014, КП-22177/26.
47. С гор над хатами поселка... 03.08.1944.
1 л. Р-2078, КП-22745.
48. Вечер одет в легкий туман... 12.12.1944.
1 л. Р-2069, КП-22736.
49. Опальная сорвалась в мир звезда... 20.03.1945.
1 л. Р-2040 КП-22176/21.
50. Засуха. 28.07.1945.
1 л. Р-2016, КП-22177/28.
51. Волк. 27.12.1945.
1 л. Р-2015, КП-22177/27.
52. Раскрылась солнечная книга... 01.01.1946.
1 л. Р-2017, КП-22177/29.
53. Уезжать – умирать почти... 1946.
1 л. Р-2033, КП-22176/ 14.
54. Возвратились с полей стада... 26.09.1947.
1 л. Р-2018, КП-22177/30.
55. В прощальные ласки заката... 06.10.1947.
1 л. Р-2019, КП-22177/31.
56. Прощание осени хрустальной... 10.10.1947.
1 л. Р-2070, КП-22737.
57. Есть у цветов своя тайна... Чертополох. 1947.
1 л. Р-2043, КП-22176/24.
58. Ушла, навек утратив связь... 16.09.1948.
1 л. Р-2077, КП-22744.
59. Тишина. 05.03.1949.
1 л. Р-2002, КП-22177/14.

60. Дороги.
3 л. Р-2020, КП-22176/ а, б.
61. Монолог.
1 л. Р-2023, КП-22176/4.
62. Птичка моя милая...
1 л. Р-2026, КП-22176/ 7.
63. Где ты, мой мальчик, где ты?
1 л. Р-2027, КП-22176/8.
64. Неопалимая Купина.
4 л. Р-2028, КП-22176/ 9.
65. Благодать заревая.
1 л. Р-2029, КП-22176/10.
66. Сосны.
1.л. Р-2036, КП-22176/17.
67. Явление наше в мир – забвение и сны...
1 л. Р-2042, КП-22176/23.
68. Ветер, как волчья стая... (на обороте листа).
1 л. Р-2042, КП-22176/23.
69. Сорваны вешние розы...
1 л. Р-2045, КП-22176/26.
70. Друг друга ложью мы тираним...
1 л. Р-2046, КП-22176/27.
71. Я испытал и не во сне...
1 л. Р-2068, КП-22735.
72. Ветряк.
1 л. Р-1991, КП-22177/ 3.

Стихотворения А.М. Федорова, записанные по памяти Л. Шульц

1. Только осенью в небе.
1 л. НВ-9063/1.
2. Кто там в горах.
1 л. НВ-9063/2.
3. Поезд прогремел на мосту.
1 л. НВ-9063/3.
4. Наши тополи переросли верх крыши.
1 л. НВ-9063/4.
5. Для будущего счастья человека.
1 л. НВ-9063/5.

Александр Федоров

Стихи

Постучалась мне ночью в окно
Ветка голых, продрогших сиреней.
Отвори мне. Здесь так холодно,
Здесь так страшно под бурей осенней.

Отвори мне окно и впусти.
Средь тепла и покоя, и света
Буду я, как весною, цвести,
Буду радовать сердце поэта.

Крепкой ставней прикрыл я окно.
Нет! Бездомную птицу от вьюги
Я пригрел. Это было давно
И склевала она как зерно
Мое сердце и скрылась в испуге.

7. 07. 1920

Улыбка, благородство лба,
Гармония тонов и линий.
И этот Божий перл судьба
Навеки заклала пустыней.
Так иногда в степной глуши
Цветок распустится махровый,
Ничьей не радуя души,
Своею красотой пунцовой.
Ничью он жизнь не озарит,
Не просияет пред толпою.
Никто ему ни враг, ни щит.
Так он и сгинет от копыт
Волов, идущих к водоюю.

30.12.39 г.

SUUM QUIQUE

Почтенный муравей, на розу глядя снизу,
Угрюмо проворчал: «Дивлюсь на род людской:
Покорный глупому какому-то капризу,
За что он чтит тебя? Вот я, так день-деньской
Тружусь, ни отдыха ни зная, ни покоя,
То под землей, то здесь, в грязи, в пыли, в поту.
Разыскивая корм, воюя, руша, строя.
А ты, бездельница?... И роза на героя,
Взглянув, ответила смиренно: – Я цвету.

31.01.41

Заброшенный приморский городок,
Но моря даль над далью небосвода.
И вдруг глухой настойчивый гудок:
Зовущий рев большого парохода.
Как задрожало сердце, ведь ему
В том бычьем реве зов воспоминанья.
Пустая блажь! Конец всему, всему.
Конец? От первого же дня изгнанья.

24.05.42

Тоскою онемелой
Томит ночная мгла.
Под занавеской белой
Окно тусклей бельма.
И все ж, как у слепого,
Таится жизнь за ним.
Бельмо такое ж – слово
Дано стихам живым.
Оно ревниво прячет
То, чем цветет гроза.
Лишь если сердце плачет,
Слова живит слеза.

20.12.42

Вся наша жизнь – неизбежность.
Может быть сердцу дано
Установить эту смежность
С тем, что покуда темно.
Молния кроется в туче.
Птичье гнездо на дубу.
Знать ли ему или лучше
Не знать про свою судьбу?
Бойся соблазнов наитий,
Вспышек земного огня.
Не надо связывать нитей
С тайной грядущего дня.

23.12.42

Вьются, в прятки играют тропиночки,
Одинокие сиротиночки.
Средь хлебов и средь трав некошенных
Для незваных вы, для непрошенных.
Не для лодыря, не для ворога,
Проторили вас, – кому дорого
Быстролетное время рабочее, –
Сердце, к миру и дому охочее.

Редки тут праздномысли прохожие.
Вы тропинки святые и Божии,
Трудовыми людьми проторенные,
Благодатью небес озаренные.

Ах, дороги, дороженьки русские,
То широко прямые, то узкие.
Полонившие даль бесконечную,
Вы вплелись в нашу жизнь скоротечную.
И взманили такими обетами,
Что останетесь в песнях воспетыми.

Я люблю вас любовью сыновнею,
С вами связан я силою кровною.
Вы живые, вы сердцу любезные,
Вы не то, что дороги железные.
Ни ночами, ни днями не спящие,
Вы издревле – пути настоящие.

5. 07.43 г.

Уж ты давно в земле истлела,
И вдруг твой образ, как цветок,
Зацвел. И душу мне и тело
Воспоминанием зажег.
То, что ты взял от нас, о Боже,
Что уж не теплится в золе,
Душе становится дороже
Всего живого на земле.
Так от звезды, давно погасшей,
Лишь через много-много лет
Доходит в ночи жизни нашей
Благословляющий привет.

25.07.43

Опальная сорвалась в мрак звезда.
И там, в назвездном океане
Планеты рушатся и гибнут, как суда,
При столкновении в тумане.
Так надо. Еще мир сложился не вполне.
В нем есть приливы и отливы.
Дыханье космоса исходит не извне,
Оно и в нас, и мы им живы.
Прислушайся к движению зыбей,
К их голосам глубинно-вещим.
И в этом хаосе восторгов и скорбей
Почуешь то, чем мы трепещем.
Мир вечно строится. Кому? Зачем? Увы,
Чтоб только строить в буйстве яром
До иступленья, до потери головы
То, что Земле дается даром.

20.03.45

Ветер, как волчья стая,
Воет, деревья рвет.
Калитка незапертая
Мечется взад-вперед,
Точно больной в кошмаре.
Ржавые петли визжат.
И при каждом ее ударе
Сердце ей вторит в лад.
С утра тяготит и мучит
Меня этот жуткий день.
Над самой землею тучи,
И над самым сердцем тень.
Как в раковине улитка
Я нынче с утра в дому.
Ветер рванул. Не пойму,
Сорвалась с петель калитка
Иль сердце: одно к одному.

25.05.44

Уезжать – умирать почти,
Хоронить то, где жил, любя.
Хоронить там и часть себя,
Прожитому сказать: прости.
Это траур надежд былых
И поэмы последней стих.
Уезжать – умирать почти,
Не со смертью ль игра – отъезд?
Не посев ли средь малых мест
Слов души? Им, увы, не цвести
Под плитою с надгробным «прости».

Уезжать – умирать почти.

Перев. с французского

26.03.46

Л. Шульц

Благодсть заревая
Невидимкой птичкой
Мне впорхнула в сердце
И запела песню.
О месяце тонком,
О дорожной травке,
О твоей улыбке.
Прозвучала в сердце
Песня, как молитва.

Раскрылась солнечная книга,
Где вместо писанных страниц
Белели, чище миг от мига,
Живые крылья белых птиц.

Они воздушною станицей
С земли поднялись в вышину.
Я в этой книге был страницей,
В земном написанной плену.

И перья все и трепет крылий –
Был мудрость, правда и добро.
И говорило без усилий,
И пело каждое перо.

Из моего крыла упало
Перо, блистая на лету.
И опустилося устало
В глухом кладбище на плиту.

И меж плитами гробовыми
Прочел я с солнечных высот
На камне собственное имя,
Год смерти и рожденья год.

1.01.46 г.

НЕЖИВАЯ ВОДА

Замшенная сыростью Залка
Меж двух омертвелых долин.
Колодезь. На жерди черпалка.
Дорога, прямая как клин.
Вблизи ни жилья, ни поселка,
В дороге ни тени следа
Скота, человека иль волка.
Да есть ли в колодце вода?
Быть может и есть – неживая,
Колодезь – отверстая пасть.
Где смерть задремала, зевая,
Насытившись жертвами всласть.
И дышат отравой тлетворной
Колодезь, черпалка и жердь.
И камень осклизлый и черный,
И месяц, холодный как смерть.
Откуда-то... то ль из колодца,
То ль прямо из недр земли

Гуденье глухое несется,
Гуденье металлов и тли.
Кому и зачем это надо?
Проклятье, злодейство, чума?
Дыханье бездушного гада?
Иль сам я бреду, без ума?
Как это случилось, и где я?
И может ли быть, чтобы мы,
Землю и небом владея,
Терпели владенье чумы?
Да, в царстве машин все возможно,
И самое царство машин –
Колодезь, гниющий безбожно,
Меж двух омертвелых долин.
Не сила машин ненавистна,
А то, что ей душу труда
Слепцы убивают корыстно.
Что в ней – неживая вода.

Калище 7.10.47 г.

ПОСТРИГ

Прощанье осени хрустальной,
Но грустен яркий день с утра.
Воспоминанья миг венчальный
Остался в пепле от костра.
Еще деревья в позолоте,
Но полон гленье их наряд.
И листья вялые в дремоте
На землю падают и спят.
Так суждено им ныне свыше.
Вдруг ветер взмыл из-за куста,
И листья бросились как мыши,
Совсем как мыши от кота.

Но этот призрак оживленья
Лишь вспыхнул искрою на миг.
Природа, сбросившая гленье,
Принять готова свой постриг.
Так у вдовы осиротелой,
Соблазн отринувшей мирской,
На миг порыв молодого тела
Вспугнет божественный покой.
И как очнувшиеся мыши
Бегут опавшие мечты.
Порыв упал, и сердце тише,
Чем раньше было у черты.

10.11.1947

Где ты, мой мальчик, где ты,
Всю ночь я тебя зову.
Но печалью Земля одета.
Молча ночь от рассвета
Уходит в синеву.

Где ты, мой мальчик, где ты,
Я пытаю у зорь и дня.
И острее стального стилета
Ранит луч меня.

Где ты, мой мальчик, где ты?
Мне сердце бьет озноб.
У сердца молю ответа,
Но и вещее сердце поэта,
Оно молчит, как гроб.

София 26.04.2(6)

МОНОЛОГ

В чужой стране, в пристройке чердака
Я снял себе подобие каюты.
Былая жизнь, светла и широка,
Мне видится в тяжелые минуты.
Друзья, успех, довольство и цветы,
Заветный труд и ясная свобода –
Все там. А здесь? Да впрямь – и это ты.
Ты? Здесь? Старик у гробового входа.

Явленье наше в мир – забвение и сны.
Звезда, которая восходит вместе с нами,
Имела свой приют вдали за небесами,
Но, покидая свет неведомой страны,
Уносим мы с собой в земное пепелище
Воспоминанье о сияющем жилище,
О дивной родине, не знающей тревог.
Где в славе отчий дом, и этот дом наш – Бог.

Есть где-то какие-то страны...
(О них я тоскую в миру),
Где жизнью не правят тираны,
Где люди стремятся к добру.
Конечно, то дикие люди.
Природа там тоже дика.
Они о Христе и Будде
Не слышали даже пока.
Но есть и свои у них боги,
И боги те к добрым добры,
А к злым беспощадны и строги
И, ясно, – друзья детворы.
Они со зверьми очень дружны,
Хор – птицы, цветы – фимиам.

Им храмы и жертвы не нужны,
Под небом повсюду им храм.
Хранят их пески, океаны
От наших коварных чудес.
И радио, аэропланы
Туда не пригнал еще бес.
Боюсь, что и мне будет трудно
Добраться до них на юру.
И я, погрузив безрассудно,
Не видя их, так и умру.
Боюсь вам сказать не в обиду:
Подобных и не было стран.
Иль их, как и встарь, Атлантиду,
Давно б поглотил океан.

Птичка моя милая, травка моя нежная,
Облачко вечернее, солнышко мое.
Пред тобой раскрылася власть моя мятежная,
Страсть моя безбрежная. – Полюби ее.

Ночка моя звездная, зорька моя алая,
Яблочко ты райское, хмельное питье.
Пред тобой склонилася голова усталая,
Голова безумная. – Полюби ее.

Рыбка златоперая, струйка искрометная,
Слов таких нет ласковых, метких, как копьё.
Я – душа бездомная, в горе безответная,
В счастье беззаветная. Полюби ее.

**Из стихотворений А. Федорова,
написанных по памяти Л. Шульц**

Невене Желязовой

Наши тополи переросли верх крыши,
А лишь год прошел, да, год всего.
Шум листвы их стал заметно тише,
Как биенье сердца моего.
От земли все дальше их вершины,
Сердце ж приближается к земле,
И, угаснув, станет комом глины.
Уголь задыхается в золе.
Ты его зарой под тополями,
И когда пройдет недолгий срок,
Между их зелеными листьями
Превратится и оно в листок.
И когда пройдешь здесь без меня ты
И услышишь снова шум листвы,
Знай, что в этом мире нет утраты,
Если чувства наши не мертвы.

Для будущего счастья человека
Кругом кипит кровавая вражда.
Для будущего счастья человека
Взрываются на воздух города.

Для будущего счастья человека
Молитвой освещен разбой.
Для будущего счастья человека
Цвет, молодость бросают на убой.

Для будущего счастья человека
Останутся в живых лишь старики.
А если кто воротится – калека,
Иль сумасшедший с страха и тоски.

Для будущего счастья человека
Горит до гла и топчется в грязи
То, что творили гении от века,
То, в чем видны господнии стези.

Для будущего счастья человека
Ум извращен, душа осквернена.
Для будущего счастья человека
Будь проклята великая война!

Вадим Ярмолинец (США)

Семейные воспоминания Вадима Викторовича Федорова

Запись воспоминаний о писателе Александре Митрофановиче Федорове, его сыне – известном румынском сценографе Викторе Федорове и его первой жене, своей матери – Надежде Леонидовне Ковалевской внук писателя Вадим Викторович Федоров сделал в 90-е годы для детей и внуков. Не думаю, что он предназначал их для публикации в прессе, просто хотел сохранить семейную историю. Записи эти мне передала его вдова – Наталья Георгиевна Федорова, в девичестве Чирикова. Она – внучка писателя Евгения Николаевича Чирикова, который, как и А.М. Федоров, бежал на Запад в годы Гражданской войны. А.М. Федоров осел до конца дней в Софии, Е.Н. Чириков добрался до Праги, где занимал видное место в жизни русской диаспоры. Здесь пересеклись пути его внучки и внука его коллеги.

В 1945 году Вадим с молодой супругой, братом и матерью оказались в американской оккупационной зоне, что позволило им перебраться в США. Они поселились в Нью-Йорке. Надежда Леонидовна жила в семье сына Леонида в лонг-айлендском городке Си-Клифф, Вадим и Наталья – на севере штата в городе Амстердам, где Вадим, химик по образованию, работал на местном текстильном предприятии. Наталья Георгиевна живет сейчас в Вирджинии с семьей сына Вадима – полковника американской армии в отставке. И эта история, еще одна типичная, начавшаяся в Одессе и продолжившаяся в Нью-Йорке.

История семьи Федоровых архетипична и в контексте истории белой эмиграции. Она воплотила трагизм эпохи, трагизм вынужденной жизни на чужбине, невольном участии в двух страшных войнах. Она важна еще и потому, что А.М. Федоров оказался в числе авторов, чье творчество осталось на перевернутой революции и гражданской войной странице русской литературы, скрытой от глаз современного читателя. И она может быть особенно интересной для Одессы, где Александр Мирофанович провел лучшие, наиболее плодотворные годы своей жизни.

В.В. Федоров**Воспоминания****Дед. Александр Митрофанович Федоров (1868–1949)**

Я помню дедушку с того времени, когда мне было пять лет. Это было в Софии, куда моя мать со мной и братом прибыла из России в 1921 году.

В 1921 году моему дедушке было 53 года. Бабушка Лидия и мама звали его Сашей, а мы с братом звали его дидиком. Он был совершенно седым. У него были маленькие усы и бородка, тоже совсем белые. Мне кажется, что я похож на него. У него были живые карие глаза и красивый нос. Он был невысокого роста, но с прекрасной осанкой. Очень энергичный. Он обожал меня с братом, и мы обожали его. Он был поэтом и на ходу сочинял смешные стишки для нас. Некоторые я еще помню, некоторые остались записанными. Он проводил с нами много времени, и нам всегда было весело с ним. Помню наши продолжительные прогулки с ним в софийском Парке царя Бориса.

Он познакомил нас с едой, которую я люблю по сей день: греческие маслины, брынза, редис, арбузы, йогурт, турецкие сладости и многое другое.

В 1925 году мы с матерью переехали в Чехословакию, где нас приняли в школу-интернат. Сначала мы ехали на поезде в Лом, а оттуда на пароходе по Дунаю – до Братиславы. Несколько раз мы проделывали тот же путь в обратном направлении, чтобы провести лето с дедом. Ехали поездом до Братиславы, а там садились на пароход, который приходил из

Вены. Мать оставляла нас в небольшом кафе, где мы ждали ее, пока она покупала билеты и сдавала багаж. Это было невыносимо – я страшно паниковал от мысли, что мама может опоздать или вообще не вернуться.

Помню, что пароходы носили имена планет: «Юпитер», «Сатурн», «Уран». На бортах располагались огромные колеса. Этим они отличались от пароходов на Миссисипи, у которых колесо расположено сзади.

В.А. Федоров. Портрет А.М. Федорова.
1920-е гг. ОЛМ

Путешествие было романтичным, хотя с удобствами дело обстояло не очень хорошо. Мы ехали туристским классом, где не было кают, и для ночевки нам нужно было отыскивать складные стулья. Мы ставили их в ряд и ложились на них – обычно прямо на палубе.

Мне нравились эти пароходы, прежде всего машинное отделение, а бело-синяя форма с золотыми украшениями у капитана и других офицеров казалась мне очень нарядной. Мне нравились ловкие матросы, которые говорили между собой только на немецком, и еще – канаты, запах мазута и речной воды. Сейчас, когда я прогуливаюсь возле причалов на берегу нашего Мохока, я узнаю запахи, которые мне так запали в душу на Дунае.

Обычно мы были в пути двое суток. Самым красивым городом на Дунае был Будапешт. Ночной вид был потрясающим. Многочисленные мосты через Дунай и здание парламента были освещены. На пароходах и в самом городе кипела жизнь. Белград был не так привлекателен. Следующим красивым местом, о котором говорили все пассажиры, были Железные ворота – река там сужалась, и румынский и болгарский берега образовывали узкое ущелье. Чтобы пройти это место, на борт поднимался лоцман. Длинным шестом он прощупывал дно и давал команды рулевому. Течение у Железных ворот было очень сильным, и всех нас охватывало ощущение опасности. Последняя остановка была в Ломе. Чтобы отнести багаж на софийский поезд, мать нанимала носильщика. Прекрасно помню его. Это был очень загорелый турок, с длинным крючковатым носом, в просторных шароварах с красным поясом. Худой и колченогий, он, однако, легко справлялся с самыми большими чемоданами. Я его побаивался, наверное, поэтому и запомнил.

Когда поезд прибывал в Софию, дедушка уже ждал нас на перроне. После объятий и поцелуев мы усаживались в экипаж с двумя лошадьми и мягкими сиденьями синего бархата – как в сказке. Запах лошадей и навоза делал эту поездку еще более сказочной. По мощенным желтым булыжником улицам мы ехали через самую красивую часть города – мимо дворца царя Бориса, собора Александра Невского и памятника русскому царю Александру Второму, который отменил крепостное право и освободил болгар от турецкого ига. На улице Чепино у дома семьи Желязовых, где жил дедушка, экипаж останавливался.

Госпожа Невена Желязова была очень доброжелательной и скромной. Со временем мы полюбили ее и звали тетей Невеной.

Пожив несколько дней в Софии, мы ехали в деревню Калишче. Здесь дедушка снимал сельский дом с глиняным полом и соломенной крышей. Деревушка лежала между холмов на берегу Струмы. Вода в реке была совершенно прозрачной, и глубина позволяла нам плавать. Крестьяне здесь выращивали коноплю, и когда она созревала, ее косили, складывали на землю и держали влажной, чтобы потом вить из нее веревки и производить ткань.

Дедушка любил рисовать. Он часто брал с собой на прогулки мольберт и складной стул. Если ему нравился какой-то пейзаж, он тут же раскладывал свое хозяйство и принимался за работу. Работал он быстро и уверенно. Стены его комнаты в Софии были сплошь увешаны его картинами. По сей день помню наполнявший его комнату запах масляных красок и скипидара. Среди его друзей была масса художников, дававших ему профессиональные советы. Живя в Одессе, он написал роман о художниках – «Его глаза». В 1919 году по нему сняли фильм. *(Скорее всего, речь идет о фильме одесского режиссера В.К. Висковского, снятом в 1916 г. и, возможно, являющимся экранизацией одноименного романа Федорова. – В.Я.)*

Помню доброту и гостеприимство крестьян, угощавших нас кукурузой, запеченной в углях. Еще нас угощали кашей из тыквы, несладкой, но очень вкусной. Прекрасный ржаной хлеб домашней выпечки был особенно вкусен с маслом и медом. Моим любимым десертом был арбуз.

Мы ездили из Чехословакии в Болгарию несколько раз. Последний раз я поехал сам в 1938 году, когда мне было 20 лет, а деду – 70. Тогда я был не в состоянии оценить деда как человека и, тем более, как поэта. Я не читал его книг и мало знал о нем. Не могу простить себе того, что так и не завел с ним разговор о его личной и профессиональной жизни. Думаю, он испытывал горечь по поводу своей судьбы. Покинув Россию, где власть захватили коммунисты, он потерял семью, отечество, аудиторию.

Сейчас я понимаю, что он прожил интереснейшую жизнь и был замечательным и талантливым человеком. Он был типичным самоучкой. Его дед был безграмотным пастухом. А пьяница-отец – сапожником. Родители умерли, когда ему было 10 лет. Его взяла в дом и воспитала какая-то добрая женщина, зарабатывавшая на жизнь уроками. Из школы его выгнали за революционные взгляды. Александр III был очень жестоким царем, и это провоцировало многих молодых людей того времени на протесты. Деду даже довелось посидеть в тюрьме. *(Сам А.М. Федоров о своем тюремном заключении нигде не упоминает, а конфликт с директором школы возник из-за его стихов. – В.Я.)*

Покинув Саратов, он отправился в Москву и Санкт-Петербург, зарабатывая, чем придется. Однажды он даже был актером в театре. Затем он женился на моей бабушке – Лидии Карловне. Она была немецкого происхождения. Во время их знакомства она пела в оперетте.

Первый поэтический сборник моего деда вышел в 1894 году, когда ему было 26 лет. Он был хорошо встречен критиками и читателями. Со временем он стал известным автором. В 1911 году он написал автобиографию «Мои первые шаги», но, к сожалению, я не видел ее. (Автобиография вошла в книгу «Первые литературные шаги. Автобиографии современных русских писателей», собранную и изданную историком литературы Ф.Ф. Фидлером. – В.Я.)

Дед хорошо зарабатывал, и это позволило ему построить красивый дом в пригороде Одессы, на берегу Черного моря. Там с братом мы и родились. Он много поездил по миру, один раз совершил кругосветное плавание и даже побывал в 1906 году в США. Он описал это в книге «За океаном». Она есть у меня. Он был в Италии, Египте, Палестине, Индии, Индокитае и Японии. По словам моего сводного брата Виктора, он даже пересекал Африку. Он был близко знаком со многими знаменитыми русскими писателями: Антоном Чеховым, Иваном Буниным, Максимом Горьким, Леонидом Андреевым, Евгением Чириковым (Тусиным дедушкой), Анной Ахматовой, а также Куприным, Чуковским, Бальмонтом, А. Толстым и многими другими. Он знал многих художников, актеров, певцов и даже борцов.

Дед получил две Пушкинские награды от Русской Академии Наук. (А.М. Федоров получил два почетных отзыва Пушкинской премии Академии наук России в 1911 и 1913 гг. – В.Я.) Он работал во всех литературных жанрах: писал стихи, рассказы, романы, путевые очерки, сводки с фронтов и пьесы.

Его сын Виктор, которого он боготворил, родился в 1897 году. Он был моим отцом. В это время дедушка был на вершине успеха. В период

Л. К. Федорова с сыном
Виктором. Одесса, 1898. ОЛМ

А.М. Федоров с сыном. 1910 г. ОЛМ

с 1900 по 1919 годы было опубликовано более 35 томов его произведений. (35 томов, включая многократные переиздания его романов, некоторые переиздавались по 4 раза. – В.Я.) Но после большевистской революции и последовавшей гражданской войны всему этому пришел конец. Во время гражданской войны дед работал корреспондентом «Одесских новостей» и клеймил большевиков. Он подписывал свои статьи псевдонимом Маленький Барабанщик.

Когда Красная армия подошла к Одессе, дедушка был вынужден покинуть ее, иначе его бы убили. Это было сложное решение. Бабушка Лидия решила остаться, чтобы присмотреть за домом. Они надеялись, что все эти сложности – временные. Мои родители тоже остались в Одессе.

Покинув в 1919 году Россию, дед поселился в Софии. Он нашел приют в семье Желязовых.

Болгарские писатели приняли его как брата. Но эмиграция тяжело сказалась на нем. Больше всего ему не хватало его семьи. В это же время опасность нависла и над моим отцом, поэтому он тоже решил покинуть Одессу.

В это же время в Софию приехали Тусин дед – писатель Евгений Чириков с сыном Георгием. Они тоже потеряли связь с оставшейся в России семьей. Его старший сын, воевавший с большевиками, числился пропавшим без вести. Впоследствии он нашелся. Из-за зверств большевиков он лишился ноги. Наш дед и дядя Евгений (Чириков) постоянно встречались в болгарской таверне, чтобы поделиться новостями из России и утешить друг друга. Они также разъезжали по разным городам, делали доклады о положении дел в России и читали свои рассказы. Болгары говорили о них: «Русские Кирилл и Мефодий просвещают болгарский народ».

В Болгарии дед получил работу преподавателя русского языка и литературы. В 20-е годы его произведения довольно часто появлялись в газетах и

журналах русской эмиграции. Но все это было несопоставимо с его деятельностью в дореволюционной России. В Советском Союзе за двумя исключениями ничего из его произведений не издавалось. В 1972 году несколько его стихотворений попали в большой том «Библиотеки поэта» – «Поэты 1880-1890 гг.». И еще его роман «Степь сказалась» был переиздан в 1981 году, вероятно, благодаря социальной значимости поднятой в нем темы.

Когда такие, как мой дед, покидали Россию, они были уверены, что скоро вернуться. Они не думали, что большевистская власть продлится. К сожалению, они ошиблись. Одолеть тоталитарный советский режим оказалось очень сложно.

Дед был эмоциональным человеком. Реагировал на все молниеносно и прямолинейно. Мне нравятся такие люди. Еще ребенком в Болгарии я видел, как дед, скрипя зубами, громко поносил кого-то. Позже я узнал причину этой ярости: в начале 20-х группа известных русских писателей, включавшая Максима Горького и Алексея Толстого, вернулась в Россию. Дед считал их предателями и называл «идиотами», «кретинами» и «дураками». Он не мог простить им этого возвращения. С другой стороны, он был так же страстен, когда любил кого-то или восторгался чем-то.

Он боготворил природу. Хорошо помню, как в Калишче, в солнечный летний день он ложился на траву в тени яблони и стонал от счастья: «Какая красота, какая красота!» Он также любил ночное небо, и я часто видел, как он подолгу смотрел на звезды перед тем, как отправиться спать. Он был знаком с астрономией и знал названия многих звезд и созвездий.

Мы переписывались с дедом до самой его смерти. Он слал мне свои многочисленные стихотворения в надежде, что я найду ему американского издателя. К сожалению, все мои усилия были безуспешны. Большинство его рукописей были переданы эстонскому поэту Алексису Ранниту из Восточно-Европейского архива Йельского университета.

Последним ударом для деда стало известие об аресте его сына в Бухаресте и отправке его в сибирский концлагерь. Дед никогда не отошел от этого удара. Он умер 20 апреля 1949 года от инсульта – тихо и мирно.

Перед смертью он написал письмо Сталину, в котором молил освободить его сына, но не получил ответа.

Он похоронен на русском кладбище в Софии. и на его простом надгробии высечено: «А.М. Федоров, русский писатель».

Хочу отдать должное болгарской семье Невены и Лиляны Желязовых, которые в течение 30 лет проявляли любовь и заботу о моем дед. Если

бы не они, я думаю, мы потеряли бы его значительно раньше. В 1988 году Лилиана отвезла архив деда в Москву и передала его Фонду русской культуры. Роскошное русское издание «Наше наследие» напечатало в №32 за 1994 год рассказ деда «Слепой» и его переписку с нобелевским лауреатом по литературе за 1933 год Иваном Буниным.

Поскольку теперь с имени деда в России снято табу, я ожидаю, что в России напечатают его работы, написанные в годы эмиграции, равно как и его старые книги. Это восстановит его имя в истории русской литературы и станет посмертной наградой за его труд.

Отец. Виктор Александрович Федоров (1897–1948)

Отец писал свое имя Feodorov, не так как мы – Fedorov. Мне кажется, что его написание вернее, потому что по-русски вторая буква звучит мягко. А дед, между прочим, писал свою фамилию через греческую фиту, но по какой причине – не знаю.

Я не очень много знал об отце, потому что мы жили в Чехословакии, а он – в Румынии. Если бы я сосчитал, сколько раз я встречался с ним, то не удивился, если бы оказалось, что четыре-пять раз, не считая, конечно, первых двух лет моей жизни. Как-то я свялся с мыслью, что так оно и должно быть, и не задавал матери вопросов по этому поводу.

Знаю, что родители отца обожали и боготворили его. У отца был талант художника, и у меня есть свидетельство его участия в одесской детской художественной выставке – около 1910 года. После окончания школы в 1915 году его приняли в Академию искусств – то ли в Одессе, то ли в Санкт-Петербурге. Он проучился лишь год, потому что началась Первая мировая, и он пошел добровольцем в армию. После учебы в Артиллерийской школе его послали в Румынию воевать с австрийцами. Дед в это время находился там же в качестве военного корреспондента. *(Известно, что Виктор Федоров сдавал вступительные экзамены в Академию Художеств в Санкт-Петербурге, но был ли зачислен в нее – неясно. В 1915 году он приступил к учебе в Одесском художественном училище в классе Кириака Костанди, но в январе 1916 года был мобилизован и направлен в артиллерийское училище, а затем на фронт. Александр Митрофанович был на фронте в качестве военного корреспондента годом ранее. Этот период его жизни отражен в книге очерков «С войны». – В.Я.)*

Много лет спустя отец говорил мне, что очень сожалел о том, что не получил формального художественного образования. Тем не менее,

талант и трудолюбие позволили ему добиться успехов на художественном поприще. Он изготавливал декорации для нескольких театров в Бухаресте, включая Королевскую оперу и Национальный театр – с 20-х годов и вплоть до 1945 года. (В.А. Федоров был арестован 28 декабря 1944 года. – В.Я.)

Под его началом была группа рабочих сцены, но он сам активно участвовал в работе на всех ее стадиях. Иногда он бывал очень резок со своими подчиненными, кричал на них, ругался, но, несмотря на это, его любили и тяжело переживали, когда он оказался в Сибири.

Я был в его студии, говорил с его коллегами, среди которых были оперные певцы. Отец показывал мне боковое сиденье в заднем ряду, где он сидел на репетициях или во время представлений, на случай если срочно понадобится его помощь.

Когда отец приезжал к нам в Чехословакию, он всегда привозил акварель, темперу и пачку белой бумаги. Он всегда рисовал. Он нарисовал по нескольку моих и Лекиных портретов. Как-то он сказал мне, что его любимый художник – Пикассо. Действительно, некоторые его работы напоминали мне раннего Пикассо, хотя его нельзя было бы отнести к модернистам или к классикам. Но мне нравился его стиль.

Постоянно находясь в театре, отец знал музыку и арии из многих опер. У него был сильный баритон, и он пел, когда был в хорошем настроении.

Он любил море и яхты. У него была своя парусная лодка на озере в Бухаресте. Он катал меня на ней в 1937 году. В 30-х он спустился на ней по Дунаю до того места, где он впадает в Черное море.

В 1937 году я окончил школу и приехал в Бухарест, чтобы провести месяц с отцом. Отец был хорошим яхтсменом, и супружеская чета румынских врачей предложила ему пройти на их яхте

В.А. Федоров. Бухарест, 1926 г.
С автографом сыновьям.
Собрание В. Ярмолица

В.А. Федоров. Бухарест, 1930-е гг. Собрание В. Ярмолинца

«Санта Мария» – в качестве капитана – в дельту Дуная. Отец согласился, взяв меня в помощники. Пока мы плыли по Дунаю, все шло гладко, но в Черном море, когда яхта шла на Констанцу, разразился шторм, и мы запутались в рыбацких снастях – бечевках с крючками, которые были привязаны к пробковым поплавкам. Они намотались на винт, и мы не могли двигаться. Я был так напуган, что уже не думал выйти живым из этого переплета. Потом мы увидели приближающуюся лодку с двумя бороатыми мужиками совершенно уголовного вида. Доктор достал пистолет, приготовившись к нападению. Но скоро выяснилось, что это русские рыбаки, чьи предки поселились в Румынии еще в 18 веке. Они принадлежали к какой-то религиозной секте, запрещенной в России. Рыбаки срезали снасти и освободили нас.

Отец был темпераментным человеком, и когда на яхте возникали какие-то проблемы, мог накричать на меня. Как художник он был человеком богемным. Он любил выкурить сигарету и выпить, но, кажется, здоровье у него было хорошим. Оно ухудшилось в концлагере. КГБ предъявило ему обвинения на основании того, что в годы румынской оккупации он делал декорации в Одесской опере. *(Нам неизвестно, делал ли В.А. Федоров декорации для одесской оперы. Обвинение было предъявлено на основании того, что в 1942 году он участвовал в вывозе из Одессы в Бухарест декорации одесской оперы, что было задокументировано. – В.Я.)*

Когда я был в Бухаресте, Виктор (*сводный брат от брака с Еленой Дину. – В.Я.*) водил меня к дому отца на улице Бисерика Энеи, где я гостил в 1937 году. Тогда дом казался мне очень элегантным, но в 1968 выглядел сильно запущенным. В прошлом Бухарест называли «Парижем востока», но в 1968 это был грязный и унылый город. Виктор сводил меня и в Оперный театр, где я встретился с людьми, которые работали с отцом. На одной из фотографий из истории театра я увидел отца за работой.

Мать. Надежда Леонидовна Федорова-Ковалевская (4 августа 1896 – 1 мая 1990)

Мать моя была, конечно, замечательным человеком. Я нежно любил ее. Я обязан ей самой жизнью не только потому, что она родила меня, а потому что она заботилась обо мне в тяжелейших обстоятельствах. Она пожертвовала абсолютно всем ради меня и брата. Ни разу она не упрекнула нас в том, что мы не проявили должной благодарности.

После революции она дважды безуспешно пыталась бежать из России с двумя детьми – двух с половиной и четырех лет, и только третья попытка – на рыбацкой лодке – увенчалась успехом.

Она прожила жизнь вдалеке от мужа, но ее дух не был сломлен. За 94 года своей жизни она дня не провела в больнице. Как-то она сломала руку, и врач оказал ей помощь в клинике Глен-Коува, где она оставалась меньше часа. Она была очень энергична и находила себе занятия до самой смерти. Она любила цветы и проводила много времени в саду. Она любила читать и играть в карты. Играла она отлично, и проигрывать не любила. Когда мне было лет 15, мы играли с ней в «66». Сколько раз мы играли в эту игру, столько раз она выигрывала. Я чуть не плакал. Но мама считала, что игра – это серьезное занятие и не поддавалась ни под каким видом.

*Н.Л. Федорова-Ковалевская с сыновьями.
Прага, 1923. Собрание В.Ярмолинца*

Мать была застенчива и не очень общительна, поэтому даже в церкви появлялась не часто. Жалко, что она не особо заботилась о нашей религиозности. Я завидую религиозным людям, вера должна помогать им в жизни.

Она была строгой, но справедливой по отношению ко мне, Леке и своим внукам. Отлично помню, как она шлепала одного из нас или обоих, а мы кричали, что было сил: «Дорогая, золотая, серебряная, драгоценная, прости и не наказывай нас!» Не помню, кто из нас придумал эту формулу защиты, но она никогда не действовала на нее, и нам все равно попадало. Но, возможно, не так сильно, как могло бы.

Мы были очень нежны с матерью, и она отвечала нам нежностью. Возможно, инстинктивно мы жалели ее за то, что ее личная жизнь не сложилась. У нее бывало плохое настроение, но по большей части она казалась счастливой, остроумной, очаровательной, заботливой.

Когда мы жили в Чехословакии, она получила диплом русской Кооперативной школы, но он так и не принес ей куска хлеба. Всю жизнь она занималась черной работой, дававшей ей возможность поддерживать нас. В 1931 году она переехала в Пильзень, где ее взяли вести хозяйство и смотреть за 8-летним сыном овдовевшего инженера Леонида Филипповича Абрамовича. Мальчика звали Кириллом. Мы приезжали к матери из интерната на Рождество, на Пасху и на летние каникулы. Я любил сладости, но в интернате нас не баловали. На рождественской елке в Пильзенском доме висели украшения из марципана. Они были старые и грязные, но меня это не беспокоило. Втихую я их ел. Кирилл видел это и подначивал меня всю жизнь.

Кирилл был очень добрым и порядочным человеком. Никогда не забуду, какие героические усилия он предпринял в послевоенной Германии, чтобы найти нас. На своем велосипеде он исколесил всю Баварию.

Деньги приходили от отца очень нерегулярно. К счастью, мы получили стипендии и матери не пришлось платить за наш интернат в течение всех десяти лет учебы. Но она поддерживала нас, когда мы учились в колледжах, хотя заработки ее были скудными.

В конце Второй мировой мать пробралась в Германию, а в 1948 году приехала в США, где прожила более 40 лет, продолжая помогать своей семье.

Сначала она жила в Мэйне, а затем в лонг-айлендском Си-Клиффе.

*Н.Л. Федорова-Ковалевская. 1980-е гг.
Собрание В.Ярмолинца*

Меня всегда страшила мысль о ее смерти, которая наступила 1 мая 1990 года. Мать пожаловалась на слабость и головную боль. Алла (жена Леонида. – В.Я.) помогла ей лечь в постель и позвонила мне. Приехав, я поднялся к ней и дал аспирин, надеясь, что это поможет. Прошла минута, и она стала пристально всматриваться в портреты мой и Леки, нарисованные нашим отцом. Они висели напротив ее постели. Она слабо помахала им рукой, словно отбивала куда-то на поезде или на пароходе. Я знал, что это конец. Я поцеловал ее и дал ей фотографию ее праправнучки Саши. Она крепко прижала ее к себе, ее глаза, всегда темные, потемнели еще больше. Она закрыла их и заснула. Она похрапывала, дыхание ее было ровным и глубоким. Я испытал облегчение, поскольку всегда считал, что глубокий сон – лучшее лекарство. Через несколько часов я позвонил Тусе в Амстердам, и она сказала, что у мамы мог быть инсульт и теперь она в коме. Туся оказалась права. Я связался с доктором Иштоком, который подтвердил это и предложил госпитализировать ее. Надя (дочь Леонида Викторовича. – В.Я.) наотрез отказалась, и я согласился с ней. Отец Митрофан причастил ее, сказав, что лучше дать ей тихо умереть дома, чем везти в госпиталь. Мать не просыпалась около 40 часов. Надя лежала на полу возле своей «бабы». Около 4 утра она села на край ее постели и взяла ее руку. Вскоре после этого дыхание ее остановилось. Ей было 93 года. Она похоронена на русском участке Рослиновского кладбища на Лонг-Айленде.

*Перевод, подготовка текста и комментарии
Вадима Ярмолинца*

«Я такая невинная...»

Две заметки о двух одесских поэтах осенью 1915 года

I

Кларимонда идет мимо замка

 рий Олеша очень торопился в литературу. Дебютировал он рано: юному автору еще не исполнилось и семнадцати, когда в октябре 1915 г. в недолго просуществовавшем одесском еженедельнике «Южный вестник» увидело свет его стихотворение «Кларимонда». Стихотворение подражательное, вторичное, но на общем фоне второстепенных поэтических текстов эпохи не худшее и чем-то запоминающееся. Вот оно:

Кларимонда

Кларимонда идет мимо замка

Лунной ночью над домами надушенного бомонда,
Над лачугами, мостами, озаряя купола,
В хризолитовой одежде лунофея Кларимонда
Ходит тихо, ходит свято, лучезарна и светла...

Я безумен, я страдаю – хризолитовая рамка
Зажимает, давит душу: грусть осталась, счастья нет!
Лунофея Кларимонда проходила мимо замка...
Кларимонда, Кларимонда, Кларимонда – лунный свет.

Декорации этого поэтического излияния гимназиста-старшеклассника, все эти замки и мосты, составной неологизм «лунофея», прециозное имя «Кларимонда» и не менее вычурный словарь, где «хризолитовая одежда» соседствовала с «надушенным бомондом» – все, казалось бы, прямо указывало на первоисточник вдохновения. Чего уж больше, если сам автор на склоне лет признавался в записях, составивших мемуарную книгу «Ни дня без строчки»: «Я писал под Игоря Северянина, манерно, глупо-изысканно...»¹. Там же, чуть выше, несравненный восторг при лицезрении кумира:

Это было в Одессе, в ясный весенний вечер, когда мне было восемнадцать лет, когда выступал Северянин – само стихотворение, сама строфа. Правда, я был тогда очень молод; правда, это было весной в Одессе... Эти два обстоятельства, разумеется, немало способствовали усилению прелести того, что разыгралось передо мной. Заря жизни, одесская весна – с сиренью, с тюльпанами – и вдруг на фоне этого вы попадаете на поэзо-концерт Игоря Северянина – поэта, написавшего о редко встречающемся на берегу моря городском экипаже².

Глубокое влияние Северянина на начинающего Олешу подчеркивает и одна из первых советских «олешеведок» И. Панченко, называя его даже «прямолинейным ученичеством» и «ослеплением» и приводя в пример целую гроздь «северянинских» стихотворений Олеша 1917-18 гг. из журналов «Бомба», «Огоньки» и «Фигаро» («Сиреневое рондо», «Письмо истеричной женщины», «Письмо с дачи», «Письмо из степи», «Письмо», «Триолет», «Настроение “Fleur d’amour”»). «Кларимонду», тем не менее, Панченко считает данью «поздне-романтической традиции» и указывает: «По мнению немецкой славистки Гудрун Дювель, это был отклик Олеша на западно-европейскую литературу, которую хорошо знали одесситы (эту тему мы с ней обсуждали в беседах на литературные темы)³.

И действительно, имя «Кларимонда» не найти среди северянинских «Тиан» и «Эсклармонд». М. Коржавина обнаруживает его в знаменитой новелле Т. Готье «La Morte amoureuse» (1836) и в «Пауке» мастера ужасов Г.Г. Эверса, прямо ссылающегося на Готье. Далее предлагается следующая любопытная интерпретация:

Образ роковой, романтической и загадочной женщины-вампириши оказался притягательным не только для писателей Европы, но и в России. Само имя «Кларимонда» обладает возможным «готическим» ореолом в литературе. Подтверждение этому мы можем найти не только в творчестве Т. Готье и Х.Х. Эверса, но и в раннем подражательно-символистском стихотворении Ю. Олеша «Кларимонда» <...>.

В тексте Олеша образ Кларимонды связан с луной. Через номинацию «лунофея» подчеркивается ее мистическое начало. Она возвышается над миром. Несколько раз подчеркивается чистота лирической героини: лучезарна, светла, Кларимонда – лунный свет. Хризолит, который считается оберегом от «злых сил», не спасает героя,

не защищает его, а «зажимает, давит душу: грусть осталась, счастья нет!» Кларимонда, несмотря на свою чистоту, не дарит ему спокойствие. Герой остается наедине со своими страданиями, а Кларимонда растворяется в лунном свете.

Доподлинно неизвестно, кто же оказал влияние на юного Олешу, но очевидно, что между «Влюбленной покойницей» Готье, «Пауком» Эверса и «Кларимондой» Олеша есть определенная связь⁴.

Читал ли Олеша-гимназист Готье, – действительно, «доподлинно неизвестно»⁵. В подтверждение гипотезы можно было бы указать, что «Паук» Эверса до 1915 г. выходил по меньшей мере в двух различных русских переводах. Но так ли очевидно родство «лунофеи» Олеша с вампирическими героинями Готье и Эверса? Нам оно представляется отнюдь не очевидным, несмотря на общие «постусторонние» коннотации; приведенная же выше интерпретация стихотворения, хоть и не лишенная некоторых верных догадок, видится внутренне противоречивой и достаточно далекой от истины.

Кто же она такая, эта загадочная Кларимонда, и почему она все время бродит «мимо замка»? В поисках ответа следует обратиться к кругу чтения начинающего литератора Олеша. Многих исследователей соблазняет ложная парадигма, в рамках которой тот или иной известный поэт либо писатель искусственно огораживается от «второстепенного» литературного фона и, напротив, сближается с такими же известными современниками и предшественниками. Однако подобный прямолинейный и милый исследовательскому сердцу, но порожденный прежде всего незнанием мыслительный шаблон лишь заводит в тупик, и без учета, к примеру, журнальной прозы и поэзии мы мало что поймем во многих произведениях первой четверти XX в. «Кларимонда» в этом смысле не исключение, ибо читал Олеша не Готье и не Эверса, но «тонкие» иллюстрированные журналы.

Одно из первых мест среди них как по подбору авторов, так и иллюстраторов занимал до революции журнал «Аргус», начавший выходить в 1913 г. Именно в этом журнале в 1914 г. была опубликована фантастическая новелла забытого ныне писателя Б. Никонова «Лунный свет», послужившая прямым источником «Кларимонды»⁵. Внимание юного Олеша могла привлечь не только прихотливая фабула новеллы, но и эффектные иллюстрации С. Лодыгина (1893-1961), часто именуемого «русским Бердслеєм».

Повествование в «Лунном свете» ведется от лица писателя, живущего в нормандском прибрежном замке своего друга, маркиза де Боклэра, уехавшего на лето в Норвегию. Замок пуст, за исключением нескольких слуг. Герой пребывает в мире фантазий; мельком услышанное имя «Кларимонда» пробуждает в его уме романтические грезы: «Это имя соткано из лунного света. От него веет красивой жизнью романтического прошлого. Так звали принцессу или прекрасную волшебницу, и из-за нее страдали и умирали короли и рыцари». Призрачная Кларимонда словно водит рукой писателя, когда он поверяет бумаге первую фразу будущей повести: «Кларимонда проходит мимо замка».

Герой постепенно убеждается в реальном существовании Кларимонды, видит проходящую у замка женщину в белом одеянии и в забытии пишет «Повесть о Кларимонде и о том, кто был заключен в башне»:

Кларимонда проходит мимо замка. Она вся светится лунным блеском. <...> Само имя ее сверкает, как бриллианты росы при свете луны. От одного конца мира и до другого конца она проходит сквозь тучи столетий... Вокруг нее теснятся страдания, ненависть, ревность, ужас смерти... Словно шипы и острые камни, они ранят ее... Но свет от бриллианта падает на раны и исцеляет их. <...> Много веков тому назад, она уже проходила здесь мимо замка. Она подходила к стенам высокой башни и поднимала руки к маленькому окну наверху. И тот, кто был заключен в башне, посылал ей привет и слезы любви... И страдание опускалось между ними, как черная занавесь. И только бриллиант сверкал во мраке, пронизывая своим блеском тьму страдания...

Пришедшее от маркиза письмо разъясняет все: в Южной башне замка, где ныне обитает писатель, предок маркиза некогда заточил собственного племянника, приревновав того к местной красавице... Несчастный юноша погиб в заточении – не то заболел туберкулезом, не то уморил себя голодом, а красавица, изредка видевшая его в окне башни, исчезла неизвестно куда.

Тем временем между героем и воплотившейся Кларимондой вспыхивает любовь: «Она прижимается ко мне, и я слышу в ней биение жизни... И тогда все мои опасения, что Кларимонда привидение и обман моего повышенного воображения, разлетаются прахом. Она живая! <...> Нет, это не сон, а явь. Особенная прекрасная явь, которой я пока еще не нахожу объяснения...» События далекого прошлого будто повторяются

вновь: вызванный встревоженными слугами, маркиз возвращается домой; он полон братской преданности и надеется излечить «бедного друга» – и писатель, принятый за душевнобольного либо и впрямь страдающий умственным расстройством, обнаруживает себя узником башни. Приведем финал новеллы:

<...> Таков удел всего человечества! Короткий миг счастья, а затем разлука и глухие стены тюрьмы... Тот, кто несчастен, кто болен, кто томится тщетными запросами духа и загадками бытия – тот неизбежно заключен в стены тюрьмы. И несутся над ним тучи столетий, а он стучится в стены своего склепа и тщетно спрашивает и волны и тучи и небо, где выход из темницы?

И только маленький, маленький просвет открывается ему в будущем. И просвет этот – Кларимонда!

Ее нет... Но я знаю, что она опять пройдет мимо замка. Когда появится луна, и свет ее ляжет искрящейся дорогой над океаном, Кларимонда опять придет ко мне... Она подойдет к подножию моей башни и поднимет ко мне руки...

Кларимонда придет... А пока я каждую ночь отворяю свое окно и кричу на весь мир:

«Кларимонда!»

Я кричу в даль веков... И мой крик останется в мире и пронесется через века и народы. И когда-нибудь лунной ночью он коснется слуха моего потомка... Он вздрогнет, услышав таинственное имя Кларимонды. Он будет вспоминать о ней... Он будет искать ее... Он будет любить ее...

Восьмистишие молодого поэта оказывается, таким образом, не просто свидетельством читательских и литературных предпочтений начинающего Олеси, но своеобразным сокрытым манифестом того, кто «томится тщетными запросами духа и загадками бытия». Текст Никонова, при всей его безыскусности, стал для Олеси одним из определяющих литературных впечатлений юности: помимо «Кларимонды», сказочно-романтическая атмосфера «Лунного света» сказалась в «Трех толстяках», а в образе Николая Кавалерова из «Зависти» звучат отголоски безымянного рассказчика из давней журнальной новеллы.

Иллюстрации С. Лодыгина к новелле
Б Никонова «Лунный свет».
«Аргус», 1914, № 15

II

«Я такая невинная...»

Экземпляр одесского авангардного альманаха «Авто в облаках» достался мне по случаю – если память не изменяет, приобретен он был в 1990-х гг. на одном из московских букинистических аукционов. Книга эта, оформленная и иллюстрированная С. Фазини (т. е. старшим братом И. Ильфа А. Файнзильбергом, 1892–1942/44), ныне довольно редка. Альманах, вышедший в конце сентября 1915 г., примечателен прежде всего своей футуристической направленностью. Как отмечает С. Лущик, «создается впечатление, что книга задумывалась нарочито “футуристической”, эпатажирующей обывателя. На это работала и урбанистическая обложка художника Фазини, и его же “портреты” с элементами кубизма, и большинство текстов Багрицкого (в их числе программный “Гимн Маяковскому”), и стихи мифической Нины Воскресенской, и присутствие двух “настоящих” столичных футуристов» С. Третьякова и В. Шершеневича⁶.

Экземпляр «Авто в облаках» из моей библиотеки, впрочем, книга не просто редкая, но уникальная. На с. 3 под типографской надписью «Э. Багрицкий» – размашистый инскрипт черными чернилами: *«Хороший парень, дай Бог ему здоровье, а за компанию так-же и всем окружающим его. Умейте! Ура! Э. Багрицкий»*.

Расписался Багрицкий и на с. 21 у стихотворения Нины Воскресенской «Дерибасовская ночью (Весна)» – одного из трех напечатанных в альманахе произведений «мифической» поэтессы, включавших парный урбанистический «Порт» (наряду с двумя образчиками городских зарисовок, насыщенных вызывающими эпитетами и нарочито приземленной и отталкивающей метафорикой, «Нина Воскресенская» предложила читателям и лирический монолог «О любителе соловьев»). Принадлежность этого псевдонима Багрицкому не являлась тайной в кругу поэта:

Друзьям и знакомым Багрицкого нетрудно было определить авторство стихов, содержащих ряд намеков, дающих ключ к разгадке. Так, в авторичном стихотворении «О любителе соловьев» обыгрывалось фанатическое увлечение юного поэта пернатыми и перечислялись его любимые породы птиц. А стихотворение «Дерибасовская ночью», стилизованное под раннего Маяковского, было очень похоже по манере на подписанное Багрицким стихотворение «Гимн Маяковскому», опубликованное в том же сборнике. Однако местная критика приняла розыгрыш за чистую

монету и подвергла критике стихи Н. Воскресенской, посоветовав ей заняться домашним хозяйством⁷.

Критики, в самом деле, буквально обрушились на ультра-урбанистическую «поэтессу». В № 1 того самого «Южного вестника», где дебютировал Ю. Олеша, Б. Искров разразился статьей «Бурлючата в облаках»: «Столицей запахло <...> Бурлюками и Маяковскими с их бездарной крикливостью и крикливой бездарностью. И одесское авто в облаках – это своего рода chef d'oeuvre безвкусицы и дурного тона <...> Ничего утешительного в стихах г. Фиолетова, Сторицына, Воскресенской»⁸.

В следующем номере «Южного вестника» некто Эмар жестоко расправился с Воскресенской:

*Единственная «поэтесса» сборника – Нина Воскресенская. Она поет:
Радайтесь, сутенеры; трубы, дома подымайте:
И у Дерibasовской есть своя поэтесса.*

*Напрасно собирающаяся радовать сутенеров Нина Воскресенская
сузила свое ампула: в ее лице и у Николаевского бульвара есть своя
поэтесса. В стихотворении «Дерibasовская ночью» есть такой перл:*

*И памятник Пушкина, засунувши в рот папиросу,
Просит у фонаря: «Позвольте закурить».*

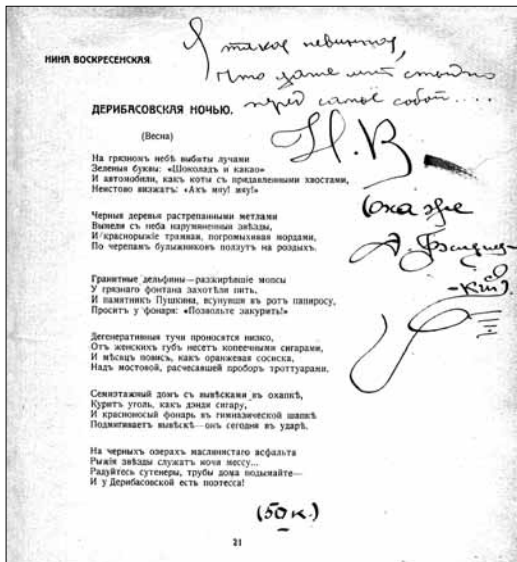
*А кто из одесситов не знает, что памятник Пушкина (ПУШ-
КИНУ?) на Николаевском бульваре? Бедный Пушкин, бедная Нина
Воскресенская. Если бы она не захотела сделаться поэтессой, из
нее бы вышла хорошая хозяйка.*

*Месяц повис, как оранжевая сосиска.
На луне пятна, как на ноздреватом голландском сыре...
Прямо-таки кулинарное...искусство⁹.*

Надо полагать, создатель «Нины Воскресенской» Э. Багрицкий только радовался той буре, которую сумел поднять в стане благонамеренных критиков. «Официально» псевдоним поэта был раскрыт лишь посмертно К. Зелинским в 1936 г.¹⁰. При этом Зелинский соотносил мистификацию Багрицкого с другими женскими поэтическими масками эпохи:

*Тогда царил некий условный романтический стих, своеобразная
амальгама из Гумилева и Северянина, символистов и Изы Кремер.
Тогда процветали мистификации <...> Волошин создал несущест-
вующую поэтессу Черубину де-Габриака, Никулин – Анжелику
Сафьянову, а Багрицкий – Нину Воскресенскую. Багрицкий писал*

под псевдонимом, и мы можем найти в этих стихах кого угодно. Впоследствии Эдуард относился ко всем этим вещам как к полудетской забаве и, рассказывая о них, смеялся над тогдашним смещением поэтических “племен, наречий, состояний”¹¹.

Инскрипт Э. Багрицкого на странице альманаха «Авто в облаках». Одесса, 1915. Собрание С. Шаргородского

автомобилей, аэропланов и «скэтинг-ринков» горожанки. Упомянем, кстати, об одном из тех невероятных совпадений, на которые так щедра история литературы. Параллельно со «Стихами Нелли» Брюсов работал над планами стихотворных сборников вымышленных поэтесс Иры Ялтинской и Марии Райской; согласно наброскам биографического очерка, последняя умерла в 1907 г. в одесской (!) больнице, «не дожив и до тридцати лет»¹³.

Но вернемся к нашему экземпляру «Авто в облаках» и инскрипту Багрицкого на с. 21, красноречиво раскрывающем отношение поэта к своей мистификации. Здесь на полях стихотворения «Дерибасовская ночью» Багрицким вписано: «Я такая невинная, что даже мне стыдно перед самой собой. Н.В. (она же Э. Багрицкий)». После заключительных строк стихотворения «Радуйтесь сутенеры, трубы дома подымайте – // И у Дерибасовской

В приведенную галерею несуществующих поэтесс следовало бы, конечно, включить «Нелли» В. Брюсова. Единственный сборник «Нелли», обнаруживающий некоторую близость к И. Северянину, вышел в 1913 г.¹²; публиковалась «Нелли» и в эгофутуристических альманахах «Мезонина поэзии». В связи с этим возникает вопрос, не создал ли Багрицкий свою «Нину Воскресенскую» по образу и подобию брюсовской «Нелли», этой утонченной и эмансипированной, погруженной в любовные утехы и грохочущую современность

есть поэтесса!» поэт вписал в скобках: «50 к.». Спорить не с чем: в трех стихотворениях «Авто в облаках» «Нина Воскресенская» моделируется и как воздушное, невинное создание («О любителе соловьев»), и «пятидесятикопеечная» проститутка-певица ночной Дерibasовской.

- ¹ Олеша Ю. Ни дня без строчки. – М., 1965. – С. 134.
- ² Там же. – С. 123-124. Речь идет о гастролях И. Северянина и Г. Шенгели в Одессе в нач. мая 1916 г. Зачин приведенного нами отрывка отсылает к *Облаку в штанах* В. Маяковского: «Это было / было в Одессе».
- ³ Панченко И. Эссе о Юрии Олеше и его современниках: Статьи. Эссе. Письма. – Ottawa, 2018. – С. 53, 66-69.
- ⁴ Коржавина М. Архетип Лилит в творчестве Х.Х. Эверса (электронный ресурс: <https://studylib.ru/doc/4253492/mariya-korzhavina-arhetip-lilit-v-tvorchestve-h.-h.-e-versa-v>).
- ⁵ Готье, по крайней мере, был хорошо известен в кругу одесских поэтов-модернистов: см. шарж С. Кесельмана «Оловянные дудки» из собрания С. Лущика, впервые опубликованный им в ст.: Лущик С.З. Чудо в пустыне: Одесские альманахи 1914-1917 годов // Дом князя Гагарина: Сб. научных статей и публикаций. – Одесса, 2004. – Вып. 3. – Ч. 1. – С. 173.
- ⁵ Никонов Б. Лунный свет // Аргус. – 1914. – № 15. – Март. Б.П. Никонов (1873–1950) – прозаик, поэт, журналист. Сын председателя съезда земских начальников Вятской губ. Получил юридическое образование в Петербургском ун-те, был присяжным поверенным Судебной палаты (с 1910). С 1891 г. публиковал в периодике стихи, очерки и рассказы. В 1920-х гг. продолжал выступать с рассказами, опубликовал два романа, позднее отошел от литературы.
- ⁶ Лущик С. З. Чудо в пустыне... С. 177. Далее автор справедливо замечает: «Норядом мирно сосуществовали стихи Бобовича, Фиолетова, Цагарели, “Суворов” Багрицкого, такие далекие от подлинного футуризма».
- ⁷ Сто поэтесс серебряного века. / Сост. и авторы биогр. статей: М.Л. Гаспаров, О.Б. Кушлина, Т.Л. Никольская. – СПб., 1996. – С. 75.
- ⁸ Искров Б. Бурлочата в облаках // Южный вестник. – 1915. – № 1. – 10 окт. Цит. по: Яворская А. Чудо в пустыне серебряных труб // Дерibasовская-Ришельевская: Одесский альманах. – 2015. – № 63. – С. 312.
- ⁹ Эмар. Одесский футуризм // Южный вестник. – 1915. – № 2. – 17 окт. (там же, с. 313). Любовная лирика «Воскресенской» в виде стих. О любителе соловьев, однако, пришлось по вкусу рецензенту Саратовского вестника И. Поплавскому, отметившему «много свежей женственности» (там же).
- ¹⁰ С. Лущик ошибочно считает, что это впервые произошло только в 1938 г. с публикацией т. 1 планировавшегося двухтомника Э. Багрицкого. См.: Лущик С. Чудо в пустыне... С. 199 (прим. 32).
- ¹¹ Зелинский К. К характеристике Багрицкого как поэта и человека // Эдуард Багрицкий: Альманах под ред. В. Нарбута. – М., 1936. – С. 31-32.
- ¹² [Брюсов В.]. Стихи Нелли: С посвящением В. Брюсова. – М., 1913.
- ¹³ Лавров А. «Новые стихи Нелли» — литературная мистификация Валерия Брюсова // Памятники культуры: Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник 1985. – М., 1987. – С. 71.

Е.И. Ергеева

Рукописи Юрия Олеши в фондах ОЛМ

*Для меня нет никакого сомнения в том,
что во мне все же живет некто мощный,
некий атлет – вернее обломок атлета, торс без рук и ног,
тяжко ворочающийся в моем теле и мучающий и меня, и себя.*

Ю. Олеша

Имя Юрия Олеши зачастую ассоциируется с двумя произведениями: романами «Зависть» и «Три Толстяка». И, действительно, после 1920-х годов он написал немного, однако в 1965 году была опубликована его книга «Ни дня без строчки». Произведение это представляет собой дневниковую прозу – собрание небольших прозаических фрагментов, созданных на основе биографического материала. Книга открывается воспоминаниями детства Юрия Олеши, в которых он проводит реконструкцию детских ощущений восприятия родного города, во многом сформировавшего фундаментальное мировоззрение писателя, его художественный взгляд на всё. Есть даже такое мнение, что без Одессы не было бы Олеши как писателя.

Юрий Олеша родился 3 марта (19 февраля) 1899 года в Елисаветграде (нынешний Кропивницкий). Семья будущего писателя переехала в Одессу в 1902 году. Они поселились в Театральном переулке под номером 14, позднее переехали на Греческую, 12, неподалеку от Строгановского моста, упоминания о котором неоднократно появляются в его очерках. Вблизи – порт, который не скупясь дает полновесные жизненные впечатления, по соседству – кондитерская Мелиссарато, где выпекают кисло-сладкие булочки. Космополитизм, пестрота, открытость, спокойное и размеренное течение жизни и игровое начало, свойственное характеру Одессы, неизменным образом влияли на формирование писательского стиля и вкуса. Владимир Варна, автор книги «Миф Юрия Олеши», отмечает, что для того, чтоб стать «королем метафоры», Олеше необходимо было быть одесситом.

В те годы характер города ассоциировался у Олеши с детскими и юношескими футбольными матчами, которыми увлекался и Лазарь Вайсбейн, будущий Леонид Утесов. Взрослый Юрий Карлович смотрел на футбол глазами мальчика Юры:

Я стоял маленький среди кепок, фуражек, зонтов, пухлых шляп и никто не знал, что я влюблен в футболиста такого-то, такого-то. А может быть, знали, потому что, может быть, и еще многие были влюблены, – безусловно, в юности мы склонны к однополю любви!¹

В Одессе Олеша стал учеником Ришельевской гимназии, о которой он вспоминал так:

«Я из царского времени с удовольствием вспоминаю гимназию. Учиться было, конечно, трудно, но была прелесть в дисциплине, в ношении мундира»².

Уже в годы обучения в гимназии Олеша выделялся внимательностью и «острым языком». Мало кто из одноклассников хотел попасть в его поле зрения, поскольку можно было стать посмешищем всей гимназии.

В период обучения в гимназии, накануне Первой мировой войны, у Олеши формируется интерес к литературе: он впервые знакомится со стихами А. Блока, и «Незнакомка» производит на него чарующее впечатление.

Однако безмятежное время юности было прервано революцией и позднее приходом к власти большевиков. В этот период отец Олеши потерял работу, далее последовала смерть сестры и отъезд родителей. Олеша неслучайно для характеристики периода Первой Мировой войны использует понятие «трещина мира». «Трещина» прошла и по судьбам всего поколения, и по личной судьбе Юрия Карловича.

Летом 1921 года Ю. Олеша вместе с В. Катаевым переезжает через Харьков в Москву. Там его принимают на работу в железнодорожную газету «Гудок», где молодой автор печатался под псевдонимом «Зубило». В свободное время он написал книгу «Три Толстяка». В 1927 году выходит его роман «Зависть», ряд блистательных рассказов, несколько пьес, с успехом шедших во многих театрах страны, киносценарий «Строгий юноша». Фильм по этому сценарию, поставленный Абрамом Роомом в 1936-м году, был запрещен за «формалистские выкрутасы», после чего книги Олеши не издают двадцать лет.

В этот период Ю. Олеша время от времени делает дневниковые записи, часть которых после его смерти будет издана под названием «Ни дня без строчки» (в 1999 году вышел более полный текст – «Книга прощания»). В этих записях много упоминаний о происходившем в царское время и об изменениях в жизни, происходивших с тех пор. В период Вто-

рой мировой войны Олеша находился в эвакуации в Туркмении. В 1956 переиздается его старая проза, и он обретает новую волну популярности.

Одесский период жизни Ю. Олеша достаточно мало изучен, но в фондах Одесского литературного музея представлены рукописи и фотокопии документов, относящиеся к одесскому периоду и более поздним этапам творчества.

Рукописи Ю. Олеша поступили в фонды Одесского литературного музея от его друзей – Филиппа Гоппа³ и Сергея Бондарина⁴.

Среди материалов есть как оригинальные рукописи автора, так и фотокопии.

Если рассматривать материалы в хронологическом порядке, то первым, к которому мы обратимся, будет фотокопия выписки из метрической крестоприводной книги Елисаветградской Римско-Католической церкви. Оригинальный документ находится в Государственном архиве Одесской области.

По Указу Его Императорского Величества Николая Александровича Самодержица Всероссийского и проч. и проч.

Выпись из метрической крестоприводной книги Елисаветградской Римской католической книги за 1899 год, в коей на странице 91 под №14 записано следующего содержания:

Тысяча восемьсот девяносто девятого года Апреля девятнадцатого дня в Елисаветградской Римско-Католической церкви окрещен младенец именем Георгий Антон Георгием Байером администратором оной церкви с совершением всех обрядом таинства. Дворян Карла Антоновича Олеша и Олимпии Владиславовны, урожденной Герлович, законных супругов сын родившийся февраля девятнадцатого дня сего же года в городе Елисаветграде Восприемниками были Антон Гольч и Катерина Добровольская.

Выписка из метрической книги. 1899.
Копия. ОЛМ

И дальше:

Что сия выпись совершенно сходна с подлинною в книге метрикою, удостоверяю приложением церковной печати и собственноручным подписом. Город Елисаветград. Декабря 30 дня 1902 года. Администратор Елисаветградской Р. Католической церкви.

ОЛМ. КП-492, Д-843.

Сам Олеша описывает свое рождение таким образом:

Я родился в 1899 в городе Елисаветграде, который теперь называется Кировоградом. Я ничего не могу сказать об этом городе такого, что дало б ему какую-то вескую характеристику. Я прожил в нем только несколько младенческих лет, после которых оказался живущим уже в Одессе, куда переехали родители. Значительно позже, уже юношей, я побывал в Елисаветграде, но и тогда увидел только южные провинциальные улицы с подсолнухами⁵.

Следующий документ относится к периоду поступления Олеши на юридический факультет Императорского Новороссийского университета. В фондах Одесского литературного музея хранится копия прошения ректору Новороссийского университета от 10 августа 1917 года следующего содержания:

*Ректору Новороссийского Университета окончившего
Одесскую Ришельевскую гимназию
Георгия Карловича Олеши.*

Прошение

Имею честь просить Вас, господин ректор, о зачислении меня на юридический факультет вверенного Вам университета. При сем прошении прилагаю мои подлинные документы с их нотариально засвидетельствованными копиями:

Аттестат

Метрическое свидетельство

Свидетельство о приписке

Пять фотографических карточек с собой.

Квитанция об уплате 25 рублей.

ОЛМ. КП-494, Р-1688.

Первая из подлинных рукописей Олеши, если соблюдать хронологию творчества, – стихотворение «Польша».

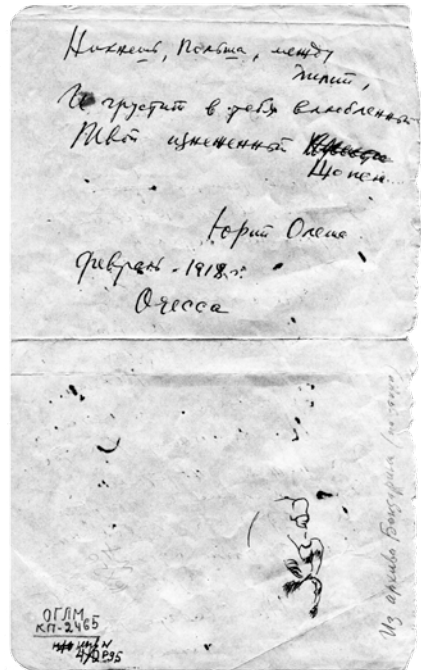
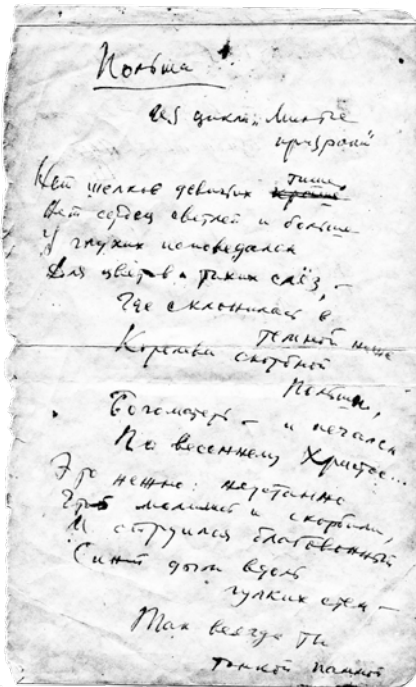

Из цикла «Милые призраки»

Нет шелков девичьих тише,
 Нет сердец светлей и больше
 У глухих исповедален
 Для цветов и тихих слез, –
 Где склонилась в темной нише
 Королева скорбной Польши,
 Богоматерь, – и печален
 По-весеннему Христос.

Это нежно: неустанно
 Чтоб молились и скорбели,
 И струился благовонный
 Синий дым вдоль гулких стен –
 Так всегда ты тонкой панной
 Никнешь, Польша, между лилий,
 Где грустит в тебя влюбленный
 Твой изнеженный Шопен
 Февраль 1918 Одесса

Рукопись из архива С.А. Бондарина, один лист, фиолетовые чернила.
 ОЛМ. КП-2465, Р-95.

Ю. Олеша. Польша. Рукопись. Февраль 1918 Одесса. ОЛМ

Сообщите всем,
кому надо, что
задержался. Буду
через 2-3 недели

Ю. Олеша
5-X-21.

передайте Симочке
привет Даша

Раймону
Э. Багрицкому

Записка Ю.К. Олеши и В.П. Катаева Э.Г. Багрицкому в Одессу из Харькова от 5 октября 1921. ОЛМ

Юрий Олеша и Валентин Катаев первыми из молодых одесских писателей уехали из Одессы в Харьков, тогда столицу Украины.

Записка Ю.К. Олеши и В.П. Катаева Э.Г. Багрицкому в Одессу из Харькова от 5 октября 1921.

Сообщите всем кому надо, что задержался. Буду через 2-3 недели.

Ю. Олеша

5-X-21.

Передайте Симочке привет.

Записка в конверте. На конверте надпись Ю. Олеши:

«... Э. Багрицкому».

Рукопись из архива С.А. Бондарина, один лист, написана простым карандашом.

ОЛМ. КП-9959, Р-1063.

Драматургические опыты Ф. Гоппа покажут, что автор их обладает целым рядом положительных качеств. Пьеса, «Бунт уродов» и «Вельмона» говорят о том, что у Гоппа есть ощущение драматической сущности происходящего, как делается характеристика, как заготавливаются и рубрируются ^{ситуации} ~~ситуации~~ ^{ситуации} Гоппа владеет хорошим литературным языком.

К пьесе Гоппа относимся тепло. Литературу как личный хлеб он не рассматривает.

Неудовольствие вследствие болезни в преобладающей мере условия, он продолжает упорно работать.

Ваше мнение лично не вызывает сомнения в том, что эта работа имеет несомненно репертуарную, и Гоппа сохранил хорошие произведения.

14/34 12 мая Ю. Олеша

Многолетняя дружба связывала Ю. Олешу и Ф. Гоппа. Олеша был автором характеристики Гоппа-драматурга.

Драматургические опыты Ф. Гоппа показывают, что автор их обладает целым рядом положительных качеств. Пьесы «Бунт уродов» и «Вельмона» [зачеркнуто – Е.Е.] говорят о том, что у Гоппа есть ощущение драматично-

Ю. Олеша. Характеристика Ф. Гоппа. 12 мая 1934. ОЛМ

сти, сценичности, понимание того, как делается характеристика, как завязываются и развязываются ситуации. Гопп владеет хорошим литературным языком.

К работе Гопп относится честно. Литературу – как легкий хлеб не рассматривает

Поставленный вследствие болезни в чрезвычайно трудные условия, он продолжает упорно работать. Для меня лично нет сомнений в том, что эта работа даст надлежащие результаты и Гопп создаст хорошие произведения.

Ю. Олеша

12 мая 1934

Рукопись из архива Ф. Гоппа, один лист, написана фиолетовыми чернилами.

ОЛМ. КП-2761, Р-178.

В фондах музея хранится еще один интересный экспонат – фотокопия (подлинник хранится в РГАЛИ. Ф. 358. Оп. 2. Ед. хр. 626. Л. 27. [1930-е гг.]) шуточной записки Юрия Олеша, адресованная жене, Ольге Суок⁶:

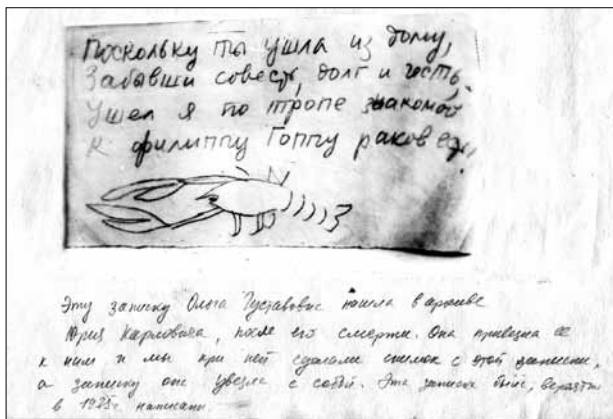
Поскольку ты ушла из дому, забывши совесть, долг и честь, ушел я по тропе знакомой к Филиппу Гоппу раков есть.

Фотокопия (подлинник с изображением рака и текстом наклеена на бумагу, ниже сделана приписка Филиппом Гоппом:

Эту записку Ольга Густавовна нашла в архиве Юрия Карловича после его смерти. Она привезла ее к нам, и мы при ней сделали снимок с этой

записки, а записку она увезла с собой. Эта записка была, вероятно, в 1930-х годах написана.

ОЛМ. НВ-489.

Записка Ю. Олеша
О. Суок.
Фотокопия. ОЛМ

Записка Юрия Олеши Филиппу Гоппу.

Дорогой Филипп!

Предположение о том, что я мог бы иметь в виду какие-то просьбы с Вашей стороны просто глупо. Мне трудно с Вами встретиться по причине, которая Вам должна быть понятна: ушедшая жизнь, грусть об этом и т.п.

Приду к Вам сегодня во второй половине дня.

Ю.О.

Из архива Ф. Гоппа. 1 лист, машинопись.

ОЛМ. КП-2762, Р-338.

Письмо Ю. Олеши к Пискунову

Уважаемый товарищ Пискунов⁷!

В Вашем издательстве находится рукопись Филиппа Гоппа «Вдова Клико» (в отделе современной литературы). Писатель Филипп Гопп, много работавший в нашей литературе в довоенный годы (печатал рассказы и очерки в газетах и журналах), был несправедливо репрессирован в 1937 году, находился в заключении, теперь опять вернулся к работе... Кроме того, тов. Гопп очень болен (болезнь примерно той,

которая была у Николая Островского – паралич, оставляющий его как бы здоровым, но мешающим ему двигаться).

Я обращаюсь к вам с просьбой, сводящейся к тому, чтобы рукопись тов. Гоппа была рассмотрена в пределах не слишком долгих сроков. Мне кажется, эта рукопись вполне заслуживает внимательного к ней отношения.

С искренним уважением

Юр. Олеша.

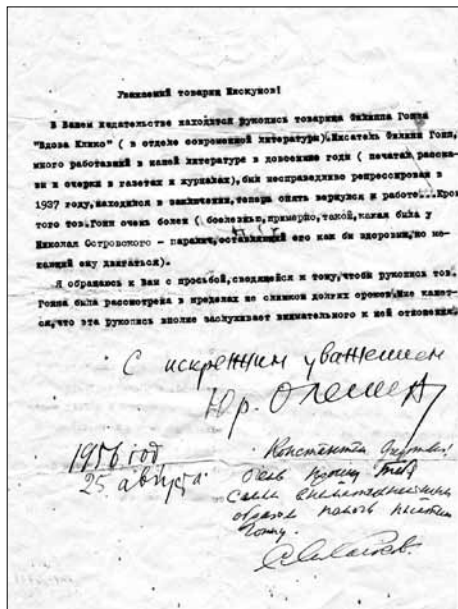
1956 год

25 августа.

Синими чернилами сделана приписка Сергея Михалкова:

Письмо Ю. Олеши к Пискунову.

25 августа 1956. ОЛМ

Константин Федотович, очень прошу тебя сиим внимательнейшим образом помочь писателю Гоппу

Машинопись, один лист, автографы Ю. Олеси и С. Михалкова, выполнены фиолетовыми и синими чернилами.

ОЛМ. КП-2788. Р-214.

Записка Ю. Олеси о правках пьесы неизвестного автора (вероятно, инсценировка была сделана Олешей).

- 1) Если Циновский вычеркивал что-нибудь или делал какие-нибудь отметки в главреперткомоском экземпляре, то все вычеркивания ликвидировать (стереть), так же ликвидировать все вычеркивания и пометки. Восстановить прежний вид экземпляра. При этом не спутать поправки Циновского с теми, которые я делал сам (чернилами)
- 2) Экземпляр снова сшить (папку можно найти на столе – взять с другого экземпляра).
- 3) В сцене девятой в фразе «под навесом – лежанка» вместо «лежанки» написать «стул». Пятую по счету реплику: «Де ПАЗ: сын мой, подвинь лежанку... и т.д.» – изменить так: Де ПАЗ: Сын мой, подвинь стул (Педро передвигает стул и помогает Де Пазу усесться)
- 4) Прodelав все это – отнести сдать экземпляра в драмсекцию – Писаренко⁸.

Из архива С. Бондарина, один лист, текст написан синими чернилами. ОЛМ. КП-2480, Р-174.

Записка Ю.К. Олеси С.А. Бондарину с приглашением в гости

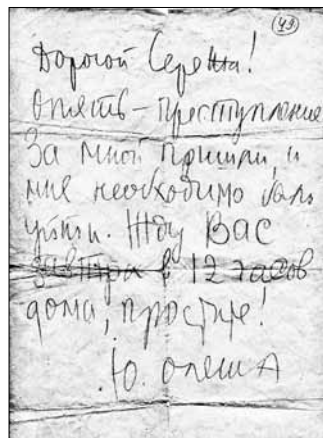
Дорогой Сережа!

Опять преступление! За мной пришли, и мне необходимо было уйти. Жду Вас завтра в 12 часов дома. Простите.

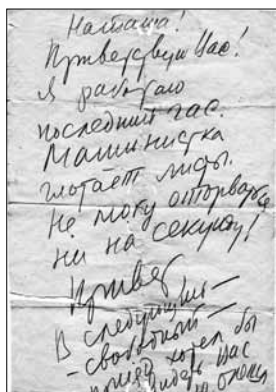
Ю. Олеша.

Из архива С. Бондарина, один лист, текст написан простым карандашом.

ОЛМ. КП-2479, Р-186.

Записка Ю. Олеси С. Бондарину. ОЛМ

Записка Ю. Олеши. ОЛМ

Записка Юрия Олеши неизвестной:

Наташа! Приветствую Вас! Я работаю последний час. Машинистка глотает листы. Не могу оторваться ни на секунду. Привет. В следующий свободный приезд хотел бы непременно увидеть Вас. Юрий Олеши

Один лист, текст написан простым карандашом. Из новых поступлений.

Письмо Ю.К. Олеши С.В. Шервинскому⁹.

Председателю на вечере памяти
ГЕОРГИЯ ШЕНГЕЛИ С.В. ШЕРВИНСКОМУ

К сожалению, я заболел и не могу присутствовать и выступить вечере моего друга, моего дорогого поэта Георгия Шенгели. Если бы Вы сочли уместным огласить эти мои строки, это была бы и моя часть воздаяния памяти поэту.

Первая моя встреча с Георгием Шенгели состоялась тогда, когда я, еще будучи мальчиком, но уже чувствуя, что в мире есть поэзия и уже понимая краем души, что и я буду служить ей, увидел его на сцене театра в Одессе – давно, давно – когда он выступал как докладчик о творчестве Игоря Северянина, и как чтец своих стихов.

Он поразил меня, потряс навсегда. В черном сюртуке, молодой, красивый, таинственный, мерцая золотыми, как мне тогда показалось, глазами, он читал необычайной красоты стихи, из которых я тогда понял, что это рыцарь слова, звука, воображения... Одним из тех, кто был для меня ангелами, провожавшими меня в мир искусства и, может быть, с наиболее пламенным мечом – был именно Георгий Шенгели. Я славлю его в своей душе навсегда!

Дело не во мне, но иначе как судить о мире, если не ставить себя в середине его.

Когда-то Георгий Аркадьевич сказал мне, что он хотел бы жить на маяке. Какая превосходная фантазия!

Все можно было нести на его суд – стихи, прозу, драму, замысел, намек... Он все понимал, и если ему нравилось – вдруг сверкал на меня великолепным оскалом улыбки.

Он написал чудные вещи. Сонет о Гамлете, где говорит, что до него доходит раскат трагического эха Эльсинора, где говорит о железных ботфортах Фортинбраса. У него ни одной ошибки в применении эпитета, он – точный мастер.

Лучшее стихотворение о Пушкине в русской литературе после Лермонтова написано им. Он говорит, что Пушкин на экзамене перед Державиным выбежал «лицом сверкая обезьяним!» Гениально!

У него пронизанные поэзией стихи о море, о капитанских жилищах, о Керчи, которые я всегда ношу в своем сердце... Он назвал одну из своих книг «Планер»! О, мой дорогой поэт!

Я не буду говорить о его переводческом труде, на мой взгляд, недооцененным.

Я хочу сказать только о том, что знал в своей жизни поэта – одного из нескольких – странную, необычную, прикасающуюся к грандиозному фигуру. Царь поэзии, как красивый и благородный человек, – как человек, одержимый служением слову, образу, воображению.

Я верю, что где-то сейчас он живет на маяке с огромными окнами и огромным морем у подножия.

21 февраля

1958 г.

Ю. Олеша

Машинопись, один лист.

ОЛМ. КП-2789, Р-393.

Литература

1. Варна В.В. Миф Юрия Олеша. – Одесса: Айс-Принт, 2013. – 376 с.
2. Озерная И. Юрий Олеша, главы из книги // Новый Мир. – 2019. – №6 (1130). – Июнь. – С. 119-152.
3. Хинрик Ян Паул. Миф Одессы: Очерки. – Одесса: Оптимум, 2012. – С. 142-169.

¹ Олеша Ю. Книга прощания, Москва: Вагриус, 1999. – С. 286.

² Там же. – С. 266.

³ Гопп Филипп Ильич (1906–1978).

⁴ Бондарин Сергей Александрович (1903–1978) – прозаик, поэт.

⁵ Олеша Ю. Книга прощания. – Москва: Вагриус, 1999. – С. 66.

⁶ Суок-Олеша Ольга Густавовна (1899–1978) – жена Ю.К. Олеша.

⁷ Пискунов Константин Федотович (1905–1987) – директор московского «Детгиза» с 1948 г. по 1974 г.

⁸ Писаренко – секретарь Драмсекции.

⁹ Шервинский Сергей Васильевич (1892–1991) – поэт, переводчик.

**Стиховая одессика
между акмеизмом и футуризмом¹**

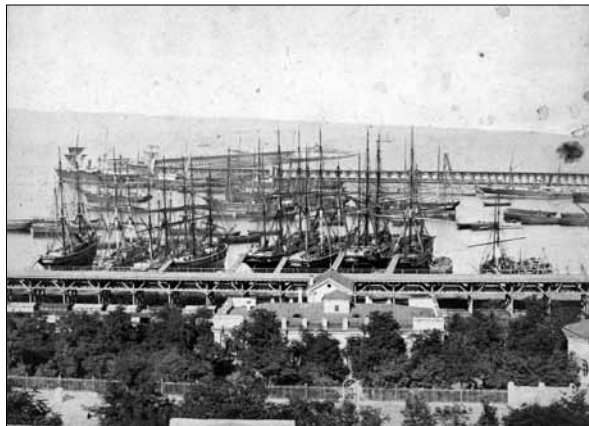
«Одессу звучными стихами» со времен помянутого Пушкиным Туманского (у которого «с пеной по морю расходятся ладьи») описывали не раз. В 1910-е годы поэтические наезды на южный город совершали иногда петербуржцы с москвичами, например, приобретший двусмысленную славу пародией Евгения Венского и отзывом Гумилева эксцентричный и плодовитый Модест Дружинин:²

Одесса

Высоко на горе раскинулась красиво
Громадами домов, палаццо и церквей,
И волны светлые лазурного залива
Поют неумолчно могучий гимн морей.
На улицах в тени каштанов и акаций
В твоих кафэ, трамваях и садах
Мелькают профили и облики всех наций
И слышен разговор на разных языках.
Когда настанет ночь и мощь дневного жара
Не будет тяготить и дышится полней,
Как хорошо пройтись аллеями бульвара,
Как хорошо тогда в тени его аллей.
Вот звуки музыки полились на эстраде,
Вдали горит маяк, как красная звезда,
А там внизу, в порту, по длинной эстакаде
С немолчным грохотом несутся поезда.
Душа не ощутит подавленного стога,
Лишь тихой грустию она еще полна,
И нежно плещется спокойная волна
С немоею ласкою о берег Ланжерона.

1913³

Увиденную сверху эстакаду назвал и Александр Грин, вспоминая почти три десятилетия спустя свой первый приезд в Одессу и «свои путешествия в порт, упиваясь музыкой рева и грома, свистков и криков,

Вид на порт и эстакаду. 1900-е гг. Собрание А.А. Дроздовского

лязга вагонов на эстакаде и звона якорных цепей – и голубым заревом свободного, за волнорезом, за маяком синего Черного Моря»⁴.

Припортовую жизнь с близлежащим кафе не раз рисовали в одесских стихах, например:

Колышется муар мурлычащего моря,
Пластичной пляскою чаруя берега.
Две чайки плачущих гортанно в брызгах спорят,
Тревожа сумерки и подымая гам.
Закат покрасился: он старчески бескровен,
Крылатый бриз встряхнул волнистый лабиринт
И, посмеясь над ним, бесстрашием взволнован,
Лопочет пароход, закопошивши винт.
В кафе дрянной оркестр бормочет «Честь» Масканьи,
Как будто ритм ее маэстро по плечу...
И только я один, застывши в созерцаньи,
Молчу...⁵

Одесский порт прямо-таки взывал к стиховой фиксации, и один юнга торгового флота, попавший туда в 1903 году, вспоминал его, ставши профессиональным поэтом:

Пароход причален, ошвартован,
С мачты снижен карантинный флаг,
Вот и берег, добрый берег снова,
Южный вечер, ласковая мгла.

По крутой качающейся сходне
Я сбегая – белый, голубой...
Море, море, не тебе сегодня
Эта песнь и сердца перебой.
Шевелит, целует ветер блузу, –
В складках – Яффа, Бейрут и Алжир...⁶

Это – пролеткультивец Владимир Кириллов, переложивший для молодой советской стиховой маринистики «капитанов» Гумилева (Вы все, паладины Зеленого Храма, над пасмурным морем следившие румб...⁷) на нижние чины, красу и гордость русской революции, как назвал их Троицкий в 1917 году):

Герои, скитальцы, морей, альбатросы.
Застольные гости громовых пиров,
Орлиное племя, матросы, матросы,
Вам песня поэта, вам слава веков.

Сам Николай Гумилев в 1913 году попал (третий раз в жизни⁸) в одесский порт в первую декаду апреля на пути в Африку, и это отразилось в его написанном на месте стихотворении:

Я сегодня опять услышал,
Как тяжелый якорь ползет,
И я видел, как в море вышел
Пятипалубный пароход.
Оттого-то и солнце дышит,
А земля говорит, поет.

*Е.С. Кругликова. Силуэт
Н. Гумилева. 1910-1922*

Косвенный намек на место написания этого «дневникового» стихотворения дан утаенным греческим именем гомеровского героя (по местной легенде, имя Одессе было дано по древнегреческому селению Одиссос или Ордессос) во второй строфе, которая первоначально мыслилась как песнь земли (первая сначала оканчивалась двоеточием):

Неужель хоть одна есть крыса
В грязной кухне, иль червь в норе,
Хоть один беззубый и лысый
И помешанный на добре,
Что не слышат песен Улисса,
Призывающего к игре? ⁹

Стихотворение было приложением письма к Ахматовой от 9 апреля, в котором говорилось: «Милая Аника, я уже в Одессе и в кафе почти заграничном. Напишу тебе, потом попробую писать стихи». ¹⁰ На следующий день он отплыл из Одессы и занес в свой дневник:

Странное впечатление производит на северянина Одесса. Слово какой-нибудь заграничный город, русифицированный усердным администратором. Огромные кафе, наполненные подозрительно-изящными коммивояжерами. Вечернее гуляние по Дерибасовской, напоминающей в это время парижский бульвар Сен-Мишель. И говор, специфический одесский говор, с измененными удареньями, с неверным употребленьем падежей, с какими-то новыми и противными словечками. Кажется, что в этом говоре яснее всего сказывается психология Одессы, ее детски-наивная вера во всемогущество хитрости, ее экстагическая жажда успеха. В типографии, где я печатал визитные карточки, мне попался на глаза свежий номер печатающейся там же вечерней одесской газеты. Развернув его, я увидел стихотворение Сергея Городецкого с измененной лишь одной строкой и напечатанное без подписи. Заведующий типографией сказал мне, что это стихотворение принесено одним начинающим поэтом и выдано им за свое.

Несомненно, в Одессе много безукоризненно-порядочных, даже в северном смысле слова, людей. Но не они задают общий тон. На разлагающемся трупе Востока завелись маленькие юркие червячки, за которыми будущее. Их имена – Порт-Саид, Смирна, Одесса... ¹¹

В конце апреля он писал Ахматовой уже из Джибути: «На пароходе попробовал однажды писать в стиле Гилеи, но не смог. Это подняло мое уважение к ней». ¹² В качестве комментаторской вольности предположим, что это неудавшееся стихотворение должно было иметь предметом одесский порт и отплытие из него. Стиль кубофутуристской группы «Гилея» Гумилев знал по альманаху «Садок судей», который перед отъездом в Африку через Одессу он рецензировал, отметив, что группа «внушает к себе доверие <...> несомненной своей революционностью в области слова». Он выделил Хлебникова и Николая Бурлюка, а о Маяковском заметил, что тот «имеет много общего с эго-футуристами». ¹³ Именно стихотворение Маяковского (навеянное впечатлениями порта в Николаеве в декабре 1912 года) могло стать вызовом на состязание:

Е.С. Кругликова. Силуэт
В. Маяковского. 1910-1922

Отплытие

простыню вод под брюхом крылий
порвал на волны белый зуб
был вой трубы как запах лилий
любовь кричавших медью труб.
и взвизг сирен забыл у входов
недоуменьше фонарей
в ушах оглохших пароходов
горели серьги якорей ¹⁴

Юный поэт-одессит узнал в этом стихотворении знакомые места и предметы:

И вдруг я, воспитанный на классиках, уже слегка прикоснувшийся к волшебному реализму Бунина, прочитав эти футуристические строчки, увидел поразительно яркое изображение порта

и услышал так хорошо мне знакомый пароходный гудок столь низкого, басового тона и столь пронзительно свистящей силы, что едва он начинал гудеть, как из брандспойта выпуская струю прозрачно-раскаленного пара, которая лишь через некоторое время превращалась над головой в плотное облако, морозящее теплым дождем на головы и лица пассажиров, которые в ужасе затыкали пальцами уши и разевали рты для того, чтобы спасти свои барабанные перепонки, как в мире воцарялась тишина. Поэтому пароходный гудок всегда ассоциировался с внезапно наступившим на рейде безмолвием, с всеобщей подавляющей глухотой.

Я понял, что оглохшие пароходы были вовсе не футуристическим изыском, а поразительно верным реалистическим изображением, инверсией – по тому времени совершенно новым приемом, поэтическим открытием, заключавшимся в том, что ощущение глухоты переносилось с человека на вещь. Пароходы превращались в живые существа, в железных женщин с серьгами якорей в оглохших ушах. Что же касается любви и похоти (в последующей редакции), которые они со страшным воем лили из своих якобы медных труб, то это было совершенно гениальное наблюдение поэта, проникшего в самые глубины подсознательного: пароходный гудок ревел, и впрямь вызывая нечто похожее на половое чувство, от которого как бы

*содрогался рейд со всеми своими таможенными катерами, буксирами, баржами, тузиками, флагами, белым маяком...*¹⁵

Второе «одесское» стихотворение Гумилева, видимо, было написано на пароходе¹⁶ на пути в Джибути:

Когда зеленый луч, последний на закате,
Блеснет и скроется, мы не узнаем где,
Тогда встает Душа и пляшет, как лунатик,
В садах заброшенных, в безлюдье площадей.

Весь мир теперь ее, ни ангелам, ни птицам
Не позавидует она в тиши аллея,
А тело тащится вослед и тайно злится,
Угрюмо жалуясь на боль свою земле.

«Ах, хорошо б теперь сидеть в кафе счастливым,
Где над людской толпой потрескивает газ,
И слушать, светлое потягивая пиво,
Как женщина поет «La p'tite Tonkinoise».

Уж карты весело порхают над столами,
Целят скучающих, мира их с бытием.
Ты знаешь, я люблю горячими руками
Касаться золота, когда оно мое.

Подумай, каково мне с этой бесноватой,
Воображаемым внимая голосам,
Смотреть на бисер звезд; ведь очень небогато
И просто разубрал Всевышний небеса».

Земля по временам сочувственно вздыхает,
И пахнет смолами, н пылью, и травой,
И нудно думает, но все-таки не знает,
Чем усмирить Души мятежной торжество.

«Вернись в меня, дитя, стань снова грязным илом,
Там, в глубине болот, холодным, скользким дном.
Ты можешь выбирать между Невой и Нилом
Отдохновению благоприятный дом.

Пускай ушей и глаз навек замкнутся двери,
И пусть истлеет мозг, предавшийся врагу,
А после будешь ты растеньем или зверем ...
Знай, иначе помочь тебе я не могу».

И всё идет душа, горда своим уделом,
К несуществующим, но золотым полям,
И всё спешит за ней, изнемогая, тело,
И пахнет тлением заманчиво земля.¹⁷

Не задерживаясь возле провоцирующей на разнотолкования¹⁸ «философии» этого стихотворения, напомним, что в предшествующую одесскому посещению пору своего недолгого обучения романской филологии и интереса к старофранцузской литературе (конец 1912 – начало 1913 г.) Гумилев должен был слышать о легенде “Le débat du corps et de l’âme”.¹⁹ Весьма вероятно, что именно это стихотворение он задумал писать в одесском кафе 9 апреля 1913 г. Не знаем, увидел ли он воочию на закате зеленый луч,²⁰ как это произошло полвека спустя на Рижском Взморье с Николаем Заболоцким, написавшим потом об этом зрелище стихотворение,²¹ но, очень может быть, что в кафе, «почти европейском», потрескивал газовый рожок. Некогда, Иннокентий Анненский, рецензируя сборник Гумилева «Романтические цветы», видел отсветы этого парижского рожка с бульвара Сен-Мишель на всей экзотике Гумилева:

*Лучшим комментарием к книжке служит слово «Париж» на ее этикетке. Русская книжка, написанная в Париже, навеянная Парижем... <...> Ее надо рассматривать при свете и даже при запахе от уличного «бес Аиет».<...> Никакого тут нет ни древнего востока, ни тысячелетнего тумана: бульвар, бес Аиет, кусок еще влажного от дождя асфальта перед кафе – вот и вся декорация «ассирийского романа».*²²

Анненский напоминал этим, что в «Парижском наброске» Верлена видение Платона, Фидия, Саламина и марафона объясняются в финале стихотворения миганием перед глазами синего рожка («Sous l’oeil clignotant des bleus becs de gaz»).

Но что еще более вероятно – это, что в «счастливым» одесском кафе звучала вездесущая «Маленькая тонкиночка», по-русски переводившаяся как «Китайнка» (а не «Вьетнамочка», как следовало перевести), проникшая к тому времени даже на страницы тонного «Аполлона»²³. В Одессу эту песенку занес²⁴, может быть, Станислав Сарматов (Опеньховский),²⁵ которого долго помнил Дон-Аминадо:

Появившись на эстраде в своих классических лохмотьях уличного бродяги, оборванца и пропойцы, «бывшего студента Санкт-Петербургского политехнического института, высланного на юг

России, подобно Овидию Назону, за разные метаморфозы и прочие художества», Сарматов, как громоотвод, отвел и разрядил накопившееся в зале электричество. Немедленно исполненные им куплеты на злобу дня сопровождались рефреном, который уже на следующий день распевала вся Одесса.

*Дайте мне пилота,
Жажду я полета!..*

*Восторг, топот, восхищение, рукоплескания без конца.*²⁶

А самое песенку вспоминал Валентин Катаев в «Обероне»:

... Вася, дав нам на закуску по кусочку черного солдатского хлеба с селедкой, уселся за пианино и весело отбарабанил кекуок, матчиши, а также весьма популярную после русско-японской войны «Китайянку». «...был, бедняжка, ранен тяжело и к японцам в плен попал. Там влюбился он в смуглянку — кита-кита-кита-кита-китайянку...»

Популярна она была и в петербургских низах, и Георгий Иванов, которому «Разговор» («Когда зеленый луч...») был презентован, в своей прозе не раз поминает ее, разудалую, звучащую в пивных из хриплого рупора:

*После чая, отдыхая,
Где Амур-река течет,
Я увидел китайянку...²⁷*

Гумилев, которому по общераспространенному предубеждению начала 1910-х годов, не хватало лиризма, пользуется ходовым приемом прозаиков начала прошлого века: он назвал привязчивый мотивчик, и на протяжении чтения стихотворения на беззвучной фонограмме у читателя звучало творение француза Винсента Скотто 1906 года. Современному читателю, чтобы восстановить эффект этого «исторического первочтения», видимо, нужно, извлечь из всемирной сети ту попевку молодцеватого колониализма «La Petite Tonkinoise» и скандировать гумилевский «Разговор» под нее.

«Тело» в стихотворении Гумилева для уюта своего «нижнего Я», как говорили символисты, подбирает в качестве мебелировочной музыкашки скабрзную шансонетку –

*После чая,
Изучая,
Все, чем славится Китай...*

Я узнал его красоты,
И долины, и высоты,
Округленья, углубленья,
Все, что может дать тот край,
Где Амур-река течет,
Пополам страну сечет.

Тело избирает площадной вариант той китайской мечты, которую воспел учитель Гумилева Теофиль Готье в своем стихотворении «Chinoiserie»:

Нет, я не вас люблю, не вас, Джульетта
И Беатриче! О, совсем не вас,
Офелия, и не пленит поэта
Лаура омутом зеленых глаз.

Моя любимая сейчас в Китае
Живет с родителями и порой
С фарфоровой беседки птичьей стае
Завидует под Желтою Рекой.

Поместится вся на ладони ножка,
Разрезы глаз приподняты к вискам.
Она тонка, она смугла немножко
И любит класть кармин по ноготкам.

Ее прическу ласточки крылами
Чуть слышно задевают на лету,
И каждый вечер, как поэт, стихами
Поет она про персики в цвету.²⁸

Гумилев следовал ему в стихотворении 1911 года «Я верил, я думал...», понравившемся Александру Блоку: «Разговор с Н. С. Гумилевым и его хорошие стихи о том, как сердце стало китайской куклой...»: ²⁹

И вот мне приснилось, что сердце мое не болит,
Оно – колокольчик фарфоровый в желтом Китае
На пагоде пестрой... висит и приветно звенит,
В эмалевом небе дразня журавлиные стаи.

А тихая девушка в платье из красных шелков,
Где золотом вышиты осы, цветы и драконы,
С поджатыми ножками смотрит без мыслей и снов,
Внимательно слушая легкие, легкие звоны.

И невозможно не поставить в связь устремления Гумилева в сторону Китая³⁰ с обступавшей его Нео-Шинуазри³¹.

Итак, этим острым диалогом души и тела акмеизм, пожалуй, попрощался с городом на Черном море «между Невой и Нилом», если не считать «Годовщины взятия Одессы» Владимира Нарбута в 1921 году, когда акмеизма уже и не было:

От птичьего шеврона до лампаса
казацкого – все погрузилось в дым.
– О, город Ришелье и Де-Рибаса,
забудь себя! Умри и – встань другим!

Слово перешло к футуристам. В 1914 году одесский порт посетил присоединивший в ту пору к «Гилее» и к Маяковскому Константин Бولшаков³² и воспел в стихах то, как, по слову впоследствии писавшего другого певца того же порта, Владимира Агатова (Гуревича), «кричали грузчики в порту»: «дремлют губами на ругани люди» – строка, которую Борис Пастернак обозвал «вычурным протоколизмом»³³:

Огни портовой таверны,
Бриллианты улыбок и ругань.
В волосы звуков вечерних
Пыль вплетена. Сон запуган.

Дремлют губами на ругани люди.
Вечер, как узкий рельеф.
Безмолвно-окунутый спит в изумруде
Кем-то потерянный гнев.

Кокетки-звезды вдоль гавани.
Мертво за стражею парусов.
Над молом фонарь в белом саване
Задвинул безмолвья засов.

Ночь, женщиной еще не причесанной,
Морю склоняясь на плечо,
Задумалась, и, тысячу поз она
Принимая, дышала в лицо горячо.

*июль 1914, Одесса*³⁴

Ко времени мировой войны славословия портам, начатые литанией верхарновского «Le Port» 1895 года³⁵ (в переводе Георгия Шенгели: ...И порт раскинулся в мучительных огнях, / Что с кранов в высоте

роняют рдяный прах. / И порт щетинится зубцами башен спящих, /
В чьих недрах – вечное течение вод хрипящих. / И порт отяжелел от
глыб, где взор горгон / Сплетением черных змей, как нимбом, окружен.
/ И порт – как сказочный, в нем смутно сквозь туманы / Под бушпритом
судов богинь белеют станы...) стали визитными карточками европейско-
го модернизма, например, в стихотворении немецкого экспрессиониста
Якоба ван Годдис (1887–1942) «Morgens» (1914):

...Утреннее солнце закоптелое.
На дамбе ревут локомотивы.
Ангельские золотые плуги ходят в облаках небесной нивы.
Сильный ветер над городом бледным.
В грязном течении проснулся пароходов и лебедек хор.
Раздраженно бьет в колокола изветрелый <sic!> собор.³⁶

Или в стихотворениях итальянского футуриста Паоло Буцци о кильском порте (Al porto di Kiel, 1912) и о гамбургском порте (Al porto di Amburgo), в котором

вода черна и замаслена
совсем, как смазка машины: она бормочет, дегтярная мазь
под вращение пароходного винта.
Пена источает серные и угольные пары.³⁷

Одесский же порт на еще реалистическом холсте Василия Кандинского (1898) можно увидеть в Третьяковской галерее, и в стихотворении, наяривающем под «На Дерibasовской открылася пивная», покойный Евгений Витковский писал:

Кто начал рисовать в том городе впервые –
тот помнит паруса, холмы береговые,
и Карантинную, где так легко повсюду
собрать с любой волны по синему этюду.

А в 1913 году, открыв для себя «футуристический динамизм, ритмический «сдвиг», диссонанс»,³⁸ пишет на холсте «Порт» переплетение снастей, крюков, зубчатых колес, труб³⁹ русская художница, наделенная от природы «основным, футуристическим»: «Ухо, открытое всем шорохам и грохотам городской жизни, глаз, подхватывающий скрещения и вспышки комнатных огней и уличных зарев»,⁴⁰ а в 1915 г. она помещает в альманахе «Стрелец» образцово кубистическую композицию из лестниц, плоскостей и труб – «Пристань».⁴¹

«Вортицистский манифест» английского художника и писателя Уиндема Льюиса (1914) включал в себя «Благословение всем портам», где на журнальной странице шрифтовой игрой в манере аполлинеровских «калиграмм» противопоставлялись «чистое жидкое пространство» бухты и переполненный берег гавани: драги, монотонные краны, маяки, нарезающие бурю, как пирог, тяжелый хаос пирсов, носы маленьких лодок, крутые стены фабрик.⁴² Этот перечень суммировал накопленные со времен Верхарна компоненты топоса «порт», что было замечено российской обозревателем:

Во всех же своих <...> проклятиях и благословениях широковещательные пророки «Blast»-а лишь грозно и многошрифтно повторяют давно и достаточно сказанное до них. Они проклинаят английских эстетов <...> И с таким же видом новых откровений они благословляют Англию за морские порты и перечисляют при этом все портовые сооружения.⁴³

В марте 1916 года приезжает в Одессу москвич Сергей Бобров,⁴⁴ поэт, выбравший себе судьбу «младших богов» в качестве того самоумаления, которое паче гордости⁴⁵:

...Поэт молчит, строфу дописывая,
Обожествляя свой напев,
Но я смеюсь, свой труд оканчивая,
Встречая новую зарю: –
Мне радостна судьба обманчивая
Туманского и Деларю.⁴⁶

К этому времени местный порт описан⁴⁷ обитателями, начиная с академика, произведшего некоторый фурор:

Огромный, красный, старый пароход
У мола стал, вернувшись из Сиднея.
Белеет мол и, радостно синяя,
Безоблачный сияет небосвод.

В тиши, в тепле, на солнце, в изумрудной
Сквозной воде, склонясь на левый борт,
Гигант уснул. И спит пахучий порт,
Спят грузчики. Белеет мол безлюдный.

В воде прозрачной виден узкий киль.
Весь в ракушках. Их слой зелено-ржавый
Нарос давно... У Суматры, у Явы,
В Великом океане... в зной и штиль.

Мальчишка-негр в турецкой грязной феске
Висит в бадье, по борту, красит бак –
И от воды на свежий красный лак
Зеркальные восходят арабески.

И лак блестит под черною рукой,
Слепит глаза... И мальчик-обезьяна
Сквозь сон поет... Простой напев Судана
Звучит в тиши всем чуждою тоской.⁴⁸

Это удивительно типичное стихотворение для характера поэзии Бунина: ни одного намека, ни одного слова, ни одной строки, рисующей настроение поэта, его переживания. Бунин сознательно устранил себя, чтобы выпуклее нарисовать картину, вдумчиво выбрал красочные детали, силою творческой интуиции настолько оживил картину, что довел ее до зрительной галлюцинации. Без малейшего усилия вы видите воочию этот старый красный пароход, видите его в жаркий полдень в порту, видите и порт, и мол, т.е. то, что можете охватить глазом в действительности. И вы совсем забываете о поэте, об его «я»: это субъективизм очень яркий и именно субъективизм формы, а не содержания, в котором Бунин вполне объективен, хотя вы и в плену у него и видите то, что он заставляет вас видеть, и видите так, как он хочет. Этого Бунин достигает и выбором темы, и красками, и освещением, и деталями... И поэт вызвал у вас те представления, какие желал, путем полной объективации содержания.⁴⁹

И его же стихотворение «На рейде», вызвавшее похвалу М.О. Гершензона:

Люблю сухой, горячий блеск червонца,
Когда его уронят с корабля,
И он, скользнув лучистой каплей солнца,
Прорежет волны у руля.
Склонясь с бортов, с невольною улыбкой
Все смотрят вниз. А он уже исчез.
Вверх по корме струится глянец зыбкий
От волн, от солнца и небес.
Как жар горят червонной медью гайки
Под серебристым тентом корабля.
И плавают на снежных крыльях чайки,
Косясь на волны у руля.⁵⁰

За академиком туда же отправлялась поэтическая молодежь:

...Туда, туда, где флаг на пароходе,
Где пестрый порт в тумане, как панно!
Там сердце радо вспыхнуть на свободе
И пить простора алое вино...

Вот парус-птица... Берег миновала
Рыбачья лодка и плывет вдали...
А берег дышит свежестью подвала
И свежестью оттаявшей земли!..⁵¹

Заезжему москвичу, который в тот свой период «практически в каждом стихотворении использует особый стиль, желая показать, что футуризм есть нечто большее, чем набор литературных приемов. <...> Все здесь просчитано, все подчиняется законам риторики; порой возникает тема запутанности, но именно тема, а не запутанность сама по себе. Отказ от повторяемости доведен Бобровым до логического предела»,⁵² предстояло состязаться с локальной традицией, например, со снимком чайки у того же академика:

Вон чайка села в бухточке скалистой, –
Как поплавок. Взлетает иногда,
И видно, как струею серебристой
Сбегает с лапок розовых вода.⁵³

Если великому князю понравилось, что в стихотворении сем «поэт уподобился <...> живописцу»,⁵⁴ то и Бобров, спутник московских авангардистов, построил свою «кубистическую» чайку из резких, острых углов и визгов, вклеив, подобно обрывку газеты у Пикассо и его последователей,⁵⁵ клочок обывательской речи («Да, на эту гадость лучше не смотреть»), и, возможно, из комбинации паронимических и этимологических ассоциаций – где запах ржавого железа, замеченный в портах Буниным и Федоровым, ведет к оржавине, болоту, содержащему железную руду, и это превращение морского ландшафта в ивняк строится на паронимии «пена – пень»:

Чайка

Зигзаги ее заостренных
И под острым углом белых крыльев!
И тогда глаза запенились,
Курчаво пенясь, ивными пнями –

Да, как таяло, маяло,
Да, разрезы острее стлались –
И визги ее под углом острым.

И серая стена оржава,
Оржава она, мудрена и лукава,
Черный абрис человека, –
Да на эту гадость лучше не смотреть.

Оржава – она морская пава,
И глаз мудреных замыслы:
Завизги ее заостренные.

16. III. 916
Одесса⁵⁶

Е.С. Кругликова. Силуэт
С. Боброва. 1910-1922

И в другом стихотворении «Морской город», датированном тем же днем, «со свойственн[ой] ему легкой деформацией синтаксиса»,⁵⁷ и столь же композиционно децентрализованном, как и предыдущее, что уже в ранних стихах Боброва претило будущему акмеисту,⁵⁸ снова нас встречает ржавость порта (и «языки» его молоты) в попытке разгадать душу города на его немногочисленных летних залетейских улицах, через его изнанку – бланки накладных (нелюбимый Бобровым современник, поэт Потемкин писал Иннокентию Анненскому «Мне даже кажется – не будь у города обманчивой фантастической личины, разгадай все его изнанку – рецепты да счета, убедись в том, что кроме них ничего нет в городе, никто и жить бы в нем не стал»⁵⁹) и, может быть, кучки трамвайных билетов («не фиалки»).

Язык закидывается в море,
Где ржавлен транспорта серый фас,
Улиц вышелушенных плоскогорье
Посмертно катит нас.

Букет трамвайных – ах, так это не фиалки! –
Над грязью ренессансных дворцов:
Но кто же видел бежавший ялик
За чайкой визгом пеновалов –

Зафрахтован запах сельди поспешно
Моря подозрительная накладная –
Презрительное – медлительно...
Маяк проэцирует дали.⁶⁰

Для дальнейшей комментаторской расшифровки «кубизированной» Одессы эти две пьесы сим передаются в руки краеведов в ознаменование наметившегося подступа к антологизации стихотворной одессики.⁶¹

¹ Первоначальный, сокращенный вариант под названием «Заметки комментатора 9. Два неопубликованных футуристических стихотворения об Одессе» см.: Литературный факт. Москва, 2019. № 2. С. 332-347.

² Пародию Евгения Венского см.: Венский Е. Мое копыто: Книга великого пасквиля. Изд. 2-е. СПб.: Тип. «Улей», 1911. С. 91; Гумилев процитировал из этого автора, стоящего «вне литературы, как бы ни было широко значение этого злосчастного слова», стихотворение, призывающее «не накладывать на чувственность узды»: «...Модеста Дружинина, совершенно лишённого не только поэтического темперамента и знания техники творчества, но и элементарного чувства иронии, что позволяет ему обращаться к своей возлюбленной с такого рода «Мольбой»:

...Зачем тебе хранить свою невинность,

Себя напрасно страстию терзать,

Отдай природе дань, отдай эту повинность

И мне позволь тобою обладать!» (Гумилев Н. Письма о русской поэзии //

Аполлон. 1911. № 4. С. 83). Как представляется, чувство иронии у автора водилось, – см. например, заключительные строки последнего стихотворения

(«Моления о славе») в одном из его ранних сборников (Дружинин М. Стихотворения. СПб.: Тип. Д. А. Алексеева, 1910):

О помогите мне, не оттолкните брата!

О Господи! Пошли мне славу Герострата!

Но выдержать стилистическую балансировку гаерства ему не удалось. См. предисловие в предпоследнем из семи его сборников (Дружинин М.М. Напевные грезы. Пг.: Содружество, 1916. Кн. 2: Созвездие стихотворений): «...призванный милостью Музы к служению ей, я гордо прохожу через холод и мрак жизни, сознавая, что создаю и творю прекрасное. Мои песни – мои гимны, которые я, ее жрец, ей пою и которыми ее прославляю, составляют блестящее “Созвездие стихотворений”».

³ Дружинин М. Напевные грезы. Пг.: Содружество, 1914. [Кн. 1]. 1914. С. 47.

⁴ Грин А. По закону (1924) // Одесса – Москва – Одесса. Юго-западный ветер в русской литературе / Сост., послесл. В.В. Калмыковой; сост., предисл., коммент. В.Г. Перельмутера. М.: Вече: Русский импульс, 2014. С.161. Эстакаду вспоминал в эмиграции Николай Дзевановский (Болесцис): Я помню окрик в рокоте лебедок, / тяжелый шелест жаркого зерна, / рядами бочки и на бочках деготь, / и деготь солнцем плавила весна. / Я помню кости черной эстакады / и бурный дым... (Поэты пражского «Скита»: Стихотворные произведения / Сост., вст. ст., комм. О. Малевича. СПб., 2005. С. 52).

⁵ Делерт Д. [Лемперт Д.Б.] Пастель // Огоньки. Одесса, 1918. № 31. 14 (1) декабря. С. 13.

⁶ Кириллов В. Из цикла «Юность» // Зритель. Одесса. 1922. № 3. С. 1.

⁷ Павел Лукницкий записал: «АА: «Папа трогательно говорил мне: «Анечка, ты скажи, чтоб он переменял эту строчку: «Над пасмурным морем следившие румб», – он говорил, что это неправильное выражение, что так нельзя сказать: «следившие румб».

- Отец АА хорошо знал мореходство и термины его» (Лукницкий П.Н. *Acumiana. Встречи с Анной Ахматовой*. Т. I. 1924–1925. Париж, 1991. С. 137).
- ⁸ Степанов Е.Е. Летопись жизни Николая Гумилева на фоне его полного эпистолярного наследия 1886–1921. В 3 т. Т. I. 1886–1913. М.: «Азбуковник», 2019. С. 375, 524.
- ⁹ Первоначальный вариант: Бронгулеев В.В. Посредине странствия земного: Документальная повесть о жизни и творчестве Николая Гумилева. Годы: 1886–1913. М.: Мысль, 1995. С. 291. О полемическом импульсе к созданию этого стихотворения – под влиянием статьи против журнала «Аполлон» в увиденном в одесском магазине альманахе «Жатва», подписанной «Б.С.» (Б. Сергеев, он же Борис Лавренев), что Гумилев воспринял как подпись Бориса Садовского – см.: Тименчик Р. Подземные классики: Иннокентий Анненский. Николай Гумилев. М.: Мосты культуры / Гешарим, 2017. С. 488–489.
- ¹⁰ Степанов Е.Е. Летопись жизни Николая Гумилева на фоне его полного эпистолярного наследия 1886–1921. В 3 т. Т. I. С. 796.
- ¹¹ Гумилев Н. Сочинения в 3 томах. Т. 2. Драм. Рассказы / Сост., подгот. текста, примечания Р.Л. Щербакова. М.: «Художественная литература», 1991. С. 259.
- ¹² Гумилев Н. Сочинения в трех томах. Т. 3. М.: Художественная литература, 1991. С. 237.
- ¹³ Н.Г. <Гумилев Н.> Рец.: Садок Судей. II. Изд. «Журавль». СПб. б<ез> о<бозначения> г<ода> // Гиперборей. 1913. № 5. С. 29.
- ¹⁴ Садок судей. II. [СПб.]: Тип. Т-ва «Наш век», [1913]. С. 62. Позднее Маяковский навел правку: Простыни вод под брюхом были. / Их рвал на волны белый зуб. / Был вой трубы – как будто лили / любовь и похоть медью труб. / Прижались лодки в люльках входов / к сосцам железных матерей. / В ушах оглохших пароходов / горели серьги якорей. Мотив судовой эротики (ср. «Как взревет медно-голосина» в стихотворении о флирте миноносцев «Военно-морская любовь») в этом варианте усилен и, может быть, проясняет зависимость от дерзкого стихотворения Михаила Зенкевича «Смерть дося» («Дыханье мощное в жерло трубы лилось, / Как будто медное влагалище взывало, / Иссохнув и изныв...»).
- ¹⁵ Катаев В. Трава забвенья // Катаев В. Собрание сочинений в 9 т. Т. 9. М.: Художественная литература, 1972. С. 274–275.
- ¹⁶ Так датировал это стихотворение П.Н. Лукницкий, видимо, тогда оно еще было прикреплено к цитированному выше письму Гумилева к Ахматовой от 24 апреля 1913 г.: «я уже в Джибути, доехал и высидился прекрасно. <...> Вчера я написал стихотворение, посылаю его тебе. Напиши в Дире-Дауа, что ты о нем думаешь». В записи П.Н. Лукницкого «1913. Ок.23–24 апреля. Написано стихотворение «Когда зеленый луч, последний на закате...». (...)» на месте указания источника сведений в скобках – пробел. (Лукницкий П.Н. Труды и дни Гумилева. СПб.: Наука. 2010. – С. 333).
- ¹⁷ Приводим по первой публикации: Современник. 1913. № 12; потом, в сборнике «Колчан», Гумилев посвятил стихотворение Георгию Иванову.
- ¹⁸ См. обзор некоторых из них: Гумилев Н. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 2. М.: Воскресенье, 1998. С. 314–315.
- ¹⁹ Например, он мог читать книгу: Батюшков Ф. Спор души с телом в памятниках средневековой литературы. Опыт историко-сравнительного исследования. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1891. Не одобряя бытующую еще кое-где у нас по-

рой манеру читать в сердцах своих исторических персонажей, не можем не предположить, что при выборе между филологией и нормативной поэтикой, Гумилев мог внять устрашению Ф. Батюшкова во вступлении к книге:

«Из университетской школы, под влиянием своего ближайшего руководителя и наставника в области литературных занятий, я вынес между прочим одно убеждение, – именно то, что значение научной деятельности отнюдь не может быть ограничено исключительной заботой о толковании фактов, толковании, которое является лишь вендом здания; надлежит прежде всего поработать над установлением фактов, от качества и количества которых зависит вся прочность научных построений. Как бы ни были заманчивы теории, как ни блестящи обобщения и гипотезы, все они получают реальное значение лишь в той мере, в какой скреплены фактическими данными. Отсюда дальнейший вывод – не пренебрегать так называемую «черною работою» в науке и ценить в должной мере труд по первоисточникам; находка нового материала зависит от случая и удачи, а при добросовестном отношении к делу и малая лепта, внесенная в сокровищницу знания, не есть напрасный труд».

²⁰ «О яркой зеленой вспышке, наблюдаемой на самом закате Солнца, известно с давних времен. Высказывалось множество гипотез о природе данного явления, но было установлено, что решающим фактором в данном случае является именно хроматическая рефракция» (Девяткин А.В., Слесаренко В.Ю. О хроматических эффектах при наблюдениях солнца вблизи горизонта // Известия РАН. Физика атмосферы и океана. 2014. Т. 50. № 4. С. 439)

²¹ Лоцилов И.Е. «Я открою все ворота этих облачных высот...»: о стихотворении Н. Заболоцкого «Зеленый луч» // Филологический класс. 2003. № 10. С. 49-53.

²² См. подробнее: Тименчик Р. Иннокентий Анненский и Николай Гумилев // Вопросы литературы. 1987. № 2. С. 271-278.

²³ «В столовой дети окружили студента, не пускали его уходить, прося сыграть «Китайночку» <...> но Верочка, выйдя, сказала звонко: «дети, пустите Сергея Павловича, ему нужно домой, а «Китайночку» сыграю вам я». И, сев за пианино, заиграла громко, весело, меж тем, как дети, взявшись за руки, прыгали и пели...» (Кузмин М.А. Опасный страж//Аполлон. 1910.№ 11. Отд. 3. С. 34).

²⁴ См., например, пластинку фабрики «Фаворит» (1910): «Было время (Тонкинаузь<sic!>).С.Сарматов. Автор-куплетист с аккомпанементом скрипки».

²⁵ См. о нем: Полякова Ю.Ю. Театр миниатюр С.Ф. Сарматова (С. Опенховского) // Харків і Польща: люди і події: Матеріали Міжнародної наук.-практ. конф. Харків: Майдан, 2006. С. 79-92; историка русской, советской и поднемецкой эстрады и дореволюционного кинематографа не путать его с Николаем Иосифовичем Сарматовым, биографию которого см.: 80-летие Н.И. Сарматова // Новое Слово / Nueva Palabra. Буэнос-Айрес. 1958. Июль. № 313. С. 5.

²⁶ Дон-Аминадо. Поезд на третьем пути. М.: Книга, 1991. С. 51.

²⁷ Иванов Г. Петербургские зимы. Париж: LA SOURCE («Родник»), 1928. С. 41.

²⁸ Готье Т. Избранные стихи. Пер. Вс. Рождественского. Со статьей Н.С. Гумилева «Готье Готье». Пг.: Мысль, 1923. С. 23.

²⁹ Блок А. Собрание сочинений в 8 т. Т. 7. Дневники 1901–1921. М.; Л.: Художественная литература.1963. С. 75.

³⁰ См. подробнее: Леонтьева А.Ю. Китайский текст в поэзии Н.С. Гумилева// Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: Материалы IV международной научно-практической конференции. Благовещенск, 2014. С. 374-380.

- ³¹ Яранцев В. Н., Силантьева Н. А. Китайщина Серебряного века // Модерн в России. Накануне перемен: сб. науч. статей XXXIII Царскосельской конференции / Гос. музей-заповедник «Царское Село». СПб.: Серебряный век, 2017. С. 603-613.
- ³² Гельперин Ю.М. Большаков Константин Аристархович (1895–1938) // Русские писатели. Биографический словарь. Т. 1. А – Г. М. 1989. С. 308-309.
- ³³ Письмо от 25 июня 1916 г. // Борис Пастернак и Сергей Бобров: Письма четырех десятилетий / Публ. и предисл. М.А.Рашковской // Встречи с прошлым. Вып. 8. М.: Русская книга, 1996. С. 236.
- ³⁴ Большаков К. Солнце на излете: Вторая книга стихов. 1913–1916. М.: Центрифуга, 1916. С. 47-48; ср. воспоминания о ругани в одесском порте у Софьи Прегель: Опускаясь, скрипели грузы, / И медь сверкала винта, / И мелькали матросские блузы / Из некрашеного холста. / Мешки летели упруго / В зияющий желтый трюм. / Великолепную ругань / Капитан отпускал, угрюм (Прегель С. Разговор с памятью. В 2 т. Т. I: Стихи, проза, очерки и статьи / Сост., подг. текста, вст. статья и комм. В. Хазана. М., 2017. С. 219).
- ³⁵ См. разбор: Reinhard H. Thum. The City: Baudelaire, Rimbaud, Verhaeren (Studies on Themes and Motifs in Literature. Vol. 1). P. Lang, 1994. PP. 257-258.
- ³⁶ Ван Ходис Я. Утром. Пер. с нем. О. Брошниовская // Современный Запад. 1923. Кн.2. С. 30; в оригинале:
Die Morgensonne rußig. Auf Dämmen donnern Züge.
Durch Wolken pflügen goldne Engelpflüge.
Starker Wind über der bleichen Stadt.
Dampfer und Kräne erwachen am schmutzig fließenden Strom.
Verdrossen klopfen die Glocken am verwitterten Dom.
- ³⁷ См. в оригинале:
L'acqua è negra ed unta
come un grasso di macchina: ciangotta, pasta di pece,
al frullar dell'elica battelliera.
Le schiume esalano vapori di solfo e di carbone.
Об этом стихотворении как образчике футуристского поиска нового языка для маринистики см.: Davide Podavini. The Anthology Poeti futuristi // The History of Futurism: The Precursors, Protagonists, and Legacies, ed. G. Buelens, H. Hendrix, and M. Jansen (Lanham, MD: Lexington Books, 2012. P. 36.
- ³⁸ Гурьянова Н. Живопись Ольги Розановой // Olga Rozanova / Ольга Розанова. 1886–1918 // Helsinki: Helsingin Kaupungin Taidemuseo, 1992. С. 89.
- ³⁹ См. содержательный разбор этого полотна: Aronov I. Olga Rozanova. The Harbour // The Joy of Color: The Merzbacher Collection / Ed. by Stephanie Rachum. The Israel Museum / DuMont, 1998. P. 254.
- ⁴⁰ Эфрос А. Вослед уходящим // Москва. 1919. № 3. С. 4; далее Эфросом сказано: «Футуризм бесплоден и неумен, как отвлеченная школа искусства, притязающая на господство. Но футуризм значителен и прекрасен, как пластическая исповедь художника, чувствующего себя растворенным в прибоях, отливах и водоворотах жизни города».
- ⁴¹ Бульварная критика писала: «Впрочем, этот рисунок можно бы с одинаковым успехом назвать и «Ловля трески в Средиземном море», и «Развалины домов в Калише». Как угодно можно назвать, все равно ничего на рисунке не разберешь» (И.М. Василевский. Веселые мертвецы // Петроградский курьер. 1915.

- 1 марта)»; Ольга Розанова. «Лефанта чиол...» / Вступ. ст., публ. писем и комм. к ним В. Терехиной; сост «Хроники жизни и творчества» А. Сарабьянов и В. Терехина. М.: Издательство «РА», 2002. С. 310.
- ⁴² William Charles Wees. Vorticism and the English avant-garde. Toronto, 1972. PP. 175-176.
- ⁴³ Венгерова З. Английские футуристы. Стрелец. 1915. № 1. С. 99.
- ⁴⁴ См. для первого знакомства: Гельперин Ю.М. Бобров Сергей Павлович (1889–1971) // Русские писатели. Биографический словарь. Т. 1. А – Г. М. 1989. С. 293–294; см. также: Постоуленко К. Об одном псевдониме С. П. Боброва (Мар Иолэн) // Темы и вариации. Сборник статей и материалов к 50-летию Лазаря Флейшмана. Stanford. 1994. С. 276–282; Безродный М. Между двух антологий: (Поэтическая карьера Сергея Боброва) // Модернизм и постмодернизм в русской литературе и культуре. Helsinki, 1996. (Slavica Helsingiensia, 16; Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia, V). С. 189–202; Соболев А.Л. Стихотворения Сергея Боброва: забытое, неизданное, несобранное. 21 ноября 2011 // <https://lucas-v-leuyden.livejournal.com/152111.html>; Борис Пастернак и Сергей Бобров: Письма четырех десятилетий / Публ. и предисл. М.А. Рашковской; РГАЛИ // Встречи с прошлым. Вып. 8. М.: Русская книга, 1996. С. 195–309; «Я безумно любил Борю...»: Переписка С.П. Боброва и Ж.Л. Пастернак. 1960–1970-е годы / Публ., предисл. и прим. М.А. Рашковской // Наше наследие. 2015. № 113. С. 90–107.
- ⁴⁵ Ср. признание, передовенное рассказчику в его прозе конца 1910-х годов: «Мое решение – прославить мое очаровательное имя (правда, чуточку подмоченное Семеном Бобровым, – Майков в его академическом издании Пушкина назвал Сергеем – каково!) – твердо и определенно» (Бобров С. Пляс Фантазуса. Париж: Николай Дронников, 2002. С. 2).
- ⁴⁶ Бобров С. Вертоградари над лозами. М.: Лирика, 1913. С. 88.
- ⁴⁷ Полагаю, что влиятельнейшим образцом и для поэтов, и для прозаиков была картина одесского (и, возможно, николаевского) порта в рассказе Горького «Челкаш», выделенная авторитетным городоведем из многих других (Анциферовы Н. и Т. Книга о городе: Жизнь города. Л.: Изд-во Брокгауз-Ефрон, 1927. С. 174–175). Пройти мимо одного из главнейших урбанистических топов не мог и знакомый с южно-русскими портами Давид Бурлюк: «Звоните тяжкими цепями, / Бросая груз далеких стран / Охвачен хватно пристанями / Судов пахучих караван / Кориценой спиной матросы / В сетчатку впутались снастей / Где облака тиранят тросы / Где на борту не ждут гостей / Меж малахитовых огней. / Вот здесь в тюках пахучая корица / Орловец с палкою обходит их / Вот: пробка, финики, лесов заморских птица / Все чем нагружен черный бриг» (Бурлюк Д. Сувениры / Публ. Е. Деменка // Зеркало (Тель-Авив). 2019. № 53. С. 102–103).
- ⁴⁸ Бунин И. Стихотворения. В 2 т. / Вступ. статья, сост., подг. текста, примеч. Т. М. Двинятиной. СПб.: Издательство Пушкинского Дома, Вита Нова, 2014. Т. 2. С. 18. Идущий в стихах вослед Бунину Александр Федоров воссоздавал заморский порт, как представляется, с оглядкой на одесский: Порт чужеземный. Берег новый. / Корабль наш замер, не дымя. / – Отдать! – И якорь стопудовый / На дно обрушился, гремя. / За ним сползает цепь удавом. / Под ней воронкой глубина. / Запахло вдруг железом ржавым / И сыростью морского дна. / Гляжу растерянно и жадно / На золотые скаты гор, / На порт, кипящий шумно, чадно, / На город, белый, как фарфор. / По раскачавшемуся трапу / Спускаюсь в шляпку. С головы / Едва не сносит ветер шляпу. / Над бездной –

- бездна синевы. / Гремят железные лебедки. / Из борта в трюм идут мешки. / На борт и на воду и лодки / Летят просевы от муки. / Многоголосый шум и говор / Стоит над светлою волной. / В иллюминатор бросил повар / Обрезка зелени цветной. / И ловят чайки с детским плачем / Отбросы кухни на лету. / А от воды лучом горячим / Струится отблеск на борту (Федоров А.М. Порт // Друкарь: Литературный сборник. Под редакцией Н.Д. Телешова. М.: Вспомогательная касса типографов, 1910. С. 95-96.
- ⁴⁹ Милль [К]. Астры (Творчество И.А. Бунина) // Лебедь. 1908. № 3. С. 39.
- ⁵⁰ Бунин И. Стихотворения. В 2 т. Т. 2. С. 27-28, 359; М. Гершензон писал: «Взгляните вниз с кормы корабля, когда он неподвижно стоит в гавани в яркое летнее утро; можно ли точнее изобразить текучий блеск кормы, чем это сделано в двух стихах г. Бунина».
- ⁵¹ Фурман Е. Весенняя прогулка // Южная мысль. Одесса. 1915. 22 марта; о Елизавете Яковлевне Фурман-Стырской (1898–1947) см.: Соболев А.Л. Летейская библиотека: очерки и материалы по истории русской литературы XX века. В 2-х томах. Т.1: Летейская библиотека: биографические очерки. М.: Издательство Трутень, 2013. С. 355-378.
- ⁵² Марков В.Ф. История русского футуризма / Пер. с англ. В. Кучерявкина, Б. Останина. СПб.: Алетей, 2017. С. 226-227.
- ⁵³ Бунин И. Все море – как жемчужное зеркало... // Бунин И. Стихотворения. В 2 т. Т. 1. С. 306, 527. В цитированном выше пассаже из катаевской «Травы забвения» говорилось: «Я даже не запомнил фамилии футуриста, написавшего эти строчки, но картина порта, созданная его могучим воображением, навсегда врезалась в память где-то рядом с поплавком бунинской чайки». Ср. в цитированном выше стихотворении Софьи Прегель «В порту»: Там чайки следили зорко / Добычу свою в глубине.
- ⁵⁴ См.: Бунин И. Стихотворения. В 2 т. Т. 1. С. 527.
- ⁵⁵ См. у соратника Боброва по «Центрифуге» Ивана Аксенова о «приеме Пикассо, введшего газету в объемно выраженный мир своей картины» (Аксенов И.А. Пикассо и окрестности: С 12 меццотинтографюрами с картин мастера. М.: ЦентриФуГа, 1917. С. 12).
- ⁵⁶ РГАЛИ. Ф. 2554. Оп. 2. Ед. хр. 8. Л.7. Из предполагавшегося и анонсированного сборника «Дельта».
- ⁵⁷ Сергей Бобров / Публикация Дмитрия Кузьмина // Вавилон: Вестник молодой литературы. Вып. 2 (18). М.: АРГО-РИСК, 1993. С. 72.
- ⁵⁸ «Тумилев говорит, что ему “кажется, что мое творчество не имеет внутренних мотивов для своего существования”» (Бобров С. Письмо к Андрею Белому от 21 сентября 1909 г. // Письма С. П. Боброва к Андрею Белому. 1909–1912. Вступительная статья, публикация и комментарии К.Ю. Постоутенко // Лица. Биографический альманах. Т. 1. М.; СПб.: Феникс, Atheneum, 1992. С. 140; речь, видимо, идет об ответе на стихи, присланные для журнала «Остров»).
- ⁵⁹ Тименчик Р. Петр Петрович Потемкин // Родник. Рига. 1989. № 7. С. 13.
- ⁶⁰ Бобров С. Три книги стихов // РГАЛИ. Ф. 2554. Оп. 2. Ед. хр. 9. Л.30. В машинописном варианте (там же. Ед. хр. 8. Л.20) «пенвалов» исправлено на «миновалов» (вероятно, «миновать»+ «вал?»).
- ⁶¹ См., например: Одесса в русской поэзии: поэтическая антология / Сост. А.М. Рапопорт. М.: Art House Media, 2009.

Нас ждет Цувамма

Кажется, что мы всё знаем о турне футуристов 1914 года, когда Давид Бурлюк, Василий Каменский и Владимир Маяковский после Харькова и Полтавы приехали в Одессу и дали несколько выступлений в зале нынешнего русского театра.

Естественно, что внимание исследователей было приковано к Маяковскому.

Влюбленность в Марию Денисову, ставшая строками в «Облаке в штанах». В последние годы упорное изучение Евгением Деменком жизни и творчества Давида Бурлюка дало свои плоды. Уже есть мемориальная доска на Преображенской, где жил Бурлюк в годы занятий в художественном училище, вышла книга «Новое о Бурлюках».

И лишь Василий Каменский, поэт, прозаик, художник, актер, авиатор, да просто, естественнейший человек, соединявший есенинскую искренность чувств с хлебниковской мечтательностью, оставался вне зрения одесских литературоведов.

Для него наши края не были чужими. В Николаеве Каменский в 1905 году актером выступал в театре Всеволода Мейерхольда. Став авиатором, он подружился с М. Ефимовым и С. Уточкиным. В книге Василия Каменского «Путь энтузиаста» есть такой монолог:

«Знаменитый спортсмен, велосипедный гонщик, авиатор, прославленный остряк, С.И. Уточкин, этот рыжий веселый заика в котелке, говорил мне:

– Ппп-оезжай, брат, в Париж, ттам тебя всему научат и, кстати, летать. А если ррразобьешься вдребезги, то опять же в ППП-ариже, а не где-нибудь в Жжжмеринке»

Каменский вдребезги разбился в Польше в 1912 году. Но тогда его собрали, и только лет через 25 эта травма привела к катастрофе.

Самым кратким пунктиром обозначу жизненный путь человека, которого друзья называли матерью российского футуризма. Да, Давида Бурлюка – отцом, а Василия Каменского – матерью. Может потому, что на страницах редактируемого им журнала «Весна» были первые публикации Хлебникова и других.

Родился Василий Васильевич Каменский на пароходе, шедшем по Каме в Пермь, где жила семья. Отец был смотрителем золотых приисков графа Шувалова. Но родители умерли, когда Вася был ребенком, и воспитывался он в семье деда по матери, капитана парохода, на котором родился.

Детство среди портовиков, моряков. Наверно, тогда и услышал клич: «Сарынь на кичку!» – который ввел позднее в свои стихи и сделал как бы своим опознавательным знаком в литературе.

После школы пошел «в люди», менял профессии. В 1904 году начал сотрудничать в газете «Пермский край», где не только писал корреспонденции, но и публиковал свои стихи. Увлёкся театром, все забросил и стал актером. Но в 1907 году приехал в Петербург, понравился издателю Н. Шебуеву, и тот ему доверил журнал для молодых литературных сил «Весна».

Совмещал редакторскую работу с увлечением авиацией. Стал дипломированным летчиком, освоил одним из первых в России «Блерио Х1», придумал слово – самолет вместо длинного – аэроплан. И вообще придумал много слов, сблизившись с футуристами.

Рисовал, занялся дизайном своих книг, составлением альманахов.

Его книга поэм «Танго с коровами» и сегодня считается образцом авторского оформления.

Все, за что ни брался Каменский, он делал с вдохновением.

Забавно описание Василием Каменским вечеров поэзии в 1914 году в Одессе:

Когда мы на лекции сталкивали всех кумиров литературы «с парохода современности», это следовало понимать аллегорически. Ибо мы не меньше других знали ценность и Рафаэля, и Пушкина, и Гоголя, и Толстого.

По этому случаю в Одессе мы выдержали особо свирепый натиск газетной критики, да и слушателей из партера одесского общества. Знакомый по Петербургу критик Петр Пильский сказал крепкую вступительную речь, как блестящий адвокат, защищающий тяжких преступников.

За ним выступил я с докладом «Смехачам наш ответ», в котором дал достойную отповедь нашим врагам. Но едва коснулся литературной богадельни седых «творцов, кумиров и жрецов», как в партере зашикали, загалдели, а на галерке захолопали.

Замечательно, что каждый город защищает одного писателя, которого никак трогать нельзя. В Одессе таким оказался Леонид Андреев.

Можно всех святых свалить с «парохода современности», но Леонида Андреева не тронь. Я было тронул Леонида Андреева за убийственный пессимизм, но меня затюкали.

Реванш на этом вечере Каменский получил, когда читал стихи об авиаторах, тут вступил с ним в спор генерал, обвинивший поэта в том, что тот не знает настоящих авиаторов, а потом вынужденный подняться на сцену, вслух читать удостоверение летчика и прилюдно извиняться...

В том же 1914 году началась Первая мировая война. Каменский был пацифистом. Он отказывался воевать тогда, как и потом в Гражданскую. Писал стихи, пьесы, романы. Футуризм в России с 1917 года шел на спад. А Каменский уехал в Тифлис, где только возникла футуристическая группа «41 градус». И там, в Тифлисе (сегодня мы пишем – в Тбилисси) у Василия Каменского вышла одна из последних футуристических книг в 1920 году – поэма «Цувамма».

Рад, что в серии репринтных вкладышей в альманахе «Дом князя Гагарина» могу познакомить читателей с этой поэмой Каменского, ни одного экземпляра которой нет в одесских библиотеках.

Что же такое – Цувамма? Это фантазия Каменского – остров справедливости, остров, коим руководят поэты. Некий рай на земле. Заумь, которая непонятна нам, естественно, понятна жителям острова, живущим в неге и счастье.

В 1921 году Василий Каменский предложил переделанный текст для театра. Смелчаков не нашлось. Он написал еще одну поэму «Корабль из Цуваммы», но она увидела свет в издательстве «Гилея» лишь в 2016 году книжкой в 500 нумерованных экземпляров. У меня экземпляр 306. А поэма «Цувамма» в Тифлисе вышла в 1920 году тиражом в 100 экземпляров. На газетной бумаге. Не нумеровано.

В конце двадцатых годов Василий Каменский уезжает из Москвы. Живет в Перми. Пишет мемуары. И они выйдут лишь в шестидесятые годы. И самим фактом своего существования раздражает местное литературное начальство. И направляют прошение Ежову – уберите, куда подальше. Нарком просьбу литтрудящихся отправляет Сталину, сделав приписку: «Каменского В.В. считаю необходимым арестовать. Жду вашей санкции». Сталин санкцию дал. Но вмешался божий промысел. Травмы,

полученные 25 лет тому, привели к тромбофлебиту. И Василию Васильевичу ампутировали обе ноги. Так что не арестовали.

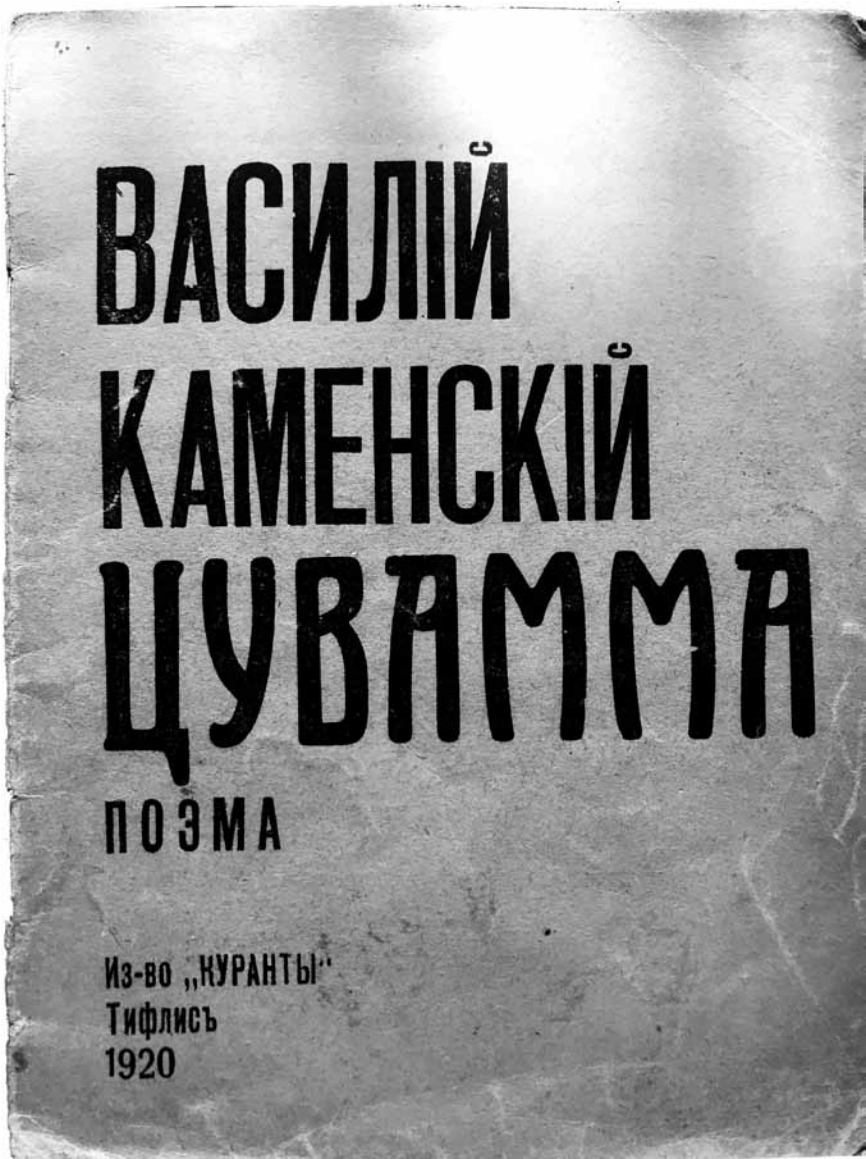
Когда в оттепель приехал в Советский Союз Давид Бурлюк, одна из первых его просьб – хочу повидаться с другом молодости, с Васей Каменским. Не дали. Жил в нищете. Строить потемкинские деревни бы не позволил. И сообщили Давид Давидовичу, что Василий Васильевич его принять не может.

Так не состоялось пиршество поэтов на Цувамме.

Цувамма – остров поэтов, где творцы собираются, чтоб обсудить мировые проблемы, остался его мечтой. Но она помогла Каменскому сохранить человеческое достоинство.

Умер Василий Васильевич Каменский 11 ноября 1961 года.

После его смерти его сочинения издаются и переиздаются. Пришла очередь для репринтного переиздания поэмы «Цувамма».

**ВАСИЛІЙ
КАМЕНСКІЙ
ЦУВАММА
ПОЭМА**

Из-во „КУРАНТЫ“
Тифлисъ
1920

Василій Каменскій

Ц У В А М М А

ПОЭМА

Из-во
„КУРАНТЫ“
Тифлисъ
1920

Цувамма

Провозвѣстница птица
Полярной Цуваммы
Ветрѣчальной Страны
Приливающихъ дней—
Изъ Ковчега грядущаго
Посланы къ вамъ мы—
Мы - кому жизнь горизонтовъ
Видѣй—
Мы поэты любимой Цуваммы.
Цамайра—Цамайра.
Въ крыловѣйной Странѣ
Солнцеутреннихъ пѣсень—
На единственномъ островѣ
Среди синихъ морей—
Нашъ таинственный взлетъ.
До чудесъ поднебесенъ—
До карнавальности звѣздъ-янтарей.
Мы - поэты ретраальной
Полярной Цуваммы --
Дѣти острова Радостей .
Избавители Злого—
Принесли—
Вольнотворческій духъ мудрецамъ
мы —

Вѣрные рыцари Слова --
Путешественники изъ Цуваммы.
Цамайра - Цамайра --
Цаммъ -- цама.
Цаммъ -- цама.

Въ пламени подвиговъ
Обвѣянные вѣчально
Поэты Страны Океанской Раздоли --
Грустно поемъ мы --
Перезвучально,
Изнывая въ желѣзной неволѣ.
А неволя желѣзная --
Слѣзная привязанность --
Суета ослѣпленная мелкихъ стра-
стей

И не чуетъ никто --
Что святая обязанность --
Истины слушать изъ Цуваммы го-
стей.

Мы прилетѣли разгадывать тайны,
Создавая вершить
Красоту и людей --
Яркоцвѣтная крылья у насъ
Не случайны --
Крылья легенды - Судьбы Лебедей.
И всѣхъ призываемъ
Зажить мудротворчески --
Какъ будто живемъ
Неизмѣнные тамъ мы --

Гдѣ вѣрять свѣтло,
Вдохновляя пророчески
Умы и Сердца гениальной Цуваммы.
Цамайра—Цамайра—
Цаммъ—цама—
Цаммъ—цама.

Цувамма—Рай
Жбра мау Айя
Заря полярная Зоррай—
Цамайра цаммъ—цамай Тамайя
Цвѣти сияніемъ Галайя
Чурай сліяніемъ чурай.
Цамайра—дайра
Мадайра марра
Островъ Поэтовъ—
Цувамма—май.
Маршъ Табатайра.
Жбра мау Зайра—
Цамайра внимай.
Лейся симфонія—радуга—лѣстница
Выше значеніе словъ окрыли
О, гѣсненьяствуй—
Весна правозвѣстница
Поэтами нагруженные Корабли.
Золоторозсышью—
Міровѣнчальностью—
Наполняя сердца утрозарнымъ ви-
номъ
Горите звучально

Вѣчально встрѣчальностью
Гимнъ распѣвая
О царствѣ иномъ.
Цувамма—Цувамма—
Созвѣздій флотилія
Это въ тебѣ навла вихри мерцаній.
Цувамма полярная
Любимая лилія—
Лоно величественныхъ созерцаній,
Островъ рубинныхъ разцвѣтовъ
Гдѣ Духъ—Властелинъ—
Страна солнцетканыхъ Поэтовъ
Бирюководалей долинъ.
Цамайра—Цамайра—
Цаммъ—цама—
Цаммъ—цама.
Такъ пѣсня за пѣсней—
Гимнъ за легендой—
День за назначеннымъ днемъ.
Сгораеть судьба
Алошелковой лентой—
Цувамскимъ, чаруйнымъ огнемъ.
Если вся жизнь—
Перелетъ и гореніе
Надо съ Поэтами утромъ расти.
Только Поэты,
Чьи вѣчны творенія
Знають великія мудрости.
Ввысь отъ земли—

Въ небеса отвлеченія—
Къ горизонтамъ безсмертія
И Божества,
Къ полярности Духа —
Моресвѣченія
Во славу человѣческаго торжества.
Дѣвушки, Юноши.
Изъ любимой Цуваммы
На крыльяхъ поэмъ
Семицвѣтныхъ зарницъ —
Волей сверхвольности
Посланы къ вамъ мы—
Изъ старны возникающихъ
Солницъ — колесницъ —
Изъ страны откровеній Цуваммы.
Дѣвушки, Юноши.
Молодость Индра —
Жбра мау Галайя
Паруса въ безпредѣль.
Цамайра — Рабиндра.
Цувамма — Тамайя.
Карусель. Карусель. Карусель.
Эй открыватели,
Рыцари Тигра,
Межпланетная струя,
Живоносный источникъ —
Я въ своихъ словотворческихъ иг-
рахъ

Надъ Вселенной всгѣваю Востокъ:
Ай гора Джарамъ Чаррамэ
Коконъ Чобанъ Шардамэ
Аштйри Мээ заримэ
Черибанъ заримэ.
Салямъ зюля сайлямъ.
На Востокѣ Джарамъ—
Гора колыбель:
Тамъ рождается Солнце
И утренне струйное,
Совершая полетъ въ голубель,
Всѣмъ приносить намъ—
Счастье чаруйное
Поэты и Солнце --
Красота и Джарамъ—
Это Духъ изъ полярной Цуваммы—
Только этимъ священнымъ дарамъ
Пѣть легенды
Нипосланы къ вамъ мы.
Вольность и Молодость
Чудо воскресни.
И оживи жизнедатную грудь—
Въ долинахъ Цуваммы
Неисчерпаны пѣсни
И цвѣтеть неизбежно
Весна изумрудъ.
Цамайра—Цамайра
Дорога Цамайра—
Я снова провижу твой зовъ

Изъ Планетъ.
Цамайра—Цамайра
Рабиндра—Цамайра.
Снова вернусь я въ Цувамму
Поэтъ.
Путь мой—крылатый—
Молніевзорный.
Ворота—царственный просторъ.
Духъ мой—высокій
Духъ чудотворный
Вселенноокій въ вѣкахъ Престоль.
И я готовъ.
Вотъ съ неба—дѣстница
И слышно дружеское пѣніе:
Цуваммы птица провозвѣстница
Я знаю истинныя ступени.
А здѣсь мнѣ душно—
Несносно—больно—
И я въ отчаянной прощальности
Вамъ оставляю жить раздельно
Для солзевѣющей Вѣчальности.
Туда. Туда.
Жбра мау харра.
На островъ Индра—
Цувамма—май.
Цувамма дайра
Сіай Рабиндра.
Востокъ Джарамъ
Ай гимнъ внимай:

Ай гора Джарамъ Чаррамэ .
Ашайри Мзэ заримэ
Черибанъ заримэ.
Салямъ зюль салямъ.
Цамайра - Цамайра -
Цаммъ - цамз -
Цаммъ - цамз.

И-во „КУРАНТЫ“

Тифлисъ, Елизаветинская. 200.

Александръ Блокъ. **Двѣнадцать.** ц. 3 р. (распродано)
Юрiя Дегенъ. **Оттепель.** ц. 15 р. (печатается)
И. Евреинновъ. **Моя драма.** ц. 20 р. (печатается)
Рюрикъ Ивневъ. **Пламя язвъ.** ц. 20 р. (печатается)
Василiя Каменскiя. **Цувамма.** ц. 5 р.

5 р.

О.Л. Яворська

Михайло Жук про Михайла Коцюбинського

Спогади з фондів Одеського літературного музею

За довгі роки життя в оселі М. Жука, спочатку в Чернігові, потому в Одесі, зібрався несеяжний особистий архів: картини, малюнки та гравюри, авторські примірники книжок самого Жука, журнали з публікаціями його віршів та оповідань, численні рукописи, чернетки, нотатки, спогади, листування, книжки друзів-письменників з дарчими написами... Як не дивно, після смерті митця жодна офіційна організація – музеї, архіви, бібліотеки – не зацікавилась його спадщиною. Не дочекавшись уваги від державних установ, сини Жука почали, року десь 1970-го, розпродавати та дарувати картини, книжки, рукописи аматорам. Все розпорошилось по збірках колекціонерів, децю з часом перейшло і до музеїв¹.

Так написав у 1993 році у післямові до видання «Панахидних співів» Павла Тичини (які збереглися саме в архіві М. Жука) один з перших дослідників творчості Михайла Жука та перший упорядник літературної частини його архіву Сергій Зенонович Луцик².

Наприкінці 1980-х до роботи над упорядкуванням та систематизуванням літературної частини архіву він залучив науковців Одеського літературного музею, в тому числі і автора цієї статті.

А згодом більша частина архіву надійшла до фондів Одеського літературного музею завдяки допомозі мецената С.Р. Гриневецького.

Публікація продовжує опис літературного архіву видатного українського художника та письменника. У попередніх випусках нашого наукового збірника вже було опубліковано окремі щоденникові записи³, оповідання⁴, казки⁵, спогади про створення Академії мистецтва⁶, згадки про дитинство⁷.

У 2019 році Одеський літературний музей видав книгу М. Жука «Білим і чорним хотів би я бути...», до якої увійшли більшість текстів, надрукованих попередньо у наукових збірках музею, а також п'єса «Легенда», «Вінок сонетів» 1918 року і два спогади про Михайла Коцюбинського⁸.

Загалом у тій частині архіву Жука, що надійшла до фондів музею, збереглися: недатовані спогади про зустріч з І.С. Нечуй-Левицьким під час роботи над портретом письменника⁹; спогади про навчання у школі

М. Мурашка, написані у 1951–1952 р.¹⁰; вищезгадані спогади про створення Академії мистецтв та про дитинство, спогади-лист про В. Еланського¹¹, спогади про Коцюбинського та написані російською мовою спогади «Июль был прекрасен...» (про липень 1941 року), які ще чекають на публікацію.

Михайло Жук почав писати спогади на початку 1910-х рр., власне, у 1913 році. Поштовхом до цього стала смерть його вчителя и одного з найближчих йому людей – Михайла Михайловича Коцюбинського. П'ята книжка «Літературно-наукового вістника» відкривалась сторінкою

*Памяти Михайла Коцюбинського
(род. 1864, ум. 1913 р. 12 квітня)
автора «Цвіта яблуні», «Для загального добра», «В путях шайтана», «Intermezzo», «Що записано в книгу життя», «Тіні забутих предків» і т.д.
невіджалованого співробітника «Літ-Наукового Вістника»
присвячує сю книжку*

М. Жук. Чернігів. 1910-ті рр. Родинний архів Н.Г. Ловейко-Жук

Редакція¹²

У номері надруковані спогади Жука «Погасле світило. Незабутньої пам'яті М.М. Коцюбинського»¹³ з присвятою «З глибокою пошаною Вірі Устиновні Коцюбинській, дружині покійного, – присвячую». У них йдеться переважно про останні дні письменника.

Загалом у мемуарному спадку М. Жука найбільше спогадів про М.М. Коцюбинського. Це не дивно – саме зустріч з Коцюбинським стала знаковою і значною мірою вплинула на життя та творчість молодого митця.

Бібліографічний покажчик «Сонцепоклонник: образ Михайла Коцюбинського в художніх і художньо-документальних джерелах»¹⁴ налічує п'ять публікацій М. Жука, присвячених або пов'язаних з М. Коцюбинським, у тому числі й ненадруковані спогади з фондів Чернігівського літературно-меморіального музею М.М. Коцюбинського¹⁵. Але матеріали з фондів Одеського літературного музею не увійшли до покажчика.

Вперше Жук зустрівся з М. Коцюбинським невдовзі після переїзду до Чернігова у 1905 році. У спогадах самого Жука дві версії першої зустрічі – вдома у письменника та на таємних зборах української громади. Спогади доньки Коцюбинського Ірини схиляють до першої версії. Вона двічі описує першу зустріч з Жуком, наголошуючи на присутність його матері (у жодному з варіантів спогадів Жука ця деталь не згадується):

Задзвонив дзвоник. Служниця Явдося відчинила двері, і до передпокою ввійшло двоє: молодий чоловік з м'яким виразом обличчя, з трохи опуклими блакитними очима, з кучерявим білявим волоссям, високим чолом. Одягнений він був скромно, в сіренький костюм. З ним огрядна енергійна жінка – його мати¹⁶.

Пригадую, як перший раз завітав він до нашої господи. <...> Прийшов він до нас з своєю матір'ю, Парасковією Микитівною. Молодий двадцятип'ятирічний юнак з світлими, трохи опуклими очима, руським кучерявим волоссям, яке на чолі почало вже трохи лисіти, тихий і лагідний, він сподобався батькові з першого погляду. Жук і його мати стали постійними учасниками літературних «понеділків»¹⁷.

Так розпочалося знайомство, що тривало до останніх днів життя Коцюбинського. Михайло Михайлович опікувався долею молодшого товариша, саме за рекомендацією Коцюбинського було надруковане у «Літературно-науковому вістнику» перше оповідання Жука «Мені казали – ще молодий»¹⁸.

Жук двічі малює портрети свого друга та вчителя – у 1907 та у 1909 роках.

Михайло Іванович намалював два прижиттєві портрети батька, один настельними олівцями, а другий – фарбою. Тато також вдивив мене і Оксаночку на сеанси малювання до Михайла Івановича, і він малював наші портрети настелю. Але особливо вдавалися йому квіти.

Він завжди ніс з нашого садочку цілі оберемки свіжих квітів, які потім так майстерно змальовував у своїх картинах.

Одну з них – «Жоржини» – він подарував в 1907 році з написом на день народження батька¹⁹.

Перші спогади М. Жука про Коцюбинського «Погасле світило» починаються саме з моменту роботи над портретом, та водночас Жук змальовує і літературний портрет письменника:

Я малюю його портрет... Михайло Михайлович сидить проти мене на підвішенню і розповідає свої плани, свої враження від прочитаних книжок. Яскраве сонце залило садок, що видний йому і у вікно, воно хвилями рефлексів проривається до хати, я стежу, ловлю зміни і шукаю душі Михайла Михайловича, що пробивається у виразі лиця. Він змучений роботою у статистичному бюро, він не може уже швидко ходити, бо щось йому іноді так гостро коле у груди, але се ще людина з повним темпом життя. Високе чоло, то хмариться, то прояснюється, спливає до лінії брів, там його здержують гострі краї і зразу у глибину дві темні кринички його очей. У темноті грають дві зірки од сонця і поволи пливуть у напрямі бічної стіни, вбирають у себе вигляд розвішених там шкіців та малюнків. Серед розмови він перериває і вставляє своє спостереження про якусь з моїх робіт, а там знову повертає на розпочату тему.

От він замовк, бо я зарисовую уста; спочатку вони ще хвилюються, мов течія води, а потім стихлі; посунувся трохи лівий куточок і поклатася смужка од крила носа до того куточка. Ся смужка наче замкнула його і виразно каже, що він самотній. Бо се тільки уста єднають його у розмові з людьми, а тепер очі і чоло урочисто святкують своє свято самотності. Вони не пропускають од себе випадкового слова, вони роблять свою роботу таємно від усього світу... А уста... Од собі телеграфічна машинка, що вистукують надані телеграми, що може переплутати часом і зміст, але, коли він їх затулив, коли вони, на жаль, не переказують мені течію його думки, то вони достроюються до виразу цілого лиця. Вони стисло облягли, як міцно підперезаний пояс до роботу облягає поставу чоловіка, і бережуть собою його самотність.

І так тягнулися у мене ті незабутні дні, коли я малював портрет дорогої кожному українцеві людини²⁰.

Важко сказати, про який саме портрет йде мова, сучасники більш вдалим вважали другий – 1909 року. Критика відзначала психологічність саме цього портрету:

На тлі коштовного хутра, що звисає важкою драперією, сидить у глибокій фотелю, спочиваючи в лагідній позі, письменник. В руках у нього ціпок. <...> сильне враження від портрета, його психологічності, живого тепла.

Обернений en face Коцюбинський дивиться з картини мимо всього, що тут перед очима, він теж мрійливий степовик. Він думками не тут, вони понесли його «на крилах пісні» в херсонські та бессарабські степи з гадючниками, з виноградними та кукурудзяними плантаціями, і далі на стрімкі бескиди Карпат, щоб у глибоких щілинах гір та проваллях Черемошу побачити «Тіні забутих предків».

М. Жук, як літерат і поет, відчув усі ці переживання свого друга й письменника і тонко віддав їх у цьому елегантному портреті²¹.

Швидше за все саме про цей портрет²² згадував Максим Горький: «Бывало, видишь: идёт он тихо, немножко согнувшись, обнажив сияющую голову, с тем вдумчивым лицом, как на портрете Жука, – видишь и догадываешься: думает о своей Черниговщине»²³.

Жук не лише малює портрети вчителя, він оформлює книги М. Коцюбинського: у 1909 році – «З глибини», у тому ж році робить обкладинку до «Українських повістей», виданих у Стокгольмі шведським видавництвом у перекладі Альфреда Єнсена²⁴, у 1913 – робить обкладинку до книги «Тіні забутих предків»²⁵.

Жука та Коцюбинського пов'язувала найтісніша дружба. Жук був втаємничений у кохання М. Коцюбинського до Олександри Аплаксіної – у першій половині 1920-х Аплаксіна дозволила йому скопіювати листи, у 1926-му у спогадах він пише про мав намір видати їх.

Але спочатку Жук надрукував у 1919 році у «Літературно-Науковому Віснику» листи Коцюбинського до дружини²⁶ та мав намір видати їх окремою книгою²⁷. У передмові він детально змальовує те, що лиш побіжно згадує у подальшому – обтяжливість для Коцюбинського роботи в статбюро та змальовує різкий контраст буденщини з спогадами про першу подорож до Італії:

Наче в калейдоскопі проходить подорож 905 року. Зміна вражень, так багато нового, що, як пише М.М., стає занадто, просто перевтомлюється вразливість. Але треба гнати, ще вільних 20 день отпуску, а там Чернігів, робота по статистиці, одноманітні люде, бідний обсяг суспільного життя. А життя таке хороше, як вино, давай ще чарку, ще одну... Там нехай, що буде – те побачимо. В провінції чоловікові, як верблюду в пустелі, треба мати подвійний шлунок, щоб не загинути, од згаги. Де ті оазиси? Хіба серед природи, яку, на жаль, видно тільки крізь вікно тої вязниці,

що зветь ся «Службовим обовязком». Скрипить перо, ляпають кісточки на щотах, торохтять невблаганно «Унервуд»... І схилени постаті серед великих стіжків білого паперу та засіяного цифрами, що в голові тумане. А сонце, як божевільне, рине потоками у вікна, надить шмарагдами листків у городі, кривавими плямками маків на газонах. У хаті біло, душно. Навіть не допомагають розчинені вікна і часом хтось сердито зачиняє те настирне вікно, затулює шторою і, невідомо чого, як на живу істоту, сердить ся на сваволю вітру, що ворухить папери. Перерва... Серед всього білого з'являєть ся шклянка, друга і т. д. з чайом... маленькі булочки, варені яйця... Сніданок. Бліді лиця, майже білі – їдять білу страву, тільки чай полискує жовто-гарячими вогниками, як конаюче око якоїсь смертельно зраненої істоти. Серед такої обстанови, засмалений сонцем, обвіяний вітром, у європейському костюмі – сидить і Мих. Мих. Він тільки що повернув, як стиглий колос з поля, він ще повний неба, таємниць хмар... Він тільки що бачив, як напинає золоті струни жайворонок од самого сонця аж до землі²⁸.

Поміж листами М.М. Коцюбинського невеличкі вставки Жука. Серед іншого – він згадує, що

...весною 1910 року. Вибіраючись за кордон ще на пароплаві заслаб М. М. на шлунок і знесилений прибув до Києва. Там він хотів порадитись з лікарями про стан свого серця. В цей час і я їздив з ним, і як раз після консіліуму балакав, розпитуючи про наслідки наради лікарів. «Це добре, що серце слабе» – якимось жартуючи казав він мені. – «Легка смерть буде». Потому серйозно почав прохати, що коли я поверну до Чернигова, то щоб якимось мягко пояснив родині і заспокоїв... «А коли не зможете, то краще нічого про слабкість і не кажіть». – Закінчив він. «Це пусте, поїду за кордон і поправлю ся»²⁹.

Ці спогади знаходять підтвердження у листі М. Коцюбинського до дружини 1 червня 1910 року, до речі, написаного «В вагоні по дорозі в Одесу»: «Дорога Вірунечко, вчора не писав, бо Жук зайде до тебе і все розкаже»³⁰.

Через десять років після публікації листів до В. У. Коцюбинської, у 1929 році Жук напише спогади «Михайло Коцюбинський», і у них цитуватиме уривки з листів до О.І. Аплаксіної у власному перекладі (листи були написані російською мовою).

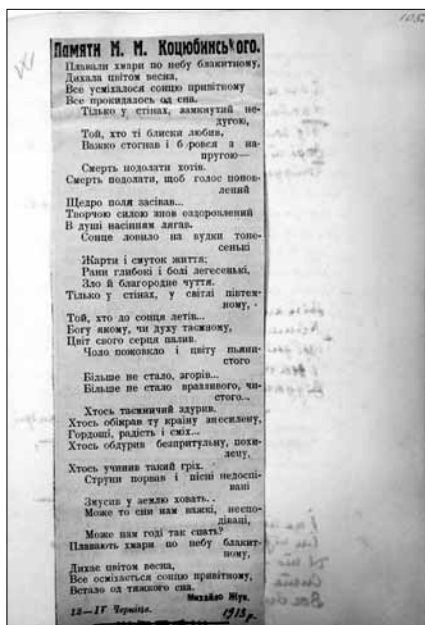
Під час життя у Чернігові Жук захопився фотографуванням, завдяки чому збереглося багато фотографій родини Коцюбинських. Знімав Жук і під час похорону письменника.

Смерть Коцюбинського боляче вразила Жука. Перші його спогади – і віршовані, і прозові – про останні години життя письменника. Він пише вірш «Пам'яті М. Коцюбинського» та прозові спогади «Погасле світило».

Плавали хмари по небу блакитному,
Дихала цвітом весна,
Все усміхалося сонцю привітному,
Все прокидалось от сна.

Тільки у стінах, замкнутий недугою,
Той, хто ті блиски любив,
Важко стогнав і боровся з напругою –
Смерть подолати хотів.

Смерть подолати, щоб голос поновлений
Щедро поля засівав...
Творчою силою знов оздоровлений
В душі насінням лягав.

Сторінка з зошиту М. Жука з віршем «Пам'яті М. Коцюбинського». ОЛМ

Сонце ловило на вудки тонесенькі
Жарти і смуток життя;
Рани глибокі і болі легесенькі,
Зло й благородне чуття.

Тільки у стінах, у світлі півтемному,
Той, хто до сонця летів...
Богу якому, чи духу таємному,
Цвіт свого серця палив.

Чоло пожовкло і цвіту п'янистого
Більше не стало, згорів...
Більше не стало вразливого, чистого...
Хтось таємничий здурив.

Хтось обікрвав ту країну знесилену,
Гордощі, радість і сміх...
Хтось обдурив безпритульну, знесилену,
Хтось учинив такий гріх.

Струни порвав і пісні недоспівані
Змусив у землю ховать...
Може, то сни нам важкі, несподівані,
Може нам годі так спать?

Плавають хмари по небу блакитному,
Дихає цвітом весна,
Все осміхається сонцю привітному,
Встало од тяжкого сна.

12.IV.1913. Чернігів³¹

Знову звертається Жук до спогадів про вчителя та друга через тринадцять років в Одесі у 1926 році, а згодом повертається до цієї теми та пише ще декілька варіантів.

До фондів Одеського літературного музею надійшли три завершені спогади:

- «М.М. Коцюбинський: Згадка. Одеса, 1926»;
- «Михайло Коцюбинський» – з надписом автора «Читано 1929 р. 29. IV в м. Одесі на курсах українознавства»;
- «М.М. Коцюбинський: Спогади» [1950-і рр.?] – рукопис у двох варіантах: чернетка – три зошити, біловий варіант – два зошити. (За інформацією, наданою О.А. Лагутенко, третій зошит знаходиться у Чернігівському літературно-меморіальному музеї-заповіднику М.М. Коцюбинського – А-5429.) Точна дата невідома, С.З. Лущик схилився до думки, що спогади написані М.І. Жуком в останні роки життя.

У архіві М. Жук збереглися також робочі записи і фрагменти спогадів:
– «М.М. Коцюбинський». Початок спогадів про М. Коцюбинського на трьох сторінках (орієнтовно кінця 1920-х рр.),
– про новели М. Коцюбинського (орієнтовно кінця 1920-х рр.),
– початок біографії М. Коцюбинського,
– «Коцюбинський». Записи та примітки (ймовірно, до машинопису листів М. Коцюбинського до О. Аплаксіної, після 1936 р.)

Спогади М. Жука цінні живими деталями, які так добре запам'ятали чіпке око художника. Звичайно, що писав Жук саме про Михайла Михайловича, досить побіжно, особливо у 1926–1929 рр., згадуючи оточення письменника. Більш детально про це йдеться у спогадах 1950-х рр., де поруч з намальованим з пошаною та любов'ю портретом М. Коцюбинського – невеличка ущиплива замальовка Т. Левицької та іронічний опис першого враження від М. Вороного, досить стриманий портрет Віри Устимівни та зворушливий опис маленьких доньок письменника – Оксани та Іринки.

У спогадах багато цікавих деталей, але й багато неточностей – так, наприклад, М. Жук перебільшує кількість членів чернігівської «Прогресу»; згадує про розмову 1905 року, у якій йдеться про городського голову Верзилова, а той вперше обійняв цю посаду у 1906 р.

Але це не зменшує цінність свідчень про життя М. Коцюбинського, написаних одним з його найближчих друзів.

Треба зазначити, що подекуди спогади дублюються, що не дивно – адже Жук писав про те, що найбільше запало до пам'яті.

Спогади публікуються із збереженням орфографії та стилістики автора. Для зручності сприйняття у місцях, де М. Жук передавав пряму мову, не виділяючи її, поставлено [-].

Автор вдячний заступнику директора з наукової роботи Чернігівського літературно-меморіального музею-заповіднику М.М. Коцюбинського Н. Коцюбинській та вченому секретарю К. Федько за допомогу у роботі над статтею та надані фотографії.

¹ Луцик С. «Панахидні співи» – доля рукопису // Тичина П. Панахидні співи. – Одеса, 1993. – С. 41.

² Луцик Сергій Зенонович (1925–2015) – дослідник, краєзнавець, автор численних публікацій про М. Жука, книг та публікацій про культурне життя Одеси 1900–1920-х рр.

³ Жук М. Листки календаря. Нотатки з блокноту / Луцик С., Яворська О. Михайло Жук – літератор // Дом князя Гагарина: Сборник статей и публикаций / Одесский литературный музей. – Вып. 1. – Одесса, 1997. – С. 84–111.

- ⁴ Жук М. Оповідання / Лущик С., Яворська О. Оповідання Михайла Жука // Дом князя Гагарина: Сборник статей и публикаций. – Вып. 2. – Одесса, 2001. – С. 111-148.
- ⁵ Жук М. Казки / Яворська О.Л. «Дайте мені можливість працювати...»: Казки Михайла Жука // Дом князя Гагарина: Сборник статей и публикаций. – Вып. 6. Том 1. – Одесса, 2011. – С. 321-423.
- ⁶ Жук М. Київ: Академія мистецтва / Кашуба-Вольвач О.Д., Яворська О.Л. Українська Академія Мистецтва у спогадах Михайла Жука // Дом князя Гагарина: Сборник научных статей и публикаций / Одесский литературный музей. – Вып. 7. – Одесса, 2016. – С. 89-126.
- ⁷ Жук М. Спогади / Яворська О. Л. «Життя мені подарувало географічну точку»: Дитячі роки Михайла Жука // Дом князя Гагарина: Сборник научных статей и публикаций / Одесский литературный музей. – Вып. 8. – Одесса, 2017. – С. 93-105.
- ⁸ Жук М. «Білим і чорним хотів би я бути...» / Уклад. О. Яворська за участю О. Козаченко, публ. п'єси «Легенда» К. Романової, вступ. стаття, комент. О. Яворська; Одеський літературний музей. – Одеса, 2019. – 256 с.
- ⁹ Жук М. Портрети: І.С. Нечуй-Левицький / Лущик С. Михайло Жук у колі сучасників // Київ. – 1998. – № 11. – С. 153-156.
- ¹⁰ Жук М. Київська художня школа Миколи Івановича Мурашко. Одесса, 1951-52. Листопад, грудень, січень. Надруковано: Спогади Михайла Жука про Київську школу Миколи Івановича Мурашка (Одеса, 1951–52 рр.) / Підготовка до друку, вступне слово, коментарі О. Єрмоленко, Н. Суспи // Сіверянський літопис. – 2010. – № 4/5. – С. 201-225.
- ¹¹ Жук М. Лист до М. Коцацького / Лущик С. Михайло Жук у колі сучасників // Київ. – 1998. – № 11. – С. 157-158.
- ¹² Літературно-науковий вістник. – Річник XVI. – Київ, 1913. – Т. LXIII. – Кн. V.
- ¹³ Жук М. Погасле світило. Незабутньої пам'яті М.М. Коцюбинського // Літературно-науковий вістник. – Київ, 1913. – Т. 62. – Кн. 5. – С. 220-228.
- ¹⁴ Сонцепоклонник : Образ Михайла Коцюбинського в худож. і худож.-док. джерелах: бібліогр. покажч. 1913–2014 рр. / уклад. і вступ. ст. О. М. Куцевол ; відп. за вип. Н. І. Морозова ; Вінниц. ОУНБ ім. К. А. Тимірязєва. – Вінниця, 2016. – 236 с. – (Серія «Scripta manent = Написане залишається»). <http://library.vn.ua/Konf2017/text/Kotsubinskij.pdf>
– Жук М. Погасле світло: Незабутньої пам'яті М. М. Коцюбинського: (з глибокою пошаною Вірі Устимівні Коцюбинській, дружині покійного – присвячую): [спогад про останні дні життя письменника] // Літ.-наук. вісн. – 1913. – Т. 62. – Кн. 5. – С. 220–228.
– Жук М. Последние дни М.М. Коцюбинского: (из воспоминаний) // Известия. – 1928. – 25 апр.
– Жук М. М.М. Коцюбинський // Театр – клуб – кіно. – Одесса, 1928. – № 38. – С. 4.
– Жук М. Спогади [є про «суботи» М. Коцюбинського] // Чернігів. літ. меморіал. музей-заповідник М.М. Коцюбинського, № А–5429, 3 с. недагані.
– Жук М. Я малюю його портрет: [уринок зі спогадів худож. про роботу над портр. М. Коцюбинського в 1909 р.] // Укр. мова й літ. в шк., гімназіях, ліцеях та колегіумах. – 2002. – № 2. – С. 4.
– Жук М. Я рисую его портрет: [уринок зі спогадів про роботу над портретом М. Коцюбинського в 1909 р.] // Большевиц. знамя. – 1944. – 17 сент. – С. 4.

- ¹⁵ Жук М. Спогади // Чернігів. літ. меморіал. музей-заповідник М.М. Коцюбинського, № А-5429, 3 с.
- ¹⁶ Спогади Михайла Жука про Київську школу Миколи Івановича Мурашка – С. 201.
- ¹⁷ Коцюбинська І. Спогади і розповіді про М.М. Коцюбинського. – Київ, 1965. – С. 109-110.
- ¹⁸ Лист М. Коцюбинського до В. Гнатюка 30/VIII (12/IX) 1906. «Засилаю рукопис д. Жука: “Мені казали: ще молодий...” і прохаю Вас, коли зможете, видрукуйте сю річ. Правда, се ще проба молодого пера, але, на мою гадку, пера талановитого. Варто б захопити починаючого автора, бо я сподіваюся, що він зможе зробити дещо для нашої літератури». – Коцюбинський М. Твори: В 6 томах.. – Т. 6. – Київ, 1962. – С. 27.
- ¹⁹ Коцюбинська І. Спогади і розповіді про М.М. Коцюбинського... – С. 110.
- ²⁰ Жук М. Погасле світило ... – С. 220.
- ²¹ Михайлів Ю. Михайло Жук. – Харків. – 1930. – С. 21-22.
- ²² На думку С. Захаркіна Горький мав на увазі портрет 1907 року. Див.: Михайло Коцюбинський. Листи до Олександри Аплаксіної. – Київ, 2008. – С. 312.
- ²³ Горький М. М.М. Коцюбинский // Избранные произв. в 3-х т. – Киев, 1987. – Т. 3. – С. 287.
- ²⁴ Енсен Альфред Адольф (1859–1921) – шведський історик, перекладач, дійсний член Українського наукового Товариства у Києві, референт комітету слов'янських літератур Нобелівського інституту. З листа М. Коцюбинського до А. Енсена 16 вересня 1909: «...посылаю Вам картинку для обложки моей книжки. Если она Вам не понравится, прошу сейчас сообщить мне, я пришлю тогда другую». – Коцюбинський М. Твори у 7 т. – Т. 6. – Київ, 1975. – С. 154.
- ²⁵ У листах до М. Жука М. Коцюбинський тричі пише про обкладинку. 12 грудня 1912: « “ Видавнича спілка ” має видати <...> мою книжечку і хоче мати віньетку. Я говорив, що хотів би Вас просити Вони радо пристають». 22 грудня того ж року: «...я Вас не в'яжу темою вінти, але мені здається, що віньетка може бути зв'язана не тільки з даною книжкою, але взагалі з характером автора, або й з нічим не зв'язана». І нарешті, в останньому листі до Жука: «Малюнок Ваш, спасибі, дістав. Він мені дуже подобається з декораційного боку, але символу Вашого ніяк не можу зрозуміти». – Коцюбинський М. Твори у 7 т. – Т. 7... – С. 278, 283, 299.
- ²⁶ М.М. Коцюбинський. Листи до дружини / Упорядкував Михайло Жук // Літературно-науковий вістник. – Київ, 1919. – Кн. 3, ст. 286-297; кн.. 4/6, с. 26-43; 6. кн. 7/9, с. 26-69.
- ²⁷ Див. Книжкові обкладинки художника Михайла Жука: Каталог виставки / Вступ. статті та упорядк. О Лагутенко, С. Лущик / Одеський державний літературний музей. – Одеса, 1994. – С. 25, № 30.
- ²⁸ М.М. Коцюбинський. Листи до дружини... // Літературно-науковий вістник. – Київ, 1919. – Кн. 4/6 – С. 26-27.
- ²⁹ Там же. – С. 37.
- ³⁰ Коцюбинський М. Твори у 7 т. – Т. 7... – С. 16.
- ³¹ Жук М. Плакали хмари по небу блакитному...: (Пам'яті М. М. Коцюбинського) // Рада. – 1913. – 19 квіт. (№ 89). – С. 2. Вирізка з віршем вклеєна до робочого зошиту М. Жука. – ОЛМ. Р-3368.

Михайло Жук**М.М. Коцюбинський***Згадки*

Познайомився я з Коцюбинським у 1905 році. Там же, в Чернігові на Сіверянській вул. 3¹, на одній із субот. У нього бували суботи, а потому понеділки²: для знайомих. Щось в роді товариського чаю. Познайомився... Ні, що я кажу, таке слово зовсім не пристало до Михайла Михайловича. За пів години мені вже здавалося, що я його знаю дуже давно, що він свій та що я в себе в хаті. Бо людяність – це його особлива риса. Я в цей час молодий. Мені 22 роки, але за тих пів години ми вже з ним наче приятелі. Висока, трохи сутула постава, чудова голова, де чітко позначається відкрите чоло, загострений ніс, чорні вуса. Як додати до цього скромне, але чепурне одіння, м'який жест і рішучі, вічно поміт-

*М.М. Коцюбинський.
Чернігів. 1910 р. ЧЛММЗК*

*М. Жук.
Чернігів. 1909 р.
ЧЛММЗК*

ліві карі очі, то Ви трохи вже побачите Коцюбинського. Я таким його знав. Коли він засмаглий і в червоному у турецькому фезі³, то нагадує собою європеїзованого турка.

Він любить схід, любить сонце. Він вічно тужить за ним.

В хаті повно народу, особливо молоді. Гімназисти, семінарист. Поміж ними дорослі – українські діячі. Адвокати, земці, педагоги.

Він балакає з Вами, але насторожений – ловить вухом розмови поблизу і влучно вставляє слова до тих розмов. Він усюди. Але все таки слухає уважно і Вас. Він зацікавлений Вами. Бо ви людина, українець, а це для нього все. [-] Ви мистець? Як це гарно! Нам потрібні культурні сили, багато культурних сил. Може підемо в садок? [-]

Садок дійсно прекрасний. Овочеві дерева і повно квіток⁴.

– Тут нічого не було. Все це прийшлося самому створити. – каже М.М. Його усмішка така ласкава, Він увесь зайнятий Вами. З одного боку садиби⁵ Старовірська церква, з другого боку сусіди, з фронту глухий високий баркан з такими ж деревляними воротами, а з четвертого вривається скелею туди, на Лісковицю⁶, що побігла до Десни своїми маленькими будиночками, що загорнені в садки.

Листя вже пожовкло і його повно на землі. Буйно цвіте красоля, наче маленькі вулкани вибухають з землі⁷. Гордовито стоять нерухомі жоржини, біліє пахучий тютюн, ще цвітнуть пишним цвітом осінні троянди. Ця вся хвиля квітів як піна морської води, буйно докотилася до веранди невеличкого будинку, що стоїть по серед двору, і де живе письменник.

Він розпитує за Вас – про себе ані слова. Він тільки живе Вами. Його цікавить національне життя Галичини. Його цікавлять громадські справи.

– Як тут мертво, як тут мертво! – Жаліється він.

– Ви щасливий! – у вас все життя попереду. Ви нічим не зв'язані. А тут служба...⁸ Але то пусте, нічого... [-] Зразу вриває він. – Може підемо до хати? Не зручно, що людей покинули. Я сими днями зайду до Вас.

Мені хотілося бачити у себе М.М., але було сором запрошувати на своє убоге помешкання, де я тоді жив і яке складалося з одної кімнати та кухні, що була напівтемна.

Я ще тоді не служив бо тільки закінчив академію за кордоном⁹ і повернувся до батька¹⁰. Батько ж заробляв мало, бо працював щоденно у підрядчика на малярних роботах. Та ще й був засланий під нагляд поліції з Києва. Якось неохоче сказав свою адресу. Вмовилися на день і годину

Все було зроблено, аби достойно прийняти М.М. Батько навіть папіряного комірця одягнув, як я його не переконував, що цього непотрібно.

М. Жук. Портрет батька.
1908 р. ОХМ

Він прийшов у неділю, високий, чистий, з квіткою [нерозб.] в петельці.

Перший момент неловкості за імпровізовану меблю з деревляних ящиків – швидко пройшов. І пройшов завдяки самому М.М. Він просто не звернув на це уваги. Так же зручно сів на ящику, як би це було панське крісло. Його цікавили мої малюнки, мої писані твори.

Я розгортав картон за картоном: композиції, портрети, квіти, багато рослин...

Купа рулонів виростала на підлозі. А він дивився. Знову повертав до того, що бачив... Очі стежили, пальці нервово рухалися на гачкуватому кийку. – Гарно! Дуже

цікаво! – уривками кидав він зауваження. Очі блищали... Поєднання зростало, це почувалося в тому, чого не висловиш, але що відчуваєш. Особливо ми зійшлися в любові до рослин.

Навипередки згадували назви – латинські, народні. Доповнювали малюнки тими постереженнями, що буди і в нього і в мене. Наче це була окрема нація, доля якої нас так цікавила. Батько смоктав цигарку й похилився, мотаючи головою, бо йому заважав незручний комірець.

Мама приладнала чай, за яким вже батько скинув свого «хомута», як він його називав. Він прекрасно відчув, що Коцюбинському цього непотрібно.

Так непомітно поминуло кілька годин.

Жовтень, знаменитий жовтень царського 1905 року¹¹.

Маніфести, поцілунки на вулицях, збори, мітинги, надії.

Швидче гнало кров серце. Коцюбинський просто засяяв...

Він всюди. Де б що не було, де б що не робилося.

– Ви подумайте! – хіба не сценка, – в захваті оповідає він. – В гордській думі мітинг. Єврейська молодь ходить з шапками і збирає на революцію. Підходить юнак до жандарма – На революцію, товаришу, на революцію! Жандарм хвилину думає, виймає повільно з кешені гаманця і, одвернувшись, риеється в ньому, потому «жертвує» цілих 20 копійок. – Ха-ха! – Жандар і 20 коп. на революцію. А морда така стеряна, бо чорт зна що робити. Може, як не даси, то колись повісять. Все таки краще дати¹².

М.М. радісний, червоний. Він всюди. Де б що не було, де б що не робилося. Його наче напакували подіями.

Він рішуче приймається за заснування «Просвіти»¹³. Він головує. Він веде агітацію за поширення філій. Кожна філія, кожна цифра збільшення членів Просвіти, підносить його, наче хвиля. Він пишить лист за кордон про надсилку всіх українських газет та журналів¹⁴. І за який час досягає того, що заборонене українське друковане слово, полилося, як водопад у прорвану греблю.

Він сам складає реферати. Він успішно веде численні прилюдні вечірки. Він дбає за збільшення коштів Просвіти. Запрошує концертні сили. Всюди він, рухливий, коректний, європеець...

Він про все забув – громадське життя – це його стихія.

Він вірить в потенціальні сили народу. З захопленням оповідає, який лад завели робітники в Локнистому¹⁵, де захопили панський маєток.

Вперед – просвіту, просвіту і ще раз просвіту! Їм, народу, потрібне знання.... Давайте лекції по агрономії, творить культурне вогнище з просвіти. Широка демократія... До чорта попів і церкву, що туманили людям голови. Одібрати всі церковні скарби...

Так жив у ті моменти Коцюбинський.

Нарешті настала смуга чорної реакції. Широкою хвилею полилися погроми. М.М. згас, замкнувся в собі, стримуючи гнів. Просвіти держався, як чогось дорогого і останнього.

От і Чернигівський погром¹⁶. Він на вулиці, він мусить все бачити на власні очі. Його не пускала родина, але він все таки на вулиці. Бігають збентежені люде, чути постріли, реве десь натовп, дзвонять соборні дзвони... І він справді побачив своїми очима, коли той спаситель, син жидівського народу, верховодить погромом¹⁷.

То палали панські маєтки, що запалював людський гнів, а тепер вже палали села, які підпалював жандармський генерал Рудов¹⁸.

О, той Рудов!

Коцюбинський затиснув зуби. – Нічого, Михайле Івановичу! – казав він мені. – Це тільки жадлива перерва. Які вони дурні! Так дешево могли купити спокій у народу. Хіба він багато вимагав? Трохи поліпшення і трохи людяности.

Почали видирати останнє – просвіту. Зробили просто. Запросили до губернатора актив і запропонували йому вийти з просвіти¹⁹.

Після цього – громада сама розпалася, як офіційна установа. Знову все мусіло йти в підпілля.

Рудов – отримав чин «генерал-лейтенанта»²⁰.

Палій-негідник, що так героїчно палив села, беззбройну масу споконвічних рабів.

Тоді й виростає у Коцюбинського бажання продовжити свою «Фата Моргану»²¹.

Він ділиться зі мною деталями третьої частини. Друга – краса, прорив, вогонь!

Третя – «усмирение», де героєм має виступити Рудов і такі, як він. Де йдуть сумні, але міцні фаланги «Вішаних»... Де часто стихійні партизани, з остраху перед шибеницею виказують найкращих товаришів, аби врятувати своє життя²².

Що робити? Але й тут М.М. знаходить де-що. Зробимо обмін дітьми. Будемо виписувати сюди дітей галичан, щоб українізувати молоде покоління²³.

Треба шукати якогось виходу. Так бути не може.

Тепер М.М. знову береться за об'єднання на своїх понеділках... В його домі буває Василь Еланський (Блакитний)²⁴. Буває Тичина²⁵. Буває Ревський²⁶. Молоді хлопчики, семінаристи. Все мої учні²⁷. Вони вже підготовані на нову стежку.

М.М. радіє кожному новому, що може в дальшому поповнити нечисленні сили, що працюють на культурному полі українського розвитку.

Нарешті настає трагічна смуга смертей: М.В. Лисенка²⁸, Лесі Українки²⁹ і божевілья українського колоса Івана Франка³⁰. Це що раз, як громом приголомшує М.М. Такі втрати, такі невідшкодовані втрати. Та й він сам уже хворий. Лице його ще більше зробилося красивим в останньому розцвіті.

Це вже не той Коцюбинський, періоду Бессарабських оповідань³¹ – повновидий, трохи зважнілий, міщанкуватий. Це якийсь дорогий, одшліфований самоцвіт.

Лице нервове, але й душа вся одкрита на те, щоб слухати. Початок цього одшліфованого обличчя вже є з того моменту, як я малював його портрет (осінь 1907 року), часи перебутого, часи «усмирения».

Це й момент просто жадливий по своїй тонкості, по своїй загостреності...

– Я не боюся смерті – каже мені М.М. – але я хотів би знати, скільки мені ще лишилося, щоб зробити принаймні найважливіше.

За своє минуле – Коцюбинський найменше балакав. Він старанно крив те, що навчався колись у духовній школі³², це так зрозуміло. Він ненавидить попів і церкву, а тут, як сором який, от та духовна школа.

Часом скаже уривками й змовкне. Почав розповідати мені, як часто тяжко замолоду було. Як треба було і навчатися й бігати на приватні лекції³³, потому наче схаменувся і змовк. Другого разу, уривком, сказав, що він був вільним слухачем на Київському університеті та що його за «політику» погнали. Що з великими труднощами якось вдалося вступити на посаду по міністерії хліборобства³⁴ (період написання «Для загального добра»).

Потому знову, що він страшенно витратився на лікування ніг, на які ослаб до того, що який час ходив на милицях³⁵, та що, певне, цей ревматизм поклав свою руку йому на серце. От так – все уривками. Ще раз про те, що його предки походять з Польщі і що давніше прізвище їхнє було Козуб-Якушинські³⁶. Що вже потому злилося в Коцюбинських. Знову уривок і знову і так завше.

– Не варто згадувати. Це просто не цікаво. Важно, чим є людина, а не те, хто і чим коли був. [-] Вірний цьому принципіві – він завше полишався скритним. Коли йому траплялося давати до журналів біографічні відомости, то він просто страждав. Бувало від понеділка й до понеділка я все чую одне й те саме: [-] І що його написати? Як це противно самому ж писати за себе. [-] І коли бувало якось вже складе необхідні відомости, то аж веселішає.

– Вже нарешті надіслав. А то просто сором перед людьми, що так затримав.

Межи иншого см любив читати мемуари та біографії.

Така скритність мала, очевидячки, більше глибокі причини, як звичайна його коректність у поведженню з людьми. Там певне було чимало болючих місць, недостачі та нужди, може й неприємних компромісів, яких не хотілося не тільки згадувати, а які може хотілося стерти назавше. І він стирив.

– Не варто згадувати. Це просто не цікаво. Важно, чим є людина, а не те, хто і чим коли був. [-]

Така сувора оцінка минулого. Не менче суворо Коцюбинський ставляється до своєї праці. Мимоволі я мушу коротше нього спинитися на процесі його творчої роботи. Перш за все зазначу, що з своєї праці він був завше не задоволений. Завше скаржився: [-] Як трудно писати. Та ще я так повільно працюю. За три години, а то й за чотирі не більше п'яти четвертинок паперу. Це ще хороший день, буває ще й менче. Є такий щасливі, що пишуть швидко, багато й цікаво... А я не можу. Потому воно повинно у мене вилежатися. Так неприємно, коли написане мусіш

зараз же посилати. А грошовий стан вимагає такої роботи... нічого не вдієш... Треба підлягати вимогам життя.

Коли зароджувалася у М.М. думка про щось написати – Він старанно і довго до неї готувався. Робив потрібні нотатки, особливо з природи, а найбільше все мусіло скластися до написання в голові. Коли він мені казав, що все вже уявляється детально, до дрібничок, то я знав, значить сими днями він вже буде писати. Цей довгий процес підготовки завше коштував М.М. великого напрудження. Часом річ в голові перероблялася на ново, по кільки разів. Найбільшої ваги в своїй роботі він віддавав на закінчення річі – останній штрих найважливіше знайти. Бо їм ладен змазати весь твір. І цей штрих часто змінювався, поки не знаходилось відповідного вислову.

Що він жив у захопленню данної річі та що уперто працював над нею – помічав я тому, що на протязі кількох тижнів при наших зустрічах він уривками завше вертався до того ж самого. Нова риса, нова деталь, нове закінчення.

Врешті, коли вже зроблено, написано й переписано, – той самий вислов завше чувся у його.

– Не так, не вдалося, як би можна трохи затримати та ще попрацювати. Але вже й так запізнився. Треба надіслати. Хоть Віра Устимовна³⁷ (дружина М.М.) й каже, що воно не дуже погано. Але мені все таки не подобається. Вона, правда, суворий критик... Та все таки мабуть похлібає. Я їй завше читаю вперше свої річі.

Часом свої річі М.М. зачитував і на своїх понеділках. Голос у його був приємний, спосіб читання виразний і простий. Так, наче оповідає не з написаного, а наче з того, що ще раз бачить перед собою. Так, пам'ятаю, зачитував «Persona grata», «Інтермеццо», «Він іде», «Подорож до Криниці»³⁸, та інші. Зачитував він свої річі не часто. Не любив. Все те саме суворе відношення до себе. [-] Погано я читаю, [-] казав він. По закінченню річі він завше якось стихшено запитував – Не дуже це скучно вишло? Я так боюся, щоб не було нудно!

Зовсім інше відношення виявляв він, коли дивився своїми вражіннями за інших авторів. Очі йому іскрилися. Голос набирив повної

В.У. Дейша-Коцюбинська. 1895.
ЧЛММЗК

радості. Він любив особливо французів – Золя³⁹, Фльобера⁴⁰, Мопассана⁴¹, Анатолія Франса⁴². Останнім він просто захоплювався. Подобались йому також Бляско-Ібаньєс⁴³, Кіплінг⁴⁴, Фарер⁴⁵, Кнут-Гамсун⁴⁶, Йонас Лі⁴⁷, Юхані Ахо⁴⁸, Зельма Лагерлеф⁴⁹, особливо її «Геста Берлінг».

– Як люде пишуть, як вони вміють писати, – казав він. Горький так прекрасно написав про своє дитинство⁵⁰. Бунін «Людину із Сан-Франціско»⁵¹. У нас тільки Леся Українка, Стефаник⁵² та Франко можуть так писати. А от я не можу.

Суворий, жорстокий осуд самого себе, – це Коцюбинський.

Таким він був завше.

Десь коло 1908 року різко позначився перелом у його життю. Почалося кохання до іншої жінки⁵³. Воно, правда, почалося ще з 1906 року, але в 1908, завдяки перехопленому дружиною від коханки листу, питання стало руба і гостро. Це була мовчазна буря (звичайно для інших), про яку знав я та моя дружина. В листах до коханки, що мають зараз у моєму розпорядженню і які я можливо, що скоро випущу⁵⁴, – видно той курс, який було взято М.М. Його листи, коротенькі записки, свідчать про те, що воля в данному разі непохитна. Що тільки його стримує сліпа мати⁵⁵ та діти, яким він не може нанести цього удару.

О. Аплаксіна. Чернівів.
1909 р. ЧЛММЗК

«Тільки ти для мене єдина, тільки з тобою я можу жити», – пише він. Мука такого подвійного життя наростає і стає нестерпучою, коли слабкість приковує його до лічниць або до ліжка. Так трудно послати листа до неї, а побачити, то й зовсім не можна.

Довга мрія за тим, щоб все порвати та скинути ярмо брехливого становища, – терпить катастрофу, яку врешті визнає і сам М.М. Йому не стає снаги, щоб покинути дітей.

Вельми характерна і надзвичайна риса стриманості почувається у листах того часу. Ні одного образливого слова про свою дружину. Ні одного словечка поприкання.

А перетерпів багато. Це вже, може зопалу, повідала його дружина – моїй. Була така ніч, коли він всю її проходив по своїй кімнаті туди й назад, як непритомний.

І ні слова, насамперед мені. Я тільки знав про всі деталі через мою дружину⁵⁶. І тепер знаю з листів. І в тих листах усе таке рівне, наче ніякого болю немає. Часом маленька рисочка нарікання на свою долю... Йі більш нічого. Знову рівний, наче ніякої бурі не було. Коли й можна помітити, що йому не солодко, то хіба в тої особливої ніжності, яку він виявляв до коханки в своїх листах. В такі моменти ніжність наче стає єдиним ліком на всі болі. Говорить прекрасне, наче компенсує те що темною тінню насунуло на всю його поставу. Навіть сторожа і то легко обляяв що подав листа коханки на стіл до дружини.

І ті болі в його літературних творах теж виявляли саму красу. Наче надмірна доза краси в Інтермецо⁵⁷ дає йому ліки, щоб перетерпіти такий тягар.

Інтермецо якраз написано після того вибуху, що руба поставив його взаємовідносини поміж жінкою та коханкою. Далі, на Капрі⁵⁸, він з надмірною красою оповідає про дві половини свого серця⁵⁹. Наче в своїй хворости він знаходить прообраз свого життєвого страждання, наче шаленою красою хоче стишити свій біль⁶⁰.

Чим більше муки – тим більше краси. Чим більше раз колисує буря – тим більше рівноваги, тим найменше стеряности.

Момент оновлення його діяльності припадає на той час, коли він отримує нарешті допомогу від літературного товариства⁶¹. Але цей момент і є останньою смугою його життя.

Він розцвітає, наче пишним цвітом перед моментом смерти. Не дурно з таким захопленням він оповідає мені про капрівські агави, що зацвітають раз в життю, щоб потому вмерти⁶².

М.М. Коцюбинський. Капрі. 1910 р. ЧЛММЗК

З якоюсь особливою хапливістю він ліквідує свою посаду в статистиці, гуляючи вже вільним зі мною на Чернігівському бульварі, – з дитячою радістю розгортає всі літературні плани будучого.

– Як гарно, бути незалежним од службового ярма. От так линути в світі, як птах, не почувачи перешкод у своєму леті. Бути зимою там, де тепло, де сонце. Бачити Італію, вдихати її цілюще повітря⁶³. [–] Він любить Горького⁶⁴. Він з захватом оповідає про нього. Йому подобається Марія Федоровна Андрієва⁶⁵, тодішня дружина Горького. Він так радий, що через Горького можна в де-якій мірі розбити той лід, що панує в російській громаді про українське питання. А найбільше він любить італійське сонце, італійські «феста» (свята), італійських рибалок, що живуть на Капрі. Вони, італійці, огнепоклонники, – з радістю повідомляє він мені.

Вони люблять теж вогонь, як його колись любила людськість. Про ту любов до вогню він оповідає і в гуцулів. І знову за те, що там живе минуле розуміння вогню. [–] Хіба це не чудо, Михайле Іванович, – сірник. Подивіться, як квітка розквітає в руках. І це найбільш прекрасна квітка, яку я знаю. Хіба не вогонь примушував людей робити величезні дива? [–] Знову запалює сірничок, який тихо горить у півсмерку бульвару, де ми сіли трохи спочити.

Настав квітень 1913го року. Мене покликали підписати духівницю. Це було ранком. Вся природа святкувала буйну весну. А в хаті півтемно і тільки болючі стогони хворого. Щось затримувалось и затяглось до першої години. Нарешті всі пішли. Я лишився, бо ще щось треба було зробити. Вийшов у садок, щоб трохи розвіяти смуток та втихомирити той стогін, який заповнював усю хату. Знову ввійшов. Глянув на годинника – 25ть на третю. Раптом метушня. Чийсь голос: «Подушку з киснем! Де подушка?»

Стогін болючий, наче злився в одну ноту – а – а – а!

І така тиша, тиша! Хтось нервово скинув запинало з вікна.

А тиша вже сіла жовтим воском на загострене обличчя. Я не вірю, я отупів.

Золоті крила – птиці-сонця лягли на підлогу, тріпочуть під стелею.

Коцюбинський помер пів на третю, осяяний сонячним промінням весняного дня.

Він мріяв, щоб померти при сонці і сонце виконало його мрію. Могутнє сонце що дає хвалу життю!

Одеса, 1926 5/V

16 пронумерованих сторінок на вузьких смужках, написані чорнилом.

- ¹ Родина Коцюбинських жила на Сіверянській вулиці з 1898 р. З 1922 р. Сіверянська була перейменована на честь М. Коцюбинського.
- ² За версією І.М. Коцюбинської «понеділки» були у 1906–1907, а «суботи» – у 1911–1912 рр.
- ³ Фез або феска – турецький головний убір.
- ⁴ У спогадах І. Коцюбинської: «У нас чудовий садок. Стежкою, що йшла від сходів веранди, він розділявся на дві частини. Ця стежка була обсаджена декоративними деревами: каштанами, липами, кленами, березами, ясенками. Кущі спіреї та бульденежу утворювали плутанину гілок, обтяжених сніжними кулями та ніжними віночками цвіту. Рожевий мигдаль додавав гіркуватого духу до нижніх пахоців білих троянд, рожевої шипшини, жасмину та бузку, що пишню розрослися понад стежками. А внизу під кущами синіли озерця барвінку, фіалок, розтікалася білими струмками запашна конвалія. Клумби перед верандою прикрашалися племенистими тюльпанами, ніжними нарцисами, столітнім червоним маком, білими й жовтими запашними лілеями та іншими квітами. Білий “Мойсеїв кущ”, який тато привіз із Італії, наповнював повітря сильним солодким духом. Уночі садок огортали пахоці білого каприфоліуму, матіоли й тютюну. У кінці саду попід парканом росли кущі ліщини, барбарису, агрусу, порічок і малини. Вздож усієї садиби височіли тринадцять пірамідальних тополь. Чернігівці їх називали тополями Коцюбинського». – Коцюбинська І. Спогади і розповіді про М.М. Коцюбинського. – Київ, 1965. – С. 90.
- ⁵ За згадками Т. Шкуркіної-Левицької, «Михайло Михайлович зупинився на невеликій хаті, бо біля неї був гарний садочок з квітами і чудовий краєвид на Троїцький монастир та на Болдині гори...» Цит. за: Салон В. Михайло Коцюбинський. В чистій пам'яті на дні. – <https://monitor.cn.ua/ua/culture/24953>
- ⁶ Лісковиця – район Чернігова, одна з найдавніших частин міста.
- ⁷ «Біля ялинки, яку тато сам посадив під вікном спочивальні, росла пишна красолька, яку він так любив». – Коцюбинська І. Тато // Спогади про Михайла Коцюбинського. – Київ, 1989. – С. 90.
- ⁸ З вересня 1900 р. до 1911 р. М.М. Коцюбинський працював статистиком у земській управі.
- ⁹ У 1904 р. М. Жук закінчив Краківську Академію мистецтв.
- ¹⁰ Жук Іван Григорович (18??–1908), батько М. Жука.
- ¹¹ 17 (30) жовтня 1905 року Микола II підписав «Высочайший Манифест об усовершенствовании государственного порядка». У ньому проголошувалось «Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов».
- ¹² Подібний епізод у спогадах «М.М. Коцюбинський».
- ¹³ Товариство «Просвіта» було засновано 1868 року у Львові як культурно-освітнє. На Лівобережній Україні єдиним товариством, яке отримало дозвіл губернатора на заснування, була чернігівська «Просвіта». Перші загальні збори відбулись 27 грудня 1906 у залі Чернігівської міської управи під головуванням І.Л. Шрага. До правління увійшли І.Л. Шраг, М.М. Коцюбинський, його дружина В. Коцюбинська, В. Андрієвський, Ф. Левицька, М. Жук. Головою було обрано

- М. Коцюбинського. Просвіта налічувала 45 членів. Детальніше див.: Фомська С. Становлення та діяльність Чернігівської «Просвіти» (1906–1908 pp.). <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/24671/20-Fomska.pdf?sequence=1>
- ¹⁴ Див. лист М. Коцюбинського до В. Гнатюка, 1.III.1907: «молоде Товариство не має зараз спромоги витратити на ту мету відповідних коштів і змушено обернутися до Вп. авторів, видавців, а також редакцій просвітних та наукових товариств з проханням допомогти йому присилкою книжок або періодичних видань безплатно». – М. Коцюбинський і Західна Україна: Збірник III. –Уфа, 1943. – С. 38. З подібним проханням звертався М. Коцюбинський особисто до А. Чайковського та як голова «Просвіти» до Наукового товариства імені Шевченка.
- ¹⁵ В жовтні 1905 р. у с. Локнисте після багатолюдного мітингу було створено Раду селян під керівництвом О.І. Стасюка, селяни зняли службовців і управляючого в сусідній економії та призначили на їхнє місце своїх, було розгромлено маєток. Невдовзі по тому до Локнистого був присланий каральний загін. О. Стасюк був засуджений до страти. Див.: Кудінов Д.В. Страйковий рух селянства Лівобережної України у 1905–1907 рр. // Сумська старовина. – № XXX. – 2010. – С 93. Під час роботи Коцюбинський використовував судові матеріали, зокрема «Акт обвинувачувальний – селяни Локнистого, села Чернігівського повіту, за захоплення економії дворянок Надії та Марії Капцевич», детальніше див.: Козуб С. 1905 рік у творчості Коцюбинського <https://vpered.wordpress.com/tag/%D0%BA%D0%BE%D1%86%D1%8E%D0%B1%D0%B8%D0%BD%D1%81%D1%8C%D0%BA%D0%B8%D0%B9/>
- ¹⁶ Погром стався 23 жовтня 1905. «Кровавые дни 17-18 октября в Чернигове, дикое, жестокое избиение мирных граждан и полицией и войсками, а затем ужасный еврейский погром 23 октября при явном содействии полиции, войск и открытом попустительстве высшей административной власти, выдвинули на первую очередь вопрос о народной милиции и охране города <...> Над городом повисла черная туча насилия, произвола, грабежа и убийств. Обыватели, – не говоря уже о евреях, с опаской выходили на улицу, никто не был гарантирован за свою “неприкосновенность” и даже за самую жизнь. Лишь черниговским отцам города, по-видимому, жилось спокойно. Они сидели спокойно по своим теплым углам и наслаждались “семейным очагом”, их не били казаки нагайками, не избивали солдаты ружейными прикладами, не истязала полиция, не убивали, не томили по тюрьмам, не разбивали их магазинов, не грабили». – Черниговские «отцы» и народная милиция // Киевское слово. – Киев, 1905. – 17 нояб.
- ¹⁷ Чернігівський погром описаний М. Коцюбинським в оповіданні «Він іде» (1906). «– Слухай ти, жидівський сину! – кричала вона словами, що лишались у неї у горлі. – Ти знов ідеш? Ти, що одняв моїх дітей! Мого Лейбу і мого Хаїма... Ти знов благословиш розливати кров твого народу! Слухай, віддай мені моїх синів... Се я тобі кажу, я... сліпа Естерка, що виплакала очі... я, мати синів моїх бідних... Слухай, куди ти йдеш, спинись... Доволі крові...»
- ¹⁸ Рудов Микола Петрович (1846–1912) – з 1897 р. начальник Чернігівського губернського жандармського управління у званні полковника, з 1905 – генерал-майор.
- ¹⁹ 21 серпня 1908 року чернігівському поліцмейстеру було запропоновано виключити з товариства найбільш політично неблагонадійних, а саме – М. Коцюбинського, В. Коцюбинську, І. Шрага, Л. Шрамченка, Ф. Левицьку, що і було зроблено 1 вересня 1908 року. – Фомська С. Становлення та діяльність Чернігівської «Просвіти»

- (1906–1908 pp.). <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/24671/20-Fomska.pdf?sequence=1>
- 3 листа М. Коцюбинського до В. Гнатюка 6 грудня 1908 р.: «Губернатор беззаконно викинув мене, мою жінку, Шрага і ще кількох з “Просвіти” <...> справи товариства підупали цілком; одні полякалися таі поховалися так, що про їх й не чути, другі “працюють” язиками або по других товариствах». – М. Коцюбинський і Західна Україна: Збірник III... – С. 51.
- ²⁰ Помилка М. Жука, див. примітку 18.
- ²¹ «В третій не написаній Коцюбинський мав торкнутися “заспокоєння” села та здичавіння його по революції». – Єфремов С. Коцюбинський: Критично-біографічний нарис з додатком автобіографії. – Київ, 1922. – С. 132.
В архіві М. Коцюбинського збереглось 15 карток на III част. «Fata morgana». Картки виписувано очевидно з якоїсь великої судової справи, як і на II част. «Fata morgana». – Козуб С. 1905 рік у творчості Коцюбинського. <https://vpered.wordpress.com/tag/%D0%BA%D0%BE%D1%86%D1%8E%D0%B1%D0%B8%D0%BD%D1%81%D1%8C%D0%BA%D0%B8%D0%B9/>
- ²² 3 листа М. Коцюбинського до Є. Чикаленка, 2 січня 1910 р.: «Пишу продовження “Fata morgana”. Це буде частина друга. Хочеться змалювати село за часів революції і аграрних рухів. Є думка написати і третю частину – “заспокоєння” та здичавіння села в останні часи». – Коцюбинський М. Твори у 7 т. – Т. 6. – Київ, 1975. – С. 161.
- ²³ «Є тут у нас один проект. Коротко – річ у тому: коли ми хочемо – українці російські і галицькі – єднатися, ближче пізнавати один одного, край і життя, – треба починати з дітей. У нас виникла думка мінятися дітьми на літні вакації. У нас в Чернігові є кілька родин, що охоче замінялися би дітьми на вакації. Наші діти побачили б Галичину, Ваші – Україну російську», – з листа М. Коцюбинського до В. Гнатюка 15(28)IX 1910.– М. Коцюбинський і Західна Україна: Збірник III... – С. 70.
- ²⁴ Еланський Василь Михайлович (Василь Еллан-Блакитний) (1894–1925), український партійний діяч, поет. У 1910–1913 рр. навчався у Чернігівській духовній семінарії.
- ²⁵ Тичина Павло Григорович (1891–1967), український поет, перекладач. У 1907–1913 рр. навчався у Чернігівській духовній семінарії.
- ²⁶ Б. Ревський – навчався у Чернігівській духовній семінарії разом з П. Тичиною, згадується у листі М. Жука до Кодацького 1929 р. та у листі П. Тичини до М. Жука середини 1920-х: «Усіх Вас вітає Ревський. Я з ним зустрівся на сесії Вуцїка». – Тичина. П. Панахидні співи. – Одеса, 1993. – С. 71.
- ²⁷ М. Жук викладав малювання у Чернігівській духовній семінарії.
- ²⁸ Лисенко Микола Віталійович (1842–1912), український композитор, піаніст, диригент, збирач фольклору, громадський діяч. Помер 24 жовтня (6 листопада) 1912 р.
- ²⁹ Леся Українка (Лариса Петрівна Косач-Квітка) (1871–1913), українська поетеса, письменниця, драматург, перекладачка, громадська діячка. Помилка мемуариста – М.М. Коцюбинський помер 12 (25) квітня 1913, а Леся Українка – 19 липня (1 серпня) того ж року.
- ³⁰ Франко Іван Якович (1856–1916), український поет, письменник, драматург, перекладач, вчений, громадський і політичний діяч. В. Гнатюк писав до Коцюбинського 25 квітня 1908: «Франко <...> лежить у санаторії для нервово-хворих, а лікарі не

- роблять ніякої надії удержати його при життю. Коли ж би сталося чудо і його дотепер така сильна хлопська натура поборолла хворобу, то й тоді він для нас страчений як письменник, як першорядна духовна сила, бо лишив би ся на все калікою, нездатним уже до ніякої праці. Він хорий загалом на цілий ряд хворіб <...> але найважливіше – се великі зміни мозку, які можуть дуже швидко викликати смерть!» – Коцюбинський М. Твори у 7 т. – Т. 6... – С. 210-211.
- ³¹ У 1892–1896 рр. Коцюбинський працював у Одеській філоксерній комісії. Ці враження лягли у основу низки оповідань: «Для загального добра» (1895 р.), «Пекотптор» (1896 р.), «Посол від чорного царя» (1897 р.), «Відьма» (1898 р.), «В путах шайтана» (1899 р.), «Дорогою ціною» (1901 р.), «На камені» (1902 р.), «У грішний світ», «Під мінаретами» (1904 р.).
- ³² М.М. Коцюбинський навчався в духовній школі у Шаргороді у 1876–1880 рр. «В газетних нотатках про Коцюбинського зазначається, що він учився у Шаргородській Бурсі. Це – помилковий вислів. На Поділлі називали бурсами ті будинки, в яких жили на громадському або духовному утриманні учні духовних шкіл... Мешканців цих бурс звали бурсаками. Шаргородську школу називали «духовне училище» або «духовні училища». Тому-то треба казати: «Коцюбинський початково вчився в Шаргородському духовному училищі». – Шипович І. [Про Шаргородське духовне училище] // Спогади про Михайла Коцюбинського. – Київ, 1989. – С. 7.
- ³³ Про це йдеться у спогадах В. Ковердинського «Шкільні роки М.М. Коцюбинського»: «... мусив працювати над самоосвітою. Кажуть, що він у Вінниці мав репетиції з учнями мужської прогімназії» [у Вінниці не було прогімназії]. – Спогади про Михайла Коцюбинського... – С. 23. Зі слів сестер Недобровських про злиденне життя родини Коцюбинських «заробляв тільки один М.М. приватними лекціями у Вінниці, а іноді виїжджав для цього і на села». – Там же. – С. 24. Сам Коцюбинський у листі до М. Мочульського писав: «До 1892 року я, потай од жандармів, займався приватними лекціями». – Коцюбинський М. Твори у 7 т. – Т. 6... – С. 43.
- ³⁴ У 1892–1896 рр. Коцюбинський працював у Одеській філоксерній комісії.
- ³⁵ У спогадах М. Чернявського: «...їхав з Криму в Одесу з товаришем восени. Без теплої одежі. Прошей не було. Їхали на палубі. Мерзли. Грілись в машинному відділенні. Кутались вночі на рубці в брезенти. Застудився. Придбав тяжкий ревматизм. Хворів. Ходив на милицях». – Чернявський М. Червона лілея: Спогади про Михайла Коцюбинського // Спогади про Михайла Коцюбинського... – С. 56.
- ³⁶ У листі до Б. Лепкого 11 грудня 1906 р. Коцюбинський писав: «Батько мій походив з давнього боярського українського роду». – Коцюбинський М. Твори у 7 т. – Т. 6. – Київ, 1975. – С. 67. За дослідженням В.Д. Отамановського село Якушинці у XVII належало представникам давнього роду Коцюб чи Козуб, що з часом стали називатися Якушинськими. – Див.: Отамановський В.Д. Вінниця в XIV–XVII століттях. – 1924.
- ³⁷ Коцюбинська Віра Устимівна (в дівоцтві Дейша, 1863–1921). Дружина М. Коцюбинського з 1896 р.
- ³⁸ «Подорож до Криниці» – оповідання М.М. Коцюбинського «Як ми їздили до Криниці».
- ³⁹ Золя Еміль (1840–1902), французький письменник, публіцист, політичний діяч.
- ⁴⁰ Флобер Гюстав (1821–1880), французький письменник.
- ⁴¹ Гі де Мопассан (1850–1893), французький письменник, новеліст.

- ⁴² Анатоль Франс (Франсуа Анатоль Тибо, 1844–1924), французький письменник, літературний критик, лауреат Нобелівської премії.
- ⁴³ Вісенте Бласко Ібаньес (1867–1928), іспанський письменник і політичний діяч. Окремі його твори переклав В.І. Самійленко.
- ⁴⁴ Кіплінг Джозеф Редьярд (1865–1936), англійський письменник, поет, новеліст, лауреат Нобелівської премії.
- ⁴⁵ Фарер Клод (Фредерік Шарль Баргон, 1876–1957), французький письменник, історик, журналіст, лауреат Гонкурівської премії.
- ⁴⁶ Гамсун Кнут (Кнут Петерсен, 1859–1952), норвезький письменник, лауреат Нобелівської премії.
- ⁴⁷ Йонас (Юнас) Лі (1833–1908), норвезький письменник, драматург, поет.
- ⁴⁸ Юхані Ахо (1861–1921), фінський письменник, журналіст, перекладач.
- ⁴⁹ Зельма Лягерлеф (Сельма Лагерлеф) (1858–1940), шведська письменниця, лауреатка Нобелівської премії. З 1903 року переклади її творів друкувалися у «Літературно-науковому віснику». Мова йде про її твір «Сага про Есту Берлінга».
- ⁵⁰ Горький Максим (Пешков Олексій Максимович) (1838–1856), російський письменник, драматург. М. Горького й М. Коцюбинського пов'язували дружні стосунки. Мова йде не про повість «Дитинство», яка вийшла вже по смерті М. Коцюбинського, а про ранні оповідання, можливо, «Бабушка Акулина».
- ⁵¹ Бунін Іван Олексійович (1870–1953), російський письменник і поет, лауреат Нобелівської премії. М. Коцюбинський зустрічався з ним на Капрі. Згадка про оповідання «Пан із Сан-Франциско» – помилка мемуариста. Оповідання було надруковане у 1915 р.
- ⁵² Стефанік Василь Семенович (1871–1936), український письменник, новеліст, громадський діяч.
- ⁵³ Мається на увазі Олександра Іванівна Аплаксіна (1881–1973), працівник статистичного бюро Чернігівського земства, у яку Коцюбинський був закоханий.
- ⁵⁴ З 1903 по 1913 рік М. Коцюбинський написав О. Аплаксіноі більш 300 листів. Як згадувалось вище, у першій половині 1920-х О. Аплаксіна дозволила М. Жуку скопіювати листи. Його намір не здійснився. Вперше їх було видано із значними скороченнями у 1938 р. Інститутом української літератури А.Н. УССР: Листи М.М. Коцюбинського до О.І. Аплаксіноі / АН УРСР; Ін-т укр. літ. ім. Т.Г. Шевченка; ред., вступ. ст. і комент. І. І. Стебуна. – Київ, вид. АН УРСР, 1938.
- ⁵⁵ Коцюбинська (у дівоцтві Абаз) Глікерія Максимівна (1837–1917).
- ⁵⁶ Жук Анастасія Григорівна (18??–1944), дружина М. Жука.
- ⁵⁷ Новела «Intermezzo» написана у 1908 р.
- ⁵⁸ М. Коцюбинський вперше приїхав на Капрі влітку 1909 р., був там влітку 1910 р., взимку 1911–1912 р. жив на віллі у М. Горького .
- ⁵⁹ Новела «Сон», травень 1911.
- ⁶⁰ З листа М. Коцюбинського до М. Жука 2 (15) липня 1910 р. «Особливо сонце, багате, щедре і ласкаве, не пекуче, як у нас, дуже добре впливає на моє здоров'я. Яюсь так весь організм пересякається ароматом моря, квіток, так переповнився красою, що забуваєш, що ти людина, доволі нечисте створіння і сам собі здаєшся запашною рослиною. Весь час душа співає, достроюється до загальної гармонії. Тільки тут розумієш вираз *dolce far niente* бо справді спочинок ніде не буває таким солодким. Не знаю, може на мене Капрі так впливає, але кращого чогось для спочинку уявити собі не можу, хоч пробував уже ріжних країв.

День свій поділяю між морем і землею. Ранки – над морем, по обіді – на море, а як ні, то блукаю по диких місцях серед скель, цвітучого дроку, золотого, як сонце, міртів у весільному убранні, серед гіркого духу полиню. Тут по цілих днях можна бути в абсолютній самоті, серед природи». – Жук М. Погасле світило // Літературно-науковий вістник. – Київ, 1913. – Т. LXIII. – Кн. V. – С. 222-223.

⁶¹ У 1911 р. М. Коцюбинський отримує довічну стипендію у 2000 карбованців на рік від «Товариства прихильників української науки і штуки».

⁶² У останній, незавершеній новелі «На острові» (1912) М. Коцюбинський писав: «Завжди хвилююсь, коли бачу агаву: сіру корону твердого листу, зубатого по краях і гострого на верхечку, як затесаний кіл. Розсілася по терасах і коронує скриту силу землі.

Або її цвіт — високий, до щогли подібний зелений стовбур з вінцем смерті на чолі. Бо така таємниця агави: вона цвіте, щоб умерти, і умирає, щоб цвісти.

Ось вона – та, що вічно мене хвилює, що тільки раз розцвітає квіткою смерті. Сиза серединка міцно згорнула і в муках, зціпивши зуби, одриває од серця листок за листком. Закаменіла на каменистому ґрунті і прислухається з жахом, як росте, стигне і рветься з неї дута.

І так роками.

Там десь, глибоко, під сірим дзвоном коріння, щось вистигає таємно, витягаючи силу з серця землі, а агава з одчаєм стулює листя, немов почуває, що родини принесуть смерть». – Капрійські сюжети: «Італійська» проза Михайла Коцюбинського та Володимира Винниченка / Упорядник Володимир Панченко. – Київ, 2003. – С. 123.

⁶³ З листа М. Коцюбинського до М. Горького 14 липня 1911 р. «Дело в том, что в августе я навсегда бросаю службу. Совершенно неожиданно я получил от “Украинск. Литерат. Общества пожизненную стипендию” в 200 руб. с условием не служить ... я решил проводить холодные месяцы – ноябрь-февраль – в Италии. Конечно, прежде всего останавливаюсь на Капри, с которым связано у меня столько дорогих воспоминаний». – М. Коцюбинський – М. Горький. Листування. – Харків-Київ, 1929. – С. 49-50.

⁶⁴ У листі до дружини М. Коцюбинський писав про перше враження від зустрічі з Горьким: «Горький прийняв мене дуже добре, може занадто, бо аж утомив. Як я пішов до нього о 2 годині, то не пустили мене до 11 ночі, там я пообідав, чай пив і газети читав. Горький на мене робить таке вражіння: це Пилип Салко у кращому виданні. Очі має хороші, сині. Багато говорить, правда, ми все говорили на теми літературні, які обох нас цікавлять». – Коцюбинський М. Твори у 7 т. – Т. 6. – Київ, 1975. – С. 125. Пилип Салко – службовець чернігівської земської управи, М. Жук у першій публікації листів у 1919 р. зробив примітку: «Місцева чернігівська людина, проста і розумна».

⁶⁵ Андрієва Марія Федорівна (1868–1953), російська актриса, громадянська дружина Максима Горького (1904–1921).

Михайло Коцюбинський

Познайомився я з Коцюбинським на весні 1905 року.

Познайомився на зборах, звичайно потайних, Чернігівської української громади¹. Кілька людей особливо були помітні на тлі тодішньої напруженої буденщини Чернігова й серед них особливе вражіння справляли Коцюбинський, адвокат Ілля Шраг², поети Самійленко³ та Вороний⁴. Атмосфера дійсно була напружена, бо українці не мали права не те, що збиратися, а навіть виявляти себе українцями. Жандармський полковник Рудов⁵ та поліцаї добре стежили за тим.

З того вечора й по день смерти я вже часто зустрічався з Михайлом Михайловичем.

Нас в'язало багато спільних інтересів – національна справа, мистецтво й громадська робота. По питанням мистецтва наші смаки дуже сходилися. Коцюбинський любив малярство й часто заходив до мене подивитися на те, що я роблю. Буквально годинами, терпляче переглядав мої рисунки, а коли я чого не показував, рахуючи його невдалим, то він якось особливо тим цікавився. «Ви дуже суворі до себе» – казав він. «Але воно добре, дуже добре задля артиста взагалі. Суворість ніколи не пошкодить».

«А читали Ви північних письменників? – Які вони прекрасні: Кнут Гамсун, Стріндберг⁶, Оле Гансе. Яка краса»⁷.

Я записую. – «Почитайте, обов'язково. Щасливі! Можуть жити з літератури. А ми от з вами, бачите, по наймах... Та не журіться, наче схаменувшись каже він, – воно минеться. Мій девіз, що все буде добре».

Лагідно грає його усмішка, темні й гострі очі пильно стежуть за всім. Що мене вражає в Коцюбинському, то це те, що лице його не таке, як я бачу на фотографіях, що зроблені до мого приїзду. Зараз у його інше лице, більше надхненне, більше заглиблене. Наче келих, де грає добірний колір старого вина. Ще мене вражає, що його одяг завше

М.М. Коцюбинський. Чернігів. 1909 р. ЧЛММЗК

вишуканий, європейський, хоч і простий. Він його вміє не лише купити, але й носити. І в цьому я бачу, що він не засмоктаний болотом провінції, що він інстинктивно це робить, щоб одрізнити себе від тої неохайности, що в провінції слугує за простоту. Він ворог неохайности у всьому. Він ненавидить неохайність органічно. І це дійсно пасує до його останнього виразу в лиці: таким воно повинно бути. Він вічно бентежить тим, що як художник він чогось не встигне зробити, а коли що зробить, то завше незадоволений. З листа до невідомої⁸ я от зараз читаю його слова: «Скоро я знову буду самотнім. Продовжую робити нотатки в записній книжці, як бджола збираю мед із Капрі. Тяжко бути письменником. Вічно відчуваєш якісь то обов'язки, вічно маєш розплющені широко очі на те, щоб помічати, вічно напинаєш струни свого серця та достроюєш до мелодії природи. І все тобі мало, все здаєшся сам собі вбогим, не досить тонким, лінивим, недбалим, вічно невдоволеним собою. Хотілось би увесь світ обняти та схоронити в серці, зібрати всі фарби та все проміння, знаходити матеріяли до праці, а разом з тим з тугою відчуваєш, що ти невдалий апарат, неудосядливий і не можеш виконати свого завдання»⁹. – Це так в'яжеться з його лицем. Таким я його знаю на протязі всього нашого знайомства.

Що тижня по суботах українська група та угрупована молодь збиралася до Коцюбинського. Це був день, коли всі ділилися своїми вражіннями за тиждень – літературно-мистецькими, політичними та національними.

На цих же суботах Коцюбинський часто зчитував свої нові твори. Читав він гарно, але почувалося, що присутність слухачів його зв'язує, що йому якось ніяково перед аудиторією.

Настав 905 рік, а властиво перші блиски могутнього соціального руху. Коцюбинський зразу ніби відродився. Він всюди – на мітингах, на зборах, на громадській роботі. Він зв'язується з Галичиною, з емігрантськими колами Америки. Починає організовувати «Просвіти». І дійсно «Просвіта» росте. За короткий час Чернігівська установа має сотні членів¹⁰, а також до десятка філій на Чернігівщині¹¹. Коцюбинський – голова першої «Просвіти» на Чернігівщині. Він старається здобути кошти. Випишує до Чернігова концертні українські сили. Приїздить М.В. Лисенко¹², Старицька¹³, приїздить відомі бандуристи, читаються лекції з історії українського театру та укр. культури. Сам Коцюбинський зачитує реферат про Франка¹⁴. Великі просвітні вечори для дітей. І головне, що має «Просвіта» – це буквально сотні часописів зі всіх кутків, де живуть українці.

Суботи вже в «Просвіті», а в Коцюбинського «Понеділки». На «Понеділки», в суміш зі старим громадянством молодь – гімназисти, реалісти

та з духовного семінару. Йдуть жваві розмови, обмінюються думками. Центром і душею, звичайно, являється господарь. Він до всіх уважний, він всюди легко й цікаво провадить розмови. Старші вже розходяться, а молодь наостанку – беруть книжки до читання, де що розпитують, радяться. І як би не був утомлений М.М. – він цього не виявить перед людьми. Обтяженість працею по стат-бюро зовсім не відбиває його від громадської роботи. Просвіта для нього живе вогнище і він увесь час віддає роботі в Просвіті. Цікавиться всіми новинами, як політичного так і літературного життя. Радіє кожній новій сатири Шибуєвського¹⁵ «Кулемету»¹⁶, снує думки за українську школу, наче поспішає, наче боїться чогось не зробити, що так важливо, про віщо так довго, очевидячки, думалося.

І коли прийшла реакція, погроми, смертні присуди, – Коцюбинський зовсім не втратив надії. Він мені з захватом казав: [-] Скільки прекрасного явив народ за такий короткий час. Локнисте, де почалася комуна. Використаю обов'язково в своїй «Фата Моргани». Я гадаю зробити її в трьох частинах – перша та, що вже маю, друга революційні настрої й третя частина реакція. [-] І він дійсно ретельно збирає матеріали, головним чином зі судових процесів¹⁷. Карні загоми під керівництвом полковника, а тепер генерала чернігівської жандармерії Рудова. Рудов зі своїми загонами палить села, мордує селян... Рудов організує погром у Чернігові, Рудова відзначають за це з Петербургу титулом генерала¹⁸ і навіть по його смерті ховають на цвинтарі Собору і роблять цитату з Євангелія «Прийдіть до мене всі трудівники та знедолені і я заспокою Вас». Дійсно – він заспокоював трудівників та знедолених.

В місті йдуть труси й арешти. Всякі папери, що можуть викликати непорозуміння, переходять на схованки. Правління «Просвіти» трусять по кілька разів і нарешті з наказу губернатора пропонують вийти зі складу правління Коцюбинському, Шрагові, Шкуркіній-Левицькій¹⁹ мені та д-ру Базилевичу²⁰. Члени «Просвіти» тероризовані й самі розбігаються. Нарешті бомба в губернатора Хвостова²¹, суд над терористами та страта. Та й взагалі цілий ряд завішених між двох кладовищ – єврейським та православним.

В такі часи сформувалася майбутня третя частина Фата Моргани, в такі часи писалася друга частина і цілком зрозуміло: широкою річкою почалися політичні суди. Кожна справа давала багатий матеріал часу повстання. Коцюбинський не раз нарікав, що тяжко розробляти тему подій, які ще так близькі. Але все ж не міг не писати. А на понеділках та на зборах в інших місцях, як у Шрага, Базилевича Коцюбинський ставив

плани на далі. Захоплювався ідеєю обміну дітьми з галичанами на вакаційні періоди. Писав листи з цього приводу, влаштовував можливості. Просвіта остаточно вмерла й знову залишився в Чернігові маленький гурток турботних мазепинців, сепаратистів. Характерним являється той «благонамерений страх», який виховували в провінціях. Коли вийшли твори Коцюбинського в перекладі на російську мову²² й появились в книгарнях Чернігова, то обиватель одважно запитував «як, це писав той саме Коцюбинський, що в стат бюро працює». Це в той час, коли майже на багатьох європейських мовах вже читали Коцюбинського.

Я вже не пам'ятаю Коцюбинського, щоб він був добре здоровим. Весь час він жалівся на хворе серце.

Матеріальна скрута, хворість, перевтома (бо працювалося й на хліб – статбюро й на літературу) – все це робило Коцюбинського особливо напруженим і ретельним в роботі. І він все жаліється, що не може працювати. Листи з клініки – переповнені тими скаргами. Він жаліється що-разу, що слабкість не дає можливості йому писати. Навіть в клініці він живе лише літературою. В листі до невідомої він пише: «А все ж лікарі тримають мене в ліжкові, забороняють хвилюватися, рухатися, – тим важніше все те, чим виявляється життя»²³. І тут же: «Знайомлюся з новим для мене письменником Джеком Лондоном, що працював як чорноробочий на золотих розсипах у Алясці. В нас Лондону зробили рекламу Андреев²⁴ та Купрін²⁵, на мою думку, зовсім надаремне. Це письменник типу Брет-Гарта²⁶, лише без його таланту та поетичності. Часами вдається йому написати непогане оповідання, цікаве може по своїй екзотичності, а в романах він сумний, одноманітний»²⁷.

Далі – «навіть читати вже не можу, а публіка, що приходить до мене часто в надмірній кількості, просто це нервує»²⁸.

Далі – «Прочитав силу книжок, а все ж незадоволений, почуваю смуток за власною роботою. Та хочеться сісти до столу і взяти перо в руки. Лежачи я не можу працювати, голова не свіжа. Та й фантазія загубила крила»²⁹.

Знову – «Читаю цілими днями і, мабуть, дуже порозумнів за цей час»³⁰ іронізує він із себе.

На прохання невідомої порадити щось до читання, Коцюбинський з клініки пише: «Можу рекомендувати, до речі, останню новинку: Горький, Казки. Московське видання (вони дуже гарно написані). З перекладної літератури Джека Лондона³¹ (зараз виходить декілька видань). Він хоч і не першорядний письменник і багато гріхів у його (Хай вибачить Алах Андрієву та Купріну за їхню рекламу, що зробила такий успіх цьому Аме-

риканцеві в Росії!), але все ж трапляються талановиті речі та особливо цікавий для нас невідомий нам екзотизм описів оточення та типів»³². Описуючи свій настрій в університетській клініці у 912 р. він в листі від 2 грудня пише: «Є анекдот про цигана, який запевняв, що його батько помер з голоду «між двома хлібами», – Як же так? – А дуже просто: старого (торішнього) вже не було, а новий ще не вистиг. От щось подібне і з моїми вражіннями: зовнішніх вражінь я ще не одержую, а для того, щоб жити запасами, здобувати їх із себе немає ще належної свідомости організму. І почуваю я себе в цей невдячний період особливо вбогим і всім кореспондентам відповідаю на листи коротенькими листівками, що дають мені можливість ховати то убожество моїх вражінь»³³.

Звертаючись до своєї хворості, він там пише: «Доля так часто й так жорстоко б'є мене за останній час, що я примушений, аби погодитися з життям, згадувати і все добре, що вона коли-небудь подарувала мені. І тепер я вдячний, коли вона приносить мені листи від тебе, промінь сонця, або квітку. Я ще дивуюся, що я не зробився сварливим, знервованим та нелюдом. Все таки я в похлібливо-благодушному настроєві й часто посміююся зі всіх своїх трагічних пригод. Нічого, колись то буде краще. Дурниці. Моїм лікарям це найбільше подобається»³⁴.

Ще далі він пише: «Я в своїй палаті наче в ув'язненні вже скоро 2 місяці. Дуже мені тяжко зносити це роз'єднання зі всім світом. Неможливість руху, відсутність свіжого повітря – а ще тяжче моя примусова бездіяльність»³⁵.

Переїзд до Чернігова з клініки не багато допоміг. Хворість продовжувалась, здоровля ставало все гіршим.

Трагедія поглиблювалася ще тим, що він не міг бачитися з людиною, яку любив, не міг навіть надіслати листа до неї. Правда, ця трагедія тяглась ще з 906 року, але тоді він не був прив'язаний до ліжка, мав змогу поводитися з собою так, як він того хотів.

Одинокість опанувала його як найбільше. «Я самотній!» – ввесь час казало його лице. «Я одинокий, – жалівся він своїй улюбленій дочці – Оксанці»³⁶. «Я самотній» – казав він найближчим своїм знайомим.

За кілька днів перед трагічним кінцем він прохав І.Л. Шрага: «Коли помру, то не ховайте мене з попами. Впорядкуйте громадський похорон».

Пригадую сцену одного разу на великдень. Приходить якийсь із семінаристів і вітається:

– Христос воскрес!

- А Ви бачили? – лукаво питає М.М.
Семинарист змішався.
– Та ні!
– А нащо ж Ви розповсюджуєте брехливі чутки.
Вже якось різко й суворо.
– Та, знаєте, звичка й традиція³⁷.

На жаль, громада примушена була підкоритися дійсності й поховати Коцюбинського з ненависними йому попами.

12 квітня, ясний, роскішний день, коли білі, мов лебедині пера, пливли хмари у блакиті, коли сонце співало «хвалу життю», коли пахощі з перших квітів куль-баби вливалися цілющим бальзамом у груди, в 25 хвилин на третю не стало М.М.

Я пригадую той останній гострий момент. З сторонніх людей був тільки я, а то сама родина. Припинився болючий стогін, настала жаклива, як прирва, тиша і серед тої тиші, приглушених сліз дітей, що обліпили мене навколо почувся другий стогін – сліпої матері Коцюбинського. Вона сунула навмання з простягненими вперед руками. Сива голова трусилася й старечі вуста проклали «О проклятий Бог, чого ти мене не послухав та замість мене забрав мою дитину. Мусичко³⁸, любий!»³⁹

Хтось зірвав простирадла з закритих вікон. Сонце ринуло в хату й спинилося тоненьким промінчиком на подушці. Сиве волосся старої розсипалося по безвладній руці сина, по тій руці, що подарувала стільки прекрасного українському народові.

Велике серце, трагічно одиноке, залишило свій край.

16 пронумерованих сторінок на вузьких смужках, перші чотири написані чорнилом, починаючи з п'ятої – олівцем. Перша сторінка повторена двічі, написана більш розбірливо та більшими літерами.

Зроблено приписку олівцем: «Читано 1929 р. 29/IV на курсах українознавства».

Примітки

¹ Розбіжність із спогадами 1926 р.

² Шраг Ілля Людвигович (1847–1919), адвокат, депутат І Державної думи, член Української Центральної Ради, громадський та політичний діяч, ідеолог чернігівської «Просвіти». М. Жук тричі малював його портрет – у 1900-х, 1910-х рр. та у 1911 р.

³ Самійленко Володимир Іванович (1864–1925), український поет, драматург, перекладач.

- ⁴ Вороний Микола Кіндратович (1871–1938), український поет, перекладач, громадський діяч, актор. У 1911 р. М. Жук зробив обкладинку до книги Вороного «Ліричні поезії», у 1916 р. написав його портрет. М. Вороний був розстріляний у 1938 р.
- ⁵ Див. примітку 15 до попереднього тексту.
- ⁶ Стріндберг Юхан Август (1848–1912), шведський письменник, драматург.
- ⁷ «Свій літературний смак я виробив під впливом європейської літератури. Слов'янські літератури мені менше подобаються. В останні часи я дуже захоплююся північними письменниками (Ібсен, Арне Гарборг, Кнут Гамсун, Йонас Лі, Від та інші), а також Метерлінком, Роденбахом», – з листа М. Коцюбинського до М. Мочульського 17 листопада 1905 року. – Коцюбинський М. Твори в семи томах. – Т. 7. – Київ, 1975. – С. 43.
- ⁸ Мається на увазі О.І. Аплаксіна
- ⁹ Лист 16 (29) липня 1910 з Капри. У оригіналі «...а скоро я буду самотній. Продовжую делать заметки в записной книжке, как пчела собираю мёд с Капри. Сделал уже 80 заметок, пригодятся. А кроме того, в голове и в сердце у меня целый клад. Плохо быть писателем. Вечно чувствуешь какие-то обязанности, вечно имеешь широко открытые глаза для наблюдений, вечно натягиваешь струны сердца и настраиваешь их для мелодий природы. И всё тебе мало, всё кажешься сам себе бедным, недостаточно тонким, ленивым, небрежным – вечно недоволен собою. Хотелось бы весь свет объять и заключить в сердце, собрать все краски и лучи, накопить материал для работы, а вместе с тем с грустью чувствуешь, что ты плохой аппарат, несовершенный и не можешь выполнить своей задачи». – Коцюбинський М. Листи до Олександри Аплаксіної. – Київ, 2008. – С. 147-148.
- ¹⁰ У дійсності до членів товариства за «Списком членов черниговского украинского общества “Просвіта”» входило 45 осіб. Див.: Фомська С. Становлення та діяльність Чернігівської «Просвіти» (1906–1908 рр.). <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/24671/20-Fomska.pdf?sequence=1>
- ¹¹ Знову перебільшення мемуариста – влітку 1907 було відкрито філію в м. Ніжині, на початку 1908 у Козельці. Див.: Фомська С. Становлення та діяльність Чернігівської «Просвіти» ...
- ¹² Лисенко Микола Віталійович (1842–1912), український композитор, піаніст, диригент, збирач фольклору, громадський діяч. 28 лютого 1907 року в Чернігові відбувся концерт М. Лисенка та співака Олександра Мишуги, а також хору аматорів.
- ¹³ Старицька-Черняхівська Людмила Михайлівна (1868–1941), українська поетеса, драматург, прозаїк, перекладач, донька Михайла Старицького, небога М. Лисенка.
- ¹⁴ С. Єфремов високо оцінив текст реферату про І. Франка, прочитаний Коцюбинським восени 1908 р. (Реферат було видано окремою брошурою у 1917 р.): «Безперечну цінну має реферат небіжчика Коцюбинського. Великий художник слова не прокладає тут нових шляхів, не дає якомусь оригінального погляду на Франкову творчість, – він іде слідом за тим, що ми вже мали в літературі про Франка. Але Коцюбинський зумів дати виразний і правдивий портрет літературний свого товариша, – портрет, написаний з любов'ю і властивим авторові образним стилем». – Книгарь. – 1917. – Чис. 2. – Стовп. 82–83.
- ¹⁵ Шебуев Микола Георгієвич (1874–1937), російський письменник, журналіст, поет, видавець.
- ¹⁶ «Кулемет Шебуева», «Кулемет» – літературно-художній сатиричний ілюстрований журнал політичного та антиурядового напрямку, що видавав у 1905–1906 рр.

- М.Г. Шебуєв. Всього вийшло п'ять номерів та один додатковий. Перший же номер був заборонений та конфіскований. Справа «Кулетету» стала першою у низці політичних процесів початку ХХ сторіччя.
- ¹⁷ Про це докладно див.: Козуб С. 1905 рік у творчості Коцюбинського. <https://vpered.wordpress.com/tag/%D0%BA%D0%BE%D1%86%D1%8E%D0%B1%D0%B8%D0%BD%D1%81%D1%8C%D0%BA%D0%B8%D0%B9/>
- ¹⁸ М.П. Рудов став генерал-майором у 1905 р.
- ¹⁹ Шкуркіна-Левицька Тодосія (Феодосія) Степанівна (1863–1945), однокласниця Віри Устимівни Коцюбинської, вчителька у Чернігівському земському сирітському будинку. Була у близьких взаєминах з родиною Коцюбинських, хрещена матір Ірини Коцюбинської. У листуванні М. Коцюбинського з дружиною згадується як Богданка. Автор спогадів «Про подружжя Коцюбинських». – Спогади про Михайла Коцюбинського. – К., 1989. – С. 45-47.
- ²⁰ Базилевич Василь – лікар, член Чернігівської «Просвіти».
- ²¹ Хвостов Олексій Олексійович (1859–1940), з 1903 по 1906 рр. чернігівський губернатор. 1 січня 1906 був поранений під час замаху, здійсненого есеркою-терористкою М. Школьник.
- ²² За ініціативою М. Горького видавництво «Знання» видало у 1911 р. два томи вибраних оповідань М. Коцюбинського у перекладі М. Могілянського. «Прсматривая первый том, я тоже заметил много погрешностей, ошибок и опечаток. А все потому, что я не читал корректур. Бегло просмотрел рукопись, не останавливаясь, по просьбе переводчика, на стилистической стороне переводов, так как М.М. Могілянський обещал поработать над переводом и не советовал мне задерживать рукопись. <...> Материал для II тома Могілянський обещал приготовить к середине января. Теперь я уже непременно буду читать корректуры». – Лист М. Коцюбинського до М. Горького, 19.XII. Чернігів // М. Коцюбинський – М. Горький: Листування. – Харків-Київ, 1929. – С. 39.
- 31 травня 1911 р. Горький писав Коцюбинському, що видання мало успіх: «Первый том вызвал ряд рецензий и, на мой взгляд, довольно интересных. Даже “Речь” вообще относясь к “Знанию” не милостиво, почтила вашу книгу и добрым, и не глупым отзывом. Был отзыв в “Совр. Мире” и в “Современнике” Амфитеатрова, а также и в ряде провинциальных газет». – Там же. – С. 45.
- ²³ Лист 4 листопада 1912, Київ. У оригіналі: «А все таки – врачи держат меня в постели, запрещают волнения, движения – все, чем проявляется жизнь». – Коцюбинський М. Листи до Олександри Аплаксіної... – С. 210.
- ²⁴ Андреев Леонид Миколайович (1871–1919), російський письменник.
- ²⁵ Купрін Олександр Іванович (1870–1938), російський письменник.
- ²⁶ Гарт Брет Френсіс (1836–1902), американський письменник, поет.
- ²⁷ Лист 4 листопада 1912, Київ. У оригіналі: «Знакомлюсь с новым для меня писателем Джеком Лондоном, американским Горьким, работавшем в качестве чернорабочего на золотых приисках в Аляске. У нас Лондону сделали рекламу Андреев и Куприн и, по моему, совершенно напрасно. Это писатель типа Брет-Гарта, только без его таланта и поэтичности. Порой удается написать ему удачный рассказ, интересный по своей экзотической обстановке, но в романах он скучен, однообразен». – Там же – С. 210. М. Коцюбинський мав на увазі передмову Л. Андреева «О Джеке Лондоне» для 18-ти томного зібрання творів Джека Лондона та статтю О. Купріна, що передувала публікації оповідань Джека Лондона (Синий журнал. – 1911. – № 22).
- ²⁸ Лист 12 листопада 1912, Київ. У оригіналі: «Даже читать не могу, а публика, посещающая меня часто в неумеренном количестве, просто раздражает». – Там же. –

- С. 211. 3 5 по 12 листопада у Коцюбинського були Є. Чикаленко, М. Леонтович, С. Устименко, М. та К. Грушевські, М. Наєнко.
- ²⁹ 19 листопада 1912. У оригіналі: «Проглотил массу книг, а все же не удовлетворен, чувствую тоску по работе. Так хочется сесть за стол и взять перо в руки. Лежа я не могу работать, голова не свежа, и фантазия потеряла крылья». – Там же. – С. 213.
- ³⁰ 21 листопада 1912, Київ. У оригіналі: «Я по целым дням читаю и, вероятно, очень поумнею за это время». – Там же. – С. 214.
- ³¹ Джек Лондон (1876–1916), американський письменник, громадський діяч.
- ³² 30 листопада 1912, Київ. У оригіналі: «Могу рекомендовать, впрочем, последнюю новость: Горький. Сказки, Москва, ц. 85 к. (они очень интересны), а из переводной литературы Джека Лондона (теперь выходит несколько изданий). Он хоть и не первоклассный писатель и много грехов у него (да простит Аллах Андрееву и Куприну за рекламу, создавшую успех этому американцу в России!), но все ж попадают талантливые вещи, и интересен неизвестный нам экзотизм описываемой обстановки и типов». – Там же. – С. 214-215.
- ³³ 2 грудня 1912. У оригіналі: «Есть анекдот про цыгана, который утверждал, что его отец умер голодной смертью “между двумя хлебами”. – “Как так?” – “А очень просто: старого (прошлогоднего) уже не было, а новый еще не поспел”. Вот нечто подобное и с моими впечатлениями: внешних я еще не получаю, а для того, чтобы жить запасами, черпать из себя, нет еще надлежащей свежести организма. Вот я и чувствую себя в этот неблагоприятный период особенно бедным и всем моим корреспондентам отвечаю на письма краткими открытками, дающими мне возможность скрыть эту бедность впечатлений». – Там же. – С. 215.
- ³⁴ У тому ж листі: «Судьба так часто и жестоко колотит меня в последнее время, что я вынужден для примирения с жизнью вспоминать и все доброе, когда-нибудь подаренное ею. А теперь я благодарен ей, когда она приносит мне письмо от тебя, луч солнца или цветов. Я еще удивляюсь, как я не сделался брезгой, раздражительным, мрачным. Все-таки я в снисходительно-благодушном настроении и часто подсмеиваюсь над всем своим злополучием. Ничего! Когда-нибудь будет и лучше. Пустяки! Врачам это особенно нравиться». – Там же. – С. 215-216.
- ³⁵ 11 грудня: «Я в своей постели, точно в заточении, вот уже скоро 2 месяца. Очень мне тяжело это разобщение со всем миром, невозможность движения, отсутствие свежего воздуха – а еще тяжелее вынужденное безделье». – Там же. – С. 217.
- ³⁶ Коцюбинська Оксана Михайлівна (1898–1920), донька М.М. Коцюбинського
- ³⁷ Див. подібний епізод у недовгованих спогадах «М.М. Коцюбинський».
- ³⁸ Мусичко або Муся – так рідні називали М.М. Коцюбинського.
- ³⁹ М. Коцюбинський писав про матір у листі до М. Мочульського 28 січня 1906 р. «Мати <...> з складною, тонкою і глибокою душевною організацією, добра, надзвичайно любляча, здатна на самопожертву, особливо для мене, якого дуже любить», – Коцюбинський М. Твори в семи томах. – Т. 7... – С. 48.
- 3 листа В. Коцюбинської до М.Ф. Андреевої: «Слепаю старуха мати, еле переживша свою тяжелую утрату, тепер вечно оплакивает Мих. М-ча и создает ужасно тягостную домашнюю обстановку. Так все еще живем недавно переживаемым, где боролись надежда и отчаяние, наконец – тяжкая утрата – все это заполняет нашу жизнь». – С. 73-74.

[Зошит перший]

М.М. Коцюбинський

Сіверянська вулиця

Пошта: Чернігів, Сіверянська, 3, власний будинок, поруч Старовірської церкви.

Саме дворище від вулиці в закуток; перед ним зелений моріжок і стежка, що проводить до високої деревляної брами з хвірткою ліворуч. Шматок високого дерев'яного баркану і задня, глуха стіна сараю, що зовсім ховають житловий будинок. Вступивши за хвіртку в садибу – трапляєш у течію широкої стежки, що обабіч обсажена підстриженими декоративними шпалерами, і яка проводить до самого ганку, де та чудовим вартовим чатує струнка, вічнозелена ялинка.

Легідним, літнім після полуднем, 1905 року, я вперше вступаю на подвір'я письменника. Кілька східців на ганок. Дзвону. Мене зустрічає сестра Михайла Михайловича – Лідія Михайлівна Коцюбинська¹. Вона запрошує до вітальні, що є разом з тим і робочим кабінетом. Ліворуч письмовий стіл. Далі, до кутка, шафа з книжками. Просто до входу рояль; за ним зашклені двері на терасу в садок і повно живих квітів у вазочках і у вазонах, що розставлені по вікнах, на столах, на консольному столику під дзеркалом (ліворуч між вікнами) і, нарешті, на самому столі, де працює Коцюбинський. Це наче продовження багатого на квітки саду, що так зразу приваблює очі сторонньої людини в рамках розчинених вікна і дверей, де в промінню після полуденного сонця іскриться листя фруктових дерев (переважно яблунь) і квітників перед самою терасою. Може не зовсім вірно починати з інтер'єру в цілком закінченому вигляді, але Лідія Михайлівна дала цю змогу, вибачившись, що на хвилину лишить мене самого, поки в садку знайде Михайла Михайловича і покличе його до кімнати. Кімната світла і простора, не менше 30-ти квадратних метрів. В лівому кутку до саду, між двома наріжними вікнами, стіл, закритий ковровою скатертиною, на якому ваза з великим букетом вогнецвітної красолі і солідний альбом з фотографіями. Навколо

Л.М. Коцюбинська.
ЧЛММЗК

столу крісла й пів крісла оріхового дерева, оббиті попільястим штофом. За столом така ж канапа. На підлозі розстелений килим фабричного ткання і через те, що він далеко не новий, – рисунок і колір на ньому надбав пристойного вигляду й не турбує своєю невисокою художньою якістю. Кімната виклеєна ясними шпалерами (муар) в темну розу, що досить гармонійно розбиває поверхню стіни на окремі пано, де по-не-де розвішені фото й малюнки в акварелі й олійними фарбами. Я пізнаю кілька маленьких етюдів архітекта-художника Василя Кричевського² з прекрасним розумінням задніпрянських обр'їв, що завше приваблюють зори киян, коли вони зі своїх гір розглядають Сіверянську землю, себто Чернігівщину, що еднається срібним пасмом Десни з сивовусим дідуганом Дніпром.

Хата заповнена хором запахів: я навіть виловлюю виразно серед того хору окремі сольові мелодії. От густий, солодко-медвяний дух троянд, що протинає повітря східними казками, газелами Хафіза³, раптом він змінюється духом красолі, що пахтить трохи гірким і трохи землею, і все це разом пов'язує (наче цупкою, шовковою биндою) пахощами м'яти. А хор вистилує загально пахуче тло, що ховається в повітрі от як у соняшних смугах дим од цигарки, або як щось солодке у склянці з теплою водою.

В саду, серед плетива дерев, блискають плями сонця. Вони то загоряються, то поволі гаснуть, одхиляючи окремі деталі рослинного багатства. Запашними устами дихає природа і стиха шелестять якісь притьмарені слова, що самі собою повстають в уяві. Так буває, коли чуєш знайому мелодію народної пісні, де ніби сама музика промовляє до тебе словами. Мов очарований я стою проти дверей на терасу, стою біля парадно одягненого в чорне роялю, ц милуюся чудовим букетом, що, очевидно, вкладали умілі жіночі руки, якими керував природний смак, як в самому доборі квітів, так і в їхньому сгрупуванню посеред зеленого листу, окремих травинок, навіть гілочок з дерева. Рефлекси сонячного світла часами одблискують по білій стіні і швидко зникають. Кімната заповнена полисками шмарagdів і золота. Ось шмигнув веселий зайчик і загойдався кружечком. Цокнула дужка од відра, видно його хтось поставив з водою проти сонця. Почулися кроки людської ходи і нерозбірні жіночі слова. Все раптом ущухло і зайчик вишмигнув знов на двір, наче він тільки й завітав для того, щоб побачити, хто є в кімнаті. На тля розчинених дверей на веранду з'явилася висока чоловіча постава в білому костюмі, з засмаглим обличчям, в червоному турецькому фезі на голові, що зверху зухвало був перетятий чорною шовковою китицею. Очі ласкаво

усміхалися, а руки вже простягнені на привітання; і між чорних вусів також привітно ховається усмішка. Слова тихі, не шумливі, але настільки людяні, що їхня звичайність зовсім не повертає їх на уперту, банальну зустріч чужого з чужим.

– От і добре, що ви самі просто прийшли до мене познайомитись, не чекаючи на особливий випадок. Я вже чув про вас... Чув, що ви художник, поет... що вчилися за кордоном.

Він стинає мою руку двома своїми долонями і пильно вдивляється в мої очі. Я теж, як художник, звик дивитися в людські очі, але трохи здаю перед гострим лезом його погляду і почуваю, що його зір з досвідченістю вправного хірурга зразу ж розтинає тонкі перегородки, за якими ховається людина од людини. Мені, правда, нічого ховати од нього, але вже так побудована людська психіка, що своє внутрішнє вона уперто захищує не лише перед чужим, а навіть серед близькою людиною. Це триває коротенький момент. Коцюбинський зразу вловлює мій настрій і випускає зі свого ока.

Ми сідаємо біля столика з альбомом і він розпитує мене по те, що я роблю, що мене найбільше цікавить, чи мені подобається Чернігів і чи я надовго думаю тут оселитися. Я йому з'ясовую, що мого батька вислано до Чернігова з Києва під догляд поліції. Що він працював у Києві в ремонтних майстернях Південно-Західної залізниці, де на його впала підозра про участь в робітничому рухові. Що доносів не було, и тому його вислано в адміністративному порядку і т. д.

– Що ж, звичайна історія! – з жалем кидає Коцюбинський. – То на краще, швидче попечуться. Не журіться, то на краще, – додає він знову за кілька секунд.

Я відчуваю, що справу він розуміє далеко ширше і глибше в ланцюгу подій (епізод з моїм батьком) це лише окрема ланка, але не безнадійна, а повна змісту, повна кращого майбутнього. І це мене дійсно потішає.

– Я влаштувався в місцевій жіночій гімназії, де буду викладати малювання, креслення та краснопіс.

– От і добре, – наче стверджуючи свою думку, схвалює Михайло Михайлович. – А там побачимо. Все може бути. Малюйте, пишть... І багато читайте. Зараз така сила чудово написаних річей. Навіть у нас – Франко, Леся Українка, Стефаник. У росіян – Горький, Чехов, Серафимович⁴... У французів – Анатоль Франс... У гішпанців – Бляско Ібаньес, а які чудові скандинави – Ібсен, Берсон, Арне Гарборг⁵, Йонас Лі... Просто дух захоплює.

Коцюбинський гаряче переживає те, про що говорить. Трохи спиняється – Як дозволите – хотів би побачити ваші малюнки та послухати ваші поетичні твори. Ви такий ще молодий – перед вами ціле життя.

І він так рідко посміхається, але очі іскряться од внутрішньої щирості. Риси обличчя загострено тонкі, рухи – нічого зайвого, жест скупий, але виразний, як слово в розрядку, Я, якимось механічно, розкриваю альбом з фото і через дві, три сторінки трапляю на знімок з нього: як це не подібно до сучасного письменника! Щось таке звичайне, ординарне, а сьогодні – загострено-витончене. Яка чудна метаморфоза. Закриваю альбом і трохи соромлюсь своїх думок.

– До речі – тепер у мене суботи. Заходьте. Познайомитесь з Чернігівською громадою. Як маєте охоту, то захопіть і щось своє – прочитаете.

На веранді почулися чийсь кроки і тиха розмова жіночих голосів. Коцюбинський обернувся до веранди і тихо закликав – Зайди сюди на хвилинку, Віруню... тут у нас гість, хочу щоб ти познайомилась. – Зараз, Мусю! – озивається приємний голос, а потому знову тиха розмова і відповідь другого голосу, по якому я пізнаю, що він належить Лідії Михайлівні. – Познайомлю вас з моєю дружиною, – звернувся знов до мене Коцюбинський. Мене знов потягло до альбому і я знов одкрив ту сторінку, де був знімок з Михайла Михайловича. Знову та сама здивована думка – нічого подібного. І Коцюбинський і зовсім не він. – Це ще знято до моєї хороби. Я тяжко слабував на ревматизм. Навіть на милицях ходив: зовсім не рухалися ноги. Віра Устимовна дуже багато поклала клопоту, поки я одужав. А тепер серце мені докучає. Та все пусте – минуло або минається. От і дружина.

В двері веранди ввійшла до кімнати рішучою ходою струнка, висока жінка. Перше, що вражало, відсутність жіночого стилю в розумінні того часу. Це скорше була постать другої половини XIX сторіччя, постать жінки – громадянки, товаришки свого чоловіка, а не лише його коханки. Ми встали разом з Михайлом Михайловичем і він одрекомендує мене своїй дружині Вірі Устимовні Коцюбинській. Знову посідали, але я весь час стежу за обличчям, яке виходить за рамки звичайного

В.У. Дейша-Коцюбинська.
Чернігів. 1906 р. ЧЛММЗК

жіночого образу. Голова, наче різьблена з мрамору, на зразок римських портретових бюстів. В пластиці форм щось лаконічне, що не обіцяє ні романічності, ні романтичності⁶. Тільки в очах блискали іскорки стриманого темпераменту. Мимоволі проходили в уяві образі інших – дружини Франка, Лепкого⁷, Владислава Реймонта⁸, Тетмаєера⁹, Станіслава Виспянського¹⁰, Мальчевського¹¹ та інших, яких я знав і з якими зустрічався. І все таки аналогії не знаходив. Та й сама розмова значно відрізнялася від звичайних розмов у жіночому товаристві. Спосіб, як вона мене розпитувала, носив характер добре побудованої анкети, на пакти якої треба було відповідати чітко і коротко. Майнуло в думці, що, певне, робота в статистичному бюро так привчила її ставитися на початку до мало-знайомої людини, що в дальшому – вона знайде й інші слова і глибшу увагу, про що нагадували іскорки в очах, помітливий й привітний.

Через кілька хвилин Віра Устимовна вибачилась, що має ще якусь роботу, і вийшла у внутрішню частину помешкання, а я, на запрошення Коцюбинського, вийшов з ним до саду, де и просиділи майже до смеркання, коли знову до нас прийшла Віра Устимовна й запросила на чашку чаю. Я вперше потрапив до столової, де пройшло так багато часу (на суботах і на понеділках), часу з літа 1905 року до трагічного дня 13го квітня старого стилю 1913 року, коли не стало душі дому, душі самого письменника. Після блакитного смерку на дворі, – жовте світло нафтової лампи над столом, білий обрус, посуд і шум шиплячого самовара, тіні на стелі й по кутках, – зразу зустріли й прийняли мене в своє товариство, ніби члена родини, що був лише довго відсутнім, а тепер повернувся до рідного кутка.

В глибокому кріслі сиділа літня жінка з сивим волоссям – мати Михайла Михайловича. Коцюбинський підвів мене до неї і якимось особливо ніжно звернувся: – мамусю, я хочу познайомити тебе з молодим художником і поетом...

Я нахилився, щоб поцілувати простягну мені руку, а вона обхопила мою голову й поцілувала в чоло. – Ще до того, як ви прийшли до нас – Муся вже вже говорив мені, що в Чернігіві об'явився молодий художник. Тепер він мені

Г.М. Абаз-Коцюбинська.
ЧЛММЗК

роскаже, який ви на вигляд, бо я не бачу, а Муся вміє розказати що я таки й побачу вас.

Вона почала на помацки рукою шукати самокрутку, що поклала на таці біля самовара. Коцюбинський допоміг їй.

– Всі мами переоцінюють своїх дітей – усміхнувся він.

– Тільки засліпленні, а не сліпі, – скорегувала мати Коцюбинського. – Бо коли сліпий починає бачити образ живої людини, то значить, що цей образ добре змальований і то його можна побачити.

– Це тільки вірно по часті, мамо!

– Ні, ні, це таки правда. Я багато разів перевіряла твої описи... Вчинки людей в дальшому стверджували, що малюнок був правдивий...

З вікна, праворуч, вливалася приємна прохолода літнього вечера; тьмяною масою, по низу вікна, майорив сарай, а зверху бузковим і блакитним світилося сумеркове небо, де іскрилися зорі.

З великим букетом квіток, що подарувала мені Лідія Михайловна, я повертався тихими вулицями Чернігова до своєї квартири. По тому, як було вкладено букет, я побачив руку сестри Коцюбинського на всіх тих букетах, що зустріли мене в робочій кімнаті Михайла Михайловича і в їдальні на столі під ляпюю. Витончений смак в доборі квіток, вміння зробити не віник, а щось подібне до квіткового феєрверку, що наче прискав с усіх вазонів і навіть з моєї руки, – казали за природне почуття краси, за те що ту красу Лідія Михайловна навчилася постерігати серед природи. Тисячі думок обхопили мене. І всі вони перетиналися тільки що перебутими розмовами. – Трудно писати. Ой як трудно писати. Часто за кілька годин 4-5 сторінок напишеш, а на другий день і з того невдоволений. Та ще та служба! Вона ж забирає найкращий робочий час. Лишається тільки вночі працювати. А з літературної праці прожити на Україні не можна.

Не все поряд казав мені, а воно пробивалося серед розмови, при нагоді. Найбільше він цікавився загальним ростом української літератури. Захоплено розповідав про великі досягнення серед світової літератури. А ще більше розпитував про деталі мого життя, про період мого перебування за кордоном, про мої знайомства, про мої перспективи. До самого дому я наче продовжував розмови з ним. Він хвалив мені Сінклера¹² – треба прочитати. На образотворчому мистецтві, видно, розуміється мало, але приємно те, що вмів прислухатися, одбирати і одбирати влучно.

[Зошит другий]

Вдома, коли мої батьки поклалися спати, я сів і записав коротко: «Познайомився з Коцюбинським. В розмові натякнув мені, що мова у мене зовсім галицька. Порадив читати Панаса Мирного¹³, Марка Вовчка¹⁴, Нечуя Левицького¹⁵. Читати не лише зміст, але побудову самої фрази, речення... Записувати народну мову. Простудіювати народні казки, приказки, прислів'я, пісні та думи. Треба звернути увагу. Назвав цілий ряд письменників, з творами яких я не знайомий. Обов'язково прочитати».

Перегорнув календарь і на суботі написав «У 8 годин вечера до Коцюбинського».

Субота

Не витримав. Прийшов рано, ще нікого не було. Трохи знякочив, але Коцюбинський зрозумів і заспокоїв мене – зовсім не турбуйтеся... суботи в мене призначені лише на гостину. В цей день я спочиваю серед тих людей, що приходять до мене. І ви мій дорогий гість, сідайте. Сьогодні я вас познайомлю з людьми, яких ви ще не знаєте і які вас не знають. А чого ж ви без мами? Я хотів з нею познайомитися. Шкода, шкода... Моя мама на неї очікувала... На ту суботу гадаю, що ви вдвох прийдете.

Раптом з веранди до кімнати вбігло двоє дівчаток. В коротеньких сукенках, в білих сорочках с вишиваними рукавами (подільськими мотивами – чорне, з капочками червоного) і в жовтих парусинових капчиках на босу ногу. Одна з них чорнява – з червоною биндою на голові, а друга білява – з вінком із волошок.

Разом спинилися і мені же разом вклонилися.

Зліва направо: Ірина, Роман, Михайло Михайлович, Оксана Коцюбинські, С. Устименко, А. Казка, М. Саєнко. Чернігів. 1910 р. ЧЛММЗК

– Це мої дівчатка...Оксана¹⁶ – до чорнявої, Орина¹⁷ – до білявої. А це Михайло Іванович. Привітайтеся. – Познайомив нас Михайло Михайлович.

Вони подали свої руки швидко, одна за одною. Надбігли з двох боків до татка і щось похапцем прошепотіли йому у вуха – одна з одного боку, а друга з другого. Посеред їхніх голівок лагідно всьміхається обличчя Михайла Михайловича. Він одвів їх руками трохи на бік і з тою ж по-смішкою промовив: – Коли разом слухати на обидва вуха, то зрозуміти буває трудно... Та й при гостеві секрети неприпустимі...

– Ну тато, ну тато! – чорнява.

– Пхе! – білява.

Й випурхнули з кімнати так же швидко, як і з'явилися. В дальшому це моїх дві моделі, яких я малював – Оксану лише малою, а Орину малою й дорослою.

Поки ж зараз перша субота і все з'явилося, мов на кіно-екрані окремими епізодами. Оксана й Орина. Чорнява й білява. Обидві по боках батькової голови шепчуть йому свої таємниці. Він їм докоряє, що секрети при гостеві недопустимі. Обличчя поміж двох голівок виступає в повній красі витонченого образу, з чистою лінією лисого черепа, і з м'якою усмішкою між чорних вусів. Минуло і щезло.

І ми продовжуємо дальшу розмову. Про літературу, про малярство, про спільних знайомих.

Потім надходять люде – доктор Базилевич, що нагадує собою Антона Павловича Чехова за портретом Бразз¹⁸; Федосія Степановна Шкуркина-Левицька – маленька, дуже рухлива й дуже говірлива жінка. Постаць нагадує молоду дівчину, а обличчя – старого мопса в людській подобі. Поет – Микола Вороний – з довгим шатеновим волоссям зачісаним так, щоби приховати досить пристойну лисину. Гімназист Сергій Устименко¹⁹ і показна фігура присяжного адвоката Іллі Людвиговича Шрага. Про Шрага я ще чув у Києві, а того він привертає найбільшу мою увагу. Мене цікавить, як ставиться до нього Коцюбинський. І дійсно він з появою Шрага оживився якось особливо.

– Знайомтеся! – рекомендує мене Михайло Михайлович.

– Дуже радий, дуже радий! – щирий потиск широкою долонею. Голова пластично різьблена. Вуса з підвусниками падають у низ. Вузкий комірець вишиваної сорочки з синьою стяжкою гарно закінчують посаду голови на дужі рамена. Ноги стоять упевнено на підлозі, по господар-

ському. Видно, що людина твердо знає свій шлях, переконана в ньому і не відступить, не піде на компроміси. Захисник цілого ряду політичних процесів, приятель Коні²⁰, – славився на Чернігівщині, як найкращий адвокат і як людина широка по своїй гостинності. Син домашнього лікаря панів Лизогубів²¹, що панували в Седневі біля Чернігова і де бував Т.Г. Шевченко²², – Ілля Людвигович Шраг отримав добру юридичну освіту в Харківському університеті. Я того спиняюсь на цій постаті, бо Коцюбинський і Шраг були в'язанні вельми дружніми відносинами і багато матеріалів по другій частини «Fata Morgana» були отриманні письменником за допомогою Іллі Людвиговича. Якусь хвилину ми стояли мовчки у трьох, вони старші й тямущі, а я молодий, що ніби очікував от них того живого слова, що так потрібне в дружніх відносинах між людьми. Коли знаходиться таке слово, то все те, що буде пізніше, наче осяяне ним, наче поєднане живою присягою на майбутнє. Коцюбинський знайшов те слово: – От Ілля Людвигович, нас тепер все більше і більше. Встає молодь, освічена, українська... Настануть кращі часи і ми не будемо серед останніх.

– Еге ж! – голосно кидає Шраг і ще раз стискає мою руку широкою долонею.

В його поставі я бачив теж свою майбутню модель до портрету, а тому пильно вдивлявся в іскристі очі, такі молоді, такі променисті.

Михайло Михайлович запросив Шрага до компанії й ми усі посідали до столика з альбомом і букетом квітів, який був свіжим і так само майстерно окладений руками Лідії Михайловни. Феодосія Степанівна Шкуркина голосно і швидко щось доповідала Вороному про вчинок Городського голови Аркадія Васильовича Верзилова²³, який теж належав до української громади Чернігова, але який вів свою лінію дуже обережно – між громадою і губернатором, щоб не втратити й почесного звання громадського діяча й щоб не загубити старанно заслуженої «благонадійності».

– Що ж... Аркадій Васильович ляклива людина. Він бачить навіть там страхи, де їх ніколи й не було. – іронічно вставив свою думку Шраг.

– І все таки він буває нам часом корисною особою, а про його хитби ми знаємо. Все одно – немає бездоганної людини, тільки... в одному до чинність перебивається бездоганністю, а в другому перебиті немає чим. – закінчив Коцюбинський.

Шраг голосно засміявся і додав – От у його часто буває так, що перебиті немає чим.

За час розмови надійшли ще люде. Аркадій Казка²⁴, Андрієвський²⁵, сестра якого була активним підпільним робітником²⁶, і старий Лебідь²⁷,

що грав в українському гуртку аматорів у чиновному клубові, де також виступав у виставах і Микола Вороний. Шкуркіна була завжди заклопотана різними громадськими справами: то вона збирала по підписному листі пожертви на політично-ув'язнених, то передавала заборонену літературу, то влаштовувала когось потрібного на службу, то здобувала для когось документи. Вічно вона поспішала й певне від того призвичаїлась так швидко говорити. Пізніше від Коцюбинського я почув убивчу характеристику Федосії Степановни:

– Муха, що сідає на погань, а потому на періг...

Коцюбинський був дуже обережний, що до осуду людини. І коли це робив, то мав безсумнівні підстави.

В кімнаті сутеніло. Михайло Михайлович запалював свою гасо-палільну лампу. Коли вона залила pokій своїм рівним, приємним світлом, – вийшла Віра Устимовна. Та ж сама чоловіча хода.

Шовкова світла блузка й довга сіра спідниця підкреслювали її поставу, але не на користь її жіночої якості: бракувало де-якої округлості, де-якої легкості, де-чого недомовленого. Тут було все ясно й чітко. Навіть усмішка мала постійну фразу, якої не переступала. Віра Устимовна зі всіма привіталася і тут я помітив, що українською мовою вона володіла не зовсім вправно, особливо після мови самого письменника. Найбільш музичною була мова у Коцюбинського і у Вороного. Віра Устимовна зразу ж почала про щось розповідати з Шрагом і з Вороним, а Коцюбинський вправно проводив розмову з рештою присутніх, втягуючи кожного до загальної теми. Вміння володіти слухачами було у Коцюбинського безперечним. Навіть доктор Базилевич і Андрієвський, що по більшості мовчали, під вправними репліками Коцюбинського приєднувались до спільної розмови. Душею дому був справді Михайло Михайлович.

З саду потягнуло прохолодою літнього вечора. З повітрям до кімнати припливли запахи квіток. З Лісковиці чулися далекі голоси людського співу і, як притьмарене шкло у вітражах, голубіло вечірне небо.

– Прошу товариство до чаю, – встала й звернулася до присутніх Віра Устимовна. Всі заворушилися і за Вірою Устимовною пішли до їдальні.

Сидять М. Коцюбинський, М. Саєнко (на передньому плані). Позаду С. Устименко і А. Казка (стоять). Чернігів. 1910 р. ЧЛММЗК

В їдальні вже сиділа мати Коцюбинського. Всі по черзі привіталися з нею і почали займати місця за столом. Стіл, під білим обрусом, увесь був заставлений чайним посудом і двома блюдами з пухнастими, білими періжками. Пара пляшок білого вина з фігурними затичками. На вині Коцюбинський добре розумівся. У вазочках конфітури. На великому блюді риба під дриглястою юшкою, покрита гарніром. Все це обливалося чистим світлом нафтової лампи, що висіла над столом. Ліворуч стінний годинник, який показував 10^{ту} годину і якраз її відраховував приємним повільним дзвоном. Вікно у двір розчинене і від легкого подиху вітру на ньому рухались білі тюлеві завіси. Коли я був тут у перше, то їх небуло, очевидячки їх випрала і перед суботою повішали. На підлоктникові вряд стояли вазони з квітами.

Коцюбинський заняв чільне місце господаря, праворуч од нього сів Шраг і ліворуч я. Вороний опинивсь проти мене. Віра Устимовна господарувала не того, що вона любила господарство, а того, що Лідія Михайловна не виходила, коли бували гості. Взагалі все господарство, догляд за дітьми і вся хатні турботи лягли на плечі Лідії Михайловни, що посвятила все своє одиноке життя на послуги братові та сліпій матері. Всі були з нею знайомі, всі знали що вона є членом родини Коцюбинських, але мало помічали її, як другорядний персонаж та ще до того завше мовчазний, завше скромний, завше мало помітний. А разом з тим це була людина тонкої духовної організації, людина великої любові до брата, до його дітей, до матері.

Сьогодні мав читати свої твори Микола Вороний. Михайло Михайлович налив усім по чарці горілки, проголосив моє здоровля, як новоприбулого члена Чернігівської громади. . Всі потяглися до мене. Я благаюче дивився на господаря, а він, ласкаво всьміхаючись, заохочував мене в тихих словах: – Ви тепер наш, а ми всі ваші. А наш народ каже: «Помагай, боже, нашим! – А котрі ж ваші? – Котрі подужають!» От я й гадаю, що ви, наша молодь, подужаєте, – щиро закінчив Коцюбинський. Дружне «слава» перекрило його формулювання. Всі звернулися до їжі і на кілька хвилин ущухло. Мимоволі звернула мою увагу постать Вороного: він їв з ентузіазмом. Таріль ледве вмещувала те, що він туди поклав. Пенсне часто спадало з носа і, нарешті, він зачепив його за борт піджака. Губи голосно плямкали, на вусах залишалися драглі від риби. Але він не зважав на те і працював, як добрий молотник. Коцюбинського, видно, це ображало... Маленькі іскорки в темних очах виблискували й раптом ховалися. Михайло Михайлович своїм поглядом швидко оббігав усіх за столом і спинившись на мені злегка посьміхнувся. Я почував, що

ображене було його естетичне почуття. Він, такий чепурний, не зносив неохайності. Починаючи од сліпучо-білого комірця і до білих капців на ногах; ясного кремового костюма з кольоровою хусткою з лівого боку у верхній кишені, – все говорило, що Коцюбинський не може припустити порушення правил культурних взаємин по між людьми. Це тривало коротку хвилинку і залишилося би може й зовсім непомітним, як би не те, що мої перші вражіння загострювались на всьому, не залежно від того чи воно займало чільне місце, чи тільки другорядну деталь.

Шраг розповідав, що поміщики тікають до міста, що по селах вибухають численні селянські повстання, що сими днями з Осняків повернувся Рашевський²⁸ – член губернського правління (художник і скульптор), що в нього теж де-що зруйнували і тільки чудний випадок врятував знищення всієї садиби. Коли селянський натовп вдерся до приміщення, то вдерся він як раз у ті двері, що проводили до майстерні. Багато рам, картин, мольбертів. По середині ж, на різьб'ярському станку (уже в гіпсі) постава місцевого сільського старости. Всі зразу пізнали цю так для них відому поставу. З ціпком у руках, туго підперезаний з бляхою на свиті йшов поважною ходою, наче вулицею села. Гнів зразу у всіх притих і його заступила цікавість. Обкружили станок і з веселим сміхом та зауваженнями на адресу оригіналу розглядали скульптуру. По тому всі спокійно розійшлися, не зробивши ніякої шкоди, розійшлися так, наче вони прийшли туди поглянути лише на художній витвір.

– Це показує величезну силу мистецтва, – закінчив Коцюбинський оповідання Шрага.

– Та Рашевський не зовсім покладається на ту силу і втік до Чернігова, – засміявся Шраг. – Бо це б вони зустріли замість старости самого Рашевського, який цілком слушно в той час заховався, то результат може був би зовсім інший.

– Звичайно, що інший... Рашевський для селян пан, а для старих, що пам'ятають минуле кріпацтво, – подвійно пан. Та сама подія надзвичайно інтересна.

Коцюбинський видно зацікавився.

– Так, подія дуже інтересна, – ще раз додав він.

Доктор Базилевич, Феодосія Степановна Шкуркина та Віра Устимова, – вели свою окрему розмову. Устименко і Казка, – розмовляли з Вороним. До їхньої розмови часом втручався Лебідь. Андрієвський [кінець другого зошити] мовчав.

[Чернетка, зошит III. Початок повторює з незначним змінами текст 2-го зошиту. «Але сама подія надзвичайно інтерна. [-] Коцюбинський видно зацікавився. – Так, подія інтерна. [-] ще раз додав він. Доктор Базилевич, Феодосія Степановна Шкуркіна та Віра Устимовна, – вели свою окрему розмову. Устименко і Казка, – розмовляли з Вороним. До їхньої розмови часом втручався Лебідь. Андрієвський мовчав.»]

Взагалі – це була мовчазна постать, яка найменше виявляла ініціативи в загальній розмові. На ті або інші запити він відповідав стисло, але змістовно. Видно, що йому не по характеру біло пересипати словесне зерно. Була 11^{та} година. За Шрагом приїхав візник, про що його повідомила Віра Устимовна. Шраг устав і почав прощатися. Михайло Михайлович відпроводив його на ганок і швидко повернувся. З ним повернувся і промінь дому, що на хвилинку згас, коли він виходив. Вороний прочитав кілька своїх віршів. Читав він штучно, ламано. – «Ні, не забув тебе я, любя зірко, З свого чуття і з пам'яті не збув... Хоч як було на серці гірко-гірко, Ні, не забув тебе я, любя зірко, Ні, не забув...»²⁹. Читав він стоячи і занадто голосно, порівнюючи невеликий розмір кімнати. Читав на пам'ять. Мова його віршів мені подобалась: музична, струнка, оброблена. Як би трохи менше пози... Навіщо такий крик!

Аплодисменти. Автор сів. Коцюбинський сказав кілька прихильних слів. Його підтримали всі, особливо Віра Устимовна. Вороний нервово курих. Коцюбинський повільно допивав свою стопку вина і теж курих. Аромат тютюну приємно лоскотав мої ніздрі. Я спитав, що то за тютюн, – він запропонував цигарку.

Сигнал подала Шкуркіна – почала прощатися. Всі встали. Я вийшов разом з Вороним.

Була чудесна літня ніч. Яскраво зійшов місяць. Будинки стояли мовчазні з позаміканими віконницями і, здавалося, все живе відступило перед спочинком природи, що

Помешкання М. Жука.
Чернівці, 1910-ті рр.
Фото М. Жука(?). ЧЛММЗК

дихала чарами запашних квіток. В різних місцях озивалось деревляне калатало нічного вартового. А ми йшли і Вороний скаржився на свою гірку долю. Зовсім зникла поза. Голос набрав теплого людяного тембру. Вулиця за вулицею. Лісковиця. – Хата на болоті! – шепче Вороний. – От тут вона, Віра³⁰. Тут мій син Марко³¹. Вона зрадила... – і голос йому дійсно перетинається сльозами. Шелестять могутні осокові, що ховають собою будинок Вербицьких³². Ми швидко повертаємо вгору до міста і вже на світанку я прощаюся з Вороним. Мені його стає по справжньому жалко і на хвилину я забуваю Коцюбинського. Земля сіверянська має свою лірику. Яка чудесна ніч. Який запашний світанок.

Револуція

Чернігів місто без виробництв. Єдина броварня Вондрака³³ і більше нічого. Влітку – пароплав до Києва і пароплав Новгород-Сіверський. А взимку за п'ять кілометрів од міста знаменита вузька колія на Крути. Місто адміністрації, пенсіонерів, міських і середніх шкіл, окружного суду, міської управи і земства, фельдшерської школи і шкіл чоловічої духовної, жіночої епархіальної та старовинної духовної семінарії, що заснована була ще за часів Мазепи. Два монастирі – Єлецький та Троїцький і двоє архирей – вікарний і епархіальний; губернатор, жандармський генерал і поліцмейстер. Прокурор, нотаріальні контори, купці, ремісники. Влітку вибухали селянські повстання. На осінь почалися по великих містах робітничі страйки з вимогами не лише економічного, а й політичного характеру. Відчувалось загально-громадське напруження, почалася револуція. Одноманітна перед тим верства громадянства виявила нахил до кристалізації: виразно відчувалися партійні угруповання. Монархісти все більше виявляли нахабності. Чергова субота у Коцюбинського заповнилась переважно молоддю: вони прислухалися до того, як реагує письменник на події в державі. А М. Михайлович був переповнений тими подіями і гаряче розповідав про повстання на «Потомкині»³⁴, про героїчність повстанців.

– Вся справа в тому, що це імператорський флот і що найбільший панцирник у Чорному морі, виступає з політичними вимогами. Це ж не просто «бунт», а це соціальна револуція. Коронний офіцер, лейтенант Шмідт³⁵, приєднується до повстанців!

Михайло Михайлович хвилюється, переповнений великими подіями. Молодь його слухає і кожне обличчя сяє запалом до боротьби, до дії. Стихійно виникають мітинги. Коцюбинський образно оповідає: – Сьогодні був у городській думі, повна зала, протиснутися не можна.

Юнаки з великими червоними бантами ходять з шапками й збирають на революцію. Вусатий жандарм, з багатьма нашивками на рукаві, довго вишукує щось у гаманці і нарешті дає двадцять копійок на революцію. Жандарм і 20 копійок на революцію! Мих. Мих тихо сьміється і його живі очі грають іскорками його сьміху.

– А у нас що було сьогодні, – розповідає один з присутніх семінаристів. – Прийшов Цветков на лекцію. В класі шум... Хтось повісив свою тужурку на ручці от шпінгалета на вікні. Як тільки з'явився Цветков – счинилися крики – «рижий, рижий». А Ви ж знаєте, що він рудий. Всі вигукували «рижий», маючи на увазі цирковий персонаж. А він це усе перевернув по іншому. Спинився, підняв руку до гори. – От новина, промовив, – вже багато років, як я рижий, а ви тільки сьогодні це помітили. Йолопи! Чия тужурка висить на вікні. Забери. Сідайте. А от латини ні в зуб не знаєте. Йолопи! – І спокійно попрямував до кафедри. Наче холодною водою облив. Всі зразу замовкли і почали слухати його лекцію.

Коцюбинський посьміхається.

– Що ж, добре знає псіхіку учнів. Дотепно вийшов зі скрутного становища. – І знову та ж сама посьмішка – а як у Вас у гімназії? – звертається він до одного з присутніх гімназистів. – Добре, – каже той. – Ходили знімати з навчання гімназисток. Начальство нас зустріло в штики, а все таки нічого не допомгло – зняли.

[–] А у вас, – питає він у реаліста. – Як ваш директор – «Корова», як ви його кличете. – «Корова» перелякана, сховався і нікому на очі не трапляє. Мобілізував сторожів, класних вихователів, педагогів і ті, як пожежники стараються тушити вогонь. А в класах все таки проводяться збори, виступають промовці. Тоді він схитрував і розпустив на тиждень усіх учнів, замкнув двері і нікого не пускає. Кажуть, що зараз вже організувалися професійні спілки.

– Так, – стверджує Коцюбинський, – я навіть чув, що гадають скликати учительський з'їзд. А це дуже потрібно.

Нарешті 18го жовтня під тиском бурхливих подій, – опубліковується царський маніфест про громадські «свободи», та утворення «Державної думи». Разом з тим починаються й погроми. Монархісти поводяться все більше і більше нахабно. В Чернігові цим рухом керують смотритель чоловічої духовної школи Михайло Доброгаїв, а також адвокат Шугаєвський. Активним підбурювачем проти єврейства стає Александров, той Александров, що має на Десні свої купальні та човни до прогулянок.

Втворюється Конституційно-Демократична партія, яку звать К.Д., або просто кадетами. Я з цим мало розбираюся, я тільки прислухаюсь до того, що говорить Коцюбинський. Він для мене являється авторитетом, я йому безмежно вірю. Сперечаюся я з ним лише в питаннях малярства. Але він настільки тактовний, що цих суперечок буває дуже мало.

Дворянське прізвище

Коцюбинський любить жартувати над дворянськими примхами. Об'єктом його розмов бувають місцеві дворяни, а не рідко про відомого в Чернігові брехуна Добрянського. – Досить його запитати про якусь дрібницю, як він зараз же починає брехати, – каже Коцюбинський. – Його фантазія не має межі. Хіба не цікаво, як він розповідає про те, як він замолоду колись їздив цугом. Впрягалосся, каже він, десять пар коней і все однакової масті, як чорні – то всі чорні, як руді, то всі руду, а як у яблуки, то всі у яблуки. Кожна пара на відстані десяти кроків одна від другої. В'їжджаю я таким чином до Чернігова і займаю всю вулицю. А як же повертаеш на іншу, – скажемо його збентежить. – А я тоді беру сам віжки до рук, стягаю всі пари до купи, тоді звертаю праворуч або ліворуч і знову розпускаю коней на всю вулицю.

А інспектор нашої гімназії Карпинський. Ви знаєте, як його повне дворянське прізвище: Воєдило, Покотило, Дебагорій, Мокрієвич-Карпинський. Хіба звичайна людина може таке мати? Значить ясно, що він не людина звичайна, а дворянин: Воєдило-Покотило-Дебагорій-Мокрієвич-Карпинський.

Брехливі чутки

Дзвони сусідньої Старовірської церкви не вгавають вже другий день. Великдень. Це так званий «Малиновий дзвін». До Коцюбинського приходять над вечір люди. Привітавшись з господарем, що ввічливо кожного зустрічає, сідають або на крісла або на стільці. Входить актор Поронин, одягнений як на сцені: вишивана сорочка з червоною стрічкою, темно-блакитні штани, чоботи, а зверху темно-синя свита. Вуса, як і належить, униз; голова стрижена під макітерку. Він цілується з Коцюбинським і голосно каже: «Христос Воскрес!»

Коцюбинський витримує невеличку павзу і лукаво питає: – А Ви бачили?

Актор Поронин змішується, але починає виправдуватися. – Такий звичай, такий звичай... Звичайно, що я цього не бачив!

– Так нащо ж Ви розповсюджуєте брехливі чутки.
Поронин добродушно сьміється.

Я збираюся до Америки

Незабаром після мого одруження, а се було в 1908 році, – я звертаюся за порадою до Михайла Михайловича. Я йому кажу, що хочу емігрувати до Америки. Мені для цього потрібно десь позичити на довгий термін три тисячі карбованців. Розрахунок мій був тоді такий: подорож з мамою і дружиною це основна витрата і забезпечення принаймні на два роки, щоб я міг підготуватися до власної художньої виставки. Місце – я обираю Канаду. Там значна колонія українців – от же можна буде влаштуватися серед земляків. Коцюбинський похвалює цю ідею і гаряче береться допомогти мені. Навесні 1909 року він перебалакав з Леонтовичем³⁶ і, повернувшись з Києва, привіз мені радісну звістку. Позичати нічого не треба. Леонтович погоджується закупити у мене на цю суму моїх картин, таким чином я буду мати і гроші і нікому не буду нічого винен. Коцюбинський тисне мені руку і здоровить з успіхом. Ми з ним одбираємо мої роботи, розцінюємо... Я замовляю рами і шкло, роблю ящики. Перед тим, як повезти річі до Києва я користуюся з тої нагоди, що Коцюбинський знову там. Я їду пароплавом теж туди і він мене знайомить з Леонтовичем. Новий особняк Леонтовича тільки що скінчено. Господар показує його нам. Коцюбинський розхвалює все, що тільки бачить. Я держу себе стримано. Мені хвалить нема чого, бо особняк мені не подобається: криклива пиха «модерну» ріже очі на кож-

М. Жук з дружиною Анастасією. Чернігів, 1900-ті рр.
Родинний архів Н.Г. Ловейко-Жук.

ному кроці. Коцюбинський ввесь час сипле компліменти і ввесь час звертається до мене, наче за підтримкою його слів. Нарешті я не витримую і одверто кажу свою думку. Коцюбинський змішується, господарь явно незадоволений. Михайло Михайлович робить дипломатичний крок і скеровує розмову в інший бік Момент напрудження зникає. По виході від Ле-

онтовича Коцюбинський напускається на мене – Що з вами, Михайле Івановичу! Хіба варто було так говорити. Ай-я-я! Ну, нічого. Я залагоджу справу. Заходьте завтра до Чикаленка.³⁷ Під вечір. До побачення. [-] Він ласкаво посьміхається до мене і ми йдемо в різні боки. У Чикаленка я від Коцюбинського довідався, що все гаразд і що я можу привозити свої речі. З Києва Коцюбинський їхав за кордон. Я повернувся до дому. Незабаром погрузив річі на пароплав і раннім ранком прибув до Леонтовича. Мене в особняку не прийняли, а скерували у двір до управителя, там я й здав свої пакунки, а через кілька днів отримав відповідь од того ж управителя, що «господин Леонтович» одібрав річей на сто одинадцять карбованців і то на магазин «художнього приладдя г. Мілера», де я міг на цю суму закупити для себе фарбу, полотна і т. інше. А решту річей він, управитель, вже запакував і я можу, коли захочу, забрати їх з собою до дому. Позичивши трохи грошей у свого друга і закупивши в магазині Мілера художнього краму на сто одинадцять карбованців я повернувся до Чернігова. Моя Америка луснула, мов пухир мила. Справу Коцюбинському не вдалося залагодити з Леонтовичем³⁸.

Коцюбинський слухає

Мих. Мих. цікавився з самого початку не лише моїми малярськими творами, а й творами літературними. Між нами йшла де-який час мовчазна боротьба. Він кілька разів прохав мене залишити свої зшитки з тим, що він їх прочитає. А я весь час намагався, що я сам йому прочитаю. Мені здавалося, що коли він буде читати сам, то твори мої втратять на тому і що найбільше вдатні місця він обов'язково пропустить, а все невдатне йому обов'язково впаде до ока. Нарешті моя упертість таки перемогла, і я міг читати Коцюбинському. Мені подобалось, як він слухає. Перед ним лежав аркушик паперу і він, не перебиваючи мене, щось туди записує. Чим більше я бачу записів – тим більше починаю нервуватися і починаю прискорювати темп читання. Коцюбинський мене лагідно спиняє і прохає читати більше повільно. Так було лише на початку, а далі я зрозумів усю вигоду такого слухання. Маючи нотатки, він в цілому міг говорити про те, що прослухав, а разом з тим не перебивав мене і не плував того, що я не дочитав до кінця.

Перший зошит пронумерований – 11 сторінок за авторською нумерацією. На обкладинці напис олівцем «І. М.М. Коцюбинський». Текст написано фіолетовим чорнилом з одного боку аркуша.

Другий зошит пронумерований – 24 сторінки за авторською нумерацією. На обкладинці напис олівцем «П. М.М. Коцюбинський». Текст написано фіолетовим чорнилом з одного боку аркуша.

Третій зошит (чернетка з численними правками). На обкладинці напис чорнилом «Михайло Жук. М.М. Коцюбинський III». Авторська нумерація – сторінки 25-36 (враховуючи 32-а і 31-б). Текст написано на 35 сторінках, на 25-й – половині 28-ї фіолетовим чорнилом, починаючи з половини 28 сторінки – простим олівцем.

¹ Коцюбинська Лідія Михайлівна (1869–1916), молодша сестра письменника. У спогадах Ірини Коцюбинської: «Сестра батька, Лідія Михайлівна, яка жила разом з нами». – Про батька – С. 96

² Кричевський Василь Григорович (1872–1952), український художник, архітектор, графік, один з засновників Академії мистецтва (1917).

³ Хафіз (Гафіз) Ширазький – літературний псевдонім Шамс ад-діна Мухаммада (близько 1325–138/1390), перського поета, автора більш ніж 500 газел.

⁴ Серафимович Олександр Серафимович (справжнє прізвище Попов) (1863–1949), російський письменник, журналіст.

⁵ Гарборг Арне (1851–1925), норвезький письменник.

⁶ В. Вересаєв залишив портрет В. Дейші часів навчання: «курсистка Бестужевских курсов, Вера Устиновна Дейша. Прекрасный женский лоб, темные стриженные волосы до плеч и огромные синие глаза, серьезные, внимательно вглядывающиеся. <...> А у меня после встречи была на душе светлая грусть и радость, что на свете есть такие чудесные девушки». – Вересаєв В. Собр. Соч в 5 т. – Т. 5. – Москва, 1961. – С. 238.

У спогадах Ірини Коцюбинської про матір: «Її постать, як завжди, рівна, струнка. Підстрижене темне волосся, світлі блакитні очі під густими бровами. Тепла, лагідна усмішка освітлює гарне, тонке обличчя». – І. Коцюбинська. Тато // Спогади про Михайла Коцюбинського. – Київ, 1989. – С. 87.

⁷ Лепкий Богдан Сильвестрович (Богдан Теодор Нестор) (1872–1941), український поет, прозаїк, поет, перекладач, публіцист, громадський діяч. У доробку Жука є жіночий портрет, повторений у офорті. На одному з відбитків підпис «Портрет Лепкої». Можливо, це портрет дружини Лепкого Олександри.

⁸ Реймонт Владислав Станіслав (1867–1925), польський письменник, лауреат Нобелівської премії.

⁹ Тетмайєр – може матися на увазі польський художник-модерніст Володимир Тетмайєр (1862–1923) або його зведений брат Казимєж Пшерва-Тетмайєр (1865–1940), польський прозаїк, поет, драматург.

¹⁰ Виспянський Станіслав Матеуш Ігнаці (1869–1907), польський художник-модерніст, поет, драматург.

¹¹ Мальчевський Яцек (1854–1929), польський художник-модерніст.

¹² Сінклер Ептон Білл молодший (1878–1868), американський письменник, журналіст. Лауреат Пулітцерівської премії.

- ¹³ Панас Мирний (Панас Якович Рудченко) (1849–1920), український прозаїк та драматург.
- ¹⁴ Марко Вовчок (Марія Олександрівна Вілінська) (1833–1907), українська та російська письменниця, перекладачка.
- ¹⁵ Нечуй-Левицький (Левицький) Іван Семенович (1838–1818), український письменник, публіцист, перекладач, педагог.
- ¹⁶ Коцюбинська Оксана Михайлівна (1898–1920), донька М.М. Коцюбинського
- ¹⁷ Коцюбинська Грина Михайлівна (1899–1977), донька М.М. Коцюбинського, автор літературознавчих праць та спогадів про М. Коцюбинського, у 1956–1977 рр. директор Чернігівського літературно-меморіального музею М. Коцюбинського.
- ¹⁸ Браз Йосип Емануїлович (1873–1936), російський художник, вважався одним з найкращих портретистів свого часу. Портрет А.П. Чехова написаний у 1898 р.
- ¹⁹ Устименко Сергій Петрович (1891–19??), син Петра Васильовича Устименка, обліковця Оціночно-статистичного бюро Чернігівської земської управи. На згаданий час був гімназистом, закінчив гімназію у 1911 р.
- ²⁰ Коні Анатолій Федорович (1844–1927), російський юрист, громадський діяч, літератор. Видатний судовий оратор.
- ²¹ Брати Лизогуби Андрій Іванович (1804–1865) та Ілля Іванович (1787–1867) познайомилися з Т. Шевченком у 1846 р. Він намалював портрети обох братів.
- ²² Шевченко Тарас Григорович (1814–1861), український поет, прозаїк, драматург, художник.
- ²³ Верзилов (Верзілов) Аркадій Васильович (1867–1931), історик, архівіст, педагог, громадсько-політичний діяч, вчений секретар Чернігівського наукового товариства. Був міським головою Чернігова у 1906, 1909, 1913, 1918 рр.
- ²⁴ Казка Аркадій Васильович (1890–1929), український поет, перекладач, педагог. Був репресований.
- ²⁵ Андрієвський Василь Трохимович (1861?–1918) – український громадський діяч, працював діловодом у Чернігівському відділенні селянського земельного банку.
- ²⁶ У листі до В. Гнатюка 23 вересня 1908 р. Коцюбинський писав: «не сьогодні-завтра виїздить до Львова панна Ольга Андрієвська <...> Вона довго просиділа у тюрмі, і замість заслання на північ дозволено їй виїхати за кордон», – Коцюбинський М. Твори у 7 т. – Т. 6. – Київ, 1975. – С. 101.
- ²⁷ Лебідь – можливо, Д.К. Лебідь, вчитель, який згадується у спогадах П. Березняк «Вихователь молоді». – Спогади про Михайла Коцюбинського. – Київ, 1989. – С. 100.
- ²⁸ Рашевський Іван Григорович (1849–1921), художник, колекціонер, у 1876–1879 рр. член Чернігівської земської управи, був також мировим суддею. У 1915 р. М. Жук малює його портрет.
- ²⁹ Вірш М. Вороного «Ні, не забув...» датований «Чернігів, 1905». Він увійшов до циклу «За брамою раю».
- ³⁰ М. Вороний одружився з Вірою Вербицькою, донькою поета Миколи Вербицького-Антіоха у 1903 році. Через рік сім'я розпалася. М. Вороний писав Білецькому: «...в Чернігові, коли в 1904 р. я розійшовся з дружиною і жив у присілку, Халявинська волость, сам-один у селянській хаті, яку сам замітав і споряджав, мені вчувався голос дружини від печі, що кликав на ім'я, вчувався дзвінок поштового візка, що ось-ось наближається, і стукіт чиєїсь руки в шибку мого вікна (ніби жінка

вертається). Тоді ж, доведений до розпачу, я хотів позбавити себе життя: розпав грубу і затулив комин, а сам положився спати: коли чад наповнив хату і став душити мене, я в кошмарі почув крик дитини, мого малого сінка, що лишився при жінці – якась сила підхопила мене, штовхнула в двері, що не були щільно зачинені, і я впав на сніг, де пролежав довго, доки не отямився, після чого освіжив хату. Це коштувало мені гарячки і перестуди...». –Вороний М.К. Поезії. Переклади. Критика. Публіцистика / Упоряд. і приміт.Т.І. Гундорової. Автор вступ. ст. і ред. тому Г.Д. Вервес. – Київ, 1996. – С. 597-598.

«Построенный на горячей любви брак Вороного с Верой был, к великому сожалению, недолгим, хотя чувства их жили многие годы. Видимо, серьезное влияние на разрыв этих отношений невольно оказала Екатерина Федоровна – жена Николая Андреевича и мать Веры. Она безгранично любила дочь и постоянно ее опекала и оберегала, очень сурово относясь к Вороному. Банальная житейская ситуация... Молодые разошлись в конце 1905-го, когда маленькому Марку было чуть больше года». – Кондратенко М. Сломанные судьбы: Дом Вербицких. <http://forumn.kiev.ua/2011-112-113-09-10/112-12.html>

³¹ Вороний Марко Миколаєвич (1904–1937), український поет і письменник, син Миколи Вороного. Розстріляний у 1937 р.

³² Мається на увазі будинок родини Миколи Андрійовича Вербицького-Антіоха (1843–1909), поета, прозаїка, педагога, батька Віри.

³³ І. Коцюбинська згадувала «Були ми також з татом в броварні Вондрака У Чернігові. Бачили, як варять пиво. Умови праці там були тяжкі. Тато розмовляв з робітниками». – Коцюбинська І. Спогади і розповіді про М.М. Коцюбинського... – С. 29.

³⁴ Повстання на панцирнику «Князь Потьомкін Таврічеський» тривало з 14 (27) червня по 25 червня (8 липня) 1905 р.

³⁵ Шмідт Петро Петрович (1888–1906), капітан другого рангу, один з керівників Севастопольського повстання 1905 р., очолив заколот на крейсері «Очаків» у листопаді 1905 р. Був страчений. Відомий як «лейтенант Шмідт».

³⁶ Леонтович Володимир Миколайович (1866–1933), український письменник (літературний псевдонім – В. Левенко), землевласник, меценат. Емігрував у 1917 р.

³⁷ Чикаленко Євген Харламович (1861–1929), землевласник, меценат, громадський діяч, видавець, публіцист. Познайомився з М. Коцюбинським 1894 р. в Одесі.

³⁸ У листі 15 липня 1910 р. з Капрі М. Коцюбинський писав до М. Жука: «Що значить афронт Леонтовича, я щось не зрозумів з Вашого листа. Поясніть, будь ласка». – Коцюбинський М. Твори в 7 т. – Т. 7. – Київ, 1975. – С. 52.

М.М. Коцюбинський

Чернігів. Сіверянська 3, поруч зі Старовірською церквою. З вулиці, в закутку, – зелений муріжок, високий деревляний баркан і такі ж ворота, що цілком ховають житло Коцюбинського. Здається, що там ніхто не живе, що це належить оселі праворуч. Аж доволі одчинити хвіртку і перед зором виступає в глибині будинок під дахом, зеленим дахом до якого проводить широка стежка, обсажена обабіч підстриженими зеленими шпалерами, та біля самого входу, як суворо-вимуштруваний вартовий, стоїть висока, темно-зелена, лапаста ялинка. Праворуч од брами – добротні господарські побудови, ліворуч – мурована стіна церкви, що тягнеться на всю оселю і закінчується над урвищем на Лісовицю. За будинком, до самого урвища, чудесний садок, куди виходить веранда з робочої кімнати письменника. Стіл для писання якраз міститься так, що весь барвноодягнений квітковий натопв видно майстрові щохвилини. Праворуч столу кабінетний рояль, ліворуч трюмо, а по стіні, де працює Коцюбинський, – шафа з робочими книжками. У лівому кутка до саду – канапа з кріслами і стільцями. Там же різноманітні рослини у вазонах, – це зелений куток на зиму. Зараз літо і вони виглядають не такими пишними, як їхні побратими в садку.

Кожна людська оселя криє в собі властиві їй одні запахи. У Коцюбинського переважними запахами – запах квіток, друкарської фарби од постійно свіжих книжок та запах одеколону.

От і сам господарь входить через веранду до кімнати. Одягнений у світлий літній костюм, наче тільки що випрасований; сам високий, трохи одутлий із ласкавою посмішкою під чорними вусами і засмаглий як турок тою чудовою смаглістю, що природна тільки східним народам. Карі очі зовсім темні і полискують тільки часами, як іскри, полиском старого, темного бурштину. На голові червона турецька феска з довгою чорною китицею, що так личить господареві. В руках свіжа книжка і всередині неї ніж для розтинання: він любить сам розтинати книжку, – це йому робить особливу приємність. Зараз так багато літературних новинок: збірники «Знание»¹, що містять твори О.М. Горького, Л. Андреева Купріна, Буніна, Сологуба². Перекладна література, особливо скандинавська, як Ібсен, Бьєрсон, Лагерлеф, Йона Лі, Кнут Гамсун та інші, а також французька на чолі з Анатолем Франсом; гішпанська – з Ібаньесом, англійська з Бернардом Шоу³, а особливо з Оскаром Уайльдом⁴, що так вражає своєю незвичай-

Подружжя Коцюбинських з дітьми. Перший ряд зліва направо: Ірина, Роман, Юрій, Оксана Коцюбинські. Вітальня будинку Коцюбинських, Чернігів. 1907. Фото М. Жука. ЧЛММЗК

ною парадоксальністю. В малярстві доживає в'їдливого модернізму, що так любо прилаштувався в колах міщанської буржуазії, а натомість вже встає «Мир искусства»⁵ зі спогадами про минуле, з гонитвою за красою: чи то старовинні меблі, чи фарфор, чи бронза, чи килими. Починають жваво торгувати антикварні крамниці навіть в Чернігові, де обиватель не дуже то знайомий зі своїм минулим і де питання естетичного почуття замурзані буденщиною провінції – Коцюбинський нічого не купує, бо не має до того ніякої матеріальної змоги. Родина досить численна – четверо дітей (дві дівчинки та два хлопця), дружина, сліпа мати та сестра Ольга Михайлівна⁶. Крім того робітниця, а всього мається дев'ять чоловіки на тих двох, що працюють. Будинок закладений та перезакладений ще з того часу, коли Коцюбинський тяжко хорував на ноги (ревматизм), ходив на милицях і мусів лікуватися на кримських курортах. Не один раз Віра Устимівна (дружина письменника) приносила до моєї мами столове срібло з тим, щоб закласти його в ломбарді, особливо тоді, коли треба було оплачувати відсотки по банківській позиції. А працювало їх тільки двоє – сам Коцюбинський та його дружина в статистичному бюро Чернігівської Земської управи.

Три сторінки, списані з одного боку фіолетовим чорнилом. За почерком датується кінцем 1920-х років

До найбільше урівноважених письменників так недавно минулого в українській літературі належить Михайло Коцюбинський, полем творчості для якого стає новелла. Коцюбинський виходить по за степи

українські і спиняється серед виноградників молдаванів, наслухається уважно до живчика життя кримських татарів і утворює прегарні новелли на тлі того життя. Через те Коцюбинський має значення в українській літературі як співець екзотики і має в тому напрямку лише одного конкурента – Агафангела Кримського⁷.

Коли читаєш твори Коцюбинського, то перше вражіння про них – це настрої.

Коцюбинський є майстром в утворенні відповідного настрою і впливом через нього на читачів. Настроєм овість позначає майже всі його твори, але найсильніше виступає у новелях з побуту татарського і в передсмертних творах, як «На острові», «Інтермеццо». Крім того на рівні виступає як головна риса його творчості

Ще боротьба світогляду. Ріжний зміст тих творів, де позначено ту боротьбу, різноманітне тло і настільки різні точки, з яких автор розглядає всі події. Наприклад – то послуговується сатирою, щоб досягнути мети, то знову інчим разом підкреслює трагічні моменти у людському життю. Усі його твори суто переповнені чудовими описами природи, з якими я і познайомлю вас хоч би з цілого ряду листів до дружини. Тут природа українська, італійська, кримська и т. інше.

Дві сторінки, списані з одного боку простим олівцем. Кінець 1920-х

Мих. Мих. Коцюбинський народився року 1864 у місті Вінниця на Поділлі. В літературі вперше виступив р. 1890 у часопису для дітей «Дзвінок». Повісти й оповідання його друкувалися переважно по галицьких часописах: «Правда» (повість «На віру»), «Зоря» (оповідання «Ціповяз», «Пе-контъер», «Пятизлотник», «Хо», «Помстився» та інше).

Одна сторінка, списані з одного боку чорнилом та простим олівцем. Кінець 1920-х

Коцюбинський

Потрібні дати

Боровик Віталій Гаврилович⁸ (багато зробив для Коцюбинського, його щирий друг. Помер в Одесі десь в 1935 чи 36 році).

(у мене мало було радощів у житті – каже Коцюбинський). В червні місяці 1907 року мій батько робив ремонт у помешканні Коцюбинського.

Ліхнякевича⁹ Коцюбинський не зносить, але тримає себе з ним у «Просвіті» досить пристойно, хоч і коротко. В його підкресленій

чемності – відбивається все презирство до цієї людини, до цього «слизняка», як про нього висловився в розмові зі мною Мих. Мих.

Обмін дітьми (1907 рік)¹⁰

поїздка к Чикаленку «Кононовка» 1908 р¹¹.

(зв'язати з Леонтовичем) (стор. 66)

В розмові признається, що любить Є. Х. Чикаленка (заботливая экономка)

Поему Франка «Мойсей» він цінував не за якісь поетичні якості, а за ідейний зміст. Широко освічений на той час Мойсей, що мав при єгипетському дворі блискуче майбутнє, – залишає все, щоби послужити своєму народові, такому неспокійному і такому нещасному. Він стає ватажком цього пригніченого народу і виводить його з неволі щоби й самому разом з ним зазнати все гірке, що переслідує його народ, щоби врешті допровадити його до «Землі обітованої». Всі хиби свого народу він знає, але він ще більше любить його за те, хоч і жорстоко бореться проти тих хиб.

Про малярство Коцюбинський говорив дуже мало. Думки його з цього боку не виходять за межі пересічної людини. Зі своїх подорожів він найбільше помічає природу, а серед неї архітектуру, бо вона у його стисло пов'язується з природою. В основному його цікавить людина. Літературу Коцюбинський знає і любить виключно прозову. Далі драматичну. І вже на останку поезію.

24/VII помер мій батько.

Коцюбинський навіть не висловив свого жалю, бо хапався з виїздом¹². (стор. 25-26)

Лист 5/VIII до Аплаксіної свідчить про [нерозб.] розгубленість Коцюбинського¹³ (стр. 27)

19/V – 1909¹⁴. Подорож на Капрі¹⁵.

Про Горького¹⁶ стр. 29 (Капрі)

Цирцея (що думав написати Мих. Мих.)

Моя поема «Ніч»¹⁷. [нерозб.] Луцкевич¹⁸

Одна сторінка, списана з обох боків простим олівцем. Після 1936 р.

Ймовірно, що це примітки до машинопису листів М. Коцюбинського до О. Аплаксіної, які були в архіві М. Жука.

З виданням «Листи М.М. Коцюбинського до О.І. Аплаксіної / АН УРСР; Ін-т укр. літ. ім. Т.Г. Шевченка; Ред., вступ. ст. і комент. І.І. Стебуна. – Київ: вид. АН УРСР, 1938» вказані М. Жуком номери сторінок не збігаються.

- ¹ Книговидавниче товариство «Знання» діяло з 1898 по 1913 рр. у Санкт-Петербурзі. Особливою популярністю користувалась серія збірок (1904–1913) до якої входили окрім реалістичної російської прози також переклади (Г. Флобер, К. Гамсун, М. Коцюбинський).
- ² Федір Сологуб (Федір Кузьмич Тетерніков), (1863–1927), російський письменник, поет, драматург.
- ³ Шоу Джордж Бернард (1856–1850), ірландський драматург, романіст, громадський діяч. Лауреат Нобелівської премії.
- ⁴ Оскар Фінгал О'Флагерті Уїлс Уайльд (1854–1900), англійський письменник, поет, драматург.
- ⁵ «Мир искусства» – творче об'єднання російських художників, що виникло наприкінці 1890-х рр. і існувало з перервами до 1924 р. Під тією ж назвою виходив журнал.
- ⁶ Помилка мемуариста, з родиною жила Лідія, молодша сестра Коцюбинського. Ольга Михайлівна Коцюбинська (1887–19??) була членом партії соціал-революціонерів.
- ⁷ Кримський Агафангел (Агатангел) Юхимович (літературний псевдонім А. Хванько) (1871–1942), український історик, письменник, перекладач, один з організаторів Академії наук України (1918). Був репресований.
- ⁸ Боровик (Боровиков) Віталій Гаврилович (1864–1937, громадський діяч, публіцист, поет, фольклорист. Розстріляний 23 грудня 1937 р. М. Коцюбинський присвятив Боровику казку «Хо».
- ⁹ Лихнякевич Андроник Васильович (1866 або 1867–19??), статистик Оціночно-статистичного бюро Чернігівської губернської земської управи, член «Просвіти», у серпні-листопаді 1907 р. виконував обов'язки секретаря «Просвіти».
- ¹⁰ Помилка мемуариста, див. цитований вище лист М. Коцюбинського до В. Гнатюка 15 (28) IX 1910.
- ¹¹ Кононовка Пирятинського повіту Полтавської губернії – один з маєтків Чикаленко. У червні-липні 1908 р. тут був Коцюбинський. З листа до О. Аплаксіної 7 червня 1908: «Наконец я после всех мытарств очутился в деревне <...> самое главное – я буду один, так как семья моего знакомого живет за границей, а сам он в Киеве или в другом имени в Херсонск. губ» – М. Коцюбинський. Листи до Олександри Аплаксіної... – С. 76.
- ¹² З листа М. Коцюбинського до О. Аплаксіної 24 липня 1908 р.: «Сегодня у Жука умер отец. Жаль М.И., но я даже не смог выразить ему своего сочувствия, торопился на пароход». – М. Коцюбинський. Листи до Олександри Аплаксіної... – С. 85.
- ¹³ З листа М. Коцюбинського 5 серпня: «Я разбит окончательно, полный упадок душевных и физических сил, какая-то прострация. Не могу писать тебе всех подробностей, всего, как было: мысль лежит в голове, как тяжёлое полено, которое трудно свернуть с места. Болит голова, мозг, сердце – и везде пустота, ужасная, тёмная и зудящая, как больной зуб». – М. Коцюбинський. Листи до Олександри Аплаксіної... – С. 87.
- ¹⁴ 19 травня (1 червня) датований лист до О. Аплаксіної зі Львову.
- ¹⁵ У червні-липні 1909 р. М. Коцюбинський був у Італії.
- ¹⁶ Враження від зустрічі з Максимом Горьким М. Коцюбинський описує у листі до дружини 3 (16) червня та до О. Аплаксіної від 4 (17) червня 1909 р.
- ¹⁷ Поема М. Жука «Ніч» датована 30 квітня 1907 р.
- ¹⁸ Можливо, йдеться про одного з братів Луцкевичів: Антона Івановича (1884–1942), білоруського політика, літературознавця, історика, який брав участь у виданні перших білоруських газет «Наша доля» (1906) і «Наша ніва» (1906–1915) або Івана Івановича (1881–1919), археолога, який був одним з видавців газети «Наша ніва».

Д.В. Нестерчук

«...Листи гинуть серед космічних просторів...»

Листи Михайла Жука до Павла Тичини: 1925-1962 рр.

*Із фондів Літературно-меморіального музею-квартири
П.Г. Тичини в м. Києві та Центрального державного
архіву-музею літератури та мистецтва України*

Серед плеяди видатних людей, котрі оточували на життєвому і творчому шляху Павла Тичину, особливої уваги заслуговує Михайло Іванович Жук (1883–1964) – художник, книжковий ілюстратор, кераміст, письменник. Один з найяскравіших представників напрямку «модернізм» в українському малярстві, випускник Краківської академії мистецтв у класі Станіслава Виспянського. Знайомство Павла Тичини і Михайла Жука відбулося у той час, коли художник був вчителем малювання у Чернігівській бурсі та семінарії (з 1905 по 1916 рр.), а юний Павло відповідно семінаристом. Згадував Павло Григорович: «А коли, я закінчивши бурсу, в 16 років перейшов без іспиту в 1-й клас духовної семінарії, на той час Михайло Жук уже викладав предмет малювання і в семінарії, ну мені тоді зовсім пощастило». ¹ Викладання образотворчого мистецтва у бурсі та семінарії було непрофільним, заключалося головним чином у розкриті здібностей учнів до іконописання, але для П. Тичини малювання та музика були найулюбленіші предмети під час навчання. Михайло Жук будучи багатограним митцем, зарекомендував себе і на письменницькій ниві, мабуть любов до слова у нього з'явилася під впливом його вчителя по Краківській академії С. Виспянського, котрий увійшов у історію польської культури не тільки як живописець, а як поет та драматург. М. Жук був одним із засновників Чернігівської «Просвіти», товаришував з чернігівськими літераторами М. Коцюбинським, М. Вороним, В. Самійленком та іншими. Тому не тільки малювання приваблювало П. Тичину та інших семінаристів до Михайла Жука – великий культурний кругозір, плекання національної культури було тим магнітом котрий притягував молодих юнаків. Саме М. Жук познайомив у 1910 р. П. Тичину з М. Коцюбинським, згодом на «літературних суботах» у садибі класика початкуючий поет читав свій вірш «Розкажи, розкажи мені поле...», а за сприяння того ж Коцюбинського вірші Тичини вперше були надруковані

в «Літературно-науковому віснику» 1912 р. Київський період поета теж не обійшовся без М. Жука, до Києва художник перебрався у 1916 р. Наступний революцій рік давав надію на створення національної держави, М. Жук весь поринає у мистецьке та громадське життя – один із засновників Української академії мистецтв, член Комітету по організації національного театру.

Найцікавіша сторінка тієї доби – співучасть П. Тичини та М. Жука в Товаристві українських письменників і мистців під назвою «Музагет», де видавався однойменний мистецький альманах. Деякі літературознавці вважають, що саме в цьому літературно-мистецькому гуртку народились тичинівські «Сонячні кларнети».

Згодом долі вчителя і учня розійшлися. М. Жук у 1919 р. повернувся до Чернігова, з 1925 року переїхав до Одеси, де прожив до кінця життя. П. Тичина до 1923 р. проживав у Києві. У тому ж році переїхав до Харкова, де остаточно сформувався як класик радянської літератури, з усіма атрибутами – лауреат численних премій, орденоносець, академік, літературний функціонер, депутат, державний діяч. Доля Михайла Жука склалась як типового радянського митця на периферії. Відсутність і дефіцит роботи (чернігівський період), творче невизнання, неможливість реалізації, постійна матеріальна скрута. Зв'язок між митцями підтримувався: нечисленні зустрічі, але здебільшого шляхом епістолярії.

У представленій публікації подається 13 листів Михайла Жука до Павла Тичини за період від 20 березня 1925 р. по 7 травня 1962 р. Перший лист за 20 березня 1925 р. зберігається у фондах Літературно-меморіального музею-квартири П.Г. Тичини в м. Києві², наступні дванадцять (від 30 березня 1925 р. – 7 травня 1962 р.) у особовому фонді П.Г. Тичини³ з Центрального державного архіву-музею літератури і мистецтва України, найбільшого особового архіву творчої та біографічної спадщини поета. На сьогодні ці листи друкуються вперше, до цього на них робились окремі посилання, витяги. Лист за 24 жовтня 1954 р.⁴ був опублікований у збірнику «Із архіву Павла Тичини»⁵. Зворотні листи П. Тичини до М. Жука були збережені у архіві дослідника Сергія Лущика, який упорядковував спадщину Михайла Івановича. На жаль, було збережено лише два листа П. Тичини за 1950-і рр. та дві офіційні відповіді секретаря П. Тичини (як депутата Верховної Ради). Ці два листа були опубліковані С. Лущиком у поетичній збірці П. Тичини «Панахидні співи»⁶. Пропонуємо до вашої уваги дану публікацію, яка відкриває ще одну із невідомих сторінок стосунків двох митців.

Збережена стилістика та орфографія автора.

- ¹ Тичина П. Підготовчі матеріали до книги «Моє дитинство» // Твори у 12 томах. Т. 11. – К., 1988. – С. 279.
- ² Інв. № 48, КВ. 552.
- ³ Ф. 464, оп. 1, од. зб. 6180.
- ⁴ Ф. 464, оп. 1, од. зб. 6180 ЦДАМЛМ України.
- ⁵ Із архіву Павла Тичини. – К., 1990. – С. 295-296.
- ⁶ Тичина П. Панахидні співи: Поезії. – Одеса, 1993. – С. 74.

М.І. Жук

Листи до П.Г. Тичини

№ 1

Чернігів, 1925

20/III

Дорогий Павло!

Перш за все сердечно дякую Вам за листівки, які Ви мені надсилали з Вашої подорожі закордон. Як Вам поводилося там, які вражіння? Гадаю, що це для Вас не мала подія.

Тепер дозвольте побалакати з Вами у справі. Коли я був у Харкові, то висловив своє бажання тов. Хвильовому з приводу мого приїзду в справі малювання портретів Молодих сучасних пісменників. Моїм бажанням було, щоб всі Ви пішли на зустріч і на місяць роздобули мені кімнату за для цієї мети. Звичайно, кімната мусіла бути десь у місті, бо своєю роботою я буду зв'язаний з цілим рядом людей, які будуть позувати й яким не можна гаяти багато часу на те, щоб ходити кудись за кілька ве[р]стов. В цій справі я не отримав і досі ніякої відповіді. Мені видається, що пропозиція варта того аби звернути на неї увагу. Коли Ваша ласка, то зробіть потрібні заходи й зреалізуйте можливість моїх гастролів. В кожному разі бажано, щоб на квітень я вже був у Харкові. Не одмовте написати в цій справі. Адреса: Чернігів, вул. 18го березня 32.

Стискаю Вашу руку й цілую Вас сердечно Мих. Жук

№ 2

Чернігів, 1925

30. III.

Дорогий Павло!

Ще раз пишу по своїм справам: чи-вийде що з мого бажання приїхати до Харкову! Коли можна та напишіть хоч свої міркування. Здається, що в минулому листі я вже казав, що ще на березень вибрався до Вас, а тепер бо-

Чернігів, 1925
20/III

Дорогий Павло!

Перш за все сердечно дякую Вам за листівки, які Ви мені надсилали з Вашої подорожі за Кордон. Як Вам повидилося там, які враження? Відомо, що це для Вас не була подія.

Тепер дозвобите поділитися з Вами у справі. Коли я був у Харкові, то висловив своє бачення тов. Хвилювалу з приходу мого кризису в справі, маю вимовити коротенькі вимови сухастих висловлювань. Моїм баченням було, щоб всі Ви пішли на зустріч і на місці, щоб добути мені кілька усе це

Харків

рекомендованим

Площа Миколаївська 23

Редакція журналу "Червоний Київ". Послать пошту у Харків.

Т.В. Нестерчук

Відомо, що Чернігів, 20. III. 1925

Сімська вулиця, будинок № 32

які мені не можна писати, бо свого робити я буду зовсім о цілком рідко і тоді, які будуть відповіді і який мені мовити, гайди бодай Гелсу ка ти, щоб ходили куди-де за кітма вистав. В цій справі я не тримав, досі ніякої відповіді. Вона буде від тебе, що я ти диву. Варна мого свід. Звернути на цей предмет. Коли Ви мені писали, що провід, то ти ти доходили і зрозуміли мені мовити моїх висловлювань. В кожному разі, бачення, щоб не квітнути в відношенні Харків. Не відмовити написати в цій справі. Адреса: Чернігів, вул. 18-го Березня 32.

Сімська вулиця, будинок № 32

Мені Вас сердечно люблять

Лист М. Жука до П. Тичини.
Чернігів. 20. III. 1925.
ЛММК П.Г. Тичини

юсь, що й на липень не допоможе. Невже це таке складне питання, що потрібує такого часу для вирішення. Взагалі якийсь повільний темп життя в Харкові. Держвидав нічого не відповідає, інші знайомі не пишуть і, здається, що листи гинуть серед космічних просторів. Коли Ви не маєте часу на листа, то бодай знайдете часу на листівку, яку можна написати за кілька коротеньких хвилин. Дуже прохаю не відмовити й написати. Мені вже остаточно однаково, чи поїду я, чи ні, аби мати відповідь. Бо не маючи відповіді – почувую себе дуже в глупому стані: з повислою рукою в повітрі. Не гнівайтесь за настерливість, бо я цілком розумію, що яке Вам діло до мого бажання. Коли на цього листа не отримаю відповіді, то більше турбувати не буду.

Всього Вам кращого.

Сердечно вітаю Вас Михайло Жук

Адреса: Чернігів, вул. 18-го Березня 32

№ 3

Дорогий Павло!

Сердечно дякую за листа, якого Ви надіслали мені з Харкова. Через Юра Меженка я передав рукопис комедії для журналу. Звичайно, не маю надії, що вона буде надрукована, але на всякий випадок попереджаю, що в разі друкування, то прохаю вислати мені коректуру, бо маю зробити де-які вставки і зміни.

Про три річи, які мною послані до редакції, знаю тільки зі слів Меженка, що вони не то не друкуються тому, що я поставив такі умови, не то з яких інших причин, але як просто і досі не друкуються. В чому секрет – так і не знаю. Тепер, що до тов. Гринька. Яку ж іще треба заяву, коли я стільки листів написав до нього! Писав я листи і до тов. Раковського, але вони мали такий наслідок, як колись листи до імператора, чи т. просто на них не відповідали.

Одним словом виходить: казав пан – кожух дам, тай слово його тепле. Про знаменитий Комітет допомоги тов. Гринько уже кілька місяців тому назад обіцяв щось в йому поставити. Та так вони і досі стоїть. А справа не посувається. Становище ж моє таке: коли два місяці тому назад мені потрібно було, щоб переїхати до Київа, скажемо, не більше, як десять – п'ятнадцять тисяч, то тепер уже треба в двоє більше, а поки видадуть що, то може і в троє. Виходить казка про білого бичка, або про ту добру пані, що дала старцеві копійку. А як ви думаєте, що в цій справі краще ставиться академія, то також помиляєтесь. Однаково тягнуть!

Не могу не повернути до першого питання в справі літературній. Виходить, що мені зараз друкуватися так само важко, як верблюдові пролізти у вушко од голки. Тим часом російські пісменники, навіть зовсім старі і далекі од революції, мають можливість випускати свої твори. Та ще не аби – як випускати, а таки розкішно, навіть в окремих виданнях. Що за дідько! Чому там інші підходи, ніяк у нас... Чому Москва має можливість усе робити, а нам не можна? – не розумію! Просто може мені не щастить. Хотів навіть для того, щоб скінчити, послану до Вас п'єсу, поставити двічі в місцевому театрові – так і то кажуть, що нові п'єси дозволяє лише головополітосвіта, а без неї зась! Я ж знаю, що це значить, що вона або зовсім загубиться, або буде заборонена без пояснення причин, або (на щасливий випадок) буде дозволена через... Скажемо через пів року. – Перспектива!

Ну годі! А то так докучив, що не будете більше й листів моїх читати.

Цілую сердечно – Ваш.

Михайло Жук

Чернігів, Мурінсона 46, будинок бувшої Фесюкової

№ 4

Одеса, 29/V – 41

Дорогий Павло Григорович !

Моя розмова з Вами дала мені надію видати дві книжки «Вибраних творів». Побувати в редактора мені не вдалося бо мене затримали справи, що торкалися безпосередньо мого відрядження, а своїх справ я не вважав за можливе ставити наперед. Одеська філія С.Р.П.У звернулась з цим питанням листовно до Голови С.Р.П.У тов. Корнійчука, але відповіді й досі немає. Коли у Вас буде якась можливість – прохаю це питання вияснити з тов. Корнійчуком.

Міцно обіймаю Вас і бажаю Всього Вам найкращого – Михайло Жук.

№ 5

Одеса, 1944

14/VI

Одеса, вул. Свердлова 76, кв. 27

Дорогий Павло Григорович!

Мені було дуже приємно довідатися, що Ви зараз являєтесь народнім комісаром по освіті УС.РР.

Ви зрозумієте мене, коли після 2^{1/2} років неволі і фашистського ярма на Україні – я маю змогу почувати себе знову дома, почувати себе людиною.

Щіро стискаю Вашу руку і бажаю Вам сили і здоровля на користь нашої дорогій Батьківщині.

Ваш Михайло Жук

№ 6

1944 – Одесса – 22/XII

Вельмишановний и дорогий Павло Григоровичу!

Цього року я закінчив 40 років моєї художньо – педагогічної праці. 20/ XI в мене померла моя дружина. Я опинився в такому стані, що не мав за що навіть її поховати і мусів звернутися за допомогою до товаришів, які спасибі їм, допомогли мені чим було можна. Звернувся я листовно до тов. Касяна, як Голови Спілки рад. Худ. України про призначення мені персональної пенсії. Відповідь була може і слухна – «напишіть автобіографію, дайте матеріали та постанови місцевих організацій і т.д. і т.д. Аж в голові закружилось. Вы мене знаєте ці ж самі 40 років. Вы знаєте мою працю і, коли можна, то допоможіть мені «Я вже старий, одинокий. Зараз у мене ні палива, ні світла... А все ж таки я щось зробив на ниві культури.

Багато людей пройшло через мою педагогічну обробку. Багато написано й намальовано і не моя вина, коли все воно розсіялося або гине у мене, не маючи належної охорони. Приміщення, де я тепер живу, щохвилини може бути одібране у мене, т. як моя квартира зруйнована бомбами ще в 1941 р. я живу там, де мені дали і де можуть одібрати для їх хазяїв. Одним словом усе склалося дуже суворо для мене. Не одмовте, коли це можливо, допомогти мені своїм авторитетом.

Щіро стискаю Вашу руку – Ваш Михайло Жук.

Одесса. Сверлова 76, кв. 27

№ 7

1945 – Одеса – 6/Х

Дорогий Павло Григорович!

У мене до Вас два питання на яких би я хотів мати Вашу відповідь або навіть Вашу думку. Перше питання – це пенсія, якої я зараз дуже потребую. Я вже старий. Тої енергії і сили, що була раніше я не маю. Цього року я починаю 41 рік моєї педагогічної роботи. До цього часу я пенсії не отримував! Одержати рядову пенсію 150 карб. на місяць це все одно, що нічого не мати. Значить питання стоїть про пенсію персональну. Друге питання – це з моїми літературними творами. До війни 1941 року все наче було поладжено і вже підготував свої роботи до друку. Війна припинила їх випуск у світ. Що можна зробити, щоб вирішити долю моєї літературної роботи. Гадаю, що вона не настільки бездарна, щоб погинула в нетрях забуття. От і все, що мене турбує зараз. Коли Ваша ласка – прошу хоть би на словах висловити свою точку погляду на ці два запитання. Всякому вирішенню буду вельми радий, бо знати щось далеко краще, як не знати нічого.

Стискаю Вашу руку – Михайло Жук

№ 8

Вельмишановний і дорогий Павло Григорович!

Я, здається, починаю переходити міру ввічливості, але умови життя мене штовхають на докучні дії. Мене хочуть позбавити елементарних життєвих потреб, що необхідні художникові. Я маю двох синів – один тільки що повернувся з армії, де перебував з самого початку війни. Другий син – інженер, що зараз працює на заводі ім. Х. Марті. Моя житлова площа складається з 64-х кв. м., з яких (дві кімнати) 29 метрів займають мої діти, а решта (дві перехідні) 35 метрів, де живу і працюю я сам. Мотиви ті що я маю зайву площу і мені треба щось віддати. Коли виділити одну кімнату, то

всі мої картини я повинен скласти на купу в другій, яку я і заповню цілком, а в інших кімнатах (двох прохідних) ми повинні будемо міститися в купі без можливості для кожного з нас якої будь роботи.

Прохаю Вашого захисту в тому напрямкові, щоби всю житлову площу (64 м²) було закріплено за мною. Живу я в Кагановичевському р-ні м. Одеси, по вул. Свердлова 76, к. 27.

Я гадаю, що виправдаю Ваш захист і що ми всі будемо працювати, як і завше працювати на користь нашої Соціалістичної Батьківщини.

Щіро вітаю Вас і стискаю Вашу руку Михайло Жук
1945 – Одеса – 8/Х

P.S. Вважаю за потрібне додати, що я вже в порядку добровільному віддав одну кімнату площею 16 м². Крім того кількість моїх робіт настільки значна, що навіть на данній площі у мене багато річей заповнюють всі кутки і стіни, а в разі ще зменчення площі – річі будуть псуватися і їм загрожує повне знищення. Все ж таки 40 літ праці мимоволі дало багато творів і я вважаю, що вони мусять бути збереженими.

Ваш М.Ж.

№ 9

Одеса, 1953
12/IX

Дорогий Павло Григорович!

3 го Жовтня я закінчую 70 років Мого життя 1953/54 роком я закінчую також 50 років моєї праці, як художник, а також як педагог. 25 років закінчую також датою свою [нерозбірливий текст, ймовірно – «службу»] одеській художній школі. Правда я маю за собою провину, що лишався в окупації. В окупації я себе нічим несконпрометував, бо був звільнений румунами, за те що відмовився намалювати портрети губернатора та короля. Після цього працював у Комісійній крамниці, як оцінщик художніх речей. Що до своїх літературних творів, то я звертався до Миколи Платоновича Бажана і він пообіцяв, що спілка письменників, щось може зробити. Зараз мої рукописи переглядають в Одеській філії С.Р.П.У. Поки що ніякого повідомлення від них немаю. Пенсію я отримую, як персональний пенсіонер від Києва – 400 карб. Сини мої все більше надають, а прожити на 400 карб. я не можу. От і прошу Вас подумати, що можна зробити, аби на старість, себто вона вже й зараз мається (старість) я не опинився в безвихідному стані.

Навіть дійшло до того, що я загубив довідку за 1935 рік, де мені надавалось звання професора і таким чином – я зараз залишився й не професором, т. як В.Х.К. мені одмовила видати диплом.

Як бачите, що становище зовсім не блискуче. Просто руки падають од дурної зневіри. Зрештою прошу Вас, чим можете то допоможіть мені.

Щіро стискаю Вашу руку й бажаю Вам здоров'я на багато років.

Ваш Михайло Жук.

Одеса, Свердлова 76, ком. 27

№ 10

Дорогий Павло!

Дуже вдячний, що Ви згадали про мене і надіслали свого листа і свою книжку. Я вельми зрадів, що з початку не знав, як і висловити свою радість та мабуть радість без смутку не буває: Ваш діабет втиснувся в моє почуття радості й захмарив її. Через товщу років я побачив довгий коридор бурси, пообідяний час і сон начальства (навіть старого Євмена), розрізнені звуки оркестрових інструментів і клас, де група учнів зібралася на годину рисунку та малювання. Побачив серед них і Вас, малим хлопчиком з постриженою голівкою... Потому майнула друга картинна – семінарія і знову клас малювання. Година вечірня, група семінаристів і знову серед них я побачив Вас, що старанно студіює «натуру». Потому Київ, коли Ви вже в уніформі комерційного інституту були студентом. Потому Харків, потому Київ... І нарешті останнє побачення з Вами в 1941 р. теж у Києві перед першим травня... Війна, окупація, перемога, смерть моєї дружини, що швидко наблизилася мою старість з відповідними додатками – хороб. Звучить мотив і слова: – «Верніться літа мої хоч до мене в гості...»

Так... Швидко я колись літав
Нігде спочинку не бажав...
Години лізли по землі:
Я ж ледві бачив гір шпилі.
Пізніше я між днями йшов;
Часами з ніг біжала кров.
І знов я бачив гір шпилі,
Лише з дороги, наземлі.
А потім... Се життя секрет:
Вже тижні бігли наперед.
Я край шляху, самотнім, став
І погляд мій до долу впав.

Шукав я друзів. Бігли дні, –
Обдерті, голі наче ні[ч]
Хрестом я руки простягав,
А вітер свист між них поклав

Песемізм? Ні, просто дві подружки – журба і радість. Вони обидві законні для людини, як сонце і хмари, як день і ніч, як світло і тінь, що дають реальність всьому сущому.

Міцно цілую Вас – Ваш Михайло Жук.
Одеса, 1954 24/Х

№ 11

«Бедность не порок, но большое свинство...»
З листування А.П. Чехова

Дорогий Павло!

Надсилаю Ваш зміст повідомлення М.С.З від 20/IV. 1955 р. за № 08/10-927 «Отдел персональных пенсий Министерства социального обеспечения УССР ставит Вас в известность, что в соответствии с постановлением комиссии по назначению персональных пенсий при совете Министров УССР от 28/III 1955 г., прот. № 7. Вам увеличен размер персональной пенсии республиканского значения до 600 руб. в месяц сроком с 1го апреля 1955 года. Извещение № 927 об увеличении пенсии направлено сберкассе через главное управление Гострудсберкассы и Госкредита УССР. Нач. отдела персональных пенсий Министерства Социального обеспечения УССР (Акулиничев).»

Звичайно, б більше, як 4. Але ні перше, ні друге не дало мені змоги залишити роботу. Треба й далі працювати. Можливо, що й це справедливо. В кожному разі я сердечно вдячний Вам за Вашу турботу. Досить курйозно вийшло з лікарями. Замість приписати мене до обласної поліклініки (Петравеликого 10) – надіслали в один день аж двох лікарів – від горздраву та ще з якоїсь лікарні. Видно, хотіли зразу ліквідувати мої хворості. Це було настільки гупо, що я був просто спантеличений аж до того часу. Коли ці благодійники залишили моє помешкання. Натому все й закінчилося. А обласна лікарня (Петравеликого 10/ так і залишилась для мене недосяжною. Взагалі я багато не можу зрозуміти в моїй долі. Чим я завинив, що, моїх минулих літературних творів (вибране) не можна? Серед них є непогані річі, що ствердив навіть секретар місцевої філії тов. Бандуренко, який читав їх з рекомендації тов. Бажана. Та на тому й закінчилося. Мені просто повернули їх, як повертають «благодійники» писану заяву про допомогу мовчки і швидче зачиняють двері перед невдахою. Хоть би яка мотиво-

вана відповідь – нічого. Зачинили двері та й годі. Аналогічний випадок зі спілкою художників. Я звернувся з запитанням, чому до цього часу не моїх портретів М. Коцюбинського, що мальовані з натури і що маютья – один в Чернігові (будинок Коцюбинського), а другий в Києві – музей ім. Т.Г. Шевченка. Навіть відповіді не отримав, Що це таке, як це зрозуміти! Куди не постукаю – двері одчинять і швидче замикають перед моїм носом. Деж чуйність до людини, де пошана до старості? Я багато зробив за своє життя. Багато маю малюнків, фарфору, графіки. Але все це гине на моїх очах – серед пилу поганенького приміщення, серед убожества. Ви повинні зрозуміти, як важко бачити в загибелі те, чому ти віддав свої нерви, життя, хвилювання, надії. І все без ніяких наслідків, так наче нічого не було. Як корова язиком злизала. Даруйте, дорогий Павло, але я не маю до кого звернутися, а тому і турбую Вас. Я знаю, що Ви людина дуже занята великими державними справами і що мої справи маленька дрібничка. Я й не прохав багато, а хотів лише звільнитися від втомної для мене роботи. Та не вишло. Що ж хай буде так! Ще раз сердечно вдячний Вам за Вашу ласкаву турботу.

Щіро стискаю Вашу дружню руку й цілую Вас міцно Михайло Жук.
Одеса, 1955
25/IV

№ 12

Одеса, 1955, 4/VII

Дорогий Павло!

За Вашою порадою написав до тов. Гречухи, виклав усе, як міг, а відповіді... ніякої.

Таке вражіння, що наче послав листа на місяць... Що ж – ще одне непорозуміння до цілого ряду інших. Я, звичайно, розумію справу так... тов. Хмілько, тов. Дерегус, тов. Бажан та інші, – можливо, що їх і запитав тов. Гречуха, а вони рукою махнули – «чого там слухати старого дідугана, що він там пише!» Самолюбство, претензії й більше нічого. Не варто звертати на це ніякої уваги. Сучасного він нічого не дав, педагогіка – 50 літ той що – за це плачено гроші, а що ж треба більше. Одним словом старече блюзнірство та непомірні вимоги, а ми не можемо потурати всіляким претензіям. Колись, коли небуло вже до кого більше звертатися, то людина зверталася до бога. А представники бога казали – на тому світі все це зарахується. І все було гаразд. На жаль я з богом давно посварився і вже немаю до кого звертатися. Але часто хочеться просто, по людському викласти свої болі. І хочеться почути також по людському якусь співчутливість. Та щоби ви-

класти все по черзі, то треба багато писати, а хто стане читати такі довгі анали. І так воно гине в людині без наслідків, залишаючи лише нестерпуче почуття не висловленого. І те почуття пригнічує людину і робить її очманілою й докучливою для інших. А правда десь посередині. Невже те, що я зробив і в літературі і в малярстві таке нікчемне, що не варте уваги. Ні гадаю що це неправда. Цілий ряд літературних творів написано непогано, цілий ряд малярських творів включаючи кераміку й графіку зроблено на високому рівні. Педагогіка дала теж не погані результати. І в решті такий жалюгідний кінець. Я часто запитую себе – в чому справа? чим і передким я завинив? Відповіді не маю. А відчуваю, що я під якоюсь підозрою, що мое ім'я якесь заплямоване. Ну, годі а то справді можна докучити навіть Вам, що так ласкаво ставитися до мене.

Стискаю Вашу Руку й цілую Вас міцно –

Ваш Михайло Жук

№ 13

7. V. 1962. Одеса

Дорогий Павло!

Перш за все привіт Вашій шановній дружині: мені здалося, що вона прихильно поставилась до мене.

Ви з досадою можете подумати – яка ж недотепна людина: розумна істота давно би зрозуміла, що на цю тему не бажають розмовляти – ну й покинула би мучити й себе й іншого. Ні тягне на те, щоб почути це виразне сказанине – нічого з того не буде «не тратьте, куме, сили, спускайтесь на дно». Це що торкається книжки вибраних творів. Тепер, що торкається моєї кераміки – повітряні поцілунки і більше нічого. Звичайно, росіяни кажуть: «уліта едет, когдато будет!» Воно звичайно правда, що коли їде, то колись будет. Але немає певності, що Уліта їде, або виїхала.

Але я хочу, дорогий Павло, щоби Ви так і написали – «не тратьте, куме, сили...» І більше, даю Вам слово, що турбувати Вас не буду.

Міцно Вас цілую

Польські поети в перекладах Михайла Жука

З фондів Одеського літературного музею

Михайло Іванович Жук (1883–1964) – відомий український живописець-модерніст, графік, майстер кераміки, поет, прозаїк, драматург, казкар, літературний критик, мемуарист, педагог. Але мало кому відомо, що був він ще і перекладачем.

Ще з дитинства Михайлик знав від прадіда багато цікавих історій з минувшини і дотепно їх переповідав. Від діда, мабуть, і передалася ця здібність майбутньому поетові та художнику, котрий ще в дитинстві почав складати вірші.¹

По завершенню навчання у Київській малювальній школі Миколи Мурашка, М. Жук у 1900 році був зарахований на факультет монументально-декоративного живопису Краківської Академії мистецтв. Там його учителями були відомий польський поет, драматург і художник Станіслав Висп'янський, Юзеф Мехоффер, Ян Станіславський. В Академії Михайло Жук продовжує оволодівати малярськими дисциплінами – живописом, графікою, літографією, розпочинає активну діяльність як художник і тісно співпрацює з варшавським видавництвом «Химера» та київським видавництвом Гирича, знайомиться з сучасною поезією, прозою, виявляє інтерес до модерну, вдосконалюється у літературних жанрах. Він активно приймає участь у виставках і в цей же період розпочинає свою літературну діяльність. В ці роки М. Жук близько зійшовся з широким колом польських та українських письменників, суспільних діячів, публіцистів. Серед них

М. Жук. Автопортрет. 1920. ОЛМ

були Богдан Лепкий (який став близьким другом), Марія Конопницька, Владислав Реймонт, Казимеж Тетмаєр та інші.

Навчання у Кракові Михайло Жук завершив весною 1904 року з двома срібними медалями (по двом відділенням: портретного малюнка і фрески). Разом з ними він одержав і грошову премію, завдяки якій відкривалися нові життєві та творчі перспективи (здійснити творчу мандрівку найпрестижнішими галереями Західної Європи). Однак юнак приймає інше рішення: на виділенні кошти добитися звільнення батька (Івана Жука за створення підпільної революційної групи й поширення забороненої політичної літератури було заарештовано й вислано до Сибіру). Це вдалося зробити – батьку Михайла Жука було дозволено жити у Чернігові, але під наглядом поліції.

Найбільш письменницька активність Михайла Жука припала на перші 20 років ХХ століття, коли було написано основну частину його художніх творів. Продовжуючи традиції розмаїття малярських інтересів, він працював й у різних літературних жанрах – ліричній поезії, настроєвого прозового малюнку, новели тощо. Часто в літературному виданні М. Жук виступав не тільки як поет, прозаїк і критик, але і як художник. Він намагається перетворити книгу у твір мистецтва, вводить елементи українського орнаменту до оформлення книги, видає поезії, казки для дітей зі своїми малюнками, ілюструє читанку «Рідні колиски», укладає книгу «Дітям України» за власними творами та малюнками.

Після смерті М. Жука його архів було розпорошено по приватних колекціях та музеях. Завдяки меценату Сергію Гриневецькому значна частина літературного архіву М. Жука у 2010 р. надійшла до Одеського літературного музею. Серед рукописів оповідань, віршів, казок, п'єс були і переклади. Після надходження архіву до музею продовжується робота над вивченням його літературного доробку, публікацію багатьох творів, які раніше ніде не були опубліковані.

У наукових збірниках Одеського літературного музею «Дом князя Гагарина» вже були опубліковані щоденникові записки, оповідання, казки, спогади². Але переклади М. Жука до сих пір ніхто не публікував. Переклад, який мені вдалося віднайти, був надрукований у виданні Української Асоціації Незалежної Творчої Інтелігенції.³ Упорядник статті Василь Барладяну (до якого потрапила частина архіву М. Жука) пропонує відшуканий ним переклад лібрето опери Спендіярова «Алмаст», зроблений Михайлом Жуком, а також оригінальну трагедію

Михайла Жука «Плебейка». В цій же статті В.Барладяну пише про ще один опублікований переклад М. Жука.

У лютому 1922 року львівський журнал «Митуса» повідомив своїх читачів, що «Українська державна опера у Києві замовила в українських поетів ряд перекладів оперних лібрето» («Митуса», № 2, 1922, с.31). Серед тих поетів-перекладачів був і Михайло Жук. Як перекладач М. Жук виступав ще в 10-ті роки нашого століття. Вершиною перекладу на українську мову можна вважати, наприклад, його переклад вірша Леопольда Стаффа «Квіти любі, чари феї» («Шлях», №4, 1917, с. 37). Щодо лібретто до опери Спендіярова «Алмаст», то сьогодні неможливо визначити, з якої мови М. Жук перекладав на українську. Та й не знаємо, чи скористався перекладом М. Жука театр. Зазначимо лише, що, з точки зору поетичної й музикальної, переклад не застарів і його можна використати сьогодні. [...] Гадаємо, що наша публікація лібретто «Алмаст» буде корисною для української опери.⁴

Вперше рукописи перекладів М. Жука експонувалися на виставці Одеського літературного музею «Всевадність краси», яка була присвячена 130-річчю з дня народження письменника (2013 р.). На виставці були представлені матеріали з фондів Одеського літературного музею, збірок Наталі Ловейко-Жук (онуки митця), Тараса Максим'юка, В. Лісничого та інших приватних збірок. Переклади М. Жука були показані широкому загалу, був виданий каталог, до якого увійшов список перекладів, що експонувалися⁵. На виставці були представлені рукописи перекладів:

Олександр Блок. Троянда хрест. 1920. 140 с. (з рос.)

Оскар Уайльд. Флорентійська трагедія. 1920-ті рр. 36 с. (з англ.)

Юліуш Словацький. Балядина. 1920-ті рр. 6 с. (з польск.)

Леонід Андреев. Царь-голод. 1920-ті рр. 7 с. (з рос.)

Едмон Ростан. Сірано де Бержерак. 1920-ті рр. 7 с. (з фр.)

Олександр Спендіяров. Алмаст. Опера на 4 акти з прологом та епілогом. Текст Софії Парнок (за Ованесом Туманяном). Перший акт. 8 с. 1920-ті рр. (перекладав з російської).

Михайло Жук перекладав з різних мов: російської (Софія Парнок, Н. Сіверський, Олександр Блок, Леонід Андреев), польської (Юліуш Словацький, Марія Конопницька), англійської (Оскар Уайльд), німецької (Георг Кайзер), французької (Едмон Ростан, Еміль Деспакс, Франсис Жамм, Віктор Гюго, Рене Гіль) на українську та російську. Перекладав і

українські тексти на російську (як свої, так і українських письменників: наприклад твори Михайла Коцюбинського).

На сьогоднішній день особистість М. Жука мало досліджена, хоч за останнє десятиріччя з'явилося чимало присвячених йому статей та альбомів.

У 1977 році Одеський художній музей видає каталог виставки творів М. Жука⁶. У 1995 році Одеським літературним музеєм був виданий каталог виставки книжкових обкладинок Михайла Жука⁷, який уклали Сергій Лущик та Ольга Лагутенко. Значною мірою саме завдяки С. Лущику виник інтерес до творчості Жука-літератора. Частина літературного архіву М. Жука наприкінці 1960-х років потрапила до С. Лущика, який упорядковує його.

Творчістю М. Жука займається О. Яворська (співробітник Одеського літературного музею) – нотатки, оповідання та казки М. Жука надруковані у випусках наукової збірки музею «Дом князя Гагарина».

У 2019 році була презентована книга М. Жука «Білим і чорним хотів би я бути...»⁸ укладена О. Яворською. Це перше видання, що репрезентує для широкого читача літературний спадок М. Жука. Вперше під однією обкладинкою були зібрані проза, вірші, казки, спогади, та п'єси письменника. На жаль, переклади письменника до книги не увійшли. Всі твори були надруковані за рукописами з фондів Одеського літературного музею.

На першій міжнародній науковій конференції «Образ Одеси в слов'янських літературах» професор Ярослав Поліщук виступив з доповіддю «Контроверсії долі Михайла Жука на тлі культурної історії ХХ століття», в якій розглядав про літературну творчість М. Жука, і лише побіжно згадував про переклади М. Жука.⁹

У 2018 році вийшло одне з найбільш ґрунтовних досліджень на сьогоднішній день творчості М. Жука – монографія Людмили Соколюк «Михайло Жук: мистець-літератор». Ця робота є першим докладним науковим дослідженням, що охоплює як мистецьку, так і літературну творчість Михайла Жука. Творчість М. Жука розглядається у найтіснішому зв'язку з тогочасною проблематикою української художньої культури, виявляється роль мистця-літератора в її розвитку. До наукового обігу введена значна кількість нових картин Майстра, вперше вибудовано їх еволюційний ряд. Твори проаналізовані в контексті європейської синхронності і супроводжуються відповідними переліками із зазначенням місцезнаходження¹⁰.

Темою даної статті є введення до наукового обігу п'яти перекладів М. Жука з польської мови, які зберігаються у фондах Одеського літературного музею.

М. Жук переклав два вірша Марії Конопницької (1842–1910) – польської письменниці, поета, літературного критика і публіциста, автора творів для дітей і юнацтва. Твори перекладені на російську мову. Перший вірш «Ой пошла б я жить на волю...»

Ой пошла б я жить на волю,
Словно вихрь, что свищет в ночь,
Свищет в ночь, вьется птицей,
Гонит тучи вереницей
В ровкою даль.

Только сердцу жаль
Той нивы

Где над речкой плачут ивы,
Где родные кости тлеют,
И колосья мирно зреют.

Только сердцу жаль!

Ой пошла б я в путь далекий,
Как идут весной потоки,
Как плывут речные воды,
И сплетают хоромы,
И блестят как сталь,

Только сердцу жаль
Той хаты,

Где разросся дуб косматый,
Где сверкает сад росой,
Где луга звенят косою,

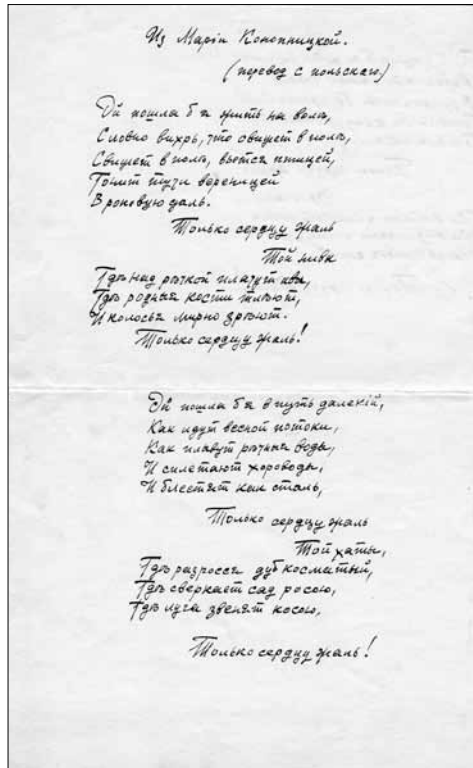
Только сердцу жаль!

Ой пошла б я хоть за море
Разогнать немое горе,
В сумрак ночи безпросветной
Понесла бы клад заветный,
Понесла печаль

Только сердцу жаль
Орленка,

Что в степи клекочет звонко,
Что над лесом птицу гонит,
Молодые перья ронит.

Только сердцу жаль!

М. Жук. Переклад вірша
М. Конопницької «Ой пошла б я
жить на волю...». 1910-ті рр. ОЛМ

Другий вірш Марії Конопницької – «Как король шел на войну».

Как король шёл на войну
В чужедальную страну,
Заиграли трубы медные –
На потехи на победные.

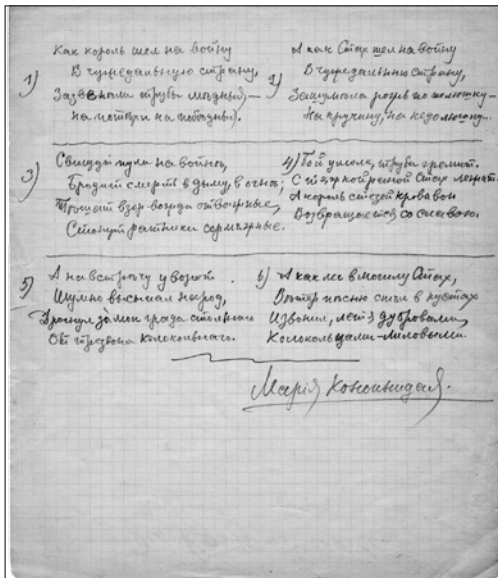
А как Стах шёл на войну
В чужедальную страну,
Зашумела рожь по полюшку –
На кручину, на недолюшку...

Свищут пули на войне,
Бродит смерть в дыму, в огне;
Тешат взор вожди отважные,
Стонут ратники сермяжные.

Бой умолк, трубы гремят.
С тяжелой раной Стах лежит.
А король стезей кровавою
Возвращается со славою .

А на встречу у ворот
Шумно высыпал народ,
Дрогнул замок града стольного
От трезвона колокольного.

А как лёг в могилу Стах,
Ветер песню спел в кустах
И звонил, летя дубровами
Колокольцами – лиловыми.

М. Жук. Переклад вірша
М. Конопницької «Как король
шел на войну...».
1910-ті рр. ОЛМ

Жуку також належить переклад п'єси «Балядина, трагедія на п'ять актів» – великого польського поета і драматурга Юліуша Словацького (1809–1849). П'єса перекладена українською мовою. У фондах Одеського літературного музею зберігаються перші вісім сторінок цього перекладу. Нижче подано перші три сторінки рукопису.

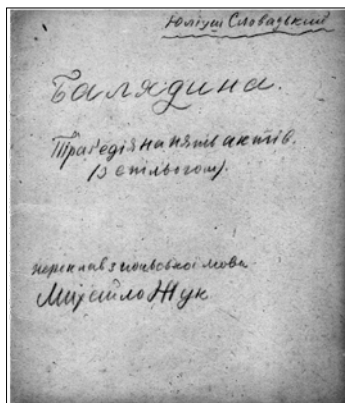

Акт перший.
Сцена перша.

Ліс, поблизу озера Гопла – хата пустельника, прибрана квітками та плющем. – Кіркор входить в Карасерській зброї, багато одягнений, з орлячими крилами.

Кіркор (самий)

Ради послухати варто в людини,
що побуває на хащах у лісі.
Сивий, побожний, та в розумі має
Щось божевільне: бо тільки згадаєш
Двір королівський, палати, чи владця,
То як скажений, він з глузду з'їздає.
Сипле прокльони і, з піною, скарги...
Більше до селищ лишився в приязні.
(стукає до печері).
Гей! Но-гей!

Голос з печері

Хто там?

Кіркор

Кіркор.

Пустельник (виходить з печері)

Драствуй, сину!.. Що дать?

Кіркор

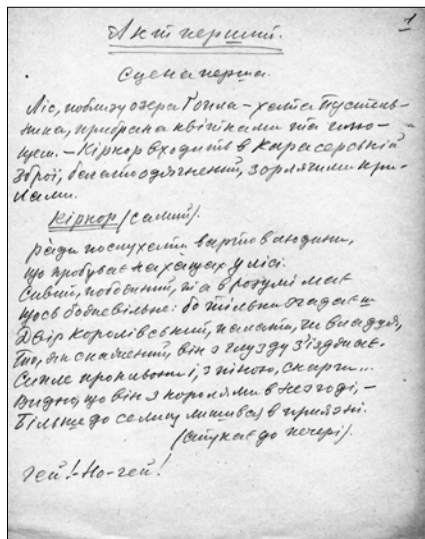
Поради.

Пустельник

Тікай до пустелі

Кіркор

Може б Христові в десяте одбувши,
Я б закохався в похмурі діброви.
Я ж молодий і високий, як вежа, –
Думаю нині, коли б одружитись.
Врадь мені, старче!

Пустельник

Літ двадцять, то й більше,
В пущі живу...

Кіркор

Це ж не лихо?

Пустельник

Вцінити годі людей – і сказати котру візьмеш дівчину...

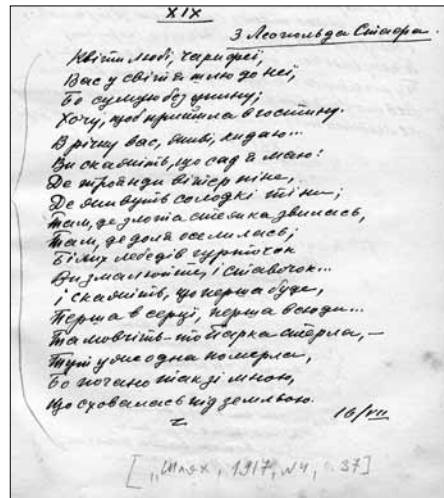
М. Жук. Переклад п'єси Ю. Словацького «Балядина». 1920-ті рр. ОЛМ

Кіркоп

А з тих, що розквітли
З бруньок дитячих, як жив ти між людьми.
Зараз вже панни... червоні, чи білі.

Четвертий та п'ятий переклади – вірші Леопольда Стаффа (1878–1957) – відомого польського поета, драматурга і перекладача. Переклад «Квіти любі, чари феї...» було опубліковано в журналі «Шлях» в 1917 році.¹¹ Публікація другого перекладу – «Королівство» невідома.

Квіти любі, чари феї,
Вас у світ я шлю до неї,
Бо сумую без упину;
Хочу, щоб прийшла в гостину.
В річку вас, живі, кидаю...
Ви скажіть, що сад я маю:
Де троянди вітер піне,
Де живуть солодкі тіні;
Там де злота стежка звилась,
Там, де доля оселилась;
Білих лебедів гурточок
Ви змалюйте, і ставочок...
І скажіть, що перша буде,
Перша в серці, перша всюди...
Та мовчіть – то Парка стерла, –
Тут уже одна померла,
Бо погано так зі мною,
Що сховалась під землею.

М. Жук. Переклад вірша Л. Стаффа
«Квіти любі, чари феї...». 1917р. ОЛМ

Королівство

Був раз цар молодий і прекрасна царівна,
О-гей!
Що ніколи царівства, ні двору не мали.
Називався той цар «Голова Богорівна»
І щасливо вони свій момент царювали,
І той цар молодий, і прекрасна царівна,
Що ніколи царівства, ні двору не мали,
О-гей!
Раз той цар промовляє: «Царівно-дружина!»
О-гей!

Маю яблуко владче і берло в долоні.
Я знайшов його там, де цвітуча калина,
Впало, взяв і побачив ніхто не бороне,
А те берло моє, то тебе охороне,
І зіпрусь я на його в дорозі, дружина,
Бо костур той дубовий, що маю в долоні,
О-гей!

І пішли в далечінь килимками з травиці,
О-гей!

Вслід за їми весело ступали піддані.
Цар постою був і пускав співи-птиці,
І ті співи його уклонялися пані.
Царь до неї казав: вони щастям всім пані,
Моя люба, на тих килимках, що з травиці,
На колінах стоять, вколо тебе піддані,
О-гей!

Відповіла царівна: царя свого маю,
О-гей!

Що дарує мені все достоянство двору,
Що так ніжно в обіймах своїх пригортає.
Тут спочиньмо. За гаєм дорога йде вгору.
Тут струмочок. Тут тихо і гарно в цю пору,
Тут кохання для тебе багато я маю
І того, що не личить для царського двору,
О-гей!

Що мені – каже цар – і сади і діброви?
О-гей!

Коли груди твої я за овощ солодші.
Коли очі твої для таємної мови
І уста в поцілунках що разу молодші.
А слова, як той спів соловейків, найзлотші,
І волосся твоє, як тінисті діброви,
Коли груди твої я за овощ солодші,
О-гей!

І, могутний, своїм поділився всесвітом,
О-гей!

З'їв з дружиною яблуко, всесвіт-держави,
А потому, чоло прикрашаючи цвітом,
Вийшли з лісу на луку, на зелень, на трави.
Злата повно, бредю ним, тле сонце яскраве.

І нічого не збавилось їм, хоч всесвітом
Поділився з дружиною, яблуком слави,
О-гей!
І пішли собі в світ цар і краска царівна,
О-гей!
Що ніколи царвіства ні двру не мали.
Називався той цар «Голова Богорівна»,
І щасливо вони свій момент царювали,
І обидва сміялись, [нерозбірл.] жартували,
І той цар молодий, і прекрасна царівна,
Що ніколи царвіства ні двору не мали,
О-гей!

Маю надію, що постать Михайла Жука-перекладача в майбутньому приверне ще більшу увагу дослідників. Бо насправді те, що він робив, гідне того, щоб про нього знали майбутні покоління.

- ¹ Яворська О. Життя мені подарувало географічну точку... // Дом князя Гагарина. – Вип. 8. – Одеса, 2017. – С. 93-105.
- ² Лущик С., Яворська О. Михайло Жук – літератор // Дом князя Гагарина. – Вип. 1. – Одеса, 1997. – С. 83-111; Лущик С., Яворська О. Оповідання М. Жука // Дом князя Гагарина. – Вип. 2. – Одеса, 2001. – С. 111-147; Яворська О. «Дайте мені можливість працювати...» (Казки Михайла Жука) // Дом князя Гагарина. – Вип.6. – Т. 1. – Одеса, 2001. – С. 321-423; Кашуба-Вольвач О., Яворська О. Українська Акамеція Мистецтва у спогадах Михайла Жука // Дом князя Гагарина. – Вип.7. – Одеса, 2016. – С. 89-119; Яворська О. Життя мені подарувало географічну точку... // Дом князя Гагарина. – Вип. 8. – Одеса, 2017. – С. 93-105.
- ³ Кафедра. Ч.11. – Львів-Одеса, 1990; Лондон, 1995.
- ⁴ Там само.
- ⁵ Всеволодність краси (до 130-річчя з дня народження художника і письменника М.І. Жука): Каталог виставки // Одеський літературний музей. – Одеса, 2013. – 24 с.
- ⁶ Виставка произведений М.И. Жука: Каталог. – Одеса: Одесский художественный музей, 1977. – 39 с.
- ⁷ Михайло Жук. Каталог виставки. – Одеса: Одеський державний літературний музей, 1995. – 35 с.
- ⁸ Жук Михайло. Білим і чорним хотів би я бути...: проза, казки, вірші, нотатки, спогади / уклад. О. Яворська за участю О. Козаченко та К. Романової; Одеський літературний музей. – Одеса: 2018. – 256 с.: іл.
- ⁹ Я. Поліщук (Краків-Київ-Одеса). Творчий шлях Михайла Жука у контексті його епохи // Одеса в слов'янських літературах: Студії. – Білосток-Одеса, 2016. – С. 117-130.
- ¹⁰ Соколюк Л. Михайло Жук: Мистець-літератор. – Харків, 2018. – 256 с.; 355 іл.
- ¹¹ Жук М. Квіти любі, чари феї // Шлях. – Київ, 1917. – №4. – С. 37.

А.Л. Яворская

**«Контрреволюция не спит:
все заговор за заговором...»**

*«Дело подпольной белогвардейской организации»
и повесть В. Катаева «Уже написан Вертер».
По материалам Отраслевого архива СБУ*

8 февраля 1920 года части Красной армии окончательно заняли Одессу.
28-м февраля 1920-го датирован первый протокол заседаний комиссии Одесской Губернской Чрезвычайной Следственной Комиссии.

Присутствовали Северный, Горб, Кирилл, Левин, Юрко. Слушали:

1. О составе коллегии О.Г.Ч.К.

2. О порядке освобождения арестованных.¹

В конце февраля 1920 года в Одессе было создано Южное бюро РОСТА (ЮгРОСТА). С начала мая 1920-го его руководителем был поэт-акмеист Владимир Нарбут.

В июне в журнале «Лава», который выпускал Нарбут, были помещены его стихи о Чека:

1

<...>

живой и на портрете Троцкий!
Контрреволюция не спит:
все заговор за заговором.
Пощупать надо бы РОПИТ.
А завтра...
Да, в часу котором?
По делу 1106
(в дверях матрос и брюки клешем)
перо в чернила – справку:
– Есть. –

<...>

Расплющивая и круша,
вращает жернов лихолетье.
Истыкан пулею шпион,
и спекулянт – в истоме жуткой.

А кабинет, как пансион,
где фрейлина да институтки.
И цедят золото часы,
песка накапливая конус,
чтоб жало тонкое косы
лизало красные законы;
<...>

2

Не загар, а малиновый пепел,
и напудрены густо ключицы.
Не могло это, Герман, случиться,
что вошел ты, взглянул и – как не был!
Революции бьют барабаны,
и чеканит Чека гильотину².

В.П. Катаев. 1920-е гг. ОЛМ

В это время будущий корреспондент ЮгРОСТА Валентин Катаев сидит в ЧК. И тоже пишет стихи³. Павел Валентинович Катаев вспоминал рассказы отца о тех днях:

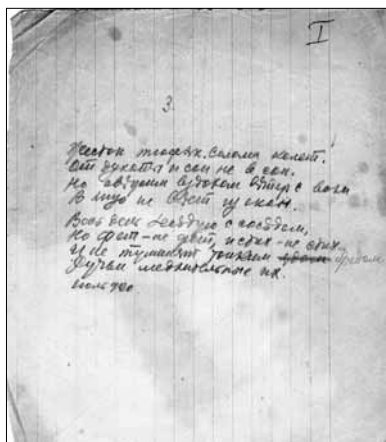
Речь идет о тюремном заключении, которому отец подвергся в двадцатом году двадцатого века, когда в Одессе в очередной и теперь уже последний раз практически до конца прошлого тысячелетия установилась советская власть и всюду свирепствовала чека. Заключенные сидели там без предъявления какого-либо обвинения, а исходя из классового представления тюремщиков-революционеров о виновности того или иного представителя враждебного класса. Кем был в то время мой отец? Сын преподавателя епархиального училища, получивший чин дворянина (по наследству не передающийся), бывший гимназист и вольноопределяющийся царской армии, участник войны с Германией, дослужившийся по прапорщика и награжденный тремя боевыми наградами, молодой одесский поэт... Никакого конкретного обвинения в контрреволюционной деятельности ему не было предъявлено, но биография была явно подозрительной, не «нашей», и в любой момент следствие могло прийти к выводу о безусловной виновности и вынесения сурового обвинения. Пока же в ожидании решения своей участи отец оставался в тюрьме, где, что называется, прижился, по привычке и даже продолжал писать стихи. Его перестали вызывать на допросы. По его словам, у

него создается впечатление, будто бы о нем забыли, не обращали на него внимания. И такое положение его устраивало – он оставался в живых⁴.

В семейном архиве сохранились рукописи стихотворений, написанных в тюрьме, с пометкой «Одесская тюрьма». В них и страшная реальность и воспоминания о свободе. Июлем 1920 датированы «Жесток тюфяк. Солома колет...» и «Десять лет тому назад».

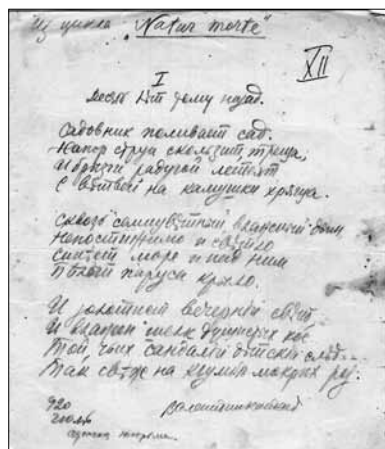
Жесток тюфяк. Солома колет.
От духоты и сон не в сон.
Но свежим духом ветер с воли
Совсем не веет из окон.
Всю ночь беседу с соседом.
Но Фет не Фет и стих не стих.
И не туманят тонким бредом
Ручьи медлительные их⁵.

В.П. Катаев. Жесток тюфяк... Июль 1920. Рукопись. Архив Т. Катаевой

Десять лет тому назад

Садовник поливает сад.
Напор струи свистит, треща,
И брызги радугой летят
С ветвей на камушки хряща.
Сквозь семицветный влажный дым
Непостижимо и светло
Синеет море, и над ним
Белеет паруса крыло.
И золотист вечерний свет,
И влажен жгут тяжелых кос
Той, чьих сандалий детский след
Так свеж на клумбе мокрых роз⁶.

В.П. Катаев. Десять лет тому назад. Июль 1920. Рукопись. Архив Т. Катаевой

2 августа 1920 он пишет стихотворение «После шторма». Случайно или нет, именно это стихотворение цитирует К. Паустовский в повести «Время больших ожиданий», называя рядом Нарбута и Катаева⁷.

После шторма

Всю неделю румянцем багряным
Пламенели холодные зори
И дышало студеным туманом
Заштилевшее Черное море.

Каждым утром по узкой дороге
Мы сбежали к воде, замирая,
И ломила разутые ноги
По колено вода ледяная.

По морщинистой шелковой мели
Мы ходили, качаясь от зыби.
И в стеклянную воду глядели,
Где метались ослепшие рыбы.

Из широкой реки, из Дуная
Шторм загнал их в соленое море,
И ослепли они, и, блуждая,
Погибали в холодном просторе.

Били их рыбаки острогою,
Их мальчишки ловили руками.
И на глянцевых складках прибора
Рыбья кровь распускалась цветами⁸.

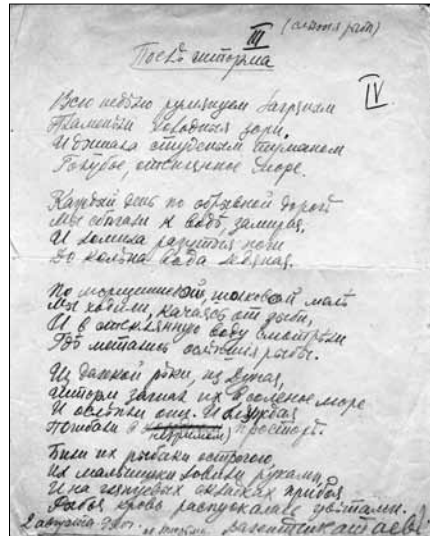
Августом 1920 датировано стихотворение «Пушок одуванчика»

Пушок одуванчика

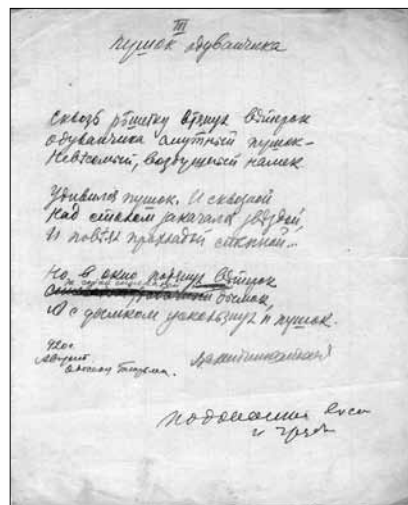
Сквозь решетку втянул сквознячок
Одуванчика смутный пушок,
Невесомый, воздушный нарек.

Удивился пушок и сквозной
Над столом закачался звездой,
И повеял прохладой степной.

Но в окно потянул ветерок
За собой синеватый дымок,
А с дымком улетел и пушок⁹.

В.П. Катаев. После шторма.
2 августа 1920. Рукопись.
Архив Т. Катаевой

В.П. Катаев. Пушок одуванчика...
Август 1920. Рукопись.
Архив Т. Катаевой

2 сентября написано стихотворение «Шторм» (Грозовым раскатом смеха...) ¹⁰.

3-м сентября датирован «Сонет».

Былые дни, движенья, краски, лица...

Я перепеть люблю в стихах простых

Затем, что мне в живой оправе их

Всегда мерцает мудрости крупица.

Чем радостней и лучше сон приснится,

Тем ласковей выходит утром стих

Тем явственней поет в руках моих

На все лады веселая цевница.

Меж будущим и прошлым грани нет,

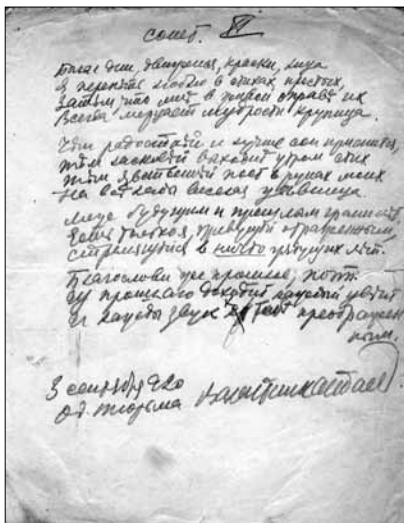
Есть только я, живущий отраженным,

Стремящимся в ничто грядущих лет.

Благослови же прошлое, поэт.

Из прошлого доходит каждый цвет

И каждый звук к тебе преображенным. ¹¹

В.П. Катаев. Сонет. 3 сентября 1920.

Рукопись. Архив Т. Катаевой

В тюрьме написаны стихи «Если ночь и душна и светла...» ¹², «Раз я во всем и все во мне...» ¹³, «Всему что есть – нет имени и меры» ¹⁴.

«Подоконник высокий и грубый...» – вид из тюремного окна – Катаев почти дословно повторит в рассказе «Отец».

Подоконник высокий и грубый,
Мой последний земной аналог.
За решеткой фабричные трубы,
И за городом блеск голубой.
Тот же тополь сухой и корявый
За решеткой в железной резьбе.
Те же пыльные, тусклые травы,
Тот же мертвый фонарь на столбе.
Не мечтай! Не надейся! Не думай!
От безделья ходи и кури.
За решеткой в темнице угрюмой —
Ни любви, ни весны, ни зари ¹⁵.

Это первое литературное описание того, что пережил молодой поэт в дни заключения.

Катаеву повезло – его освободили ¹⁶. Но тема ареста, ожидания расстрела будет постоянно возникать в его текстах.

1922 – начат рассказ «Отец» – о прапорщике Синайском, сидящем в тюрьме, и его старике-отце. Закончит его Катаев через три года, в 1925, а опубликует полностью только в 1928. Кстати, фамилию «Синайский» он даст и герою своей последней повести «Сухой лиман» (1986). И в этой повести тоже есть намек на арест братьев Катаевых:

В то время обоих сыновей Николая Никаноровича – старшего, Сашу, уже взрослого молодого человека, прапорщика, и младшего, Жору, еще не окончившего гимназию, – смыло революционной волной, и оба они исчезли из родительского дома¹⁷.

1922 год. Опубликован рассказ «Восемьдесят пять» – об агенте охранки, пробравшемся в ЧК по поддельным документам и арестованном. Примечательно, что рассказ был опубликован со сноской «Из эпохи гражданской войны и борьбы с контрреволюцией» – автор об этом знал, так сказать, изнутри.

...это могло быть доносом, ошибкой, наконец... шуткой. Но это должно было распутаться. Немедленно, сию минуту... сию секунду... Дальше это продолжаться не могло... Но это продолжалось, и время, оставаясь неподвижным, несло, свистя и захлебываясь. И ужасней всего и унижительней было неведение, то неведение, которое знает все, но не желает знать, а потому не знает, все помнит до самых тайных глубин, но глушит память и мчится, захлебываясь, во тьме. <...> Он уже видел себя введенным в пустой гараж, где одна стена истыкана черной оспой, и совершенно точно осязал на затылке то место, куда ударит первая пуля. Отяжелевшая кровь налила дубовые ноги, и легкая громадная пустота звенела и реяла вверху. Его вывели из подвала во двор, в ночь, где ноги бессильно скользили по черной земле, напитанной нефтью¹⁸.

1925 год. Катаев закончил рассказ «Отец». Точная дата ареста писателя документально пока не подтверждена, но в рассказе есть косвенное указание на дату ареста и срок отсидки:

В начале апреля, в один из тех прекрасных и теплых дней, когда море особенно сине, а молодые листья особенно зелены, в тюрьму привели громадную партию арестованных. Сперва их ввели по широким опустевшим улицам города, где еще месяц тому назад расхаживали офицерские патрули и дефилировали отряды британской морской пехоты, затем, окруженные пулеметами и чуба-

тыми всадниками на деревенских лошадях с вплетенными в гривы красными лентами, они миновали Чумку и кладбище, и, наконец, их покуда разместили на опрятном зеленом тюремном двореке. Среди приведенных в тюрьму людей был некто Петр Иванович Синайский, молодой человек в офицерской тужурке с артиллерийскими петлицами и в студенческой фуражке.

И пошла тюремная жизнь¹⁹.

<...>

Каждое воскресенье и каждую среду, в солнце и в дождь, по шоссе мимо кладбищенской стены тащился по щиколотку в пыли или грязи старик Синайский. За шесть месяцев он не пропустил ни разу. Сын ждал его с раннего утра, выско держась за переплет решетки²⁰.

Рассказ «Отец» и стихи, написанные в тюрьме, перекликаются. Прозаическое описание тюрьмы и забранных решётками окон намного жестче поэтического:

В тюремной ночной духоте и тьме, в спиртовом запахе дынных корок, по стенам возились клопы. Два окна, переплетенные грубым железом, запирали ночь, всю осыпанную свежими звездами. Ветер и сполохи бежали по ним. Клопы ссыпали с потолка и стен известковую пыль, ссыпались сами в солому, и эта чуть слышная возня покалывала во тьме как бы игольчатым газом над мнимым стаканом сельтерской воды. В окне, озаренный дугowym жуком, стоял добела розовый косяк соседнего корпуса. Под виселицей фонаря, среди черноты, на полотняной яркой земле качалась многоугольная тень часового. Ночь была черна. Люди в переполненных камерах спали. По железным галереям и лестничкам похаживали сонные надзиратели с ключами. Из клетчатых дверей слышался хрип, храп, кашель, стон и чесанье. Тюрьма стояла посреди огородов и выходила крестом на все четыре стороны света²¹.

В. Катаев. 1910-е гг.
Архив Т. Катаевой

Совпадают и отдельные детали. В рассказе: «Спиртовый запах дынных корок...», «...вечер, зажженный огарком в горлышке черной бутылки, оплывал лазурью и золотом стеарина на вялые корки, на желтый понос дынных внутренностей, распластанных на столе»²². В стихотворении «Дыня»:

На узкие доли
Персидскую дыню разрезав,
Блестит поневоле
Слезами восторга железо.

<...>

Постой и покуда
Душистые доли не трогай,
У полного блюда
Помедли с молитвою строгой.

Настанет же время
Попробовать дивную дыню,
И высушить семя,
И выбросить кожуцу свиным.²³

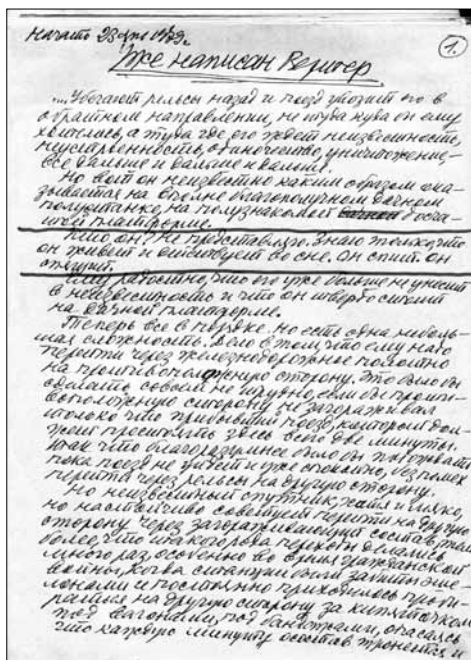
1926. Советские писатели пишут автобиографии. В. Катаев откровенно признаётся: «Гражданская война 1918–1920 гг. на Украине замотала меня в доску, швыряя от белых к красным, из контрразведки в чрезвычайку. В общей сложности за это время в тюрьме я просидел не менее 8 месяцев»²⁴. И если его арест контрразведкой достаточно сомнителен, и в дальнейшем в прозе никак не отражен²⁵, то о чрезвычайке Катаев будет писать до последних дней.

1980 год. Журнал «Новый мир» в № 6 публикует повесть В. Катаева «Уже написан Вертер» – совершенно невероятное по тем временам описание расстрелов в ЧК. (Примечательно, что работал над ней Валентин Петрович почти столько же, сколько просидел в тюрьме).

О том, как именно повесть была опубликована, существует несколько версий. По словам П.В. Катаева, сына писателя, повесть рискнул опубликовать смертельно больной С. Наровчатов, который уже ничего не боялся²⁶. По версии С. Шаргунова, напечатали повесть по указанию М. Суслова, «серого кардинала» и главного идеолога²⁷. Тем не менее председатель КГБ Ю. Андропов направил в ЦК секретную записку, о том, что Комитет госбезопасности оценивает повесть Катаева как политически вредное произведение:

В.П. Катаев. 1980е гг. ОЛМ.

В.П. Катаев.

Уже написан Вертер. Рукопись.

1979. ОЛМ

В целом указанное произведение воспринимается как искажение исторической правды о Великой Октябрьской социалистической революции и деятельности ВЧК.

<...> Написанная с субъективистской, односторонней позиции повесть в неверном свете представляет роль ВЧК как инструмента партии в борьбе против контрреволюции²⁸.

Беловую рукопись романа Валентин Петрович передал в Одесский литературный музей²⁹, и первоначально она была представлена в экспозиции, посвящённой ему. Но по указанию свыше рукопись была снята из витрины перед открытием музея в 1984 г.

На выставке 1986 г. «Писатель и время», посвящённой 90-летию писателя, была показана и беловая рукопись повести из фондов музея и черновой вариант «Гараж» из архива семьи В.П. Катаева, объёмом в несколько раз превышавший текст окончательного варианта.

Многое в повести понятно лишь читателю, знающему историю двух арестов – Валентина Катаева и Виктора Федорова. С. З. Луцик много лет занимался расшифровкой прототипов повести, результатом стала книга

«Реальный комментарий к повести В. Катаева “Уже написан Вертер”»³⁰. Но материалы из архивов ЧК тогда были недоступны.

Теперь можно сверить текст Катаева с протоколом заседаний комиссии Одесской Губернской Чрезвычайной Следственной Комиссии от 28 октября 1920.

В повести упоминается «дело маяка», «маяки». Герой «Вертера» при встрече со «знаменитой Венгржановской» в мыслях объединяет два заговора, она – в англо-польском, а он – участник врангелевского, на маяке. Но в реальной истории их фамилии в одном списке. Заголовок протокола – «Дело подпольных белогвардейских организаций»³¹.

Газета «Известия» 26 ноября 1920 года помещает сообщение от коллегии О.Г.Ч.К. о раскрытии заговора:

...огромное дело, прошедшее на заседании коллегии губчека 28 октября. По соображениям оперативного характера опубликование этого дела задержалось. Число участников этого дела достигает 194 чел. и представляет собой огромную контрреволюционную организацию, в которой сплелись белополяки, белогвардейцы и петлюровцы»³².

В повести художник Дима думает: «Наберётся человек двадцать, и хватит для одного списка»³³. В действительности список был намного длиннее. По делу проходили 193 человека. «Все 193 гражданина по обвинению в участии в подпольной белогвардейской организации, работавшей от польского министерства индел и генштаба Польской армии называвшейся “Агентурно-информационный пункт К.Н.З.С.П”»³⁴. 102 обвиненных были расстреляны, 9 отправлены в концлагерь, 79 освобождены. Дела трех несовершеннолетних кадетов: № 19-Владимира Семенова, 16 лет, № 20 – Кочмержевского Георгия, 15 лет, № 21 – Сергея Луцкого, 15 лет – выделены для продолжения следствия, дальнейшая их судьба неизвестна³⁵.

№	Слушали	Постановили	Исполнено
1	Всех 193 граждан по обвинению в участии в подпольной белогвардейской организации работавшей от министерства индел и генштаба Польской армии называвшейся "Агентурно-информационный пункт К.Н.З.С.П"	Все участники дела подлежат аресту и передаче в концлагерь	
2	Дело № 19-Владимира Семенова, 16 лет, № 20 – Кочмержевского Георгия, 15 лет, № 21 – Сергея Луцкого, 15 лет	Дела № 19, 20, 21 выделены для продолжения следствия	

Протокол заседаний комиссии Одесской Губернской Чрезвычайной Следственной Комиссии. 28 октября 1920. ГДА СБУ

В 2016 году вышла самая полная и подробная книга о В.П. Катаеве – «Катаев: Погоня за вечной весной». Глава «Однажды расстрелянный»:

В «Вертере» Катаев называл первый заговор польско-английским, поскольку участвовало в нем несколько англичан. Считается, что во главе заговорщиков стоял некто Новосельский, присланный в Одессу польским Генеральным штабом³⁶.

В действительности – точнее, согласно протоколу ЧК – руководил заговором двадцатипятилетний Макаревич-Слюсаревский. Он первый в списке:

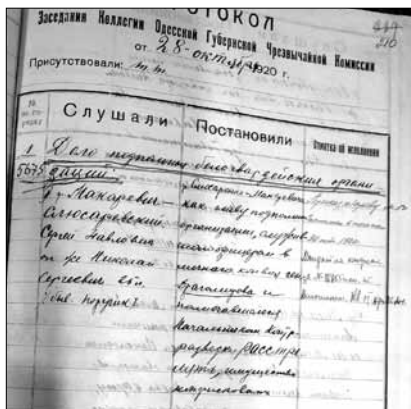
1. Макаревич-Слюсаревский Сергей Павлович, он же Николай Сергеевич, 25 лет (быв. поручик).

Слюсаренко-Макаревича как главу подпольной организации, служившего офицером в личном конвое ген. Драгомирова и назначившегося начальником контрразведки РАССТРЕЛЯТЬ, имущество конфисковать³⁷.

В рассказе «Отец» Катаев описывает дорогу, которой ведут арестованно-го на допрос:

Синайский прошел коридором и стал подыматься по мраморной лестнице с клеткой лифта, окоченевшей между двумя этажами, не смея оборачиваться и чувствуя за спиной у себя повелевающий пистолет. Они проходили сквозь коридоры пустых квартир, поворачивая вправо и влево, опускались по громыхающим железным лестничкам черных ходов, снова подымались, и бой шагов башмачным гулом стоял в раковинах кухонь и писсуарах.

Кружа в лабиринте коридоров и лестниц, они подымались все выше и выше. Встречные окна мелькали, как барограф, показывая высоту. Ветреное небо страстно выросло над слуховыми люками и голубятнями. Крыши города опускались вниз и, опускаясь, рябили в глазах черепичной сплошью, пуницовым стыдом зари³⁸.

Протокол заседаний комиссии
Одесской Губернской Чрезвычайной
Следственной Комиссии.
28 октября 1920. ГДА СБУ

Спустя пятьдесят семь лет, в «Вертере», картина почти не изменится. Но в повести будет встреча двух арестованных:

Он стал подниматься по лестнице черного хода, по такой обыкновенной и совсем не страшной дореволюционной лестнице черного хода с чугунными узорчатыми ступенями, крашеными перилами и запахом кошек.

Он успокоился.

Ну, лестница как лестница. Как обычно, на площадки этажей выходили кухонные двери.

Комиссар, которому его передали в комендатуре, деликатно, почти нечувствительно подталкивал его в спину стволom нагана. Они поднимались все выше и выше мимо мертвого лифта, повисшего между этажами на заржавленном тросе. <...>

Зелень садика неумолимо уходила вниз, и уже в окнах показалась черепичная крыша противоположного дома с кошкой возле трубы, выше которой была уже пустота равнодушного неба.

Еще один этаж. Теперь вокруг было одно чистое небо. По такому небу могли бы летать ангелы.

Поравнявшись, комиссары обменялись взглядами, как встречные корабли обмениваются в море приспусканием флагов, посторонились пропуская друг друга. Один вёл свою с допроса вниз, другой своего на допрос вверх.

Её щёки горели. Точёный носик посветлел, как слоновая кость. Знаменитая Венержановская. Самая красивая гимназистка в городе. Именно с ней когда-то он танцевал хивату. Он её узнал. Она его не узнала. Польша. Аристократка, тогда от неё пахло резедой. Её имя повторялось в городе.

Теперь оно тоже повторялось, но уже в другом роде. Она была участницей польско-английского заговора. Они решили поднять восстание, захватить город и, перебив комиссаров и коммунистов, передать его великой Польше «от моря до моря», войску маршала Пилсудского. Старая мечта польской шляхты завладеть этим городом на Чёрном море. Теперь их всех, конечно, уничтожат. Может быть, даже сегодня ночью вместе с ним. Наберётся человек двадцать, и хватит для одного списка. Заговор англо-польский и заговор врангелевский на маяке. Работы на час.

Говорят, что при этом не отделяют мужчин от женщин. По списку. Но перед этим они все должны раздеться донага. Как родился, так и уйдёт.

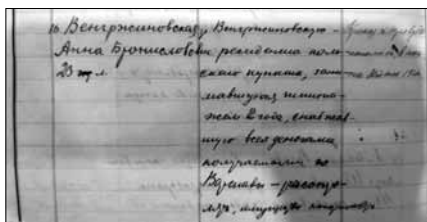

Неужели Венгржановская тоже разденется на глазах у всех?
<...>

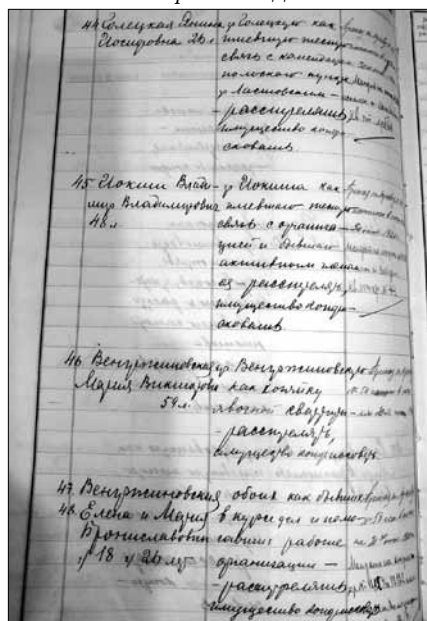
Спускаясь по лестнице, она посмотрела на него. Может быть, узнала и удивилась. Высокомерно и вместе с тем подбадривающе усмехнулась краем искусанного рта. Родинка на шее под маленьким ухом. – Не задерживайтесь. Проходите.

Стоптанные каблучки застучали вниз по ступеням³⁹.

Катаев не называет имени Венгржановской⁴⁰. А в списке приговоренных три сестры и мать:

Приговор А.Б.Венгржановской.
28 октября 1920. ГДА СБУ

Приговор семье Венгржановских.
28 октября 1920. ГДА СБУ

№ 16

Венгржановская Анна Брониславовна, 23 л.

Венгржановскую – резидента польского пункта, занимавшуюся шпионажем 2 года, снабжавшую всех деньгами, получаемыми из Варшавы – расстрелять, имущество конфисковать.

Приказ т. Юрьеву исполнен в ночь на 30ое окт. 1920 г

№ 46

Венгржановская Мария Викторовна, 59 л.

Венгржановскую как хозяйку явочной квартиры – расстрелять, имущество конфисковать.

Приказ т. Юрьеву № 50 исполнен в ночь на 30ое окт. 1920 г.

№№ 47 /48

Венгржановские Елена и Мария Брониславовны 1)18 2) 26 лет.

Обоих как бывших в курсе дел и помогавших работе организации – расстрелять, имущество конфисковать.

Приказ т. Юрьеву № 50 исп. в ночь на 30ое окт. 1920 г. Мандат на конфиск. № 12124 и 12122 т. Волошином кв. от хр. № 101

Катаев всегда был точен в деталях. Так и здесь: Дима слышит фамилии «знакомые и незнакомые». При сверке со списком проходивших по делу многие фамилии, которые Катаев упоминает в «Вертере», обнаружены.

В коридор полуподвала ворвался топот многих ног. Одна за другой отпираются двери камер. Приближается голос, произносящий фамилии – знакомые и незнакомые – по списку.

– Прокудин. Фон Дидерихс. Сикорский. Николаев. Ралли. Венгржановская. Омельченко.

Прокудин, Сикорский, Омельченко – в списке проходивших по деду не упоминаются. Ралли – явно отсылка к старым одесским фамилиям.

Фон Дидерихс – настоящая фамилия приятеля детства Катаева, Владимира фон Дитерихса⁴¹ (писавшего стихи под псевдонимом фон Дитрихштейн). Он в заговоре участвовать никак не мог, ибо к тому времени уже был в эмиграции.

В списке два Николаевых, оба расстреляны. Старший – как один из главных заговорщиков, младший – в общем списке. Приговор ему был вынесен не отдельно, а написан поперек страницы со списком одиннадцати бывших офицеров, приговоренных к расстрелу. В предыдущих случаях приговор выносился каждому обвиненному отдельно, с № 84 приговор стал общим для каждой группы:

№ 2 Николаев Петр Константинович, 50 л.

Николаева П. К. как участника Кубанских походов, непрерывно служившим в Добрармии и намечавшегося начальником агентуры будущей контр-разведки РАССТРЕЛЯТЬ имущество конфисковать Приказ т. Юрьеву № 50 исполнен в ночь на 30 окт. 1920 г. Мандат на конфиск. № 12785 исп. т. Рознбергом кв. от хр. № 3998 № 71

84 Николаев-Николаенко Василий Васильевич 25 л.

Как бывших офицеров, членов подпольной организации расстрелять, имущество конфисковать

Манд. на конф. За № 12789 исп. т. Плотниковым

Далее в тексте повести вновь перечень фамилий:

Пронесёт или не пронесёт? Не пронесло. Щёлкнул замок. В щели полуоткрывшейся двери тускло блеснула кожаная куртка. Наплечные ремни. Кубанка. Ручной электрический фонарик. Зайчик света побежал по листу бумаги с треугольной печатью.

– Из камеры с вещами. Карабазов. Вайнштейн. Нечипоренко. Вигланд. Венгржановский.

Неужели их тоже? Он замер. Вот сейчас, сию минуту произнесут его фамилию, и тогда всё кончится безвозвратно и навсегда.

Но нет. На этот раз его не вызвали. Других из маяка тоже не вызвали. Значит, их очередь ещё не наступила. А вдруг случится чудо и очередь их никогда не наступит?

Полковник Вигланд в английской шинели, имевшей на нём вид халата, сидевший в углу и безостановочно строчивший по-английски свой дневник, преждевременно седой, дурно подстриженный, быстро дострочил начатую фразу и спрятал заветную тетрадку глубоко под шинель. Вероятно, он надеялся, что в конце концов его записки каким-то образом попадут в руки потомков, как важный исторический документ, и его имя произнесут рядом с именем знаменитого Лоуренса-аравийского, — гордостью британской разведки, или, быть может, даже рядом с именем Уинстона Черчилля. Потряхивая серым хохолком на маленькой головке, с выпуклыми склеротическими английскими глазами, солдатским шагом он прошёл мимо ручного электрического фонарика и скрылся в темноте коридора. Приказчик мануфактурного магазина Карабазов в лёгкой короткой поддёвочке долго копался в своём узелке, укладывая остатки сахара, кружку, ложку, салфеточку, оттягивая время, и шея его над вышитым воротом русской рубахи венозно покраснела.

– Побыстрее! Не копайтесь!

Вайнштейн, как только услышал свою фамилию, до неузнаваемости переменялся в лице, поднял согнутые в локтях руки и, как бы жеманно вытанцовывая фрейлахс, на цыпочках, осторожненько, осторожненько, с ничего не видящими безумными глазами протанцевал в коридор, вполголоса напевая с сильным акцентом: «Каустическая сода, каустическая сода...» — как бы желая отстранить от себя эту при клятую каустическую соду, спрятанную в подвале и теперь отнявшую его жизнь.

Штабс-капитан Венгржановский в студенческой тужурке и длинных шевровых сапогах, гордо закинув голову, — как две капли воды похожий на свою младшую сестру, — вышел из камеры с дрожащей улыбкой, отбросив в сторону недокуренную папироску.

Фон Дидерихс суетливо раздавал на память остающимся в камере мелкую элегантную чепуху: замшевый кошелёк, шёлковый платочек

для наружного кармана, портсигарчик, маленькую фотографию девушки с испанским гребнем в причёске, обручальное кольцо, долго не снимавшееся с пальца, и по его курносому курляндскому носику ползла аквамариновая слезинка, блеснувшая в луче электрического фонарика⁴².

В списке участников заговора Викланд (Вигланд у Катаева). Возможно, Карабазов – это Николай Кабанов. И Венгржановский, но не старший брат, а родственник, очевидно, дядя.

№ 49 Викланд Рудольф Андреевич

гр. Викланда как служившего до революции в особой пограничной страже и ныне присосавшегося к Соввласти путем вступления в Советское учреждение расстрелять, имущество конфисковать Приказ т. Юрьеву № 50 исполнен в ночь на 30ое окт. 1920 г. Мандат на конфиск. № 12143 исп. т. Лебедем кв. от хр. № 3987 № 51 и 52

№ 50. Венгржановский Климентий Аркадьевич, 61

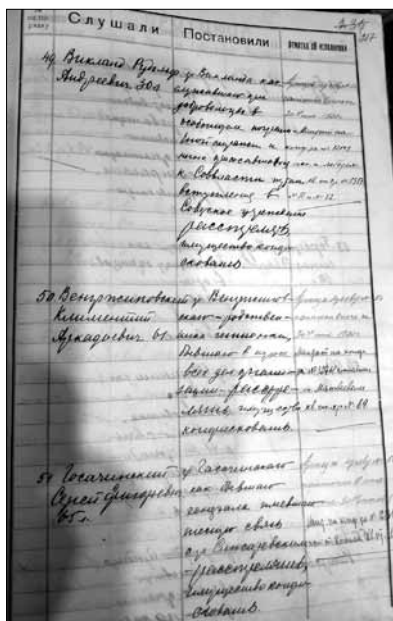
гр. Венгржановский – родственник шпионки, бывший в курсе всех дел организации – расстрелять, имущество конфисковать

Приказ т. Юрьеву № 50 исполнен в ночь на 30ое окт. 1920 г. Мандат на конфиск. № 12143 исп. т. Лебедем кв. от хр. № 3987 № 51 и 52

№ 95 Кабанов Николай Сергеевич, 31 г.

Как бывших офицеров, членов подпольной организации расстрелять, имущество конфисковать Манд. на конф. за № 12200 исп. т. Мас... ничего не обнаруж.

В этом списке Вайнштейна нет. Можно предположить, что фамилия опять же взята, как одесская – напоминание о мельнице Ванштейна. Но на заседании 10 августа, на котором присутствовали «предгубчека Дейч, члены коллегии т.т. Вихман, Заковский, Горин, Иванов и секр. Уральцев», слушали «дело 2486

Приговор Р.А.Викланду и К.А.Венгржановскому. 28 октября 1920. ГДА СБУ

Иосифа-Бер Амитева Вайнштейна по обвинению в укрытии мыла и сырья. Постановили: расстрелять».

В повести упоминается расстрел чекистов по приказу Маркина (его прототипом был Макс Дейч):

Вчера по приказу Маркина не в гараже, а прямо во дворе среди бела дня, расстреляли двух оперативников, укравших во время обыска золотые часы и бриллиантовую брошку. Маркин до сих пор не мог успокоиться. Перед его глазами неустрашимо стояла картина допроса, а потом казни⁴³.

В протоколе заседания ЧК от 4 июня, на котором присутствовали Реденс и Дейч, в списке приговоренных есть два чекиста:

117. Дело 1513. Иванова Ивана Ивановича и Юшкевича Василия Ивановича по обвинению в самочинных обысках, конфискации, изнасиловании и перестрелке с крестьянами. Иванова И.И. и Юшкевича В.И расстрелять, имущество конфисковать⁴⁴.

Немного ранее, 28 мая, рассматривали дело, о котором арестанты ЧК, в том числе и Катаев, наверняка знали – о присвоении тюремщиками продуктов арестованных. Здесь приговор был мягче:

39. Дело 888 красноармейцев батальона при О.Г.Ч.К. Самбулова Николая Титовича, 24 л., Первишка(?)Максима Яковлевича 27 л., Михельсона Якова Яковлевича 30 л., Файнгольда Иосифа Эммануиловича 20 л., Тырина Андрея Павловича 20 л., Цыпензона Семена Юрьевича 20 л., Шульмана Якова по обвинению в слабом надзоре за арестованными и халатном отношении к своим обязанностям и Машевского Котмира Фридриховича 35 лет, Левенсона Владимира Самуиловича 30 лет, делопроизводителя тюремн. под"отд. и курьера Алеши в присвоении продуктов арестованных. 39. Освободить отправить в губвоенком. Дело сдать в архив⁴⁵.

В повести художника Диму предает его жена, «женщина-сексот Инга». Впервые «историю девушки из совпартшколы, молодой коммунистки, помогшей органам губчека ликвидировать опасный контрреволюционный заговор»⁴⁶ Катаев упоминает в повести «Трава забвения» (1967). Принято считать, что это – характерный для литературы 1920-х годов сюжет любви двух героев, представителей старого и нового мира, «красного» и «белого»: в 1924 опубликованы «Сорок первый» Б. Лавренева и «Історія попільниці»

Ю. Яновского, в 1925 – «Княжна» А. Соболя (тоже, кстати, арестованного в 1920 одесской ЧК), в 1926 – «Любовь Яровая». К. Тренева⁴⁷.

Но при внимательном изучении списка арестованных привлекает внимание – в самом начале – приговор брату и сестре Денис.

5. гр. Денис Болислав Александрович, он же Борисенко Борис, 29 лет. Дениса-Борисенко как заготовлявшего фальшивые документы для скрывающихся офицеров и передававшего сведения о О.Г.Ч.К., получаемые им от его сестры Ады Денис, сотрудницы О.Г.Ч.К. РАССТРЕЛЯТЬ Приказ т. Юрьеву № 50 исполнен в ночь на 30ое окт. Мандат на конфиск. № 12845 исп. т. Чебановым. Ничего не обнаружено.

6. Денис Ада Александровна она же Таланова гр. Денис-Таланова как работающую в организации под кличкой «Глиппе», передававшую информацию и фотографии сотрудников О.Г.Ч.К. заключить в Реформаторию сроком на пять лет. Принял по ордеру № – коменд. Кроль 26.XI-20.

Поражает мягкий приговор сестре, возможно, связанный с ее возрастом – реформаторумы (исправительный детский дом заключения) предназначались для несовершеннолетних преступников⁴⁸. Можно предположить, что ее использовали как двойного агента, но это лишь версия.

Из списка видно, что арестовывали семьями. И так же расстреливали. Сестры Дмитриевы: № 32 – Татьяна Дмитриевна, 23, № 33 – Софья Дмитриевна, 29 л. «как активных членов организации, содержащих явочную квартиру». Братья Зеленовы: № 66 – Дмитрий Кузьмич, 20 л. № 72 – Иван Кузьмич, 17 л., № 73 – Петр Кузьмич, 27 л.– все приговорены к расстрелу «как являвшихся членами петлюровской организации, в чем каждый сознался» (но был освобожден как непричастный Зеленов Василий Косьмич, 23 л. – № 189).

Были расстреляны то ли муж и жена, то ли родственники Губер: № 39 – Елена Алексеевна, 43 л. «княгиню, предложившую свои услуги членам организации и принимавшую участие в работе таковой», № 60 – Александр Богданович, 65 л. «как бывш.полковника, принимавшего у себя на дому представителей организации для переговоров».

«Как бывших офицеров, членов подпольной организации» расстреляли братьев Скулишевских: № 85 – Александр Андреевич, 25 л. и № 87 – Григорий Андреевич, 22 л; и братьев Пенских: № 101 – Николай Федорович, 32 л. и № 102 –Алексей Федорович 22 л.

Больше повезло брату и сестре Иваненко: № 135 – Павел Гаврилович, 16 л. и № 136 – Мария Гавриловна, 20 л. Уцелели сестры Еркович-Ерченко: № 178 –Людмила Александровна, 30 л., № 179 – Евгения Александровна, 25 л.

Освобождены были Апостолы: № 120 – Павел Яковлевич, 30 л. и № 121 Татьяна Мойсеевна, 26 л. и Сенько-Поповские: № 157 – Владимир Юлианович, 28 л., № 158 – Надежда Яковлевна (возраст не указан), возможно, муж и жена.

Рядом еще одна семья: № 163 – Тюрин Михаил Андреевич 27 л., № 164 – Тюрина Евгения Александровна, 29 л. Уцелели все Длуские: № 133 – Юлия Викторовна, 57 л., № 134 – Мария Ивановна, 26 л., № 145 – Иван Иосифович, 50 л.

И вновь приговор один на всех. Поперек списка постановление «Как непричастных к делу организации ОСВОБОДИТЬ»

В отличие от Венгржановских, уцелела и семья Стребуль: № 168 – Вера Васильевна, 23 г., № 169 – Анна Васильевна 17 л. и № 170 – Софья Юльяновна, 44 л.

А в конце списка, между семьями Тюриных и Стребуль, братья Катаевы. Приговор опять же не каждому в отдельности, а поперек страницы со списком.

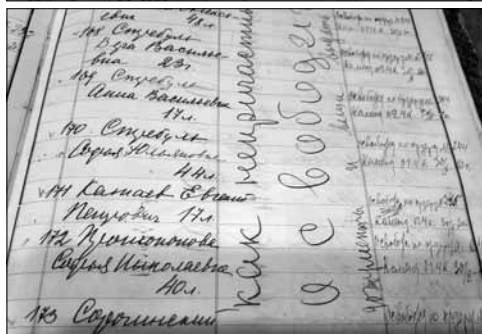
Из художественных текстов В. Катаева следует, что в тюрьме он провел около шести месяцев. Дело о «подпольной белогвардейской организации», как говорилось выше, рассматривалось 28 октября.

165. Катаев Валентин Петрович 23 л.

как непричастных к делу организации освободить. Документы и вещи выдать по норме. Освобожд. по ордеру № 239. Коменд. ОГЧК 30.X.20 г.

171. Катаев Евгений Петрович 17 л.

Освободить как непричастных. Освобожд. по ордеру № 245. Коменд. ОГЧК 30.X.20 г.

Приговор В.П. и Е.П. Катаевым. 28 октября 1920. ГДА СБУ

Согласно приговору, братья были освобождены 30.X.20 г. Но в описи фонда «РАТАУ» в ГАОО С. З. Лущик обнаружил анкету № 261 В.П. Катаева, датированную 15.XI.20⁴⁹ (анкета утрачена). По версии С.З. Лущика, дело было закончено в начале сентября, а оформили задним числом 28 октября⁵⁰. Этому противоречат отметки об исполнении расстрельных приговоров.

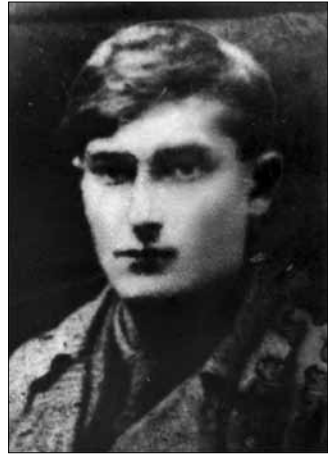
Принято считать, что именно во время пребывания в ЧК Евгений Петров изменил дату рождения с 1902-го на 1903 год. Косвенным подтверждением этого служит указанная в приговоре дата. В отличие от старшего брата, Петров нигде и никогда не упоминал об аресте.

А старший брат не только упоминал, бравируя, но и писал о пережитом.

К числу самых зашифрованных, самых трудных книг В. Катаева принадлежит повесть «Уже написан Вертер». Потребность в комментарии возникла сразу же после публикации произведения в журнале «Новый мир» (1980, № 6). Оказалось, что большинство читателей, даже коренных одесситов старшего поколения, не уловило наличия в книге многих привязок к конкретным местам Одессы, ее улицам или зданиям, проживавшим здесь конкретным людям. Кое-кто узнавал прототипы Димы и его родителей. <...> В марте 1981 года в одесском Доме ученых на заседании секции любителей книги было сделано первое сообщение, раскрывшее некоторые места действия и прототипы главных героев,⁵¹ –

написал, подводя итоги своей многолетней работы над «реальным комментарием к повести», С. З. Лущик. Глава о главном герое называется «Художник Дима»⁵². Прототипом художника Димы был Виктор, сын популярного писателя Александра Митрофановича Федорова.

В начале 1900-х семьи Катаевых и Федоровых были соседями, жили в ста метрах друг от друга в районе так называемой «Дачи Отрада» <...> мальчишки – однолетки: Валя Катаев родился в январе, а Витя Федоров в сентябре 1897 года⁵³.

Е.Петров. Одесса. 1920

Именно к А. М. Федорову пришел гимназист Катаев с тетрадкой своих стихов, а сына его описал в одном из первых рассказов «Весенний звон» (1912), сохранив имя и дав фамилию Александров.

На дачу Майораки перебрался хорошенький реалист Витя Александров, – говорит она, делая наивные глаза и подчеркивая слово «хорошенький».

<...> у меня закипает злора против этого чистенького маменькиного сыночка Витьки.

<...> сталкиваюсь лицом к лицу с Витей. Витя тоже в новом костюме, с ослепительными желтыми «реальными» пуговицами и тугим крахмальным воротником. <...>

– А кто твой папа?

– Писатель.

– Врешь.

– Ей-богу.

– Нууу? Что же он пишет?

– Та разное⁵⁴.

Витя Федоров появится позднее в «Траве забвенья»:

...меня осенило: А. Федоров! Не папа ли это реалиста Витьки Федорова, с которым мы одно время жили рядом в «Отраде» и даже немного дружили? Помнится, Витька хвастался, что у него батька писатель⁵⁵.

В рассказе «Весенний звон» появляется мама Вити, но об отце лишь упоминается. В «Уже написан Вертер» Катаев описывает всю семью:

Дима был центром внимания.

– Мой мальчик прирожденный живописец! — восклицал за обедом Димин папа своим адвокатским альтиом — сладким и убедительным. <...>

Сновидение несло вместе со всеми гостями вверх по лестнице в ту заветную комнату, пронизанную послеобеденным солнцем, которая называлась «его студия». Большой мольберт с трехаршинным

А.М.Федоров с сыном. 1910.
С автографом И.А.Бунину.
Копия. ОЛМ

картоном: «Пир в садах Гамилькара». На стуле большой плоский ящик с пастельными карандашами, уложенными в шелковистую вату, как недоношенные младенцы.

Гости смотрели на картину в кулак. Лариса Германовна тоже смотрела на картину в кулак. Все восхищались Димой. Но, кажется, Лариса Германовна чувствовала неловкость. Все-таки это была детская работа мальчика-реалистика, прочитавшего «Саламбо»⁵⁶.

Виктор Федоров работал в ЮгРОСТА. В фондах Одесского историко-краеведческого музея хранится более 1000 эскизов плакатов 1919-1921 г.⁵⁷ Среди эскизов только одна работа В. Федорова – «Рабочий с факелом призывает угнетенных к свету»⁵⁸. Причем сделана она уже после того, как его выпустили из тюрьмы – в правом углу дата «7/Х 20 г.».

Он честно работал в Изогите, хотя художником оказался не очень хорошим, дилетантом. Много ненужных подробностей. Передвижничество. Другие художники Изогита по сравнению с ним были настоящими мастерами – острыми и современными⁵⁹.

В рассказе «Отец» Катаев впервые намекает на арест приятеля: «сумасшедший живописец с утра до вечера рисовал углем на стене революционный плакат»⁶⁰.

В повести «Уже написан Вертер» впервые Катаев описывает сам момент ареста – в ранних рассказах действие происходило уже после этого.

Когда они, Дима и его сотрапезница, заканчивали обед, состоящий из плитки спрессованной ячной каши с каплей зеленого машинного масла, к ним сзади подошли двое. <...>

У одного наган. У другого маузер. Они даже не спросили его имени, а только с неистребимым ростовским акцентом велели не обращаться, выйти без шума на улицу и идти вниз по Греческой, но не по тротуару, а посередине мостовой.

Его деревянные сандалии щелкали по гранитной брусчатке. Редкие прохожие испытывали, глядя на него, не сочувствие, а скорее ужас⁶¹.

«Дело гр. Федорова Виктора Александровича» рассматривали на заседании Малой комиссии Одесской Губ. Чрезв. Комиссии 1 сентября 1920 г.

№ 1318/ 4333, 4243, 4245

Слушали: дело гр. Федорова Виктора Александровича, 22л. по обвинению в к. Революции. Сод. в Губтюрьме

Постановили: Заключить в лагерь Принуд. Работ на три года. Все отобранное конфисковать. Дело прекратить и сдать в архив. Отметка об исполнении: Росп. о прин. от 15/IX за № 1476 за подписью тов. Беккера

4243 Дело гр. Хрусталева Сергея Львовича. по обвинению в к. Революции. Сод. в Губтюрьме

Постановили: Заключить в лагерь Принуд. Работ на три года. Все отобранное конфисковать. Дело прекратить и сдать в архив. Отметка об исполнении: Росп. о прин. от 15/IX за № 1476 за подписью тов. Беккера⁶²

1318 4233	Дело гр. Федорова Виктора	Валюхины в расеп. отпущи Легер Принуд. авт 15/IX за № 1476 за
4243 7875	Дробное 22мм, по обвинению в к. революции. Сод. в Губтюрьме	работ на три года. Все отобранное конфисковать. Дело прекратить и сдать в архив. Отметка об исполнении: Росп. о прин. от 15/IX за № 1476 за подписью тов. Беккера
4243 7875	Дело гр. Хрусталева Сергея Львовича	Валюхины в расеп. отпущи Легер по три авт 15/IX за № 1476 за
	по обвинению в к. революции. Сод. в Губтюрьме	работ на три года. Все отобранное конфисковать. Дело прекратить и сдать в архив. Отметка об исполнении: Росп. о прин. от 15/IX за № 1476 за подписью тов. Беккера

Приговор В.А. Федорову и С.Л.Хрусталеву. Малой комиссии Одесской Губ. Ч.К. 1 сентября 1920 г. ГДА СБУ

Вадим Федоров, младший сын Виктора, в 1993 году писал С.З. Луцику, что, по словам матери, Надежды Федоровой-Ковалевской:

В какой-то момент отец и его друг Сергей Хрусталева попали в руки большевиков и были спасены от расстрела Котовским, очевидно, потому, что мой дед когда-то помог Котовскому. Это было в 1920 году⁶³.

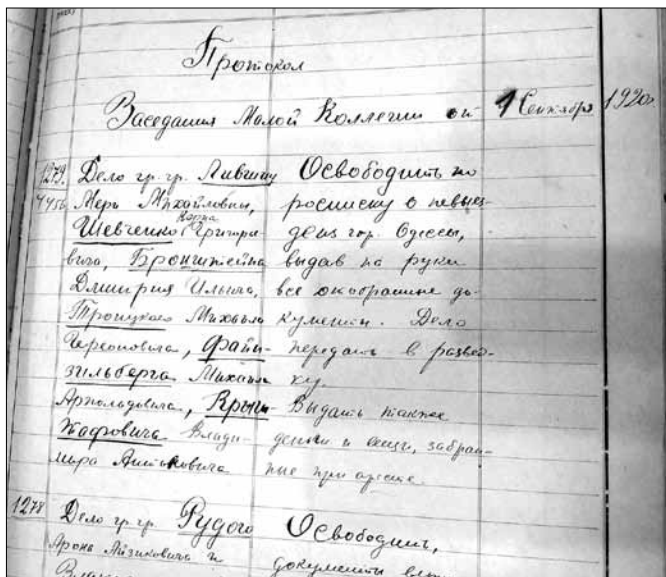
В повести героя освобождают по заступничеству Серафима Лося (его прототипом был писатель Андрей Соболев). После освобождения Виктор бежал в Румынию – после 7 октября 1920. Во время оккупации Одессы несколько раз приезжал в город, затем вернулся в Бухарест. В 1945 или 1946 гг. был арестован СМЕРШем, умер в лагере в конце февраля – начале марта 1948⁶⁴.

Первым исследователем, который видел приговор В. Федорову, был Н.А. Брыгин, первый директор Одесского литературного музея. Он сделал копию страницы для музея КГБ – это отмечено в списке пользователей.

Виктор Федоров был не единственным сотрудником ЮГРОСТА, чье дело рассматривали 1 сентября. На том же заседании Малой комиссии Одесской Губернской Чрезвычайной Комиссии первым слушали дело по обвинению 6 человек (причина обвинения в деле не указана)

1279/4456. Дело гр.гр. Лившиц Мери Михайловны, Шевченко Карпа Григорьевича, Бронштейна Дмитрия Ильича, Троицкого Михаила Иреоновича, Файнзильберга Михаила Арнольдовича, Крыштафовича Владимира Антоновича.

Постановили: Освободить под подписку о невыезде из гор. Одессы, выдав на руки все конфискованные документы. Дело передать в разведку. Выдать также деньги и вещи, забранные при аресте⁶⁵.

Приговор
М.А. Файнзильбергу.
Протокол заседания
Малой комиссии
Одесской Губ. Ч.К.
1 сентября 1920 г.
ГДА СБУ

Согласно сохранившемуся в фонде ЮГПАТАУ удостоверению Д. Бронштейн «находился на службе в ЮГПАТАУ с июня по сентябрь 1920»⁶⁹.

Марк Тарловский в стихотворных мемуарах об Э. Багрицком «Веселый странник», написанных в 1935, упоминает художников ЮГРОСТА – рано умершего Дмитрия Бронштейна и Михаила Файнзильберга.

Кто эти люди? – Мертвый ныне, Митя,
Который так высок и узкогруд,
Что думаешь – ах, только не сломите –
Здесь хает кистью всяческих паскуд⁶⁷.

Михаил Файнзильберг – фотограф и художник, старший брат И. Ильфа. О нем у Тарловского сказано:

И третий брат здесь... непристойно-рыжий,
Двух первых в этом перещеголяв,
Он месит краски в маслянистой жиже
Среди неунывающих маляв⁶⁸.

Евгений Петров писал о нем: «Рыжий Миша и семейство мышей в белой туфле. Ему было жалко их убить и он стал их подкармливать»⁶⁹. Михаил умер в 1942 г. в Ташкенте.

В стихотворных мемуарах Тарловского описан и Валентин Катаев. И опять же, намеком – о его аресте ЧК. В поэме пять друзей (Э. Багрицкий, Л. Славин, И. Ильф, В. Катаев, Ю. Олеша) рассматривают прохожего с подозрительным тюком за спиной и выдвигают версии:

39. Сидевший третьим с каждой стороны,
И, следовательно, посередине,
Носил артиллерийские штаны,
Но без сапог – их не было в помине,
40. Как и носков. А словом бил он вкось,
Монгольские глаза прицельно щуря,
И с трехдюймовых губ оно неслось.
По траектории, гудя, как буря.
41. «Артиллериста и фронтовика
Во мне, – сказал он, – ценит баба-муза:
Подозреваю в глубине тюка
Наличие порохового груза.
42. Голубчика я взял бы за плечо
И намекнул на близость «чрезвычайки», —
Его бы там огрели горячо,
Он показал бы всё им без утайки».
43. Наружностью он был японский кот,
А духом беспокойней Фудзиямы.
Его слова звучали как фягот,
Слепя богатством деревянной гаммы⁷⁰.

Об аресте Катаева современники знали и упоминали – в отличие от арестов Э. Багрицкого⁷¹ и М. Файнзильберга.

Повесть Валентин Петрович завершил строками Бориса Пастернака:

«Открыть окно, что жилы отворить».

Или, ещё лучше, того же автора:

«Наверно, вы не дрогнете, сметая человека. Что ж, мученики догмата, вы тоже — жертвы века»⁷².

Автор благодарит за предоставленные материалы Тину Катаеву

¹ Протоколы заседаний комиссии Одесской Губ. Чрезв. Следств. Комиссии. – ГДА СБУ. – Ф.6, оп. 3, д. 282. – Протокол заседания 28 февраля 1920.

² Нарбут В. Чека. – Лава. – Одесса, 1920. – С.[1].

³ Стихотворения «Слепые рыбы», «Воспоминание. Садовник поливает сад...», «Одуванчик» были опубликованы в разделе «Стихотворения»: Катаев В.П. Собр. соч. в 9 т. – Т. 9. – Москва, 1972, повторены: Катаев В.П. Собр. соч. в 10 т. – Т. 10. – Москва, 1986. В книгу Катаев В. Избранные стихотворения. – Москва, 2010, вошли, кроме указанных, «Жесток тюфяк...», «Если ночь и душна и светла...», «Раз я во всем и все во мне...», «Подоконник высокий и грубый...».

Беловой вариант повести «Уже написан Вертер» и несколько рукописей стихов, написанных в тюрьме, экспонировались в 1986 г. на выставке «Писатель и время: к 90-летию В.П. Катаева» в Одесском литературном музее.

⁴ Катаев П. В. Доктор велел мадеру пить...: Книга об отце. – Москва, 2006. – С. 153-154.

⁵ Катаев В. Избранные стихотворения. – Москва, 2010. – С. 152. Рукопись воспроизведена – Катаев В.П. Собр. соч. в 8 т. – Т. 8. – Москва, 2017. – С. 125.

⁶ Катаев В. Избранные стихотворения... с. 163, под названием «Воспоминание». Рукопись воспроизведена – Катаев В.П. Собр. соч. в 8 т. – Т. 8. .. с. 135.

⁷ Паустовский К.Г. Время больших ожиданий. – Одесса, 1961. – С. 149. «После Нарбута Катаев хрипло и недовольно прочел свои стихи о слепых рыбах».

⁸ Катаев В. Избранные стихотворения... с. 161-162, под названием «Все неделю румянцем багряным...».

⁹ Цитируется по рукописи, разночтения с печатным вариантом: «Но в окно потянул ветерок / За решетку табачный дымок» См.: Катаев В. Избранные стихотворения... с. 156. Рукопись воспроизведена – В.П. Катаев. Собр. соч. в 8 т. – Т. 2. – Москва, 2017. – С. 633.

¹⁰ Катаев В. Избранные стихотворения... с. 164. Рукопись воспроизведена – Катаев В.П. Собр. соч. в 8 т. – Т. 8... с. 139.

¹¹ Публикуется впервые, рукопись из семейного архива В.П. Катаева.

¹² Катаев В. Избранные стихотворения... с. 153.

¹³ Там же, с. 155.

¹⁴ Там же, с. 158.

¹⁵ Там же, с. 154.

- ¹⁶ В воспоминаниях Эзры Александрова «Белые его мобилизовали и произвели в офицеры. Красные арестовали. Когда Луначарский посетил освобожденную Одессу, делегация поэтов и писателей просила его освободить, и действительно, он был на свободе и как большевик стал работать в Роста под главенством Бабеля» – Тименчик Р. Деталь двойного назначения. Лехаим, 2006, май. – № 169 <https://lechaim.ru/ARNIV/169/timenchkik.htm>.
Версии об освобождении В.Катаева из ЧК см.: Катаев В.П. Уже написан Вертер. Лущик С.З. Реальный комментарий к повести. – Одесса, 1999; Катаев П.В. Доктор велел мадеру пить...: Книга об отце. – Москва, 2006. – С. 33-35, 154; Киянская О.И., Фельдман Д.М. Судьба и эпоха Якова Бельского // Дом князя Гагарина. – Вып. 7. – Одесса, 2016. – С. 192-336.
- ¹⁷ Катаев В.П. Сухой лиман // Новый мир. – Москва, 1986. – № 1. – С. 38.
- ¹⁸ Катаев В.П. Собр. соч. в 10-ти т. – Т. 1. – Москва, 1983. – С. 250-251. Впервые – в журнале «Корабль» – Калуга, 1922. – № 5–6, ноябрь.
- ¹⁹ Катаев В.П. Собр. соч. в 10-ти т. – Т. 1... с. 189.
- ²⁰ Там же, с. 195-196.
- ²¹ Там же, с. 189.
- ²² Там же, с. 191
- ²³ Катаев В. Избранные стихотворения... с.159.
- ²⁴ Валентин Петрович Катаев// Писатели: Автобиографии и портреты современных русских прозаиков. – Москва, 1926. – С. 142
- ²⁵ В пьесе «Поэт» (1957) описан арест и допрос в контрразведке поэта Николая Тарасова (в описании героя угадываются черты, характерные для Э. Багрицкого).
- ²⁶ Разговор с П. В. Катаевым, 12 октября 2015.
- ²⁷ Шаргунов С.А. Катаев: Погоня за вечной весной. – Москва, 2016. – С. 650.
- ²⁸ Цит. по: Шаргунов С.А. Катаев: Погоня за вечной весной... 653.
- ²⁹ Катаев В. П. Уже написан Вертер: рукопись. ОЛМ, Р-533 КП-7579.
- ³⁰ Катаев В.П. Уже написан Вертер. Лущик С.З. Реальный комментарий к повести. – Одесса, 1999.
- ³¹ Протоколы заседаний комиссии Одесской Губ. Чрезв. Следств. Комиссии с 13/VI по 3/ XI 1920. Протокол от 28 октября. – ГДА СБУ. – Ф. 6, оп. 3, д. 283.
- ³² Цит. по: Катаев В.П. Уже написан Вертер. Лущик С.З. Реальный комментарий к повести... с. 78.
- ³³ Там же, с. 28.
- ³⁴ Протоколы заседаний комиссии Одесской Губ. Чрезв. Следств. Комиссии с 13/VI по 3/ XI 1920. Протокол от 28 октября...
- ³⁵ «Как-то летом 1920-го года, на углу Отрадной и Белинской улиц, я прочел на столбе объявление ОГЧК (Одесской чрезвычайной комиссии), что за активное участие в подпольной контрреволюционной организации расстреляны офицеры и кадеты Одесского кадетского корпуса. Запомнил лишь фамилии Полочан: Полковники Овсянников, Бышевский, Снитко и кадет Кочмаржевский. Среди других, кажется, была упомянута и фамилия офицера Одесского кадетского корпуса шт.-капитана Миляева и несколько Одесских кадет». – Арцюшкович М. Возвращение полуроты 2-ой и полностью 3-ей рот из Аккермана в Одессу // Кадетская переключка. – 1980. – № 24. – <http://xxl3.ru/kadeti/pomnim.htm#arcm> Указанных фамилий, кроме Кочмаржевского, в списке осужденных 28 октября нет. Возможно, позднее было другое дело.

- ³⁶ Шаргунов С.А. Катаев: Погоня за вечной весной... с. 103.
- ³⁷ Протоколы заседаний комиссии Одесской Губ. Чрезв. Следств. Комиссии с 13/VI по 3/ XI 1920. Протокол от 28 октября...
- ³⁸ Катаев В.П. Собр. соч. в 10-ти т. – Т. 1...с.201.
- ³⁹ Катаев В.П. Уже написан Вертер. Лущик С.З. Реальный комментарий к повести... с 27-28.
- ⁴⁰ Правильно – Венгржиновские. См.: Катаев В.П. Уже написан Вертер. Лущик С.З. Реальный комментарий к повести... с. 83-84
- ⁴¹ Дитрихштейн, фон Дитрихштейн Владимир Давыдович (наст. фамилия Дитерихс; 1889 или 1890–1967), поэт, журналист. Поручик лейб-гвардии Конно-гренадерского полка, окончил Одесский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище, юридический факультет Новороссийского университета. Служил в военно-судебном ведомстве. Печатался в одесской периодике. Занял второе место на конкурсе поэтов «Душа России», объявленном журналом «Жизнь» в 1918 г. Эмигрировал в 1920 г. С 1921 г. жил во Франции, печатался в в газетах «Русская мысль», «Руть», «Возрождение», «Россия и славянство» и др. Во время Второй мировой войны участвовал в Спротивлении. Член Союза бывших русских судебных деятелей. Автор книг «Стихотворения» (1912), «Зовы земли» ([1913]), «Блеклый венец. 2-я книга стихов» (1914) – все в Одессе, а так же: «Тихая свирель: Собрание стихов, 1912–1916» (Пг, 1917), «На зыбких гранях: Собрание стихов, 1912–1916» (Берлин, 1922), «Собрание стихов, 1912–1964» (Брюссель, 1965). Как друг детства упоминается в повести В.П.Катаева «Трава забвенья» (1967).
- ⁴² Катаев В.П. Уже написан Вертер. Лущик С.З. Реальный комментарий к повести... с. 32-33.
- ⁴³ Там же, с. 38.
- ⁴⁴ Протоколы заседаний комиссии Одесской Губ. Чрезв. Следств. Комиссии. – ГДА СБУ. – Ф.6, оп. 3, д. 282. – Протокол заседания 4 июня 1920.
- ⁴⁵ Там же, протокол заседания 28 мая 1920.
- ⁴⁶ Катаев В.П. Алмазный мой венец: Повести. – Кишинев, 1986. – С. 206.
- ⁴⁷ См.: Катаев В.П. Уже написан Вертер. Лущик С.З. Реальный комментарий к повести..., глава «Инга», с. 109-112.
- ⁴⁸ В 1918 г в большевистской печати сообщали о создании реформаториумов: «... преступник, сделавшись таковым в силу социальных условий, либо субъективных особенностей его – мог бы найти обстановку, которая оздоровила бы его, научив его труду, и где, на ряду с трудовой дисциплиной, в отношении всякого преступника проводился бы со всей последовательностью метод индивидуального исследования его духовной жизни. Для этой цели в ближайшем будущем начнёт функционировать первый реформаториум». http://rapsinews.ru/incident_publication/20181119/291302582.html
- ⁴⁹ Катаев В.П. Уже написан Вертер. Лущик С.З. Реальный комментарий к повести..., с. 82.
- ⁵⁰ Там же, с. 82.
- ⁵¹ Там же, с. 69-70.
- ⁵² Там же, с. 174-185.
- ⁵³ Там же, с. 140.
- ⁵⁴ Катаев В. Собр. соч. в 10-ти т. – Т. 1. ... с. 34, 35, 37-38.
- ⁵⁵ Катаев В.П. Алмазный мой венец: Повести... с. 105.

- ⁵⁶ Катаев В.П. Уже написан Вертер. Лущик С.З. Реальный комментарий к повести... с. 17-18.
- ⁵⁷ Бугреева А.С. «Настоящие мастера» (художники и поэты) Одесского ЮгРОСТА // Вісник Одеського історико-краєзнавчого музею. – Вип. 11. – С. 72. <http://www.history.odessa.ua/publication11/09.pdf>
- ⁵⁸ ОИКМ, И-2358.
- ⁵⁹ Катаев В.П. Уже написан Вертер. Лущик С.З. Реальный комментарий к повести..., с. 22.
- ⁶⁰ Катаев В. Собр. соч. в 10-ти т. – Т. 1. ... с. 190
- ⁶¹ Там же, с. 19
- ⁶² Протоколы заседания малой коллегии Одесской губ. Чрезвычайной комиссии. – ГДА СБУ. – Ф. 6, оп.3, д. 285. – Протокол заседания 1 сентября 1920.
- ⁶³ Катаев В.П. Уже написан Вертер. Лущик С.З. Реальный комментарий к повести... с. 189
- ⁶⁴ «Витя умер среди ночи в бараке лагерного стационара, куда я довел его, – у меня на руках. Теперь я понимаю, что умер он от инфаркта, а тогда мне не было знакомо даже это слово». – Бондарин С.А. Капкаринские записки: Тетрадь первая, 1952 г. // Дом князя Гагарина: Сб. ст. и публ. – Вып. 1. – Одесса, 1997. – С. 197.
- ⁶⁵ Протоколы заседания малой коллегии Одесской губ. Чрезвычайной комиссии. – ГДА СБУ. – Ф. 6, оп.3, д. 285. – Протокол заседания 1 сентября 1920.
- ⁶⁶ Общество независимых художников в Одессе: Библиографический справочник / Сост. О.М. Барковская – Одесса, 2012. – С. 111.
- ⁶⁷ Тарловский М.А. Молчаливый полет. – Москва, 2009. <http://flibusta.is/b/457880/read>
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ Е. Петров: Все может стать условным //Дерибасовская-Ришельевская. – Одесса, 2000. – № 3. – С. 166.
- ⁷⁰ Тарловский М.А. Молчаливый полет...<http://flibusta.is/b/457880/read>
- ⁷¹ Яворская А. «Побоями нас нянчила страна!»: Один день Одесской Губчека и Эдуард Багрицкий // Дерибасовская-Ришельевская. – Одесса, 2020, – № 81. – С. 214-231. https://odessitclub.org/publications/almanac/alm_81/alm_81-214.pdf
- ⁷² Катаев В.П. Уже написан Вертер. Лущик С.З. Реальный комментарий к повести... с. 66.

Т. Г. Рыбникова

Документ из «времени больших ожиданий»

Одесскому мемориальному музею К.Г. Паустовского недавно подарили несколько документов из личного архива врача Петра Натановича Симоновича.

Нотариально заверенная копия Свидетельства от Одесского Городского Раввина¹ сообщает, что П.Н. Симонович родился в 1888 году. Он учился в одесской 2-й гимназии, затем окончил полный курс в Гейдельбергском университете (Германия).

П. Симонович был участником Первой мировой войны: Послужной список 14-го Стрелкового полка зауряд-врача 2-го разряда Петра Симоновича² свидетельствует, что его призвали из запаса по мобилизации 18 июля 1914 года и, поскольку у него было медицинское образование, прикомандировали в распоряжение старшего врача полка.

Документы 1941–1945 гг. рассказывают о службе военврача П. Симоновича в полевых эвакуационных пунктах, в армейском полевом госпитале³.

Справки и характеристики послевоенного времени говорят о работе в родильном доме № 1 в уже мирной Одессе...

Но один документ представляет особый интерес. Он поможет нам лучше понять исторический фон повести К.Г. Паустовского «Время боль-

Памятная квитанция
о рождении
П. Симоновича.
Одесса, 20 мая 1918.
ОЛМ

IX. ПРОХОЖДЕНИЕ СЛУЖБЫ.		
<p>Когда на службу вступил и проходил ли первоначальную службу, производил ли ее, служил ли в дальнейшем службе, в каких учреждениях и по какому званию, по какой службе, по какой должности или по собственному желанию, куда отправлен и прибыл на новую место службы; награды, чины, ордены, знаки отличия; всевозможные и другие заслуги, Высочайшие благоволения.</p>		
Где	Месяц	Число
По мобилизации призван на службу в Одесский уездный запасный казачий батальон в звании вольноопределяющегося 1-го разряда и назначен на службу в 14-й старшинский ротный запасный батальон 1-го полка.	1914	июля 18
Служил в батальоне в звании 14-го старшинского батальона в 6-й роты вольноопределяющегося 1-го разряда.	1914	июля 19
Присоединен к полковому околотку в распоряжении старшего ротного командира как вольноопределяющийся образованный / пр. № 255 ф 6/	1914	июля 25
Зачислен в батальон в звании старшины / пр. № 323 ф 5/	1914	нояб. 11
Приказом по VIII бригаде от 14 сентября 1915 года за № 699, за отличие удостоен службы в звании старшины на месте вольноопределяющегося 1-го разряда.		

Послужной список П.Н. Симновича. Одесса, 1918. ОЛМ

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОКЪ	
I. Чинъ, имя отчество и фамилия.	Зауряд-врачъ 2-го разряда Петръ Натановичъ СИМОНОВИЧЪ.
II. Должность на службѣ.	Имѣнный врачъ.
III. Ордена и знаки отличия.	Имѣетъ награды: Георгиевскій крестъ 4 ст. № 565377. Серебряную медаль ордена св. Анны 2 ст. № 565377. для ношения на груди на Станиславской лентѣ.
IV. Битыя сраженія.	9 апрѣля 1908 года.
V. Имѣетъ ли какое-либо званіе преподавателя и какой губерніи училищъ.	Сынъ Коллежскаго Ассесора, уроженецъ горскаго одесскаго, одесскаго губ.
VI. Какого образованія.	Юридическаго.
VII. Гдѣ воспитанъ.	В Одесскомъ 2 гимназіи; окончилъ полный курсъ в Гейдельбергскомъ университетѣ, Германия.
VIII. Полученъ ли служб. награды.	Имѣетъ руб.

ших ожиданий» – ведь такие «бумаги» имели хождение в 1920–1921, когда К. Паустовский жил в нашем городе. События тех лет и легли в основу его знаменитой повести.

Этот документ – «Регистрационная карточка Комиссии по учету и перерегистрации бывших офицеров, военных чиновников и врачей»⁴. Дата выдачи не указана. Но регистрация бывших офицеров началась после февраля 1920 г., когда была установлена советская власть в Одессе.

Такое удостоверение служило заменой паспорту, так как паспортная система, существовавшая в Российской империи, была разрушена вскоре после октябрьского переворота.

Паспорт в Российской империи был свидетельством полицейского характера государства, говорил о зависимости, подчиненности человека. Этот документ, по сути дела, являлся разрешением на отлучку с постоянного места проживания.

Программа большевиков провозглашала уничтожение паспортной системы как одну из важных задач. Владимир Ленин еще в 1903 году писал: «Социал-демократы требуют для народа полной свободы пере-

движения и промыслов. Что это значит: свобода передвижения? Это значит, чтобы крестьянин имел право идти куда хочет, переселяться куда угодно, выбирать любую деревню или любой город, не спрашивая ни у кого разрешения. Это значит, чтобы и в России были уничтожены паспорта (в других государствах давно уже нет паспортов), чтобы ни один урядник, ни один земский не смел мешать никакому крестьянину селиться и работать, где ему угодно»⁵.

11 (24) ноября 1917 года был обнародован Декрет ВЦИК и СНК «Об уничтожении сословий и гражданских чинов»⁶. Поскольку паспортная система основывалась на сословном делении (для разных сословий существовали разные правила учета и разные «виды на жительство»), декрет, упразднив такое деление, подорвал и эту систему. Причем ее разрушение началось именно тогда, когда динамика перемещений населения (вследствие войны и революционных потрясений) была чрезвычайно высока, то есть когда перестал работать и второй принцип паспортной системы – закрепленность человека за определенным местом жительства. В результате прежняя система контроля над населением страны рухнула⁷.

Публикуемый документ свидетельствует о том, что, несмотря на заявления и программные обещания, большевики сразу после захвата власти стали восстанавливать систему документов, ограничивающих или запрещающих свободное передвижение граждан.

«Регистрационная карточка О. Г. Ч. К.» содержит примечание, в котором прямо сказано: *«Неимеющие на руках настоящей карточки будут арестовываться...»*

Первоначально это относилось только к некоторым категориям – офицерам, военным чиновникам и врачам. Но в эту категорию попадала значительная часть населения – ведь во время войны мобилизации подлежали практически все мужчины призывного возраста. Если у мобилизованного на военную службу было образование – высшее, среднее, неполное среднее – их направляли на краткосрочные курсы, после которых присваивалось младшее офицерское звание.

Новая власть начинает так называемую «перерегистрацию», для которой необходимо было иметь несколько документов, в том числе «Регистрационную карточку О.Г.Ч.К.». Сведения об этом обнаружены Сергеем Зеноновичем Лущиком в Государственном архиве Одесской области.

Граждане, вызываемые для «перерегистрации», были обязаны иметь при себе несколько документов:

Удостоверение
военврача
П.Н. Симоновича.
1 ноября 1941. ОЛМ

Удостоверение военврача
П.Н. Симоновича.
17 октября 1942. ОЛМ

- 1) Удостоверение личности с места службы,
- 2) Учетную карточку Уездвоенкомата,
- 3) Регистрационную карточку О.Г.Ч.К.
- 4) Свидетельство Высшей приемной комиссии о состоянии здоровья⁸.

Третий документ в этом списке – «Регистрационная карточка О.Г.Ч.К.». Владельцы такого документа обязаны были всегда иметь его при себе. Напечатанный на картоне, он быстро приходил в негодность, изымался властями при выдаче документов другого образца. Поэтому публикуемый документ является уникальным.

Выражаем глубокую признательность Лилии Дмитриевне Новицкой, сохранившей и передавшей нашему музею ценные свидетельства минувшей эпохи.

Форма № 5.

Одесская Губернская Чрезвычайная Комиссия.

Регистрационная карточка № 2638

**Комиссия по учету и перерегистрации бывших офицеров,
военных чиновников и врачей.**

1. Фамилия *Симонович.*

2. Имя и отчество *Петр Натанович.*

3. Офицер (специалист) *врач.*

4. Год рождения *1888г.*

5. Адрес *Свердлова № 79 к. 8*

6. Место службы *Туберкулез.*

7. № анкетного листа *5017-5018.*

Вышеуказанный гражданин зарегистрирован в Комиссии по учету и перерегистрации быв. офицеров, военных чиновников и врачей, что подписями и приложением печати удостоверяется.

Председатель Комиссии

Секретарь

и Непомощия на руках настоящей карточки обязательны. При входе из пределов г. Одессы необходима отметка Комиссии. При поступлении на службу предъявлять карточку в Командный пункт учреждения или части. Карточка действительна только в Одессе. О выезде из Одессы и в другие местности до сведения Комиссии, которая несет ответственность за отметку. Исполнение сего возлагается на добросовестность и по всем строгостям закона. Революционного правительства.

«Регистрационная карточка Комиссии по учету и перерегистрации бывших офицеров, военных чиновников и врачей», выданная П.Н. Симоновичу. Одесса, начало 1920-х гг. ОЛМ

Форма № 5.

Одесская Губернская Чрезвычайная Комиссия.

Регистрационная карточка № 2638

Комиссия по учету и перерегистрации бывших офицеров,
военных чиновников и врачей.

1. Фамилия *Симонович*
2. Имя и отчество *Петр Натанович*

3. Офицер (специалист) *Врач*
4. Год рождения 1888 г.
5. Адрес *Свердлова № 78 к. 8.*
6. Место службы *Губздравотд.*
7. № анкетного листа *неразб. (2089 <0> б. ?)*

Вышеуказанный гражданин зарегистрирован в
Комиссии по учету и перерегистрации быв. офицеров, военных чиновни-
ков и врачей, что подписями и приложением печати удостоверяется.

Фото

Треугольный штамп: Одесская Губернская Чрезвычайная Комиссия

Подписи:

Председатель Комиссии (подпись неразб.)

Секретарь (за секретаря) (подпись: Грузинск..)

Примечание: Неимеющие на руках настоящей карточки будут аресто-
вываться. При выезде из пределов г. Одессы необходима отметка Комиссии.
При поступлении на службу пред'являть карточку в Ком'ячейку учреждения
или части или ответственному работнику. О каждой перемене адреса и места
службы доводить до сведения Комиссии, которая делает соответствующую
отметку. Неисполнение сего влечет за собой ответственность по всем стро-
гостям закона Революционного времени.

¹ Свидетельство о рождении П. Симоновича. Нотариально заверенная копия записи в метрической книге Одесского Раввина. – ОЛМ. нв-23945.

² Послужной список Зауряд-врача 2-го разряда П.Н. Симоновича. – Одесса, 14. 08. 1918 г. – ОЛМ. НВ-23943.

³ См. также: СИМАНОВИЧ Петр Натанович (9.4.1888, г. Одесса) // ВОЕННЫЕ ВРАЧИ – УЧАСТНИКИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941 – 1945 гг.: Краткий биографический справочник. Часть вторая. – Санкт-Петербург, 1996. – С. 139.

⁴ Документ. Регистрационная карточка № 2638. Комиссия по учету и перерегистрации бывших офицеров, военных чиновников и врачей. Одесская Губернская Чрезвычайная Комиссия. – ОЛМ. НВ-23944.

⁵ Ленин В.И. К деревенской бедноте // В.И. Ленин. ПСС. – Т. 7. – Москва, 1967. – С. 169.

⁶ Декрет ВЦИК и СНК «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» // Декреты Советской власти. – Москва, 1957. – Т. 1. – С. 72.

⁷ Байбурин А. Введение паспортной системы в СССР // Статус документа: Окончательная бумажка или отчужденное свидетельство? – Москва: Новое литературное обозрение. – 2013.

⁸ Луцки С.З. Аресты бывших офицеров осенью 1920 года в Одессе // Дерибасовская–Ришельевская: Литературно-художественный альманах. – Вып. 1 [12]. – Одесса, 2003. – С. 31.

Новые поступления в фонды музея

Рукописи и фотографии Семёна Кирсанова

В Одесском литературном музее широко представлены материалы из архива С.И. Кирсанова, в предыдущих выпусках нашего сборника были опубликованы ранние стихи и письма поэта¹, рукописи ранних стихотворений 1915–1922 годов легли в основу книги «Кирсанов до Кирсанова»², изданной музеем совместно со Всемирным клубом одесситов.

Семён Исаакович Кирсанов родился 5 сентября 1906 года в Одессе. В 10 лет Кирсанов написал своё первое стихотворение. В 16 лет прочитал свои стихотворения приехавшему в Одессу Маяковскому.

В 1924 году писатели-футуристы в очередной раз приехали в Одессу, чтобы провести поэтический концерт. И, вдохновленные услышанным, левые поэты Одессы создают литературную организацию «Юго-ЛЕФ». Связь с футуристами очевидна, как и стремления подражать им. «ЛЕФ» (Левый фронт) – это и журнал, и творческое объединение, основанное в 1922 году, идейным лидером которого был Владимир Маяковский. (В 1924 в «ЛЕФе» были опубликованы два стихотворения С. Кирсанова).

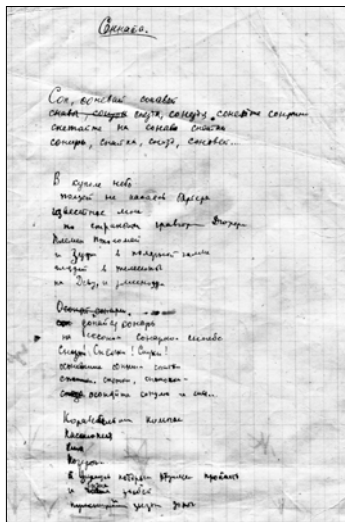
В свою очередь, «Юго-ЛЕФ» (Южный левый фронт) – это литературное объединение, основанное в 1924 году, формальным руководителем которого был Леонид Недоля-Гончаренко, а идейным лидером – Семён Кирсанов.

Организация «ЮГО-ЛЕФ» прожила всего год, с 1924 по 1925. Одной из причин распада организации послужил переезд Семёна Кирсанова из Одессы в Москву в 1925 году.

Материалы, о которых пойдёт речь в статье, были переданы в фонды ОЛМ по поручению Владимира Кирсанова³. Среди новых поступлений: пятнадцать рукописей⁴, машинопись⁵, письмо Э. Фурманова⁶ С. Кирсанову⁷, книга «Стихи и поэмы»⁸ и тринадцать фотографий⁹.

Рукописи

С. Кирсанов. «Соната».
1920-е гг. ОЛМ

1. Стихотворение «Соната». 1920-е гг.
Рукопись на двух листах, написана красными чернилами на одной стороне листа. Нумерация страниц отсутствует. Датировка отсутствует. В тексте пометки и исправления. На обороте первого листа рисунок, сделанный карандашом, а также заметки и геометрические фигуры, сделанные черной ручкой. (КП-31893; Р-3629)

2. Стихотворение «Малый лев, малый пес...». 1920–1923 гг.

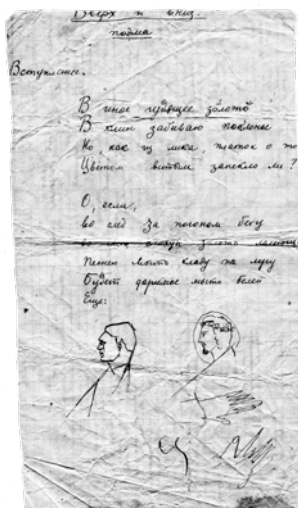
Рукопись на одном листе, написана красными чернилами с одной стороны листа. В тексте пометки и исправления. Датировка отсутствует. (КП-31894; Р-3630)

3. Вступление к поэме «Верх вниз». 1920–1923 гг.

Рукопись на одном листе, написана фиолетовыми чернилами на одной стороне листа. Датировка отсутствует. Ниже текста рисунки, сделанные коричневыми чернилами. На обороте листа заметки, сделанными черными чернилами. (КП-31892; Р-3628)

Верх и вниз поэма Вступление

В иное гудящее золото
В клин забиваю поклоны
Но, как из лика, платок о то
Цветом витым запекло ли?
О, если,
во след за погоном бегу
во снег смехун золото лелеючи
Песнею Моиню кладу на лугу
Будет даримое мыто белей

С. Кирсанов. Вступление к поэме
«Верх вниз». 1920–1923 гг. ОЛМ

4. Стихотворение «Едет, едет паровоз...». 1920–1923 гг.

Рукопись на одном листе, написана черными чернилами на одной стороне листа. Датировка отсутствует. Две строки стихотворения заключены в прямоугольник. (КП-31897; Р-3633)

5. Стихотворение «От такой работы звезды у небес на лбу...». 1920–1923 гг.

Рукопись на одном листе, написана красными чернилами на одной стороне листа. В тексте пометки и исправления. Датировка отсутствует. (КП-31893; Р-3629)

6. Черновик стихотворения «В мои младенческие лета...». 1920-е гг.

Рукопись на одном листе, написана черными чернилами на одной стороне листа. Датировка отсутствует. В тексте многочисленные вычёркивания и одна иллюстрация автора. (КП-31896; Р-3632)

7. Черновик стихотворения «В миску зерно к зерну». 1920–1930-е гг.

Рукопись на одном листе, написана фиолетовыми чернилами на одной стороне листа. Датировка отсутствует. На листе два рисунка автора. Исправления и пометки отсутствуют. (КП-31898; Р-3634)

8. Черновик стихотворения «Никакой веронал, никакой люминал...». 1920–1930-е гг.

Рукопись на одном листе, написана черными чернилами на одной стороне листа. Датировка отсутствует. В тексте многочисленные исправления и вычёркивания. (КП-31900; Р-3636)

9. Стихотворение «С Красной площади с балкона...». 1930-е гг.

Рукопись на одном листе, написана простым карандашом на одной стороне листа. Датировка отсутствует. Исправления и пометки отсутствуют. (КП-31901; Р-3637)

10. Черновик стихотворения «Пузырёк чернильный...». 1930-е гг.

Рукопись на одном листе, написана фиолетовыми чернилами на одной стороне листа. Датировка отсутствует. В тексте многочисленные вычёркивания и исправления. На обороте несколько рисунков, сделанных фиолетовыми чернилами. (КП-31888; Р-3624)

11. Черновик стихотворения «Красавица касается витрины...». 1930–1940-е гг.

Рукопись на одном листе, написана фиолетовыми чернилами на одной стороне листа. Датировка отсутствует. В тексте несколько вычёркиваний и исправлений. На обороте листа автошаржи и рисунки автора, сделанные фиолетовыми чернилами. (КП-31891; Р-3627)

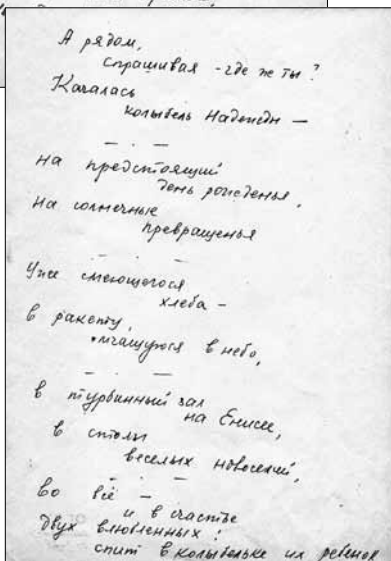
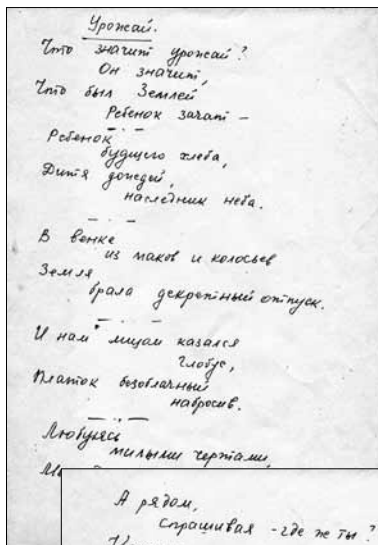
12. Черновик стихотворения «Апрель». 1950-е гг.

Рукопись на одном листе, написана синими чернилами на одной стороне листа. Датировка отсутствует. В тексте многочисленные вычёркивания и исправления. (КП-31887; Р-3623)

13. Стихотворение «Урожай». 1960-е гг.

Урожай

Что значит урожай?
 Он значит,
 Что был Землей
 Ребенок зачат –
 Ребенок
 будущего хлеба,
 Дитя дождей,
 наследник неба.
 . . .
 В венке
 из маков и колосьев
 Земля
 брала декретный отпуск.
 И нам лицом казался
 глобус,
 Платок безоблачный
 набросив.
 . . .
 Любуясь
 милыми чертами,
 Мы дни июльские
 считали.
 . . .
 А рядом,
 спрашивая – где же ты?
 Качалась
 колыбель Надежды –
 . . .
 На предстоящий
 день рожденья,
 На солнечные
 превращенья
 Уже смеющегося
 хлеба –
 в ракету,
 мчащуюся в небо.

С. Кирсанов. «Урожай». ОЛМ

- . -

в турбинный зал
на Енисее,
в столы
веселых новостей,
во все –
и в счастье
двух влюбленных:
спит в колыбельке их ребенок

Рукопись, два нумерованных листа. Текст написан красной шариковой ручкой с одной стороны листа. Исправления и пометки отсутствуют. Датировка отсутствует. (КП-31889; Р-3625)

14. Стихотворение «Эпоха Хеопса...». 1960-е гг.

Рукопись на одном листе, написана синей шариковой ручкой на одной стороне листа. В тексте подчеркивания, выделены отдельные слова и несколько иллюстраций. Датировка отсутствует. (КП-31890; Р-3626)

обезьяна
фиолет тело и ф
орангутан
туалет
грандафора
Герпсихора хихо
плохих
во сухих усов

ищи сухих уисиц

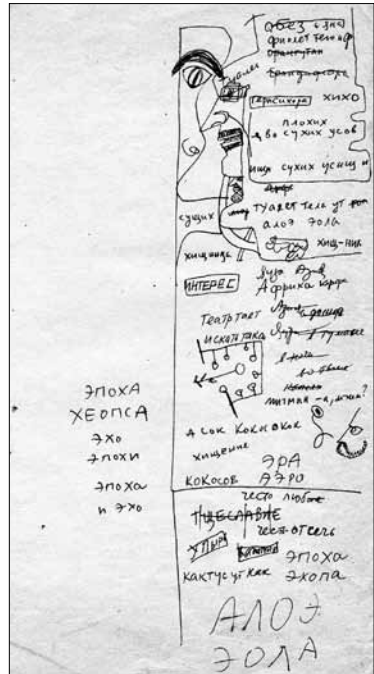
туалет тела ут
сущих
алоэ зола
хищница хищ-ник

ЭПОХА
ХЕОПСА

эхо Яура Адиа
эпохи интерес

А фрика карсра
эпоха театр тает
и эхо искать така Я иду в тумане
в ночи
во тьме

митман – а, мчим?
а сок а кокосок

С. Кирсанов. «Эпоха Хеопса...». 1960-е гг. ОЛМ

хищение
эра
кокосов аэро

честь любят
честь отсець
эпоха
кактус ут как эпоха
алоэ
эола

15. Черновик стихотворения «Вечерами в телевизор...». 1960-е гг. Рукопись на одном листе, написана простым карандашом. Датировка отсутствует. Одна буквы вычеркнута. (КП-31899; Р-3635)

Машинопись

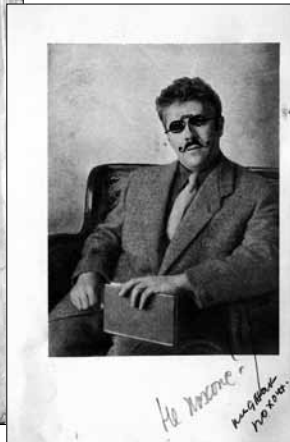
Стихотворение «Два брата». 1950-60-е гг. Машинопись на пяти нумерованных листах (289×203мм) и обрывке листа (54×203), на котором также напечатан текст. Датировка отсутствует. В тексте исправления и один рисунок на пятой странице. Все пометки сделаны красным, розовым и простым карандашом и синей шариковой ручкой. На последнем листе в конце стихотворения напечатано «Семён Кирсанов». Печать и все пометки только с одной стороны листов. (КП-31925; Р-3655)

Письмо

Письмо Эмиля Фурманова Семену Кирсанову. Середина 1920-х гг. Один лист, исписанный с двух сторон черными чернилами. В письме упоминаются Семён Олендер¹⁰, Давид Бродский¹¹ и литературная организация «Смена». Бумага пожелтевшая, порванная, со следами сгибов, с утратами. (КП-31926; Р-3656)

Книга

С.И. Кирсанов. Стихи и поэмы. Москва, 1951. Сигнальный экземпляр автора. Книжный блок разброшюрован. Часть страниц утрачена, часть дублируется. В книге многочисленные правки, сделанные Семёном Кирсановым. В основном правки относятся к стихотворениям, но есть и исключения. Например, на фронтиспise – портрет Кирсанова, шутивно дорисованы очки и усы. Рисунок сопровождается надписью карандашом: «*He похоже!*», и надписью сделанной синей ша-

С. Кирсанов. Стихотворения и поэмы. 1951.
Сигнальный экземпляр. ОЛМ

риковой ручкой: «пиджак похож». Правки сделаны карандашом, красной ручкой и, чаще всего, синими чернилами. Иногда автор вычёркивал строки из стихотворений, иногда вносил изменения в текст. Последние страницы (342, 346, 347, 348 и нахзац) использованы как черновики для стихотворений. (КН-13444; КП-3625)

Фотографии

Фотографии, на которых изображён С. Кирсанов, датированы приблизительно 1940–1960-ми гг. Также в фонды музея поступили фотографии сына Кирсанова – Алексея¹² (приблизительно 1960-е гг.) и Раисы Кирсановой¹³, второй жены Семёна Кирсанова (приблизительно 1950-е гг.).

С. Кирсанов. 1950-е гг. ОЛМ.

В фондах ОЛМ имеется шесть фотографий с похорон С. Кирсанова.¹⁴ На фотографиях – Алексей Кирсанов (сын С. Кирсанова), Людмила Кирсанова¹⁵ (третья жена поэта, в девичестве Лукина), Павел Антокольский¹⁶, Борис Слуцкий¹⁷, Сергей Смирнов¹⁸, Василий Катаньян¹⁹, Лиля Брик²⁰. (КП-31856; Ф-3045. КП-31851; Ф-3044. КП-31852; Ф-3045. КП-31852; Ф-3045. КП-31857; Ф-3050. КП-31855; Ф-3047. КП-31857; Ф-3050. КП-31858; Ф-3051. КП-31859; Ф-3052. КП-31860; Ф-3053. КП-31861; Ф-3054. КП-31862; Ф-3055)

Алексей Кирсанов. 1960-е гг. ОЛМ

- ¹ Яворская А.Л. Рукописи Семена Кирсанова в фондах Одесского литературного музея // Дом князя Гагарина: Сб. ст. и публ. – Вып. 4. – Одесса, 2007. – С. 141-188; Яворская А.Л. Письма Семена Кирсанова // Дом князя Гагарина: Сб. ст. и публ. – Вып. 5. – Одесса, 2009. – С. 161-191.
- ² Кирсанов до Кирсанова / Сост. А. Яворская, Е. Голубовский. – Одесса, 2007. – 176 с.: ил. – Тираж 100 экз. – Совм. с Всемирным клубом одесситов.
- ³ Кирсанов Владимир Семенович (1936–2007) – сын С. Кирсанова от первого брака. Материалы переданы друзьями В. Кирсанова после его смерти.
- ⁴ Протокол фондовой комиссии №8, 31.10.2018, акт приёма №27, 4.07.2019.
- ⁵ Протокол фондовой комиссии №8, 31.10.2018, акт приёма №32, 20.08.2019.
- ⁶ Фурманов Эмиль Александрович (нач. 1900-х – 1980) – член литературной организации «Юголеф», друг С. Кирсанова.
- ⁷ Протокол фондовой комиссии №8, 31.10.2018, акт приёма №32, 20.08.2019.
- ⁸ Протокол фондовой комиссии №8, 31.10.2018, акт приёма №32, 20.08.2019.
- ⁹ Протокол фондовой комиссии №8, 31.10.2018, акт приёма №21, 14.06.2019.
- ¹⁰ Олендер Семен Юльевич (1907–1969) – поэт, переводчик. Родился в Одессе.
- ¹¹ Бродский Давид Григорьевич (1895–1966) – поэт, переводчик. Родился в Одессе.
- ¹² Кирсанов Алексей Семенович (1960–1996).
- ¹³ Кирсанова (в девичестве Беляева) Раиса Дмитриевна (1923–1986) – вторая жена (с 1941 по 1958 гг.) С. Кирсанова.
- ¹⁴ С. Кирсанов умер 10 декабря 1972 г.
- ¹⁵ Кирсанова (в девичестве Лукина) Людмила Михайловна (1935–2007) – третья жена (с 1960 по 1972 гг.) С. Кирсанова.
- ¹⁶ Антокольский Павел Григорьевич (1896–1978) – поэт, переводчик.
- ¹⁷ Слуцкий Борис Абрамович (1919–1986) – поэт, переводчик. Во время учебы в Литературном институте в 1937 г. был студентом семинара С. Кирсанова.
- ¹⁸ Смирнов Сергей Сергеевич (1915–1976) – писатель, историк, секретарь Московского отделения Союза писателей РСФСР.
- ¹⁹ Катаньян Василий Абрамович (1902–1980) – литературовед, писатель, биограф Владимира Маяковского.
- ²⁰ Брик Эльза Юрьевна (1891–1978) – адресат произведений Владимира Маяковского.

В.І. Горбатюк

Літо після вирію

Панько Педа: творчість і доля

Родом із Жванця

Він ходив у сірій солдатській шинелі – усміхнений, голубоокий, із зачесаним назад руським волоссям. Шинеля та батькова – як забрали по мобілізації на фронті Світової війни, то повернувся вже аж ген коли – як радянська влада встановилася. У цій шинелі батько й прийшов додому. Хоча де він, той дім сімейства Пед?

Панько Педа народився 23 грудня 1907 року в містечку Жванець – на південнім краю Поділля, при березі широкої й повноводої річки Дністер. З містечка їхнього, просто з головної вулиці, простягався через річку довгий дерев'яний міст – на буковинську сторону, в село Атаки. Високі мальовничі береги, невтишима, вічно в бігу течія Дністра, довколишні то рівнинні, то розкидані схилами пагорбів поля чарували Панька із самого дитинства. Та коли батько Михайло Юрійович, коваль містечковий

*В. П. Педа, мати поета.
1920-ті рр. ХОЛМ*

М. Ю. Педа, батько. 1910-ті рр. ХОЛМ

(та не місцевий, бо латиш, прибився в подільський край іздалеку) пішов на фронт, мусили Педи теж вирушати з цієї місцини – тут розгорталися бойові дії. Мати Віра Петрівна, в дівочтві Тимінська, вирішила податися на схід. Сина перевезла в Гнівань і залишила в своєї матері, а з молодшою донькою Інною поїхала далі – спершу в Тростянець, потім – у Стару Осоту на Чигиринщині, далі – в Сокильчу на Київщині... бо відправила вона його навчатися в школі до Вінницького дитячого будинку.

Учитись Панько любив, старався. Особливо подобалось йому читання. Книги стали його улюбленими друзями. Та ще вірші – запоем читав «Кобзаря» Тараса Шевченка, Лесю Українку, поезії І. Нікітіна, О. Кольцова, М. Некрасова й багатьох інших. І сам пробував складати вірші.

Одного разу відвідав їхній дитбудинок нарком освіти УРСР Володимир Затонський. Йому показали творчість здібного хлопчика – і нарком посприяв, щоб вірш Панька Педи надрукували в журналі «Червоні квіти» (1923, № 1).

Ще любив Панько співи. Залюбки ходив співати в церковний хор місцевої парафії автокефальної православної церкви.

Після закінчення школи пішов працювати на вінницький завод «Молот». Але свого захоплення книгами не облишав. У хаті-читальні він – один з найактивніших.

Бажаючи навчатися далі, в 1926 році дев'ятнадцятилітній юнак поїхав до Одеси. Після співбесіди його прийняли на робітничий факультет інституту народного господарства. Хоч просився він до інституту народної освіти.

Навчався – й працював творчо. Писав поезії й друкував у газеті «Червоний степ», журналах «Провесень», «Блиски». Входив до літературної організації «Гарт». Керував літературним гуртком робітничої молоді заводу ім. Січневого повстання. А в посівну та збиральні компанії разом з такими ж робітфаківцями їздив у райони області допомагати селянам.

П. Педя. 1920-ті рр.
ОЛМ

Однак думка про інститут народної освіти (ІНО) не покидала його. Саме в навчанні там він бачив кращі можливості для розвитку своєї літературної творчості. 21 червня 1928 року студент третього курсу робітфаку інституту

народного господарства Панько Педа звернувся із заявою до ІНО з проханням зарахувати його студентом.

«За три роки навчання я відчув великий потяг до літератури, чому і вважаю за необхідне вивчати її у відповідній науковій установі, – писав він у заяві. – Про мої досягнення у галузі літератури говорить те, що маю низку друкованих творів і непогані відгуки преси. Крім того, мене затверджено членом ВУСППу»¹.

В анкеті, яку заповнював при переведенні до ІНО, зазначав, що батько його в цей час працює токарем цукрового заводу в Згурівці на Полтавщині, мати – селянка.

У колі друзів, у лещатах ворогів

Великі очі, середнього зросту, у кепці, вельветовій тужурці... Він був увесь, як наелектризований. Очі розумні, великі, як у пугача, з довгими мітелками вій. Він увесь – рух, сучасність, жива і гостра. Як він відчував все нове, обстоював його»².

Так згадувала Панька Педу колишня студентка ІНО Лідія. Незвичайна, цікава історія їхнього знайомства та спілкування. Про неї розповів у передмові до посмертної збірки поезій Педи «Горять огні» його однокурсник і друг Степан Олійник, згодом відомий поет-сатирик:

Якось повертався він із села від батьків. Ідучи зі станції мимо інституту, зайшов до вестибюля і взяв на вікні адресованого йому листа. Приніс до гуртожитку, прочитав. Лист був віршований. Таємнича дівчина-студентка в грайливо-іронічному тоні напала на його поезії і явно загравала. Пригадую, лист її починався словами: «Вы, Пед, – служитель Аполлона» і т. д. Підпис – Ліда Льдова. Ясно, що псевдонім. Авторка листа писала, що відповідь їй можна залишити в конверті на тому ж вікні у вестибюлі інституту. Трішки ображений і зачеплений за живе, Панько Педа, незважаючи на дорожню втому, сів до столу і, як кажуть, з ходу відповів – на трьох сторінках, з настроєм, з цікавими дотепами, з дошкульним гумором. І пішла віршована перепалка! Тяглося їхнє листування півроку. Погляди на життя, громадська роль поета, шляхи розвитку поезії – ось теми, що були зачеплені в цій віршованій «битві». Товстий загальний зошит заповнився посланнями Ліді Льдовій. (На жаль, знайти цього зошита не вдалося).

Через півроку відбулося побачення Панька Педи з Лідєю Льдовою. Почалася їхня хороша дружба»³.

Згодом Лідія Льдова стала відомою журналісткою, дружиною російського прозаїка Віталія Закруткіна.

Найближчим другом Панькові в студентські роки був такий Степан Олійник. Він згадував, що навчався разом з Педою в інституті професійної освіти і проживав із ним в одній кімнаті у гуртожитку.

Не раз після підготовки до лекцій, пізніми вечорами починали ми своєрідне «змагання»: хто більше пам'ятає віршів Некрасова, Маяковського, Сосюри, Єсеніна, Тичини і т. д. Уже давно спав гуртожиток, а в нашій 77 кімнаті продовжувався «літературний вечір». Панько Михайлович у цьому «змаганні» майже завжди виходив переможцем⁴.

І це були не просто читання віршів, а своєрідне навчання – щоб і самим творити по-мистецьки. «Читаючи його твори, – зазначав Степан Олійник у передмові до збірки «Горять вогні», – ви відчуваєте їх внутрішню музику, прозорість і чистоту настрою, дзвінкість кожного рядка»⁵.

Навчання в інституті народної освіти дало Панькові Педі й нове творче піднесення. Публікувався в місцевих часописах та іноді в республіканських. Йому писав листи і підтримував його творчість Павло Тичина. В 1931 році видавництво «Гарт» випустило в світ збірку поезій Панька Педи «Перший рейд». Юнак подає до розгляду ще один рукопис поезій, готує наступну збірку, багато перекладає, в тому числі й з єврейської мови – одеського поета Ханана Вайнермана. Тісна творча дружба єднає його з молодими письменниками Володимиром Гадзінським, Ва-

силем Миколоюком, Савою Голованівським, Левом Селівановим, Олександром Кімлачем, Олесем Мазуром.

*Одеська філія Плуга.
Верхній ряд: Запорожець,
Он. Сенченко, Бачинський.
Середній ряд: Гурій, Гусак,
Огневик. Внизу Педя (ліворуч),
Калайда. 1925 р. ОЛМ*

Та саме в цей час, на початку 1932 року, він разом зі Степаном Олійником зазнає підступного удару: енкаведисти зробили обшук у кімнаті гуртожитку, де жили друзі, вилучили вірші, листи, фотографії й почали так зване розслідування. Насправді ж – фальшування справи – з фізичним і психологічним тиском, підробленими підписами, підтасованими листами, наклепами, провокаціями, з підступністю й повною брехнею.

Три місяці перебували молоді друзі під слідством. Не зламалися, вистояли й продовжили навчання. Того ж року Панько Педа одержав диплом випускника ІНО й дістав направлення вчителя української мови та літератури в одну із шкіл Одеси. Через якийсь час перейшов на викладацьку роботу в Одеський сільськогосподарський інститут, а згодом організація ВУСППу рекомендувала його на посаду завідувача літературною частиною одеського театру опери та балету.

Однак за видимістю успіхів чаїлася постійна небезпека, що висіла над головою, як невідворотний Дамоклів меч. Підготовлені до видання рукописи не мали подальшого руху. Все менше й менше його друкують у періодиці. Там же час від часу рецензенти піддають його твори різкій критиці.

«Від колишнього веселого, щирого, одвертого Панька нічого не залишилося, – зазначала у своїх спогадах все та ж Лідія Льдова-Закруткіна. – Поет передчував небезпеку»⁶.

Вирок

Лиховісні передчуття не обманули його.

17 грудня 1937 року холодний вітер дув з моря, бився у вікна будинку числом три по вулиці Кангуна. Але тої ночі грюкіт у двері помешкання, також під числом три, розбудив його насельників – письменника й викладача Панька Педу та його дружину актрису театру Тетяну Соколовську.

Панька Педу арештували органи НКВД СРСР. А вже через тиждень, 23 грудня, в день тридцятиріччя поета, «трійка» НКВД в Одеській області ухвалила вирок щодо нього – розстріл. Звинувачували молодого письменника як нібито активного учасника контрреволюційної української терористичної організації, який мав зв'язки з «петлюрівськими елементами і автокефальною церквою». Тобто, пригадали йому спів у дитячому церковному хорі в 1921–1922 роках. В чому ж проявились оті зв'язки з «петлюрівськими елементами» – невідомо.

Вирок було виконано негайно – 27 грудня 1937 року в тій же одеській в'язниці.

Сестра Інна

Майже на три роки молодша від Панька сестра Інна, як і він, також навчалася в Одесі – в театральному інституті. По його закінченні працювала актрисою в Київському театрі імені Івана Франка, трохи пізніше – в Чернігівському театрі імені Тараса Шевченка.

Саме там, у Чернігові, Інну застала звістка про арешт брата. Незабаром приїхала куратор театру Наталя Ужвій. На звичне привітання молоді актриси вона не відповіла. Інну ж покликали до кабінету художнього керівника Григорія Воловика. Як згодом згадувала Інна Михайлівна Кравченко-Педа, там відбулася розмова приблизно такого змісту: «Н. Ужвій: – Як ви можете дихати одним повітрям з родичкою контрреволюціонера? Гнати її треба поганим віником... Г. Воловик: – Інна обдарована актриса. Вони блискуче грає в театрі провідні ролі. Я не уявляю без неї... Н. Ужвій: – Що ви собі дозволяєте?! Чи, може, ви поділяєте погляди її брата?»⁷.

Важко сказати, чим керувалася Наталя Ужвій у своїх діях. Адже ще зовсім недавно, 27 квітня 1937 року, був арештований, а 26 жовтня розстріляний її чоловік Михайль Семенко. То що це було: насправді така відданість режиму чи лишень демонстрація цього як спосіб самооборони себе й сина? Адже вона зреклася й батька своєї дитини через одну з цих причин. Утім, згодом син відгукувався про свою матір прикрими словами.

Так чи інакше, Інна Педа змушена була піти з театру. Поїхала до батьків, які мешкали в Згурівці на Полтавщині. А тут чекала її біда: дирекція радгоспу посеред зими, в лютому місяці, вигнала з помешкання батьків – просто на сніг і мороз. Та ще й з малим сином Юрком – молодшим братиком Панька та Інни. Колишні сусіди теж накинулись на них – навіть не дозволяли води набрати у криниці⁸.

У відчаї Інна Педа написала листа до Сталіна. Наприкінці запитала: чи можна переслідувати всю родину арештованого, а батьків навіть виключити з партії? І на цей раз «вождь» проявив своє милосердя у тому, що опублікував у пресі статтю про те, що батьки та родичі не відповідають за провини дітей і навпаки, а через те й місцеві органи влади змінили своє ставлення до родини репресованого поета.

Здавалося б, справедливість щодо сім'ї було повернуто. Але тавро сестри «ворога народу» залишилося на Інні. Її знову взяли на роботу в театрі, але в якому? В Київському робітничо-селянському. Без прописки, без житла, фактично без ролей – грала тільки в масових сценах.

На цьому й закінчилась театральна стежина Інни Педи, насильно обітрвана компартійним режимом на самому її підйомі.

По війні Інна Михайлівна взялася за розшуки відомостей про брата, відновлення його чесного імені. Й коли на свої письмові запити дістала офіційне повідомлення Трибуналу Одеського військового округу від 1 березня 1957 року про посмертну реабілітацію Панька, поїхала в Одесу, щоб розшукати й перевидати твори страченого поета. Тут знайшла підтримку й допомогу від колишніх гуртожитських співмешканців Панька, його побратимів по творчості й переслідуваннях – письменників Степана Олійника й Олеся Мазура. Метою їхньою було одне: повернути читачам ім'я і творчість Панька Педи.

Батьки

Михайло Педа після Світової війни, революційних та інших бурхливих подій зміг розшукати сім'ю тільки в 1927 році. Працював токарем на цукровому заводі у Згурівці Полтавської області. Арешт і невідома доля сина, переслідування сім'ї, з усього видно, не підірвали його радянського світогляду. За це й поплатився життям: німецькі окупанти стратили його як комуніста – повісили в центрі села, на очах сотень мешканців.

Залишилися вірною більшовицькому режиму і мати Панька Педи – Віра Петрівна. Після страти чоловіка вона налагодила зв'язок з партизанами. За їхнім дорученням у 1942 році з'явилася в окупованому німцями Києві. Тут її й арештували – видала колишня співробітниця театру, де до війни працювала її дочка Інна. В. Педу (Тимінську) гітлерівці розстріляли в Бабиному Яру⁹.

Дружина перша, дружина друга

Високому, вродливому поетові, за яким щеміло серце не в одній дівчини, аж ніяк не пощастило в сімейному житті. Невідомо, чи плакала за ним дружина Тетяна Соколовська, актриса одеського театру, коли Панька серед ночі забрали з дому енкаведисти. Якщо й були сльози, то швидко висохли. Сталося так, що незабаром вона пов'язала свою життєву дорогу зі «стражами революції». Правдивіше, з одним із них – слідчим, який і вів справу Панька Педи. Вона стала його дружиною¹⁰.

Драматичним виявився і перший шлюб поета – з Ньютою Черанівською. Хоч кохання з обох боків, мабуть, було щирим і глибоким. Про це, принаймні свідчать поодиночні листи, що збереглися, – від Панька Педи до Ньюти Черанівської та від Ньюти до Інни Кравченко-Педи.

Отже, лист Панька до Ньюти і матері. Очевидно, написаний 1931 року, бо йдеться в ньому про вихід у світ книги перекладів з єврейської мови. З листа випливає, що тоді молода дружина поки що жила в матері поета. З тексту можна припустити, що зналися вони досі мало, а тому Панько ділиться з молодою дружиною своїми поглядами на життя та їхнє спільне майбутнє. Лист цей побіжно ще раз доводить, що ніяким контрреволюціонером Панько Педа не був, навпаки, підкреслював свою відданість ідеї соціалізму і гордився тим, що був «гвинтиком» великої радянської машинерії (яка невдовзі розтрощила його, як і мільйони інших людей).

20/VII. Одеса.

Любі мої Ньюто і Мамочко!

Чи Ви гніваєтесь на мене, що я отримав від Ньютика одного листа і все?

Я хочу зробити, аби було краще. Їхати до Києва завжди встигну, хай Ньюта приїжджає до Одеси, подивиться, коли їй тут сподобається – зможемо залишитись в Одесі, ні – значить, до Києва. А проїхатись, освіжитись, купатися в морі Ньюті не завадить.

Сьогодні я нарешті перший день на праці. Оце сиджу в установі чекаю інструкцій і пишу листа. Покинути працю я завжди зможу.

Люба Ньютонько, я дуже хотів би тебе вже бачити. Не дочекаюсь від тебе листа. Напиши як у тебе справи. Якщо ти не зможеш приїхати – пиши і за кілька днів я в Києві. Словом, знай, що в тебе є чоловік, любить тебе і хоче жити для тебе. Знаєш, Ньютику, мені так хороше. Нарешті я знайшов те чого я шукав, боявся і оминав. Я не знав, що мати дружину – це мати товариша – найкращого друга. А мені здається, що я не помилюся. Ми справді товариші. Ми будемо разом, будемо підтримувати один одного в важкі хвилини і поділяти радість продовж нашого великого життя. Я, Ньютику, живу не тільки для себе, отже й не тільки для тебе. Буде потрібна моя молода сила, знання, м'язи – і я піду для нашої спільної справи, бо я вірю в ідею соціалізму, і вона для мене важливіша, більша як усе моє життя з маленькою нашою недобудованою ще радістю. І ось коли я хтів би, щоб ти була мені другом. Щоб пройнялася моєю вірою і зрозуміла, що життя без ідей – це беззмістовне сіреньке перебування, це черги, робкопи, пайок та ліжко. Цим ніколи не задовольнишся, бо людина по своїй суті ненаситна. Через те люди або дрібнішають (це – не вірять в свої сили бо навколо бачуть далеко дужчих, що рвуть з зубів від свого ж сусіди) або робляться шкурниками, вовками. Це не люди, бо вони не мають ідей вищих за свою власну шкуру. Друга категорія людей це будівники не на словах а на ділі. Деякі з них відмовляються від усього, крім своєї мети –

це аскети і фанатики. Люди теж нездорові. А я належу до тої категорії життєрадісних людей, що свого не упустиють, але знають і вірять в свою мету і в слушний час за неї перегризуть горло хоча б рідному батькові.

Пишу це тому, що ти повинна знати хто твій чоловік, бо ми ж не мали коли глибоко ознайомитись один з одним. Ти ніжна і розумна, запальна і молода. Тому мені з тобою по дорозі. Ми разом будемо вчитись пізнавати, вчитись любити те, що для багатьох є абстракція. Будемо гвинтиками великої машини, рушіями епохи і фронтовиками. Головне бути радісним і вміти дивитися через голови, бачити перспективу. Пиши ж мені не відкладаючи. Про все-все. Мене цікавить і твоя робота і твої думки і радощі і неприємности. Адже ми повинні боротися поруч. Вчора мені підіслали трохи грошей 130 крб. і книжку перекладів з євр[ейської] мови. Переклад мій. Пиши коли виїдеш і яким поїздом. Краще їдь 41. На всяк випадок – до мене попасти можна так: сідай на № 3 трамваю це 3 квартали від вокзалу на вулиці Преображенській. Їдь до міста в самий кінець лінії. Там запитаєш.

Твій Панько¹¹.

Зберігся і єдиний лист від Нюти Черанівської – до Інни Кравченко-Педи, сестри поета. Написаний уже в повоєнні роки, з Ленінграда в Україну. Очевидно, це відповідь на лист Інни Михайлівни, в якому вона розповіла колишній невістці про важкі втрати їхньої родини під час війни – загибель батьків, брата Юрія, а також про свій намір видати посмертну збірку Панька.

28/VI. 64.

Дорогая Инночка!

Твои письма меня так расстроили, что я никак не могу собраться с мыслями... Очень, очень сочувствую твоему горю... Пусть им будет земля пухом... Таких хороших людей погубить?!..»

Далі Нюта висловлює прокляття на адресу німців у дусі радянської пропаганди, аж поки, нарешті, переходить до справи Панька (про вбивць свого колишнього чоловіка – радянських «стражів революції» – вона, звісно ж, і не згадує).

«Посылаю тебе, Инночка, все что у меня есть. Письма, думаю, никак не подойдут для пополнения сборника его произведений – они глубоко личного содержания – это только для тебя [тут і далі підкреслення авторки листа – В. Г.], что б ты и убедилась, что я для тебя все отдала, ничего не утаила.

Разве то место в письме, где он раскрывает передо мной душу – объясняет кто он и к чему стремится – знакомит меня с собой как с будущим моим другом на всю жизнь – это место в письме может подтвердить, что Панько очень хороший человек, не способный на подлости, кот[орые] ему приписывали дрянные, грязные, низкие людишки. Я от всей души жалею, что у меня больше ничего нет. Но эти два письма я перечитываю от времени до времени вот уже почти четыре десятка лет. Ты их прочтеш и вернеш мне. Стихи он читал мне из уст в уста, но, к сожалению, я их не помню. Одно письмо в стихах я потеряла во времена переездов, о чем жалею.

Фотографии посылаю. Оригиналы оставь себе, а мне переснимеш, когда сможеш. Подписала их мама, когда [я] познакомилась с вашей семьей. Юра, как и мой брат Гриша, погиб под Ленинградом, защищая его т[ак] ч[то] он мне стал так же дорог и близок.

Свои фото я посылаю, чтоб убедилась, что я не такая, как ты меня обрисовала в первом письме.

Спасибо тебе, Инночка, за добрые слова о том, что Панько меня любил – это очень, очень приятно читать – я откровенно не была в этом уверена, но в этом убедится и через сорок лет очень большое счастье – жить становится так хорошо, когда знаеш, что ты дорога близкому другу. Но... Я в этом тогда, к сожалению, усомнилась и вся моя семейная жизнь была разрушена... Такова моя судьба. Про Таню мне и не надо было писать – я догадывалась, но что я могла сделать? Сердцу не прикажеш – кого оно выбрало, тот и мил. Она, как и Рачук – плохие люди – много чести о них говорить, думать; только одно остается – опасаться их, не забывать, что они тоже ходят по земле, может совсем рядом и могут в любой момент сделать пакость.

Я очень опечалена тем, что у тебя такое плохое сердце. Пожалуйста, не надо расстраиваться – это основное, а второе – лечиться.

Хорошо, что у тебя, Инночка, есть хороший друг, которому ты можеш сказать все, о чем думаеш; поделиться с ним мыслями в трудную минуту.

У Сони (сестры) тоже младшая доченька Ниночка, в которой она души не чае, для нее живет, ней дышет. Она уже окончила школу с отличием и родители ее получили благодарность за хорошее воспитание девочки. Я ей послала твое первое письмо – ведь она очень интересуется друзьями детства. Я дала ей твой адрес – пусть и она тебе напишет.

Мое здоровье вполне сносное для моего возраста. Сердце иногда чуть-чуть побаливает. Нервы хуже, но я им стараюсь воли не давать.

Комната у меня очень сырая, темная. Стою на очереди. Может через два года получу. А пока очень неприятная комната. Прошу сделать

ремонт – обещают. Живу я недалеко Финского залива (5 мин[ут] ходьбы). Недавно построили Морской вокзал (пассажирский).

Приезжают из Швеции, Норвегии, Англии, Японии и др[угих] государств. Туристы бывают разные, есть и с дурными намерениями: заснять, что не положено, узнать кое что. За ними следят, но за всеми не уследишь, хоть и просят об этом население.

Инночка, ты, пожалуйста, передай большой привет, благодарность от всего сердца Степану Ивановичу Олейнику за все, что он сделал для того, чтобы творчество Панька было знакомо и тем, кто его знал и узнает.

Пишу тебе на русск[ом] языке, п[отому] ч[то] боюсь не так выскажу свою мысль: нет практики и я понемного забываю, к стыду своему, язык своего детства.

Привет Василию, Ире, Галочке, Юре.

Целую тебя крепко, крепко. Пиши, я жду письма.

Нюта.

Спасибо большое за фото¹².

На стор. V збоку, поперек тексту, приписка: «Инночка, пиши до востребования, п[отому] ч[то] соседи у меня любопытные, и письмо может пропасть»¹³.

З листа можна здогадатися, що й розійшлася молода пара – Панько і Нюта – швидше всього через непорозуміння, можливо, через чиїсь наклепи.

Степан Олійник

Давній, зі студентських літ, друг Степан Олійник не забував свого побратима, з яким ділили колись не тільки щасливі години творчого натхнення, але й біду, наругу, моральні знуцання. Як тільки Панько Педа був реабілітований, він узявся за розшуки й видання його віршів – і з єдиної збірки «Перший рейд», і розкиданих по сторінках періодичних видань. До справи підключилися й інші письменники, які знали Педу по Одесі.

Так з'явилась посмертна збірка Панька Педи «Горять огні» – влітку 1961 року вийшла у київському видавництві «Радянський письменник».

«Читаючи його твори, – зазначав Степан Олійник у передмові до збірки, – ви відчуваєте їх внутрішню музику, прозорість і чистоту настрою, дзвінкість кожного рядка»¹⁴.

Тоді ж, 14 серпня, Степан Олійник написав про подію відомому байкареві Микиті Годованцю:

З щирою радістю надсилаю Вам збірку віршів мого хорошого друга Панька Михайловича Педи.

Протягом півтора року шукав його вірші по різних старих виданнях. Що зміг знайти, те і включив до книжки. Звісно, це не все. Але кращі речі я вже знайшов (ті, що знав). Багато мені допоміг одеський письменник Олесь Мазур. Він в Одесі шукав, а я в Києві. І здається мені, що книжечка добра. На тому, як треба творити поезію справжню, можуть повчитися у Панька не лише молоді, а й деякі визнані поети.

Домовився в «Лит[ературній] газеті», що вони дадуть Панькові цілу сторінку. Це має бути в найближчий час¹⁵.

А через півтора місяця після цього листа – 29 вересня – Степан Олійник знову написав до Микити Годованця:

Мені було дуже приємно одержати Вашого листа і довідатись про Ваші враження від книжки Панька. Мабуть, Ви бачили і ту сторінку, яку йому присвятила наша «Літературна газета». Думаю, що треба буде продовжувати пошуки віршів Педи, щоб пізніше видати повніший збірник¹⁶.

Через рік, 3. IX. 1962-го, Степан Олійник, зокрема, повідомляв Микиту Годованця, «що збірка, яку я впорядковував, має добрий резонанс. Не один раз уже було, що під час обговорення творів отих «модних» молодих критики казали: «Якщо вже говорити про новаторство, то тут за зразок має бути Панько Педа: чітка ідейність, майстерність...» і т. д.»¹⁷.

Панько Педа і Микита Годованець

Трагічною долею Панька Педи та поверненням до читачів його творчої спадщини переймався не тільки його друг Степан Олійник. Трохи більше півроку минуло з часу виходу посмертної книжки Панька Педи, як Микита Годованець одержав ось такого листа:

Шановний Микито Павловичу!

Вибачте, що турбую Вас.

Я – дипломантка Одеського університету ім. Мечникова Мороз Ірина Олексіївна – пишу дипломну роботу про творчість одного з одеських поетів 20-х, 30-х років, про Панька Михайловича Педу.

Випадково дізнавшись від Всеволода Антонюка, що Ви доводитеся родичем Педі, вирішила потурбувати Вас. Можливо, збереглося дещо з недрукованих творів, листи і т. д.

Дуже цікавлять мене біографічні дані, бо в одеській пресі тих років я не змогла нічого знайти. Дуже вдячна була б за Ваші особисті спогади про Педу як поета і людину.

Якщо Ваша ласка, про це напишіть якомога детальніше.

Взагалі, прошу Вас, допоможіть, чим зможете.

З глибокою пошаною

Ірина Мороз.

12/III-62 р.

Моя адреса: Одеса, Б-8, вул. Севастопольська 5, кв. 3¹⁸.

Микита Павлович негайно ж відгукнувся на це звернення. Відповідь на лист значною мірою розкриває його причетність до життя і творчості Панька Педи.

17 III 62

Шановна моя Ірен!

На превеликий жаль, мало чим могу Вам допомогти: ніяких літературних творів Панька Педи у мене немає, як нема їх і в його сестри Інни, що живе в Києві. С.І. Олійник, упорядковуючи збірку, не міг нічого більш знайти ні в кого.

А не може бути, щоб їх не залишилось у когось. Не може бути й того, щоб Панько не друкувався після 1930 до 1937 року (в збірці подано твори, писані тільки до 1930 р.). Думаю, що Ваш обов'язок, як і обов'язок молодих одеських літературних сил – покопатися в періодичних виданнях Одеси за роки 1930–1937 (в газетах, журналах, альманахах). Певен, що можете добутись добрих результатів. Це були самі зрілі і плодотворні роки його творчості. На жаль, зараз ніхто не береться за цю благородну роботу – ні літературознавці, ні літератори. Отже, Ваша благородна робота в цьому розумінні дала б добрі наслідки. Джерела, згадані мною, можна знайти в бібліотеках Одеси, в архівах Одеси, в старих одеситів.

Було б непогано, щоб Ви розшукали когось із знайомих Панька. Можу дати Вам ниточку: в Одесі (пошта: А-9, вулиця Паркова, № 3) живе письменник Олександр Хомич Мазур, друг Панька. Чи не міг би він щось вам розповісти – раз, по-друге, може б він назвав Вам когось із старих Панькових друзів, в котрих зберігаються можуть і його твори. Знаю, що Педя любив дарувати дівчатам і хлопцям знайомим свої вірші. От би пошукать серед них його творів. Звісно, важко шукати тепер, після стількох років після його трагічної смерті. Кажуть, що дружина його попала його твори, коли Панька було заарештовано.

Панько народився в селі Жванці Кам'янець-Подільського району. Там ще зберігся дім, де він народився. В школі зараз утворили куточок його імені.

Там зберігається його книжка «Горять вогні», вирізки газетних статей про нього. Куточок біденький, бо так мало лишилося матеріалів про Панька.

Навряд чи буде це матеріалом для Вашої дипломної роботи, але я розповім те, що знаю. Мати Панька Педи була жвава людина, любила співи, танці. В неї вдалися і Панько і сестра його Інна, що була артисткою, має великі здібності і художні. З матір'ю Панька Вірою Петрівною я був в дружніх відносинах, посилав їй свої вірші, поки вони ще ніде не друкувалися, а потім, і пізніше, коли почав друкуватися, в газетах у журналах. Треба думати, що малий Панько читав і слухав ці вірші і, зрозуміло, захотів і собі наслідувати в цьому ділі. Адже в кожного письменника буває якийсь життєвий факт, який впливає на поетичні емоції і викликає наслідування і дає початок творчої роботи. Мені це стверджувати незручно і нема ніяких підтверджуючих даних, але це так, мабуть, і було. Вже бо в молодих, школярських роках Панько почав писати вірші і пісні. З 1924 року я почав працювати у вінницькій газеті «Червоний край» і знаю, що перші його спроби в цих роках були надруковані в цій газеті. У нас при газеті була літгрупа, потім була утворена філія спілки письменників «Плуг». Панько зрідка бував на наших літературних зборах (а жив він тоді в містечку Гнівани разом з бабкою, матір'ю, сестрою Інною і братиком Юрою). Бував він у мене у Вінниці, я бував у них в Гнівани. Читав мені свої літературні спроби. При дальших зустрічах з Паньком в Одесі в 1930 і в 1932 рр. розмов на літературні теми не було. Не листувалися. В ці роки я жив і працював в Харкові, а він вчився в Одесі.

На жаль, С. Олійник не згадує про видану в 1931 році збірку віршів «Перший рейд». Пошукайте в одеських бібліотеках, поцікавтесь. Таку збірку я бачив в київській Академічній бібліотеці (на розі Володимирської і Л. Толстого).

Коли Ви взялися за вивчення творів П. Педи, то візьміться за це діло глибше: пошукайте його творів за роки 1930-37, а разом пошукайте серед одеситів і знайомих Панька фотографій. На жаль, не знаємо, де його колишня дружина живе, чи є вона в Одесі (це міг би знати Мазур). Може, в архівах робітфаку, інституту, театру можна знайти щось із його писань та фотографій. Здається, нічого з фото нема, хіба отой мізерний портрет, що надрукований в збірці віршів. Буває ж отак: людина живе, водиться з людьми, творить, посідає певне місце в громадській роботі, а потім зникає і вона і сліди її...

Мені цікаво було б почитати Ваш труд про Педу. Вдячний був би, якби Ви прислали мені примірничок реферату хоч почитати (я повернув би).

Вдячний був би за інформацію про Ваші розшуки творів і фото.

Отак я Вам «допоміг»: хоч наговорив багато. Як у мене в одній байці є: Ведмідь просить Лисичку, щоб пустила його на своє м'яке місце поспати, бо дуже наморився. А вона каже: – Я дуже хвора, з місця не можу встати, а от пораду можу дати: он купа ріща, лягай під ним і спи. «Це – тобі спальня отака!» він ліг і заснув, а Лисиця забрала з-під себе м'ясце і гайда-драла... Отак я допоміг Вам – порадою. У мене байка має мораль: «Отак м'яса схованого ради даєм розумні, ділові поради». Звісно, у нас діло трошки інакше.

Привіт і щирі побажання успіху! М. Годованець.

Кам'янець-Под[ільський], [вулиця] Шевченка, 18/18¹⁹.

Інна Олексіївна Мороз

Між письменником-байкарем Микитою Годованцем і студенткою зав'язалося листування з приводу пошуку забутої творчої спадщини Панька Педи.

26/III-62 р.

Шановний Микито Павловичу!

Прошу пробачення, що довго не відповідала Вам – прихворіла трохи. Тому не змогла виконати Ваше прохання – побачити Івана Михайловича Дузя і нагадати йому про Остапа Вишню. Обов'язково це зроблю, як тільки встану з ліжка.

Дуже вдячна Вам за Ваш лист і подарунок.

Біографічні відомості про Панька Михайловича Педу, які Ви згадуєте в своєму листі, я використаю в дипломній роботі.

В періодичній пресі за ті роки і в збірці «Перший рейд» я знайшла дванадцять нових поезій Панька Педи, які не входять в книжку «Горять огні», а також дві чи три його пародії і декілька перекладів з Вайнермана, Безименського, Жарова та один переклад з молдавської мови.

Крім того, в журналах «Металеві дні», «Блиски» я знайшла декілька фотографій Панька Михайловича разом з іншими одеськими письменниками тих років і статті-рецензії О. Ждановича про Педу і інших письменників-одеситів..

Всі знайдені матеріали я використовую в своїй роботі. Вона має складатися з чотирьох розділів. Перший розділ – біографія Панька Педи, літературне оточення, загальний творчий шлях...

Другий розділ – аналіз тих 12-ти нових віршів, які я знайшла, а також збірки «Перший рейд». Третій розділ – збірка «Горять вогні» і останній – найменший розділ – переклади Панька Педи.

Я вже написала другий і третій розділи, залишилися перший і четвертий.

Коли закінчу роботу, один з примірників вишлю Вам.
Обов'язково скористаюся вашою порадою – побуваю у Олеся Мазура.
Ще раз прошу пробачення за турботи. Дуже вдячна Вам!
З пошаною

Ірина Мороз²⁰

13 VIII 62

Хороша Ірино Олексіївно!

Відпочивайте та беріться до праці. Ви скористайтесь з моєї поради – зверніться за допомогою до Недзвідського та Дузя, щоб допомогли Вам улаштуватися в Одесі. Тоді Вам буде змога працювати над Вашою темою.

Я ще не передав вірші Педи С.І. Олійникові, а тільки написав йому, чи не передать для надрукування в «Л[ітературну] У[країну]», але відповіді від нього ще не одержав. Мабуть десь відпочиває на дачі, або поїхав на прогулянку в гори (як те він любить). Гадаю, що все так буде, як я йому запропонував.

Щодо поїздки в Вінницю. Панько в пресі Вінниччини дуже мало друкувався. Один з наших журналістів рився, як то кажуть, в давніх газетах Вінниці і знайшов тільки одного вірша Педи. Я ще сам не бачив того вірша. Гадаю (і в цьому певен), що робота Ваша б не була результативна.

Раджу пошукати в архівах Одеси: не може того бути, щоб після років 1930–1931 він не давав нічого друкувати в газети і журнали Одещини. А якщо є змога, (варто пошукати і в «Гарті» за роки 1931–1937) в альманахах Одеси.

З Кобилянською не був знайомий і не знаю людей, що її добре знали.

Здоров'я моє трошечки покращало (з серцем), але ще дуже допікає сахарна хвороба. Збезсилів, похуд. А це вже погана прикмета.

Працювати – працюю, бо інакше не могу. Працюю і над новими і над давніше написаними – привожу їх до кращого ладу (адже кінця нема праці над художнім твором!).

Бажаю здоров'я Вашому батеньку і щастя світлого Вам.

З пошаною Мик[ита] Годованець»²¹.

Шановний Микито Павловичу!

Одержала Вашого листа.

Спершу про вірші. «Перший рейд» – це назва першої і єдиної за життя книжки Панька Педи. Книга вийшла в видавництві «Гарт». Вірші, про які йде мова, були надруковані в цій книзі, але в збірку «Горять огні» з якоїсь причини не включені.

Маю до Вас велике прохання: я випадково дізналася, що в збірці «День поезії», яка готується в «Радянському письменнику», буде розділ

«Публікації». Думаю послати туди знайдені мною вірші Педи. Може б Ви написали Степану Івановичу Олійнику – хай би він допоміг в надрукуванні. Звичайно, якщо це можна <...>.

15/X-62 р.²²

«...Во ім'я його зробити»

Прагнення студентки Інни Мороз знайти нові матеріали про Панька Педу для своєї дипломної роботи вселили надію Микиті Павловичу про можливість нових видань і публікацій розстріляного поета. Ось що написав він С. Олійнику (6. IX. 1962 р.) у відповідь на його лист:

Посилаю Вам всі вірші Панькові, знайдені Іриною Олексіївною Мороз за моєю порадою. Це велика заслуга Мороз.

Я в попередньому листі просив Вас і зараз прошу: надрукуйте щось із цих віршів (хай би і поему про ГПУ) в якомусь журналі (я гадаю, що оновлена «Вітчизна» була б відповідною трибуною) з Вашим невеличким вступом, а гонорар хай вишлють Мороз, вона попрацювала добряче над одеськими архівами (крім неї там зробити цю роботу нікому. Інна колись в Одесу їздила з цією метою, та жодного вірша не знайшла).

...Степане Івановичу! Чи, готуючи збірку Панькову, Ви взяли і вірші з його першої збірки? Цю збірку я бачив в бібліотеці А[кадемії] Н[аук] (ріг Толстого і Володимирської). Вона була схована, а я сказав бібліотекарям, що Педа реабілітований, і книжка з'явилася на полиці²³.

Отже, Микита Павлович і далі турбувався про те, щоб творчість Панька Педи не забувалася. Він знову нагадує С. Олійнику (10. XII. 1964 року):

Степане Івановичу! Чи не варто перевидати книжечку віршів Панька Педи? Це діло мусив би зробити «Дніпро».

Тут небагато праці: передрукувати книжечку (останню), додати те, що не увійшло з першої книжки, і те, що ми знайшли нового (Ви одержали надіслані мною вірші Панькові?). Я можу зв'язатися з жіночкою, що знайшла в Одесі ті вірші, може, у неї іще щось є. Може, попросити Вінницький архів, щоб пошукали в газетах за 1923-28, там щось є, мені казали.

<...> Я читав її свого часу в Києві в бібліотеці Ак[адемії] Наук. Чи книжка залишилася живою – от питання²⁴.

Однак, з усього видно, справа далі не посувалася. Хоч і турботи про творчу спадщину Панька Педи не відступали. Свідчення цьому – наступний лист до Степана Олійника – від 6. I. 1972 року:

Моя (вірніше – жінчина) племінниця Інна Кравченко-Педа... усе побивається думкою: як би перевидати книгу Панька?! Я теж за це. Оскільки Ви уже раз зробили велике діло – видали його збілочку, то чи не варто б (поки ми на ногах) поновити видання? Адже людина загинула ні за що – ні про що, і хто ж за неї подбає? Кожен сам журиться за себе, а мертві «сраму не імуть»...

У мене є дві нових фотографії Панька. З них варто зробити для книги портрет. Я Вам надіслав кілька нових віршів його, знайдених одною одеситкою, віршів дуже непоганих. Може, іще щось пошукати б, додати. Панько того вартий та й Інна дуже потребує матеріальної підпомоги.

Минула дружба і обов'язок дружній до Панька вимагає від нас щось во ім'я його зробити²⁵.

Але цього здійснити уже не вдалося. М.П. Годованець пішов із життя 28 серпня 1974 року, так і не діждавшись нового видання поетичної спадщини П. Педи. Степан Олійник помер 11 січня 1982 року.

Сімейні таємниці, сімейні легенди

Наприкінці 80-х років минулого століття долею Панька Педи зацікавився на той час молодий, але вже відомий своїм незвичайним поетичним талантом Іван Іов. Очевидно, зі своїми розпитами він звернувся до сина уже покійного М. Годованця Анатолія Микитовича. Принаймні, в листі А.М. Годованця до Івана Іова від 6 серпня 1989 року йдеться про сестру розстріляного поета – Інну Кравченко-Педу. Зокрема, там привертає увагу фраза: «[Інна] М[ихайлівна] володіє деякими здібностями екстрасенса. Бабуся навчила, але займатися тоді не можна було»²⁶.

Оті здібності, по-науковому «екстрасенса», а по-народному «ворожки», очевидно, мали коріння у родовому походженні тієї бабусі. А саме – з циганів. Анатолій Микитович, на жаль, уже покійний, оповів автору цих рядків²⁷ сімейну історію, яку можна назвати і сімейною таємницею, й легендою, – про походження матері Панька Педи і його сестри Інни та молодшого брата Юрія. А отже, й своєї матері, дружини Микити Годованця Серафими Миколаївни, яка доводилася родичкою молодого поета.

Як розповів А. Годованець, прабабусю Панька Педи вподобав у циганському таборі відомий український промисловець – цукрозаводчик Терещенко. Він викупив дівчину в циганського барона. Батько дівчини просив пощадити її, але хіба він міг хоч би чимсь протистояти силі грошей?

Кохання цукрозаводчика до юної чорнявки тривало до двох років: доки вона не завагітніла. Тоді Терещенко примусив одружитись із нею

робітника – шорника. Той поселив її в материній хаті, але сам додому навідувався рідко, мешкав у своїй майстерні. Окрім дитини від Терещенка, циганка народила ще двох дітей – шорникових.

Якось цукрозаводчикові сказали, молода циганка стала ще кращою, ніж була раніше. Терещенко знову звернувся до циганського барона – повернути його колишню кохану. Батько прийшов до доньки й передав волю цукрозаводчика.

Горда й непокірна циганка взяла через плече торбину з сірниками й сіллю, найменшу дитину на руки, двоє старших учепились їй за спідницю – і так вони пішли у світ. Ходила й просила милостині, поки натрапила на порожню хатину під лісом та й поселилась у ній. Трохи допомагала тутешнім людям у лікуванні й ворожбі, тому її не проганяли.

Одного разу явився до циганки місцевий коваль і запропонував вийти за нього заміж. Вона відмовилась. Тоді він сказав, щоб усе-таки прийшла до нього, коли жити самій стане вже зовсім нестерпно.

Так і сталося: циганка прийшла до коваля. Народилось у них ще двоє дітей.

Але настала в краї біда – холера. Помер коваль і троє дітей. Залишилося двоє. З них одна згодом стала бабусею Панька та Інни – та, що свого часу жила в Гнівані: Марія Григорівна Тимінська.

Деякі деталі з біографії Панькової матері Віри Петрівни певною мірою підтверджують цей сімейний переказ. Адже, коли вона опинилася одна з дітьми у Жванці, то подалася на східні терени, зокрема, в село Стару Осоту, колись Чигиринського повіту Київської губернії, тепер – Олександрівського району Кіровоградської області. За кілька верств від цього села наприкінці XIX століття діяв бурякоцукровий завод, і належав він Миколі Арсентійовичу Терещенку. Звідси можемо робити висновок, що Стара Осота була ріднішою Вірі Петрівні, аніж Поділля, і що той край таки справді пов'язаний з одним із Терещенків. Таким чином, географія допомагає дослідити біографію Панькової бабусі, а отже й походження поета.

*М. Г. Тимінська, бабуня.
1920-ті рр. ХОЛМ*

Як згадував Анатолій Годованець, Інна Кравченко-Педа, перейнявши від бабусі науку «екстрасенса», чимало допомагала людям. Таємно лікувала навіть пацієнтів знаменитої лікарні Феофанія в Києві. Не один раз лікарі, не в змозі подужати хворобу високопоставлених осіб або визначитися з діагнозами, крадькома зверталися до Інни Михайлівни за допомогою. І циганська медицина не підводила ніколи²⁸.

Без літери «р»

І все ж таки молодий поет-красень із таким драматично-романтичним родоводом Панько Педа писав вірші не тільки в руслі комуністичної ідеології. Він був також ніжним ліриком. Про це згадував усе той же Степан Олійник – друг його юнацьких літ.

Панькові важкувато давався для вимовляння звук «р». Трохи «недолюблюючи» його, поет заявив друзям, що напише цілу збірку віршів без жодного «р». І написав – близько тридцяти таких оригінальних поезій без літери «р». І більшість із них мали ліричний характер²⁹. На жаль, залишився відомим лише один із них:

Вдалині сумні ліси.
Глянь, лілейно-синь!..
Линьмо ланями туди,
Під дубову тінь!
Полюбила в полі ти,
Ми летіли вдаль.
Миле тіло – золото!
І хвилева дань.
Поцілунок лоно-лон,
І тепло долонь.
Далі плили й тали дні,
Спопелів огонь...

Леле болі! Згадка-синь...
Люлі-люлі, син!
– Підв'яжи колиску там
Під дубову тінь.

І хтозна, може, якомусь літературному досліднику в майбутньому вдасться знайти ці поезії. Тоді Панько Педа постане перед читачами ще одною гранню свого літературного таланту – душевного лірика.

«Бринить весна»

Турботи про творчу спадщину Панька Педи його родичів (сестри Інни й Микити Годованця), друзів (Степан Олійник, Олесь Мазур), дослідників його долі (Ірина Мороз) не пропали даремно. Їхні пошуки, їхню працю підхопив і продовжив земляк-подолянин, родом з міста Волочиська одеський письменник-літературознавець Іван Дузь (1919–1994). Уже за вільної України він підготував і видав 1992 року в Одесі (видавництво «Маяк») збірку Панька Педи «Бринить весна» – за назвою вірша, який відкривав цю книжку.

Бринить весна,
Хлюпочеться повітря,
І в серце ллється пісня голосна.
Ще день, ще два, і бризне сонця цитра.
Бринить весна, бринить весна!

Бринить весна
В розмаї рвійних терцій.
Це вітерець несе незнаний день.
І до людей із трепетом у серці
Весна іде! Весна іде!

І жаль мені снігурочки до болю –
Її розтоплять березневі дні.
І не відчую вже її ніколи.
І жаль мені, і жаль мені.

Бринить весна,
Хлюпочеться над лугом.
І хочеться, щоб ви, моя ясна,
Колись прийшли і стали мені другом.
Бринить весна, бринить весна!

Іван Дузь написав до збірки й ґрунтовну передмову. До раніше друкованих віршів додав іще декілька, що не входили до попередніх книг.

Хоч і не в повному обсязі, та бодай якоюсь часткою творчість Панька Педи таки повернулася до читачів. Та головне, що не кануло в безвість його ім'я, за яким постає літературний талант, драматичне кохання і трагічна смерть одного із сотень знищених комуністичним режимом українських письменників. Творча весна молодого поета перейшла в літо його видань, що зазеленіло після його такого раннього відльоту в незворотний вирій.

- ¹ Дузь І. Поезія весняного буяння // Бринить весна. – Одеса, Маяк. – 1992. – С. 6.
- ² Там же. – С. 9.
- ³ Олійник С. Поет молодості (1907–1937 рр.) // Педа Панько. Горять огні. – К., Радянський письменник. – 1961. – С. 5-6.
- ⁴ Там же. – С. 3.
- ⁵ Там же. – С. 6.
- ⁶ Дузь І. Поезія весняного буяння... – С. 11.
- ⁷ Мацько В. Повертаємо ім'я Панька Педи // Слово і час. – 1993. – № 5. – С. 83-84.
- ⁸ Там же
- ⁹ Хмельницький обласний літературний музей (далі ХОЛМ). – Кн. 4652, Дк. 3170
- ¹⁰ Мацько В. Повертаємо ім'я Панька Педи ... – С. 83-84.
- ¹¹ ХОЛМ. – Лист Панька Педи до матері та Нюти Черанівської, б/н.
- ¹² ХОЛМ. – Лист Нюти Черанівської до Інни Кравченко-Педи, б/н.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Олійник С. Поет молодості (1907–1937 рр.) ... – С. 6.
- ¹⁵ ХОЛМ. – Кн – 6850, Дк – 5296.
- ¹⁶ ХОЛМ. – Кн – 6854, Дк – 5299.
- ¹⁷ ХОЛМ. – Кн – 6855, Дк – 5301.
- ¹⁸ ХОЛМ. – Кн – 6752, Дк – 5198.
- ¹⁹ ХОЛМ. – Кн – 6744, Дк – 5190.
- ²⁰ ХОЛМ. – Кн – 6753, Дк – 5199.
- ²¹ ХОЛМ. – Кн – 6747, Дк – 5193.
- ²² ХОЛМ. – Кн – 6758, Дк – 5204.
- ²³ ХОЛМ. – Кн – 6744, Дк – 5190.
- ²⁴ ХОЛМ. – Кн – 6846, Дк – 5292.
- ²⁵ ХОЛМ. – Кн – 6850, Дк – 5296.
- ²⁶ ХОЛМ. – Кн – 4652, Дк – 3170.
- ²⁷ Запис розповіді А. М. Годованця. 21 червня 2006 р. – Власний архів автора.
- ²⁸ Запис розповіді А. М. Годованця. – Власний архів автора.
- ²⁹ Олійник С. Поет молодості (1907–1937 рр.) ... – С. 7.

К истории одной охранной доски, или На что нам памятные знаки?

Все началось с подготовки к очередной книжной прогулке – традиционному мероприятию Одесского музея им. Паустовского, – запланированной на июнь 2018 года. На сей раз объектом виртуального путешествия была выбрана улица Веры Инбер. Как обычно, следовало неспешно пройти по ней, чтоб освежить в памяти ее подзабытые реалии, кое-что уточнить, что-то сфотографировать...

Несмотря на свои весьма скромные размеры, коротенькая улочка (изначально названная Стурдзовским переулком) удивительно богата в плане литературно-духовного наследия. Тут было о чем и о ком рассказать, начиная от топонимической составляющей ее истории до перечисления фамилий живших (или бывавших) там регулярно знаменитостей. Двое из них удостоились мемориальных досок, установленных – согласно изданию «Памятники истории и архитектуры УССР» – в 1984 г.¹ Одна доска висела у ворот дома №17, вещая, что здесь родился и провел детские годы лейтенант П.П. Шмидт, другая красовалась на стене здания книжной фабрики и гласила, что тут, в доме №5 в 1910-х годах жила В.М. Инбер, имя которой было присвоено улице после смерти писательницы.

О том, что с этим милым уголком тесно связана часть жизни нашей землячки, известной русской советской поэтессы и прозаика Веры Михайловны Инбер (1890, Одесса – 1972, Москва), многие одесситы моего поколения, не говоря о старожилах, знали и без доски. Мы просто запоем читали тогда автобиографические повести Константина Паустовского («Время больших ожиданий», «Начало неведомого века»), самой Веры Инбер («О моем отце», «Место под солнцем», рассказ «Смерть Луны» и др.), обессмертившие этот полудачный микрорайон в самом центре города. Хотя лично меня всегда смущало лишь выбранное для доски место. Трудно было представить, чтобы невзрачное, походившее на барак здание, вибрировавшее от шума печатных станков, могло служить приютом для писавшей изысканные стихи барышни из благополучной еврейской семьи.

Все встало на свои места позднее, когда выяснились некоторые обстоятельства, имеющие прямое отношение к родному отцу писательницы – Моисею Липовичу (Михаилу Филипповичу) Шпенцеру. До революции по этому адресу располагались его типография и контора издательства «Mathesis», специализировавшегося на выпуске литературы по точным наукам. М. Шпенцер был одним из основателей этого издательства. Очевидно, что жилые помещения находились где-то в глубине довольно большого двора Одесской книжной фабрики, ставшей в советские годы режимным предприятием. По этой причине доска и появилась там, где хорошо просматривалась с улицы.

К началу 2000-х оба памятных знака из переулка исчезли. Шмидтовский перенесли от ворот на сохранившийся дом родителей мятежного лейтенанта, фасад которого выходит на Лидерсовский бульвар, Инберовский – передали в фонды одесского Литературного музея на Ланжероновской. А территории подворий книжной фабрики с соседним жилым домом № 3 заняли два небоскреба, которыми, как грибами после дождя, усеяно теперь все побережье города.

И вот, по соседству с ними, на стене всегда привлекавшего внимание своей неординарной внешностью дома №1, я заметила новенькую охранную табличку. Из ее текста следовало, что здание – ныне корпус Лермонтовского санатория, а в прошлом – «Особняк Шпенцера 1912 р.» – не просто объявлялось памятником архитектуры со всеми вытекающими отсюда гарантиями его неприкосновенности, но и приобретало историческую ценность, как бы восполняя утраченную память о Вере Михайловне Инбер, урожденной Шпенцер.

Чтобы рассеять возникшие сомнения, позвонила в департамент мэрии по охране культурного наследия. Прежде всего, хотелось выяснить

*В. Инбер с матерью и друзьями.
Париж, 1914. ОЛМ*

степень родства бывшего владельца дома с писательницей. Действительно ли имелся в виду ее отец, близкий родственник (дядя/кузен) либо это просто однофамилец? Заодно полюбопытствовать насчет «1912 р.» – то ли года постройки здания (неизвестным лицом? самим Шпенцером?), то ли года приобретения им уже готового дома.

Но ничего нового, кроме фамилии архитектора «окольцованного» особняка (А.Б. Минкус?) – узнать, к сожалению, не удалось. Ссылаясь на предписания Областного управления по охране памятников, посоветовали обратиться туда, желательно в письменной форме. Собственным реестром источников информации по интересующему меня вопросу в городском департаменте не располагают (!).

Пришлось углубиться в изучение темы самостоятельно. Времени до проведения запланированного мероприятия оставалось в обрез, поэтому нужно было сосредоточиться на главном: т.е. узнать, является ли «особняк Шпенцера» таковым в действительности. Опуская подробности поиска с полным перечнем использованных материалов (мемуарной, краеведческой, справочной литературы и архивных документов дореволюционного и советского периодов), остановлюсь на основных моментах.

Выяснилось, что до переезда в Стурдзовский переулочек типография купца 2-й гильдии Моисея Шпенцера находилась на ул. Новосельской, 66 (дом Герасимович), а сам он с семьей проживал напротив, в доме № 79 (дом Владека).

Начало деятельности его типографии в Стурдзовском следует отнести к концу 1912 г. По данным «Всея Одессы» на 1913 г., адрес типографии и постоянного местожительства семьи уже полностью совпадают – Стурдзовский пер., № 3-А. Те же сведения содержат «Списки действующих на 1 января 1913 г. типографий, литографий и т.п. заведений г. Одессы», ежегодно издававшиеся до революции старшим инспектором по надзору за печатью. В этом документе обратила внимание на отсутствующий в справочной книге нюанс: «... типография Моисея Липова Шпенцера <...> Стурдзовский пер. 3-а, д. собств.». Это означало, что воспоминания двоюродного брата Шпенцера Льва Троцкого² вкуче с биографической прозой самой Веры Инбер получали документальное подтверждение. Оба они упоминают о том, что разбогатевший перед 1-й мировой войной кузен/отец Шпенцер, переехал в собственный дом.

Вместе с тем, среди домовладельцев Стурдзовского переулка соответствующих лет фамилии Шпенцера, как и «его дома» под № 3-А нет.

А весь №3 без всякой разбивки на литеры, принадлежал тогда Софье Ивановне Соколовой, проживавшей неподалеку, в собственном же доме по Обсерваторному переулку, 8. Как оказалось, той самой Соколовой, которую упоминает в своих мемуарах участник литературного кружка «Зеленая лампа» Георгий Долинов:

В летние месяцы встречи поэтов проходили зачастую в квартире певицы Софьи Соколовой, выступавшей в «Зеленой лампе» с исполнением жанровых французских песенок. В этом гостеприимном доме, расположенном в живописнейшем Обсерваторном переулке, неподалеку от моря, собирались по вечерам поэты, усаживались на полу террасы, в углу которой в зелени оранжерейных растений стоял мрачный и загадочный водолазный костюм-скафандр, и начинали читать. Здесь Багрицкий упоительно читал стихи любимых поэтов, а чаще всего свои.³

К тому же, привлекательная наследница трех больших участков в престижнейшем районе города была предметом воздыханий другого, более знаменитого, чем Долинов зеленоламповца, юного Юрия Олеша. Об этом прозрачно намекает его коллега по литературному цеху Зинаида Шишова, умышленно ли, либо за давностью лет путая имя, но практически не маскируя фамилию девушки:

К сожалению, я никогда не записывала Эдиных «хоxm». Но кое-что уцелело в моей памяти. О Ю. Олеше в период его ухаживаний за Лидией С-вой, которая носила японский халатик:

*Ах, ходит, в кимоно кореец, –
Чего не делает вино, –
На что Олеша европеец,
Но тоже лезет в кимоно!⁴*

А вот строчки из стихотворения «Послание к друзьям» самой Шишовой:

*<... >
Ты, Олеша вдохновенный,
Рыцарь маленьких актрис,
Почитатель вдохновенный
Золотых Фиордализ!⁵*

План местности редкого издания К. Висковского «Побережье: Ланжерон – Отрада [ок.1910 г.]» демонстрирует, что владения Соколовой в Стурдзовском пер. представляли собой два смежных участка, каждый

из которых имел один и тот же третий номер! Поэтому наличие появившегося № 3-А было вполне вероятно. Именно там, в ближнем к Лидерсовскому бульвару участке, разместилась типография и поселился сам хозяин заведения с женой Фаиной Соломоновной (их дочь Вера с мужем Натаном Инбером с 1910 по 1914 годы жила за границей).

Вскоре довольно просто объяснилась и неувязка с собственным/несобственным домом. В одном из томов описи старшего нотариуса г. Одессы удалось обнаружить запись несохранившегося, к сожалению, дела « О залоге Моисеем Шпенцером Софии Соколовой двора в Одессе», датированном 26 апр. 1911 г.⁶

Как известно, залогом может служить только личное имущество одного из участников нотариальной сделки. Очевидно, что в данном случае подразумевалась общепринятая тогда практика рассрочки платежа за приобретаемую/приобретенную недвижимость. Когда по обоюдному согласию покупатель (М.Л. Шпенцер) в качестве обязательств выплаты оговоренной суммы в срок (до 3-х, 5-ти? лет) продавцу (С.И. Соколовой) закладывает только что сторгованный у нее же «двор». Поэтому, являясь фактическим владельцем участка с находившимися там строениями, Шпенцер – юридически, до полного погашения долга Соколовой, оставался лишь ее арендатором, чем и вызвана возникшая неясность.

Итак, наличие у родителей В. Инбер своего участка (с расположенным там жилым домом и зданием типографии) по адресу Стурдзовский, 3-А установлено. Что касается приписываемого Шпенцеру соседнего особняка, то вполне допустимо, что он мог быть куплен Михаилом Филипповичем позже, в разгар разразившейся мировой войны. Но версия о возможной постройке его Шпенцером в 1912 г. – отметалась автоматически.

По крайней мере, до 1914-го года солидный участок с интересующим нас объектом, принадлежал Давиду Акимовичу Магнеру. А до него (нач. 1890-х) – некоему барону фон Ярмерштедту, которого я чисто интуитивно видела в роли заказчика постройки этого необычного здания. Отличительной его особенностью, кроме оригинальной архитектуры в стиле средневекового укрепления, была двойная нумерация, свойственная всем угловым зданиям дореволюционной Одессы: № 1 по Стурдзовскому / № 3 по Обсерваторному переулкам. В советское время последний номер был упразднен.

Исчерпав возможности «Всей Одессы» царского периода, обратилась к архивным документам 1918 года. Нужную информацию могли предоста-

вить так называемые «Заявления» одесских домовладельцев – упрощенный вариант переписи населения в рамках отдельно взятого городского района. Для справки: мероприятие, затеянное местными властями после Февральской революции и продолженное в первую каденцию большевиков, ставило своей целью пополнение оскудевшей в годы хаоса городской казны.

Из шести томов бессистемно сброшюрованных «Заявлений» домовладельцев Бульварного участка (а это вся центральная часть города)⁷, куда относился тогда интересующий меня переулок, сил и времени хватило лишь на просмотр трех. Но из массива бумаг удалось выудить крохи: всего единственное заявление из Стурдзовского (конечно же, не то, что было нужно) плюс парочку из Обсерваторного – №№ 9, 3. Зато последнее оказалось, что называется, «ко двору».

Повторюсь: как раз особняк якобы Шпенцера обладал двойной нумерацией – Обсерваторный пер., 3, он же – Стурдзовский, №1! Однако фамилия его новой собственницы опять не вписывалась в рамки дарованной ему «охранной грамоты». К 1918 г. право на его полное владение обрела купчиха С.Я. Халфина, между прочим, хозяйка большого склада типографской бумаги на Ришельевской улице. И в списке ее квартирантов ни Шпенцеры, ни Инбер, не числились.

Из двадцати одного жильца особняка «знакомой» личностью оказался только бывший хозяин особняка – Давид Акимович Магнер. В качестве рядового квартирисьемщика Халфиной он продолжал занимать пять комнат второго этажа некогда принадлежавшего ему дома. Таким образом, предположение о том, что к тому времени Шпенцеры по примеру соседа тоже продали свой дом и с вернувшейся к родителям после развода дочерью переехали в соседний особняк, также не получало подтверждения. Но общеизвестно, что семья продолжала жить в Стурдзовском переулке и после прихода Советской власти. А другого пристанища, кроме собственного дома под № 3-А, у Шпенцеров – Инбер не имелось.

Кроме того, трудно поверить, что отец Веры Михайловны стал бы приобретать недвижимое имущество позднее, в считанные до февраля 1920-го месяцы, когда в Одессе окончательно установилась советская власть. Во «время больших ожиданий» с его жуткими лишениями интеллигенция круга Шпенцеров, не занималась куплей-продажей ставших неподъемной обузой промерзших и обезвоженных домов (перечитайте перечисленные выше произведения Паустовского, Инбер и их современников), а элементарно выживала.

Поэтому, соглашаясь с тем, что дом по улице Веры Инбер, 1 является памятником архитектуры (по-моему, каждое старое здание города заслуживает такого статуса), необходимо бы внести в текст его охранной доски исправления. А заодно уточнить дату постройки «особняка», что не лишнее в свете вновь открывшихся обстоятельств.

Уже после состоявшейся прогулки кучно посыпались сюрпризы. И бывший дом Шпенцеров по адресу Купальный (Веры Инбер) пер., 5 (бывший 3-А) стал приобретать, а затем и вовсе приобрел реальные очертания. Первое свидетельство о нем получено от жены коллеги по секции Дома ученых, знатока и исследователя культурной Одессы Серебряного века, С.З. Лущика – Галины Григорьевны. Второе – передано через заведующую мемориальным музеем К.Г. Паустовского Лилию Мельниченко ее подругой, проживавшей до 1997 г. в соседнем с фабрикой доме №3. Выяснилось, что долгие годы подруга Лилии Алексеевны из окна своей квартиры имела возможность любоваться «красивым трехэтажным домом в глубине фабричного двора», где размещалась, очевидно, контора и ряд цехов фабрики. Неплохо сохранившееся для своего возраста здание производило впечатление строгой элегантности.

То же строение, только с полуразобранной крышей, без оконных рам, через пролом в заборе еще работавшей фабрики видели и Лушки лет шестнадцать назад. Тогда, назвав его домом Шпенцеров, Сергей Зенонович возмущался повальной зачисткой значимых для Одессы памятников. Как вспоминает Галина Григорьевна, даже в предсмертном состоянии здание соответствовало оценке, данной знававшей его в лучшие годы Лилиной подругой – оно оставалось красивым!

И в этом легко убедиться, потому что неожиданным и дорогим подарком стали фотографии обреченного дома, любезно предоставленные в мое распоряжение неравнодушной одесситкой Зоей Брониславовной Кулешей. Причем, на одном из тех снимков запечатлена прикрепленная к его стене доска, посвященная Вере Инбер! Возможны два варианта: либо это та самая, что упомянута выше, и ее просто перенесли в связи со сносом старой типографии Шпенцера, либо ее точная копия, которую установили в 1980-х параллельно с «уличной», так сказать, для внутреннего пользования... Так или иначе, но хорошо, что хотя бы одной из них удалось попасть не на свалку, а в фонды Литературного музея.

Вдогонку неопценимые сведения известного одесского краеведа, специалиста по генеалогии Сергея Геннадьевича Решетова. Предоставлен-

ный им материал неопровержимо свидетельствует о том, что «особняк Шпенцера 1912 р.» – не что иное, как дом, построенный для себя помощником Капитана над Карантинным портом Одессы, капитаном 2-го ранга Виктором Александровичем фон Ярмерштедтом. Разрешение Городской думы на строительство комплекса в составе жилых и подсобных помещений на территории собственного участка на углу Стурдзовского и Обсерваторного переулков было получено фон Ярмерштедтом в 1891 году. Стройка завершилась около 1893-го. Автор проекта пока неизвестен, но обязательный тогда технический надзор за строительством был поручен видному одесскому архитектору Цезарю Зелинскому⁸ совместно с гражданским инженером Мальгербом. Не удивлюсь, если проектантом окажется реально причастный к данному объекту Ц. Зелинский, а не предлагаемый в качестве такового А. Минкус.

Похоже, сомнения по поводу авторства возникали не только у меня. Иначе бы лица, ответственные за составление текста пресловутой доски, обязательно «увековечили» бы фамилию архитектора рядом с именем владельца, а не прятали ее в сокрытых от глаз общественности списках.

К несчастью – данный случай не единичен: непростительной небрежностью грешат десятки других памятных знаков в разных районах нашего города.

Р. S. Вскоре после публикации отчета о прогулке, появившейся на сайте музея, злосчастная табличка со стены «особняка Шпенцера» таинственным образом исчезла, причем не восстановлена до сих пор. Названный департамент от причастности к ее демонтажу отксерстился, внятных комментариев по поводу повторной установки получить не удалось. Вот и славно. По крайней мере, одним мемориальным ляпом у нашей Одессы стало меньше.

¹ Памятники истории и архитектуры УССР. – Киев, 1987. – С. 365.

² Троцкий Л. Моя жизнь: Опыт автобиографии (глава III. Семья и школа).

³ Цит. по: Шишова З. Сильнее любви и смерти: Стихотворения, воспоминания, письма. – Феодосия-Москва. – С. 26.

⁴ Там же. – С. 97.

⁵ Там же. – С. 137

⁶ ГАОО, ф. 35, ч. 1, оп. 4, ед. хр. 38518.

⁷ ГАОО, ф. 16, оп. 124, ед. хр. 17462-17467.

⁸ По проекту Ц. Зеленского на углу Канатной/Троицкой улиц выстроен один из первых в Одессе шедевров раннего модерна – производственный корпус нынешнего завода «Биостимулятор» (1892 г.).

Михал Седлецкий (Польша)

Одесса в стихах Петра Скрийка: Между мифом, музыкой и историей

Книга «Kręta droga do Odessy» («Крутая дорога в Одессу») на польском и украинском языках вышла в 2016 году. Ее автор – Петр Скрийка (1939 г.р.), украинский писатель и ученый, родом из крестьянской семьи лемков, в настоящее время живет в Польше.

Образ Одессы в книге остается познавательным многогранным, он явно не поддаётся никаким попыткам придать ему чёткое определение. Хотя писатель в начале своих литературных рассуждений признаётся, что не относит себя к поэтам и не называет свои произведения стихами, однако его художественный пейзаж Одессы очень символичен и может быть обозначен понятием сугубо лирическим, отсылающим нас непосредственно к миру Библии и древней мифологии.

Дезавуирующие поэтичность собственных произведений высказывания П. Скрийки стоит рассматривать как форму самоиронического дискурса мастера о том, какую роль и цели мы должны ставить перед сегодняшней поэзией, во время, точно обозначенное Зигмунтом Бауманом (1925–2017) как «текущая современность»¹. Как же еще иначе относиться к следующим словам писателя:

Od razu zastrzegam się, że nie jest to tomik poezji, chociaż takie może sprawiać wrażenie, poetą nie jestem, nawet przeczytałbym to sobie za lekką zniewagę, gdyby ktoś chciał mnie nazwać poetą. Dlaczego tak mówię?

Odpowiedź jest prosta. Poeta kojarzy mi się zawsze z kimś, kto lubi sam do siebie gadać, a wszystkim opowiada, że rozmawia z aniołami. Oszustwo jest oczywiste. Inni znowu przypominają pasterzy owiec na monotонnych stepach, wyśpiewujących jednostajnym głosem, co widzą dookoła, żeby pozbyć się nudy. Nie wiadomo tylko, czy owce słuchają tego śpiewania i czy w czymś im ono pomaga, gdy pasza skąpa, pragnienie dokucza i wilki wokół się czają? Toteż nie śpiewak, a trawa, sól, woda i obrona przed wilkami są owcom potrzebne².

(Сразу оговарюсь, что это не сборник стихов, хотя такое может создаться впечатление, и поэтом я не являюсь, я бы даже посчитал это оскорблением, если бы кто-то назвал меня поэтом. Почему я так говорю?

Ответ прост. Поэт всегда напоминает мне кого-то, кто любит разговаривать сам с собой, при этом говорит всем, что он разговаривает с ангелами. Мошенничество очевидное. Другие же напоминают пастухов овец в однообразных степях, поющих монотонным голосом обо всём, что видят вокруг, чтобы избавиться от скуки. Неизвестно, слушают ли овцы это пение, и помогает ли оно им в чем-то, когда корма мало, мучает жажда и вокруг них прячутся волки?

А посему не певец, а трава, соль, вода и защита от волков необходимы овцам).

Однако у Скрийки не только лишь утилитарный подход к поэзии. Его стихи – как мы сможем увидеть не раз – характеризуют тонкую форму и искусную метафору. Работы Скрийки – несмотря на всю скромность писателя – это, в конечном итоге, тексты, которые никоим образом не лишены понятия поэзии. Его стихи были опубликованы и оценены в прошлом году в Кракове местным Словацким обществом в Польше. Эта организация в течение многих лет поддерживала, среди прочей деятельности, значимое творчество лемков в Польше.

Поэтический том Скрийки был разделен на две одинаковые части, написанные как на польском, так и на украинском языках. Каждая из них открывает введение под названием «Читателю», за которым следует 21 стихотворение писателя. Давайте теперь взглянем более подробно на содержание некоторых из них.

Мифический город

Уже в первом из поэтических фрагментов размышлений Скрийки об Одессе мы читаем, что этот город опирается не только на ветхозаветную традицию и византийскую культуру, но и на ритуалы, относящиеся к древнеримской вакханалии. Поэт в какой-то момент утверждает, что:

*A wino odeskie wspaniałe – dorodne,
mączyste, pachnące wiosennym karpackim
sianem. Rozpływa się w ustach mięszszem
dojrzałym, można powiedzieć, najlepsze
w świecie.*

*Nic zatem dziwnego, że nawet Wenus
porzuciła morską pianę w Grecji i woli
się kąpać nago w kr kryształowym pucharze
odeskiego wina. <...>³*

*(И одесское вино отличное – дородное,
густое, пахнущее весенним карпатским сеном.*

*Тает во рту мякотью
зрелой, можно сказать лучшее
в мире.
Не удивительно, что даже Венера
бросила морскую пену в Греции и предпочитает
обнажённой купаться в хрустальном кубке
одесского вина.)*

В этом случае Одесса Скрийки – полумифическая земля, сильно напоминающая в своём символическом отображении родину Одиссея, прекрасно изображенную Гомером на страницах своего эпоса⁴.

Впечатляющий процесс стирания различных культур в Одессе очень хорошо виден на примере символического противостояния между Моисеем и Нептуном, полуиронично изображенного Скрийкой в его произведении «Первый день в Одессе»: «<...> посох Моисея уже опустился на землю, уже раздался гром, и волны двинулись в сторону Одессы, а там – их ждал Нептун со своим трезубцем, и он не хотел уступать им дорогу»⁵. Даже попытка реконструировать историческое начало Одессы не происходит в книге Скрийки без ссылок на Книгу Бытия⁶.

Отсылки к Книге Еноха можно найти в описании автора грузового порта в Одессе, в котором «<...> na długich nogach wielkie żurawie,/ (...) ogromne ciężary żalu za grzechy/ upadłych aniołów do nieba podnoszą/ i w dół powracają z pustymi/ dziobami»⁷ («<...> на высоких ногах большие журавли / <...> огромные тяжести / как искупление за грехи / упавших ангелов поднимают в небо / и вниз возвращаются с пустыми / клювами»).

Фигуры Иисуса Христа и Петра Апостола появляются в стихотворении «В ожидании чуда на портовой набережной»⁸.

А упоминание Вавилонской башни появляется в стихах «Разлука с дельфином»⁹.

Размышления Скрийки о будущем Одессы также подвергнуты стилизации, свойственной исключительно мифическому языку. Город символизирует поврежденный морским штормом корабль, который касается «<...> nieba złamanym żagleм/ i w wielkiej gęstwinie niebiańskich oczu/ szuka swej gwiazdy polarnej, żeby/ nie zderzyć się z brzegiem»¹⁰ («<...> неба сломанным парусом / и в огромной бездне небесных глаз / ищет свою полярную звезду, чтобы не столкнуться с берегом». Видение поэта имеет здесь явно минорное звучание.

Одесса Скрийка кажется символически расположенной «<...> na mieliźnie globalnego świata»¹¹ («<...> на мелководье глобального мира»). Это подтверждается поэмой поэта «Одесский музей».

Апокалиптическое настроение дополняет в книге писателя его произведение с, казалось бы, невинно звучащим названием «Наука о счетах», в содержании которого каббалистическое число девять, связанное нумерологически с понятием счастья, кажется для жителей Одессы областью их недостижимых мечтаний¹². Тревожащая проблема отчуждения человека видна в произведении «Почтальонки»¹³.

Таким образом, процесс одесской мифологизации протекает в произведениях Скрийки – как мы можем видеть – на многих уровнях, широко объединяя культурные традиции Востока и Запада в своем семантическом слое.

История

Внимательно читая книгу Скрийки, мы также замечаем, что символическая топография Одессы была разделена на частную сферу (с её домашним укладом, безопасностью, миром, с её интеллектуальным отдыхом при чтении любимых книг и т.д.) и на общественное пространство (сравнимое с картинами ада Данте)¹⁴.

Используемое автором выражение «свежий украинский ветер» в его тексте исполняет функцию антиномическую, метафорически иллюстрирует распад социальных связей в политически и этнически разделённой современной Украине.

Поэтический язык используется автором для описания текущих исторических событий в Восточной Европе, раздираемой конфликтами разного рода¹⁵. Символическим предвестником такой турбулентности в творчестве Скрийки является мрачная погода Одессы, отражённая поэтом на страницах его произведения «Космические арбузы»¹⁶.

Современный украинско-российский конфликт предстаёт перед нами через слой скрытых смыслов, содержащихся в стихотворении писателя «Прощание с дельфином»¹⁷. В произведении «Одесская опера» появляется даже выражение «кремлёвский попугай»¹⁸.

Вечный спор между христианством и исламом приводит поэта к размышлениям в лирике «Вечерний прибой моря в Одессе»¹⁹. Антагонизмы, возникающие между Русской Православной Церковью и Константинопольским Патриархатом с другой стороны, очень хорошо просматриваются в стихотворении «Святое молчание»²⁰.

Скрийка критикует также политическую пассивность своих соотечественников в отношении нарушения основных демократических принципов в Украине. Тревожащий образ этого порабощения показан в тексте

«Учение». Leitмотивом является прозаическая история маленького мальчика в одесском трамвае, которого мать ругает за желание говорить в общественном месте²¹.

В стихах Скрийки найдём также упоминания о Потёмкинской лестнице в Одессе²², прославленной Сергеем Эйзенштейном (1898–1948) в 1925 году в фильме «Броненосец Потёмкин», работе, особенно известной сегодня в основном из-за сцены вымышленного массового убийства местного населения, совершённого ритмично марширующими царскими войсками.

Писатель также упоминает о судьбе одесского памятника Александру Пушкину и об исторической фигуре Мехмеда II Завоевателя (1432–1481) – султана Османской династии и знаменитого завоевателя Константинополя, который создал из этого города столицу Османской империи²³.

Музыка

Важную роль в лирическом описании Одессы играет у Скрийки музыка. Её символическое изображение находит место в книге поэта упоминание Одесской Оперы. Писатель так о ней пишет:

*Nietrudno rozpoznać ją w tłumie pysznej
odesskiej architektury. Jest piękna jak pałac
bogów na Olimpie.*

*Gdyby malował ją Nikifor, tak by podpisał
obrazek: STACJA KOLEJOWA ODESS. SEŁO,
POWIAT, ROSYTA*

*Во станции kolejowe на jego malunkach to
najwspanialsze budowle świata²⁴*

*(Нетрудно узнать её в толпе великолепной
Одесской архитектуры. Она так прекрасна
Как дворец богов на Олимпе.*

*Если бы рисовал её Никифор, то так бы подписал:
образец: ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ СТАНЦИЯ ОДЕСС, СЕЛО
ПОВЕТ, РОСИТА*

*Так как станции на его рисунках
Это самые прекрасные здания в мире).*

Одесская Опера является в первую очередь для писателя великим культурным феноменом. Это особый институт, который поэт рассматривает через призму художественных высот современного мира музыки. Скрийка поэтически сравнивает её в своём стихотворении с одесской ткачихой с «серебристым» голосом жаворонка. Одесская Опера метафорически

напоминает писателю образ старого Гнатёнки, чудесно поющего лемковские песни. Упоминание оперной музыки неустанно стимулирует поэта к литературно-философским размышлениям. Изменчивость поворотов человеческой судьбы олицетворяют в его произведениях, например, соловьи, которые, занимая гнёзда после жаворонков, могут также символизировать в текстах Скрийка последующие этапы человеческого существования²⁵.

Сонные мечты

Лирический портрет Одессы авторства Скрийки, символически размещённый между мифом, музыкой и историей украинского города, – в некотором смысле напоминает фантасмагорические образы, свойственные сонным мечтам человека. Писатель представляет здесь виденье своей личности

Gdyby komiś się zachciało, żebym jak owa jaskółka, wyszukanyimi słowami grał na strunach, gdy małe muszki dziobie albo jak pasikonik śpiewa w trawie wieczorem, niech zrozumie, że mam inne dla słów swoich przeznaczenie, chcę nimi o świcie płatki w kwiatach otwierać, do flaszeczek aromaty zbierać i na jarmarku w Paryżu sprzedawać jako ekologiczne perfumy, hreczkę chcę siać, żeby śniegiem ciepłym latem na pola spadała, żeby pszczoły miały z niej pożytek, chcę len niebieskim wapnem z sińcem bielić, pszenicę złocić, żytu szyć igłą portki zgrzebne, jęczmieniowi piwo w karczmie stawiać i po cichu ciągle przypominać, że pianę ma na wąsach, kosy mu pożyczyć, żeby się nią podpierał, gdy na polu stać mi ciężko na wiotkich pijanych nogach. Mam też swoje chłopskie słowa, a właściwie to nie są słowa tylko widły dwuzębne do roztrząsania siana na łące. Mam też słowne widły czterozębne do wyrzucania ze stajni gnoju²⁶.

(Если бы кто-то хотел, чтобы я, как та ласточка, проглатывая мошек, играл на струнах сложными словами, или как кузнечик пел вечером в траве, должен понять, что у меня другие для своих слов задачи. Хочу ими на рассвете открывать лепестки в цветах, в пузырьки собирать ароматы и на ярмарке в Париже их продавать, как натуральные духи. Хочу сеять гречку, чтобы теплым снегом она поля покрывала, и чтобы пчёлам она пользу приносила. Хочу синей небесной известью раскрашивать лён, золотить пшеницу, для ржи шить холищовые штаны, ячмень пивом в корчме угощать и потихоньку напоминать, что пена у него на усах, косу ему одолжить, чтобы на неё опирался, когда на поле ему тяжело стоять на слабых пьяных ногах. У меня свои крестьянские слова. А скорее не слова, а вилы двузубые для разбрасывания сена на лугу. Есть у меня и словесные вилы с четырьмя зубьями для чистки конюшен от навоза).

Поэтическая непосредственность, а также лирический задор, чётко характеризующие портрет писателя, характерны также и для литературного отображения самой Одессы – города многих культур, показанной в сборнике писателя через призму его внутренних, часто чересчур эмоциональных переживаний с пограничьем яви и сна.

Книга Петра Скрийки является важным художественным вкладом в польско-украинский дискурс нашего времени. Писатель показывает Одессу в представлении украинца, много лет проживающего в Польше, и описывающего на прекрасном польском языке свой любимый украинский город.

Перевод с польского Стеллы Михайловой

- ¹ Zob. Z. Bauman, *Płynna nowoczesność*, przeł. T. Kunz, Kraków 2006.
- ² P. Skrijka, *Do czytelnika*, [w:] tegoż, *Kręta droga do Odessy*, Kraków 2016, s. 7.
- ³ Tamże, s. 54.
- ⁴ Zob. Homer, *Odyseja*, Kraków 2000.
- ⁵ P. Skrijka, *Pierwszy dzień w Odessie*, [w:] dz. cyt., s. 56-57. Zob. Wj 12-15
- ⁶ P. Skrijka, *Port pasażerski w Odessie*, [w:] dz. cyt., s. 62. Zob. Rdz. 1, 9-10.
- ⁷ P. Skrijka, *Port towarowy w Odessie*, [w:] dz. cyt., s. 69. Zob. 1 Hen (6, 1-8; 12, 1-6; 14, 24-25; 53, 3; 54, 1-10; 64, 1-2; 65, 6; 67, 4-13; 69, 1-29; 84, 4).
- ⁸ P. Skrijka, *Oczekiwanie cudu na portowej płycie*, [w:] dz. cyt., s. 70-71.
- ⁹ Tegoż, *Rozstanie z delfinem*, [w:] tamże, s. 85-88. Zob. Rdz. 11, 1-9.
- ¹⁰ P. Skrijka, *Niewidomy w pałacie nad morzem*, [w:] dz. cyt., s. 64. Por. tegoż, *Sztorm*, [w:] tamże, s. 65.
- ¹¹ Tegoż, *W odeskim muzeum*, [w:] tamże, s. 76.
- ¹² Tegoż, *Nauka rachunków*, [w:] tamże, s. 77. Zob. m.in. R. Yedidya, *Kabała*, przeł. B. Piotrowska, Warszawa 2005 oraz M. Krawczyk, *Kabała Abrahama Abulafii. Rytuał i wizja*, Warszawa 2012.
- ¹³ P. Skrijka, *Listonoszki*, [w:] dz. cyt., s. 78.
- ¹⁴ Zob. Dante Alighieri, *Boska komedia*, przeł. E. Porębowicz, posł. i przypisami opatrzyła M. Maślanka-Soro, Kraków 2004.
- ¹⁵ P. Skrijka, *Sprzeczką z aniołem*, [w:] dz. cyt., s. 60.
- ¹⁶ Tegoż, *Kosmiczne arbuzy*, [w:] tamże, s. 74-75.
- ¹⁷ Tegoż, *Rozstanie z delfinem*, dz. cyt.
- ¹⁸ Tegoż, *Odeska Opera*, [w:] tamże, s. 68.
- ¹⁹ Tegoż, *Wieczorny przypływ morza w Odessie*, [w:] tamże, s. 72.
- ²⁰ Tegoż, *Święte milczenie*, [w:] tamże, s. 72.
- ²¹ Tegoż, *Nauczanie*, [w:] tamże, s. 80-81.
- ²² Zob. *Pancernik Potiomkin* 1925, reż. S. Eisenstein, scen. N. Agadżanowa, S. Eisenstein, muz. N. Agadżanowa, Kraj prod. ZSRR. Występują A. Antonow, W. Barski, G. Aleksandrow, I. Bobrow i in
- ²³ P. Skrijka, *Pierwszy dzień w Odessie*, dz. cyt.
- ²⁴ Tegoż, *Odeska Opera*, dz. cyt., s. 66.
- ²⁵ Tamże, s. 66-68.
- ²⁶ Tegoż, *Do czytelnika*, dz. cyt., s. 9.

Коротко об авторах

Божко Анна Игоревна – ведущий специалист ОЛМ, автор публикаций о литературной жизни Одессы и одесской журналистике конца XIX – начала XX века. Сотрудник ОЛМ с 1995 г.

Голубовский Евгений Михайлович – журналист, краевед, библиофил. Печатается с 1960 г. Автор книг и статей по литературной и художественной жизни Одессы XX в. Составитель библиофильской серии книг одесских поэтов начала XX в.

Горбатюк Василь Иванович – директор Хмельницького областного литературного музея, член Национального союза писателей Украины, лауреат международных премий.

Донцова Татьяна Евгеньевна – краевед, исследователь, автор книг и публикаций об архитектуре и литературе Одессы XIX – нач. XX в.

Ергеева Екатерина Игоревна – ведущий специалист ОЛМ, автор статей по философии и теории культуры, истории Одессы середины XIX в. Сотрудник ОЛМ с 2009 г.

Закипная Галина Владимировна – ведущий специалист ОЛМ, создатель экспозиции музея, автор книг и статей о литературной жизни Одессы первой половины XIX в. и украинской литературе XIX в. Сотрудник ОЛМ с 1978 г.

Козаченко Оксана Николаевна – главный хранитель ОЛМ, автор статей о литературной жизни Одессы и украинской литературе XIX в. Сотрудник ОЛМ с 2009 г.

Левченко Валерий Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры украиноведения, историко-правовых и языковых дисциплин Одесского национального морского университета.

Липтуга Татьяна Ивановна – директор ОЛМ, создатель экспозиции музея, автор книг и статей о литературной жизни Одессы 1920-1970-х гг. Сотрудник ОЛМ с 1978 г.

Нестерчук Дмитрий Васильевич – младший научный сотрудник Литературно-мемориального музея-квартиры П.Г. Тычины в г. Киеве. Автор публикаций по истории украинской культуры XX века.

Панасенко Наталья Николаевна – краевед, автор книг и публикаций о литературной жизни Одессы конца XIX – первой половины XX в.

Пеший Александр Иванович – краевед, исследователь, автор публикаций о культурных деятелях и истории Одессы XIX в.

Рутковский Владимир Григорьевич – писатель, поэт, лауреат Шевченковской премии.

Рыбникова Татьяна Гавриловна – ведущий специалист ОЛМ, автор статей о литературной жизни Одессы второй половины XX в. Сотрудник ОЛМ с 1984 г.

Свирская Екатерина Алексеевна – младший научный сотрудник ОЛМ. Сотрудник ОЛМ с 2019 г.

Седлецкий Михал (Польша) – сотрудник Научного отдела Подляской библиотеки им. Лукаша Гурницкого в Белостоке

Семыкина Галина Георгиевна – ведущий научный сотрудник ОЛМ, создатель экспозиции музея, автор книг и статей о литературной жизни Одессы первой половины XIX в. Сотрудник ОЛМ с 1978 г.

Тименчик Роман Давидович (Израиль) – профессор Еврейского Иерусалимского университета. Автор книг и статей по истории акмеизма и поэзии Серебряного века, историк культуры начала XX века.

Шаргородский Сергей Михайлович – журналист, литературовед и переводчик. Автор публикаций о В. Хлебникове, М. Булгакове, И. Бродском. Финалист пулитцера

Яворская Алена Леонидовна – заведующая научно-экспозиционным отделом ОЛМ, автор книг и статей об одесской литературной школе 1920-х гг. и украинской литературе 1920-х гг. Сотрудник ОЛМ с 1984 г.

Ярмолинец Вадим Александрович (США) – журналист, прозаик. С 1989 г. живет в США, лауреат международных литературных премий.

ИЗДАНИЯ ОДЕССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО МУЗЕЯ и при участии музея

Одесский государственный литературный музей: Путеводитель. – Одесса: Маяк, 1986. – 144 с.: ил. – Тираж 50000 экз.

Атлас Доротея. Старая Одесса, ее друзья и недруги / Сост. Л.В. Майборода, Г.В. Закипная; коммент. Г.Г. Семькиной. – М.: Ласми, 1992. – 208 с.: ил. – Тираж 30 000 экз.

Книжкові обкладинки художника Михайла Жука: Кат. вист. / Упоряд. О. Лагутенко, С. Лущик. – Одесса: ОДЛМ, 1995. – 56 с.: ил. – Тираж 100 прим.

Дом князя Гагарина: Сб. ст. и публ. – Вып. 1. – Одесса: Афина, 1997. – 240 с.: ил. – Тираж не указан.

Влюбленный Валентин. Влюбленный в Валентину / Сост. А. Яворская, Л. Алескерова. – Одесса: ОКФА, 1998. – 160 с.: ил. – Тираж 1000.

Крандиевская-Толстая Наталия. Свет уединенный / Сост. Е. Голубовский, А. Яворская. – Одесса: Друк, 1999. – 96 с.: ил. – Тираж 100 экз. – *Совм. с Всемирным клубом одесситов.*

Одесса – Константину Паустовскому: Библиогр. указатель. – Вып. 1 (1993-1999 гг.) / Сост. С.К. Кузнецова. – Одесса, 1999. – 45 с. – Тираж не указан.

Одесса – А. Пушкину: 200-летию А.С. Пушкина посвящается: Сб. ст. / Сост. Р.И. Бродавко. – Одесса: Принт Мастер, 1999. – 160 с.: ил. – Тираж 1000 экз.

Инбер Вера. Цветы на асфальте / Сост. Е. Голубовский, А. Яворская. – Одесса: Друк, 2000. – 92 с.: ил. – Тираж 150 экз. – *Совм. с Всемирным клубом одесситов.*

Фиолетов Анатолий. О лошадях простого звания / Сост. Е. Голубовский. – Одесса: Друк, 2000. – 96 с.: ил. – Тираж 100 экз. – *Совм. с Всемирным клубом одесситов.*

Дом князя Гагарина: Сб. ст. и публ. – Вып. 2. – Одесса: Друк, 2001. – 336 с.: ил. – Тираж 700 экз.

Где обрывается Россия... / Сост. А. Таубеншлак, А. Яворская. – Одесса: Optimum, 2002. – 492 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – *Совм. с обществом «Мемориал».*

Рассказы о музее: Сб. очерков. – Одесса: ПЛАСКЕ, 2002. – 200 с.: ил. – Тираж 1000 экз.

Ильф Илья. Путешествие в Одессу / Сост. А.И. Ильф; коммент. А.И. Ильф, А.Л. Яворской, Р. Александрова. – Одесса: Optimum, 2002. – 206 с.: ил. – Тираж 300 экз.

Путешествие в Одессу: Ильф А.И. Илья Ильф в Одессе. 1897-1922; Ильф Илья. Рассказы и фельетоны / Сост. А.И. Ильф. – Одесса: ПЛАСКЕ, 2004. – 368 с.: ил. – Тираж 2000 экз. – *Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».*

Бабаджан Вениамин. Из творческого наследия: В 2 т. / Сост. С. 3. Лущик, А.Л. Яворская. – Одесса: Optimum, 2004. – 584 с.: ил. – Тираж 300 экз.

Фоогд-Стоянова Т. Вспоминая Владимира Алексеевича Пяста / Пяст В. Девятнадцать писем / Сост. А. Полторацкая, Е. Мальцева. – Одесса: Друк, 2004. – 120 с.: ил. – Тираж 300 экз.

Дом князя Гагарина: Сб. ст. и публ. – Вып. 3. – Одесса: ЗАО «ПЛАСКЕ», 2004. – Ч. 1. – 264 с.: ил.; Ч. 2. – 368 с.: ил. – Тираж 1000 экз.

Каракина Е., Самойлова Т., Ищенко А. Прогулка по Одессе: Путеводитель. – Киев: Балтия-Друк, 2004. – 144 с.: ил.

Славетний друкар Одеси: Каталог українських видань одеського видавця Є.І. Фесенка / Уклад. Г. Закипна, Т. Максим'юк. – Одеса: КП «Одеська міська друкарня», 2005. – 48 с.: ил. – Тираж 500 прим.

Паустовский К. Поручик Лермонтов: Пьеса: К 190-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова. – Одесса: Полис, 2004. – 72 с. – Тираж 100 экз.

Каракина Е., Мисюк А., Розенбойм А. Путеводитель по еврейской Одессе. – Одесса: Мигдаль, 2006. – 88 с.: ил. – Тираж 300 экз.

Каракина Е. По следам Юго-Запада. – Новосибирск: Свиньян и сыновья, 2006. – 236 с.: ил. – Тираж 1000 экз.

Одесская старина: Очерки одесских краеведов XIX века / Сост. Т. Щурова, А. Яворская. – Одесса: Optimum, 2006. – 232 с.: ил. – Тираж 500 экз.

Вигель Ф. Записки / Сост. А. Полторацкая. – Одесса: Optimum, 2006. – 176 с.: ил. – Тираж 500 экз.

«Свою Україну любить»: Каталог Шевченкініани / Упоряд.: Г. Закипна, Л. Майборода. – К.: Мистецтво, 2004. – 52 с.: ил. – Тираж 300 экз.

Яворская А. Забытые и знаменитые. – Одесса: Optimum, 2006. – 236 с.: ил. – Тираж 300 экз.

Музейщики смеются: К тридцатилетию Одесского литературного музея / Сост. Л. Алескерова, Т. Липтуга. – Одесса: Зодиак, 2007. – 224 с.: ил. – Тираж 1000 экз.

Кирсанов до Кирсанова / Сост. А. Яворская, Е. Голубовский. – Одесса: Зодиак, 2007. – 176 с.: ил. – Тираж 100 экз. – Совм. с Всемирным клубом одесситов.

Дом князя Гагарина: Сб. ст. и публ. – Вып. 4. – Одесса: Морьяк, 2007. – 416 с.: ил. – Тираж 1000 экз.

Яворская А. Осколки. – Одесса: Optimum, 2008. – 182 с.: ил. – Тираж 300 экз.

Фазини: 1893-1944 / Сост. А. Ильф; Авт. ст.: А. Ильф, И. Кричевский, А. Яворская. – Москва: РепроЦЕНТР М, 2008. – 280 с.: ил. – Тираж 350 экз.

Семейный альбом одесского издателя Е.И. Фесенко / Сост. Г.В. Закипная, Л.В. Майборода. – Одесса: Городская типография, 2008. – 316 с.: ил. – Тираж 500 экз.

Каракина Е. Гуляем по Одессе. – Одесса: Optimum, 2009. – 318 с.: ил. – Тираж 200 экз.

Дом князя Гагарина: Сб. ст. и публ. – Вып. 5. – Одесса: ЗАО «ПЛАСКЕ», 2009. – 416 с.: ил. – Тираж 1000 экз.

Южная столица: Одесса первой половины XIX века в литературных и краеведческих источниках, мемуарах, дневниках письмах / Авт. проекта В.Ю. Круж; сост. и авт.

комм.: А.И. Божко, Г.В. Закипная, Л.А. Мельниченко, Г.Г. Семькина. – Одесса; М.: Локид Премиум; Локид Пресс, 2009. – 598 стр.: илл. – Тираж не указан.

Гехт С. Избранное: Стихотворения, проза, воспоминания / Сост. А.Л. Яворская – Одесса: Optimum, 2010. – 432 с.: ил. – Тираж 200 экз.

Мисюк А. Куда бы вас послал классик. – Одесса: Мигдаль, 2010. – 295 с. – Тираж 600 экз.

Дом князя Гагарина: Сб. ст. и публ. – Вып. 6. – Одесса: Симекс-Принт, 2011. – Ч. 1. – 424 с.: ил.; Ч. 2. – 392 с.: ил. – Тираж 500 экз.

Шишова З. Сильнее любви и смерти: Стихи, воспоминания, письма / Сост. Д. Лосев, вступ. статья, коммент.: А.Л. Яворская. – Феодосия; М.: Издательский дом «Коктебель», 2011. – 304 с.: ил. – Тираж 800 экз.

Возвращение авангарда: Материалы международной научной конференции (1–4 июня 2004. Одесса) / Сост. А.Е. Парнис, А.Л. Яворская – Одесса: Изд. центр Delux, – 2012. – 416 с.: ил. – Тираж 300 экз. – *Совм. с фондом Харджиева-Чаги, Амстердам.*

Рассказы о музее. – Часть II: Сб. очерков: К 35-летию Одесского литературного музея – Одесса: ЗАО «ПЛАСКЕ», 2012. – 288 с.: ил. – Тираж 1000 экз.

Паустовский К. Время больших ожиданий: Рассказы, дневники, письма. Серия «Одесская библиотека» / Сост., вступ. статья: А.Л. Яворская – Одесса: ЗАО «ПЛАСКЕ», 2012. – 486 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – *Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».*

Под звездой Паустовского: Международная научно-практическая конференция, посвященная 70-й годовщине публикации повести К.Г. Паустовского «Черное море» (6–11 ноября 2006, Одесса). Первая международная конференция студентов «Паустовские чтения 2007», посвященная 115 годовщине со дня рождения К.Г. Паустовского (5–7 октября 2007, Одесса). – Одесса, 2012. – 192 с. – Тираж – 500 экз.

Кузнецова С. Константин Паустовский: Преображённые отражения. К 120-летию со дня рождения К.Г. Паустовского. – Одесса: Печатный дом, 2012. – 328 с. – Тираж 100 экз.

Одесса – Константину Паустовскому: Библиогр. указатель – Вып. 2 (1999–2012 гг.) / Сост. С.К. Кузнецова. – Одесса, 2012. – 128 с. – Тираж не указан.

Дорошевич В. Одесса, одесситы и одеситки: Фельетоны. Воспоминания о В.М. Дорошевиче. Серия «Одесская библиотека» / Сост. Е.М. Голубовский, Г.В. Закипная, вступ. статья: Г.В. Закипная. – Одесса: ЗАО «ПЛАСКЕ», 2013. – 352 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – *Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».*

Кесельман С. Стеклообразные сны: Стихи / Сост., авт. ст., комм.: С. З. Лущик, О.М. Барковская, Е.М. Голубовский, А.Л. Яворская. – Одесса: ВМВ, 2013. – 236 с., илл. – Тираж 150 нумер. экз. *Совм. с Всемирным клубом одесситов.*

Каракина Е. Гуляем по Одессе: Путеводитель. Издание 2-е, испр. и дополн. – Одесса: Optimum, 2014. – 268 с.: ил. – Тираж 200 экз.

Паустовський К. Тарас Шевченко: Біогр. повість / Перекл. з рос. В.Г. Піддубняка, літ. ред. С.К. Кузнецова. – Одеса: ТЕС, 2014. – 96 с.: іл. – Тираж 350 прим.

Паустовський К. Тарас Шевченко: Біогр. повість. Вид. 2-е / Перекл. з рос. В.Г. Піддубняка, літ. ред. С.К. Кузнецова. – Одеса: ВМВ, 2014. – 96 с.: іл. Тираж 1000 прим.

Луца І. Юрасів сад: Із авторської серії «Казки про волю»: Присв. 25 річниці Незалежності України, 110-літньому ювілею одеської Просвіти / Ред.: Г. Закіпна, В. Закіпний, Г. Фоменко. – Тирасполь, 2015. – 16 стор.: іл.

Луца І. Юрасів сад: [36. казок]: Присв. 25 річниці Незалежності України / Ред. кол.: Г. Закіпна та інші. – Одеса, 2015. – 16 стор.: іл.

Паустовский К.Г. Драгоценная пыль: Повести и рассказы / на русском, украинском и английском языках / вступ. ст. В. Дружинского, А. Яворской. – К.: Конформ Стайл, 2016. – 176 с.: илл. – Тираж 2000 экз.

Гехт С. Пароход идет в Яффу и обратно: Рассказы и повесть / Сост. и подготовка текста А. Яворской. – Москва: Книжники, 2016. – 400 с. – Тираж 500 экз.

Сам себе экскурсовод: Путеводитель по улицам Одессы / Сост. Б.А. Эйдельман. – Одесса: Optimum, 2016. – 235 с.: илл. – Тираж 1000 экз.

Одеса у слов'янських літературах: Студії / colloquia orientalia bialosjencia/literatura/historia XXI. – Białystok-Odessa: wydawnictwo PRYMAT, 2016. – 1022 с.: іл.

Дом князя Гагарина: Сб. ст. и публ. – Вып. 7. – Одесса: Бондаренко М.О., 2016. – 440 с.: ил. – Тираж 500 экз.

Дом князя Гагарина: Сб. ст. и публ. – Вып. 8. – Одесса: Бондаренко М.О., 2017. – 480 с.: ил. – Тираж 300 экз.

Книгоноша Менделе: Проза. М. Мойхер-Сфорима. Вспоминания и статьи / Сост. А. А. Мисюк, Е.Л. Яворская. – Одесса, 2017. – 240 с.: ил. – Тираж 200 экз.

Одеса та Чорне море як літературний простір/ colloquia orientalia bialosjencia/literatura/historia XXXIII. – Białystok-Odessa: wydawnictwo PRYMAT, 2018. – 268 с.: іл.

Жук Михайло. Білим і чорним хотів би я бути...: проза, казки, вірші, нотатки, спогади / уклад. О. Яворська за участю О. Козаченко та К. Романової; Одеський літературний музей. – Одеса: Бондаренко М. О., 2018. – 256 стор.: іл. – Наклад 300 прим.

Фиолетов Анатолий. Как холодно розовым грушам. / Сост., авторы ст. Е. Голубовский, А. Яворская. – Одесса: Бондаренко М.О., 2019. – 380 с.: ил. – Тираж 300 экз.

Одеса, музика, література: Українсько-польський культурний трансфер. Студії / colloquia orientalia bialosjencia/literatura/historia XXI. – Białystok-Odessa: wydawnictwo PRYMAT, 2019. – 268 с.: іл.

Одесская антология в 2-х т. – Т.1. Там все Европой дышит, веет... XIX-начало XX века / сост. и авт. предисл. А. Мисюк, Е. Яворская. – Харьков: Фолио, 2020. – 636 с.: илл. – Тираж 1 000 экз.

Одесская антология в 2-х т. – Т.2. Этот город величавый был написан, как сонет... XX век / сост. А. Мисюк, Е. Яворская. – Харьков: Фолио, 2020. – 748 с.: илл. – Тираж 1 000 экз.

Зеленый фургон и весь Александр Козачинский в 2-х т. – Т. 1. Зеленый фургон: повесть, рассказы, водевиль. – Одесса: ТЭС, 2020. – 240 с.: илл. – Тираж 1 000 экз.

Зеленый фургон и весь Александр Козачинский в 2-х т. – Т. 2. – Александр Козачинский – жизнь и судьба: Одесса-Севериновка-Москва-Новосибирск. – Одесса: ТЭС, 2020. – 400 с.: илл. – Тираж 1 000 экз.

Каталоги и буклеты

Сандро Фазини – к 110-летию со дня рождения: Кат. вист. / Одес. лит. музей, Гос. архив Одес. обл. / Сост. А. Яворская. – Одесса, 2003. – 8 с.: ил. – Тираж 50 экз.

Василь Ковальчук (1945-2005). Живопис, графіка: Кат. вист. / До 30-річчя Одес. літ. музею / Упоряд.: Н. Кореновська, Л. Хивренко. – Одесса; Київ: Софія-А, 2007. – 56 с.: ілюстр. – Тираж 500 прим.

Художник и муза: живопись, графика, скульптура: Кат. вист. 6-25 марта [2008] / Сост. Н. Кореновская, Л. Хивренко. – Одесса, 2008. – 30 с.: илл. Тираж не указан.

Портрет семьи в интерьере: Долгая жизнь вещей в семье Ильфов: [Буклет выставки / Одес. лит. музей] / Сост. А.И. Ильф. Текст: А. Ильф, Е. Каракина. – [Одесса, 2010]. – 20 с.: ил. – [Тираж 100 экз.]

Эсфирь Серпионова: Арт-проект Слово: [Буклет выставки] / Одес. лит. музей, мемор. музей А.С. Пушкина / Текст В. Мон. – Одесса, 2010. – 22 с.: ил. – Тираж не указан.

Всеволодность краси (до 130-річчя з дня народження художника і письменника М.І. Жука): Кат. вист. 3 грудня 2013-15 січня 2014. / Одеськ. літ. муз. / Упор. О. Яворська, К. Ергієва. – Одеса, 2013. – 24 с.: іл. – [100 прим.]

Одесский государственный литературный музей: [Буклет]. – Одесса: Облполиграф, 1986. – 10 с.: ил.

Музей К.Г. Паустовского: [Буклет]. – Одесса: Printфотосинтетика, 2000. – 6 с.: ил. На русск., англ.

Меморіальний музей С.І. Олійника: [Буклет] / [Упор. В. Ларькова]. – 6 стор.: ілл.

Музею Степана Олійника 20 років: [Буклет] / [Упор. В. Ларькова]. – Балта: ТОВ «Балтська друкарня» [2008]. – 6 стор.: ілл.

Одесский литературный музей: [Буклет]. – [2011]. – 8 с.: илл. На русск., англ.

Одесский литературный музей: Сад скульптур. [2012]. – 6 с., 14 открыток.

Тут Пушкин жил...: [Буклет мемор. музея А.С. Пушкина]. – [2014]. – 16 с.: ил. На русск., англ.

Календари

«Приятно ли жить в Одессе»: Календарь на 2003-2004 год / Сост. Н. Рымарь. – Одесса, 2003. – 28 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».

Литературная Одесса: Календарь на 2004-2005 год / Сост. Г. Закипная, Н. Рымарь. – Одесса, 2004. – 28 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».

Сад скульптур: Календарь на 2005-2006 год / Сост. О. Губарь, Т. Липтуга. – Одесса, 2005. – 28 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».

Города-побратимы: Календарь на 2006-2007 год / Сост. Л. Мельниченко. – Одесса, 2006. – 28 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».

Ланжероновская: История одной улицы: Календарь на 2007-2008 год / Сост. Л. Майборода. – Одесса, 2007. – 28 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».

Ланжероновская: История одной улицы: [Буклет] / Сост. Л. Майборода. – Одесса, 2007. – 16 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».

Улица Гоголя. История одной улицы: Календарь на 2008-2009 год / Сост. Л. Хивренко. – Одесса, 2008. – 28 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».

Улица Гоголя: История одной улицы: [Буклет] / Сост. Л. Хивренко, Н. Кореновская. – Одесса, 2008. – 28 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».

Херсонская: История одной улицы: Календарь на 2009-2010 год / Сост. А. Яворская. – Одесса, 2009. – 28 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».

История улицы Херсонской: Приложение к Одесскому календарю 2009-2010 [Буклет] / Сост. А. Яворская. – Одесса, 2009. – 36 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».

Маразлиевская: История одной улицы: Календарь на 2010-2011 год / Сост. Т. Заярная. – Одесса, 2010. – 28 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».

История улицы Маразлиевской: Приложение к Одесскому календарю 2010-2011: [Буклет] / Сост. Т. Заярная. – Одесса, 2010. – 64 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».

Календарь на 2012. Бабель: «Как это делалось в Одессе». – Совм. с GST.

Ришельевская: История одной улицы: Календарь на 2011-2012 год / Сост. Т. Рыбникова. – Одесса, 2011. – 28 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».

История улицы Ришельевской: Приложение к Одесскому календарю 2011-2012: [Буклет] / Сост. Т. Рыбникова. – Одесса, 2011. – 26 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».

Пушкинская: История одной улицы: Календарь на 2012-2013 год / Сост. А. Яворская. – Одесса, 2011. – 28 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».

История улицы Пушкинской: Приложение к Одесскому календарю 2012-2013: [Буклет] / Сост. А. Яворская. – Одесса, 2011. – 44 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».

Новосельского: История одной улицы: Календарь на 2013-2014 год / Сост. Е. Ергеева. – Одесса, 2012. – 28 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».

История улицы Новосельского: Приложение к Одесскому календарю 2013-2014: [Буклет] / Сост. Е. Ергеева. – Одесса, 2012. – 36 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».

Дерибасовская: История одной улицы: Календарь на 2014-2015 год / Сост. Е. Каракина. – Одесса, 2013. – 28 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».

История улицы Дерибасовской: Приложение к Одесскому календарю 2014-2015: [Буклет] / Сост. Е. Каракина. – Одесса, 2013. – 52 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».

Преображенская: История одной улицы: Календарь на 2015-2016 год / Сост. А. Яворская, М. Кислова. – Одесса, 2015. – 28 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».

История улицы Преображенской: Приложение к Одесскому календарю 2015-2016: [Буклет] / Сост. А. Яворская, М. Кислова. – Одесса, 2015. – 52 стр.: илл. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».

Екатерининская: История одной улицы: Календарь на 2016-2017 год / Сост. Н. Михайлова. – Одесса, 2016. – 28 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».

История улицы Екатерининской: Приложение к Одесскому календарю 2016-2017: [Буклет] / Сост. Н. Михайлова. – Одесса, 2016. – 52 стр.: илл. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».

Жуковского: История одной улицы: Календарь на 2017-2018 год / Сост. Г. Закипная, О. Козаченко, Е. Хоменко. – Одесса, 2017. – 28 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».

История улицы Жуковского: Приложение к Одесскому календарю 2017-2018: [Буклет] / Сост. Г. Закипная, О. Козаченко, Е. Хоменко. – Одесса, 2018. – 32 стр.: илл. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».

Еврейская: История одной улицы: Календарь на 2018-2019 год / Сост. Я. Заярная. – Одесса, 2018. – 28 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».

История улицы Еврейской: Приложение к Одесскому календарю 2018-2019: [Буклет] / Сост. Я. Заярная. – Одесса, 2018. – 32 стр.: илл. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».

Французский бульвар: История одной улицы: Календарь на 2019-2020 год / Сост. А. Яворская. – Одесса, 2019. – 28 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».

История Французского бульвара: Приложение к Одесскому календарю 2019-2020: [Буклет] / Сост. А. Яворская. – Одесса, 2019. – 32 стр.: илл. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».

Одеський літературний музей:

вул. Ланжеронівська, 2, Одеса, 65026, Україна;

тел.: +38 (048) 722-00-02, 722-33-70;

тел./факс: +38 (048) 731-46-85, (048) 725-01-73

e-mail: litmuseum.org@gmail.com

litmus.od@gmail.com

<http://www./museum-literature.odessa.ua>

<https://www.facebook.com/litmuzodessa/>

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ ІМЕННИЙ ПОКАЖЧИК

А

А.А., Анечка, Аника – см. Ахматова А.А.
А. У. – см. Ушаков А.
Абрамович К.Л. 242
Абрамович Л.Ф. 242
Августинович 132
Агатов В.Г. (собств. Гуревич В.И.) 274
Адамович В.И.189
Адиссон, Джозеф 171
Адольф, граф Нассау 54, 62
Азадовский М.К. 27
Айналов Д.В.181-182
Академик – см. Бунин И.А.
Аксенов И.А.285
Александр I, император Российский 109
Алекандр III, император Российский 234
Александр Македонский 107
Александров 351
Александров Эзра (собств. Зусман Э.А.) 411
Алексеев М.П. 34, 200, 202
Аліева Ф. 10
Алмазов А.И. 190
Альберт I, император 50, 62
Амвросио Г.И. 156
Амфитеатров А.В.335
Анастасьев, прис. повер. 146
Ангел 126
Андреев Л.Н. (Андреев /Андрієв Л.М.) 235, 287,
331, 335, 336, 358, 377
Андреевский 142
Андрієва М.Ф. 321, 327
Андрієвський В.Т.322, 345-346, 348, 349, 356
Андрієвська О.Т. 345, 356
Андропов Ю.В. 392
Анжелика Сафьянова – см. Никулин Л.В.
Аникеев 153
Анненский И.Ф. 271, 279, 281, 282
Ансельм И. 133
Антигон Гоната – Антигон II Гонат, царь Маке-
донии 107, 123
Антокольский П.Г. 427
Антонюк Вс.439
Анциферовы Н. и Т.284
Аплаксина О.І.305, 309, 311, 319-320, 326, 329, 331,
332, 334, 335, 361-362

Апостолов П.Я. 403
Апостолова Т.М. 403
Арнольд А.А. 206
Арутюнова И.В.168
Архангельский М., протоиерей 150
Арцюшкович М.411
Ахматова (наст. фам. Горенко) А.А. 206, 216, 268,
280-281
Ахо, Юхані 319, 326
Аякс 140

Б

Б.С. – см. Лавренев Б.А.
Багрицкий Э.Г. 4, 10, 250-253, 259, 409, 410, 411,
413, 453
Бажан М.П.370, 372, 373
Базилевич В., д-р. 330, 335, 344, 346, 348, 349
Базили К.М.100
Байбури А.К. 419
Байер, Георгий 256
Байрон, Джордж-Гордон 22,23
Бален-де-Балю Н.Н. – см. Белен де Баллю Я.Я.
Бальмонт К.Д.210, 235
Бандуренко Є.Ф. 372
Барановский Г.В. 166
Барковская О.М. 413
Барладяну В.В.376-377
Батлер, Джозеф 37
Батюшков Ф.Д.281-282
Бауман, Зигмунт 458
Бацак К.Ю.124
Башота – см. Озмидова А.Ф.
Бедный Иорик (собств. Сергеенко П.А.) 140
Безименський О.І.442
Безродный М.В. 284
Бейлис М.М. 175
Белен де Баллю Я.Я. (Беллен де Баллю Я.Я., Белен
де Баллю Н.) 21, 29, 35, 109-110,122, 123-124
Белен де Баллю Н.Я. 29
Белен де Баллю И.Я. 29
Беллий – см. Болг
Белый Андрей (собств. Бугаев Б.Н.) 210, 285
Березин П. 183
Березина Л.О. 4, 9, 183-187
Березина Н. 183

Березіна О.І.183
 Березняк П. 356
 Бернштейн, владелец магазина 120
 Берман Я.З. 196
 Бернардацци А.О. 163
 Бернс, Роберт 208
 Берсон (Бьерсон), Анрі Луї 339, 358
 Бертольд V, герцог фон Церинген 57, 62
 Бестужев (Марлинский) А.А. 192
 Бестужев Н.А. 27
 Билимович А.Д.192
 Білозерський В.М. 13
 Блакитний – див. Елланський В.М.
 Бласко (Бляско) Ібаньес, Вікенте 319, 326, 339, 358
 Блок А.А. (Блок О.О.) 194, 202, 210, 255, 273, 282, 377
 Блюменфельд Д.Ф.192, 201
 Бобович (Бобовик) І.В.253
 Бобров С.П.276, 278, 279, 283-285
 Бобров С.С. 284
 Бобчев, Никола С. 210
 Божко А.И. 4, 9, 10, 204, 465
 Болг, вождь галлов 106,123
 Большаков К.А. 274, 283
 Бондарин С.А. 10, 256, 258, 259, 262, 264, 413
 Борисов П.И. 27
 Боровик В.Г.360, 362
 Боровой С.Я. 196, 202, 203
 Ботьянов И.В. 35
 Боццари (Боцарис), Марко 87, 101,122
 Браз Й.Е.344, 356
 Бренн, вождь галлов 106, 107,123
 Брик Л.Ю. 427
 Бродский А. 128
 Бродский Д.Г. 425, 427
 Бронгулеев В.В.281
 Бронштейн Д.И. 408-409
 Брыгин Н.А. 408
 Брюсов В.Я. 10, 173, 202, 252, 253
 Бугреева А.С. 413
 Будищев А.Н. 208
 Буковецкий Е.О. 204, 206
 Бунин И.А. (Бунін І.О.) 9, 196, 204-209, 216, 217, 235, 269, 276-278, 284, 285, 319, 326, 358
 Бунина (урожд. Муромцева) В.Н. 206, 208-210, 217
 Бурлюк Д.Д. 10, 251, 284, 286, 289
 Бурлюк Н.Д. 268

Бурцев А.Е. 216
 Бутенко В.Б.159
 Бутенко И.Ф.160
 Бутлер – см. Батлер, Джозеф
 Бухштаб Б.Я. 35
 Буцци, Паоло 275
 Бэкон Г. 201
 Бюргер, Готфрид Август 98, 102

В

В. З. – см. Золотницкий В.
 В-въ А. 133, 163
 Вазов, Иван 209, 212
 Вайнерман Х.А.431,442
 Вайнштейн И-Б. А. 400-401
 Вайсбейн Л.И.(псевд. Утесов Л.О.)
 Валентин Петрович – см. Катаев В.П.
 Валих Г. 142
 Валленштейн (Валленштайн), фон Альбрехт
 Венцель Эусебиус 59, 62
 Ван Ходис (Ван Годдис), Якоб 275, 283
 Вандершкрюф – см. Шкрюф дер Ван А.А.
 Варварцев М.М.124
 Варна В.В.254, 264
 Варнеке Б.В. 178, 196
 Вассал 164
 Василевский И.М.283
 Василевский (Буква) И.Ф.140
 Василевський Ф.О. (псевд. Сфорон Круть) 185
 Вейс 140
 Венгржановская А.Б.397
 Венгржановская Е.Б. 397
 Венгржановская М.Б.397
 Венгржановская М.В. 397
 Венгржановский К.А. 400
 Венгржиновские 412
 Венгеров С.А. 208
 Венгерова З.А.284
 Венский Е. (собств. Пяткин Е.О.) 265, 280
 Вербицька В.М. 350, 356, 357
 Вербицкий-Антиох М.А. 350, 356, 357
 Вервес Г.Д.357
 Вересаев В.В. (Вересаев В.В.) 355
 Верещагин В.В.173
 Верзилов (Верзілов) А.В.345, 356
 Верлен, Поль 271
 Вернер I, епископ 62
 Верхарн, Эмиль 276

- Викланд Р.А.400
Виктор – см. Федоров В.А.
Вилинский С.Г. 193, 197, 200, 201
Винниченко В.К.327
Вирановская – см. Озмидова А.А.
Віра – див. Вербицька В.М.
Віра Петрівна – див. Педа В.П.
Віруня, Вірунечко, Віра Устимовна, Вера Устимовна – див. Коцюбинська В.У.
Висковский В.К.234
Висковский К.В. 453
Виспянский, Станіслав Матеуш Ігнаци 341, 355, 363, 375
Витковский Е.В.275
Виттельсбах Елизавета, фон 62
Вихман М.М.400
Вишня Остап (Губенко П.М.) 442
Владимир Федорович – см. Лазурский В.Ф.
Влодек Л.Л.452
Воловик Г.В.433
Волков Р.М. 193
Волконская М.Н., княгиня 202, 203
Волошин М.А.251
Вондрак, броварня 350, 357
Ворд, Уильям 43, 61
Вороний М.К. 309, 328, 334, 344-350, 356-357, 363
Вороний М.М. 350, 356-357
Воронин 146
Воронцов М.С., граф 28
Вургофт 129
- Г**
- Габе, Дора 212
Гадзінський В.А.431
Гальяно 164
Гамсун, Кнут 319, 326, 328, 334, 358, 362
Гансе Оле 328
Гар Гайлор 59
Гарборг Арне 334, 339, 355
Гарт Брет Френсіс 331, 335
Гаспаров М.Л.253
Гейдеман, владелец магазина 120
Гельперин Ю.М 283, 284
Генрих Лорис 62
Георгий – см. Чириков Г.Е.
Герасимович 452
Герлович (в замуж. Олеша) О.В. 256
Геро Н.Х.
Гершензон М.О. 277
- Герцо-Виноградский П.Т.(Лоэнгрин)207
Гете, Иоганн Вольфганг 27, 28, 37, 90,122
Гиббон, Эдуард 22, 50, 61,121
Гиль, Рене 377
Глареан – см. Генрих Лорис
Гнатюк В.М.311, 324, 356
Гнедич П.П. 140
Гнилокишков 144
Гоголь Н.В. 12, 33, 287
Годованець А.М.445, 447,449
Годованець М.П. 438-440, 442- 445, 448
Голованівський С.Е. 431
Головань В.И. 168
Голубовский Е.М. 4, 10, 286, 427, 465
Гольч, Антон 256
Гопп Ф.И. 10, 256-262, 264
Горб – см. Розман М.С.
Горбатюк В.І. 4, 12, 428, 465
Горенко А.А. 280-281
Горин 400
Городецкий С.М.268
Горужий – см. Пруссий I Хромой
Горький Максим 11, 210, 235, 237, 284, 305, 311, 319, 321, 326, 327, 331, 335, 336, 339, 358, 361, 362
Готалов-Готтлиб А.Г.178
Готье, Теофиль 245, 246, 253, 273, 282
Гречуха М.С.373
Грибовский В.М. 190
Григорьев А.А.199
Грин А.С.265, 280
Гринецкий С.Р.(Гринецкий С.Р.) 2, 4, 5, 301, 376
Гринько 367
Грищенко А.Т. 140
Гроссман Л.П. 4, 9, 188-203
Гроссман П.М.188
Грушевский М.С. 336
Грушевська К. 336
Губер А.Б. 402
Губер Е.А. 402
Губарь О.И. 35
Гулак-Артемовский С.С. 13
Гумилев Н.С. 10, 251, 267, 270-274, 280-282, 285
Гундорова Т.І. 357
Гурьянова Н.283
Гуссейн-паша 24, 34
Густав II Адольф, король Швеции 59, 62
Гюго, Виктор 377

Д

Дантес, Жорж 195, 200, 201, 202
 Дараган М.Н. 18, 20
 Двинягина Т.М.284
 Дворников Т.Я.157
 Де-Азарг К.К.165
 Девяткин А.В. 282
 Дезиро, Антонио 30, 113,124
 Деменок Е.Л.284, 286
 Дейч М.А.400, 401
 Дейша – див. Коцюбинська В.У.
 Деларю М.Д. 276
 Денис Б.А. (Борисенко Б.) 402
 Денис А.А. (Таланова) 402
 Денисова-Шаденко М.А.
 Дервянко Б.Ф. 8
 Дерегус М.Г. 373
 Де-Рибас (Дерибас) А.М. 3, 8, 176, 181
 Деспак, Еміль 377
 Джібеллі Н.Ф. 144
 Джонс, Уильям 43, 61
 Дзевановский Н.В. (псевд. Болесцис Н.) 280
 Дидро, Дени 175
 Дину, Елена 241
 Дионео – см. Шкловский И.
 Дитрихштейн (собств. Дитерихс В.Д), фон 398,
 412
 Длуская М.И. 403
 Длуская Ю.В. 403
 Длуский И.И. 403
 Дмитриева Е.И.251
 Дмитриева С.Д. 402
 Дмитриева Т.Д. 402
 Дніпрова Чайка – див. Березіна Л.О.
 Дон-Аминадо (собств. Шполянський А.П.) 271,
 282
 Доброгаїв М.351
 Добровольская К. 256
 Добровольский Г.В.154
 Доброклонский А.П. 193
 Добролюбский К.П. 178
 Добрянський 352
 Долинов (Шпендовский) Г.И. 453
 Донцова Т.Е. 4,12, 450, 465
 Дончик, купець 16
 Дориомедов И. 153, 168
 Дорошевич В.М. 208
 Достоевская А.Г. 196, 202-203

Достоевский Ф.М. 9, 192, 194, 195, 196, 198-199,
 202Ю, 203
 Дохтуров Д.С. 34
 Дохтуров (Дохторов) М.А. 23,24-27, 34, 37, 63,
 65, 70, 90,96,100, 121,122
 Дохтурова (урожд. Толстая) В.Ф., графиня 25, 34
 Дромашко А.П. 140
 Дружинин М.М.265, 280
 Дубецкий В.134
 Дузь І.М.442, 443,448,449
 Дурова Н.А. 202, 203
 Душенко К.В.200
 Дювель, Гудрун
 Дюфрен, садовник 143

Е

Ежов Н.И. 288
 Еланський (псевд. Блакитний) В.М. 316, 324
 Елизавета, императрица Российская 182
 Ергеева Е.И. 4, 10, 254, 465
 Еркович-Ерченко Е.А.402
 Еркович-Ерченко Л.А. 402
 Ефимов М.Н.286

Є

Єнсен, Альфред Адольф 305, 311
 Єрмоленко О.310
 Єсенін С.О. 431
 Єфремов С.О. 324, 334

Ж

Жамм, Франсіс 377
 Жаров О.О. 442
 Жданович О.442
 Желязов Г. 209, 233, 238
 Желязова, Лиляна (Лиляна) – см. Шульц, Ли-
 ляна
 Желязова, Невена 209, 216, 230, 233, 236, 237
 Жирмунский В.М.35
 Жук А.Г. 320, 326, 368
 Жук І.Г. 313-314, 322, 361, 362, 376
 Жук М.І. 4, 10,11, 301-303, 305-312, 321, 322, 324,
 326, 327, 333, 334, 344, 355-357, 362, 363-380,
 384
 Жук П.М. 303, 314
 Жуковский В.А. 23

З

- Заболоцкий Н.А.271, 282
Завалишин Д.И. 27
Закіпна Г.В.(Закипная Г.В.) 4, 7, 9, 13, 183, 465
Закревский А.А. 25, 34
Заковский Л.М.400
Закруткин В.О. 431
Заньковецкая М.К.181-182
Затонський В.П. 429
Заузе В.Х. 204, 206
Захаркін С.А. 311
Зеленая Н. 168
Зеленов В.К. 402
Зеленов Д.К. 402
Зеленов И.К. 402
Зеленов П.К. 402
Зеленой П.А.153
Зеленецкий К.П. 28, 35
Зеленецкий П.К. 27, 28, 35, 86, 90-92,122
Зелинский К.Л. 251, 253
Зелинский Ц. 457
Зенкевич М.А. 281
Зео – см. Озмидова З.К.
Зеров М.К. 19, 20
Зозулин В. 126
Золотницкий В. 23,33, 35, 68, 69, 76, 79, 81-84, 121, 122
Золотов В.А.164
Золя Еміль 319, 325
Зонненберг, фон Франц Антон Иосиф Игнац Мария, барон 27, 28, 90, 91,122
Зонтаг, Генриетта Гертруда Вальпургис 120,124

И

- Иваненко М.Г. 402
Иваненко П.Г. 402
Иванов Г.В.272, 282
Иванов И.И. 401
Израиль (Никулицкий И.), епископ Вологодский 150
Ильф И.А. 250, 409
Инбер В.М. 9,12, 450-452, 454-456
Инбер Н.О. 454
Инночка – див. Педа І.М.
Ирина Ялтинская – см. В.Я. Брюсов
Искров Б.251, 253
Иустин (Охотин), архиепископ Херсонский и Одесский 150
Ишток, доктор 243

І

- Ібсен Генріх 334, 339, 358

К

- Кабанов Н.С.400
Кавар (Ковар), царь галлов 106, 107,123
Казанский П.Е. 190
Казка А.В.345, 348, 349, 356
Кайзер, Георг 377
Калмыкова В.В.280
Каменский В.В. 4,11, 286-291
Каназирска, Маргарита 210, 217
Кандинский В.В.275
Кантакузен П., князь 126
Капцевич М. та Н. 323
Каратыгина-Колосова А.М.202, 203
Кардуччи, Джозуэ 208
Карл I Великий 62
Карл V Габсбург 123
Карпинський 352
Картамышев К.В.137
Касіян В.І. 368
Катаев В.П. 4, 5,9,11,12, 207, 214, 216, 217, 255, 259, 272, 281, 385-387, 389, 390, 392, 393-395, 397, 398, 401, 403, 404, 406, 408, 409-413
Катаев Е.П. (псевд. Петров Е.) 403, 404, 409, 413
Катаев П.В.386, 392, 410, 411
Катаева Тина – см. Рой В.Э.
Катанян В.А. 427
Катерина II 18
Кашуба-Вольвач О.Д. 310, 384
Кереврук – см. Колбрук, Генри Томас
Керн А.П. 202, 203
Кернер, Юстинус 28, 94, 98, 99, 102,122
Кесельман С.И. 253
Кімлач О. 431
Кіплінг Джозеф Редьярд 319, 326
Килимник О.В.187
Кирилл (Кириллов) 385
Кириллов В.Т. 267, 280
Кирсанов А.С. 426, 427
Кирсанов В.С. 420, 427
Кирсанов (собств. Корчик) С.И. 4, 5, 9, 12, 420, 425-427
Кирсанова (урожд. Лукина) Л.М. 427
Кирсанова (урожд. Беляева) Р.Д.426, 427
Кисляковский 146
Кишенский Д.П.176, 181

Киянская О.И.411
 Клейст, Эвальд Христиан 28, 86, 101
 Ключевский В.О.175
 Кобилянська О.Ю. 443
 Ковердинський В.325
 Кодацький М. 310
 Козаченко О.М. 4,11, 310, 375, 384, 465
 Козегартен, Людвиг 98, 102
 Козуб-Якушинський 317
 Колбрук, Генри Томас 43, 61
 Кольцов О.В.429
 Команторий (Коммотор), царь галлов 107, 123
 Коммод – см. Луций Элий Аврелий Коммод
 Компан П.И. 140
 Кондратенко М. 357
 Коні А.Ф.345, 356
 Конопницька Марія 11, 376, 377, 379, 380
 Конрад II, король Германии 62
 Конрад III, король Германии 58, 62
 Конрадин, король Иерусалима 52, 62
 Коржавина М.245, 253
 Корнійчук О.Є. 368
 Короленко В.Г.210
 Косач-Квітка Л.П. – див. Українка Леся
 Косинский В.А.189
 Костанди К.К. 238
 Костомаров М.І. 19
 Котляревский Д.И. 154
 Котовский Г.И 208
 Корш А.В. 153
 Коховський Вс. 18,20
 Коцюбинська В.У. 302,306, 309, 310, 318, 322, 323, 325, 335, 336, 340-341, 346-349, 355, 359
 Коцюбинська І.М.303, 309, 311, 322, 335, 344, 355, 356, 357
 Коцюбинська Л.М.337, 340, 342, 345, 347, 355, 362
 Коцюбинська Н. 309
 Коцюбинська-Абаз Г.М.319, 326, 333, 336, 341-342, 347, 359
 Коцюбинська О.М., донька 309, 332, 336, 344, 356
 Коцюбинська О.М., сестра 359, 362
 Коцюбинський М.М. 4, 10, 11, 301-337, 339-363, 373, 378
 Кочмержевский (Кочмаржевский) Г.К. 394, 411
 Кремер И.Я.251
 Кримський А.Ю. 360, 362
 Кричевський В.Г.338, 355
 Крылов 129
 Крыштафович В.А.408

Кузьмин Д. 285
 Кудінов Д.В. 323
 Кузмин М.А 282
 Кулеша З.Б. 456
 Куліш П.О. 16,19,20
 Куприн А.И. (Купрін О.І.) 9, 204-206, 210, 216, 235, 335, 336, 358
 Курдиновский В.И. 190
 Кушлина О.Б. 253
 Кухаренко Я. 13
 Кюхельбекер В.К.25,26, 34, 192

Л

Лавренев Б.А. 281, 401,
 Лавров А.253
 Лагутенко О.А.308, 311, 378
 Лазурский А.В. 179
 Лазурский В.Ф. 4,8, 171-182
 Лазурский В.В. 179
 Ламкерт О.И. 153
 Латиш Ю.В. 202
 Лафонтен, де Жан 124
 Левицька Ф. – див. Шкуркіна-Левицька Т.(Ф.)С.
 Лебідь Д.К. 345, 348-349, 356
 Левин 385
 Левченко В.В. 4, 9, 188, 200, 202, 465
 Левченко М.М. 19, 20
 Лемперт Д.Б. (псевд. Лемперт Д.Б.) 280
 Лендер Н.Н. 136, 164, 165, 170
 Ленин В.И. 415, 419
 Леонарий (Леонар) 106,107, 123
 Леонарды К. и Н.126
 Леонтович В.М. 336, 353, 354, 357, 362
 Леонтович Ф.И.141
 Леонтьева А.Ю.282
 Лепкий Б.С.11, 325, 341, 355, 376
 Лепка О. 355
 Лерман М. 133, 163
 Лермонтов М.Ю. 23, 202
 Леско, Манон 194, 202
 Лі,Йонас (Юнас) 319, 326, 334, 339, 358
 Лившиц М.М. 408
 Лідія Михайлівна – див. Коцюбинська Л.М.
 Лигин В.Н. 153
 Лизогуби А.І., І.І., брати 345, 356
 Линниченко И.А. 175, 181
 Липинский Г.А. 160
 Липтуга Т.И. 2, 465

- Лисенко М.В. 316, 324, 329, 334
Лісничий В. 377
Литвин Е.203
Ліхнякевич (Лихнякевич) А.В.360, 362
Лишин Н.А. 165
Лобко П.А.140
Ловейко-Жук Н.Г.377
Лодыгин С.П.246
Лонгфелл, Генри Уодсворт 208
Лондон, Джек 331, 335, 336
Лоцилов И.Е.282
Лука Борси, ди Пьетро (Пиетро ди Лука) 104,123
Лукиан Самосатский 109, 124
Лукницкий П.Н. 280-281
Лутарий (Лиутар) 106, 107, 123
Луций Элий Аврелий Коммод
Луцкевич А.І., І.І., брати 361, 362
Луцкий С.А.394
Лущик Г.Г. 456
Лущик С.З.11, 204, 250, 253, 301, 308, 310, 311, 364, 376, 378, 384, 393, 404, 407, 411-413, 416, 419, 456
Льдова (в заміж. Закруткіна) Л. 430-432
Льюис, Перси Уиндем 276
Лягерлеф (Лагерлеф), Зельма 319, 326, 358
- М**
- М. Д. – см. Дохтуров М.А.
М.М. – див. Коцюбинський М.М.
М. М...ч – см. Максимович М.А.
Магденко А. 23, 33, 35, 37, 57, 69, 85, 121, 122
Магнер Д.А.454, 455
Мазур О.Х.431, 434, 439, 443,449
Майков А.Н.284
Майстровой Я.Я. 182
Максимович М.А. 37
Макаревич-Слюсаренко С.П. (Н.П.) 395
маленький «русский доктор» – см. Дохтуров М.А.
Мальчевський, Яцек 341, 355
Майстровой Я.Я. 182
Максим'юк Т.І.377
Мар Иолэн – см. Бобров С.П.
Маразли Г.Г. 8, 153
Марінкович Д.124
Мария Райская – см. Брюсов В.Я.
Марко Вовчок (Вілінська М.О.) 343, 356
Марко – див. Вороний М.М.
Марков В.Ф.285
Масанов И.Ф. 35, 163, 170
Масканы, Пьетро 266
Масс Ф.А., барон 165
Марк Аврелий Антонин, император 124
Махмуд (Махмут) II, султан Махмуд ибн Хамид 24, 34,96, 100, 102, 120, 124, 462
Мацько В.449
Машевский К.Ф.401
Маяковский В.В. 10, 251, 253, 268, 281, 286, 274, 420, 427, 431
Меженко (Іванов-Меженко) Ю.О. 367
Мейерхольд Вс.Э. 286
Меликов (Меликишвили) П.Г.176, 181
Мелиссарато, кондитерская 254
Мельниченко Л.А.456
Метерлинк, Морис (Метерлінк, Моріс) 191, 334
Мехмед II – см. Махмуд II
Мехоффер Юзеф 375
Микола II, імператор Російський 322
Миколок В.К.431
Милюков П.Н. 172
Минкус А.Б. 452, 457
Мирний Панас (Руденко П.Я.) 343, 356
Михайлів Ю.С.311
Михайлов М.М. 189
Михайло Іванович – див. Жук М.І.
Михайло Михайлович, Мих.Мих...– див. Коцюбинський М.М.
Михайлова С. 463
Михалков С.В.261-262
Михельсон Я.Я. 401
Михневич И. 35
Мишуга О.334
Могилянський М.335
Мопасан, Гі де 319, 325
Мороз І.О. 12, 439-440,442- 445,448
Морозов П. 34
Мочульський М.М.325, 334, 336
Мочульський В.Н.193, 201
Мочутковский О.О. 165
Муравьев Н.М. 22
Мурашко М.І.302, 310, 311
Муратори (Мюратори), Лудовико Антонио 56, 62
Мусичко, Муса – див. Коцюбинський М.М.
Муслин 140
Мустафа, сын Сулеймана Великолепного 73, 101
Мюррей, Джон 110, 124
Мюррей, Джон (сын) 124

Н

- Навроцкий 126
 Навроцкий В.В. 145-147
 Надеждин Н.И. 33
 Наенко М.336
 Накомид (Никомед I), царь Вифинии 107, 123
 Нандельштедт Н.Ф., полковник 144
 Наполеон 116
 Нарбут В.И. 12, 253, 274, 385, 387, 410
 Наровчатов С.С.392
 Нащокина В.А. 202, 203
 Невідома – див. Аплаксина О.І.
 Неволин К.А. 155
 Невский 145
 Негри, Антонио 208
 Недзвідський А.В.443
 Недобровські, сестри 325
 Недоля-Гончаренко Л.В. 420
 Некрасов Н.А. (Некрасов М.О.)192, 429, 431
 Некрасов П.А.
 Нелли – см. Брюсов В.Я.
 Немирович-Данченко В.И.210
 Немировский Э.Я. 189
 Неручев М.В. 140
 Нестерчук Д.В. 4,11, 363, 465
 Нечерда Б.А. 11
 Нечуй-Левицкий I.C. 184, 301, 310, 343, 356
 Нікітін I.C.429
 Николаев П.К. 398
 Николаев-Николаенко Н.В. 398
 Николай I (Николай Павлович), император Российской 35
 Никольская Т.Л.253
 Никонов Б.П. 10, 246, 253
 Никонов С.П. 189
 Никулин Л.В. 251
 Нилус В.Б – см. Бутенко В.Б
 Нилус П.А. 204, 206, 208-210
 Нилус С.И. (урод. Курис)156
 Нина Воскресенская – см. Багрицкий Э.Д.
 Ніщинський П.І.184
 Новицкая Л.Д. 417
 Новосельский Н.А. 8, 128, 129
 Ньюта, Нютонько – див. Черанівська Н.
- Озеровский А.И. 192
 Озерная И.Б.264
 Озмидов К.М. 159-160,170
 Озмидов Л.М. 126, 161
 Озмидов М.Л. (М.П.) 4, 8, 125-137, 140-155, 159-165, 168
 Озмидов М.С. 126, 182
 Озмидова (урожд. Вирановская) А.А. 126, 161
 Озмидова (урожд. Башота) А.Ф.126
 Озмидова В.М. 155
 Озмидова З.К.(урожд. Неволина) 152, 153, 155-159, 160, 170
 Озмидова (урожд. Синицына) Е.М. 155
 Озмидова Е.М. 159, 160, 170
 Озмидова М.М.127,161
 Оксана – див. Коцюбинська О.М., донька
 Оксман Ю.Г. 193, 196
 Олендер С.Ю.425, 427
 Олеша К.-А. 256
 Олеша Ю.К.(Г.-А.) 4, 9, 10, 244-246, 251, 253, 254-264, 409, 453
 Олійник С.І. 430-432, 434, 438-441, 443-445, 447-449
 Ольга Михайлівна – див. Коцюбинська О.М., сестра
 Опеньховский С.Ф.271, 282
 Опшиан 110, 124
 Орина – див. Коцюбинська І.М.
 Орлов А.И. 27, 34
 Освальд, Миконий (Микониус) 57, 62
 Островский Н.А.261
 Отамановський В.Д. 325
 Отец А.А. – см. Горенко А.А.
 Отец Митрофан 243
 Оттон II, герцог 62
 Оттон IV, император Священной Римской империи 58, 62
- П**
- П. 3. – см. Зеленецкий П.К.
 Павло – див. Тичина П.Г.
 Павлова К.К.194, 202
 Палаузов В.М. 190
 Панасенко Н.А. 168
 Панасенко Н.Н. 4, 8, 171, 466
 Панченко В.Є. 327
 Панченко И.Г.253
 Парнок С.Я. 377
- О**
 Оболенский 208
 Овидий Назон 271

Парфентьев В.Е. 160
Пастернак Б.Л. 274, 284, 410
Пастернак Ж.Л. 284
Паустовский К.Г. 5, 387, 410, 414-415, 455
Педа В.П. (уродж. Тимінська) 429, 433-436, 441, 445, 446, 449
Педа (у заміж. Кравченко) І.М. 429, 433, 434, 436, 441, 445- 449
Педа М.Ю. 428, 433, 434, 436
Педа П.М. 4, 12, 428-448
Педа Ю.М. 433, 436, 437, 441, 445
Пенский А.Ф. 402
Пенский Н.Ф. 402
Первишек М.Я. 401
Перрон (Перон), Франсуа 37, 38, 121
Пестель П.И. 22
Петкова М. 217
Перельмутер В.Д. 280
Перлов Т.И. 168
Петряев Е.Д. 27, 34
Пеший А.И. 4, 6, 8, 125, 466
Пінчук В.Г. 187
Пикассо, Пабло 239, 278, 285
Пиктет (Пикте), Адольф (L'Universe) 28, 103, 104, 122, 123
Пильский П.М. 287
Пирамидов В.М. 153
Пирогов М.І. 18, 184
Писаренко 264
Пискунов К.Ф. 261, 264
Пич, Людвиг 197, 203
Плаксин С.И. 153
Платон 271
Платон (Городецкий Н.И.), архиепископ Херсонский 150
Подкаминер 146
Пойзнер М.Б. 35
Полевщикова Е.В. 61
Поліщук Я.О. 378, 384
Полонский Я.П. 33
Полушкин С.И. 153
Полякова Ю.Ю. 282
Поплавский И. 253
Попов Н. 144-145
Породко Ф.М. 178
Поронин 352
Постоутенко К. 284, 285
Потапов П.О. 193

Потемкин П.П. 279, 285
Потьомкін Г.О., князь 14
Прасковія Микитівна – див. Жук П.М.
Прегель С.Ю. 283, 285
Приблуда А.С. 178
Прусий І Хромой 107, 123
Птоломей Сорит – Птоломей Керавн, царь Македонии 106, 123
Путник – см. Лендер Н.Н.
Пушкин А.С. 9, 23, 28, 33, 194, 195, 196, 197, 202, 203, 217, 265, 287
Пушкин Л.С. 33

Р

Разумовский А.К. 182
Раннит, Алексис 237
Рапопорт А.М. 185
Рапопорт С. 172
Раскин Д.И. 201
Рафаэль, Санти 287
Рашевський І.Г. 348, 356
Рашковская М.А. 284
Ревський Б. 316, 324
Реденс С.Ф. 401
Реймонт, Владислав Станіслав 11, 341, 355, 376
Рейхельт Н.Н. – см. Лендер М.М.
Ренненкамф В.Н. 189
Решетов С.Г. 456
Рипе (Репе), Люсьен 28, 34
Ришелье, Арман Жан дю Плесси, герцог 8
Рогалев 146
Роденбах, Жорж 334
Родеус Н.А. 156
Розанова О.В. 275, 283, 284
Розман М.С. 385
Рой В.Э. 410
Романова К. 310, 384
Роом А.М. 255
Рооп М. 167
Ростан, Эдмон (Ростан, Едмон) 208
Рот Л.О., генерал 32
Ротман 132
Рубо, владелец магазина 120
Рудов М.П. 315, 316, 323, 330, 335
Рудольф (Родольф) II, граф Габсбург 52, 53-56, 58, 62
Рум'янцев-Задунайський П.О., граф 17
Русская художница – см. Розанова О.В.

Рутківський В.Г.(Рутковский В.Г.) 4,12, 466
 Рыбникова Т.Г. 414
 Рыжий Миша – см. Файнзильберг М.А.
 Рылеев К.Ф. 192
 Рябокони Г.С. 14

С

Садовская Е.М. 126
 Садовский Б.А. 281
 Садовский С.Х.126
 Садыков Н.156
 Салтыков П.С., граф 101
 Самбулов Н.Т.401
 Самійленко В.І.326, 328, 333, 363
 Самюэль, Джонсон 45, 61
 Сарабьянов А.Д.284
 Сарато О.124
 Сарматов Н.И. 282
 Сарматов С. – см. Опеньховский С.Ф.
 Старший брат – см. Катаев В.П.
 Саша – см. Федоров А.М.
 Свирская Е.А. 4, 12, 420, 466
 Северянин И. (собств. Лотарев И.В.) 244, 245, 251-253
 Северный (собств. Юзефович Б.С.) 385
 Седлецкий, Михал 4,12, 458, 466
 Селіванов Л.431
 Селим II, султан 73, 101
 Семенко М.В. 433
 Семенов В.Г. 394
 Семькина Г.Г. 2, 4, 8,21, 33, 466
 Семятицкая Ф.Д. 196
 Сенковский О.И. 23
 Сенько-Поповская Н.Я. 403
 Сенько-Поповский В.Ю. 403
 Серафимович О.С.339, 355
 Сергеев Б. – см. Лавренев Б.А.
 Сергеенко П.А. (Бедный Иорик) 140
 Серебренников А.С. 137
 Серетрий – см. Церетерий
 Сергей (Страгородский И.Н.), архимандрит 152
 Сестини, Доменико 29, 105, 108,123
 Сінклер, Ептон Білл молодший 342, 355
 Симонович П.Н. 414, 458-459
 Симочка – см. Суок С.Г.
 Силантьева Н.А.283
 Скокан О.Э.142-143, 165
 Скотт, Вальтер 32, 119
 Скотто, Винсент 272
 Скрийка, Петр 4,12, 458-463
 Скулишевский А.А. 402
 Скулишевский Г.А. 402
 Слабченко М.Е. 178
 Славейко, Пенчо Петков 212
 Славин Л.И. 409
 Слесаренко В.Ю. 282
 Словацкий, Юліуш 377, 380
 Слуцкий Б.А. 427
 Смирнов В.А. 182
 Смирнов В.И. 35
 Смирнов К.М.189
 Смирнов С.С. 427
 Смирнова (урожд. Россет) А.О. 202, 203
 Смит, Адам 22
 Смоллет, Тобайас Джордж 177
 Соболев А.Л.284, 285
 Сობоль А. (собств. Ю.М. Сობоль) 402, 407
 Сокальский П.П. 140
 Соколова М.М. – см. Озмидова М.М.
 Соколова С.И. 453, 454
 Соколовська Т.(Таня) 432, 434, 437
 Сокольский П.П.156
 Соколюк Л.Д.378, 384
 Соколянский М.Г. 203
 Сологуб Ф. (собств. Тетерников Ф.К.) 358, 362
 Спендіаров О.О.376-377
 Сталин И.В. (Сталін Й.В.) 237, 288, 433
 Станіславський, Ян 375
 Старицька-Черняхівська Л.М.329, 334
 Старицкий М.П.334
 Стасюк О.І.323
 Стафф, Леопольд 377
 Стебун І. І.326, 361
 Степанов А.С.140
 Степанов Е.Е. 281
 Стефаник В.С. 319, 326, 339
 Стил, Ричард 171
 Сток, владелец магазина 120
 Сторицын (собств. Коган) П.И. 251
 Стот, г-жа, владелица магазина 120
 Стребуль А.В. 403
 Стребуль В.В. 403
 Стребуль С.Ю. 403
 Стріндберг, Юхан Август 328, 334
 Суворов О.В., граф 14, 15
 Сулейман Великолепный, султан 101

Суок О.Г. 260, 264
Суок С.Г. 259
Сурмиевич 132
Суслов М.А. 392
Сутягин С.Ф.154
Сухомлинов Н.Ф.153

Т

Таня, цыганка 202, 203
Тарловский М.А.408, 413
Твердохлебов В.Н. 189
Телешов Н.Д. 285
Тениссон, Альфред 208
Терещенко М.А. 446
Терещенко Н.160
Терещенко, цукрозаводчик 445-446
Терехина В.Н. 284
Тетмайер, Володзимеж 341, 355
Тетмаер (Пшерва-Тетмайер), Казимеж 11, 341, 355, 376
Техник – см. Озмидов М.Л. (М.П.)
Тидге, Кристоф (Христоф) Август 98, 102
Тименчик Р.Д. 4, 10, 265, 281, 282, 285, 411, 466
Тимінська – див. Педа В.П.
Тимінська М.Г.441, 446
Тимченко И. А. 178
Тичина П.Г. 4,11, 12, 316, 324, 363-374, 431
Тищенко В. 13, 18, 20
Толстой А.Н., граф 235, 237
Толстой Л.Н., граф 175, 182, 199, 202, 210, 287
Толстой М.М., граф 191
Трелавней (собств. Трелоуни, Эдуард Джон) 25, 34
Тренев К.А. 402
Третьяков С.М.250
Троицкий М.И. 408
Тройницкий 35
Тройницкий Н.Г. 30,33
Троль Н. 203
Троцкий (собств. Бронштейн) Л.Д. 267, 452,457
Туманян, Ованес 377
Туманский В.И. 23, 265, 276
Тургенев И.С.(Тургенев І.С.) 194, 197, 199, 202, 203
Тургенев Н.И. 22
Туся – см. Федорова Н.Г.
Тухолка 208
Тынянов Ю.Н. 27, 34

Тырин А.П. 401
Тюрин М.А. 403
Тюрина Е.А. 403
Тютчев Ф.И. 199, 202

У

Уайльд, Оскар 358, 362, 377
Угриновичі 183
Ужвій Н.М.433
Українка Леся 316, 324, 339, 429
Унгерн-Штернберг К.К., барон 127, 128
Унгерн-Штернберг М.Ф., баронеса 160
Уральцев 400
Устименко П.В. 356
Устименко С.П. 336, 344, 349, 356
Утесов (собств. Вайсбейн) Л.О. 254
Уточкин С.И. 286
Ушаков А. 23, 33, 75, 80-83, 85, 92, 94, 121,122

Ф

Фазини – см. Файнзильберг А.А.
Файнгольд И.Э. 401
Файнзильберг А.А.250
Файнзильберг М.А. 408-410
Фарер Клод 319, 326
Фатуровский А.Н. 145
Федоров А.Ф. 189
Федоров А.М. 4, 9, 204-218, 221, 222, 230, 231-238, 278, 284-285, 404, 405
Федоров В.А. 209, 212, 214, 215, 231, 235, 237, 238-241, 393, 404-408, 413
Федоров В.В. 4, 9, 231, 232, 407
Федоров В.В. 241
Федоров Л.В. (Лека)235, 239, 242, 243
Федоров П.И., Бессарабский губернатор 127
Федорова А. 243
Федорова Л.К. 209, 214, 232, 235, 236, 405
Федорова-Ковалевская Н.Л. 231, 241-243, 407
Федорова Н.Л. 243
Федорова (урожд. Чирикова) Н.Г. 231, 235, 236, 243
Фельдман Д.М.411
Федько К. 309
Фидий 271
Фидлер Ф.Ф.217
Фиолетов Анатолий (собств. Шор Н.В.) 251, 253
Філарета, черниця 183, 184

Филипп, царь Македонский 107
 Филипп Швабский, король Германии 53
 Фишман Л.133,163
 Флейшман Л.С.284
 Флобер (Фльобер) Гюстав 319, 325, 362
 Фойницкий И.Я. 175, 181
 Фомська С.323, 334
 Франклин, Бенджамин (Вениамин)110-111, 124
 Франко І.Я.185, 187, 316, 319, 324, 329, 334, 339, 341, 362
 Франс, Анаголь 319, 326, 339, 358
 Фрасер-Тайтлер (Фрейзер Тайтлер), Александр 22, 43, 61, 121
 Френкель М.Д. 200, 201
 Фридрих II, император Священной Римской империи 51, 58, 61, 62
 Фридрих I Барбаруса (Барбаросса), император Священной Римской империи 52, 62
 Фукс А.А.202, 203
 Фурман-Стырская Е.Я.285
 Фурманов Э.А. 420, 425, 427

Х

Хазан В. 283
 Халфина С.Я. 455
 Ханджери Г.Д. 128, 162
 Хафіз (Гафіз) Ширазький 338, 355
 Хвильовий М. (Фітілов М.Г.) 365
 Хвостов О.О., губернатор 330, 335
 Хинрик, Ян Паул 264
 Хлебников В.В. 268, 286
 Хмарський В.М.
 Хмілько 373
 Хоменко Е.С. 124
 Хоржевский 164
 Христов, Косто Христов 212
 Хрусталеv С.Л. 407

Ц

Цагарели Г.К.253
 Цакни А.Н.206
 Цакни Н.П.206
 Цветков 351
 Церетрий, полководец галлов 106, 123
 Цигановский 262
 Цыпензон С.Ю. 401

Ч

Чемена М.Ф. 150
 Черанівська Н. 434-438, 449
 Черейский Л.А. 34
 Черепнин Н.П. 169
 Черепенников И.И. 146
 Чернявський М.Ф. 325
 Черубина де Габриак – см. Дмитриева Е.И.
 Чехов А.П. 199, 202, 204, 205, 206, 210, 235, 339, 344, 356
 Чижов Н.Е. 189
 Чикаленко Е.Х. 324, 336, 354, 357, 361, 362
 Чилингиров, Стилиан 210, 212, 215
 Чиприани Г.К. 141
 Чириков Г.Е. 236
 Чириков Е.Н. 210, 231, 235, 236
 Чуковский К.И. 4,8,9, 171-173, 179-182, 191, 196, 205, 216, 235
 Чуковская Л.Ц. 179

Ш

Шайкевич Б.А. 182
 Шалль, владелец магазина 120
 Шаргородский С.М. 4, 10, 244, 466
 Шаргунов С.А. 392, 411, 412
 Шах М.О. 140
 Швыданенко В.Н. 160
 Шебуев Н.Г. (Шебуев М.Г.) 287, 330, 334-335
 Шевченко К.Г. 408
 Шевченко Р. 186
 Шевченко Т.Г. 13, 138, 356, 429
 Шекспир, Уильям 208
 Шенгели Г.А. 253, 263, 274
 Шенье, де Андре Мари 208
 Шервинский С.В. 263, 264
 Шершеневич В.Г. 250
 Шиллер, Фридрих 28, 37
 Шишков А.А. 25,34
 Шишова З.К. 453, 457
 Шкловский (Дионео) И. 172
 Шкруф, дер Ван А.А. 205
 Шкуркіна-Левицька Т.(Ф.)С. 309, 322, 323, 330, 335, 344-346, 348, 349
 Шмидт П.П. (Шмідт П.П.) 350, 357, 450
 Шипович І. 325
 Шпаков А.Я. 189

Шпенцер М.Л. (М.Ф.) 451, 452, 454, 455
Шпенцер Ф.С. 454
Шорштейн Л.М. 165
Шоу, Джордж Бернард 358, 362
Шраг Г.Л. 322, 323, 328, 330, 332, 333, 344-349
Шувалов, граф 287
Шувалов Р.А. 168
Шугаевский, адвокат 351
Шульман Я. 401
Шульц, Лиляна 209, 216, 221, 237
Шуманский Е.А. 166

Щ

Щепкин М. 13
Щербань А. 144

Э

Эверс, Ганц Гейнс (Ханс Хейнц) 245, 246, 253
Эдя – см. Багрицкий Э.Г.
Эйзенштейн С.М. 462
Эйхен, фон, вдова 142-143, 163, 165
Эмар 251, 253
Эрманс А.С. 173
Эфрос А.М. 283

Ю

Юрко 385
Юрьев 397, 400
Юсуф, паша Серезский 31, 32, 118, 124
Юшкевич В.И. 401
Юшкевич С.С. 205

Я

Яворов, Пейо (Крачолов, Пейо Тотев) 212
Яворская А.Л. (Яворська О.Л.) 2, 4, 10, 11, 12, 253,
378, 427, 301, 310, 384, 385, 413, 466
Яновский К.П. 152

Яновский Ю.И. 402
Янченко 129
Яранцев В.Н. 283
Ярмерштедт В.А., фон 454, 457
Ярмолинец, Вадим 4,9, 212, 216, 217, 231, 243, 466
Яхневич П. 34
Яхненко С.С. 134

* * *

Agadźanowa N. 464
Aleksandrow G. 464
Antonow A. 464
Aronov I. 283
Barski W. 464
Başota 126
Bauman Z. 464
Bobrow I. 464
Belin de Ballu, Jacques Niicolas 123
Colebrooke Henry Thomas 61
Dante Alighieri 464
Eisenstein S. 464
Fedorov 238
Feodorov V. 238
Franklin Benjamin 124
Fraser Tytler Alexander 61
Freycinet, de Louis 60
Gibbon 61
Glareanus 62
Murray 110
Nemo – см. Компан П.И.
Homer 464
Wees, William Charles 284
Péron 60
Podavini Davide 283
Reinhard H. 283
Rozanova Olga 283
Samuel Johnson 61
Skrijka P. 464
Turnbull, John 60

Список сокращений

- ГАОО – Государственный архив Одесской области
- ГДА СБУ – Галузевий державний архів служби безпеки України
- ИРЛИ – Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской Академии Наук
- ЛММК П.Г. Тичини – Літературно-меморіальний музей-квартира
П.Г. Тичини в м. Києві
- НАРМ – Национальный архив Республики Молдова
- ОИКМ – Одесский историко-краеведческий музей
- ОЛМ – Одеський літературний музей /
Одесский литературный музей
- ОННБ – Одеська національна наукова бібліотека
- РГАЛИ – Российский государственный архив литературы
и искусства
- РГБ, ОР – Российская государственная библиотека,
отдел рукописей
- РГИА – Российский государственный исторический архив
- ХОЛМ – Хмельницький обласний літературний музей
- ЧЛММЗК – Чернігівський літературно-меморіальний
музей-заповідник М.Коцюбинського
- ЦГИА СПб. – Центральный государственный исторический архив
Санкт-Петербурга
- ЦДАМЛМ – Центральный державний архів-музей літератури
та мистецтва України

Документально-наукове видання

ДІМ КНЯЗЯ ГАГАРИНА

Збірник наукових статей і публікацій

Випуск 9

Українською, російською мовами

Відповідальний редактор

Т. І. Ліптуга

Упорядники

Г. Г. Семикіна, О. Л. Яворська

Підписано до друку 05.08.2020
Формат 60×84/16. Папір офсетний.
Друк офсетний. Ум. др. арк. 28,36. Наклад 300 прим.
Зам № 0508/2

Надруковано з готового оригінал-макету у друкарні «Апрель»
ФОП Бондаренко М.О.
65045, м. Одеса, вул. В.Арнаутська, 60
тел.: +38 048 700 11 55
www.aprel.od.ua

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи
до державного реєстру видавців ДК № 4684 від 13.02.2014 р.